Федеральное агентство научных организаций
Российская академия наук
Южный научный центр
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований

ЮГ РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ В ВОЙНАХ И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием

Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2016

УДК 94(470.6)(063)
Ю15

Сборник подготовлен в рамках реализации Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья» (государственное задание на 2016 г. № 007-01114-16 ПР)

Редакционная коллегия:
академик ***Г.Г. Матишов*** (отв. редактор)
д.и.н. ***Е.Ф. Кринко*** (зам. отв. редактора)
к.филол.н. ***Н.А. Власкина*** (зам. отв. редактора)
О.А. Гром, к.г.н. ***Е.Э. Кириллова***

Ю15 **Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах:** материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. – 624 с. – ISBN 978-5-4358-0134-7.

В материалах сборника представлены новые подходы в изучении войн и вооруженных конфликтов на Юге России и в сопредельных странах. Значительное место отведено особенностям и последствиям важнейших сражений на Юге России в XVII–XXI вв., участию в них жителей Дона и Северного Кавказа, проблемам военной повседневности, роли религии и церкви в условиях военных конфликтов, а также отражению военных событий в историографии, искусстве, фольклоре и исторической памяти.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(470.6)(063)

ISBN 978-5-4358-0134-7

© ЮНЦ РАН, 2016
© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2016

Federal Agency for Scientific Organizations
Russian Academy of Science
Southern Scientific Center
Institute for Social and Economic Research and Humanities

THE SOUTH OF RUSSIA AND NEIGHBORING COUNTRIES IN WARS AND ARMED CONFLICTS

Proceedings of All-Russian Scientific Conference
with International Participation

Rostov-on-Don, 22–25 June 2016

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2016

UDC 94(470.6)(063)
M39

The study was carried withthe financial support from the RAS Presidium (The Fundamental Research Program of the RAS Presidium "The Problems of Development of the Poly-ethnic Macro-region under the Destabilization Conditions in the countries of the Caspian-Black Sea region" (state assignment for 2016 Nr 007-01114-16 PR))

Editorial Board:
Academician ***G.G. Matishov*** (Managing Editor)
Dr (History) ***E.F. Krinko*** (Deputy Managing Editor)
PhD ***N.A. Vlaskina*** (Deputy Managing Editor)
O.A. Grom, PhD ***E.E. Kirillova***

M39 **Matishov, G.G. (ed.) (2016) The South of Russia and Neighboring Countries in Wars and Armed Conflicts.** Proceedings of All-Russian Scientific Conference with International Participation (Rostov-on-Don, 22–25 June 2016). – Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. – 624 p. (in Russian) – ISBN 978-5-4358-0134-7.

The proceedings consider the new approaches to the study of wars and armed conflicts in the South of Russia and neighboring countries. Significant attention is paid to the peculiarities and consequences of the most important battles in the South of Russia in the 17–21st centuries, the participation of the Don and North Caucasus population in these events, the problems of wartime everyday life, the role of religion and church in the military conflicts, as well as to the reflection of wartime events in historiography, art, folklore and historical memory.

The publication is intended for both researchers, university teachers, postgraduate and undergraduate students, and readers interested in the subject.

UDC 94(470.6)(063)

ISBN 978-5-4358-0134-7

© SSC RAS (2016)
© ISERH SSC RAS (2016)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (*академик Г.Г. Матишов*) 15

Раздел 1. Новации и традиции в изучении войн и вооруженных конфликтов на Юге России

Кринко Е.Ф. Юг России в войнах и вооруженных конфликтах: опыт статистического обобщения 17

Авраменко А.М. К вопросу об участии иностранных военных контингентов в битве при Берестечко в 1651 г. (донские казаки, московские стрельцы, турки) 25

Великанов В.С. Детали похода армии В.В. Голицына в 1687 г. 32

Венков А.В. Казаки и Прутский поход 40

Муртазаев А.О., Абдусаламов М.-П.Б., Аллаев Н.М. Из истории противостояния дагестанских владетелей Каспийскому походу Петра I: причины и последствия 47

Аваков П.А. Донское казачество в Крымском походе П.П. Ласси 1737 г. 55

Чуцков В.И. Противостояние России и Турции – Тахтамышское сражение 1790 г. 62

Гапуров Ш.А., Акаев В.Х., Магомаев В.Х. 1806 год – важная веха в российско-дагестанских отношениях 66

Воскобойников С.Г. Донские казаки в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. 74

Захаревич А.В. Подполковник Акиндин Иванович Аханов – герой третьего плана боев с горцами на Северном Кавказе в 1804–1810 гг. ... 80

Клычников Ю.Ю. «Из военных дворян Ставропольской губернии…»: начало военной карьеры генерал-адъютанта генерала от инфантерии графа Н.И. Евдокимова 87

Емельянов О.Б., Емельянов Н.О. Свидетельства современников об участии казачьих сотен терского левобережья в боевых действиях при осаде турецкой крепости Карс в 1855 г. 94

Тикиджьян Р.Г. Военная организация и военная служба донских казаков в контексте российской модернизации второй половины XIX – начала XX вв.: актуальные проблемы изучения 101

Перетятько А.Ю. Военное обучение донских казаков перед Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.: создание школы урядников-артиллеристов и преобразование класса донских урядников 109

Скорик А.П. Проведение мобилизации казачьих полков накануне и в начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (на примере 36-го Донского казачьего полка) 116

Трут В.П. Начальный этап Гражданской войны на Дону: специфика вооруженных формирований противоборствующих сторон и особенности хода боевых действий 123

Сивков С.М. Первое вооруженное столкновение Гражданской войны на Кубани: январь 1918 г. 130

Безугольный А.Ю. Мартовские события 1918 г. и становление советской власти в Баку 134

Шахалиева Ф.Б. Ход военных действий в Кабарде и Балкарии в период Гражданской войны (1918–1920 гг.) 141
Баранов А.В. Повстанческое движение казаков и крестьян на Кубани и Черноморье (1920 г.) как проявление Гражданской войны..... 147
Очиров У.Б. Асы советских ВВС 1941 г. 154
Заблотский А.Н., Ларинцев Р.И. «По данным опроса пленных…» Советская разведка о группировке люфтваффе на южном фланге советско-германского фронта 163
Волошин В.А., Ракочий С.В. Таганрогский боевой участок и его значение в обороне Ростова-на-Дону в октябре 1941 г. 169
Ушаков В.Б. Rýchla divízia: формирование и участие в боевых действиях на территории Ростовской области в 1941–1942 гг. 176
Киселёв И.В. Основные проблемы истории обороны Севастополя в 1941–1942 гг. 183
Татаринов И.Е. «За мной! За Родину! Вперед!» Малоизвестные страницы обороны Ворошиловграда в июле 1942 г. 191
Афанасенко В.И. К вопросу о состоянии Ростовского оборонительного района и обстоятельствах его прорыва 22–23 июля 1942 г. 198
Оленский Б.И. Первый этап оборонительных боев на Северном Кавказе 205
Апанасенко Н.Н. Боевые действия на территории Аксайского района как составная часть Ростовской наступательной операции 1943 г. 210
Санин Д.Н. Егорлыкские жители в войнах XIX – начала XXI вв. 214
Степаньян О.В. Арутюн Асватурян – неизвестный защитник Брестской крепости..... 219

Раздел 2. Геополитический, идеологический, экономический и административный факторы в вооруженных конфликтах

Гапуров Ш.А., Гациева Т.И. Кавказская политика России в начале XIX в. .. 224
Кузьминов П.А. Адыги в противостоянии России и Турции во второй половине XIX в.: динамика изменений 232
Гармышев Д.А. Геополитический фактор в Кавказской войне и роль горцев в противостоянии империй..... 239
Платицына Т.В. Исторический опыт военно-политического противостояния Российской империи с европейскими государствами и Турцией в решении восточного вопроса в XIX в. 244
Ачугба Т.А. Трагедия адыго-абхазских махаджиров 248
Деордиева А.Н. Эволюция организационной структуры и тактики региональных отделений партии народной свободы на Дону в годы Первой мировой войны 255
Белоусов С.С. Деятельность органов государственной власти Калмыкии по организации населения на строительство объектов оборонного назначения в период Первой и Второй мировых войн..... 261
Иванова С.Ю. Патриотическая идеология военных лет: проблема преемственности и сохранения 269
Лепкова Е.А. Анализ особенностей организации системы здравоохранения в провинциальных городах Нижнего Поволжья в период Первой мировой и Гражданской войн (по материалам города Царицына)..... 275

Судавцов Н.Д. Содружество народов Северного Кавказа в период битвы за Сталинград и Кавказ 282
Медведев М.В. О роли персидского коридора ленд-лиза в операциях на юге СССР в 1942–1944 гг. 288
Максимов К.Н. Фашистская пропаганда на временно оккупированной территории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны 293
Бубличенко В.Н. Деятельность Калачеевского райисполкома Воронежской области в годы Великой Отечественной войны 301
Кошман Ю.А. Роль местных советов Ставрополья в организации работы органов здравоохранения в условиях войны 305
Новожилова И.О. Медицина в городе Таганроге в период оккупации (17 октября 1941 г. – 30 августа 1943 г.) 310
Никулина Е.Л. Участие Кубанского медицинского института, его сотрудников и выпускников в Великой Отечественной войне (по материалам Музея истории ГБОУ ВПО КубГМУ) 314
Гаража Н.А. «Русский рабочий» в Третьем рейхе: об этническом измерении трудоиспользования советских граждан 319
Панарина Е.В. Деятельность культурно-просветительных учреждений Дона и Северного Кавказа в 1943–1945 гг. 324
Гуров М.И. Оборонно-финансовые программы помощи фронту и их место в повседневной жизни гражданского населения Дона и Кубани на завершающем этапе Великой Отечественной войны 330
Лохова Т.В. История организации Сельхозбанком СССР целевых кредитных программ восстановления разрушенного хозяйства Краснодарского края в 1943–1945 гг. 337
Мерзляков М.П. Ростовская областная контора «Заготживсырье: опыт восстановления заготовительной отрасли после немецко-фашистской оккупации 344
Сидоров С.Г. Жилищно-бытовые условия военнопленных в лагерях НКВД СССР в 1941–1956 гг. 348
Владимирова Е.Д., Головина Е.Л. Захоронение вражеских солдат и офицеров после окончания Сталинградской битвы частями и соединениями Сталинградской группы войск 354
Гаевская Ж.Ю. Спецконтингент в г. Сталинграде в 1943–1945 гг.: военная реальность 358
Шпагин С.А. Холокост в контексте событий, трагедий, символов и мифов Второй мировой войны 363
Мухаметшина К.Р., Трапш Н.А. Добровольческие формирования Западного Кавказа в грузино-абхазском конфликте 1992–1993 гг. 371
Горюшина Е.М. Кооперация России и Турции в условиях геополитической нестабильности 375
Седых Н.С. Терроризм как психологическая война: теоретико-эмпирический анализ 382
Моисеев А.М., Жигулин А.М. Донбасс: международный характер конфликта и технология его документирования 389
Федоровский Ю.Р. Современное казачество и его участие в войне в Новороссии 396

Раздел 3. Повседневная жизнь на фронте, в тылу и оккупации. Религия и церковь в условиях военных конфликтов

Урушадзе А.Т. «Покорение неприязненного края»: Кавказская война как война с Кавказом 404
Шадрина А.В. Становление церковной жизни в Северо-Восточном Приазовье в период русско-турецких войн XVIII в. 410
Корниенко Т.А. Слухи как форма неформальной политической коммуникации (на материалах Юга России периода Первой мировой войны) 416
Култышев П.Г. Мобилизация и массовые беспорядки в России в 1914 г. 423
Тигиев Ч.В. Женский взгляд на военную повседневность: Первая мировая война в письмах жительницы города Владикавказа 428
Хубулова Д.В. Социальная помощь священства Владикавказской епархии в годы Первой мировой войны 432
Бирюкова Ю.А. Русская православная церковь на Юге России в условиях Гражданской войны: проблемы адаптации к новым политическим условиям 434
Чигиринская К.Б. Священнослужители Русской православной церкви – свидетели и участники Гражданской войны на Юге России 441
Кияшко Н.В. Епархиальная власть на Кубани и Черноморье в условиях Гражданской войны (1918–1920 гг.) 448
Багдасарян С.Д. Продовольственный вопрос в повседневности аграриев Юга России в начале 1920-х гг. 455
Кратова Н.В. Православная жизнь Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 461
Такова А.Н. Трансформация государственной религиозной политики в Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны 468
Агеева В.А. Формы и содержание социального маневрирования немецко-фашистских оккупационных властей на примере борьбы с детской безнадзорностью в городе Таганроге в 1941–1943 гг. 472
Титаренко Д.Н. «Театр для вермахта»: деятельность театральных коллективов Восточной Украины в условиях нацистской оккупации 477
Табунщикова Л.В. Епископ Иосиф (Чернов): Служение в оккупированном Таганроге в годы Великой Отечественной войны 485
Броварь А.В., Ревизская Ю.А. Продовольственное обеспечение горняков Донбасса в годы Великой Отечественной войны в период восстановления отрасли (1943–1945 гг.) 492
Хубулова С.А. Победители: послевоенная жизнь фронтовиков Северной Осетии в условиях «позднего сталинизма» 497

Раздел 4. Отражение военных событий в историографии, искусстве, фольклоре и исторической памяти

Матвеев О.В. Кавказский театр Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в исторической памяти кубанского казачества 505
Белецкая Е.М. Особенности восприятия военного быта в песенном фольклоре терских казаков 512

Журтова А.А. Основные подходы к изучению Кавказской войны в современной отечественной историографии 519
Жилина А.И. Отечественная историография Кавказской войны: этапы развития..... 525
Трапш Н.А., Шафранова О.И. Абхазия в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: «виновное население» и массовое махаджирство в историографической традиции XX столетия 531
Малышева Г.Е. Изучение и научно-техническое восстановление киносъемок операторов Скобелевского комитета, снятых во время Первой мировой войны 537
Шендрикова С.П. Гражданская война в воспоминаниях Фаины Раневской 544
Петрова Н.К. Великая Отечественная война: мифы и реальность 550
Левендорская Л.В. Отражение событий Великой Отечественной войны в документах фондов личного происхождения Центра документации новейшей истории Ростовской области 558
Кудряков А.Ю. Новые источники о битве за Ростов: воспоминания командира курсантской роты Ростовского военно-политического училища В.А. Завезенова 562
Никадимов Д.А. Отражение немецкой оккупации в сочинениях учащихся и учителей города Таганрога 565
Васильев И.Ю. Гитлеровская оккупация кубанских станиц: основные моменты исторической памяти..... 572
Есип И.М. Женские образы-судьбы в советском кинематографе периода Великой Отечественной войны..... 578
Якунин В.Н. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в диссертационных исследованиях 585
Кирповская Н.С. Досуг мирного населения во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): историографический обзор 591
Судоргин Н.Г. Памятники оборонительного зодчества Нижнего Дона и Приазовья – свидетели военно-политических событий XVII–XXI вв. 598
Кедрова И.В. К вопросу об использовании братских захоронений Ростова-на-Дону периода Великой Отечественной войны в экскурсионной работе..... 605
Полякова Е.А. Использование документов о деятельности городского подполья в процессе воспитательной работы среди детей и подростков в социальных учреждениях..... 612

Сведения об авторах..... 617

TABLE OF CONTENTS

Preface *(Academician G.G. Matishov)* 15

Section 1. Novelties and Traditions in the Study of Wars and Armed Conflicts in the South of Russia

Krinko E.F. The South of Russia in the Wars and Armed Conflicts: The Trial of the Statistical Generalization 17

Avramenko A.M. On the Issue of the Foreign Military Contingents' Participation in the Battle of Berestechko in 1651 (the Don Cossacks, Moscow Streltsy, Turks) 25

Velikanov V.S. The Details of V.V. Golitsyn's Army Campaign of 1687 32

Venkov A.V. The Cossacks and the Pruth River Campaign 40

Murtazayev A.O., Abdulsalamov M-P.B, Allayev N.M. From the History of the Dagestan Rulers' Resistance to the Persian Campaign of Peter I: Causes and Effects 47

Avakov P.A. The Don Cossacks in the Crimean Campaign of P.P. Lacy of 1737 ... 55

Chutskov V.I. The Confrontation Between Russia and Turkey – the Battle of Takhtamysh of 1790 62

Gapurov Sh.A., Akayev V.Kh., Magomaev V.Kh. 1806 as an Important Landmark in the Russian-Dagestan Relationship 66

Voskoboynikov S.G. The Don Cossacks in the Russo-Turkish War of 1806–1812 74

Zakharevich A.V. Colonel Akindin Ivanovich Akhanov as a Third Shot Hero of the Battles with Highlanders in the Northern Caucasus in 1804–1810 80

Klychnikov Yu.Yu. "From the Military Nobility of Stavropol Gubernia…": the Beginning of the Military Career of General-Adjutant, Infantry General, Count N.I. Evdokimov 87

Yemelyanov O.B., Yemelyanov N.O. The Contemporary Evidence about the Participation of the Cossacks Squadrons from the Left Bank of the Terek in the Military Operations During the Siege of the Turkish Fortress Kars in 1855 94

Tikidjan R.G. Military Organization and Military Service of the Don Cossacks in the Context of Russian Modernization in the Late 19th – the Early 20th Centuries: The Topical Problems 101

Peretyatko A.Yu. The Military Education of the Don Cossacks Before the Russo-Turkish War of 1877–1878: the Foundation of the Sergeants-Artillerymen and the Reorganization of the Don Sergeants Class 109

Skorik A.P. The Carrying out of the Mobilization of the Cossacks Regiments Before and at the Beginning of the Russian-Turkish War of 1877–1878 (On the way of Example of the 36th Don Cossacks Regiment) 116

Trut V.P. The Initial Stage of the Civil War in Don: The Specificity of the Armed Units of Fighting Parts and the Peculiarities of Battles Course 123

Sivkov S.M. The First Armed Conflict of the Civil War in Kuban: January 1918 130

Bezugolny A.Yu. The March Events of 1918 and the Establishment of the Soviet Power in Baku 134
Shakhaliyeva F.B. The Course of the Military Operations in Kabarda and Balkaria During the Civil War (1918–1920) 141
Baranov A.V. The Insurgent Movement of the Cossacks and Peasants in Kuban and Chernomorie in 1920 as a Manifestation of the Civil War 147
Ochirov U.B. The Aces of the Soviet Air Force in 1941 154
Zablotskiy A.N., Larintsev R.I. "According to the Captives Questioning...": The Soviet Reconnaissance Party about the Luftwaffe Group in the Southern Flank of the Soviet-German Front 163
Voloshin V.A., Rakochiy S.V. The Taganrog Fighting Sector and Its Significance for the Defense of Rostov-on-Don in October 1941 169
Ushakov V.B. Rýchla divízia: The Formation and Participation in the Military Operations in the Southern Flank of the Soviet-German Front in 1941–1942 176
Kiselev I.V. The Main Issues of the History of Sevastopol Defense in 1941–1942 183
Tatarinov I.E. "Follow me! For Homeland! Forward!" The Little Known Pages of the Defense of Voroshilovgrad in July 1942 191
Afanasenko V.I. On the Issue of the Rostov Defensive Area Situation and Conditions of Its Breakthrough on 22–23 July 1942 198
Olenski B.I. The First Stage of Defensive Battles in the Northern Caucasus 205
Apanasenko N.N. Combat Operations on the Territory of Aksay District as a Part of Rostov Offensive Operation of 1943 210
Sanin D.N. Yegorlykskaya's Inhabitants in the Wars of the 19th and the Early 20th Centuries 214
Stepanyan O.V. Arutyun Asvaturyan – Unknown Defender of the Brest Fortress 219

Section 2. Geopolitical, Ideological, Economic, and Administrative Factors in the Armed Conflicts

Gapurov Sh.A., Gatsieva T.I. The Caucasian Policy of Russia in the Early 19th Century 224
Kuzminov P.A. The Adyghe in the Confrontation of Russia and Turkey in the Second Half of the 19th Century: the Dynamics of Changes 232
Garmyshev D.A. Geopolitical Factor in the Caucasian War and the Highlanders' Role in the Confrontation of the Empires 239
Platitsyna T.V. The Historical Experience of the Military and Political Confrontation of the Russian Empire with European Countries and Turkey in the Solution of the Eastern Question in the 19th Century 244
Achugba T.A. The Tragedy of the Adughe-Abkhazian Muhajirs 248
Deordieva A.N. The Evolution of Organization and Tactics of the Don Regional Branches of the Party of Popular Freedom During the World War I 255
Belousov S.S. The Activities of Kalmyk State Authorities in the Sphere of the Mobilization of the Population for the Building of the Objects of Defense Value During the First and the Second World Wars 261

Ivanova S.Yu. The Wartime Patriotic Ideology: The Problem of Continuity and Preserving 269
Lepkova E.A. The Analysis of the Specificity of the Health Service Organization in the Lower Volga Provincial Towns During the World War I and the Civil War (Based on the Materials of Tsaritsyn) 275
Sudavtsov N.D. The Companionship-in-arms of Northern Caucasian People during the Battle of Stalingrad and Caucasus 282
Medvedev M.V. On the Role of the Lend-lease Persian Corridor in the Operations in the South of the USSR in 1942–1944 288
Maksimov K.N. The Fascist Propaganda on the Temporarily Occupied Territory of Kalmykia During the Great Patriotic War 293
Bublichenko V.N. The Activities of the Kalacheevsk District Executive Committee of Voronezh Region During the Great Patriotic War 301
Koshman Yu.A. The Role of the Stavropol Krai's Local Soviets in the Organization of the Health Services' Work in Wartime Conditions 305
Novozhilova I.O. The Medicine in Taganrog During the Occupation (17 October 1941 – 30 August 1943) 310
Nikulina E.L. The Medical Institute of Kuban and its Employee Participation in the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Institute Museum) ... 314
Garaja N.A. "The Russian Worker" in the Third Reich: An Ethnic Dimension of the Soviet Citizens' Labor Use 319
Panarina E.V. The Activity of the Cultural-Enlightening Institutions of the Don and Northern Caucasus in 1943–1945 324
Gurov M.I. Defense-Financial Programs of Front Assistance and Their Place in the Everyday Life of Don and Kuban Civil Population at the Final Stage of the Great Patriotic War 330
Lokhova T.V. The Purpose Loan Programs for the Reconstruction of Krasnodar Krai Destroyed Economy in 1943–1945 337
Merzlyakov M.P. Rostov District Bureau "Zagotzhivsyrye": An Experience of the Reconstruction of the Purveying Sector after the German-Fascist Occupation 344
Sidorov S.G. The Living Conditions of the Prisoners of War in NKVD Camps in 1941–1956 348
Vladimirova E.D., Golovina E.L. The Burial of Enemy Soldiers and Officers Corps after the Battle of Stalingrad by the Units and Formations of the Stalingrad Battle Group 354
Gayevskaya Zh.Yu. Special Contingent in Stalingrad in 1943–1945: Wartime Reality 358
Shpagin S.A. The Holocaust in the Context of the Events, Tragedies, Symbols and Myths of the World War II 363
Mukhametshina K.R., Trapsh N.A. Western Caucasus Voluntary Units in the Abkhaz-Georgian conflict of 1992–1993 371
Goryushina E.M. The Cooperation of Russia and Turkey under the Conditions of Geopolitical Instability 375
Sedykh N.S. Terrorism as a Psychological War: Theoretic and Empirical Analysis 382
Moiseev A.M., Zhigulin A.M. The Donbas: International Character of the Conflict and the Technology of its Documentation 389

Fedorovski Yu.R. The Modern Cossacks and their Participation in the War in Novorossia 396

Section 3. Everyday Life at the Front, Home Front, and under the Occupation. Religion and Church under the Military Conflicts

Urushadze A.T. "Taming the Hostile Land": The Caucasian War as a War with the Caucasus 404
Shadrina A.V. The Establishment of the Church Life in Azov Sea Region in the Age of Russo-Turkish Wars of the 17th Century 410
Kornienko T.A. Rumors as a Form of Informal Political Communication (By the Materials of the South of Russia during the World War I) 416
Kultyshev P.G. Mobilization and Disturbances in Russia in 1914 423
Tigiev Ch.V. Woman's Views on the Wartime Everyday Life: The World War I in the Letters of Vladikavkaz Dweller 428
Khubulova D.V. The Social Assistance by the Vladikavkaz Eparchy Clergy During the World War I 432
Biryukova Yu.A. Russian Orthodox Church in the South of Russia During the First World and Civil Wars: The Problems of Adaptation to the New Political Conditions 434
Chigirinskaya K.B. Russian Orthodox Clergy as Witnesses and Participants of the Civil War in the South of Russia 441
Kiyashko N.V. The Eparchial Authorities in the Kuban and Chernomorie During the Civil War (1918–1920) 448
Bagdasaryan S.D. The Food Issue in the Everyday Life of the Agrarians in the South of Russia in Early 1920s 455
Kratova N.V. The Orthodox Life of Karachaevo-Cherkessia During the Great Patriotic War 461
Takova A.N. The Transformation of the State Religious Policy in Kabardino-Balkaria During the Great Patriotic War 468
Ageeva V.A. The Forms and Contents of German-Fascist Occupation Authorities' Social Maneuvering by the Way of Example of the Struggle with the Child Homelessness in Taganrog in 1941–1943 472
Titarenko D.N. "The Theater for the Wehrmacht": the Functioning of the Theater Collectives in Eastern Ukraine During the Nazi Occupation 477
Tabunschikova L.V. Bishop Iosif (Chernov): The Service in Occupied Taganrog During the Great Patriotic War 485
Brovar A.V., Revizskaya Yu.A. The Food Supply for the Donbass Miners During the Great Patriotic War (1943–1945) 492
Khubulova S.A. The Victors: Everyday Life of the Veterans of War in North Ossetia in the Conditions of "Late Stalinism" 497

Section 4. The Echoes of the Wartime Events in the Historiography, Art, Folklore, and Historical Memory

Matveev O.V. The Caucasian Theater of the Russo-Turkish War of 1877–1878 in the Historical Memory of the Kuban Cossacks 505
Beletskaya E.M. The Peculiarity of Wartime Everyday Life Perception in the Song Folklore of the Terek Cossacks 512

Zhurtova A.A. The Main Approaches to the Caucasian War Studies in the Modern Russian Historiography 519
Zhilina A.I. Russian Historiography of the Caucasian War: The Stages of Elaboration 525
Trapsh N.A., Shafranova O.I. Abkhazia in the Russ-Turkish War of 1877–1878: "Guilty Population" and Mass Muhajirism in the Historiographical Tradition of the 20th Century 531
Malysheva G.E. The Study and Scientific-Technical Restoration of the Films, Shot by the Skobelev Committee Operators During the World War I 537
Shendrikova S.P. The Civil War in the Memoirs of Faina Ranevskaya 544
Petrova N.K. The Great Patriotic War: Myths and Reality 550
Levendorskaya L.V. The Reflection of the Great Patriotic War Events in the Personal Origin Funds of the Rostov District Center of Contemporary History Documentation 558
Kudryakov A.Yu. The New Sources on the Battle of Rostov: The Memoirs of the Student Company Commander of Rostov Military Party School V.A. Zavezenov 562
Nikadimov D.A. The Reflection of German Occupation in the Essays of Taganrog Schools Students and Teachers 565
Vasilyev I.Yu. Hitlerite Occupation of Kuban Stanitsas: The Main Moments of the Historical Memory 572
Yesip I.M. Women's Images and Destinies in the Soviet Cinematography During the Great Patriotic War 578
Yakunin V.N. Russian Orthodox Church During the Great Patriotic War of 1941–1945 in the Dissertation Studies 585
Kirpovskaya N.S. Civil Population Spare Time During the Great Patriotic War (1941–1945): Historiographic Overview 591
Sudorgin N.G. The Monuments of Fortification Architecture in the Southern Don and Azov Sea Region as Witnesses of Geopolitical and Military Events of the 17th–21st Centuries in the South of Russia 598
Kedrova I.V. On the Issue of the Use of Rostov-on-Don Common Graves from the Great Patriotic War Period in the Excursion Work 605
Polyakova E.A. The Usage of the Documents about the City Underground Activity for Educational Work among Children and Teenagers in the Social Institutions 612

Information about the Authors 617

ПРЕДИСЛОВИЕ

Южные рубежи России – Азово-Черноморье и Прикаспий – традиционно находятся в центре геополитических противоречий ведущих мировых держав. Борьба за обладание этими территориями не раз принимала характер жесткого противостояния, приводила к кровопролитным войнам и вооруженным конфликтам. Первоначально главными соперниками России на южном направлении выступали Османская империя и Персия. Позже регион стал привлекать повышенное внимание Великобритании, Германии и других государств. Со второй половины XVI в. и до второй половины XIX в. Россия отстаивала свои интересы в десяти русско-турецких, пяти русско-персидских, Крымской и Кавказской войнах, не считая десятков менее крупных вооруженных конфликтов.

В XX в. мир вступил в новую историческую эпоху глобальных международных конфликтов. Главными из них стали две мировые войны, сопровождавшиеся распадом прежних государств и кардинальными изменениями всего мирового порядка. Несмотря на успехи в боевых действиях на южных фронтах, Российская империя не пережила Первой мировой войны. Страна погрузилась сначала в пучину революции, а затем Гражданской войны, вызвавших хаотическую смену правительств и государственных образований в Каспийско-Причерноморском регионе.

Пришедшие к власти большевики создали сильное государство на новой идеологической основе. Начатые ими преобразования вели к решительному слому прежней политической, экономической и социокультурной системы, вызвав протестные движения в ряде южных регионов. Но самым серьезным испытанием для Советского государства стала Великая Отечественная война. При этом именно на юге страны развернулись решающие сражения, предопределившие коренной перелом в ходе боевых действий в войне в целом.

В конце XX в. с распадом СССР и появлением новых геополитических игроков противостояние на южных рубежах обострилось. В Азово-Причерноморском и Каспийском регионе вспыхнули новые и обострились прежние конфликты. В настоящее время здесь сходятся интересы России, США, Европейского союза, Китая, Турции, Ирана и других стран региона. События последних лет показывают, что Россия смогла вернуться на международную арену как государство, способное проводить самостоятельную политику и осознающее собственные интересы. И это привело к очередному напряжению вокруг наших границ. Поэтому от каждого решения теперь зависит очень многое. Сегодня, как никогда, актуальны слова академика В.В. Бартольда, сказанные им в далеком 1911 г.: «Без русской науки не может быть сильного Российского государства».

Южный научный центр РАН и входящий в него Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН давно занимаются исследованиями проблем военной истории России. Результаты

нашли свое отражение в целом ряде фундаментальных трудов. В первую очередь надо отметить шесть томов «Атласа социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России», циклы трудов, посвященных малоизвестных и неизученным вопросам боевых действий на юге страны в годы Великой Отечественной войны, донскому казачеству, украинскому кризису и другим проблемам. Многие из указанных трудов, подготовленные в рамках программ фундаментальных исследований Президиума РАН, грантов, поддержанных Российским научным фондом и Российским гуманитарным научным фондом, получили высокое научное и общественное признание.

Вопросам военной истории Юга России были посвящены шесть международных и всероссийских конференций, состоявшихся в 2010–2015 гг. Их участниками стали несколько сотен исследователей из различных научных учреждений и высших учебных заведений, располагающихся в разных регионах нашей страны, в других государствах ближнего и дальнего зарубежья. Все это свидетельствует о том, что ЮНЦ РАН является не только крупным центром военно-исторических исследований, но и ведущей на Юге России интеллектуальной площадкой для обсуждения указанных проблем.

Войнам и вооруженным конфликтам на Юге России посвящена и наша конференция. В ней принимают участие свыше 100 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Волгограда, Ставрополя, Краснодара, Грозного, Нальчика, Владикавказа, Черкесска, Элисты, Новороссийска, Ялты, а также Сухума, Кривого Рога, Донецка, Луганска и других городов. В их докладах и выступлениях обоснованы новые подходы к изучению войн и вооруженных конфликтов на Юге России, представлены новые источники по данной теме. Раскрыты особенности боевых действий и значение важнейших сражений XVII–XXI вв. Немало места уделено вопросам военной повседневности и отражению событий Великой Отечественной войны в исторической памяти населения Юга России и сопредельных стран.

Хочется надеяться, что материалы конференции станут новым важным вкладом в исследование сложных и малоизвестных вопросов военной истории Юга России.

Академик Г.Г. Матишов

РАЗДЕЛ 1. НОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ВОЙН И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ЮГЕ РОССИИ

Е.Ф. Кринко

Юг России в войнах и вооруженных конфликтах: опыт статистического обобщения[1]

Территории, в настоящее время входящие в состав трех федеральных округов Российской Федерации – Южного, Северо-Кавказского и Крымского, – неоднократно превращались в поля боевых действий. Во многом это объясняется их военно-стратегической, геополитической и экономической значимостью, вызывавшей острые противоречия между существовавшими здесь государственными образованиями, населявшими земли народами, а также стремившимися к установлению над ними контроля ведущими мировыми державами. Историография проблемы обширна, но ее составляют преимущественно конкретно-исторические труды [1], военно-статистических исследований немного, и в них, как правило, не выделяются войны на юге страны [2]. Поэтому обобщение сведений о происходивших здесь войнах и вооруженных конфликтах с участием российских вооруженных сил, начиная с превращения южных регионов в постоянную зону интересов Российского государства и вплоть до настоящего времени, со второй половины XVII и до начала XXI вв., остается актуальной проблемой. Сложность ее реализации обусловлена отсутствием верифицируемых данных по всем вооруженным конфликтам и значительными противоречиями в имеющихся описаниях.

Следует отметить, что в течение нескольких предыдущих столетий, начиная с XV в., южное направление постоянно представляло собой серьезную проблему для российских правителей. Именно с юга, через Дикое поле, крымские татары и ногайцы совершали систематические набеги на русские земли Великого княжества Литовского (с 1480 г.), позже – Речи Посполитой и Русского государства (с 1507 г.), серьезно истощавшие их людские и финансовые ресурсы. По подсчетам А. Фишера, из русских земель в XIV–XVII вв. было угнано около 3 млн человек [3]. Набеги (последний состоялся в 1769 г.) затрудняли освоение южных земель, долгое время не имевших постоянного населения. Российскому государству приходилось

[1] Работа выполнена в рамках проекта № 0256-2015-0084 «Азово-Черноморско-Каспийский регион в условиях войн и вооруженных конфликтов конца XVII – начала XXI вв.: геостратегические и историко-антропологические аспекты» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья» (реализация государственного задания на 2016 г. № 007-01114-16 ПР).

отряжать значительные силы в сторожевую службу, строить засечные черты, а также выплачивать Крымскому ханству поминки (вплоть до 1700 г.). Роль своеобразного буфера в отношениях с южными соседями играли казаки, сдерживавшие натиск кочевников, но нередко провоцировавшие новые конфликты и дестабилизировавшие ситуацию в приграничье.

Со временем российские границы постепенно продвигались на юг, а для закрепления приобретенных земель строились новые крепости. Вследствие усиления России под ее покровительство стали переходить отдельные народы и государства. Во второй половине XVII – первой трети XIX вв. основными противниками Российской империи на юге стали Османская империя и Персия. От результатов противостояния с ними зависели не только успешная защита южных рубежей, но и новые возможности развития страны в связи с выходом к южным морям. И если в войнах с Персией 1651–1653 гг. и Турцией 1672–1681 гг. Россия решала оборонительные задачи, то в войне с Турцией 1686–1700 гг. она перешла к наступательным действиям.

Сведения о военных потерях в XVII–XX вв. впервые обобщил советский демограф Б.Ц. Урланис. Приводимые им данные вызывают немало сомнений. В частности, это касается потерь в четырех русско-турецких войнах XVIII в., первой из которых рассматривается Прутский поход Петра I 1711 г. Очевидно, что приводимые цифры не полны уже потому, что боевые действия в ходе Русско-турецкой войны 1710–1713 гг. охватывали более обширную территорию, включавшую помимо Молдавии Украину, Приазовье и Прикубанье. Если по войнам 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. приведена численность убитых и раненых (соответственно 45 и 55 тыс. человек), то по войне 1735–1739 гг. такие данные отсутствуют [4]. Но несмотря на публикации, в которых приводятся новые сведения о потерях в отдельных войнах, фундаментальный труд Б.Ц. Урланиса не утратил актуальности. Так, приводимые им данные подтверждают, что значимость южного направления во внешней политике России в XVIII в. возросла, а его реализация сопровождалась крупными потерями (табл. 1).

Таблица 1

Боевые потери России в войнах XVIII в. [5]

Войны	**Убитые и раненые, тыс. человек**
Северная	120
Русско-турецкие	200
Семилетняя	60
Суворовский поход 1799 г.	14
Русско-польские	30
Русско-шведские	20
Экспедиции в Среднюю Азию и на Кавказ, русско-персидские войны	50
Крестьянская война Пугачева	40
Итого	**534**

Общие боевые потери России в войнах XVIII в. превысили 0,5 млн человек. Значительную часть этих потерь страна понесла в четырех русско-турецких и двух русско-персидских войнах – 246 тыс. человек (с вычетом потерь от выходящего за рассматриваемые географические рамки Хивинского похода 1716–1717 гг. – примерно 4 тыс. человек), что составляет почти половину общих военных потерь за столетие (46 %), особенно если не учитывать потери от крестьянской войны Пугачева (49,8 % от 494 тыс. человек). Потери в войнах на юге в XVIII в. заметно превышали потери в войнах на других направлениях. В Северной войне и других русско-шведских войнах, решавших задачи выхода к Балтийскому морю и его удержания, они составили 140 тыс. человек (26,2 %, без учета потерь от крестьянской войны – 28,3 %). В войнах на западном направлении (Семилетней, русско-польских, походе Суворова 1799 г.), способствовавших укреплению позиций России в Европе и расширению ее территории – 104 тыс. человек (19,5 % или 21 %).

Достаточно высоки были в русско-турецких войнах численность убитых и их доля в общем количестве потерь, что свидетельствует об ожесточенном характере боев. В Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. погибли 25 тыс. человек, в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. – 15 тыс. человек (треть от общего количества убитых и раненых). Между тем общее количество убитых в продолжавшейся два десятилетия Северной войне составило 30 тыс. человек (четвертую часть от общего количества убитых и раненых) [6]. Значительно меньше были боевые потери в русско-персидских войнах.

В то же время все войны на южном направлении сопровождались высоким уровнем потерь от болезней и лишений вследствие специфики непривычной местности для русских войск – преобладающего степного и полупустынного ландшафта с редкими поселениями, отсутствия необходимых источников воды, фуража и питания. Только во время походов Б.К. Миниха в 1737–1738 гг. русская армия лишилась 8 тыс. человек в боях и свыше 60 тыс. человек от болезней [7]. Общее число умерших от болезней во время русско-турецких войн в русской армии Б.Ц. Урланис определил в 150 тыс. человек [8]. Смертность от болезней в русской армии в войнах на юге была столь высока, что безвозвратные потери в них (360 тыс. человек) заметно превышали соответствующие показатели во всех других войнах (320 тыс. человек) (табл. 2).

Вхождение к концу XVIII в. Северного Причерноморья, Крыма, Кабарды и Правобережной Кубани в состав России стало возможным благодаря военному преимуществу армии и флота, на которых положительно сказались преобразования Петра I и последующие реформы. Русские войска были лучше вооружены и применяли более передовую тактику, что обусловливало меньшие потери, чем у противника. Напротив, являвшаяся в XV–XVI вв. одной из самых могущественных в мире османская армия переживала в это время глубокий кризис и несмотря на численное превосходство терпела поражения.

Таблица 2

Безвозвратные потери России в войнах XVIII в. [9]

Войны	**Убитые и умершие от ран и болезней, тыс. человек**
Русско-турецкие	215
Экспедиции на Кавказ, в Среднюю Азию	150
Семилетняя	120
Северная	100
Русско-польские	37
Русско-шведские	25
Крестьянская война Пугачева	22
Поход Суворова в 1799 г.	7
Итого	**676**

Острота противостояния на южных рубежах России нашла отражение и в войнах следующего столетия. В начале XIX в. Россия участвовала в наполеоновских войнах (кампании 1805, 1806–1807, 1812, 1813–1814 гг.), общие потери в которых составили 360 тыс. человек, в том числе 90 тыс. убитыми. В последующие десятилетия XIX в. на западном и северо-западном направлениях не велось столь кровопролитных войн. В Русско-шведской войне 1808–1809 гг. Россия потеряла 7 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Кроме того, русские войска участвовали в подавлении польских восстаний 1830–1831 гг., 1863–1864 гг. и венгерского 1848–1849 гг. Потери в них соответственно составили: 31,4 тыс. человек (включая 6 тыс. убитыми), 4,5 тыс. человек (свыше 1 тыс. убитыми) и свыше 3 тыс. человек (0,7 тыс. убитыми) [10]. Сравнительно небольшими были боевые потери русской армии в ходе завоевания Средней Азии – около 2 тыс. убитыми [11].

В XIX в. на юге произошли три русско-турецкие и две русско-персидские войны. В Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. и Русско-персидской войне 1804–1813 гг. погибли 24 тыс. человек, в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. – 10 тыс. человек, в Русско-персидской войне 1826–1828 гг. – 1,5 тыс. человек. В Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. потери составили 72,3 тыс. человек, в том числе 15,6 тыс. убитыми. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. основные боевые действия развернулись в Крыму и на Кавказе, что позволяет суммировать понесенные в них боевые потери – 105,9 тыс. убитых и раненых, в том числе 24,7 тыс. убитых – с потерями в других войнах на южном направлении. Во время Кавказской войны потери русской армии составили 77 тыс. человек, в том числе 23 тыс. убитыми [12].

Соотношение боевых потерь России в XIX в. между войнами на южном и всех других направлениях примерно равно. В то же время потери от лихорадки, тифа, дизентерии и других болезней в условиях южного климата были выше, чем в других войнах. Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в русской армии умерли от болезней 110 тыс. человек,

Крымской войны – 88,8 тыс. человек, Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – 82,6 тыс. человек, Кавказской – 102 тыс. человек [13]. Количество безвозвратных потерь в войнах на южном направлении превосходит потери на всех других направлениях, составляя 630 тыс. человек из примерно 1080 тыс. убитых и умерших от ран и болезней (табл. 3).

Таблица 3

Безвозвратные потери России в войнах XIX в. [14]

Войны	**Убитые и умершие от ран и болезней, тыс. человек**
Наполеоновские (1805, 1806–1807, 1812, 1813–1814)	450
Крымская (1853–1856)	153
Кавказские (1801–1864)	145
Русско-турецкая (1806–1812)	100
Русско-турецкая (1828–1829)	125
Русско-турецкая (1877–1878)	104
Итого	**1077**

Потерпев поражение в Крымской войне, Россия одержала победы в других войнах, сумев отстоять в XIX в. южные рубежи и даже расширить границы, включив в них полностью территорию Северного Кавказа. Потери русской армии в большинстве случаев были меньше, чем у противника, за исключением Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. (вследствие высокой смертности из-за болезней), а также Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (с учетом потерь союзных войск). В Крымской войне русские потери превосходили потери каждой из стран в отдельности, но уступали их совокупности. Особый характер носила Кавказская война, где горцы умело использовали привычный ландшафт, к которому не сразу адаптировались русские войска. И все же вследствие военного преимущества русской армии война завершилась ее победой, сопровождавшейся большими потерями местного населения и последующей эмиграцией значительной его части.

Характерными особенностями войн XX в. стали их тотальный характер, вовлечение в них разных слоев населения, а также многократное увеличение потерь мирных граждан, превышающих потери среди военнослужащих. Основные линии фронтов Первой мировой войны проходили за пределами современного Юга России. Лишь в самом конце войны, весной 1918 г., немецкая армия заняла Крым и Приазовье, а в октябре турецкие войска вторглись в Дагестан. После завершения войны страны Четверного союза вывели свои войска из России. Но в это время уже началась Гражданская война и интервенция стран Антанты. Разброс данных о потерях России в 1914–1922 гг. достаточно велик. Коллектив военных историков во главе с Г.Ф. Кривошеевым определил

общие безвозвратные потери России в Первой мировой войне, включая убитых, умерших от ран, болезней и по другим причинам, в 2 254 369 человек, санитарные – в 5 148 180 человек. Безвозвратные потери в Гражданской войне – в 980 741 человек, санитарные – в 6 791 783 человека [15]. Значительными были и потери населения от красного и белого террора, инфекционных и эпидемических заболеваний, голода. Около 1,5–2 млн человек эмигрировали из страны.

Установить точную численность жителей Юга России, погибших на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, а также количество потерь в боевых действиях, происходивших непосредственно в южных регионах, сложно. Следует отметить, что боевые действия здесь проходили с особым ожесточением, в том числе потому, что в рядах противников Красной армии сражалось немало офицеров, а также казаков, имевших военный опыт. Уже по этой причине соотношение между потерями белых и красных на юге было не в пользу последних. Общая численность населения страны в эти годы сократилась примерно на 10 млн человек без учета снижения рождаемости.

В межвоенный период СССР участвовал в нескольких войнах и вооруженных конфликтах, но они проходили за пределами южных регионов. Непосредственно на юге РСФСР произошел ряд антисоветских восстаний, для подавления которых привлекались армейские части. Только в чекистско-войсковых операциях на Северном Кавказе в 1920–1939 гг. части Северо-Кавказского военного округа и формирования НКВД потеряли 3564 человека убитыми и 1589 человек ранеными [16].

Во время Великой Отечественной войны на юге страны развернулись решающие сражения, ставшие основой для коренного перелома в ходе боевых действий [17]. В первую очередь следует назвать 10 стратегических операций: Донбасско-Ростовскую оборонительную (29.09–16.11.1941) Ростовскую наступательную (17.11–02.12.1941), Керченско-Феодосийскую десантную (25.12.1941–02.01.1942), Воронежско-Ворошиловградскую (28.06–24.07.1942), Сталинградскую (17.07–18.11.1942) и Северо-Кавказскую (25.07–31.12.1942) оборонительные, Сталинградскую (19.11.1942–02.02.1943), Северо-Кавказскую («Дон») (01.01–04.02.1943), Донбасскую (13.08–22.09.1943) и Новороссийско-Таманскую (10.09–09.10.1943) наступательные. Кроме того, вне рамок стратегических операций были проведены 8 отдельных фронтовых операций: Крымская (18.10–16.11.1941) и Керченская (08–19.05.1942) оборонительные, оборона Севастополя (30.10.1941–04.07.1942), боевые действия на Керченском полуострове (14.01–12.04.1942), Ростовская (01.01–18.02.1943), Краснодарская (09.02–24.05.1942), Миусская (17.07–02.08.1943) наступательные и Керченско-Эльтигенская десантная (31.10–11.12.1943). Потери составили 3 249 035 человек, в том числе 1 617 443 человека – безвозвратные, 1 631 592 человека – санитарные [18]. Значительный ущерб Югу России был нанесен и нацистской оккупацией (табл. 4).

Таблица 4

Демографический ущерб на Юге России от нацистской оккупации [19]

Края, области и автономные республики	**Численность населения (тыс. человек)**		**Сокращение населения (тыс. человек)**	
	По переписи 1939 г.	**После освобождения**	**Кол-во**	**%**
Краснодарский край	2694,1	2203,4	490,7	18,7
Ставропольский край	1804,0	1399,9	404,1	22,4
Ростовская область	2345,6	1617,7	727,9	31,0
Сталинградская область	1848,0	1292,3	555,7	30,1
Кабардино-Балкарская АССР	349,5	284,4	65,1	18,6
Калмыцкая АССР	220,7	171,1	49,6	22,5
Северо-Осетинская АССР	302,5	250,6	51,9	17,2
Чечено-Ингушская АССР	444,4	365,7	78,7	17,7
Итого	**10 008,8**	**7585,1**	**2423,7**	**24,2**

Распад СССР и ослабление центральной власти сопровождались острыми этнополитическими спорами, на юге страны принявшими характер вооруженных конфликтов. Первым из них стал осетино-ингушский конфликт 1992 г., в ходе которого были убиты, умерли от ран, пропали без вести 27 российских военнослужащих. Всего в результате конфликта пострадало более 8 тыс. человек, в том числе погибло 583 человека, ранено более 650 человек. Наиболее кровопролитный характер носили чеченские войны. По официальным данным, безвозвратные потери российских военнослужащих в 1994–1996 гг. составили 5552 человека, санитарные – 51 387 человек. В ходе боевых действий в Дагестане в августе – сентябре 1999 г. было убито 280 и ранено 987 человек. В период активной фазы боевых действий во время второй чеченской кампании общие потери силовых структур России с октября 1999 г. по 23 декабря 2002 г. составили 4572 погибших и 15 549 раненых. Потери среди мирного населения по данным правозащитных организаций исчисляются в 60–70 тыс. человек. В значительной степени высокие потери, особенно в первой войне, были обусловлены плохой подготовкой войск, нехваткой боевого опыта, отсутствием взаимодействия между частями. В августе 2008 г. в ходе вооруженного конфликта в Южной Осетии погиб 71 российский военнослужащий и еще 400 человек было ранено [20].

Таким образом, борьба за овладение южными регионами и их удержание вылилась во второй половине XVII–XIX вв. в 7 русско-турецких, 3 русско-персидских, Крымскую и Кавказскую войны, безвозвратные потери от которых превысили 1 млн человек. XX в. привел к еще более кровопролитным вооруженным конфликтам на юге страны. Особенно значительные потери были нанесены Гражданской и Великой Отечественной войной. Установление ущерба от отдельных конфликтов

требует дополнительного изучения. Тем не менее можно считать, что безвозвратные потери российских и советских войск в 17 крупных войнах и десятках вооруженных конфликтах на юге страны составили около 3 млн человек и не меньше – потери гражданского населения. Уже поэтому изучение военной истории Юга России сохраняет высокую научную и общественную значимость.

Примечания

1. См. обзоры историографии по проблеме: Кринко Е.Ф. Военная история Юга России: основные тенденции в изучении // Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 29–30 сентября 2015 г.). Ростов н/Д, 2015. С. 43–49; Его же. Современное кавказоведение и проблемы изучения военной истории Северного Кавказа в XVII–XX вв. // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» (17 ноября 2015 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2015. С. 37–41 и др.

2. Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил Европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб., 1994; Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001; Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010 и др.

3. Fisher A. Muscovy and the Black Sea Slave Trade // Canadian American Slavic Studies. 1972. Vol. 6. P. 575–594. URL: http://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/10.1163/221023972x00039 (дата обращения 15.04.2016).

4. Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 55.

5. Там же. С. 58.

6. Там же. С. 55.

7. Керсновский А.А. История русской армии: в 4 т. Т. 1. От Нарвы до Парижа. 1700–1814 гг. М., 1992. С. 83.

8. Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 267.

9. Там же. С. 340.

10. Там же. С. 88, 92–93, 110–111, 113, 127.

11. Там же. С. 125.

12. Там же. С. 93, 97, 100, 105, 124–125, 128–129.

13. Там же. С. 283, 286, 288, 296.

14. Там же. С. 288, 348, 351, 354.

15. Россия и СССР в войнах XX века … С. 594.

16. Там же. С. 575.

17. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012.

18. Великая Отечественная без грифа секретности … С. 92, 98, 102, 106, 109, 111, 114, 117, 131, 134, 143, 178–182. В Донбасско-Ростовской и Воронежско-Ворошиловградской оборонительных операциях учтены только потери Южного фронта.

19. Россия и СССР в войнах XX века… С. 234.

20. Там же. С. 566–567, 583; На 3 сентября в результате агрессии Грузии погиб 71 российский миротворец, 340 ранены // Ведомости. 2008. 3 сентября; Цветкова В. «Цена» чеченского конфликта (по материалам отечественной периодической печати) // Известия Российского государственного педагогического университета

им. А.И. Герцена. 2008. Вып. 66. С. 254; Итоги контртеррористической операции в Чечне. URL: http://www.kommersant.ru/doc/1156661 (дата обращения: 15.04.2016); Потери гражданского населения в чеченских войнах. URL: http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/12/m28922.htm (дата обращения: 15.04.2016).

А.М. Авраменко

К вопросу об участии иностранных военных контингентов в битве при Берестечко в 1651 г. (донские казаки, московские стрельцы, турки)

Освободительная война украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого сыграла огромную роль в истории стран Восточной Европы. В 1648 г. повстанцы одержали серию побед над коронным войском и «посполитым рушением» (ополчением шляхты) Речи Посполитой, гетман сумел создать казачье государство. В 1649 г. только коварная политика крымского хана спасла войско польского короля от разгрома и вынудила Хмельницкого пойти на заключение Зборовского договора, ставшего мирной передышкой. Новая решительная победа казачье-крестьянского войска могла не только изменить политическую карту Восточной Европы, но и существенно изменить геополитическую ситуацию в Евразии. Поэтому в 1651 г. польские власти собрали самые крупные силы за весь период войны и сумели нанести украинско-татарскому войску тяжелое поражение в грандиозной битве при Берестечко, длившейся с 18 (28) июня по 30 июня (10 июля).

Понимая важнейшее значение решающей битвы, обе стороны апеллировали к высшим церковным иерархам. Поляки молили святую Деву Марию о даровании победы над врагами католичества, а воины Б. Хмельницкого молили Богородицу о победе над католиками и униатами. Перед отъездом короля из Варшавы его благословил на битву против «схизматиков» от имени папы римского архиепископ и папский легат Джованни де Торрес и вручил Яну Казимиру меч, освященный в костеле святого Яна. А константинопольский патриарх прислал грамоту Хмельницкому, одобряя войну против врагов и утеснителей православия, называл католиков орудиями Сатаны [1]. Гетману активно помогал бывший коринфский митрополит Иоасаф (лишенный сана митрополита в 1639 г.). По поручению патриарха Парфения он в 1648 г. прибыл к Хмельницкому и деятельно помогал, используя свой авторитет, сопровождал гетмана в походе и был убит во время битвы при Берестечко.

Это крупнейшее сражение эпохи и трагическое в украинской истории событие давно привлекает внимание ученых, преимущественно украинских и польских. Автор данной статьи провел специальное исследование с целью картографической реконструкции хода битвы [2]. Впоследствии

появились новые обстоятельные труды, по-своему интерпретирующие все подробности сражения [3].

Российские историки, уделяя внимание личности Б. Хмельницкого и отдавая должное его военному искусству, практически не пытались проанализировать крупнейшую битву гетмана, окончившуюся его поражением, хотя изучали победы 1648–1649 гг. Схемы сражения при Берестечко нет в «Большой советской энциклопедии», «Советской исторической энциклопедии», в крупнейших трудах по истории военного искусства Е.А. Разина и А.А. Строкова. В «Атласе офицера» помещено 5 планов сражений периода 1648–1652 гг., выигранных Б. Хмельницким, но плана самой грандиозной битвы нет. По-видимому, сам факт крупнейшего поражения народного войска психологически настраивал советских авторов на большее внимание к другим событиям войны. Современные же российские историки, вероятно, полагают, что данное сражение не имеет отношения к истории России, а потому не заслуживает особого внимания. Именно поэтому в энциклопедии «Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 года» [4] нет даже статьи о сражении при Берестечко.

Украинские историки также указывают на то, что Москва долгое время старалась не вмешиваться в казачьи восстания на территории Украины и в первые годы восстания Б. Хмельницкого лишь пыталась его использовать в своей дипломатической игре. Осенью 1648 г. донской атаман Т. Иванов сообщил в Посольском приказе о неудачной попытке украинского гетмана заручиться поддержкой Войска Донского накануне восстания [5]. Позже хан Ислам-Гирей с гневом писал в Москву, что, когда он вместе с Б. Хмельницким был в походе, донские казаки совершили морской набег на Крым. Эти аргументы должны лишь подтверждать то, что донские казаки и тем более царские войска не могли быть участниками походов украинского гетмана до начала Русско-польской войны 1654–1667 гг.

Практически не нашли отклика в российской исторической науке сенсационные результаты археологических раскопок на месте битвы, которые проводил с 1970 г. И.К. Свешников. Его монография «Битва под Берестечком» подвела итоги первого в Украине опыта исследования места средневекового сражения с помощью методов археологии. Одним из неожиданных открытий стало установление неизвестного прежде факта пребывания в составе войска Б. Хмельницкого «представителей русского народа – донских казаков и московских стрельцов, которые до конца битвы находились в лагере казачьих войск, а отступая, вместе с ними сдерживали натиск шляхты и погибали на переправе за волю украинского народа» [6].

Но, судя по всему, в 1651 г. российские военный контингент еще не мог находиться на территории казачьего государства Б. Хмельницкого, не говоря уже об участии в битве на западе Украины. Донские казаки, как известно, нередко поступали своевольно и совершали совместные

с украинскими казаками походы, но в данной ситуации участие в битве против поляков могло вызвать дипломатический конфликт между Речью Посполитой и Россией (и даже царские репрессии против донцов), а потому их присутствие в битве при Берестечко кажется невероятным. Московские стрельцы тем более находились на государственной службе и уже поэтому переходить юридическую границу Речи Посполитой могли только по прямому приказу из Москвы. Естественно, в российских документах не прослеживаются подобные распоряжения.

Что же обнаружил И.К. Свешников в ходе раскопок? В 1979 г. на месте одной из переправ был найден частично размытый мужской скелет. Возле его правого уха лежала большая латунная серьга диаметром 7,5 см. «Обычай носить сережку в правом ухе уже в XVI в. был распространен среди донских казаков, рожденных пленными турчанками», – пишет И.К. Свешников. Запорожцы же переняли этот обычай у донцов только во второй половине XVIII в. В лаборатории пластической антропологической реконструкции Института этнографии АН СССР в Москве скульптор-антрополог Е.В. Веселовская на основе найденного черепа создала скульптурный портрет человека с массивной серьгой в ухе. Внешний облик его значительно отличается от подобных скульптурных портретов украинских казаков.

По определению киевского исследователя С.П. Сегеды, портретированный человек принадлежал по своим антропологическим чертам к валдайскому типу, широко распространенному преимущественно в западных и центральных районах европейской части России, откуда, начиная с XVI в., пробирались на Дон беглецы, вливаясь в ряды казачьего товарищества [7].

Рядом со скелетом И.К. Свешниковым были найдены также вещи донского происхождения: пороховница, два одинаковых свинцовых нагрудных крестика. Археолог отмечает в этой связи, что на территории Украины с XIV в. до середины XVIII в. не было обычая носить нагрудные крестики или иконки. По определению сотрудников Эрмитажа, орнамент из слоновой кости на пороховнице был особенно характерен для изделий донских мастеров XVII в., широко использовавших для декорирования своих работ выкопанные бивни мамонтов. Однако известно, что донские казаки подолгу жили в Запорожской Сечи, как и запорожские казаки на Дону, поэтому не исключено, что найденные предметы, как и упомянутый скелет, принадлежали людям, которые были среди запорожцев еще накануне восстания Б. Хмельницкого. Но возможно и то, что в битве участвовал какой-то небольшой отряд донцов-добровольцев.

Известно, что типичным оружием московских стрельцов были бердыши особого типа, не встречавшиеся в то время в войсках прочих европейских и азиатских государств. Один из таких бердышей был найден на месте битвы у острова Гаек. И.К. Свешников пишет: «Бой на бердыше требовал соответствующих навыков, и московские стрельцы проходили специальное обучение владению этим оружием. В руках неподготовленного

человека бердыш московского типа мог стать причиной его гибели. Поэтому украинским казакам бердыш был ненужным, и находку его на месте вероятной крестьянской переправы под Берестечком можно объяснить лишь тем, что это оружие было сюда принесено человеком, который им владел, то есть московским стрельцом» [8].

На поле близ села Остров, недалеко от места казачьего лагеря, был найден также кистень, использовавшийся московскими стрельцами в основном в конных отрядах. На западе кистень вышел из употребления еще в XV в., но в России даже в XVII в. он был традиционным оружием. Украинские казаки, по мнению И.К. Свешникова, кистени не применяли [9].

Еще в 1930-х гг. близ острова Гаек была случайно найдена медная нагрудная иконка почти квадратной формы – образец художественных изделий московских мастеров середины XVII в. По словам И.К. Свешникова, она «могла попасть под Берестечко лишь с человеком, который ее носил, то есть, вероятно, с московским стрельцом» [10].

Раскопки на месте переправы выявили много ружейных стволов и целых ружей, изготовленных Московской оружейной палатой. Они могли попасть в войско Б. Хмельницкого торговым путем или быть частью запасов оружия, отправленных гетману царем Алексеем Михайловичем накануне битвы при Берестечко. Но они могли быть и личным оружием стрельцов, сопровождавших транспорт с этими запасами.

Интересно, что французский дипломат Пьер Шевалье в «Истории войны казаков против Польши», написанной около 1653 г., сообщает, что во время битвы при Берестечко какой-то «московит» (т.е. россиянин) с косой в руках атаковал казака (!), но И.К. Свешников утверждает, что автор, излагая события по текстам Иоакима Пастория и Иоганна-Георга Шледера, в данном случае неточно перевел немецкий текст, где у Шледера дважды упомянутый казак-герой почему-то назван «московитом». Так как герой, вызвавший восхищение короля, погиб, расследовать обстоятельства появления россиянина в казачьем войске было невозможно. Но источники упоминают среди участников битвы также некоего сына боярского из-под Воронежа Никиту Ананьевича Забабуру [11]. Тем не менее участие российских подданных в битве при Берестечко пока не обращало на себя внимания российских историков. Для современников же появление иностранного наемника в любом войске тогда было обычным делом. Другое дело, было это частной инициативой наемника или результатом вмешательства соседнего государства.

Факты, приведенные археологом И.К. Свешниковым, в сочетании с упомянутыми сообщениями письменных источников заставляют обратить внимание на некоторые нюансы внешней политики Московского государства этого периода. Известно, что Россия официально придерживалась нейтралитета, соблюдала условия «вечного» Поляновского мира 1634 г. Царское правительство отвечало отказом на предложения гетмана Б. Хмельницкого начать войну против Речи Посполитой в 1648, 1649 и 1650 гг.

Одновременно московские дипломаты демонстрировали полякам верность мирному договору, занимая выжидательную позицию. Чтобы склонить царя к военной поддержке при условии перехода Войска Запорожского под российский протекторат, гетман фактически шантажировал его угрозой принятия турецкого протектората.

Не следует забывать, что в конце 1650 г. после переговоров с послом А. Ждановичем султан принял решение принять Б. Хмельницкого и Войско Запорожское под свою протекцию после принятия присяги со стороны гетмана и казачьей старшины. В феврале 1651 г. турецкое посольство привезло в Чигирин Б. Хмельницкому диплом на владение «Русским княжеством» [12]. Перспектива такого союза отнюдь не устраивала Россию, и казачьи послы впоследствии, добиваясь своих целей на переговорах в Москве, использовали угрозу такой опасной перспективы, чтобы склонить царя и его правительство к военному союзу с Войском Запорожским против Польши.

Известно, что в 1653 г., убеждая Москву в целесообразности взять казачью Украину под царскую протекцию, послы гетмана говорили, что в противном случае Войско Запорожское будет вынуждено согласиться на протекторат турецкого султана [13]. В конечном счете царское правительство решилось на разрыв с Речью Посполитой, и Земский собор 1 (11) октября того же года принял решение принять Войско Запорожское под «государеву высокую руку», что неминуемо означало объявление войны в ближайшее время.

В российской научной литературе до сих пор широко распространено наивное представление о том, что Б. Хмельницкий стремился к «воссоединению Украины с Россией». На самом деле гетман пытался сформировать антипольскую коалицию, вовлекая в борьбу не только Крымское ханство и Россию, но также Молдову, Трансильванию, Швецию. Поэтому и велись переговоры о принятии как российского, так и турецкого протектората. Используя борьбу за влияние на Войско Запорожское со стороны разных государств, Б. Хмельницкий преследовал свои цели, надеялся укрепить казачью государственность и даже создать прецедент передачи гетманской булавы по наследству, что должно было фактически уравнять украинского гетмана с владетельными князьями. Именно поэтому он женил своего старшего сына на дочери господаря Молдовы, а перед смертью добился согласия казачьей старшины избрать гетманом младшего сына Юрия, несмотря на его явную неспособность к военной и государственной деятельности. Такие действия Б. Хмельницкого говорят не о стремлении к «воссоединению» с Россией, а о желании использовать военный союз с Россией в своих целях, признавая вассальную зависимость от царя. Именно поэтому в 1656 г., когда Россия внезапно заключила перемирие с Речью Посполитой и начала войну против Швеции (что противоречило интересам Войска Запорожского), гетман продолжал войну в союзе со шведами против Речи Посполитой, формально не разрывая союза с Россией.

Таким образом, Б. Хмельницкий вел сложную дипломатическую игру, стремясь найти сильных союзников, для того чтобы переломить ход войны в свою пользу. Накануне возобновления военных действий турецкий посол доставил гетману грамоту от султана, где было сказано: «Так как вы секретно сообщили нашему чаушу Осману, что вы со всей искренностью отдаетесь под крылья покровительства высоких врат, то мы, принимая это от всего сердца и не сомневаясь в вашей верности, послали крымскому хану строгое приказание, чтобы он не обращал очей и ушей своих к Польше, а напротив, если бы оттуда повеял на вас какой-нибудь ветер и поляки захотели бы притеснять вас или напасть на вас, то хан обязан тотчас защищать вас своим быстролетным войском, и пока вы будете верны и преданы счастливым вратам нашим, до тех пор – имейте безопасные сношения с ханом: вы в нем не обманетесь» [14].

В июне 1651 г. грек монах Павел, надеясь способствовать сближению гетмана с Россией, писал царю Алексею Михайловичу, что 28 марта турецкий посол говорил Б. Хмельницкому: если тому нужна военная помощь, то султан пришлет необходимое количество воинов. Гетман же благодарил за предложение, но от турецкой помощи отказался, после чего Павел продолжил: «Великое ваше царствие… послал бы вскоре гетману небольшую помощь ратными людьми; у него и без того войска много, но надобно, чтобы славилось имя великого вашего царствия, что он имеет помощь от вас. А если теперь помощи не пришлете, то буди ведомо вашему царствию, что будет вам война; татары давно бы его подняли, только война ему теперь помешала» [15]. Этот шантаж был явно инспирирован с ведома Б. Хмельницкого.

Интересно, что бывший коринфский митрополит Иоасаф в марте 1651 г. сообщал Алексею Михайловичу, что уговаривает гетмана перейти с войском и всеми городами на царскую службу при условии получения таких же прав и обязанностей, какие имеют донские казаки. При этом Иоасаф добавлял, что Хмельницкий имеет якобы до 700 тыс. казаков, которые готовы царю крест целовать и никакого содержания за свою службу просить не будут [16]. Греки, доставившие письма митрополита Иоасафа и монаха Павла, уверяли также о возобновлении планов Хмельницкого сделать польским королем трансильванского князя Дьердя Ракоци [17], что никак не устраивало царя. В этих тревожных письмах сообщалось также, что султан обещал прислать на помощь украинскому гетману 20-тысячное войско из мунтян (валахов) и молдаван. В Москве понимали, что если Войско Запорожское станет таким же вассалом Османской империи, как Крымское ханство, то угроза южным рубежам России многократно возрастет.

Может быть, эти сведения были не только угрозой? И.К. Свешников утверждает, что в битве при Берестечко участвовал небольшой отряд турок из Силистрии, присланный султаном на помощь Хмельницкому [18]. Различные источники сообщают о нежелании крымского хана идти в поход в 1651 г. (он не был заинтересован в окончательной победе как той,

так и другой стороны). Лишь по приказу турецкого султана, надеявшегося на переход Войска Запорожского под свой протекторат, Ислам-Гирей выступил вместе с Б. Хмельницким. Кроме того, султан приказал белгородским (аккерманским) беглербегам и очаковскому Арамадан-бею помогать своими силами казакам в их войне с Польшей [19].

Ряд авторов сообщает, что среди захваченных поляками при Берестечко трофеев был написанный золотыми буквами диплом, которым султан давал Б. Хмельницкому право на владение Русским княжеством [20]. Этот документ, не имевший юридической силы, должен был повлиять на хана. Но, видимо, чтобы воля султана была более убедительной, турецкий отряд находился рядом со ставкой Ислам-Гирея во время решающей битвы. В конце сражения поляки пленили тонувшего в болоте на переправе турецкого посла, который привез Хмельницкому саблю в подарок от султана [21].

Не исключено, что угроза перехода Войска Запорожского под турецкий протекторат могла привести к тайной отправке небольшого отряда из России к Хмельницкому с целью показать гетману царское благоволение и морально воздействовать на него. Однако пока нет данных, чтобы связывать обнаруженные И.К. Свешниковым артефакты, свидетельствующие об участии в битве при Берестечко московских стрельцов и донских казаков, с какой-либо конкретной санкцией царского правительства. Тем более что упомянутые археологические находки немногочисленны.

Ограниченный круг источников порождает весьма разнообразные версии, являющиеся предметом споров между историками. И.К. Свешников на основании археологических находок пришел к выводу о том, что во время битвы при Берестечко на стороне Б. Хмельницкого сражались небольшие отряды донских казаков и московских стрельцов. А это означает, что Москва тайно оказывала военную помощь Хмельницкому, официально декларируя нейтралитет. При этом в сражении союзниками неожиданно стали московские стрельцы, донские казаки, крымские татары и турки, боровшиеся на стороне Войска Запорожского против Речи Посполитой. Но данный вопрос нуждается в дополнительных исследованиях.

Примечания

1. Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. М., 1994. С. 460.

2. Авраменко А.М. Битва при Берестечко (1651 г.): проблемы картографирования // Поляки в России: XVII–XX вв.: материалы международной научной конференции. Краснодар, 10–11 июля 2002 г. Краснодар, 2003. С. 18–32, 2 цветных плана сражения.

3. Національний пантеон «Козацькі могили»: Історико-краєзнавчий нарис. Луцьк, 2003; Romański R. Beresteczko 1651. Warszawa, 2012; Брехуненко В. Програна битва виграної війни. Битва під Берестечком 1651 року: науково-популярне видання. Київ, 2013 и др.

4. Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. Т. 1. М., 1994.

5. Русская историческая библиотека. Т. XXIX. СПб., 1913. С. 18.
6. Свєшніков І.К. Битва під Берестечком. Львів, 1993. С. 7.
7. Сегеда С.П. Козацькі портрети // Пам'ятки України. Київ, 1988. № 3. С. 43; Сегеда С.П. Антропологічні портрети козаків – учасників битви під Берестечком // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 5. Краснодар – Киев, 2011. С. 162.
8. Свєшніков І.К. Указ. соч. С. 268.
9. Żygulski Z. Broń w dawnej Polsce. Warszawa, 1975. S. 179; Свєшніков І.К. Указ. соч. С. 268.
10. Свєшніков І.К. Указ. соч.
11. Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы: в 3 т. Т. III. 1651–1654 годы. М., 1953. С. 95, 96.
12. Історія українського козацтва: нариси. Т. 1. Київ, 2006. С. 361.
13. Смолій В.А., Степанков В.С. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.). Київ, 2009. С. 294.
14. Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. М., 1994. С. 442–443.
15. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. V. М., 1990. С. 552–553.
16. Свєшніков І.К. Указ. соч. С. 93.
17. Брехуненко В. Московська експансія і Переяславська Рада 1654 року. Київ, 2005. С. 291.
18. Свєшніков І.К. Указ. соч. С. 106.
19. Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. М., 1994. С. 449.
20. Свєшніков І.К. Указ. соч. С. 111.
21. Там же. С. 122.

В.С. Великанов

Детали похода армии В.В. Голицына в 1687 г.

Первый Крымский поход 1687 г. был одной из крупнейших военных операций русской армии в XVII в. Однако, несмотря на свои масштаб и значимость, он до сих пор детально не изучен в отечественной историографии. Практически единственный опубликованный источник, описывающий сам поход, – дневник его непосредственного участника генерал-поручика Патрика Гордона [1] – содержит значительные временные пропуски (например, с 30 мая по 22 июня [2]), а сами описания событий ограничены имевшейся у автора информацией. Выявленные нами в Российском государственном архиве древних актов отписки В.В. Голицына и Л.Р. Неплюева позволяют дополнить приведенные Гордоном сведения и более детально восстановить хронологию похода и его основных событий.

Для участия в Крымском походе должна была быть собрана гигантская армия, насчитывавшая по спискам около 112 тыс. человек: 9,1 тыс. сотенной службы (включая московских чинов), 17,3 тыс. казаков и низовой конницы, 10,5 тыс. московских стрельцов (в 12 полках), 26 тыс. конницы «нового строя» (гусар, копейщиков и рейтар в 26 полках) и 49,2 тыс. солдат (в 29 полках) [3]. Кроме этого в походе также должны были

принять участие около 50 тыс. малороссийских казаков под командованием гетмана И.С. Самойловича. Русские войска под командованием князя Василия Васильевича Голицына должны были собраться из всей страны на южных рубежах (в Ахтырске, Сумах, Хотмышске и Красном Куте) не позднее 11 марта 1687 г., но в реальности сборы затянулись до середины мая. Продовольствие и боевые запасы войска должны были в походе везти с собой в обозе, а питьевую воду и конские корма для строевых и обозных лошадей планировали найти по дороге в многочисленных речушках и на бескрайних степных лугах. Тем не менее обоз должен был насчитывать по самым минимальным оценкам не менее 100–120 тыс. телег и возов, а общее количество лошадей превышало 200 тыс. Несмотря на все задержки основная часть войск, назначенных для похода, в середине мая собралась на реке Мерле, и 18 мая армия выступила в Первый Крымский поход.

В первый день армия прошла до Опошни, где стала лагерем на один день (19 мая), ожидая подхода отставших. 20 мая армия прошла от Опошни до реки Свинковки, где вновь задержалась на один день, ожидая сбора растянувшихся на марше войск. Марш продолжился 22 мая, за этот день армия прошла около 10 миль по степи между речками Свинковка и Коломак (район современных сел Чапаево и Артемовки). 23 мая армия повернула на юго-запад к Полтаве, на соединение с войсками гетмана И.С. Самойловича, и 24 мая переправилась через Коломак примерно в миле от Полтавы. Гетман получил царский указ о сборе войск в начале марта 1787 г., и к концу апреля 1687 г. в Гадяче были собраны все 10 городовых полков, 2 кумпанейских полка и 4 сердюков – всего около 50 тыс. человек, включая около 10 тыс. набранных специально для этого похода мещан и селян [4]. Казаки выступили на соединение с русскими войсками В.В. Голицына в начале мая и к 24 мая прибыли в Санжары, в 3 милях от Полтавы. Здесь было решено, что войска Самойловича пойдут в авангарде союзной армии, а русские войска выступят вслед за ними через несколько дней. 25 мая казаки переправились через Ворсклу и двинулись от Санжар через Нехворощу и далее левым берегом реки Орель, а Голицын простоял в лагере на Коломаке 4 дня, ожидая подхода всех своих войск. 26 мая был проведен общий смотр русской армии, всего в наличии было 90 610 человек, что составляло 87 % от списочной численности назначенных в поход служилых людей [5]. Это позволяет опровергнуть тезис Н.В. Устрялова [6] о низкой явке на службу, а также более критично взглянуть на логистические проблемы, связанные с необходимостью обеспечить эту массу людей продовольствием и водой в походе.

Наконец 29 мая русская армия выступила к реке Тагамлык (район современных Селещины и Машевки). На следующий день войска пересекли реки Сухую и Мокрую Липянки и встали лагерем в поле на левом берегу реки Орчик (в районе современных Климовки и Чернещины). В это время казаки Самойловича двигались южнее, от Санжар через Нехворощу и далее левым берегом реки Орель к месту впадения в нее реки

Орчик. Здесь 2 июня произошло соединение войск Голицына и Самойловича.

Объединенная армия продолжила свой поход 3 июня. Марш, как и прежде, состоял из небольших переходов по 15–20 км от одной речушки к другой. Перейдя через Губиниху и Кильчень, войска подошли 5 июня к реке Самаре, где были сооружены 12 широких мостов, позволявших перевозить по две телеги в ряд. Точное место сооружения мостов достоверно не установлено, вероятно, оно находилось в районе современных населенных пунктов Гвардейское и Черкасское, т.к. ниже по течению реки Самары она разбивается на несколько рукавов и вдоль ее берегов находится множество небольших озер, затруднявших переправу. Здесь к армии 8 июня прибыл окольничий В.Ф. Жироваго-Засекин с иконой Донской Пресвятой Богородицы, в честь чего был отслужен торжественный молебен. Постройка мостов и переправа войск через Самару заняли 4 дня, и 10 июня армия Голицына продолжила свой марш. Дальнейший поход направлялся вдоль реки Татарка «у Острой Могилы между Плесами Великими» и дальше через реку Вороная (Ворона) и исток реки Осокоровки («вершину Осокоровской») [7] в районе современного города Синельниково. Затем армия прошла вдоль реки Нижняя Терса (через современный поселок Славгород) и вышла 20 июня к реке Вольной (Вольнянка), вероятно, в районе современного города Вольнянска. Далее войска двинулись вдоль реки Каменки и 21 июня переправились через Мокрую Московку, где внимание Гордона привлекла пустая мусульманская мечеть на ее правом (южном) берегу [8]. Наконец, 22 (12) июня армия подошла к реке Конские Воды (Конка, у Гордона – ручей Конска-Вода), чуть южнее современного города Запорожье. На протяжении всего марша войска имели достаточно воды и травы для лошадей, заранее заготовленных и транспортировавшихся вместе с армией продовольственных запасов было в избытке, и ратные люди не испытывали каких-либо серьезных проблем и неудобств. Но по мере продвижения на юг местность постепенно менялась. Широких рек становилось все меньше, а сменившие их маловодные ручьи уже не могли служить полноценным источником воды для многотысячной армии, сопровождаемой гигантским обозом. После реки Самары войска уже больше не встречали больших лесов и дубрав, а редкие ивовые и терновые рощицы не позволяли заготовить необходимое количество дров. Также постепенно повышалась и ежедневная температура, установилась жаркая солнечная погода, затруднявшая длительные дневные переходы.

Тем не менее войска продолжали свой поход. Судя по одному из комментариев Гордона, русская армия следовала от реки Самары в нескольких колоннах (возможно, каждый разрядный полк шел отдельно). Он упоминает о том, что одна из частей армии подошла к Конским Водам чуть раньше, следуя отдельным маршрутом. С самого начала похода русские партии нигде не встречали присутствия татар («ратные люди саймы их нигде наехать не могут»), по имевшимся у союзников неточным

сведениям, крымский хан со своими войсками ушел за Перекоп в Крым (на самом деле, он с основными силами находился на Молочных водах, в районе современного Мелитополя).

На следующий день, 23 июня, войска начали сооружать переправу через Конские Воды, и тогда же посланные на правый берег разведчики сообщили, что вся степь дальше на юг сожжена. Подготовка и сбор войск в южных городах в начале 1687 г. не остались незамеченными крымскими татарами. Понимая, что он не сможет противостоять более многочисленной и лучше вооруженной и обученной русской армии в полевом бою, хан Селим-Гирей еще в начале мая повелел всем улусам откочевать внутрь Крыма или на правый берег Днепра, а при первых же известиях о подходе русской армии отдал приказ выжечь всю степь к югу от рек Конские Воды, Днепра до Кальмиуса и засыпать или отравить все родники и источники. В результате перед русской армией на левом берегу лежали бескрайние выжженные и безлюдные степные просторы. Тем не менее Голицын отдал приказ продолжать поход. 24 июня армия переправилась через Конские Воды и пошла по выжженной местности, достигнув 25 июня реки Янчокрак. С каждым днем ситуация в войсках ухудшалась. Люди и лошади начали страдать от жары, пыли и нехватки воды и конских кормов, начались первые заболевания. На следующий день, 26 июня, прошел дождь, прибивший пыль, и войска, перейдя через Янчокрак по фашинному мосту, двинулись дальше к реке Карачекрак. Посланные в степь партии сообщили, что до Перекопа все сожжено и опустошено.

27 июня армия встала лагерем на берегу реки Карачекрак, и здесь состоялся военный совет о продолжении похода. И люди, и лошади уже были истомлены длительным походом, жарой и тучами пыли от выжженной земли. В армии имелось достаточно продовольствия, однако сожженная степь сделала невозможным заготовление конских кормов, а небольшие ручьи не позволяли напоить несколько сотен тысяч людей и лошадей. До Перекопа оставалось еще около 200 км. В таких условиях продолжение похода было рискованным, и русское командование приняло решение о возвращении армии обратно к русским рубежам. Для продолжения операций против крымских татар было решено выделить отряд севского воеводы Леонтия Романовича Неплюева (около 8 тыс. человек), а также малороссийских казаков под командованием сына гетмана Григория Ивановича Самойловича (около 20 тыс. человек), которым была поставлена задача «провести промысел» к турецкой крепости Казы-Кермень на Днепре. Под команду Неплюева должен был поступить и отряд генерала Григория Косагова (около 6 тыс. человек), с лета 1686 г. находившийся в районе Каменного Затона (район современной Каменки-Днепровской) [9].

На следующий день, 28 июня, армия выдвинулась в обратный путь. Голицын решил двинуться не прямо на север по тому же пути, как шла армия, а на северо-запад к Днепру, где он ожидал найти несгоревшие

луга и обеспечить войска водой. К вечеру армия стала лагерем на правом берегу Янчокрака, где войскам дали сутки отдыха. Голицын надеялся «подкормить [на берегах Янчокрака] лошадей, ибо они очень слабы и неспособны везти орудия и боевые припасы» [10]. Однако воды в небольшой речушке (фактически ручье) для более чем многотысячной армии стало быстро не хватать (видимо, она замутилась и стала «нездоровой»), и к падежу лошадей в полках добавились болезни среди личного состава. Из лагеря на Янчокраке были отправлены в Москву гонцы с известием о фактическом завершении похода на Крым и отступлении союзной армии к своим границам. Здесь же в первый раз, если верить Гордону, по лагерю поползли слухи о том, что в поджоге степи виноваты казаки, которые «с попустительства, если не по приказу гетмана, подожгли траву в степи намеренно, дабы препятствовать нашему продвижению в Крым» [11].

30 июня армия двинулась дальше и подошла к устью реки Конские Воды. Здесь, на берегу днепровских заливов, было достаточно хорошей воды и нашлось небольшое количество несгоревшей травы, но ее было недостаточно для огромной армии и обоза. Как писал в Москву Голицын, конские корма «добывали с трудностью» и падеж лошадей усилился [12]. Одновременно из-за тепловых ударов и дизентерии участились смерти среди ратных людей. Уже 5 июля Голицын был вынужден продолжить отход вдоль Днепра, и 6 июля армия достигла реки Вольной. Здесь он дал войскам два дня отдыха, но уже 8 июля был вынужден продолжить марш к Самаре, т.к. «на Волной кормов конских нет» [13]. Наконец, 11 июля армия подошла к устью реки Самары, но тут выяснилось, что мосты, сооруженные месяц назад, оказались кем-то сожжены, и переправу пришлось строить заново. Это заняло несколько дней. На берегах Самары имелось достаточно конских кормов, и войска наконец смогли отдохнуть и восполнить необходимые запасы.

Как только мосты были сооружены, союзная армия переправилась на правый берег Самары и 15 июля продолжила отход на северо-запад. 16 июля войска достигли речки Кильчень, где им снова был дан день отдыха. Здесь 17 июля группой представителей казачьей старшины Голицыну был передан донос на гетмана Самойловича, в котором он обвинялся в многочисленных изменах и, в том числе, в умышленном поджоге степи [14]. Голицын, несмотря на собственные неприязненные отношения с гетманом, не имел достаточных полномочий для его ареста или смещения и поспешил переправить донос в Москву. На следующий день, 18 июля, армия продолжила марш на север по левому берегу реки Кильчень, 19 переправилась на правый берег и 20 достигла реки Орель недалеко от впадения в нее реки Липянки [15]. Здесь войска встали лагерем на 4 дня и начали наводить гати для переправы на правый берег. Сюда, в лагерь на Орели, к армии прибыл из Москвы глава Стрелецкого приказа и доверенное лицо царицы Софьи думный дворянин Федор Леонтьевич Шакловитый. Его приезд был реакцией на решение военного совета

27 июня, и он прибыл с целью поддержать авторитет Голицына, подорванный фактической неудачей кампании. Понимая, что само решение было вызвано объективными причинами и дальнейший поход мог привести к катастрофическим последствиям, правительство постаралось максимально сгладить негативный эффект от отступления. В письме от царей и царицы, которое привез с собой Шакловитый, выражалась полная поддержка действиям Голицына и удовлетворение якобы удачным окончанием похода, который показал крымским татарам мощь и силу Российского государства, что должно было предостеречь их от новых нападений на русские окраины. С участием Шакловитого 24 июля состоялся очередной военный совет, на котором было подтверждено прежнее решение не предпринимать в текущем году никаких активных действий и отложить наступление на Крым до следующего года. Для подготовки к новому походу было решено устроить на реке Самаре один или несколько фортов, в которых складировать запасы и использовать их как базы для будущего наступления. Для этого на реке Самаре были оставлены Нежинский городовой полк полковника Стефана Забелы и сердюцкие полки Иванеева и Кожуховского [16].

Во время пребывания союзной армии в лагере на Орели 22 июля Голицын получил отчет Неплюева о действиях под Каменным Затоном. Он прибыл в начале июля в лагерь Косагова и, дав своим людям несколько дней отдыха, 12 июля начал переход по «Никитинской переправе» (пороги в районе современных Никополя и Каменки-Днепровской) на правый берег Днепра. Тем временем крымский хан, узнав о разделении союзной армии, решил атаковать в ночь на 15 июля войска Косагова, остававшиеся на левом берегу Днепра. Им удалось захватить часть обоза (Неплюев жаловался, что многие ратные люди потеряли свой скарб) и стада лошадей, но атака на сам лагерь была отражена. Услышав пушечную стрельбу на левом берегу, Неплюев с конными и пешими ратными людьми переправился обратно и «пошел наступательным образом» [17]. Татары после короткого боя бежали, и русским удалось отбить часть скота и пожитков. На следующий день татарские разъезды появились и на правом берегу, но атаковать таборы Неплюева и Самойловича не решились, ограничившись нападениями на фуражиров и отгоном нескольких небольших табунов лошадей, пасшихся около лагеря. Неплюев, со своей стороны, решил отказаться от продолжения похода к Казы-Керменю, укрепившись в лагерях на обеих сторонах Днепра. Его войска оказались в фактической блокаде, и он писал 20 июля, что служилые люди были вынуждены кормить лошадей сухарями и о начавшемся падеже строевых и обозных лошадей [18].

На следующий день после военного совета, 25 июня, союзная армия продолжила свой марш и, пройдя мимо устья реки Орчик, 30 июля подошла к реке Коломак. На следующий день, 31 июля, войска переправились обратно через реку и встали громадным круглым лагерем на ее правом берегу. 1 августа из Москвы прибыл гонец с ответом на донос

на Самойловича, отправленный 17 июля. Царский указ гласил, что т.к. «гетман стал всему войску негоден», то ему «гетманом не быти», а на его место следует «учинить, кого они старшина и всем войском Малороссийским излюбят» [19]. В соответствии с данным указом гетман Самойлович был арестован утром 2 августа его личной охраной, состоявшей из московских стрельцов, а уже 4 августа на казачьей раде новым гетманом был утвержден бывший генеральный есаул Иван Мазепа. Учитывая, что под командой сына Ивана Самойловича Григория находился значительный отряд казаков (около 20 тыс. человек), смещение его отца и избрание нового гетмана постарались максимально сохранить в тайне. Однако один из верных Самойловичам казаков смог прибыть в лагерь Григория 9 августа раньше, чем официальный гонец с приказом о его смещении. Григорий немедленно отдал приказ своим войскам сняться с лагеря и идти правым берегом Днепра к Кодаку и Переволочной, вероятно, предполагая там переправиться на левый берег в земли Гетманщины. Неплюев со своими войсками стоял отдельным лагерем и не смог помешать отходу казаков. Уже на следующий день он бросился в погоню за Самойловичем и 12 августа настиг его на реке Суре, недалеко от Кодака. К этому моменту среди казаков произошел раскол. В лагерь пришли вести об избрании новым гетманом Мазепы, значительная часть казаков отказалась поддержать мятеж и выступила за подчинение новому гетману и царским воеводам. При приближении русских войск в казачьем лагере начался открытый бунт: часть казаков присоединились к русским, несколько приближенных Самойловича были убиты, а сам он был вынужден окружить свою палатку немногими оставшимися верными частями [20]. В этих условиях о сопротивлении не могло быть и речи, и Григорий Самойлович поспешил сдаться Неплюеву.

Русская армия простояла на реке Коломак до 12 августа, когда из-за истощения окрестных запасов фуража было решено перенести лагерь дальше на северо-запад. 13 августа армия встала лагерем на берегу реки Мерлы около деревни Лобшово, между Колонтаевом и Красным Кутом [21]. Здесь наконец 24 августа к армии прибыл царский указ об окончании похода и роспуске армии. Результаты кампании были преподнесены как успех русских войск: «…хан с татары на себя… ратных людей наступления пришли в боязнь и ужас, и отложа обыклую свою дерзость, нигде сам не явился и юртов его татаровя… нигде не показались и бою не дали» [22]. Для того чтобы избежать возможного недовольства в армии, всем участникам похода были розданы денежные награды, а командованию и старшим офицерам – также меха и поместья. В тот же день, 24 августа, состоялся смотр войск, на котором ратным людям объявили об их роспуске со службы по домам. Точные потери русской армии в ходе похода достоверно не установлены, на примере полков Рязанского разряда и 2-го Московского выборного солдатского полка П. Гордона общее количество умерших, заболевших и бежавших со службы может быть оценено в 15–20 %. На случай возможного татарского нападения по просьбе

Мазепы и казацкой старшины «для бережения великороссийских и малороссийских городов» на южных рубежах были оставлены значительные контингенты русских войск: на реке Мерле разместился отряд В.Д. Долгорукова (5 тыс. человек), чуть восточнее в Маяцком и в Валках – часть белгородских ратных людей князя М.А. Голицына (7 тыс. человек). Неплюев получил указ об отпуске со службы 30 августа, когда его войска уже находились в районе реки Самары. К 11 сентября его корпус прибыл в Путивль, где ратных людей распустили по домам [23]. На этом Первый Крымский поход был фактически завершен.

Примечания

1. Гордон П. Дневник, 1684–1689 / пер., ст., прим. Д.Г. Федосова. М., 2009.
2. Здесь и далее все даты по новому стилю, в дневнике Гордона все даты указаны по старому (для XVII в. разница составляет 10 дней).
3. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 6А. № 75. Л. 70–101об.
4. Алмазов А.С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. С. 74.
5. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9Г. № 1275. Л. 437–453.
6. Устрялов Н.В. История царствования Петра Великого. Т. 1. СПб., 1858. С. 194–195.
7. Літопис Самовидця / под ред. Я.І. Дзира. Київ, 1971. С. 144.
8. Гордон П. Указ. соч. С. 139. Пустая мечеть упомянута и в летописи Самовидца (Там же. С. 144).
9. Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 393–395.
10. Гордон П. Указ. соч. С. 141.
11. Там же.
12. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9Г. № 1275. Л. 723.
13. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9Г. № 1275. Л. 730.
14. Рассмотрение причин и всех обстоятельств смещения гетмана И.С. Самойловича и избрания И.В. Мазепы выходит за рамки данной статьи.
15. В дневнике Гордона указано что 18 (8) июля армия шла вдоль Кильченя на северо-восток, а затем 19 на восток до реки Орель (Гордон П. Указ. соч. С. 144). Указанные направления не совпадают с географией местности, где проходил марш союзной армии. Вероятно, Гордон пользовался не совсем корректными географическими картами того времени.
16. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел. Ч. 4. М., 1826. С. 560.
17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9Г. № 1275. Л. 735.
18. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9Г. № 1275. Л. 764–767.
19. Собрание государственных грамот … Ч. 4. С. 542–543.
20. Сокирко О. Лицарі другого сорту: Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. Київ, 2006. С. 88–89; Гордон П. Указ. соч. С. 152.
21. Гордон П. Указ. соч. С. 151.
22. Собрание государственных грамот … Ч. 4. С. 570.
23. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9Е. № 416. Л. 1.

А.В. Венков

Казаки и Прутский поход

Из всех войн между Россией и Турцией война 1711 г., известная как Прутский поход Петра I, была самой неудачной для России. В ряду важнейших причин поражения оказались, на наш взгляд, последствия конфликта Российского государства с казаками и вследствие этого незначительное участие казаков в этой войне на стороне России.

Именно казаки имели опыт постоянной и временами очень успешной борьбы против Турции. Донцы в 1641 г. отбились в Азове от 250-тысячной турецко-татарской армии. Запорожцы вместе с донцами (превосходя в тот период их на порядок количественно) постоянно совершали морские набеги на берега Крыма и Турции. Эти набеги даже получили название «Босфорской войны» [1]. В конце XVII в. количество казаков «под высокой рукой Московского царя» резко увеличилось за счет присоединения украинских земель.

В 1651 г., когда Украина формально еще была частью Речи Посполитой, перешли границу и явились в Россию тысячи беженцев, которых расселили по границе и объявили Слободскими Черкасскими казачьими полками. Затем, в 1654 г., Богдан Хмельницкий привел в российское подданство 10 казачьих полков с левой стороны Днепра. Надо сказать, что полки эти были не только военными, но и административными единицами, сходными с областями. В 1674 г. перешли в русское подданство казаки с правого берега Днепра, тоже 10 полков. И, наконец, в 1686 г. приняли русское подданство запорожцы, которые до этого примерно двадцать лет считались одновременно и русскими, и польскими подданными.

В 1696 г. именно казаки сыграли главную роль при штурме Азова. 24 апреля 1696 г. под Азов был направлен отряд украинских казаков Якова Лизогуба в 15 тыс. человек [2]. Как считал германский историк Г.З. Байер, украинские казаки и донские казаки, «взошед на вал», взяли два раската и 4 пушки. «На оном раскате сели они, а другие выжгли» [3].

Но попытка выловить среди донских казаков беглых и зачислить их (как рекрутов) в создаваемую постоянную армию привела к известному Булавинскому восстанию 1708 г. и жестокому подавлению вольницы. «…Ибо сия сарынь, – как писал Петр I, – кроме жесточи, не может унята быть» [4]. И все же весной 1709 г. из Войска Донского на службу под Смоленск отправили 2000 казаков на соединение с отрядом Б.С. Корсака [5].

Петр I отбыл в русскую армию, стоявшую на Украине. В тылу остался разоренный, истерзанный Дон. «С оного времени, – пишет А.И. Ригельман, – казалось на Дону тихо, и пребывание свое казаки имели спокойно, исполняли волю Монаршию во всех потребностях, что по их казачьей службе принадлежало…». И далее – одной фразой: «от того их собственного бунта и мятежа был у них великий голод» [6].

Еще до того, как Петр I окончательно «усмирил» Донское войско, против императора выступил гетман И.С. Мазепа. 24 октября 1708 г. он переправился через Десну и сам прибыл на шведские аванпосты. Поскольку измена готовилась тайно, с собою он увел примерно 2000 человек.

6 ноября в Глухове новым гетманом Украины был избран полковник И.И. Скоропадский. 12 ноября Мазепа был предан анафеме в Москве в Успенском соборе. Поддержку Мазепе оказали только запорожцы. И Петр послал А.Д. Меншикову указ взять и разорить Сечь. Большая часть защитников полегла, 300 человек попали в плен. Меншиков докладывал Петру: «Знатнейших воров велел я удержать, а прочих казнить и над Сечью прежний указ исполнить, также и все их места разорить, дабы оное изменническое гнездо весьма выкоренить» [7]. Украинские исследователи писали, что Сечь защищало всего 300 человек, а «регулярные российские полки Яковлева и Галагана жестоко перебили казаков, не оказавших сопротивления» [8].

27 июня в сражении под Полтавой шведы потерпели страшное поражение. Поздно вечером 30 июня раненый Карл XII переправился через Днепр. С королем переправился Мазепа и вскоре умер 22 сентября 1709 г. в Варнице близ Бендер.

Весь 1710 г. был особенно удачен для петровских свершений в Прибалтике. 4 июля капитулировал город Рига. Участие в осаде Риги – единственное конкретное мероприятие донцов, отмеченное первым донским историком Ригельманом. О других он говорит скупо и расплывчато: «И сверх сего числа многие во всю продолжающуюся войну противу шведов во многих местах и в самой Финляндии с полезностию употребляемы были, также и в 711 году с Государем противу турок в Молдавии при реке Пруте. И на Дону оставшие обще с калмыками под предводительством генерала-адмирала графа Феодора Матвеевича Апраксина для обережения татарского и турецкого нападения в границы российские…» [9].

Одним из следствий победы под Полтавой стала нежелательная война с Турцией. Естественно, в Оттоманской империи были силы, стремившиеся к войне против России, прежде всего, татары. Соблюдение мира между Россией и Турцией лишало их важнейшего источника доходов – захвата пленных и работорговли. Стоило Петру перед отъездом под Полтаву появиться на Дону и в Азове, как татарское население заволновалось, призывая турецкие власти к войне с русскими. Русский посол в Турции П.А. Толстой докладывал: «Опять Порту возмутили пуще прежнего татары, прислали письмо за многими печатями от всех крымских, ногайских и кубанских татар, что царь пришел в Азов для похода на Крым… С великим трудом и немалою дачею едва успел я удержать, что не дали татарам позволения соединиться со шведами» [10].

В октябре 1710 г. Петр потребовал удалить шведского короля с турецкой территории и пригрозил войной, но 20 ноября на торжественном заседании дивана турки сами решили начать войну. Поход их войска

во главе с великим визирем предполагался весной 1711 г. Первыми военные действия начали крымские татары. Турки давно ждали их. После завершения Азовской кампании и заключения мира между султаном и русским царем турецкие власти запретили крымчакам нападать на русские земли.

В декабре 1710 г. инициатор войны, крымский хан Девлет-Гирей встретился в Бендерах с шведским королем Карлом XII и гетманом Правобережной Украины Филиппом Орликом. Подсчитали силы. Помимо крымцев и вассальных Крыму ногайцев в распоряжении сторон были бежавшие с Мазепой реестровые Филиппа Орлика и выбитые Меншиковым из Сечи запорожцы, да с запада ожидались враждебные царю Петру и королю Августу II поляки. Посовещавшись, хан, король и гетман решили нанести удар по Правобережной Украине соединенными силами ханского сына Мехмеда-Гирея с орликовцами и поляками и одновременно по Левобережной Украине силами самого крымского хана с запорожцами.

Русские примерно такой набег и предполагали. Генерал-поручик, князь М.М. Голицын, брат киевского губернатора, 26 декабря сообщал из Ярослава: «И весьма намерение их, как их реки станут, дабы им итить: хану и Орлику на Украину, а самим туркам со швецким королем и с протчими силы чрез Каменец Подольский в Полшу» [11]. И в первый же день нового 1711 г. Петр принял решение отвлечь татар, организовать поход от Волги и от Дона через степь на Кубань. Для этого развернули корпус под Воронежем под командованием адмирала Ф.М. Апраксина, подчинив ему наличных на службе донских казаков в количестве 5 тыс. человек. В России пока о войне не объявляли, но войска из Ливонии на юг двинули. Генерал-поручик М.М. Голицын выдвинулся к молдавской границе с десятью драгунскими полками.

На Крещение, 6 января 1711 г., крымчаки перешли Перекоп и двумя потоками хлынули на Украину. Ханский сын Мехмед-Гирей во главе 40 тыс. татар и 7–8 тыс. казаков Орлика двинулся по правому берегу Днепра. Его подкрепляли 700 шведов полковника Цюлиха и 400 янычар. Навстречу Мехмед-Гирею двигались буджакские татары и 3–5 тыс. враждебных царю Петру поляков, которые перешли Днестр у Бендер. Сам хан Девлет-Гирей с таким же количеством татар и с 2 тыс. запорожцев пошел по левому берегу, советниками при нем состояли 40 шведских офицеров.

Набегу противостояли немногочисленные войска, прикрывавшие Правобережную Украину (формально – польскую территорию). Князь Волконский с 4 драгунскими полками стоял «при границе волоской… и при нем казацкие и волоские полки стоят, да генерал-маеор Видман с 4 полками поставлены в близости от него, Волконского» [12]. 11-тысячный корпус генерал-майора Ф.В. Шидловского стоял на левом берегу Днепра в районе Харькова. Для боя в поле этих войск явно не хватало, и у русских была надежда отсидеться в крепостях, пока с севера не подошел бы на помощь с войсками сам царь.

На русской левобережной стороне хан сумел захватить Новосергиевскую крепость (в верховьях реки Самары), население которой, в основном бывшие запорожцы, сдалось без боя. Потом войска Девлет-Гирея пошли в направлении Харькова и Изюма, но, столкнувшись с Белгородской и Изюмской крепостными оборонительными линиями, были отбиты. Хан рассчитывал на помощь ногайцев с Кубани, но ногайцы не подошли, и татары повернули в начале марта в Крым. В Новосергиевской крепости Девлет-Гирей оставил гарнизон – 1,5 тыс. запорожцев и татар под общим командованием запорожского полковника Нестулея.

На правом берегу кампания шла с переменным успехом. В первой половине февраля 1711 г. татары легко овладели Брацлавом, Богуславом, Немировом. Гарнизоны там стояли небольшие и сопротивления татарам не оказали.

Орлик стал распространять универсалы, чтобы местные реестровые присоединялись к нему и начали борьбу с «московской неволей». Киевский воевода князь Д.М. Голицын сообщал, что «орда черкасом разоренья и грабежу не чинит, и заказано де о том у них накрепко... И я опасен, чтоб они не стали поддаватца неприятелю. А мне помочи давать стало некого, всего у меня для охранения здешних Киевопечорской крепости и старого города Киева за отсылкою к Шидловскому в остатке с полтретьи тысячи человек (2500. – *А.В.*), а рекрут ожидаю из городов. И вряд ли мне теми людьми управлять и охранять, и обнять здешние крепости» [13].

Но 25 марта татары Мехмед-Гирея и казаки Орлика (всего свыше 30 тыс. человек) подошли к Белой Церкви и здесь, пытаясь штурмовать город, потерпели поражение. На Левобережье отряд Ф.В. Шидловского внезапным ударом вернул Новосергиевскую крепость, очистив таким образом левый берег Днепра от татар и запорожцев. После этих неудач татарские отряды, почувствовавшие, что скоро предстоит возвращаться в Крым, отбросили притворство и стали заниматься грабежом и захватом мирных жителей.

Главнокомандующий русскими силами на Украине генерал М.М. Голицын вовремя оценил ситуацию, собрал 9 драгунских и 2 пехотных полка и надавил на отягченных полоном крымчаков. Мехмед-Гирей, спасая добычу, стал уходить в Бендеры, в османские владения. Вместе с ним, естественно, стал уходить Орлик. 15 апреля 1711 г. возле Богуслава Голицын настиг часть крымцев и отбил свыше 7 тыс. захваченных пленников. Набег закончился. Теперь русским предстояло нанести татарам и османам ответный визит.

Формально манифест о войне с Турцией был зачитан в Успенском соборе Кремля в присутствии царя Петра 25 февраля 1711 г. Но план войны составили задолго до ее объявления. Впервые план предполагал ведение военных действий на трех театрах – Дунайском, Крымском и Кавказском. И это впоследствии стало своего рода традицией в войнах России против Турции.

Главный удар планировалось нанести на Дунайском театре. Петр I, надеясь на помощь правителей Валахии и Молдавии, решил поднять на обоих берегах Дуная на борьбу с турками местных христиан, вассалов Оттоманской империи.

12 апреля в Слуцке состоялся военный совет. Петр совещался с фельдмаршалом Б.П. Шереметевым и генералом Л.Н. Аллартом, а также канцлером Г.И. Головкиным и русским послом в Речи Посполитой Г.Ф. Долгоруковым. На совете решили раньше турок подойти к Дунаю и захватить переправы. Войска для похода планировали сконцентрировать на берегу Днестра, в польской части Украины. Передовые части русской армии должны были достигнуть Днестра к 15 мая. Шереметев с пехотой должен был подойти туда не позже 20 мая, имея трехмесячный запас продовольствия. Войска к Днестру вышли, но сам Петр к ним запаздывал, поскольку вел переговоры с польским королем и саксонским курфюрстом Августом II.

Ввиду отсутствия Петра и продовольственных затруднений Шереметев с войсками перешел Днестр 30 мая, на 10 дней позже, чем намечалось. Но тут стало известно, что турки Дунай уже перешли, на переправах их не перехватить и не удержать, и Шереметев свернул к Яссам. Так, на Дунайском театре изначально все пошло не по плану и закончилось, как известно, поражением и позорным миром.

На Крымском театре поход возглавили генерал-аншеф Иван Иванович Бутурлин и сам гетман Скоропадский. Русские войска состояли из 7 пехотных полков и 1 драгунского полка (7178 человек), с гетманом были 20 тыс. казаков. Предупреждая русское наступление на Крым, нураддин Бахти-Гирей устроил нападение на Тор и Бахмут. Татарский налет был отбит, но выступление в поход задержалось.

Наконец, 30 мая, день в день с Шереметевым, Бутурлин и Скоропадский выступили из Переволочны и, отягченные громоздким обозом, потащились в сторону Крыма. 7 июня они достигли Новобогородицкой крепости. «Языки» сообщили им, что 30 тыс. татар Бахти-Гирея стоят в верховьях реки Самары и ждут русского наступления. Идти дальше на Крым – значит оставлять их у себя за спиной. Но Бутурлин этим не смутился. Оставив часть сил для охраны коммуникаций, он медленно двинулся через днепровские пороги. Днепром прикрылся от Едикульской орды и от Джамбуйлуцкой, а Ингульцом – от Едисанской.

На левом фланге, на Кавказском театре, тоже началось движение. Еще зимой русские списались с кабардинскими владетелями, уговаривали их выступить против татар. Кабардинцы ответили, что у них с кубанскими татарами «великая недружба и до смерти нашей никогда дружбы меж нами не будет» [14].

В мае 3 пехотных и 3 драгунских полка (6286 человек) под командованием казанского губернатора П.М. Апраксина вышли из Казани в Царицын, там к ним присоединились саратовские и симбирские дети боярские, царицынские и астраханские городовые люди и яицкие казаки.

Позднее подошло 20 тыс. калмыков тайши Аюки. Все это войско степью и Доном двинулось на Азов, чтоб усилиться еще и азовским гарнизоном.

30 июня князь Александр Бекович Черкасский написал Петру из Кабарды, что договорился с местными владетелями: как боярин Апраксин с русским войском и калмыками пойдет против кубанских татар, кабардинцы тоже сразу против кубанцев выступят. Расстояния и примитивная организация связи не позволили русским нанести удары на всех трех театрах одновременно.

2 июля войска Бутурлина прибыли в Каменный Затон. Эта крепость была в свое время построена на берегу Днепра, чтоб препятствовать запорожским казакам без царской воли по Днепру в море выходить, ссорить султана с царем. Охранялся Каменный Затон русским гарнизоном – пехотными полками Гулица и Янковского. Отсюда до Крыма было рукой подать, и гетман с Бутурлиным уже строили планы, как высадить десант на крымский берег. Сначала хотели послать в Крым через Сиваш легкие казацкие отряды, но, как выяснилось, сделать этого было нельзя из-за нехватки легких судов.

7 июля разведка донесла о выходе основных сил татар из Перекопа. Движение русского войска было остановлено, ждали татарского нападения. Вперед послали только 4 батальона капитана Постельникова, который сжег опустевшие курени Новой Запорожской Сечи и взял там 4 пушки. Запорожцев в Новой Сечи не было, они в это время воевали за Днестром с армией самого царя Петра.

Положение войск Бутурлина было крайне тяжелое. Свою границу еще не пересекли, а припасы уже съели. Да и не мудрено – целый месяц практически на одном месте топтались. Начался голод, пришлось есть конину. Солдаты и казаки стали понемногу разбегаться. Орда маячила за Днепром невдалеке, отвлекала. Тем временем 15 тыс. татар Бахти-Гирея двинулись на Слободскую Украину, к Донцу, под угрозой оказались Миргород, Бахмут и Тор.

23 июля, не выдержав напряжения, голода и дезертирства, Бутурлин и Скоропадский отдали своим войскам приказ отступать. Таким образом, поход на Крым провалился. Как стало известно, днем раньше войска самого царя Петра, подписав соглашение с турками, начали переправу обратно через Прут. 1–3 августа русские перешли Днестр. Прутский поход бесславно закончился.

Но Кубанский поход, так долго готовившийся, вступил в свою решающую стадию. 17 августа П.М. Апраксин, не получивший сведений, что война закончилась и мир подписан, с 9 тыс. солдат вышел из Азова и двинулся на юг. Туда же потянулась калмыцкая орда.

26 августа, согласно победной реляции П.М. Апраксина, была разорена ставка нуреддина Бахти-Гирея – Копыл. Апраксин сообщил, что было побито 11 460 татар, а 21 тыс. человек взята в плен. Неприятеля преследовали вдоль по течению Кубани на протяжении 100 верст, более 6 тыс. татар утонуло в реке.

30 августа подошедшие к району боевых действий с востока кабардинцы встретили 15-тысячное татарское войско и разбили его. Погибло 359 татар, 40 попали в плен, многие потонули в Кубани. Князь Черкасский послал гонцов к Апраксину, предлагая добить врагов в Закубанье. Сам он хотел ударить с юго-востока, а Апраксину предлагал ударить с северо-востока.

Операция не удалась, но 6 сентября русские и калмыки разбили войско Бахти-Гирея из 7 тыс. татар и 4 тыс. казаков-некрасовцев. Был отбит русский полон в 2 тыс. человек. Поход завершить не удалось: Апраксин получил известия о заключении мира и приказал возвращаться.

Война закончилась. В ряду других войн России стоит она особняком, и особых казачьих подвигов в ней не зафиксировано. Упоминается, что участвовало в ней 5 тыс. донцов, подчинявшихся Апраксину, следовательно, участвовавших в походе на Кубань. Запорожцы в подавляющем большинстве выступили на стороне крымского хана. Украинские реестровые за Днестр ходили вместе с царем и вниз по Днепру с Бутурлиным и Скоропадским, и, похоже, что царь Петр им не доверял. Во-первых, много реестровых ушло в турецкие земли с Мазепой и во главе с Орликом они служили во вражеском войске вместе с татарами и турками.

С точки зрения тактической, Петр, видимо, считал, что нашел казакам замену. Иррегулярная конница русской армии, перешедшей Днестр, насчитывала примерно 10 тыс. реестровых казаков, к которым затем присоединилось до 6 тыс. молдаван. Известно, что перешедший на сторону Петра молдавский господарь Кантемир присоединил к русской армии 6-тысячную молдавскую легкую конницу, вооруженную луками и пиками. С ее помощью Петр надеялся легче обеспечить провиантом русское войско в засушливых краях. Кроме того, сербский полковник Апостол Качич стал создавать из валахов гусарские полки, и в 1711 г. таких гусарских полков в армии числилось шесть.

Во время шестидневного перехода от Днестра до Прута казаки шли в авангарде вместе с двумя пехотными дивизиями генералов фон Алларта и фон Денсберга. Но в рейд на Браилов 12 июля вместе с генералом Ренне и восемью драгунскими полками (5056 человек) пошли уже 5 тыс. молдаван. А когда русская армия была прижата турками и татарами к Пруту и на противоположном восточном берегу реки вместе с татарской конницей показались и союзные татарам запорожские казаки, то украинских реестровых сразу же убрали в обоз и в чисто поле не выпускали.

Важнейшим последствием Прутского похода для донских казаков стало возвращение Азова туркам. Кроме того, русским запрещалось строить новые крепости между Азовом и Черкасском [15]. Ситуация в дельте Дона вернулась в «первобытное состояние», какой она была до Азовских походов Петра I: в Азове – турки, в Черкасске – казаки. И русских между ними отныне нет. Предстояло выиграть еще две войны с Турцией, чтобы вернуть Азов. Но те войны велись уже в условиях возродившегося после страшного погрома 1708–1709 гг. донского казачества.

Примечания

1. Королев В.Н. Босфорская война. М., 2007.
2. Костомаров Н.И. Мазепа. М., 1992. С. 89.
3. Донская казачья энциклопедия Владимира Сидорова. Т. 1. Ростов н/Д, 1994. С. 99.
4. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VIII. М., 1997. С. 176–177.
5. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. СПб., 2011. С. 164.
6. Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов н/Д, 1992. С. 148–149.
7. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VIII. С. 257.
8. Народная память о казачестве. Запорожье, 1991. С. 158.
9. Ригельман А.И. Указ. соч. С. 151.
10. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VIII. С. 353.
11. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. С. 207.
12. Там же.
13. Там же. С. 219.
14. Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века. Исследования и материалы. Нальчик, 2008. С. 343.
15. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VIII. С. 383–384.

А.О. Муртазаев, М.-П.Б. Абдусаламов, Н.М. Аллаев

Из истории противостояния дагестанских владетелей Каспийскому походу Петра I: причины и последствия[1]

Каспийский поход Петра I, известный также как Персидский, Кавказский и Закавказский, стал крупнейшим военно-политическим мероприятием в восточной политике России первой четверти XVIII в. [1]. Цель статьи – показать причины и последствия противостояния некоторых дагестанских владетелей Каспийскому походу Петра I; рассмотреть, каким образом этот процесс отразился на политической ситуации в Дагестане в целом.

Следует отметить, что активизация внешней политики России при Петре I, в том числе на кавказском направлении, прямым образом отражалась и на ситуации в Дагестане. Сказалось это и на характере взаимоотношений дагестанских владений как друг с другом, так и с соседними великими державами того времени – Ираном, Турцией и Россией. Взаимоотношения дагестанских политических структур имели большое значение для Дагестана, от их сплоченности, согласованности действий правителей порой зависело само существование дагестанских народов. Не раз им приходилось отстаивать самостоятельность и право на существование, побеждая армии завоевателей.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 16-31-01067 «Интеграция Дагестана с Россией. Конец XVI – первая половина XIX в.».

Антииранское восстание народов Дагестана и Азербайджана 1707–1721 гг. фактически привело к ликвидации иранского господства в Кавказском регионе. Используя тяжелое положение сефевидского Ирана, Турция планировала вытеснить Иран с Кавказа и стать полновластным хозяином над этим стратегическим регионом. Россия, окрепшая в ходе петровских преобразований, также стремилась утвердить военно-политическое и экономическое господство над этим регионом. Учитывая всё это, они начали действовать.

Турцией был принят в подданство Хаджи-Дауд и утвержден ханом Ширвана с признанием его власти над всем Дагестаном. Официально об этом было объявлено русскому послу И.И. Неплюеву на аудиенции 10 февраля 1723 г. [2]. Такая активность турецких властей очень обеспокоила Россию.

Официальным предлогом для Персидского похода был объявлен инцидент с русскими купцами в Шемахе [3]. Прикаспийские области интересовали Петра I как с экономической, так и военно-стратегической точки зрения. Граничившие с Россией на юге и юго-востоке Турция и Иран вели между собой многовековую борьбу за господство в Прикаспии и на Ближнем Востоке. Пользуясь тяжелым положением, которое переживал Иран, Османская империя решила «к себе присовокупить владения на Кавказе» [4]. О плане и намерениях Порты хорошо знали русские власти. Усиление позиций Османской империи на Кавказе не отвечало интересам России в этом регионе.

Вступление войск Петра I в Дагестан привело в некоторое замешательство наиболее сильных феодальных владетелей. Так, убежавший из плена грузин Ф. Георгиев, находившийся в заточении в селении Губден, сообщил, что Дауд-бек Мюшкюрский, Сурхай-хан Казикумухский и уцмий Кайтагский планировали оказать сопротивление императорским войскам и призывали к этому шамхала Тарковского Адиль-Гирея [5]. Но никаких действий с их стороны не последовало. Зато весть о начале похода русских войск вызвала сильную тревогу в правящих кругах Османской империи. В Константинополе, доносил Неплюев, «следует великое приготовление к войне» [6].

В Дагестане войска Петра I не встретили серьезного сопротивления. 6 августа недалеко от селения Аксай Петра I встречали с подарками: шамхал Тарковский передал Петру I 600 быков, запряженных в телеги, и 150 – на пищу войскам, три персидских коня и седло, украшенное золотом [7]. 16 августа армия Петра I выступила из Тарки, резиденции шамхала, в сторону Дербента, являвшегося наиболее важным объектом компании 1722 г. «При движении из Тарков в Дербент, – пишет В. Комаров, – войска наши понесли некоторый урон от неприязненных действий уцмия Каракайтагского и Султан-Махмуда Утемышского» [8]. Подстрекаемый Турцией уцмий Ахмед-хан с помощью своего вассала правителя Утамышского владения организовал нападение на русские войска, но войска горцев без особого труда были разгромлены [9].

Дойдя до Утамышских владений, император послал одного офицера с тремя казаками с письмом к утамышскому султану, «чтобы он либо сам пришел, либо прислал депутатов в лагерь для принятия повелений протекции от государя» [10]. Но султан вместо ответа приказал «бесчеловечным образом изрубить отправленного к нему с письмами Казацкого есаула с тремя казаками, войско же его состоявшее из 10 000 человек своих и из 6000 усмеевых, хотело нечаянно напасть на русские войска, но было разбито и преследовано до самого Утемыша, который превращен в пепел. То же самое учинено и с шестью другими его владения местами. Число убитых и раненных простиралось до 1000 человек. Скота взято 7000 быков и до 4000 баранов, не считая другого их имущества. Несколько подданных сего султана, взятых в плен, казнены смертью за учиненное ими с есаулом казацким бесчеловечие» [11]. Однозначных данных о количестве войск, участвовавших в нападении на русское войско, нет. А.-К. Бакиханов также говорит о 16 тыс. «как своего, так и кайтагского» войска [12]. О 16-тысячном войске, которое возглавлял султан Махмуд, сообщал и Ф.И. Соймонов [13]. Согласно же данным П.Г. Буткова, «явилось на отемышских (утамышских. – *Авт.*) горах неприятелей до 10 тысяч человек под начальством Мегти-Бега, Якши-Бега и Айтемур-Бега, подданных отемышских и усмейских, из которых почти половина было пехота» [14].

Очень интересные и весьма ценные сведения о сражении объединенного войска уцмия Кайтагского и султана Утамышского приводит непосредственный участник Персидского похода Петра I П.Г. Брюс. Так, он сообщал, что «горцы на поле сражения оставили от шестисот до семисот человек убитыми, 40 человек было взято в плен. Между ними находилось несколько сановников, а также магометанский священник, который был одним из их предводителей и который не только не отклонил жестокое убийство трех казаков, но и сам участвовал в этом. Их тела нашли впоследствии драгуны вблизи султанского дворца насаженными на кол, когда они их преследовали до ворот и убивали всех, кто им попадался, и они бежали перед тремя тысячами человек, а своих жен и дочерей они отослали в горы, прежде чем пошли в эту экспедицию; после этого были сожжены султанская резиденция и 6 других деревень совершенно опустошены. Драгуны и казаки вернулись с богатой добычей. Были повешены 21 пленник в возмездие за жестокую смерть трех казаков. Священника четвертовали» [15]. Петр I в своем письме сенату писал, что после завершения всех боевых действий его люди насчитывали около 600 убитых неприятелей, в плен же попало 30 человек [16]. Это показывает упорное сопротивление оборонявшихся, что подтверждается и другим свидетельством: «Они, нападая на российские войска, бились запальчиво и долго стояли в сражении, ибо сначала не можно было поставить против них довольную силу, но когда в бой вступили основные силы, ополченцы вынуждены были поспешно отступать», – писал Ф.И. Соймонов [17].

Из допросов пленных стало известно, что среди нападавших на российские войска были не только подданные султана и уцмия, но и других владений, таких как Акуша, Гапшима, Кубачи, Губден, и даже из Казикумуха. Один из пленных сообщал, что в нападении на российские войска участвовали также табасаранцы [18].

Одновременно с этим уцмий Кайтагский Ахмед-хан, испортив отношения с шамхалом Адиль-Гиреем, заблаговременно удалился в Шемаху, чтобы быть подальше от Петра – покровителя шамхала. Убедившись, что Петра I интересуют Дербент и торговый путь, и заручившись поддержкой других владетелей, он вернулся в Кайтаг, а через 4 дня, 23 августа, уцмий уже направляет Петру I прошение о принятии его на «царскую службу». Интересно, что Петр I в своем описании утамышского инцидента даже не упоминает уцмия [19]. Так организовавший его Ахмед-хан «подставил» султана Махмуда, а сам остался в стороне.

Пройдя через владения уцмия Кайтагского, 23 августа русские войска под руководством Петра I без боя вступили в Дербент [20]. Обстановка благоприятствовала их продвижению на юг. Однако случилось непредвиденное: возникшие затруднения в продовольствии и снаряжении в связи с крушением у Аграханского залива двух эскадр, косившая солдат эпидемия и падеж лошадей вынудили Петра I отказаться от продолжения похода [21]. Но кроме этих причин, как отмечает О.П. Маркова, была и другая причина прекращения похода: «Петр I ушел с Кавказа, избегая преждевременной войны с Турцией. Прибывший в русский лагерь на р. Милюкент султанский представитель прямо заявил, что дальнейшее продвижение русской армии на Кавказе будет рассматриваться Портой как причина для объявления войны России» [22]. Оставив гарнизон в Дербенте и в ретраншементах на Рубасе (Милюкенте), Дарбаге, Бойнаке и Тарках, 7 сентября Петр I выступил в Астрахань. По указанию императора на реке Сулак была заложена новая крепость – Святой Крест. Тарковский правитель Адиль-Гирей был утвержден в звании шамхала Дагестана с подчинением ему всех местных владетелей и передачей жилищ и земель султана Махмуда Утамышского [23].

Назначив командующим всеми оставшимися на Кавказе гарнизонами генерала М.А. Матюшкина, 29 сентября 1722 г. Петр I с основными силами отплыл в Астрахань. В результате проведенной им кампании Россия установила контроль над дагестанским и ширванским побережьем Каспия.

Возвращающиеся сухопутным путем вслед за Петром военные части подвергались постоянным атакам, по большей части организованным уцмием Ахмед-ханом, которые наносили существенный урон войскам. В одном из источников говорится, что «уцмий и владелец Утамышский для нападения на русские войска собрали до 20 000 человек» [24].

Не лучше обстояли дела с военными гарнизонами. Шамхал Адиль-Гирей в письме от 23 октября 1722 г. Петру I писал, что уцмий напал на только что построенную фортецию и увез оттуда пушки. «По отшествии

вашем злодей и изменник усмей (уцмий. – *Авт.*), – сообщается в письме, – сего сентября в 17 день со своим войском напал на новопостроенную от вас в Кайтаге фортецию, человек с 150 побили и пушки, отобрав, с собою увез» [25]. Аналогичное сообщение Петр I получил и от дербентского наиба Имам-Кули-бека в послании от 27 сентября 1722 г. В нем говорилось, что уцмий захватил крепость на реке Дарбаге и перебил весь гарнизон. Табасаранский владелец организовал нападение на крепость на реке Рубас. В источнике говорится: «По возвращении вашего величества отсюда построенную по указу вашего величества крепость по реке Дарбаге изменник усмий взял, и пред тою крепостью найдено убитых три человека, и прочие все убиты в городе, а которая крепость на Рубасе и к той собравшись Мясум (майсум. – *Авт.*) через три дня приступил и бился, в которой баталии человека, с четыре из казаков убили и восемь человек из солдат ранили и слышали мы, что Дауд-бек собравшись многолюдством намерены к тому городу приступать» [26].

Выходит, что кроме уцмия участие в нападениях на военные укрепления принимали и другие дагестанские владетели. Надо полагать, что тут не обошлось без вмешательства Турции. 3 сентября 1722 г. шамхалу Адиль-Гирею было послано воззвание «выслать всех магометанцев, какого бы ни были роду из домов своих, и велеть им… против русских весьма жестоко биться» [27]. Но тогда шамхал остался верен России. Не исключено, что такого рода воззвания получили и другие владетели, которые обнадеживались большими подарками и поддержкой турецких войск. Есть сведения, что Турция, обеспокоенная продвижением войск Петра I в прежнюю сферу влияния Ирана, собираясь объявить войну России и двинуть свои армии в Закавказье, начала засылать своих эмиссаров в Ширван и Дагестан. Кайтагский уцмий и утамышский султан также были обнадежены, что турецкие наступления и военная помощь не за горами. Возможно, этим и объясняется их столь активные действия против русских войск [28].

Не прошло и месяца с момента взятия крепости на реке Дарбаге, как Петр I получил новое сообщение от дербентского наиба о нападении уцмия Ахмед-хана, султана Махмуда Утамышского, Дауд-бека с табасаранскими жителями на крепость Рубас [29]. За такое отношение к русским войскам уцмий был жестоко наказан. Петр I в послании Сенату об этом писал: «…в крепости Святой Крест к нам присоединились калмыки, которые тот час же были отправлены с 1000 человек донских казаков для большого наказания уцмия, тревожившего нас и при обратном движении, которого намерены сами посетить, но за скудностью и ходобою оставших лошадей того учинить не могли». Посланный отряд под командованием атамана Краснощекова разбил на всех пунктах неприятеля, разорил до основания все селения в Нижнем Кайтаге и, получив вновь огромную добычу разного рода имуществом и скотом, возвратился к армии, захватив 350 пленных.

Но эта акция русских властей не только не остановила уцмия, а наоборот, подтолкнула его к еще более активным действиям. Отношения

с Петром I были испорчены серьезно. Это видно уже из инструкции, посланной царем в ноябре 1722 г. Матюшкину: «…ежели кто из горских владельцев будет искать нашей протекции, то оных принимать – кроме уцмия и утамышского владельцев как нам противных… Драгунам конным надлежит с казаками действовать и, как только возможно, разорять уцмия и прочих противных – также помогать дербентцам в их нуждах, прикрывая их полевые работы». Ахмед-хан действительно подвергал частым нападениям Дербент и разорял близлежащие деревни. Вместе с уцмием в нападениях на Дербент участвовал и Хаджи-Дауд [30].

В это же время ухудшились отношения уцмия Ахмед-хана с Сурхай-ханом Казикумухским. Дело дошло до того, что «Сурхай имел баталию з бездельником усмеем» [31]. По сообщению дербентского наиба Петру I, незадолго до этого «Сурхай имел пересылки с усмеем и объявил ему, что желает служить его императорскому величеству и намерен с помощью божиего искоренять противников» [32]. Но чем же объяснить столь преданное отношение Сурхая к императору России? Вполне возможно, что Сурхай-хан пытается использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. Известно, что после шемахинских событий Турция назначила наместником Ширвана не его, а Хаджи-Дауда. Оказались задеты честь и достоинство Сурхая, сорваны его планы по овладению Ширваном. В этом он хотел опереться на Россию, а «искоренением» уцмия рассчитывал на милость императора и помощь в деле реализации своего плана. Кроме того, столкнулись интересы уцмия Ахмед-хана и Сурхай-хана в Северном Азербайджане. Последний даже попытался вместе шамхалом напасть на владение уцмия [33].

Такие «натянутые» отношения между крупнейшими дагестанскими владетелями продолжались недолго. В июне 1723 г. развернулось турецкое наступление в Закавказье. Дагестанские владетели, забыв старые обиды, решили воспользоваться моментом. Планы их выходили далеко за рамки обычных грабительских набегов. Речь идет о разделе Ширвана. В этой связи дербентский наиб Имам-Кули-бек сообщил Петру I, что дагестанские владельцы собрались в Худате, с тем чтобы разделить между собой «ширванскую провинцию» [34]. Одновременно с этим русские власти получают сведения о том, что дагестанские владельцы планируют нападение на крепость Святой Крест [35]. Тем временем уцмий оставляет Кайтаг и отправляется в Ширван, но вместе с этим он пытается отгородить свое владение от возможных повторных нападений царских войск. Поэтому он вступает в переговоры с русскими властями о вступлении в российское подданство [36]. Но процесс этот оказывается долгим и тяжелым, на что, по-видимому, и рассчитывал уцмий Ахмед-хан. Его цель заключалась не в подданстве, а в обеспечении безопасности, поскольку, пока шли переговоры, можно было не опасаться нападения.

В это же время русские власти получают известие о том, что дагестанские владетели совершили крупный военный поход в Грузию и Армению:

«…тавлинцы и усмийцы и протчих владельцев татара собравшись еще на святой неделе во многих тысячах и пошли де на грузинцев и на армян…», – сказано в источнике [37]. Объяснялось это тем, что российские войска с тяжелыми пушками не могли продвигаться в горы, тогда как союзники России грузины и армяне со своими конными отрядами могли «чинить великую обиду» [38]. Здесь ясно прослеживаются замыслы дагестанских владетелей. Они готовили крупную военную акцию, направленную против российских войск в Дагестане. Вместе с тем не забывали обезопасить себя от возможного нападения со стороны союзников России в этом регионе.

12 июня 1724 г. в Константинополе подписали русско-турецкий договор о разграничении сфер влияния на Кавказе. По условиям договора в российскую зону входили в районе Дербента все земли на 22 часа езды верхом от берега моря [39]. Играть на противоречиях противоборствующих сторон у Ахмед-хана вроде бы не было необходимости. Возможно, его намерение открытого военного выступления вместе с шамхалом и другими против России было последней попыткой сохранить свою самостоятельность. Но осторожный Ахмед-хан решил сделать это чужими руками. Он обещал поддержать выступление шамхала Адиль-Гирея, а когда это случилось, Ахмед-хан вновь не сдержал своего слова и не присоединился к Адиль-Гирею, как раньше он поступил с султаном Махмудом Утамышским [40].

Попытка Адиль-Гирея захватить крепость Святой Крест окончилась провалом, его отряды были разбиты, он сам пленен и выслан в Россию. Вскоре после этого уцмий Кайтага вновь «изъявил покорность» российскому правительству, дал со своими сыновьями и старшинами присягу на верность и представил аманатов в Дербентскую крепость [41].

Таким образом, активизация внешней политики России на кавказском направлении кардинальным образом сказывалась на внутриполитической ситуации в Дагестане: сложившая традиционная система политического устройства оказалась разрушенной. Отношения отдельных дагестанских владетелей с Россией носили сложный характер, но к концу 20-х гг. XVIII в. постепенно стабилизировались. Начался процесс постепенной интеграции дагестанских народов с Россией.

Примечания

1. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. С. 86.

2. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / сост. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1992. С. 111.

3. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 7. Оп. 7711. 1728. Д. 18. Л. 17.

4. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVII в. М., 1966. С. 237.

5. Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (далее – НА ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 322. Л. 412.

6. Магомедов М.Г. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1997. С. 413.
7. Комаров В. Персидская война 1722–1724 гг. (материалы для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник. М., 1867. С. 556.
8. Там же.
9. Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. СПб., 1881. Т. I. С. 200.
10. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551. Л. 12.
11. О персидском походе при государе Петре Великом бывшем // Русский архив. 1899. № 12. С. 484.
12. Бакиханов А.К. Гюлистан-и-Ирам. Баку, 1926. С. 105.
13. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Государя императора Петра Великого. СПб., 1763. С. 90.
14. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I. С. 25.
15. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. Л. 34.
16. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560. Л. 158.
17. Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 91.
18. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 436. Л. 21–22.
19. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: сборник документов / сост. В.Г. Гаджиев, Д.С. Габиев и др. М., 1988. С. 40.
20. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы / сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 39.
21. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. … С. 45.
22. Маркова О.П. Указ. соч. С. 27.
23. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. … С. 267–268.
24. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. Л. 50.
25. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322. Л. 436.
26. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551. Л. 12.
27. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. … С. 261.
28. Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 76.
29. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 123.
30. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 239.
31. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560. Л. 356.
32. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 241.
33. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 142.
34. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 256.
35. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560. Л. 338.
36. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 148.
37. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560. Л. 378.
38. НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560. Л. 378.
39. Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. VII. СПб., 1830. С. 303–309.
40. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958. С. 84.
41. Зиссерман А. Указ. соч. С. 10.

П.А. Аваков

Донское казачество в Крымском походе П.П. Ласси 1737 г.[1]

Участие донского казачества в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. принадлежит к числу малоисследованных вопросов истории этого сообщества. В настоящей статье мы рассмотрим роль донских казаков в Крымском походе 1737 г., которая до сих пор не были предметом специального изучения.

Согласно разработанному в Санкт-Петербурге генеральному плану кампании 1737 г., одной из ее главных целей было покорение Крымского ханства, т.е. политическое подчинение крымского хана российской монархии, а в случае невозможности этого – окончательное разорение Крымского полуострова. По мысли главнокомандующего Российской армии генерал-фельдмаршала графа Бурхарда Кристофа Миниха, автора проекта этого плана, завоевать Крым предполагалось в результате повторного занятия разрушенных в 1736 г. Перекопа и Кинбурна, взятия Карасубазара, Бахчисарая, Балаклавы, Кафы, Керчи и Тамани. На этот раз императрица Анна Иоанновна поручила «Крымскую экспедицию» генерал-фельдмаршалу Петру Петровичу Ласси, под началом которого к концу апреля предполагалось собрать у реки Молочные Воды 55-тысячный корпус, в том числе 15 тыс. человек иррегулярных войск. Кроме того, к участию в походе правительство стремилось привлечь калмыцкого хана Дондук-Омбо – вассала русской императрицы. Графу Б.К. Миниху была вверена «Днепровская экспедиция», организованная с целью овладения Очаковым и Бендерами [1].

Как отметил А.К. Баиов, услуги, оказанные армии в кампанию 1736 г. нерегулярными войсками и особенно донскими казаками, «показали, какое драгоценное подспорье они составляют в действиях против такого неприятеля, как татары». В докладе Анне Иоанновне от 14 января 1737 г. граф Б.К. Миних констатировал, что «при восприятии будущих воинских операций, а паче против Крыма, ни в чем так нужно быть не может, как в нерегулярных войсках, более же – в донских казаках и калмыках» [2].

Именным указом Анны Иоанновны от 26 февраля 1737 г. Правительствующему сенату предписывалось организовать на Дону наряд по меньшей мере 12 тыс. «доброконных и оружейных» казаков. Мобилизация донцов, часть которых несла службу за пределами Дона, происходила с большим трудом [3].

Местом сбора для казаков и калмыков Войска Донского перед началом кампании 1737 г. было назначено урочище у реки Темерник, где 24 апреля войсковой наказной атаман Иван Иванович Фролов провел их смотр. На смотр явились 9254 конных казака и «юртовых» калмыка,

[1] Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-31-10173 «Крым и южные рубежи России: история, культура, межэтническое взаимодействие»).

из которых 417 человек были «одноконными». В соответствии с правительственным указом наказной атаман разделил их на два походных войска. Одно из них численностью 4626 человек, во главе с походным атаманом Иваном Васильевичем Фроловым направилось 7 мая к крепости Переволочна, чтобы принять участие в Очаковском походе. Другое формирование, насчитывавшее 4628 человек (4301 казак и 327 калмыков, в том числе 186 «одноконных»), в тот же день под командованием походного атамана Ивана Матвеевича Краснощёкова выступило к реке Миус, на соединение с корпусом П.П. Ласси. При этом назначенное для похода в Крым донское походное войско, в соответствии с ордером П.П. Ласси, фактически было разделено на две части: 1122 человека передавались в команду Данилы Ефремовича Ефремова, а остальные 3628 человек оставались под началом И.М. Краснощёкова. Кроме того, 8 июня стараниями наказного атамана в корпус П.П. Ласси было отправлено еще 1887 донцов, в том числе и 1627 конных, 260 «пеших» казаков, собранных по станицам и вернувшихся с Царицынской линии. Общая численность задействованных в Крымском походе 1737 г. казаков и калмыков Войска Донского достигала 6637 человек. Кроме того, 2273 «пеших» казака атамана Федора Емельянова вышли в Азовское море на 110 лодках вместе с Донской флотилией вице-адмирала Петра Петровича Бредаля. Всего в кампании было задействовано 13 538 казаков, калмыков и татар с Дона. Учитывая, что строевой состав Войска Донского на тот момент насчитывал 14 378 человек, лишь 842 из них не участвовали в войне против Османской империи [4]. Следовательно, в 1737 г. впервые был проведен поголовный набор донских казаков в действующую армию. В станицах остались только престарелые, больные, раненые и малолетние казаки [5].

На этот раз, в отличие от Крымского похода 1736 г., маршрут Российской армии в Крым пролегал вдоль северного берега Азовского моря и имел гораздо меньшую протяженность. 11 мая 1737 г. при устье реки Миус П.П. Ласси провел смотр прибывшей донской команды походного атамана И.М. Краснощёкова. Она насчитывала 4073 человек (не считая находившихся «на кошах»), среди которых были старые, малолетние и «худоконные» воины. Всё вооружение казаков составляла винтовка, а донских калмыков – лук, часть их имели при себе пики [6].

С 13 мая по 4 июня И.М. Краснощёков по приказу П.П. Ласси трижды отправлял казачьи отряды в разведку к рекам Кальмиус, Берда и Молочные Воды. Всё это время донское походное войско вместе с малороссийскими казачьими полками следовало в авангарде российского корпуса. 15 июня И.М. Краснощёков с отрядом из донских казаков и калмыков численностью 181 человек переправился через Генический пролив на Арабатскую стрелку, где захватил трех крымских татар, патрулировавших подступы к Арабатской линии [7].

К 7 июня 1737 г. численность идущего в Крым донского походного войска достигала 4596 человек, которые имели при себе 9018 лошадей.

Донцы составляли костяк иррегулярных войск в корпусе П.П. Ласси, которые также были представлены пятью слободскими казачьими полками (2503 человека) и четырьмя казачьими полками Войска Запорожского (5194 человека). Однако боевые качества украинских казаков были очень низкими – по свидетельству командующего, среди них «явилось весьма многое число престарелых, малолетних, худоконных и худоружейных» [8].

22 июня к корпусу присоединилось пришедшее из Черкасска пополнение из 1420 казаков. Одновременно, с 9 по 24 июня, корпус усиливался за счет поэтапно прибывавших войск Калмыцкого ханства, возглавляемых ханским сыном Галдан-Норбо и шестью нойонами, которые привели с собой 8637 волжских калмыков [9].

24 июня походный атаман Д.Е. Ефремов с командой из 1200 волжских калмыков, донских и украинских казаков был послан на Крымский полуостров для взятия языков. Прибыв к Чонгарскому полуострову, он отрядил 200 человек во главе со своим сыном Степаном к Перекопскому перешейку, а сам с остальными силами на лошадях форсировал вплавь Чонгарский пролив, на его противоположном берегу разбил татарский караул из 300–400 человек, взял семерых языков и последовал далее вглубь Крыма. В ходе рейда его отряд разорил и сжег около 20 татарских деревень и захватил в плен 30 человек обоих полов, а также отогнал большое количество скота и немного лошадей. Старшине Степану Даниловичу Ефремову удалось захватить в 30 верстах от Перекопа двух татар. На допросе они сообщили, что крымский хан Фетих-Гирей II во главе 15-тысячного войска ждет нападения российской армии с внешней стороны Перекопской линии [10].

Чтобы избежать больших потерь в бою с ханским войском и при штурме Перкопской линии, П.П. Ласси решил совершить обходной маневр и вторгнуться в Крым по Арабатской стрелке – узкой косе, отделяющей залив Сиваш от Азовского моря. В течение восьми дней, с 19 по 26 июня, состоявшие под его началом регулярные и иррегулярные войска переправлялись через Генический пролив на косу [11]. К тому времени численность российского корпуса достигла 35 тыс. человек, из которых лишь 12 676 человек служили в регулярных войсках [12].

29 июня генерал-фельдмаршал поручил группе донцов проследовать на лодке по Сивашу вдоль Арабатской стрелки в сторону перешейка Керченского полуострова и измерить глубину залива. В тот же день он отправил походного атамана И.М. Краснощёкова с казачьей командой к Арабату для взятия языков и поиска брода через Сиваш, по которому можно было бы перейти на Крымский полуостров. Для поддержки донцов вслед за ними был послан подполковник князь Мещерский с кавалерийским отрядом из 800 драгун. Казаки и драгуны форсировали Сиваш вплавь 30 июня, тогда же П.П. Ласси отправил в помощь И.М. Краснощёкову Д.Е. Ефремова с большим отрядом донцов и волжских калмыков. Одновременно российский корпус двинулся по Арабатской стрелке к Арабату [13].

Вернувшись из набега 1 июля, донские атаманы рапортовали П.П. Ласси, что разорили около 40 деревень на пространстве протяженностью около 50 верст от Сиваша до реки Карасу, разбили татарский караул из нескольких сотен человек, взяли в плен 47 мужчин и женщин, многих убили и ранили, а также отогнали 15–20 тыс. голов разного скота. При урочище Уч-Оба, где казаки и калмыки переправлялись через Сиваш, генерал-фельдмаршал обнаружил брод шириной более двух верст [14]. Стремясь минимизировать потери и уклониться от столкновения с крымскими и османскими войсками, защищавшими Арабатскую линию, П.П. Ласси вновь решил обойти их, переправившись на Крымский полуостров через Сиваш в том месте – примерно посередине Арабатской стрелки, почти напротив устья реки Салгир. Переправа войск и обоза через залив осуществлялась на плотах, лодках и верхом на лошадях. Чтобы ввести татар в заблуждение относительно своего истинного намерения, генерал-фельдмаршал организовал демонстрацию и направил к Арабату конный отряд из 300 драгун, 800 малороссийских, 300 слободских и 500 донских казаков под началом секунд-майора Храпова, при четырех пушках. Со 2 по 8 июля армия беспрепятственно перебралась на Крымский полуостров [15].

Пока переправа продолжалась, с 3 по 7 июля П.П. Ласси ежедневно отправлял атаманов И.М. Краснощёкова, Д.Е. Ефремова и сына калмыцкого хана Галдан-Норбо с казаками и калмыками к рекам Карасу и Сангар, к городу Карасубазару, в сторону Перекопа и Арабата для уничтожения татарских отрядов, взятия языков, разорения и поджогов селений. 8 июля армия двинулась вверх по рекам Карасу к Карасубазару, где к тому времени ее уже поджидало крымское войско во главе с ханом. На подступах к городу посланный впереди армии отряд Д.Е. Ефремова из 60 казаков и калмыков вступил в перестрелку с татарским патрулем. В тот же день группа казаков была послана за языками в противоположную сторону – к дороге, пролегающей от Арабата к Карасубазару, откуда 10 июля вернулась с двумя взятыми янычарами. Во время похода к Карасубазару иррегулярные войска разорили большое количество сел и деревень, лежащих на обоих берегах Карасу на протяжении 15 верст, сожгли в них сжатый хлеб, скошенное сено, мельницы, сады и находящиеся рядом леса, захватили в плен немало местных жителей, а также крымских и османских военнослужащих [16].

12 июля после полуночи иррегулярный авангард марширующего по левому берегу Карасу российского корпуса, насчитывавший тысячу человек, пять раз вступал в схватку с передовыми татарскими отрядами, которые каждый раз уходили с потерями. Когда утром на противоположном берегу реки был замечен лагерь противника, П.П. Ласси послал атаковать его все иррегулярные войска, вслед за которыми последовал сам с шестью кавалерийскими полками и девятью пехотными гренадерскими ротами. Войско хана стойко сопротивлялось, но вынуждено было отступить с большими потерями. На протяжении 15 верст до самых гор

его преследовали казаки и калмыки. По подсчетам российского командующего, под знаменами Фетих-Гирея II в акции участвовало 25–30 тыс. человек, в том числе турки и черкесы. Россияне потеряли в бою всего четырех человек убитыми и семь человек ранеными [17].

13 июля П.П. Ласси опять отправил впереди армии донцов и калмыков для поджога близлежащих селений. Утром следующего дня генерал-лейтенант граф Г.О. Дуглас с дивизией численностью 6140 человек, усиленной всеми казачьими и калмыцкими войсками, атаковал прикрывавшее Карасубазар крымское войско. К вечеру граф одержал победу и овладел городом. Противник потерял 90 человек убитыми и бежал на правый берег Карасу, где укрылся в горах. С российской стороны погиб один гренадер и восемь человек были ранены [18].

По приказу П.П. Ласси два драгунских полка и все иррегулярные войска разграбили и сожгли Карасубазар, который заблаговременно успела покинуть большая часть населения. Оставшиеся в городе жители были убиты и взяты в плен казаками и калмыками. Генерал-фельдмаршал не решился преследовать противника по узким горным дорогам и 15 июля вывел войска из города в обратном направлении, предварительно поручив казакам и калмыкам выжечь окрестные селения. Отдельный двухтысячный отряд калмыков отправился в набег к Бахчисараю и Акмечети [19].

В пяти верстах от Карасубазара армию догнало крымское войско, усиленное османской пехотой и насчитывавшее около 60–70 тыс. человек. Противники двигались параллельно по противоположным берегам Карасу на протяжении 10 верст и обстреливали друг друга из пушек, а казаки и калмыки вступали в схватки с татарами и турками. В итоге хану пришлось отступить. В результате его преследования с российской стороны было ранено 11 человек [20].

Для выхода из Крыма П.П. Ласси избрал новый путь, пролегавший через узкий пролив, отделявший Чонгарский полуостров от Крымского. Во время марша к Чонгарскому проливу с 15 по 21 июля российские войска жгли и разоряли все татарские селения, лежащие в окрестностях тракта на пространстве 15–20 верст. По подсчетам генерал-фельдмаршала, за время его пребывания в Крыму иррегулярные войска захватили около 2,5 тыс. человек полона, угнали от 50 до 60 тыс. голов скота и разорили около тысячи селений. Казаки и калмыки прикрывали движение армии, разбивая и отгоняя периодически появлявшуюся в ее тылу неприятельскую конницу [21].

Переправа корпуса на Чонгарский полуостров по наплавному мосту и на плотах происходила с 21 по 24 июля. 21 июля к проливу приблизились крымско-османские войска, чтобы помешать переправе, но были отбиты. На следующий день они ушли к Перекопской линии. К тому времени российский командующий, посчитав порученную ему задачу выполненной и не желая подвергать измученные жарой и ослабевшие войска новому испытанию, принял решение об их выводе с территории

Крымского ханства. Примечательно, что за время похода корпус П.П. Ласси, включая иррегулярные войска (кроме волжских калмыков), потерял убитыми и ранеными менее 50 человек. Окончив переправу 24 июля, командующий повел армию прежним путем к реке Молочные Воды [22].

Простояв там со 2 до 19 августа, П.П. Ласси отвел войска к реке Берда, откуда в начале сентября двинулся к российской границе. До этого он четырьмя партиями отпустил на Дон большую часть донских казаков. Воспользовавшись их отсутствием дома, 30 июля ногайская Кубанская орда совершила набег на Дон, во время которого разорила 7 станиц, сожгла около 300 домов, 350 базов, 8 хуторов и 12 400 копен разного хлеба, было убито 28 казаков, ранено 13, уведено в плен 968 человек и угнано 36 тыс. голов скота [23].

Несмотря на то что П.П. Ласси не удалось решить возложенную на него планом кампании главную военную задачу, а именно: овладеть Кафой, Керчью или Еникале, в целом его поход в Крым можно считать успешным. Полководец, вынужденно приспосабливаясь к меняющимся обстоятельствам, не избегал сражений с противником в открытом поле и энергично атаковал его, стремясь взять инициативу [24]. Донские казаки активно использовались генерал-фельдмаршалом не только в традиционных целях разведки и преследования отступающего неприятеля, но и в полевых сражениях. Именно донцам, наряду с калмыками, принадлежит главная заслуга в реализации бесчеловечного плана уничтожения экономической инфраструктуры Крымского ханства и массового террора против его мирного населения. С точки зрения стратегов той эпохи такие действия были вполне оправданными и даже необходимыми. Не следует забывать, что юридическое тождество народа и государства в Европе тогда еще не подвергалось сомнению, а жестокость к мирному населению страны-противника, тем более иного вероисповедания, не считалась неправомерной и аморальной.

С середины июня до конца июля донскими казаками и калмыками была опустошена вся восточная часть Крымского полуострова, нетронутая графом Б.К. Минихом в 1736 г. [25] Безусловно, казаки Войска Донского являлись наиболее воинственными и мобильными среди участвовавших в походе представителей казачьих войск. Применяемые ими правила и методы ведения войны ничем не отличались от кочевнических, что делало их опасными противниками в бою, особенно при взаимодействии с калмыками. В том числе из-за эффективных действий донцов при проведении карательных акций население Крыма восприняло российское нашествие 1737 г. как военную и гуманитарную катастрофу [26].

Участие донских казаков в Крымском походе 1737 г. было высоко оценено верховной властью. 4 марта 1738 г. императрица Анна Иоанновна отметила двух особо отличившихся в прошлогодней кампании походных атаманов: И.М. Краснощёкова произвела в регулярный армейский чин бригадира, а Д.Е. Ефремова назначила войсковым атаманом Войска

Донского. 4 апреля того же года его сын С.Д. Ефремов был награжден серебряным ковшом [27].

Примечания

1. Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 1. СПб., 1906. С. 348–353, 355–360, 424.
2. Баиов А.К. Русская армия … Т. 1. С. 327–328; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 6 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 117. Юрьев, 1904. С. 58.
3. Бумаги Кабинета министров … Т. 6. С. 114; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 236–237, 299об.
4. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области, собранных почетным членом Областного статистического комитета Е.Д. Фелицыным. Т. 1. Екатеринодар, 1904. С. 81–85, 87–88; РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 467. Л. 518–518об., 535об.
5. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 236об.
6. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 301об., 302.
7. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 285, 302об., 305, 306об., 307, 309, 310, 310об., 314, 321–322.
8. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 245 об.–246; Бумаги Кабинета министров … Т. 6. С. 342.
9. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 286об., 324–325.
10. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 287об., 288, 293–293об., 324об., 361–362.
11. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 325об.; Манштейн К.Г. Записки о России. Ростов н/Д, 1998. С. 161; Баиов А.К. Русская армия … Т. 1. С. 426–431.
12. Баиов А.К. Русская армия … Т. 1. С. 424; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 242–246, 251–251об.
13. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 330, 364об., 365–365об., 366об.
14. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 330–330об., 367–367об.
15. Манштейн К.Г. Записки о России. С. 161–162; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 330об.–332об., 334–334об., 367об.–369об., 372об.–373, 374, 376об.; РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Театры войны с Турцией. Д. 21; Verus Chersonesi Tauricae seu Crimea Conspectus adjacentium item Regionum Itineris q[ue] ab Exercitu Rutheno A° MDCCXXXVI et MDCCXXXVII adversus Tattaros susceptis. Sc. Petropolis, [1738]; Баиов А.К. Русская армия … Т. 1. С. 430–431.
16. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 334об.–335, 340–340об., 370–371, 374об.–379.
17. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 340об., 380–381.
18. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 340об.–341, 381об.–382, 384; Манштейн К.Г. Записки о России. С. 163–164.
19. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 341об.–342об., 383–384об.; Манштейн К.Г. Записки о России. С. 163–163.
20. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 342–343, 384об.–385; Манштейн К.Г. Записки о России. С. 164–165.
21. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 342об.–344, 385об.–387.
22. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 343–344об., 387–387об., 391, 392; Манштейн К.Г. Записки о России. С. 165–166.
23. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 392, 396–396об., 410, 414об., 415об.; Сборник архивных документов … С. 97–105, 112–113; Баиов А.К. Русская армия … Т. 1. С. 434–435.

24. Анализ похода с военной точки зрения см.: Баиов А.К. Русская армия ... Т. 1. С. 437–439.

25. РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1737 г. Д. 17а. Л. 408.

26. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889. С. 62; Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или История Крыма. 2-е изд. Симферополь, 2008. С. 146.

27. Аваков П.А. Жизнь и смерть бригадира И.М. Краснощёкова // Слава и забвение: Парадоксы биографики: сборник научных статей. СПб., 2014. С. 409–411; Постникова-Лосева М.М. Русские серебряные и золотые ковши. Труды Государственного исторического музея: Памятники культуры. Вып. 10. М., 1953. С. 55.

В.И. Чуцков

Противостояние России и Турции – Тахтамышское сражение 1790 г.

Все может родная земля: и напоить
из своих светлых родников,
и накормить своим хлебом,
и удивить красотой цветущих садов,
вот одного она только не может –
защитить себя, и сделать это
должен тот, кто пьет ее воду, ест
ее хлеб и любуется ее красотой.

А.В. Суворов

Стремление Турции к созданию великой Османской империи за счет отторжения части территории России активно поддерживалось и поддерживается некоторыми европейскими и мировыми государствами. Турция периодически вовлекается в военно-политические конфликты с Россией вопреки экономическим и политическим интересам самой Турции. Так было в первую и во вторую русско-турецкие войны, в Первую и Вторую мировые войны. Все это видно на примере действия союзников Турции (Пруссии и Англии) во второй Русско-турецкой войне (1787–1792), когда Турция потерпела ряд крупных военных поражений как на море, так и на суше; потеряла ряд важных военных крепостей, но продолжала вести невыгодные для себя военные действия против России, подстрекаемая западными союзниками.

Подобные действия западных союзников Турции осуществляются и в современной истории. Правительство Турции, ее армия в очередной раз используются в интересах других стран, заинтересованных в развязывании военных конфликтов на границе с Россией. В этой ситуации уместно привести слова великого русского флотоводца архистратига земли Русской адмирала Ф.Ф. Ушакова: «Не отчаивайтесь, сии грозные бури обратятся во славу России», «Чем сильнее враг, тем больше слава

в победе над ним». Осознавая всю серьезность сегодняшней военно-политической ситуации в мире, когда на нашу Родину в очередной раз пытаются оказать давление и путем вовлечения в военные конфликты ослабить Россию либо полностью разрушить ее как единое государство, возникает необходимость в объединении всего российского общества с целью защиты и сохранения нашего Отечества. Только сильные и современные армия и флот способны противостоять внешним угрозам. Высокий моральный дух, воинское мастерство, любовь к своей Родине и стремление к ее защите должны укреплять нашу армию и всю нашу страну. Научному сообществу России необходимо создавать новые научно-исторические методические материалы, которые могут в общедоступной форме донести до всех граждан России, и прежде всего для детей и молодежи, историческую информацию о примерах ратных и духовных подвигов народов России в борьбе с врагом в различные исторические времена. И событие, происшедшее 30 сентября 1790 г. на Кубанской земле, – Тахтамышское сражение, разгром сорокатысячной армии Батал-паши четырехтысячным отрядом генерала Германа – должны войти яркой страницей в военную историю нашего государства.

Представим основные моменты этого сражения, опираясь на дневники И.И. Германа [1], фундаментальный труд В.А. Потто «Кавказская война» [2] и использовав в качестве примера популярного изложения хода боевых действий интернет-ресурс, посвященный историческим событиям [3].

30 сентября 1790 г. на Кавказской линии состоялось сражение русских войск под командованием генерал-майора Ивана Ивановича Германа с турецкими войсками, которыми командовал Батал-паша – сераскир трехбунчужный паша. Результаты победы русского оружия имели большое значение для России. Сам Батал-паша был пленен, в последующих русско-турецких войнах Турция ни разу не пыталась вторгнуться в Закубанье. Предыстория этих событий разворачивалась следующим образом.

После потери Крыма и присоединения его к России Турция стремилась укрепиться на побережье Чёрного моря вблизи Кавказских гор. Были предприняты действия для строительства крепости недалеко от устья реки Кубань на мысе на берегу Чёрного моря. Не все старейшины кавказских народов, живших в тех местах, приветствовали намерения турок по строительству крепости. Один из горских князей, прозванный впоследствии Калебатом, что означает «разрушитель крепости», предостерегал горцев. Он говорил: «Турция не то, что мы. Турция – государство. Она может вести войну с другим государством. По жребию войны крепость может перейти во власть государства более победоносного, а тогда и вся земля, на которой будет стоять завоеванная крепость, законно перейдет в обладание того же государства» [4].

Турция смогла подарками и обещаниями убедить горских старейшин в выгоде для них строительства крепости. Такая крепость была построена

и названа Анапой. Во время строительства на нее неоднократно нападали черкесские племена, не желавшие видеть турецкую крепость на своей земле. Вначале Анапа состояла из редута, окруженного земляным валом. В 1781 г. европейскими инженерами, прежде всего французскими, здесь была построена настоящая крепость, которую называли «ключом азиатских берегов Чёрного моря» [5]. Анапа стала центром противостояния России на Чёрном море и центром религиозной пропаганды у кавказских народов.

В конце 1788 г. трехбунчужный Батал-паша назначен сераскиром на Кубани и главным начальником турецких войск, расположенных в Анапе и Суджук-Кале. В разных местах Кавказа стали появляться тайные агенты Турции, которые снабжались деньгами для подготовки восстания кавказских народов против России. Батал-паша активно готовил почву для вторжения своих войск на Кубань. В марте 1789 г. были получены достоверные сведения о намерении Батал-паши совершить поход в Кабарду и о том, что из Турции на Кавказ направляется Хусейн-гази паша с 50 тыс. человек отборного войска. В Анапе в это время находился лжепророк Мансур (Ушурма), который склонял горских князей к войне с Россией и разжигал религиозную вражду.

Граф Салтыков, командующий армией, был направлен на финское побережье для ведения войны со шведами. Два русских корпуса, Кубанский и Кавказский, остались под неопределенным командованием отсутствовавшего графа Потёмкина. Командир Кавказского корпуса генерал-поручик Юрий Богданович Бибиков взял на себя командование войсками на Кавказской линии. Чтобы закрепить за собой должность командующего, он спланировал организовать поход своего Кавказского корпуса с целью захвата турецкой крепости Анапы. Предшествующие годы военной службы Бибикова не были отмечены особыми победами. Своим возвышением он был обязан покровительству над ним графа Панина, с которым он участвовал в подавлении Пугачевского восстания.

Понимая всю важность для России захвата турецкой крепости Анапа, Бибиков в спешном порядке, до назначения нового командующего, решил прославить свое имя этим походом. С одним корпусом, налегке, без обозов, надеясь добывать все необходимое на месте, войска корпуса выдвинулись в январский поход. Кубань была покрыта льдом, вокруг лежал глубокий снег. В горах войска встречали сопротивление горцев, организованных шейхом Мансуром.

Начиналась весна, и долины рек превращались в озера с ледяной водой. 21 марта, после сорокадневного марша в канун светлого Христова Воскресенья, русские войска спустились с гор в долину. Несмотря на усталость, ночь они провели в молитвах, в полках служили заутреню. Утром пошел снег и ударил сильный мороз. Предприняв несколько попыток взять крепость, ценой невероятных усилий, мужества и храбрости, сохранив боеспособность корпуса, нанеся противнику, огромный урон, русские войска были вынуждены отступить. С большими потерями,

со многими ранеными и больными, сохранив почти всю артиллерию, корпус вернулся на Кубань. Это поражение русских войск подстегнуло турок к нападению на Кавказскую линию, дало повод кавказским народам усомниться в силе России. В то же самое время сильный турецкий флот с десантными войсками приближался к берегу Тавриды, и Крыму угрожала серьезная опасность быть атакованным с моря и суши, но победа контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова в Керченском проливе не позволила это сделать. Батал-паша, оставшись без поддержки флота, решил двинуть свои войска на Кавказскую линию, рассчитывая без особого труда разбить части Кавказского корпуса, оставшиеся после неудачного похода на Анапу генерала Бибикова, и затем развернуть наступление через южные границы в Россию. Он рассчитывал, что при первых победах сможет привлечь в свои войска мусульман, живших на русских землях, и что при этих условиях сможет отторгнуть большие территории от Российской империи и распространить мятеж по Волге и Уралу до самой Сибири. Весь Кавказский корпус состоял из трех отдельных отрядов, один из них под командованием генерала Булгакова стоял между Кубанью и Кумой, другой, бригадира Бервеца, у Прочного Окопа, а третий, генерала Германа, на реке Куме у Песчаного брода (недалеко от Георгиевской крепости).

Назначенный на должность новый командующий Кавказской линией генерал-аншеф А.Б. де Бальмен прибыл в Георгиевск больным – слег в постель и не мог осуществлять командование войсками. Обстоятельство это ослабило необходимое единство распоряжений. Вся тяжесть борьбы легла на один отряд генерала Германа. 22 сентября генерал Герман получил сообщение от одного из абазинских князей, что Батал-паша, сосредоточив под свои знамена до 50 тыс. турок войск и горцев (при 30 орудиях), перешел через Лабу и уже стоит на Урупе (информация о передвижении противника приходила и из множества других источников). Из собранных сведений можно было сделать вывод, что Батал-паша намерен был идти в Кабарду и рассчитывал на помощь персидского шаха, который в то время стоял с войсками на Сунже с намерением вступить в Русско-турецкую войну на стороне Турции. Генерал Герман принимает решение выдвинуться навстречу неприятелю, известив об этом генерала Булгакова, для совместных действий против турок. Утром 28 сентября казачьи разъезды сообщили, что все турецкие войска двинулись от Зеленчука к Кубани. Турки, переправившись на русский берег, остановились у Каменного Брода и стали укреплять позиции. Тахтамышские горы, через которые лежал их путь в Кабарду, остались не заняты турецкими войсками. Генерал Герман сделал вывод, что Батал-паша не совсем уверен в своей победе.

30 сентября 1790 г. генерал Герман решительными действиями захватывает господствующие высоты, сбивает турецкую артиллерию и тремя ударами с левого, правого флангов и в центр турецких войск опрокидывает турок и их союзников. Турецкие войска с большими потерями отступают в свой лагерь и пытаются организовать оборону. Неожиданным

ударом с правого фланга отряд генерала Германа наносит удар по турецкому лагерю. Донской казачий полк под командованием 18-летнего войскового старшины Луковкина ворвался в расположение турецких войск и захватил Батал-пашу и его свиту. Потери турок и их союзников были огромными и исчислялись тысячами убитых, малочисленность русского отряда не позволяла ему брать пленных. Со стороны русских общие потери не превышали 150 человек убитыми и ранеными. Остатки турецких войск были окончательно добиты Кубанским корпусом барона Розена, встретившим их на левом берегу Кубани.

В состав войск генерала Германа входили: два пехотных полка – Кавказский и Тифлисский, Ростовский карабинерский полк, 3 егерских батальона, 6 эскадронов Астраханского драгунского полка с пушками, Донской атаманский казачий полк, конвойные казаки и 5 орудий полевого парка. Общее количество войск с приданными частями составляло около 4 тыс. человек.

Блистательная победа над сорокатысячной армией, которую турки собирали два года, имела для России громадное значение, она утвердила на долгое время среди кавказских народов убеждение в непобедимости русских войск и подготовило падение крепости Анапа. Императрица Екатерина II наградила генерала Германа за этот подвиг орденом Святого Георгия Победоносца II степени. Недалеко от места сражения была основана казачья станица. Не в честь, а в назидание эта станица была названа Баталпашинской – в напоминание Турции о славной победе русского оружия.

Примечания

1. Журнал кампании по Кавказской линии покойного Генерала от инфантерии и Кавалера Ивана Ивановича Германа 1790 года от 22 Сентября по 30 число. URL: http://wars175x.narod.ru/cmp_tht01.html (дата обращения: 20.05.2016).
2. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. Нашествие Батал-паши (Генерал Герман). М., 2007. URL: http://www.vehi.net/istoriya/potto/kavkaz/115.html (дата обращения: 03.05.2016).
3. 1790 г. Разгром Батал-паши на берегах Кубани 30 сентября 1790 года // Русские казаки. URL: http://russkie-kazaki.ru/russkie-podvigi/voennie/116--1790-30-1790 (дата обращения: 21.05.2016).
4. Потто В.А. Указ. соч.
5. Там же.

Ш.А. Гапуров, В.Х. Акаев, В.Х. Магомаев

1806 год – важная веха в российско-дагестанских отношениях

С XVI в. между Россией, Османской империей и Ираном шла борьба за Кавказ, в том числе и за Северный Кавказ. К концу XVIII в. Россия

явственно стала одерживать верх в этом противостоянии. Однако и с началом XIX в. Турция и Иран не оставляли своих реваншистских планов. Так, в 1804 г. Иран развязал очередную войну с Россией. Главные военные действия развернулись в Закавказье. При этом персидский двор большие надежды возлагал на антироссийское восстание в Дагестане, что поставило бы закавказскую русскую армию меж двух огней. С началом войны многочисленные иранские агенты стали подбивать дагестанских ханов к войне с Россией, обещая за это немалые деньги от имени шаха. «От персидского шаха ко всем дагестанским владельцам предписано было, – говорилось в донесении кавказского наместника П.Д. Цицианова в октябре 1804 г., – чтобы они прислали нарочных к нему для получения денежных награждений из казны, почему Али-Султан, Ших-Али-хан и Хамбутай (дагестанские владельцы – ханы. – *Авт.*) послали с уверениями, ежели они получат великое награждение, то будут служить ему верно» [1]. В фирманах шаха к дагестанским владельцам активно использовался и религиозный фактор – защита ислама от «русских гяуров» [2]. Однако большинство дагестанских владельцев не поддалось на уговоры ирано-турецкой агентуры и сохранило верность России. Этому способствовали ряд факторов. Во-первых, к началу XIX в. было уже очевидно, что Иран и Турция в военно-экономическом отношении намного слабее России и последняя выигрывает борьбу за Кавказ. Во-вторых, до 1805 г. Россия придерживалась с дагестанскими феодалами вассально-союзнических отношений, давала им чины и жалованье и не требовала исполнения никаких повинностей [3]; их права и привилегии оставались неприкосновенными, существовала надежда, что это положение сохранится и впредь. В-третьих, к началу XIX в. многие дагестанские территории были тесно связаны с Россией торгово-экономическими отношениями и просто не могли без них обходиться. Не зря царские власти использовали право торговли для горцев в российских пределах как поощрение за покорность.

И все же широко развернутая в Дагестане антироссийская агитация Ирана, подкрепленная золотом и щедрыми подарками, находила отклик у отдельных феодалов, и ранее известных своей проиранской ориентацией, а также «среди одурманенной мусульманской религией части населения» [4]. Наиболее открытую и активную проиранскую позицию заняли Ших-Али-хан Дербентский и Сурхай-хан (Хамбутай) Казикумухский, к которым примкнули Али-Султан Дженгутайский, родственник Султан-Ахмед-хана Аварского старшина Алисканд и некоторые другие феодалы. Они стали призывать горцев Дагестана к «священной войне» с Россией. Когда этот лозунг не нашел особой поддержки среди населения, они стали собирать наемные отряды. В начале 1806 г. кизлярский комендант полковник М.А. Гоколов сообщал генералу Г.И. Глазенапу, что «казикумухский хан Хамбутай как из родных горских деревень, так и некоторых подвластных андреевских владельцев собирает к себе людей с обещанием платить каждому по 45 рублей для приумножения при себе

войска; а те, соединенно бы с дербентским Ших-Али-ханом – поставить себе не только в оборону против России, но и всю возможность употреблений приостановить дальнейшие действия г-на ген.-от-инф. кн. Цицианова с корпусом» [5]. Для создания наемного войска из дагестанцев персидский двор отпустил в 1806 г. 30 тыс. червонцев [6].

В начале 1806 г. иранское командование, терпя в Закавказье неудачи от российских войск, разработало план совместного с дагестанцами наступления. Согласно ему, Сурхай-хан, Ших-Али-хан, владельцы Шекинский и Шемахинский, а также примкнувшие к ним другие феодалы должны были открыть военные действия против российских войск и отвлечь их от Елизаветполя к Нухе, а от Алазани – к Джарам «и тогда пересечь им сообщение и дороги к отступлению, истребить плоты, паромы и занять все переправы» [7]. На помощь Сурхай-хану и его союзникам должны были прибыть иранские войска во главе с Аббас-Мирзой (иранский принц, наследник престола и командующий войсками Ирана) и грузинским царевичем Александром [8]. Объединенные силы дагестанцев и иранцев должны были окружить и уничтожить российские войска, прежде чем подоспеет помощь из Тифлиса [9].

План совместных действий части дагестанских феодалов и иранских войск создавал серьезную угрозу для российской армии в Закавказье и в целом российским позициям на Кавказе. От кавказского командования требовались срочные меры, чтобы сорвать иранский план.

В Петербурге весной 1806 г., в соответствии с планом (так называемые «Предначертания») министра иностранных дел России А. Чарторыйского, решено было отказаться от наступательной тактики на Северном Кавказе. В особенности это относилось к Дагестану, которому в этом документе уделялось больше всего внимания. Это свидетельствовало о том, что в тот период российское правительство придавало данному региону исключительно важное стратегическое значение. В документе отмечалось, что большинство дагестанских владельцев считаются в российском подданстве, хотя оно и носит «токмо наружный характер» и «ни мало недействительно» [10] .

В Петербурге в целом знали о попытках Ирана поднять в Дагестане антироссийское восстание, осознавали и возможные пагубные последствия в случае их успеха. Тем не менее правительство не планировало введение войск в Дагестан, исходя из нескольких соображений: оно опасалось, что это может вызвать сопротивление у дагестанского населения; не было гарантий, что большинство дагестанских владельцев сохранят свою лояльность при вступлении российской армии в их владения. Войск на Кавказской линии было мало, поэтому в Петербурге не решались оголить ее, направив в Дагестан их основной костяк. Не была исключена и возможность вторжения горцев из-за Кубани и из Кабарды в российские пределы, т.к. и в этих районах активно работала ирано-турецкая агентура. Небольшой же экспедиционный отряд в случае вооруженного сопротивления дагестанцев мог быть разбит, и тогда ситуация в Дагестане

вообще вышла бы из-под контроля российских властей. Наконец, Россия пыталась начать мирные переговоры с Персией и прекратить с ней войну ввиду осложнения российско-турецких отношений. В случае вступления российских войск в Дагестан и их неудачи здесь данная цель стала бы недостижимой. Исходя из всего этого, Министерство иностранных дел во «всеподданнейшем докладе» от 16 апреля 1806 г. рекомендовало в отношении Дагестана иную тактику: «Дагестан непременно и надолго еще нужно держать в блокаде, не поддаваясь нимало во внутренность гор, хотя бы представилась к оному временная удобность. Ибо между могущей быть пользою и опасностью нет никакой соразмерности» [11]. Однако кавказское командование не стало прислушиваться к этим указаниям Петербурга. У него было свое видение военно-политической ситуации в Дагестане.

После убийства П.Д. Цицианова в 1806 г. среди кавказского командования некоторое время наблюдалось определенное замешательство. Тем не менее командующий войсками на Кавказской линии генерал Г.И. Глазенап, узнав об активизации антироссийских сил в Дагестане, решил предпринять срочные меры, не ожидая указаний из Петербурга. «Предвидя, что все дагестанские племена, воспользовавшись случаем, обрушатся на Грузию», он в начале апреля 1806 г. (когда в Петербурге еще только обсуждали вопрос об изменении политики на Северном Кавказе) отправил с Кавказской линии к границам Дагестана Троицкий пехотный полк с шестью орудиями и стал готовить для похода туда экспедиционный отряд. Ситуация в Дагестане «обязывает меня отвратить от общего предприятия, – доносил Глазенап в Петербург, – и сделать диверсию движением отряда войск из Кизляра ко владениям дагестанским» [12]. В середине апреля отряд перешел Терек и стал на Кумыкской равнине [13]. Только уже выступив в поход, Глазенап поставил об этом в известность Петербург. В рапортах от 24 апреля (к этому времени он еще не мог получить из столицы одобренные царем «Предначертания» Чарторыйского) и 20 мая 1806 г. генерал излагает цели похода и свое видение путей усмирения Дагестана.

Глазенап всячески пытается успокоить Петербург, заявляя, что не собирается действовать силой против всех дагестанских владельцев, что его поход носит масштабно-ограниченный характер. В рапорте от 24 апреля, отправленном сразу же после переправы через Терек, он докладывает Чарторыйскому: «Ненужным полагаю раздражать дагестанских владельцев нашествием на их владения понеже, хотя оные и посягнули поднять оружие, но не произвели ничего в действо на границах Грузии». Целью своего похода Глазенап называет наказание лишь одного Сурхай-хана Казикумухского, «дерзнувшего сделать нападение обще с лезгинами на Александрийский редут» и которому надо «дать восчувствовать… силу российского оружия» [14]. В рапорте от 20 мая генерал пишет, что предпринятый им поход в Дагестан – это лишь демонстрация силы, чтобы удержать дагестанских владельцев от антироссийских

выступлений. «Сей поход не что иное, как диверсия для отвращения Дагестана от покушений на Грузию, который устрашен будучи якобы приближением многочисленной армии, с трепетом ожидает на кого падет ярость наказания и отказались от всех предложений Баба-хана и бакинского Гусейн-Кули-хана к содействию… Притом я чистосердечно осмелюсь пред высочайшей особой Его императорского величества объяснить, что отряд столь малочислен, что никакого чувствительного вреда не может нанести Дагестану, огражденному трудностями местных положений… А мне только дойти до Тарков и отобрать от всех владельцев залоги верности… и под предлогом их покорности возвратиться на линию…» [15].

Эти донесения Глазенапа свидетельствуют, что он не ставил себе задачу военным путем покорить Дагестан. Очевидно, что чувствовал он себя весьма неуверенно, и конец похода представлялся ему довольно туманным. Это была отчаянная попытка (действительно, очень смелая) при крайней малочисленности войск на Кавказской линии небольшими силами удержать дагестанских владельцев от антироссийского восстания и в крайнем случае – выступить против Ших-Али-хана и Сурхай-хана – если они не изъявят покорность. Поведение остальных дагестанских владельцев для Глазенапа казалось трудно предсказуемым, так как еще в июле 1805 г. П.Д. Цицианов предупреждал его, что шамхал Тарковский, Али-Султан Дженгутаевский и Ших-Али-хан Дербентский «отправили от себя посланца к Баба-хану сердарю с изъяснением о готовности их содействоать ему против России…» [16].

Однако большинство дагестанских владельцев сохранило верность России в период русско-иранской войны 1804–1813 гг., и поход российских войск в Дагестан в 1806 г. превратился в самое настоящее «триумфальное шествие». Уже в апреле, в самом начале похода, Глазенап сообщает в Петербург, что шамхал Тарковский «истинно приверженный и верный подданный Е.И.В., во всех случаях оказывает свою помощь и усердие» [17]. Позже войско шамхала присоединилось к Российской армии. 2 июня 1806 г. Глазенап доносит Чарторыйскому, что «по прибытии моем в Кизляр удостоверился я, что дагестанские владельцы вообще повергают себя к покровительству всемилостивейшего нашего государя за исключением дербентского хана» [18]. Уцмий Каракайтагский и табасаранские владельцы также предложили Глазенапу свою военную помощь. Всячески помогали русским войскам и жители приморского Дагестана: строили и чинили мосты, дороги, изъявляли желание вступить в российскую армию и участвовать в войне с Ираном и поддерживающим его феодалами [19]. Когда в Петербурге увидели, что явную непокорность в Дагестане оказывают только Ших-Али-хан и Сурхай-хан, здесь было принято решение извлечь из ситуации максимум выгоды. Глазенап получил приказ захватить Дербент, занимавший важное стратегическое место на берегу Каспийского моря, как промежуточное звено между Россией и Закавказьем.

Непокорный Дербент мешал движению русских войск к Баку. К тому же его опасно было оставлять в тылу отряда, направляющегося на покорение Бакинского ханства. В июне Глазенап двинулся к Дербенту. Правитель Дербента Ших-Али-хан вместе с наемным лезгинским войском пытался оказать сопротивление Российской армии. Однако население Дербента не хотело войны и выступило за мирную сдачу города. Ших-Али-хан не пользовался ни поддержкой, ни уважением у подвластного ему населения. «Погрузясь во все пороки и злодеяния», он «похищал девиц, лучших красавиц в Дербенте, отнимал супруг у отчаянных мужей и после со смехом отсылал их обратно; ни слезы красавиц, ни бешенство мужей, ни просьбы отцов и матерей, не смягчали сладострастного деспота» [20]. Дербентское население ожидало российские войска как своих освободителей и, когда Ших-Али-хан не согласился с его требованием сдать город без боя, против него было поднято восстание. Ших-Али-хан бежал в горы к Сурхай-хану [21]. П.Г. Бутков так описывал эти события: «Возмущение, вспыхнувшее в Дербенте вследствие расточительного и распутного поведения Шейх-Али-хана, усиливается при вести о походе русских. Хан принужден бежать, а жители тогда же извещают о том Глазенапа, изъявляя свою покорность и прося его поспешить занятием города войсками. 24 июня. Дербентские жители приведены к присяге на подданство России» [22].

22 июня русские войска без боя вошли в Дербент, правителем которого был назначен один из преданных России азербайджанских ханов – Албена-бек Ахматов. 26 июня Глазенап докладывал Александру I: «Столь славный древний персидский город Дербент покорен отрядом войск под начальством моим без урона и пролития крови» [23]. Бежавший в горы Ших-Али-хан попытался собрать силы для возвращения Дербента. Крайне заинтересован в удержании этого города-порта в руках Ших-Али-хана был и шахский двор, считавший, что это не только важный стратегический пункт, но и плацдарм, очаг для поддержания постоянной напряженности в приморском Дагестане. Возвращение Дербента могло бы повлиять и на позиции остальных дагестанских феодалов. Поэтому Тегеран срочно направил Ших-Али-хану крупную сумму денег и военную помощь. Архивный источник сообщает: «По слухам, на помощь к ним (сторонникам Ших-Али-хана. – *Авт.*) прибыл даже персидский отряд в две тысячи человек с четырьмя орудиями. Но русские быстро рассеяли отряды Ших-Али-хана, Сурхай-хана и заставили персов поспешно отступить…» [24].

С учетом важного стратегического положения Дербента, в нем было установлено прямое российское управление. Ханство же Дербентское было передано шамхалу Тарковскому за его «верную службу» России.

Победа русского оружия в Дагестане была облегчена и тем, что на ее стороне активно выступили и некоторые азербайджанские владельцы. Так, 9 мая 1806 г. у местечка Гюниюк состоялся серьезный бой между отрядами Сурхай-хана (сюда входили казикумухцы, джарцы, аварцы)

и союзником России Селим-ханом Шекинским. Еще до подхода российских войск, задержавшихся из-за трудностей перехода через горы, шекинцы разбили Сурхай-хана. Он потерял около 1 тыс. человек убитыми, более 800 человек попало в плен. Сам Сурхай-хан и его сын были ранены.

Из Дербента российские войска под предводительством нового командующего войсками на Кавказской линии генерала С.А. Булгакова (в августе 1806 г., по настоянию нового главнокомандующего на Кавказе И.В. Гудовича Г.И. Глазенап был отправлен в отставку) отправились к Баку. Город был взят без боя. Отсюда Булгаков выступил к Кубе, который являлся владением Ших-Али-хана. На этот раз хан даже не попытался оказать сопротивление, и российские войска свободно вступили в город. «Ших-Али-хан … прислал к нему (Булгакову. – *Авт.*) с покорною, принося раскаяние свое в учиненных им поступках, и принята от него присяга на верноподданство» [25]. Тем не менее Булгаков, не веривший в искренность Ших-Али-хана, отстранил его от управления Кубинским ханством, разрешив ему проживание (без права выезда) в выбранной им деревне. Однако хан в очередной раз нарушил данную им присягу и бежал в Казикумух [26].

В 1806 г. практически все дагестанские владельцы и часть «вольных обществ» приняли или вновь подтвердили свое подданство России [27]. Документ свидетельствует: «Владельцы дагестанские бывали всегда независимы от Персии и независимо каждый управлял своим владением, состоя с давних времен под покровительством и подданством России. Дербент, Тарку, владельцы каракайтагские, табасаранские, аварские и другие суть неоспоримые тому доказательства» [28]. 3 декабря 1808 г. Александр I указывал Гудовичу: «Если вы признаете за нужное для прекращения колебаний мыслей в тамошних народах и дабы знали они, что… области, прибегающие под мою защиту, не могут быть отлучны от оной, довести до сведения ханов и владельцев Дагестана, Ширвана и всех областей, входящих в предначертанную границу, что отныне, впредь, Кура, Аракс и Арпачай имеют быть границей между российским и персидским владениями (таким образом, Чечня и Ингушетия также оказывались внутри российских владений. – *Авт.*), я разрешаю вам сделать в том смысле от имени вашей прокламацию» [29]. Наместник Кавказа А.П. Тормасов 3 июля 1810 г. писал министру иностранных дел Н.П. Румянцеву, что все дагестанские владения, кроме ханства Казикумухского, «находятся в прямом подданстве его императорского величества», «приобретенные оружием или трактатами сведенные в непосредственное подданство России» [30].

Таким образом, можно говорить о том, что в 1806 г. де-факто состоялось присоединение Дагестана к России. Крупнейший востоковед XIX в. М. Казем-Бек также считал, что «окончательное покорение Дагестана русскими» произошло в 1806 г. [31]. В пользу этого утверждения свидетельствует и то, что именно с 1806 г. царские власти начинают устанавливать прямое российское управление в отдельных частях Дагестана

(в Дербенте, Кубе), отстраняют одних дагестанских ханов от власти (Ших-Али-хана в 1806 г., Сурхай-хана в 1812 г.) и передают их владения (или часть их) другим феодалам (шамхалу, Аслан-хану и др.). И, наконец, начинают устанавливать в некоторых дагестанских владениях налоги – дань в российскую казну «как явный знак покорности» [32]. Россия действует с 1806 г. в Дагестане как на собственной территории. «Все эти приобретения окончательно утверждены были за Россией в 1813 г. Гюлистанским договором, которым Персия отказалась от всех притязаний на Грузию и Дагестан», – отмечал источник XIX в. [33]. Гюлистанский мирный договор лишь юридически, формально с точки зрения международного права оформил присоединение Дагестана к России.

Примечания

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 2. Тифлис, 1868. С. 786.

2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. ВУА. Д. 4259. Ч. 1. Л. 164.

3. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана. М., 1961. С. 56.

4. Джахиев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIX века. Махачкала, 1985. С. 34.

5. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М., 1988. С. 270.

6. Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 16. Оп. 1. Д. 367. Л. 1–2.

7. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 5. СПб., 1887. С. 30.

8. Там же. С. 32; Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 3. Тифлис, 1869. С. 268.

9. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1902. Т. 1. С. 235–236.

10. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 161. СП ГА. 1–13. 1806 г. Оп. 10. Д. 2. Л. 87об.

11. АВПРИ. Ф. 161. СП ГА. 1–13. 1806 г. Оп. 10. Д. 2. Л. 88 об.–89.

12. АВПРИ. Ф. 161. СП ГА. 1–9. 1801 г. Оп. 8. Д. 2. Л. 21.

13. Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Екатеринодар, 1896. С. 42.

14. АВПРИ. Ф. 161. СП ГА. 1–13. 1806 г. Оп. 10. Д. 2. Л. 136об.

15. Там же. Л. 109–109об.

16. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 11. Тифлис, 1888. С. 784.

17. АВПРИ. Ф. 161. СП ГА. 1–13. 1806 г. Оп. 10. Д. 2. Л. 134об.

18. АВПРИ. Ф. 161. СП ГА. 1–13. 1806 г. Оп. 10. Д. 2. Л. 114.

19. История Дагестана: в 4 т. Т. 2. М., 1968. С. 19; Русско-дагестанские отношения … С. 17.

20. Зубов П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800-го по 1834 г.: в 3 т. СПб., 1836. Т. 1. Ч. 1. С. 5.

21. Бакиханов А.-К.-А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 156; Ибрагимбейли Х.-М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. М., 1969. С. 69; Гаджиев В.Г. Классовая и внутриклассовая борьба в дореволюционном Дагестане // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983. С. 21.

22. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Т. 3. СПб., 1869. С. 384.

23. АВПРИ. Ф. 161. СП ГА. 1–13. 1806–1807 гг. Оп. 10. Д. 5. Л. 25.
24. РГВИА. Ф. 482. Д. 143. Л. 19.
25. АВПРИ. Ф. 161. СП ГА. 1–13. 1805 г. Оп. 10. Д. 9. Л. 116.
26. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 34. Л. 140-144.
27. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 189; Гасанов И.Р. К вопросу о вхождении Табасарана в состав России // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XIX в. Махачкала, 1988. С. 64–65.
28. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 3. С. 382.
29. Дубровин Н.Ф. Деятельность Тормасова на Кавказе // Военный сборник. 1877. № 9. С. 6.
30. АВПРИ. Ф. 161. СП ГА. 1–13. 1806–1811 гг. Оп. 10. Д. 6. Л. 28.
31. Казем-Бек М. Избранные произведения. Баку, 1985. С. 36.
32. АВПРИ. Ф. 161. СП ГА. 1–13. 1806–1811 гг. Оп. 10. Д. 6. Л. 16.
33. Очерк Кавказской войны // Военный сборник. 1864. № 5. С. 283.

С.Г. Воскобойников

Донские казаки в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг.

Участие донских казаков в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. представляет интерес в связи с возрождением боевых традиций Российской армии. Начиная с XVI в., Донская земля и донские казаки играли важнейшую роль в истории России. Поскольку главным занятием донцов была военная служба, необходимо для выяснения их роли в истории страны внимательно рассмотреть военно-политические отношения России с Османской империей, Персией, Францией, Великобританией и другими странами, участие донских казаков в вооруженных конфликтах, в том числе и в начале XIX в. С одной стороны, исследование военных столкновений дает необходимые сведения по истории донского казачества, а с другой стороны, изучение участия казаков в военных действиях обогащает отечественную историю важными деталями.

В целом к Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. интерес возник не сразу. В начале ее заслонила немеркнущая слава Отечественной войны 1812 г. Однако последующие войны с Турцией (1828–1829 гг., 1853–1856 гг. (Крымская), 1877–1878 гг.) пробудили более пристальное внимание к русско-турецким войнам в предшествующее время. Можно выделить три периода в историографии этой темы: во-первых, дореволюционный, с 1812 по 1917 гг.; во-вторых, советский, с 1917 до конца 1980-х гг.; и, в-третьих, современный, с 1991 г.

Основными проблемами, над которыми работали дореволюционные историки, были: причины войны, ее характер, русское военное искусство, стратегия военных действий, тактика кавалерии, пехоты и артиллерии, их роль в боевых столкновениях, изучение хода сражений, участие отдельных личностей и подразделений. Среди исследователей этого периода следует выделить: Д.И. Бутурлина [1], В. Броневского [2],

А. Хатова [3], А.И. Михайловского-Данилевского [4], И.П. Прянишникова [5], М.Х. Сенюткина [6], Л.М. Савелова [7], Х.И. Попова [8], И.П. Липранди [9], А.Н. Петрова [10], Н.Ф. Дубровина [11], К.К. Абаза [12], А.Н. Пивоварова [13], А. Струсевича [14], А.Л. Гизетти [15], В.А. Потто [16], Б.М. Калинина [17], И.С. Быкадорова [18], П.Н. Краснова [19], П.В. Андрианова [20], М.С. Жирова [21].

В этих исследованиях освещены в основном самые яркие события в истории донского казачества, а вот деятельность казаков в войне 1806–1812 гг. описана очень лаконично, за исключением 1809 г., когда на Балканском театре военных действий сражался атаман М.И. Платов, произведенный за заслуги в генералы от кавалерии. Остальные кампании этой войны (1806, 1807, 1810, 1811, 1812 гг.) изложены кратко, т.к. авторы считали, что ничего выдающегося донцы в это время не совершили, а просто выполняли свою обычную ратную службу.

Работы исследователей в советский период развития историографии в целом отражали методологические подходы к изучению истории с позиции господствующей идеологии. Тем не менее многие из них были серьезными исследованиями и на основе проблемно-хронологического подхода излагали историю Донского края. Отрадным явлением в историографии этого периода стало формирование в качестве самостоятельного исследовательского направления истории участия донских казаков в войнах России и СССР. Большой вклад в этот процесс был внесен ростовскими историками А.П. Мастеровой, А.П. Пронштейном [22], В.С. Левченко, Б.В. Чеботаревым [23], Е.И. Демешиной, Н.А. Хмелевским [24], В.А. Золотовым, Н.А. Мининковым [25], А.И. Агафоновым [26] и др. Таким образом, в 1950–1980-е гг. было положено начало более детальному и достоверному исследованию истории участия донских казаков в военных действиях, которое окончательно стало возможно лишь в современный период.

На современном этапе развития отечественной историографии теме участия донских казаков в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. по-прежнему уделяется немалое внимание. Историки пытаются по-новому осмыслить события того времени и дать им более взвешенную оценку, не впадая в крайности как преувеличения, так и приуменьшения важных аспектов этой темы. Среди исследователей данного периода особо хотелось бы выделить А.И. Агафонова [27], М.П. Астапенко [28], А.В. Венкова [29], А.В. Захаревича [30], Н.С. Коршикова [31], Н.Ф. Ковалевского [32], А.П. Скорика, Р.Г. Тикиджьяна [33], В.И. Лесина [34] С.В. Корягина [35], К.Г. Малыхина [36], В.П. Трута [37], А.В. Шишова [38]. Автор данной статьи также внес свой посильный вклад в изучение этой темы [39] (результаты указанного исследования были использованы при написании данной статьи).

Целью данной работы является определение роли донских казаков в боевых действиях и их вклада в достижение победы над турецкими войсками. Отсюда следуют задачи исследования: выяснить, в каких

боевых действиях участвовали донские казаки на первом и втором этапах этой войны; выявить, какие обязанности выполняли донские казаки в этой войне; узнать, какие награды получили донцы за свои заслуги в ходе военных действий 1806–1812 гг. против турецких войск.

Военная кампания 1806–1807 гг. как первый этап Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. была краткосрочна и отмечена стремительным продвижением русских войск вглубь вражеской территории до реки Дунай (на Балканах) и установлением контроля над ней. Действия в Закавказье носили вспомогательный или отвлекающий характер и были направлены на то, чтобы анатолийские войска не смогли быть переброшены в европейскую часть Турции. Русские войска оказали действенную помощь сербам, разгромив турок у селения Малайница, после чего противник остановил свое наступление в Сербии.

Русской армией на Дунае командовал генерал от кавалерии И.И. Михельсон. В ней находились 16 казачьих полков (четыре из них в ближайшем резерве), что составляло 59 % всей кавалерии. Главнокомандующим русскими войсками в Грузии был генерал-аншеф, с 1807 г. генерал-фельдмаршал граф И.В. Гудович (1806–1809). На Кавказе располагались 27 (в 1807 г. – 26) казачьих полков, что составляло 72 % всей кавалерии. В ходе военной кампании казаки приняли активное участие во всех событиях, развернувшихся на Дунайском театре военных действий: в овладении городами Яссы, Галац, Аккерман; крепостями Хотин и Бендеры; укрепленными селениями Бырлад, Текуч, Бузэу; в разгроме многочисленных отрядов противника у селений Глодени и Урзичени, Абай Визирлуй, Бабилов, Сердарий, Чатыржоглу, Изворино (в Сербии), Обилешти, между озерами Кочегул и Котлибух, в бою за остров Ольмар; в штурме и захвате Бухареста. В поражениях у селений Пелени и Куйбей (зимой 1807 г.) нельзя обвинять лишь одних казаков, здесь плохо взаимодействовали войска. А самостоятельно выдержать удар во много раз превосходящих сил противника не в состоянии и тяжелая кавалерия, а не только казаки. Однако удачных боевых операций было гораздо больше.

Таким образом, были взяты две оборонительные линии неприятеля по берегам рек Днестр и Прут. Наши войска вышли к реке Дунай на левом (северном) берегу которого у противника оставались только крепости Измаил, Браилов, Журжа.

На Кавказской линии и в Закавказье казаки с неизменным успехом отражали набеги горцев, были постоянными участниками всех ответных экспедиций. В штурмах укреплений Поти, Карса и Ахалкалаки донцов не использовали. Они безупречно выполняли другую задачу – отражали атаки деблокирующих войск противника. Кроме этого, казаки отличились в разгроме турок у селений Баш-Шурагель, Чемушлы, Гумри и Дигнис, при взятии крепости Магизберд.

Все это показывает, что казачество действительно представляло собой мобильную силу, способную решать задачи боевого охранения, ведения разведки, противоборства с неприятельскими отрядами, снятия

вражеских пикетов. В числе охотников (добровольцев), штурмовавших крепости, обязательно были донские казаки. Однако анализ источников о действиях донских казаков подтверждает тот факт, что командованием русской армии они не были в полной мере использованы в соответствии с их боевыми возможностями.

В молдавской армии донские полки действовали по приказу главнокомандующего разрозненными группами. К ним присоединяли местных волонтеров, чтобы придать последним боеспособность. Казаки сопровождали каждый корпус и отряд русской армии. Ни один крупный бой не прошел без активного участия донских казаков. На Кавказском театре военных действий донцам приходилось действовать чаще всего в качестве аванпостов, стерегущих войска от нападений горцев. Казаки отлично справлялись со сторожевой службой. Они были постоянными участниками всех экспедиций для усмирения горцев. В походе в турецкие владения в 1807 г. и к персам в 1808 г. донцы были прекрасным авангардом, хорошо вели разведку, а при отступлении надежно прикрывали тыл. И на Дунае, и на Кавказе казаки внесли немалую лепту в победы русского оружия, показали себя умелыми воинами, благодаря упорству, неутомимости, самоотверженности которых были достигнуты успехи в боях с противником.

На втором этапе Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. (1809–1812) русской армией на Балканах командовали генерал-фельдмаршал князь А.А. Прозоровский (1807–1809), генерал-лейтенант князь П.И. Багратион (1809–1810), генерал от инфантерии граф Н.М. Каменский (1810–1811), генерал от инфантерии М.И. Кутузов (1811–1812). В ней находились: в 1809 г. – 23 донских казачьих полка (48,6 % всей кавалерии); в 1810 г. – 23 полка (34 % всей кавалерии); в 1811–1812 гг. – 15 полков (49 % всей кавалерии). На Кавказском театре военных действий войсками командовали генерал от кавалерии А.П. Тормасов (1809–1811), генерал-лейтенант маркиз Ф.О. Паулуччи (1811–1812) и генерал-лейтенант Н.Ф. Ртищев (1812). Здесь располагались: в 1809–1810 гг. – 26 казачьих донских полков (72 % всей конницы); в 1811–1812 гг. – 30, а затем 34 казачьих донских полков (72 % всей кавалерии).

Кампания 1809 г. на Дунае стала самой яркой страницей участия донцов в военных действиях 1806–1812 гг. против Турции. Благодаря деятельности М.И. Платова донские казаки участвовали во взятии крепостей Гирсова, Мангалы, Кёстендже (современная Констанца) и других. В полевых сражениях этой кампании роль донских казаков была более заметна, они и прежде активно участвовали в боях, но в 1809 г. их вклад в достижение побед проявлялся более четко. Сражение при Рассевате, бой у Калипетри, битва у Татарицы, победы В.Д. Иловайского, А.К. Денисова, других донских героев и, прежде всего М.И. Платова, стали незабываемыми событиями донской военной истории. Заметной деятельность донцов стала благодаря тому, что их основная часть была собрана в один корпус, способный решать крупные самостоятельные задачи. В кампании

1810 г. Н.М. Каменский перестал использовать казаков в качестве отдельного авангардного корпуса и, раздробив, распределил по остальным корпусам. Но и в таком положении донцы так храбро и умело сражались, что заслужили право называться самой боеспособной конницей русской армии. В военных кампаниях 1811–1812 гг. донские казаки вновь продемонстрировали свои лучшие боевые качества. Несмотря на снижение количества донских полков на Дунайском театре военных действий, им по-прежнему пришлось содержать цепь аванпостов по всей длине. Были здесь и досадные оплошности, о которых писал М.И. Кутузов в приказе от 12 июля 1811 г., но гораздо больше было блестяще выполненных заданий: захват языков казаками во главе с урядником Авиловым, умело проведенные атаки в боях у Видина, Рущука, Малой Слободзеи и т.д., разгром лагеря противника на правом берегу Дуная и последние удары, заставившие турок вести переговоры всерьез, – все это немаловажный вклад донских казаков в победу над Турцией.

О значении и роли донских казаков в боевых действиях в Закавказье в 1809–1812 гг. можно сказать следующее: они добросовестно выполняли свой долг и поставленные перед ними задачи, лучше других частей и подразделений справлялись с разведкой и сторожевой службой. При наступлении их всегда ставили в авангард, а при отступлении – в арьергард. В авангарде казаки первыми сталкивались с противником, завязывали с ним бой, часто опрокидывали его до подхода главных сил. В крупных полевых сражениях донцов бросали на фланги противника, что вносило панику в его ряды. Казаки, беспрерывно атакуя врага, мешали ему перестроиться и оказать сопротивление. Бесспорно, наступательный пыл многочисленной конницы противника не могли самостоятельно остановить немногочисленные казачьи полки, а то и группы казаков по 30–100 человек. Вражеский натиск в большинстве случаев останавливался русской пехотой или подавлялся картечью русской артиллерии. Но добиться разгрома противника можно было лишь при взаимодействии всех родов войск, где каждый из них четко выполнял свои функции и был готов прийти на помощь товарищам по оружию. В этом смысле донские казаки отлично выполняли свои обязанности, поэтому были просто незаменимы. Любая боевая операция не обходилась без участия хотя бы нескольких десятков донцов. Они, взаимодействуя с другими родами войск, яростно атаковали противника, обороняли укрепления, а при отступлении русских отрядов надежно несли арьергардную службу, отражая атаки врага.

Поэтому, принимая во внимание эту незаменимую роль донских казаков, мы хотим сказать, что в боевых действиях на Кавказе, как и на Дунае, донцы внесли огромный вклад в победу русского оружия. Боевые заслуги казаков были отмечены наградами и благодарностями, что говорит о высокой боеспособности, которую они показывали в столкновениях с противником. Звания генерала от кавалерии был удостоен 1 человек, генерал-майора – 3 человека, полковника – 8 человек, подполковника –

16 человек, войскового старшины – 10 человек. Были награждены орденами: Святого Георгия 3-й степени – 7 человек; Святого Георгия 4-й степени – 11 человек; Святого Владимира 1-й степени – 1 человек; Святого Владимира 3-й степени – 4 человека; Святого Владимира 4-й степени – 23 человека; Святой Анны 1-й степени – 1 человек; Святой Анны 2-й степени – 14 человек; Святой Анны 3-й степени – 19 человек; Святой Анны 4-й степени – 8 человек. Удостоены золотой сабли с надписью «За храбрость» 17 человек, Высочайшее благословение получили 40 человек.

Участие донских казаков в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. является одной из славных страниц истории донского казачества, которой потомки должны гордиться.

Примечания

1. Бутурлин Д.И. Картина войны России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. Ч. 1. СПб., 1829.

2. Броневский В. История донского войска, описание земли и Кавказских Минеральных Вод. СПб., 1834.

3. Хатов А. Турецкий поход русских под предводительством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году. СПб., 1840.

4. Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны, с 1806 до 1812 года // Михайловский-Данилевский А.И. Полное собрание сочинений. Т. III. СПб., 1849.

5. Прянишников И.П. Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864.

6. Сенюткин М.Х. Донцы. Исторические очерки военных действий, биографии старшин прошлого века, заметки из современного быта и взгляд на историю войска Донского. М., 1866.

7. Савелов Л.М. Трехсотлетие войска Донского, 1570–1870. Очерки из истории донских казаков. СПб., 1870.

8. Попов Х.И. Празднование трехсотлетнего юбилея войска Донского. Май 1870 года. Новочеркасск, 1870.

9. Липранди И.П. Особенности войн с турками. СПб., 1877.

10. Петров А.Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1885–1887.

11. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888.

12. Абаза К.К. Казаки, донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении для чтения в войсках, семье и школе. СПб., 1890.

13. Пивоваров А.Н. Донские казаки: Краткий сборник рассказов из военной жизни донцов, о их храбрости, находчивости в бою, преданности долгу и прочее. Новочеркасск, 1892.

14. Струсевич А. Герои Дона. Граф Платов, Бакланов. Вып I. Новочеркасск, 1895.

15. Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск: в 2 ч. Тифлис, 1896.

16. Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. СПб., 1902.

17. Калинин Б.М. Материал для истории донской артиллерии. Новочеркасск, 1907.

18. Быкадоров И.С. Былое Дона. СПб., 1907.

19. Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909.

20. Андрианов П.В. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. // История Русской армии и флота: сборник. М., 1911. С. 64–91.

21. Жиров М.С. Герои Дона // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. XI. Новочеркасск, 1913. С. 144–152.

22. Мастерова А.П., Пронштейн А.П. П.И. Багратион и донское казачество в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. // Из истории Дона (XVIII–XX вв.): сборник. Вып. 1. Ростов н/Д, 1956. С. 71–89.

23. Левченко В.С., Чеботарев Б.В. История Донского края: учебное пособие. Ростов н/Д, 1975.

24. Демешина Е.И., Хмелевский Н.А. История Донского края: учебное пособие. 2-е доп. изд. Ростов н/Д, 1983.

25. Сыны донских степей: сборник статей. Ростов н/Д, 1973.

26. Агафонов А.И. Область войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Ростов н/Д, 1986.

27. Агафонов А.И. Донские генералы в Военной галерее Зимнего дворца. Ростов н/Д, 2012.

28. Астапенко М.П. Атаман Платов. Историческое повествование. Ростов н/Д, 2003.

29. Венков А.В. Атаман Войска Донского Платов. М., 2008.

30. Захаревич А.В. Донские казачьи полки в Грузии в конце 1807–1810 гг. // Научная мысль Кавказа. Приложение. 2005. № 1. С. 41–45.

31. Коршиков Н.С. Из истории донского дворянства. Родословные донских дворянских родов. Карповы. Дячкины. Дворяне Орловы и графы Орловы-Денисовы // Проблемы источниковедения и отечественной истории. Ростов н/Д, 1999. С. 226–268.

32. Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII – начала XX века. М., 1997.

33. Казачий Дон: очерки истории. Ч. I. Ростов н/Д, 1995.

34. Лесин В.И. Бунтари и воины. Ростов н/Д, 1997.

35. Корягин С.В. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. (период 1806–1809 гг.) // Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 113. М., 2014; Корягин С.В. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. (период 1810–1812 гг.) // Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 114. М., 2014.

36. Малыхин К.Г. История Донского края: учебное пособие. М., 2006.

37. Трут В.П., Курков Г.М. Военная энциклопедия казачества. М., 2009.

38. Шишов А.В. Георгиевская слава России. М., 2008.

39. Воскобойников С.Г. Участие донских казаков в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг.: дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2006.

А.В. Захаревич

Подполковник Акиндин Иванович Аханов – герой третьего плана боев с горцами на Северном Кавказе в 1804–1810 гг.

Уже более 150 лет прошло со дня официального окончания Кавказской войны (21 мая (2 июня) 1864 г.), но память о ней на Дону не перестает волновать сердца потомков донцов, участвовавших в этой эпопее. На всю Россию известен своими подвигами генерал-лейтенант Яков

Петрович Бакланов (герой первого плана. – *А.З.*), но так получилось, что он единственный, кого вспоминают, когда заводят речь о Кавказской войне, в связи с донским казачеством. Однако Дон дал Родине массу и других героев боев с горцами, имена которых постепенно возвращаются в боевую летопись славы донского казачества на Кавказе. Примером этому может быть восстановленная биография забытого героя Дона, полковника В.А. Быхалова 1-го [1], являвшегося личностью второго плана. Но, думается, не стоит забывать о безвестных личностях третьего плана, которыми полна история донского казачества и которые тоже внесли определенный вклад в успех русского оружия на Кавказе. Просто в силу своего психического склада эти люди не выделялись из общей массы войск и остались забытыми и не внесенными в скрижали памяти Кавказской войны.

Жизненным кредо этих людей были слова отца Петруши Гринева из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, Андрея Петровича, произнесенные им при проводах сына на службу: «…на службу не напрашивайся; от службы не отворачивайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду» [2]. А.С. Пушкин, будучи природным дворянином, не случайно вложил в уста Андрею Петровичу эти мысли, пытаясь охватить в них всю многогранность воинской службы. В них кроется глубокий философский смысл его повести. И если дать общую характеристику героев третьего плана, то получится, что они на службу не напрашивались, а от службы не отговаривались. Но знали свое место, соблюдали свою честь и, если дело касалось защиты Отечества, делали это не хуже личностей первого и второго плана. На Дону одним из таких является уроженец станицы Бессергеневской, подполковник Акиндин Иванович Аханов.

Последний из его послужных списков, датированный июнем 1809 г., сообщает, что ему на это время было 66 лет, т.е. родился он или в 1742 г., или в 1743 г. Происходил из казачьих детей Войска Донского. Умел по-русски читать и писать. Был женат на обер-офицерской дочери Домне Матвеевне, но детей не имел [3]. Службу начал казаком 8 мая 1759 г. в полку бригадира Михаила Поздеева, который базировался в Кизляре. Сколько длилась эта служба – неведомо, т.к. в послужном списке указан только этот год, но при выходе на вторую службу, 24 марта 1766 г., он был произведен в хорунжие и этим же числом зачислен в полк полковника Петра Попова. В его составе А.И. Аханов действовал в Польше против конфедератов, включительно по 1768 г., участвуя во взятии местечек: Староконстантинова, Хмельника, Винницы, а также в действительных сражениях под Чугиным, Жванцем, Бердичевым, Острогом, Львовом, Несвижем, Краковом, Сандовой Вишиньей, Зеленым Устьем, Галичем, Станиславом и Петраковом. После чего уже в составе полка полковника Алексея Кушнарева в чине сотника, с 17 июня 1769 г. до 1773 г. сражался с турками на Дунайском театре. Отличился в сражении под Новоселицами, где был ранен в левую ногу пулей, а также при взятии Хотина, битвах при Соколах, Рябой Могиле, Фокшанах, у Белокаменного Колодца

и в генеральном сражении при Кагуле, где снова был ранен в левую ногу пулей. После этого следовали бои при Тульче, Сальче, Бабадаге, а при штурме Варны Акиндин Иванович снова был ранен пулей в шею. За все эти отличия он 5 августа 1772 г. был произведен в есаулы, но с переводом уже в полк полковника Луки Сулина тем же числом. В составе этого полка он участвовал в боях под Силистрией, Кайнарджею, при Базарджике и под Шумлой.

После войны, в 1775 г., участвовал во всеобщем Войска Донского походе к Кубани против горцев. Пробыв некоторое время на Дону при войске, 25 мая 1781 г. в составе полка полковника Павла Краснощекова он вышел на новую службу, содержа в течение трех лет кордоны по Бугу. А в 1786 г. молодой есаул снова в походе к Кубани, где сражался с горцами. За отличие 30 мая 1788 г. был произведен в капитаны и по собственной просьбе тогда же был переведен в полк полковника Павла Иловайского, с которым участвовал в новой войне с Турцией, а именно в осаде и взятии штурмом Очакова, за отличие в котором был награжден очаковским Золотым крестом. В июне 1789 г. полк принял под свою команду полковник Иван Иловайский, под руководством которого А.И. Аханов участвовал в бою на реке Батне при Каушанах и взятии Аккермана и Бендер. За отличие в этих боях он был произведен 22 декабря 1789 г. в войсковые старшины. Продолжая служить в полку Ивана Иловайского, в 1790 г. он участвовал в осаде и штурме 11 декабря крепости Измаил, за что был награжден измаильским Золотым крестом [4].

В 1791 г., после окончания войны с Турцией, полк стоял в Молдавии, где содержал по Днестру от стороны Речи Посполитой кордоны. Продолжая эту службу в 1792–1798 гг., охватывал разъездами побережье Чёрного моря от Гаджибея до Днестра и по его берегу вверх [5].

После возвращения на Дон А.И. Аханов отбыл годовую льготу, а далее до 14 августа 1804 г. состоял при войске. В этот день он был указом воинской экспедиции войсковой канцелярии назначен командиром Донского казачьего полка и вместе с новым походным атаманом донцов на Кавказской линии, полковником В.А. Быхаловым 1-м (и его полком), выступил к новому месту службы. Это было первое его самостоятельное командование полком, которое доверили ему уже в возрасте 61 года. Эти два полка до конца 1804 г. действовали совместно, и первое, что им пришлось делать по прибытии на линию, – ликвидировать выступление осетин, перерезавшее Военно-Грузинскую дорогу. Связь с Грузией была парализована, а это в свете начавшейся войны с Персией грозило плохими последствиями.

Решительные действия против осетин начались только 19 сентября, а до этого, с 1 сентября, правитель Грузии генерал-лейтенант Д.М. Волконский пытался решить проблему переговорами с осетинами. Пока они шли, те осадили Ананур. Только после этого, осознав размеры опасности, Д.М. Волконский с батальоном Севастопольского полка под командованием генерал-майора Ф.И. Талызина поспешил к Анануру, но время было уже упущено. Несколько стычек не изменили положения, и войска

вернулись в Тифлис, не выручив даже гарнизон Ананура. Это отступление надломило дух войск, и другой батальон этого полка, стоявший на реке Ламис, самовольно покинул позицию, да так быстро, что оставил горцам 3 орудия [6]. Оставление Ламисского поста открыло осетинам путь на Ксан и в Картли. Отряды восставших доходили до Гори, опасность угрожала Тифлису.

Положение спас только генерал-майор П.Д. Несветаев, находившийся во Владикавказе. Поняв, что осетины достигли успеха благодаря поднятой ими панике и нераспорядительности Д.М. Волконского, он по собственному почину собрал во Владикавказе все отряды, имевшиесяя в наличии. Это 6 рот Казанского пехотного полка и вызванные с линии полки Быхалова 1-го и Аханова 1-го [7] и быстро двинулся в горы, овладев Балтой, Ларсом, Дарьялом и, наконец, Казбеком [8]. Это взгляд на события В.А. Потто: получается, что и боев никаких не было, а осетины все эти пункты сдали просто так!

Но бои были, и еще какие! [9] Правда, нами были исследованы только действия полка полковника В.А. Быхалова 1-го, который в основном и овладел, идя в авангарде отряда П.Д. Несветаева, вышеперечисленными пунктами и даже был представлен генералом к ордену Святого Владимира 4-й степени [10]. Однако необходимо отметить, что и полк войскового старшины А.И. Аханова 1-го внес свой вклад в этот успех русского оружия, о чем свидетельствуют строки из послужного списка Акиндина Ивановича за 1806 г.: «19-го (сентября. – *А.З.*) при разбитии засевшего в Балтинском ущелье бунтовщика Дударука с его сообщниками; 21-го и 22-го при занятии Жирахов и Маголцев и истреблении из замков» [11].

Но в послужных списках В.А. Быхалова 1-го и А.И. Аханова 1-го встречаются и разночтения, что говорит о том, что на второй фазе операции полки действовали раздельно. Так Н.Ф. Дубровин в своей монографии упоминает, что Ларс был взят авангардом Быхалова [12], а послужной список А.И. Аханова гласит: «Октября 1-го, при укреплении Ларса» [13], в то время как послужной список В.А. Быхалова вообще не упоминает Ларса, а сообщает только о том, что он «овладел местечками Дариалом и Казбеком, от мест коих сбил грузинского царевича Парнаоза» [14].

Выясняется, что А.И. Аханов действительно командовал отдельным отрядом, что зафиксировано в его послужном списке: «4-го и 5-го (октября. – *А.З.*) крепости Казбека (взятии. – *А.З.*), 17-го при занятии Кашаурской горы и Телеугульского селения, где я со своим отрядом отыскал три российские пушки, а потом, очистивши Гудомакарьевские ущелины, в непрестанных с неприятелем сражениях» [15]. Получается, что после взятия Балты казачий авангард разделился на две части, и они выполняли уже разные задачи, направленные на разрешение одной цели – очищение Военно-Грузинской дороги.

Упоминаемые здесь три русские пушки – это те, которые были оставлены на берегу Ламисы в сентябре 1804 г. Причем в послужном списке В.А. Быхалова 1-го они тоже упоминаются [16], но как «общее место»,

а у А.И. Аханова называется конкретное место их нахождения – Телеугульское селение, что доказывает нам, что именно его казаки отыскали их в осетинском схроне. Это, конечно, заслуга, но не такая впечатляющая, как у В.А. Быхалова 1-го. Поэтому командир авангарда и был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени, а А.И. Аханову за его участие в этой экспедиции наград не вышло…

Вернувшись из Осетии на линию, полк войскового старшины А.И. Аханова расположился с 15 февраля 1805 г. у редута, прикрывавшего Баталпашинскую переправу через Кубань [17]. К маю 1805 г. [18] относится история, ставящая под вопрос способность казаков полка А.И. Аханова противостоять горцам. Суть дела изложена у В.А. Потто: «…на Кубани, у Лихачева, случилось следующее происшествие. Два горца залегли в лесу за колодой и ровно двенадцать часов отстреливались поочередно – как говорится, через ружье, от целой сотни донских казаков Аханова полка; много донцов было перебито, и по всей вероятности история эта затянулась бы надолго, если бы не подоспели линейцы. Линейцам удалось, наконец, выманить у противника оба выстрела разом и тогда, бросившись в шашки, они покончили с горцами прежде, чем те успели вновь зарядить свои винтовки» [19]. Примерно то же пишет об этом случае и К.К. Абаза [20], а современный автор К.В. Скиба, повторяя основную трактовку события, вслед за дореволюционными историками указывает, что этот бой происходил у станицы Воровсколесской [21]. Почему – непонятно, т.к. это была зона ответственности полка войскового старшины Ф.М. Персиянова 1-го [22].

Есть, правда, несколько иная интерпретация этого события, написанная гораздо ранее В.А. Потто и К.К. Абаза. Она содержится в статье о Г.И. Глазенапе в альманахе «Кавказцы». Неизвестный автор писал: «На Кубани, близ Батал-Пашинской переправы, два горца, залегши в лесу за колоду, полдня перестреливались с сотней Донских казаков Аханова полка: несколько людей и лошадей были убиты и ранены, и эта история долго бы тянулась, если бы не подоспели линейцы, которые, выманив у неприятеля выстрел, прямо на них бросились» [23]. Как видим, в этом изложении и убито-то не «много», как у ранее цитируемых авторов, а только «несколько людей и лошадей», и сам бой лишен той патетики, какой они его наделили. Подавать этот случай как стандартный образчик никчемности донцов в боях с горцами не стоит, как это стало уже принятым в нашей историографии. Это достаточно рядовое событие, каких на Линии в то время было предостаточно, и, как правильно заметил неизвестный автор статьи о Г.И. Глазенапе: «такие случаи случались со всеми войсками, стоявшими в то время на Линии» [24]. Понятно, что описание боя более объективно, когда время фиксирования факта ближе к происшедшему событию, и, соответственно, чем дальше – тем тенденциознее, что очень заметно на примере этой майской перестрелки.

После этого события казаки полка Аханова 1-го продолжали осваивать свою дистанцию по Кубани у Баталпашинского редута, постепенно

привыкая к местности и характеру действий противника. У Акиндина Ивановича в его послужном списке за июнь 1809 г. так и сказано: «805-го года февраля с 15-го у содержания по реке Кубану от горских народов передовой кордонной стражи» [25]. Причем от его полка была взята зимой 1807 г. сотня для участия в экспедиции в Чечню, о чем мы узнаем из послужного списка есаула Г.К. Севастьянова, который вернулся после ее окончания в полк только 30 марта [26], но сам командир полка оставался безвылазно на своем участке Линии, т.к. в отсутствие значительной части войск ее нужно было бдительно охранять.

Очевидно, что именно казаки этой сотни после возвращения из Чечни занесли в полк чуму, которую, по мнению многих исследователей, казаки «прихватили» из-за Малки и Терека в трофейных бурках, зараженных уже до экспедиции, т.к. чума бушевала в Чечне в это время в полную силу. Это сделали также и казаки полков Быхалова 1-го и Ильина 1-го, участвовавшие в экспедиции в полном составе.

Борьба с новой волной эпидемии породила ряд профилактических медицинских мер. Им подверглись и казаки полка Аханова 1-го, которых вместе с полком Быхалова 1-го вывели на карантины, где их продержали до весны 1808 г. Эпидемия, казалось, отступила… Полк Аханова 1-го вернулся на свое место, к Баталпашинской переправе, где летом, 19 июня 1808 г. он лихо, во главе со своим командиром, отразил нападение более 300 кабардинских наездников, стремившихся здесь прорваться через Кавказскую линию [27].

Однако чума затем снова взяла свое, и полки Быхалова 1-го и Аханова 1-го опять вывели на карантины, причем новый ее натиск был затяжным. Весной 1809 г. эти полки должны были уходить на Дон, переслужив все сроки «термина». На Дону к этому сроку были собраны новые полки, обязанные их сменить: полковника Грекова 8-го и войскового старшины Молчанова. Но из-за не унимавшейся эпидемии смена была отложена. Второй раз новые полки собрались под Новочеркасском в июне и явились на линию 14 июля 1809 г., а старые продолжали находиться на карантине. Полк Быхалова 1-го выбрался с линии только в ноябре, прибыв на Дон в декабре [28], а полк Аханова явился к родным куреням только 1 мая 1810 г. [29].

Находясь при войске, почти через год после возвращения с Кавказа Акиндин Иванович Аханов 3 марта 1811 г. наконец за все свои подвиги в совокупности был произведен в подполковники [30]. Это была его единственная награда за все 6 лет, проведенных на линии. Дальше он постепенно угасал и 7 июля 1816 г. скончался «от натуральной болезни» [31]. В том же источнике, но в другом списке, сообщается что он «приказал долго жить» 4 октября того же года [32]. Несколько месяцев расхождения в этих датах не играют особой роли: в общей сложности он прожил 73 года боевой жизни, соблюдая те правила честного служения, которыми напутствовал своего сына отец героя «Капитанской дочки» А.С. Пушкина. Это был действительно достойный офицер, пусть даже и герой третьего плана.

Примечания

1. Захаревич А.В. Полковник Войска Донского Быхалов 1-й Василий Андреевич: героическая биография, незаслуженно «посеченная» и исковерканная в отечественной историографии // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2013. Вып. XI. С. 50–89.

2. Пушкин А.С. Капитанская дочка // Полное собрание художественных произведений в одном томе. СПб.–М., 1999. С. 341.

3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 341. Оп. 1. Д. 479. Л. 11об., 23.

4. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 479. Л. 11об., 23–23об.

5. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 479. Л. 23об.

6. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. Ставрополь, 1994. С. 408–409.

7. Захаревич А.В. Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны (1801–1804 гг.). Ростов н/Д, 2005. С. 153.

8. Потто В.А. Указ. соч. С. 409.

9. Захаревич А.В. Походный атаман донских казаков на Кавказской линии в 1804–1809 гг., полковник Василий Андреевич Быхалов 1-й – забытый герой Кавказа // Кавказская война: символы, образы, стереотипы (К 150-летию со дня окончания). Краснодар, 2015. С. 234–235.

10. Захаревич А.В. Четвертый походный атаман донцов на Кавказской линии в оборонительный период войны с горцами (1801–1816 гг.), полковник В.А. Быхалов 1-й: вехи славы – 1804,1807 и 1812 гг. // Рубикон. Вып. 59. Ростов н/Д, 2011. С. 43–59.

11. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 126. Л. 128об.

12. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. IV. СПб., 1886. С. 380.

13. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 126. Л. 128об.

14. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 133. Л. 48–48об.

15. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 126. Л. 128об.

16. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 133. Л. 48об.–49.

17. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 114. Л. 2об.

18. Захаревич А.В. Две схватки донских казаков с горцами на Кавказской линии весной 1805 г. и их отражение в отечественной историографии Кавказской войны // Проблемы российской и европейской истории и историографии: общественно-политический и социально-экономический аспекты. Ученые записки кафедры российской и зарубежной истории ПГЛУ. Вып. XII. Пятигорск, 2009. С. 75.

19. Потто В.А. Указ. соч. С. 606.

20. Абаза К.К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казачьего быта в общедоступном изложении, для чтения в войсках, семье и школе. СПб., 1890. С. 301.

21. Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской линии. Армавир, 2005. С. 56.

22. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 114. Л. 2об.

23. «Кавказцы». Вып. 7–8. Генерал-лейтенант Григорий Иванович Глазенап. СПб., 1857. С. 7.

24. Там же. С. 8

25. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 479. Л. 23об.

26. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 135. Л. 70об., 75.

27. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 479. Л. 23об.

28. Захаревич А.В. Гаврила Васильевич Греков 8-й – пятый и последний походный атаман донских казаков на Кавказской линии в оборонительный период войны с горцами в 1801–1816 гг.??? // Рубикон. Вып. 56. Ростов н/Д, 2010. С. 40.
29. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 104. Л. 127.
30. Там же.
31. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 316. Л. 120об.
32. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 316. Л. 23.

Ю.Ю. Клычников

«Из военных дворян Ставропольской губернии...»: начало военной карьеры генерал-адъютанта генерала от инфантерии графа Н.И. Евдокимова

В 1804 г. в станице Наурской Георгиевского уезда Кавказской губернии родился Николай Иванович Евдокимов, которому суждено было стать одной из ключевых фигур кавказской истории XIX столетия. В его послужном списке в графе «Из какого звания происходит и какой губернии уроженец» значилось: «Из военных дворян Ставропольской губернии». За этой формулировкой скрывались непростые обстоятельства первых шагов по карьерной лестнице, которую пришлось преодолеть этому воину [1]. Своей блистательной карьерой будущий граф был обязан исключительно собственным незаурядным качествам, т.к. его происхождение, казалось бы, не давало никаких шансов добиться высоких постов. Его отец был родом из крестьян Уфимской губернии Богоруславской округи Руслановской слободы. В 1784 г. его отдали в рекруты, и Иван Евдокимов начал службу рядовым в Пермском мушкетерском полку. Затем его перевели в артиллерию и в 1813 г. удостоили производства в прапорщики. В отставку он вышел лишь спустя 49 лет, в июне 1833 г., в чине подпоручика. Видимо, Иван Евдокимов был у начальства на хорошем счету, а потому его назначили начальником артиллерийского гарнизона в укреплении Темнолесском. На этой должности он пробыл двадцать лет. Военная стезя выпала и его сыну, в десятилетнем возрасте переехавшему к отцу. Матерью Николая Ивановича была терская казачка Дарья Савельева, которая также не имела знатной родни, а потому рассчитывать на протекцию ее детям (троим сыновьям и шести дочерям) не приходилось [2].

Родители не могли дать ему достойного образования. О себе он сообщал, что учился «в частном учебном заведении» [3]. На самом деле мальчик лишь научился читать и считать, а заодно со временем усвоил те сомнительные развлечения, которые могли позволить себе солдаты и офицеры захолустных укреплений, разбросанных на Линии [4]. Но карты и спиртное все же не стали его главным жизненным интересом. Учителем Н.И. Евдокимова выступало полное опасностей и неожиданностей

кавказское пограничье, не прощавшее ошибок и требовавшее личного мужества, находчивости да и просто везения.

В 1821 г. он начинает службу в качестве подпрапорщика Тенгинского пехотного полка [5]. Ермоловское время было насыщено боевыми походами, схватками с горскими партиями, которые непрестанно тревожили Линию. Рота, в которой в должности писаря выпало служить Н.И. Евдокимову, прикрывала нарождающиеся курорты на Кавказских Минеральных Водах. Здесь и произошел случай, возможно, определивший судьбу будущего покорителя Кавказа. Он совершил правонарушение, за которое его ждало наказание. Но, по собственной инициативе отправившись в разведку, Н.И. Евдокимов сумел собрать важные сведения об ожидающемся набеге немирных горцев. Это позволило успешно отразить нападение, и наградой стало не только забвение былого прегрешения, но и произведение в прапорщики. В 1824 г. Н.И. Евдокимов отправляется в Дербент, где, получив первый офицерский чин, продолжает службу уже в Куринском пехотном полку [6].

С каждым годом военный опыт молодого офицера возрастал. Боевая биография Н.И. Евдокимова пополнилась участием в боевых столкновениях с неприятелем на территории Кубинского и Ширванского ханств, во время войны с Персией. Начальство отмечало его исполнительность и храбрость. Впрочем, на Кавказе этим было удивить сложно. Хотя Н.И. Евдокимов отличался смекалкой, знанием менталитета местных народов, но его карьерный рост продвигался крайне медленно. Пожалуй, это был типичный пример биографии «настоящего кавказца», о которой М.Ю. Лермонтов писал, что «хотя грудь его увешана крестами, а чины нейдут» [7].

Однако разгоравшееся на Кавказе движение мюридизма вскоре предоставило молодому офицеру возможность отличиться и взойти на очередную ступень служебной лестницы. Весной 1831 г. горский предводитель Кази-мулла захватил селение Тарки и осадил русский гарнизон в крепости Бурной. Ситуация складывалась отчаянная. Малочисленный русский гарнизон во главе с майором Федосеевым в течение восьми дней отражал натиск превосходящих сил неприятеля, но без поддержки извне был обречен на гибель [8]. Им на помощь выступил отряд генерала С.В. Каханова, в состав которого входил Куринский полк. В результате ожесточенного сражения неприятель был отброшен. Во время боя прапорщик Н.И. Евдокимов получил приказ возглавить резерв и поджечь ту часть Тарков, в которой закрепились мюриды. Он, «несмотря на сильное сопротивление неприятеля и на полученную им рану, исполнил в точности возложенное на него поручение», что было отмечено командованием [9]. Жажда славы и стремление отличиться чуть было не погубили молодого офицера. Он предпринял нападение на большую саклю, где, по его представлению, мог укрыться сам горский предводитель, и с потерями был отброшен неприятелем. Причем сам Н.И. Евдокимов оказался ранен в левую часть лица, что впоследствии привело к появлению

прозвища «Уч-гез», т.е. «Трехглазый» [10]. Но не только шрам стал причиной такого имени. Проницательность будущего генерала, умение разгадывать замыслы неприятеля наделяли его в глазах современников особыми выдающимися качествами.

Суровый опыт не пропал даром, и «в дальнейшем он никогда не позволял себе необдуманных и авантюрных атак, неподготовленных операций и действий без тщательной разведки. Изучение противника стало для него обычным, рутинным занятием, однако его познание превратилось со временем в отличительную черту генерала. В отличие от многих коллег, он отказался от стандартного ведения боя или войсковой операции, вначале он старался проанализировать все особенности предполагаемого противника, а уж потом, найдя его слабые стороны и подобрав подходящее время, решался на наступательные действия, стараясь замаскировать его от горцев» [11].

Раненый офицер оказался на излечении в крепости Бурной, где познакомился со своей будущей женой, дочерью местного коменданта Александрой Александровной Федосеевой [12]. Впрочем, потенциальному тестю он не понравился. За душой у молодого офицера не было ни гроша, а жизнь на Кавказе стоила дешево. Опасаясь за будущее дочери, майор Федосеев отказал Н.И. Евдокимову [13]. Зато не обидело его начальство. Н.И. Евдокимова наградили орденом Святой Анны III степени [14]. Кроме того, он был повышен в чине и стал подпоручиком [15].

Стремясь побыстрее вернуться в строй и вместе со своими товарищами разделить тяготы борьбы с Кази-муллой, он на лодке отправился в осажденный Дербент и сумел пробраться в город. Когда «после бурного плавания, на вторые сутки лодка стала подходить к Дербенту, два гребца, заметив большие огни, стали уверять, что это пожар; но Евдокимов догадался, что это неприятельские бивуаки, и сначала поспорил об этом с гребцами, но после, вспомнив, что те из боязни попасть к неприятелю, пожалуй, и вздумают вернуться, перестал спорить, подтвердил их догадку насчет пожара и таким образом доплыл до города…» [16].

Грозный имам так и не сумел добиться поставленной цели. Он был отброшен от Дербента, а русские войска начали постепенно теснить мюридов, возвращая под свой контроль потерянные территории. В составе отряда генерал-адъютанта Н.П. Панкратьева Н.И. Евдокимов участвует в усмирении Табасарани и Каракайтага, штурмует селения Дювек и Эрпели [17]. В начале декабря 1831 г. он принимает участие в сражении с мюридами в урочище Чумескент, стоившем русским войскам больших жертв. Достаточно сказать, что в ходе боя погиб командир отряда полковник Миклашевский, были убиты и ранены до 350 солдат и офицеров [18].

В 1832 г. судьба свела Н.И. Евдокимова с генералом Францем Карловичем Клюки фон Клюгенау (Клугенау), который приблизил к себе перспективного подчиненного и в дальнейшем способствовал его карьерному росту. Похлопотал он и перед отцом невесты своего подчиненного – майор Федосеев согласился на их брак [19]. Под его началом Евдокимов сражается

с Кази-муллой в урочище Эльсустау, не позволяя осуществиться планам главы мюридов закрепиться в шамхальских владениях [20].

Если 1833 г. прошел относительно спокойно, то следующий оказался наполнен походами и сражениями. Новым местом службы Н.И. Евдокимова становится Апшеронский пехотный полк. По мере разрастания вооруженного противостояния на Северо-Восточном Кавказе у Н.И. Евдокимова не раз появлялась возможность показать свои качества в боях с отчаянными мюридами. И он каждый раз демонстрировал свои навыки расчетливого и храброго командира. Заслуги произведенного в поручики Н.И. Евдокимова были отмечены в ходе штурма аула Гимры и селения Гоцатль [21].

С 1834 г. новым местом службы Николая Ивановича становится Апшеронский пехотный полк. Видимо, он сумел произвести должное впечатление на новом месте службы, т.к. на следующий год его избирают полковым казначеем. На него обратил внимание император, высказавший свое высочайшее благоволение подданному, о действиях которого столь лестно сообщалось в поступавших реляциях. Очередной наградой офицеру стал орден Святого Владимира IV степени с бантом [22].

Инициативного офицера в конце 1836 г. назначают адъютантом 1-й бригады 19-й пехотной дивизии, которой командует Клюгенау. Генерал по мере продвижения по службе не оставлял заботами и своего подчиненного. Как отмечал биограф Н.И. Евдокимова И.И. Ореус, «в 1838 г., при назначении Клугенау начальником Ахалцыхской провинции, и в 1839 г. – начальником войск в северном Дагестане, он не разлучался с Евдокимовым и переводил его с собою на новые места служения. Трудно сомневаться в том, что Николай Иванович, благодаря исключительно его личным качествам, практическому уму, близкому знакомству с горцами и опытности как в строевой, так и в военно-хозяйственной частях, был для Клугенау человеком драгоценным и трудно заменимым. С другой стороны, и для Евдокимова, тогда еще бедного армейского офицера, не обладавшего никакими связями с сильными мира сего, – покровительство такого известного на Кавказе генерала, как Клюкифон-Клугенау, имело огромное значение» [23]. В дальнейшем их будут связывать добрые товарищеские отношения, которые не прервутся даже после отъезда Франца Карловича с Кавказа.

После кровопролитного боя у Ашильтинского моста в марте 1837 г. Н.И. Евдокимова произвели в штабс-капитаны и выдали внушительную по тем временам сумму в 1600 рублей [24]. Эта деньги нужны были, чтобы излечить новые ранения, которые он получил в ходе схватки с отрядом Шамиля. На этот раз пуля раздробила ему правую сторону лица, обе ноги были прострелены, а грудь ушиблена камнями [25]. Такова была цена, которую платили солдаты и офицеры Отдельного Кавказского корпуса за свои награды и чины, достававшиеся им на службе Отечеству.

По случаю прибытия Николая I на Кавказ возник замысел убедить Шамиля лично встретиться в Тифлисе с императором и просить у него

«о всемилостивейшем прощении и, принеся со всею искренностью раскаяние в прежних поступках, изъявить чувства верноподданнической преданности», – говорилось в сообщении барона Розена к генерал-майору Фезе 21 августа 1837 г. [26]. Это была попытка мирного решения конфликтной ситуации, и Шамиль мог рассчитывать на самые широкие преференции со стороны русских властей. Убедить в этом главу мюридов поручили Клюгенау, отправившемуся на встречу с небольшой свитой, в которую вошел и Н.И. Евдокимов. Участники переговоров подвергали свою жизнь опасности не меньше чем в бою. Никто не знал, сдержит ли Шамиль свое слово гарантировать неприкосновенность «гяурам».

Встретившись с русскими 18 сентября 1837 г. близ аула Каранай, имам обещал посоветоваться со своими ближайшими сподвижниками и дать ответ на поступившие предложения. Когда Клюгенау хотел на прощание пожать ему руку, один из мюридов не дал этого сделать, заявив, что имам не должен касаться неверного. Вспыльчивый генерал замахнулся на него палкой, а тот схватился за кинжал. Только вмешательство Шамиля и штабс-капитана Н.И. Евдокимова предотвратило кровопролитие, которое могло закончиться гибелью малочисленного русского отряда.

Очередная служебная вакансия открылась Н.И. Евдокимову после того, как Ф.К. Клюки-фон-Клугенау сделался начальником Ахалцихской провинции. Штабс-капитана переводят в конце 1838 г. в Грузинский линейный 2-й батальон и бросают на борьбу с еще более беспощадным, чем фанатики-мюриды, врагом – чумой. О том, насколько успешно справился Н.И. Евдокимов с этим заданием, свидетельствует его производство в капитаны в начале 1840 г. [27].

В 1839 г. покровитель Н.И. Евдокимова становится начальником левого фланга Кавказской линии. Он не забывает о дельном помощнике и переводит его в Куринский егерский полк [28]. В его составе Евдокимов находился в экспедиции А.В. Галафеева, где 11 июля 1840 г. принял участие в знаменитом сражении на реке Валерик, описанном М.Ю. Лермонтовым.

Но и на новом месте капитан долго не задержался. После назначения Ф.К. Клюки-фон-Клугенау во второй половине 1840 г. начальником Северного и Нагорного Дагестана он забирает с собой и Н.И. Евдокимова, сделав его своим адъютантом. Начиналось непростое для российской власти время, когда Шамиль постепенно перехватывал инициативу в свои руки. Все это требовало от командования быстрых и решительных шагов, чтобы сдержать натиск сторонников мюридизма. Уже «в августе Евдокимов принимал участие в движении отряда в Аварию, а потом к Чир-юрту против скопищ Шамиля, появившихся почти одновременно на различных пунктах края и вызвавших с нашей стороны крайнюю напряженную бдительность. В сентябре генерал Клюгенау двинулся в Койсубу для наказания гимринцев за измену; 14-го числа в гимринском ущелье он нанес им сильное поражение и занял Гимры. За отличие в этом деле капитан Евдокимов получил в награду 345 руб. сереб.

В конце 1840 г. Николаю Ивановичу представился, кажется, первый случай действовать против горцев самостоятельно во главе небольшой команды донских казаков, и первый набег его увенчался полным успехом, заключавшемся в отбитии 250 голов крупного рогатого скота у жителей Черкея, в то самое время, когда последние рассчитывали уже воспользоваться шамхальскими баранами, захваченными ими в числе до 5000 штук. За это дело капитан Евдокимов произведен в майоры и получил благодарность, объявленную по корпусу» [29]. Такова была специфика войны на Кавказе, когда целью операции становился захват добычи, и очередной чин можно было получить за отбитый неприятельский скот с таким же успехом, как и за участие в сражении [30].

Зимой 1841 г. Н.И. Евдокимов был назначен исполнять обязанности койсубулинского пристава и должен был проявлять уже не столько военные, сколько дипломатические умения [31]. Это была обычная практика, «административные занятия шли в то время на Кавказе рука об руку с войною. Иначе оно и быть не могло. Русская власть водворялась и поддерживалась только силою оружия; приходилось бросаться то в ту, то в другую сторону для усмирения горцев, волнуемых эмиссарами Шамиля или прямо вынуждаемых ими к враждебным против нас действиям» [32]. С новой задачей он справился успешно и скоро приобрел авторитет у местных жителей. Одновременно до начальства стали доходить слухи о его мздоимстве и казнокрадстве. Подобная практика была достаточно распространенным явлением в крае, и новоявленный пристав «не мог отказаться от такого несложного обогащения» [33]. Вместе с тем, с точки зрения кавказцев, в поступках Н.И. Евдокимова не содержалось однозначно предосудительных мотивов. Такой заработок был своеобразной статусной рентой и дополнительным стимулом для проявления усердия на тернистом служебном пути.

Во время проведения одной из операций Н.И. Евдокимов чуть было не погиб от руки сторонника Шамиля. В рапорте генерал-лейтенанта Фезе генералу Головину от 8 марта 1842 г. сообщались следующие подробности этого дела: «…майор Евдокимов, которому я поручил беспокоить неприятеля в Койсубу и, буде возможно, овладеть дер. Харачи… завел, чрез унцукульских выходцев, тайные сношения с жителями этого селения; они обещали при появлении русских передаться нам, преодолев гарнизон из 80-ти мюридов, присланных Шамилем из разных преданных ему обществ. Вследствие этих тайных сношений, прап. Алико с койсубулинскою милициею скрыто вошел 5-го числа в Унцукуль; жители тотчас взялись за оружие и захватили всех присланных Шамилем мюридов, убив до 10-ти чел.

В то же время майор Евдокимов овладел дер. Харачи, 6-го же числа спустился в Унцукуль, занял селение с 4-мя ротами Апшеронского пехотного полка, при одном горном единороге; но этот отличный штаб-офицер по способностям, необыкновенной храбрости и пламенному усердию, пал жертвою совершенного им блестящего подвига.

Один унцукульский мюрид, подбежав к майору Евдокимову сзади, в то время как он осматривал место для расположения своего отряда, вонзил ему кинжал в левый бок, а потом в правое плечо…» [34].

Весьма показательна реакция местных жителей на это нападение. По словам генерала, «унцукульцы, окружавшие майора Евдокимова, изрубили изверга на месте, умертвили мать и сестру его и разорили дом» [35]. Таким образом, далеко не все горцы горели желанием стать под знамена Шамиля и считали русского пристава гораздо ближе собственного соплеменника, поплатившегося за свой поступок. Что касается командования, то оно выступило с ходатайством перед императором о присвоении офицеру следующего чина. За взятие Унцукуля Н.И. Евдокимова наградили орденом Святого Георгия IV степени [36]. А генерал Фезе, который прибыл в доставшийся без боя аул, выстроил войска перед саклей, где находился раненый, и приказал прокричать ура в его честь.

По версии этого события, приводимой А.Л. Зиссерманом, майор спас других родственников фанатика-мюрида. Уже теряя сознание, он отправил нескольких милиционеров с просьбой «никого не трогать, а лучше придти защищать его и не допускать до междоусобия» [37]. В этом случае он остался верен своим принципам не проливать без нужды кровь и не пополнять ряды мстителей-канлы.

Получивший жестокую рану офицер после излечения вновь приступил к выполнению своих служебных обязанностей. Впереди у него было покорение Северо-Восточного Кавказа и пленение Шамиля, а затем и успешное прекращение войны на северо-западе региона.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7074. Ч. 3. Л. 774.

2. Ореус И.И. Граф Николай Иванович Евдокимов (1804–1873) // Русская старина. 1888. № 4. С. 145.

3. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7074. Ч. 3. Л. 774.

4. Муханов В.М. Наброски к портрету генерала Н.И. Евдокимова // Кавказский сборник. Т. 5 (37) / под ред. В.В. Дегоева. М., 2008. С. 138–139.

5. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7074. Ч. 3. Л. 774об.

6. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7074. Ч. 3. Л. 774об.; Ореус И.И. Указ. соч. С. 146; Игнатович. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича полка во время Кавказской войны (1845–1861 гг.). Тифлис, 1897. С. 36.

7. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост. и комм. И.С. Чистовой. М., 1990. С. 591.

8. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 373.

9. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией (далее – АКАК). Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 532.

10. Кавказские воспоминания А.Л. Зиссермана // Русский архив. 1885. № 1. С. 81–82.

11. Муханов В.М. Указ. соч. С. 142.

12. Зиссерман А. Осада Казы-муллою Бурной и Дербента в 1831 году // Русский вестник. 1864. Декабрь. С. 707.
13. Зиссерман А.Л. Кавказские воспоминания // Русский архив. 1885. № 1. С. 82.
14. Игнатович. Указ. соч. С. 36.
15. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7074. Ч. 3. Л. 774об.
16. Зиссерман А. Осада Казы-муллою Бурной и Дербента в 1831 году. С. 726.
17. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 380–381.
18. АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 550.
19. Зиссерман А.Л. Кавказские воспоминания. С. 82.
20. Игнатович. Указ. соч. С. 37.
21. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 393–395.
22. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7074. Ч. 3. Л. 774об., 775об.
23. Ореус И.И. Указ. соч. С. 150.
24. Богуславский Л.А. История Апшеронского полка 1700–1892. СПб., 1892. Т. I. С. 474.
25. Муханов В.М. Указ. соч. С. 143.
26. Гржегоржевский И.А. Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клугенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе 1818–1850 // Русская старина. 1876. Март. С. 650.
27. Игнатович. Указ. соч. С. 37.
28. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7074. Ч. 3. Л. 775об.
29. Игнатович. Указ. соч. С. 38.
30. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 197–201.
31. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7074. Ч. 3. Л. 776.
32. Ореус И.И. Указ. соч. С. 151.
33. Муханов В.М. Указ. соч. С. 145.
34. АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. С. 354.
35. Там же.
36. Ореус И.И. Указ. соч. С. 152, 155.
37. Зиссерман А.Л. Кавказские воспоминания. С. 87.

О.Б. Емельянов, Н.О. Емельянов

Свидетельства современников об участии казачьих сотен терского левобережья в боевых действиях при осаде турецкой крепости Карс в 1855 г.

К 160-летию окончания Крымской войны

С назначением главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом (далее – ОКК) генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьёва произошли значительные изменения в управлении отдаленным краем. Бывший наместник князь М.С. Воронцов в личном письме из Дрездена от 25 ноября 1854 г. характеризовал своего преемника как военного человека «с твердым характером» и давно знающего «страну, которую берет под свое управление», а также выражал уверенность, что «он сумеет повсюду

принять хорошие меры». Кровопролитная война на Кавказе и в Крыму была в полном разгаре, а русская армия и военный флот находились в затруднительной ситуации. Общее положение страны осложнялось еще и тем, что пришло неожиданное известие о кончине Николая I в феврале 1855 г.

В начале того же месяца Н.Н. Муравьёв прибыл в Ставрополь, откуда и начал детальное знакомство с приграничным регионом. Уже 15 февраля он отправился на левый фланг, где посетил передовые укрепления в Чечне и Дагестане [1]. Несколько недель на Кавказской линии не прошли напрасно. В полковых штаб-квартирах он пересматривал списки личного состава, чтобы по ним собрать всех рассеянных на хозяйственных работах. В результате удалось вернуть в свои полки до 16 тыс. человек для выполнения прямых обязанностей, в том числе и в иррегулярных частях. Это позволило в кратчайшие сроки найти резервы в левобережных станицах по Тереку и 3 апреля 1855 г. направить сводное подразделение «на кавказско-турецкую границу для военных действий». В состав отряда входил моздокский хорунжий В.П. Лепилин, а также хорунжий И.Е. Анопкин из гребенской станицы Старогладовской и др. Достигнув места 18 апреля, казаки после кратковременного отдыха заменили своих однополчан, многие из которых непрерывно находились на передовой еще до начала Крымской войны, и позволили им уже 28 апреля отправиться к семьям [2].

Прибыв 13 мая 1855 г. в Александропольский лагерь, наместник устроил военный смотр. В числе первых главнокомандующий тщательно проверил драгунские и казачьи полки, сделал ряд распоряжений. С установлением хорошей погоды и завершением последних приготовлений к походу 24 мая передовые конные подразделения под командованием нового начальника кавалерии графа А.Е. Нирода переправились через реку Арпа-Чай и направились к селению Пирвали [3]. Практически не встречая сопротивления противника, уже через четыре дня кавалерийские части достигли окрестностей крепости Карс, за стенами которой укрылась почти вся анатолийская армия. Во время проведения рекогносцировки 2 июня конный отряд под командованием графа А.Е. Нирода перешел реку Карс-Чай и направился к деревне Мицыри, расположенной на господствующих высотах, занятых 400 отборными башибузуками. В то время как драгунские пикенерные дивизионы Новороссийского и Тверского полков выдвинулись к вражеским позициям, четыре линейные казачьи сотни под командованием полковника А.Ф. Камкова (уроженца станицы Червлённой, штаб-квартиры Гребенского полка, по отзывам начальства характеризовался как храбрый и очень опытный кавалерийский офицер, «деятельный по военной жизни» [4]) скрытно пробрались по дну соседней балки и неожиданным ударом во фланг внесли смятение во вражеские ряды. Уничтожив «11 неприятельских всадников, в том числе 1 улана», не потеряв ни одного человека, линейцы захватили богатые трофеи и позволили произвести предварительное картографирование окружающей местности офицерам-топографам из специально сформированного геодезического отряда [5].

По прибытии генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьёва под стены осажденной крепости была произведена широкомасштабная разведка. 4 июня 1855 г. 6 линейных сотен (Гребенская, две Ставропольские, Кубанская, Кавказская и Моздокская) под начальством полковника А.Ф. Камкова повели успешное наступление под огнем вражеской артиллерии на господствующие высоты у местечка Карадаг. Выполнив основную задачу, обратив в бегство 2 полка регулярной кавалерии, захватив 7 пленных, в числе которых оказалось 2 турецких улан, а также до 20 строевых лошадей, «потеряв в этой смелой атаке только 4 убитых, 1 офицера и 10 казаков раненых», казачьи линейные сотни в полном порядке отошли к драгунскому дивизиону, тем самым позволив офицерам Генерального штаба снять подробный план крепости Карс. Только на следующий день от нескольких лазутчиков стало известно, что гребенцами, поддержанными двумя сотнями казаков из 1-го и 2-го Ставропольского полков, было уничтожено 55 человек, а еще 67 турецких солдат получили различные ранения [6].

Вскоре Сводно-Линейный полк № 2 под командованием полковника А.Ф. Камкова вновь отличился. На рассвете 8 июня 1855 г. казачий разъезд, услышав звон множества колокольчиков, своевременно обнаружил приближающихся турок, и линейцы под самыми крепостными стенами Карса успели отрезать большую часть каравана с продовольствием. Турецкие аванпосты попытались выручить соотечественников, но увидев быстро приближающиеся две резервные казачьи сотни, отказались от своего намерения. В результате «казаки без всякого сопротивления доставили в лагерь всю захваченную добычу, состоящею из 168 мешков сорочинского пшена (риса. – *Авт.*), 8 верблюдов и 86 штук вьючного скота и привели следовавших при караване 36 человек вооруженных погонщиков». Бесстрашные перемещения российской кавалерии в азиатской Турции под командованием генерал-майоров графа А.Е. Нирода, Я.П. Бакланова и П.П. Ковалевского, полковников А.Ф. Камкова и Унгерн-Штернберга позволили в кратчайшие сроки очистить ближайшие окрестности Карса от турецких войск, в том числе и от местных ополченцев. Их действия были настолько быстрыми и успешными, что вражеский гарнизон не успел увезти приготовленные припасы в цитадель. Ежедневно наблюдалось прелюбопытное зрелище: турки выставляли вокруг всего города сильную пехотную цепь, за которой «с раннего утра до ночи стояли сомкнутым строем дивизионы, всегда верхом и чуть только не держали пики на перевес; против турецкого дивизиона стоял наш пикет из трех казаков: один караулил верхом, а двое пасли лошадей» [7].

Убедившись в силе неприятельской позиции, Н.Н. Муравьёв решил обложить крепость Карс, укрепленную западноевропейскими военными инженерами, плотным кольцом российских войск. За гарнизоном зорко следили передовые казачьи посты и конные разъезды. Уже 2 июля 1855 г. во время массированной вражеской вылазки линейные сотни вместе с казачьей конной артиллерией приняли самое активное участие

в разгроме значительного отряда турок [8]. Вскоре после этого почти вся иррегулярная кавалерия под начальством генерал-майора Я.П. Бакланова обошла окрестности крепости Карс, пресекая все возможные пути снабжения вражеского гарнизона. На следующий день для закрепления успешного рейда в ближайшие тылы противника «на Гольскую дорогу, оставшуюся единственным сообщением Карского гарнизона с Эрзерумом», был отправлен полковник А.Ф. Камков с 5 линейными сотнями. Казаки захватили двух лазутчиков с секретным пакетом для командования анатолийской армии, а во время ночлега к командиру отряда явился курдский старейшина из соседнего кочевья с предложением о сотрудничестве. Получив проводников, гребенской офицер выбрал маршрут немного левее пути, пройденного Я.П. Баклановым, и разогнал несколько транспортов с продовольствием и боеприпасами. Затем по течению реки Алтын-Чай спустился к Гокому на топкие луга, окружающие источник реки Куры, откуда оставалось менее 25 верст до крепости Ардаган, тем самым были нарушены последние пути сообщения турок с осажденной цитаделью. После чего линейцы отправились назад и через верховья реки Лаурсан-Чай вернулись в свой лагерь 6 июля [9].

После отдыха в ночь с 14 на 15 июля 1855 г. полковник А.Ф. Камков вновь отправился в рейд по вражеским тылам из Айналов к селению Уч-Килисы всего в 15 верстах от Ардагана. Пресекая возможные пути сообщения с осажденным гарнизоном крепости Карс, линейцы нагнали группу из 12 башибузуков и пленили их, после чего отправились к соседнему селению Чобан-Чик, на подходе к которому ввязались в перестрелку с «кочевыми татарами», вскоре сложившими оружие, а затем в ночной темноте обнаружили лагерные костры приближающихся турецких войск, о чем незамедлительно доложили главнокомандующему. В 20-х числах июля иррегулярные северокавказские сотни продолжали совершать стремительные перемещения по ближним и дальним тылам неприятельской армии, а также зорко следить за всеми действиями осажденного гарнизона. В этих рейдах отличился линейный хорунжий Иван Ефимович Анопкин, который получил следующий офицерский чин [10].

В начале августа 1855 г. вражеский гарнизон был окончательно стеснен блокадой. По мнению Н.Н. Муравьёва, она составляла «по радиусу в 15 верст и по окружности в 150 верст». Подвоз различных военных припасов и продовольствия в крепость Карс полностью прекратился, при этом линейные сотни заняли позиции вокруг осажденной цитадели. Часть из них встала лагерем «у подножия Канны-Кёйской возвышенности, замыкающей с южной стороны Карскую равнину». Однако уже 7 августа к Мелик-Кёйской дороге были двинуты ближайшие воинские подразделения, т.к. турецкие военачальники попытались отрезать Сводно-Линейный казачий полк, переходивший в тот день из отряда графа А.Е. Нирода на северную сторону Карса по кратчайшему пути. Всё закончилось благополучно, и казаки расположились лагерем согласно выработанной диспозиции. Командование Сводно-Линейным казачьим

полком № 2 вместо выбывшего по болезни полковника А.Ф. Камкова принял подполковник В.А. Петров из Нижегородского драгунского полка. На рассвете казаки заметили группу турок, нагнали их и уничтожили трех человек. А уже через несколько дней пять линейцев, которым было приказано выбрать удобное место для установки ракетных станков, «проскакали мимо всего гласиса (пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости. – *Авт.*) нижних укреплений и вызвали этим отважным поступком целые толпы турецких солдат, но казаки кончили свое дело так удачно, что несмотря на жаркий по ним огонь, ускакали целы и невредимы». Ночью же было выпущено 8 ракет по вражескому лагерю в осажденной крепости, «из коих 5 запрыгали по палаткам и произвели там страшную тревогу, сопровождающуюся криком, шумом, и вызвавшую неприятельские войска под ружье» [11].

К середине августа 1855 г. подножный корм для лошадей был полностью уничтожен под стенами Карса. По этой причине осажденным приходилось организовывать широкомасштабные военные экспедиции со всеми возможными предосторожностями. Так, 13 августа они попытались накосить травы вдали от крепостных стен, но 2 сотни линейцев под командой подполковника В.А. Петрова после непродолжительной перестрелки ударили в шашки, «изрубили 21 человека, взяли 2 регулярных солдат в плен и захватили их оружие, не потеряв ни одного из своих». В ночь с 14 на 15, а также 17 августа аналогичные вылазки турок оканчивались неудачей. Но уже через три дня осажденные вышли за пределы крепости со стороны южных укреплений вышли 28 регулярных турецких эскадронамов. Подоспевшие резервы помогли отогнать противника обратно за крепостные укрепления. На следующий день турки вновь попытались произвести фуражировку на левом берегу реки Карс-Чая. Подполковник В.А. Петров и на этот раз разогнал фуражиров, вырубил регулярную турецкую конницу, захватив несколько пленных и военную амуницию. В результате комендант крепости распорядился увести всю кавалерию подальше от стен Карса в ночь с 22 на 23 августа. Однако турецкой коннице не удалось прорваться, и с большими потерями они вернулись за высокие каменные стены. Поскольку очередная попытка прорыва в сторону Эрзерума могла повториться в любой момент, всем передовым подразделениям было приказано удвоить меры предосторожности и «людям не иначе спать, как в амуниции, а лошадей держать оседланными» [12].

30 августа 1855 г. линейцы вновь отличились под селением Пеняк, где был разбит почти трехтысячный отряд турок, который пытался доставить в осажденный Карс большой караван с припасами. За этот бой войсковой старшина Н.М. Демидовский и есаул Д.М. Сердюков были удостоены орденов Святого Георгия 4-й степени. В ходе скоротечного сражения владикавказской сотней, поддержанной гребенской, был пленен военачальник Али-паша, чему долго отказывались верить турецкие офицеры в осажденном Карсе. Вместе с командиром отряда «пленен 1 офицер

и 45 нижних чинов; убитых было около 300 человек, отбито одно знамя, 2 эстандарта (значки отдельных кавалерийских подразделений. – *Авт.*), 4 горных орудия, 68 вьючных зарядных ящиков и 55 патронных, весь лагерь, разные планы и бумаги, а также множество оружия, лошадей, скота и имущества. У нас же ранено только 2 казака… убито 13 лошадей и 9 ранено». В результате «трем полкам № 1 и двум полкам № 2, принадлежавшим полкам Кавказского Линейного казачьего войска: 2-му Хоперскому, 1-му и 2-му Волгскому, Моздокскому, Владикавказскому, Гребенскому и Сунженскому» были пожалованы на головные уборы памятные надписи [13]. Во время благодарственного молебна 5 сентября по случаю одержанной победы под селением Пеняк стало известно, что вся вражеская кавалерия вышла за крепостные стены и стоит около Канны-Кёя. Одновременно с другой стороны была предпринята попытка фуражировки, пресеченная подполковником В.А. Петровым. Противник обратился в беспорядочное бегство, 6 человек были уничтожены, а 1 пленен. Еще через 6 дней турецкие фуражиры вновь отправились за травой, но казаки разогнали их, уложив на месте еще 6 человек и пленив 3 солдат, причем в обоих случаях у линейцев не было потерь [14].

В ходе общего штурма турецкой твердыни 17 сентября 1855 г. казаки снова отличились. Отряду генерал-майора Я.П. Бакланова, расположенному у местечка Мели-Кёя, было придано под начало 10 донских и линейных сотен. По свидетельству прославленного кавалерийского офицера, ему мало приходилось видеть атаки, проведенные с такой неукротимой энергией. «За отличие, проявленное при штурме крепости Карс», сотник Иван Ефимович Анопкин удостоился ордена Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. Моздокский урядник Никита Михайлович Курмояров был произведен в первый офицерский чин, о чем было объявлено в приказе по ОКК 31 декабря 1855 г., урядник Яков Ермолаевич Пономарёв в числе других «за отличия, оказанные в делах против турок», удостоился знака отличия ордена Святого Георгия 3-й степени под № 245. Сотник И.Е. Анонкин, хорунжие Кузьмин, Ткачёв и другие казаки из Сводно-Линейного казачьего № 2 полка, находившиеся в колонне генерал-лейтенанта П.П. Ковалевского (получившего смертельное ранение в этот день), были лично отмечены генерал-лейтенантом Н.Н. Муравьёвым [15].

Неудачный штурм крепости и ранняя зима с морозами до –10 °С частично приостановили военные действия. Осажденные время от времени пытались выбраться из обреченной твердыни, в которой свирепствовал страшный голод, сильный холод и многочисленные болезни, но, по свидетельству участника событий, линейцы продолжали бдительно наблюдать за ближайшими окрестностями, пресекали любые попытки прорыва с оружием и преследовали неприятельских солдат вплоть до самых крепостных ворот Карса. Однако и после капитуляции цитадели 16 ноября 1855 г. боевая служба казаков с терского левобережья не закончилась в Малой Азии, а продолжалась на турецкой границе вплоть до осени

1856 г. Так, урядник С.А. Белый, находившийся в Александропольском отряде с 26 мая по 1 декабря 1855 г., т.е. «по зимовые квартиры», принимал участие «в истреблении неприятельских запасов у селений Баурдуел и Энги-Калы, в переходах в город Эрзерум для совокупных действий с Эриванским отрядом против корпуса Вали-Паши, находившегося у селения Керпинава, в штурме с частью наших войск крепости Карса, причем захвачено у неприятеля 23 орудия, 14 знамен и значков при взятии крепости Карса». А 20 декабря хорунжие В.П. Лепилин, Н.М. Курмояров и др. оказали отличие при «совершенном разбитии партии турок, состоящие из 400 человек при селениях Хороваик, Чуль-Пеняк и Сейнод, 3 сотнями казаков с Ардаганского поста под начальством Войска Донского есаула А.П. Кульгачёва, причем неприятель оставил на месте до 60 тел, сверх того нами взяты 10 человек в плен и отбито 30 лошадей и много оружия». Им пришлось еще несколько месяцев выставлять усиленные посты и пикеты на основных дорогах и горных тропинках, т.к. конные шайки курдов повсеместно занялись грабежами и разбоями [16].

Таким образом, казаки терского левобережья принимали самое активное участие во всех значимых битвах. Не все вернулись в родные станицы, многие навсегда остались лежать на полях былых сражений. Но еще большее число линейцев отличилось в многочисленных боях и стычках, что в конечном итоге совместно с успешными действиями остальных частей привело к падению хорошо укрепленной турецкой крепости Карс, являвшейся ключом к Малой Азии. Подобное развитие событий в войне с сильной коалицией западноевропейских государств дало отечественным дипломатам несомненный козырь на мирных переговорах в феврале – марте 1856 г. в Париже, что позволило в кратчайшие сроки возвратить военно-морскую базу и город русской военной славы – Севастополь.

Примечания

1. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. Его биография, написанная А.Л. Зиссерманом // Русский архив. 1888. № 9. С. 105; Берже А.П. Николай Николаевич Муравьёв во время его наместничества на Кавказе. 1854–1856 // Русская старина. 1873. Т. VIII. № 10. С. 600.

2. «Любитель Кавказа и Закавказья» Николай Николаевич Муравьёв // Русская старина. 1874. Т. X. Вып. 1. С. 143; Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 53. Оп. 1. Д. 2039. Л. 117об., 119; Петров А.В. Из истории Гребенского казачьего полка. Самара, 2015. С. 247, 251.

3. Потто В.А. История Новороссийского драгунского полка. 1803–1865. СПб., 1866. С. 234; Николаев Е.П. История 50-го пехотного Белостокского Его Высочества герцога Саксен-Альтенбургского полка 1807–1907. СПб., 1907. С. 177.

4. ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 99. Л. 23; Д. 104. Л. 24об.–25, 43об.–44.

5. Блокада Карса. Письма очевидцев о походе 1855 года в Азиатскую Турцию. Тифлис, 1856. С. 19; Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб., 1858. С. 339; Потто В.А. Указ. соч. С. 234–235; Ливрон Л. Исторический очерк

деятельности корпуса военных топографов в первое двадцатилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855–1880. СПб., 1880. Т. XIX. Вып. 8. С. 64–65.

6. Колесников В.А., Федосов П.С. Два века станицы Расшеватской (1801–2001). Ставрополь, 2001. С. 128; Блокада Карса … С. 19–20; Собрание донесений … С. 349.

7. Собрание донесений … С. 361; Блокада Карса … С. 21–22; Лихутин М.Д. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. СПб., 1863. С. 436; Потто В.А. Блокада и штурм Карса (по не изданным запискам Я.П. Бакланова и рассказам прочих участников в событии) // Русская старина. 1870. Т. II. Вып. 7–12. С. 573; Ореус И.И. Штурм, блокада и взятие Карса в 1855 году // Русская старина. 1877. Т. XIX. Вып. 8. С. 574.

8. А.О. Воспоминание о штурме Карса // Военный сборник. 1861. № 3. С. 117–118; Потто В.А. Блокада и штурм … С. 576.

9. Блокада Карса … С. 41; Потто В.А. Блокада и штурм … С. 579; Собрание донесений … С. 406–407.

10. Блокада Карса … С. 45–46; Собрание донесений … С. 422–423; Потто В.А. Блокада и штурм … С. 581; Петров А.В. Указ. соч. С. 247.

11. Исарлов Л.С. Воспоминания о генерале Н.Н. Муравьёве бывшем наместнике Кавказском // Кавказский сборник. Тифлис, 1901. Т. XII. С. 107; ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 108. Л. 14об.–15; Николаев Е.П. Указ. соч. С. 210; Блокада Карса … С. 66–67.

12. Писарский И. Под Карсом со 2-го августа по 1-ое декабря 1855 года // Военный сборник. 1859. № 3. С. 127; Блокада Карса … С. 70; Петров А.В. Указ. соч. С. 142; Потто В.А. История Новороссийского … С. 241–243; Потто В.А. Блокада и штурм … С. 583.

13. Дондуков-Корсаков А. Воспоминания о кампании 1855 года в Азиатской Турции (с картами) // Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. I. С. 325; Писарский И. Указ. соч. С. 123; Исарлов Л.С. Указ. соч. С. 107; Гизетти А.Л. Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск: в 2 ч. Тифлис, 1901. Ч. I. С. 129–130; Гизетти А.Л. Указ. соч. Ч. II. С. 81.

14. Блокада Карса … С. 83, 85; Потто В.А. История Новороссийского … С. 244; Собрание донесений … С. 483.

15. Дроздов И.И. Записки кавказца // Русский архив. 1896. № 9–12. С. 259; Потто В.А. Блокада и штурм … С. 595–596; Петров А.В. Указ. соч. С. 247, 250; ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 111. Л. 164; Ф. 53. Оп. 1. Д. 2039. Л. 128об., 155 об.; Собрание донесений … С. 496.

16. Блокада Карса … С. 96; А.О. Указ. соч. С. 117–118; ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2039. Л. 117об., 119об., 133, 158об.–159; Писарский И. Указ. соч. С. 127.

Р.Г. Тикиджьян

Военная организация и военная служба донских казаков в контексте российской модернизации второй половины XIX – начала XX вв.: актуальные проблемы изучения

Предлагаемая к научному обсуждению проблематика затрагивает серьезные проблемы реформирования и трансформации казачьих военизированных сообществ Юга России в эпоху модернизационных реформ

и пореформенных трансформаций, двух крупных войн (1877–1878 гг. и 1904–1905 гг.). Это и уникальный для России 25-летний период мирного развития (1879–1904 гг.), период надежд и разочарований, борьбы традиций и новаций в меняющемся обществе. Наиболее важными по своему вкладу в постсоветскую историографию данной проблемы за последние 20 лет стали исследования, проведенные историками, правоведами и политологами с использованием теоретического конструкта «модернизационной парадигмы», проблем циклических «догоняющих» модернизаций, в том числе на казачьих окраинах: А.И. Агафонова, Н.Б. Акоевой, А.В. Венкова, А.А. Волвенко, Е.Е. Волошиной, Ю.Б. Гражданова, О.Б. Герман, Е.Н. Дулимова, А.Н. Карпенко, С.А. Кислицына, А.И. Козлова, С.Н. Лукаша, Н.А. Малукало, А.Ю. Перетятько, Н.В. Рыжковой, Н.В. Самариной, А.П. Скорика, Р.Г. Тикиджьяна, В.П. Трута, Л.И. Футорянского и др. [1].

В ряде статей и публикаций нами также были высказаны некоторые новые концептуально-теоретические положения в изучении особенностей, форм и методов реализации политики модернизационных реформ, в т.ч. военно-административных, в Области Войска Донского. Основанные на опыте переосмысления дореволюционной историографии и новом архивном материале в поле научного дискурса, они до настоящего времени не были подвергнуты сомнению и критической оценке [2]. Историографический анализ современных исследований последних лет показывает при этом наличие различных мнений и спорных вопросов.

Позитивным примером постановки и решения дискуссионных проблем являются диссертация и монография А.Ю. Перетятько, непосредственно посвященные вопросам военной организации и военной службы донских казаков в период модернизационных перемен 1862–1891 гг., их последствий. Автор полемизирует с А.А. Волвенко, А.И. Козловым и Н.А. Малукало [3], однако не учитывает ряд важных публикаций последнего времени, вследствие чего дальнейшие дискуссии в рамках этой проблематики представляются актуальными.

В данном полемическом контексте представим наше видение проблем истории военной организации и службы донских казаков на этом этапе модернизации. «Великие реформы» 1860–1870-х гг. открывали принципиально новый этап в развитии казачьей военной организации и военного дела, а также гражданской, экономической и общественной жизни. Мы вполне разделяем точку зрения А.А. Пушкаренко, В.С. Панченко, А.Ю. Перетятько [4] о наиболее значимом и продолжительном военно-административном реформационном процессе на Дону – с 1863 по 1882 г. Его нельзя однозначно жестко увязывать только с принятием и реализацией военных уставов 1874 и 1875 г. в общероссийском масштабе и Войске Донском.

Так, например, А.Ю. Перетятько предложена новая интересная периодизация военных реформ в среде донского казачества (три этапа: 1860–1870, 1870–1879 и 1879–1892 гг.), однако не очень четко определены ее основные критерии и аргументы [5]. Как представляется нам,

данный процесс в контексте начавшейся модернизации в ее либеральном (1861–1879 гг.) и консервативном (1881–1905 гг.) вариантах (моделях) был более сложным и противоречивым.

За основной военной реформой либерального характера 1863–1879 гг., лишь отчасти учитывавшей особенности казачьей службы, последовала череда военно-административных реорганизаций и менее значимых реформ уже в структуре новой армии, в правление Александра III и Николая II. Эти реформы и специальные меры были реализованы в 1882–1892, 1897–1905, 1909–1911 гг. в рамках консервативного курса на усиление милитаризации, в условиях борьбы с нарастающим революционно-освободительным движением. Большинство историков отмечает, что уже на подготовительном этапе либеральных реформ с 1859 по 1865 г. очень остро встает вопрос о сохранении казачьих иррегулярных войск, а соответственно, и существования казачества как особого военного сословия-сообщества с его традиционными правами и привилегиями.

Военные реформы Д.А. Милютина, проведенные по образцу передовых буржуазных стран, в целом способствовали укреплению боеспособности и эффективности армии. С 1862 по 1874 г. проводится весьма важная военно-административная часть реформы, связанная с реорганизацией в системе управления казачьими войсками, а также внутри Войска Донского (деление на военные округа и отделы). Новый статус Области Войска Донского с 1870 г. практически приравнивал права войскового атамана к генерал-губернатору. Усложнение технического управления огромными армиями, появление новых видов техники и вооружений в эпоху индустриального капитализма потребовали улучшения и перестройки обучения высшего офицерского состава, среднего и младшего командного звена, в том числе из казаков. Поэтому важным направлением реформы стало расширение сети высших и средних военных учебных заведений, кадетских корпусов, увеличение количества специальных школ в России и на Дону. Так, в период 1868–1879 гг. в Новочеркасске учреждены: юнкерское училище, юнкерские артиллеристские классы, военно-ремесленные классы и училище, фельдшерское училище. Завершающим этапом этой новой военно-образовательной системы стала организация Казачьего кадетского корпуса (имени императора Александра III) для детей офицеров в 1883 г.

Следующим важным направлением реализации реформы стал процесс перевооружения армии, в том числе казачьих частей, в 1870–1879 гг. Несколько изменилась и унифицировалась военная форма казаков. Большинство историков склонны считать, что основная военная реформа как непосредственный акт реорганизации старой армии и создания обновленных вооруженных сил проводилась в период с 1874 по 1882 г. и завершилась с отменой земства на Дону и отставкой военного министра Д.А. Милютина. В результате длительных дискуссий, после долгого согласования мнений имперского центра и войсковой казачьей

элиты были подготовлены и приняты важнейшие документы, с реализации положений которых начался основой этап реформы в Войске Донском, а затем (с 1879 по 1880 г.) и в других казачьих войсках. Итоговые «Положение о военной службе казаков Донского Войска» от 14 октября 1874 г. и «Устав о воинской повинности Донского Войска» от 17 апреля 1875 г. носили компромиссный характер. Главное, что сохранялся полуфеодальный принцип пользования землей и привилегиями за службу, казачье общинное землепользование.

Военная реформа затронула порядок формирования казачьих частей. Наряды на службу по очередным спискам и комплектование по округам сохранились. Однако смену полков с полевой службы в полном составе отменили. Военное министерство добилось того, чтобы на каждую строевую часть приходилось две льготных, что приблизило систему службы казачества к принятой в регулярной армии, ввело централизованную закупку вооружения. В соответствии с пожеланиями Донской комиссии был сокращен срок службы (с 25 до 20 лет), уменьшен штат строевых частей. По уставу денежный выкуп за отказ от несения службы или замена очередника добровольцем (охотником) запрещались. Призыв казаков теперь осуществлялся с 18 лет и предписывал распределение на три разряда: от 18 лет до 21 года казаки находились в приготовительном разряде (бывшие «малолетки»), с 21 года до 33 лет числились в строевом разряде и еще 8 лет в запасе.

Следует особо отметить, что в новой системе организации службы в армейских частях за пределами войска весьма важным, но спорным новшеством стала система, при которой донские казачьи полки и сотни теперь организационно были включены в состав кавалерийских дивизий (под № 4, после драгун, улан и гусар). В строевом отношении казачьи полки теперь подчинялись командирам регулярных кавалерийских дивизий, причем входили только по одному в их вторую бригаду. Данная разнарядка, на которой настояло министерство, не нравилась и самим казакам, т.к. переводила их практически в разряд обычных строевых частей конницы, командование которых не всегда учитывало возможности и особенности традиций их военной службы (аванпостной, разведки, арьергардной и др). Изменился и увеличился штат донских частей, особенно позитивно усилилось их медицинское и ветеринарное обеспечение. Общая численность состава казачьего полка достигала уже более 1 тыс. человек. В этом же русле была проведена реформа по созданию частного коннозаводства в Области Войска Донского в 1875–1886 гг. в целях постоянной организации поставки лошадей необходимой породы (дончаков) для нужд армии и казачьих частей.

К 1876 г., когда началась мобилизация в связи с готовящейся русско-турецкой войной, реформа еще не была завершена. Новшества в формировании, вооружении и обмундировании донских подразделений в целом благоприятно повлияли на ход боевых действий на Кавказском и Балканском театре Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., где сражались

53 донских казачьих полка и 24 отдельные батареи (более 42 тыс. казаков и офицеров). Много славных подвигов совершили донцы на этой войне, архивные источники подтверждают, что особо отличились: 9, 23, 26, 29, 30, 31, 34, 35, 37-й и 39-й казачьи полки, они были пожалованы георгиевскими штандартами.

Донцы активно участвовали в таких наиболее значимых сражениях, как взятие Тырново и Никополя, осада Плевны, в героической обороне Шипки, переходе через Балканы, в тяжелых боях за Шейново и Адрианополь. От государя-императора Войско Донское получило новое Георгиевское знамя с надписью «За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 годов». Лейб-гвардии атаманский полк и лейб-гвардии 6-я донская батарея получили права старой гвардии. Таким образом, в ходе военных действий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командование снова активно использовало традиционные боевые качества донских казаков. Однако, по мнению Е.Е. Волошиной, в деле боевого применения донских казачьих подразделений командование русской армии на разных этапах войны допустило целый ряд недостатков. Например, казаки часто не получали необходимых в боевых условиях приказов на проведение привычных для них видов службы: аванпостной, разведывательной и рекогносцировочной. Часто отсутствие своевременных распоряжений по назначению казаков именно на эти традиционные виды службы отрицательно сказывалось на ходе и результатах боевых операций. Несмотря на это, сразу по окончании войны военное министерство с 1879 г., позитивно оценив вклад казаков в победу, в т.ч. и как результат проведенной реформы, начинает распространение новых принципов военной организации донского казачества и на другие казачьи войска [6].

Со вступлением на российский престол в 1881 г. императора Александра III постепенно, но явно общий вектор модернизации меняется на консервативный вариант, в основе которого укрепление самодержавного режима и великорусского народного патриотизма. Даже в условиях миротворческого курса внешней политики России военные реформации в казачьих частях были продолжены в общем русле укрепления боевой мощи новой армии. Особую роль здесь, на наш взгляд, играло и личное отношение императора Александра III к казакам, которых он хорошо изучил и знал, с 1865 г. являясь атаманом всех казачьих войск. В итоге был существенно скорректирован устав о воинской службе донцов. Даже в условиях мирного времени сохранялись: два гвардейских полка, лейб-гвардии конно-артиллеристская батарея, семь конных батарей и девять местных команд. Число полевых полков, находящихся в мирное время в полной боевой готовности, сократили до 17 и 6 отдельных сотен, а количество офицеров в полку увеличили с 32 до 42. Однако быстрое развитие буржуазных, капиталистических отношений на Юге России, присоединение к Области Войска Донского крупных городов Приазовья с 1888 г. неизбежно втягивали казачью общину в рыночные отношения, подрывали патриархальный быт, способствовали объективному скрытому расказачиванию.

Сложившиеся уже к середине XIX в. социально-экономические группы зажиточных казаков, середняков и бедноты более четко поляризовались в 1880–1890-е гг. Резкий рост казачьего населения (с 620 тыс. человек в 1863 г. до 1100 тыс. в 1905 г.) в условиях мирной жизни приводил к сокращению наделов, в том числе с переделами внутри многодетных казачьих семей. Особую роль сыграло «Положение об общественном управлении станиц» от 1891 г., ограничившее права казачьего самоуправления и при этом узаконившее круговую поруку по снаряжению «слабосильных» казаков на службу. Теперь и казаки-середняки, которые составляли уже большинство в общине, выходили на службу, часто влезая в долги и даже частично разоряясь. Обострилась проблема закупки снаряжения и строевого коня. Коневодство в юртах, прежде обеспечивавшее потребность в строевых лошадях, находилось в упадке. Теперь в новых условиях строевую лошадь казаку все чаше приходилось покупать на стороне, за пределами своей станицы. Стоимость строевого коня оставалась весьма значительной, достигала 100–120 рублей и выше. За свой счет казак также покупал до 50 основных предметов военной амуниции. Общая стоимость снаряжения, если оно полностью покупалось, колебалась от 250 до 400 рублей, а за 4 года службы – до 1600 рублей и выше. Даже в том случае, если расходы удавалось частично сократить, казачья семья, особенно многодетная (5–7 человек), практически всегда нуждалась в крупной свободной сумме денег для исправного выхода сыновей-очередников на службу.

Специальные комиссии генералов Маслаковца, Грекова, Газенкампфа, военного министра Куропаткина в конце 1890-х гг. – начале XX в. обследовавшие Область Войска Донского, пришли в итоге к плачевным выводам. Только 21 % казачьего населения находился в благоприятных условиях и мог выполнять тяготы воинской повинности, для 45 % населения это было сопряжено со значительным потрясением для хозяйственного быта, остальные 34 % принадлежат к малоимущей части и снаряжаются на общественные средства. Примечательно, что уже к 1896 г. до 10 % казаков оказались физически неспособными нести службу. Среди выявленных причин: недоразвитость, малокровие, узость груди, страдание органов передвижения, зрения, болезни легких и порок сердца. Было предложено срочно расширить состав льготных частей, выделять ремонтные деньги (до 25–30 рублей) и деньги на строевого коня и амуницию – пособие до 100 рублей от государства. Казаки призывного возраста к началу прохождения строевой службы должны были быть элементарно грамотными, но проблема малограмотности сохранялась. В 1890-х гг. в станицах дополнительно создавались воскресные школы и школы для казаков приготовительного разряда, в процессе прохождения воинской службы в полках их также обучали чтению, письму и арифметике.

Несмотря на принятые меры, ухудшилась военная подготовка казаков, особенно в овладении новыми видами боевого оружия и техники. Постепенно утрачивались лучшие традиции конной джигитовки.

В таких обстоятельствах донцы после долгого перерыва (25 лет) участвовали в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и в Первой мировой войне 1914–1918 гг. На Русско-японскую войну войско выставило 4-ю Донскую казачью дивизию в составе 19, 24, 25, 26-го полков, 2-й и 3-й донских казачьих батарей, а также санитарный отряд Красного Креста, организованный на добровольные пожертвования. Дивизией командовал генерал-лейтенант Телешов. Казаков провожал на фронт сам император Николай II, прибывший на железнодорожную станцию Персиановка. Донцы отличились в казачьем рейде по тылам противника в направлении города Иноко, в Сандепской операции, наступлении под общим командованием генерала Мищенко в январе 1905 г. Особо отличились в спецоперациях сотник Ф. Миронов, есаул Чеканов, калмык Б. Шоргинов. В оставшееся время до конца войны казаки охраняли тылы армии в районе Харбина. В связи с социальными потрясениями, постигшими Россию в те годы, власти сильно тревожились о состоянии боеготовности донских полков.

Следует согласиться с аргументированным мнением историков Н.Б. Акоевой, А.И. Козлова, С.А. Кислицына о том, что уже с конца XIX – начала XX вв. действия государственных органов не соответствовали устоявшемуся в сознании казачества образу верховной правительственной власти. В новой обстановке имперское правительство все чаще стало привлекать казачьи части для несения внутренней, полицейской службы, для разгона демонстраций, митингов и забастовок. В карательных акциях в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. было задействовано более 100 казачьих полков и отдельных сотен. Однако отдельные казачьи части пытались отказаться от выполнения такой службы, требуя от правительства использовать их по традиционному назначению.

Историки аргументированно показали, что одним из достижений революции было участие выборных казачьих депутатов в работе I–IV Государственной думы в 1905–1913 гг., создание ими особой казачьей фракции. Представителями казачества были подготовлены важные проекты положений и законов: о сокращении сроков службы, об увеличении льготных частей, о снаряжении за счет государства, о восстановлении традиций казачьего самоуправления и земств. Однако проведение аграрной реформы, начатой П.А. Столыпиным, в казачьих областях было прямо заблокировано военным министерством. Его руководство, опираясь на поддержку императора и Государственного совета, подготовило и провело в 1909–1911 гг. ряд важных реформационных мероприятий, направленных на усиление боеспособности Войска Донского, возрождение военных и патриотических традиций казаков. Несмотря на сокращение сроков службы (до 18 лет), выплат строевых и ремонтных денег, расширения состава льготных частей, условия отбывания службы того времени можно назвать историческим анахронизмом. В повседневной жизни казачества постепенно меняется отношение к исполнению воинских обязанностей, выражавшееся в увеличении количества случаев

дисциплинарных нарушений, неуважительном отношении казаков к командному составу, офицерам, нередким стал отказ от прохождения лагерей и воинской службы. На всю Россию прогремели казачьи волнения в лагерях, на учебных сборах весной – осенью 1911 г. на Верхнем Дону. В результате более 110 человек были осуждены и серьезно наказаны.

Участие казачества в Первой мировой войне еще раз подтвердило непреложную истину о необходимости преобразований. На патриотической волне Войско Донское собрало и отправило на фронт около 152 тыс. казаков разных возрастов. Тысячи донцов, выполняя воинский долг, сложили головы на фронте. После Февральской революции и свержения монархии казачьи части всё же оставались наиболее боеспособными во всей русской армии. Углубление революции и Гражданская война в России 1917–1920 гг., социально-политический раскол в среде казаков, политика расказачивания, проводившаяся новой советской властью, резко деформировали, а затем прервали процесс поиска путей реорганизации военной организации, условий и принципов службы казачества как традиционной составной части российских вооруженных сил. Советский вариант модернизации стал весьма трагичным для большей части казачества и крестьянства России в конце 1920–1930 гг. [7].

Примечания

1. Агафонов А.И. Диссертационное изучение истории Донского края в отечественной историографии (1991–2006 гг.) // Казачество Юга России в процессах становления и развития Российского государства: материалы региональной научной конференции. Урюпинск, 2007. С. 3–7; Венков А.В., Трут В.П. О разработке актуальных проблем истории казачества в современной историографии // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: сборник статей. Ростов н/Д, 2000. С. 14–18 и др.

2. Тикиджьян Р.Г. Государственная политика по отношению к донскому казачеству в конце XIX – начале XX вв.: проблемы и противоречия // Возрождение казачества: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д, 1995. С. 54–56; Его же. Патерналистская политика российского самодержавия и ее воздействие на донское казачество в XIX – нач. XX вв. // Россия, Дон и Северный Кавказ в XIX – начале XX в.: материалы научной конференции. Ростов н/Д, 1997. С. 5–11.

3. Перетятько А.Ю. Военная организация и военное управление Области войска Донского во второй половине XIX века. Ростов н/Д, 2015. С. 8–24, 163–175, 179–183, 229–235.

4. Панченко В.С. Преобразования в Донском казачьем войске (60–70-е гг. XIX в.) // Россия, Дон и Северный Кавказ в XIX – начале XX века: тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной памяти Э.Г. Алавердова (Ростов-на-Дону, 24 апреля 1997 г.). Ростов н/Д, 1997. С. 3–5; Пушкаренко А.А. Проблемы военной организации донского казачества эпохи капитализма в исторической литературе второй половины XIX – начала XX вв. // Россия в XIX – начале XX века. Научные чтения, посвященные памяти профессора Ю.И. Серого: тезисы и доклады. Ростов н/Д, 1992. С. 78–81.

5. Перетятько А.Ю. Указ. соч.

6. Военная энциклопедия казачества / сост. В. Трут, Г. Курков. М., 2009. С. 114–115; Волошина Е.Е. Участие донского казачества в русско-турецкой войне 1877–1878 гг: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2006.

7. Акоева Н.Б. Повседневная жизнь казачьего населения Юга России во второй половине XIX – начале XX вв. Славянск-на-Кубани, 2011. С. 187–214; Тикиджьян Р.Г. Опыт российской модернизации второй половины XIX–XXI вв. и донское казачество: историко-политологический анализ // Ученые записки ДЮИ. Т. 31 / под ред. Е.И. Дулимова. Ростов н/Д, 2007. С. 178–191 и др.

А.Ю. Перетятько

Военное обучение донских казаков перед Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.: создание школы урядников-артиллеристов и преобразование класса донских урядников

В середине XIX в. перед донскими войсковыми властями и военным министерством встала проблема, с которой им еще никогда не приходилось сталкиваться. Традиционно казаки считались «природными воинами», официальная военная энциклопедия Российской империи в 1840-х гг. утверждала, что специально научиться военным навыкам легкой иррегулярной кавалерии невозможно [1], а в офицерской среде было достаточно распространено мнение о том, что «учение только портит казаков, убивая в них природные военные качества» [2]. Однако после Крымской войны несостоятельность подобных утверждений стала очевидна, и постепенно возобладала прямо противоположная точка зрения, согласно которой правильное военное обучение было казакам так же необходимо, как и солдатам регулярной армии [3].

Но как следовало учить донцов? С 1839 г. существовал Донской учебный казачий полк, учрежденный по инициативе наказного атамана М.Г. Власова. При его участии был составлен и первый казачий устав, посредством которого предполагалось унифицировать строевые команды и облегчить управление частями в боевых условиях [4]. Однако даже И.И. Краснов, явно благожелательный к донскому атаману, признавал, что последний не был военным теоретиком и его инновации носили скорее пробный характер [5]. Более критично настроенные к М.Г. Власову авторы прямо указывали, что на практике новый устав оказался почти не востребован из-за сложности [6]. Таким образом, опыт правильного военного обучения донских казаков до Крымской войны никак нельзя было назвать образцовым, и решать задачу приходилось, по существу, с чистого листа.

Чтобы понять, с какими проблемами при этом приходилось сталкиваться военным властям, мы обратимся к опыту донской артиллерии. К концу 1860-х гг. в ней сложилась ситуация, требующая принятия незамедлительных мер. В 1863 г. Военное министерство сократило число донских полков, находящихся на действительной службе, до 16 [7]. В результате срок пребывания на льготе резко возрос, что вызвало недовольство у части офицеров. Приведем достаточно развернутую цитату,

принадлежащую генерал-лейтенанту Г.П. Мамаеву. «Долговременная льгота, сколько известно, неимоверно расстраивает части: она подрывает дисциплину; принуждает казака к лени, в военном смысле, до того, что он совершенно забывает о военной службе, а помышляет только о своем хозяйстве, и, наконец, долговременная льгота убивает дух казачества» [8]. Значительная часть казаков вообще не успевала попасть на действительную службу в течение призывного возраста из-за сравнительно небольшого числа строевых частей и специфики их формирования [9]. В 1867 г. на льготу была отправлена последняя донская батарея. К этому времени некоторые артиллерийские части не были в строю уже больше десяти лет, и в них не осталось нижних чинов и унтер-офицеров с каким-либо опытом полевой службы. Г.П. Мамаев, занимавший должность начальника донской артиллерии, опасался, что в случае войны боеспособность вверенных ему частей окажется крайне сомнительной [10].

Специальная комиссия из командиров донских батарей к этому времени разработала амбициозный проект, призванный компенсировать длительное пребывание на льготе казаков-артиллеристов. Предполагалось создать Донскую учебную конную батарею для нижних чинов и специализированную школу урядников, образцом для которой рекомендовалось взять трехлетнюю подготовку фейерверкеров в регулярной армии. Кроме того признавалось желательным улучшить материальное положение офицерского состава [11]. Нужно отметить, что на момент, когда были высказаны данные предложения (период атаманства А.Л. Потапова, предположительно начало 1867 г.), небольшое число добровольцев из донских казаков проходило обучение как раз в фейерверкерских школах. О данном проекте упоминается в «Материале по истории Донской артиллерии» [12], однако описание дальнейших событий в работе Б.М. Калинина неполно и в одном месте существенно расходится с архивными документами. Между тем создание школы урядников-артиллеристов и сопутствующие события заслуживают самого пристального внимания и как яркий пример разработки специфически казачьей программы военного обучения, и как фактор влияния на действия донских батарей в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

Первоначальные идеи донских батарейных командиров встретили безусловную поддержку как у войсковых властей, так и в Главном артиллерийском управлении (далее – ГАУ) [13]. Однако их реализация застопорилась сперва из-за отсутствия денег, а затем вследствие принципиальной позиции нового донского атамана М.И. Черткова. Вскоре после прибытия последнего на Дон Г.П. Мамаев обратился к нему с просьбой незамедлительно приступить к созданию хотя бы школы урядников, раз реализовать все предложения оказалось затруднительно по финансовым причинам. Артиллерийский генерал ссылался на катастрофическую ситуацию с урядниками, многие из которых не только не имели специальных знаний, но даже не могли читать и писать [14]. Хорошо подготовленный унтер-офицерский состав был особенно необходим донским

батареям, потому что в них наблюдался страшнейший некомплект офицеров: к 1870 г. на 78 штатных должностей приходилось всего 30 человек [15].

М.И. Чертков, бывший, по свидетельствам современников, человеком независимого ума [16], отреагировал на просьбы начальника донской артиллерии весьма своеобразно: он посоветовал Г.П. Мамаеву полностью пересмотреть прежний проект школы урядников, руководствуясь не нормами регулярной артиллерии, но важнейшими потребностями казаков и возможностями войсковой казны [17]. Отметим, что еще в 1860 г. подполковник Еськов на страницах «Артиллерийского журнала» жаловался, что многие офицеры-артиллеристы предъявляют к донским батареям излишние требования, не учитывая того, что казаки несут службу за свой счет [18]. М.И. Чертков, судя по документам, придерживался схожей позиции: он обращал внимание начальника донской артиллерии на то, что научные познания, занимающие большую часть курса, для казаков «полезны, но не необходимы». При их полном сокращении срок обучения удалось бы сократить с трех лет до года, что не только решило бы финансовый вопрос, но и значительно облегчило положение казаков-учеников, вынужденных совмещать хозяйственную деятельность с учебой в школе [19].

Таким образом, именно М.И. Черткову принадлежала идея о том, что подготовка донских артиллеристов должна отличаться от подготовки артиллеристов регулярной армии в сторону максимального упрощения и практичности. Его принципиальной позиции не изменили даже вполне резонные возражения Г.П. Мамаева, согласно которым определенная научная база была совершенно необходима артиллеристам, а некоторые идеи по удешевлению школы не выдерживали никакой критики: в частности, атаман предлагал «теоретически» учить казаков строевой службе, без использования орудий и проведения учебных стрельб [20]. Согласившись с этими доводами, М.И. Чертков все же настоял на создании нового проекта, носящего компромиссный характер: научные курсы были сокращены, но не отменены полностью, а срок обучения уменьшен до двух лет. Понимая неотложность задачи, донские власти действовали максимально оперативно: первое обращение Г.П. Мамаева о необходимости срочного создания школы урядников было датировано 6 сентября 1868 г. [21], а уже в декабре новые предложения о создании школы урядников были отосланы в Военное министерство [22].

Б.М. Калинину данный сюжет был, по-видимому, не известен, и он оставляет без ответа вопрос о том, почему первоначальный проект батарейных командиров, формально одобренный, так и не был реализован. В то же время в своей работе он регулярно ругает войсковые власти и персонально М.И. Черткова за невнимание к донской артиллерии [23]. Как видно из документов, в действительности реализацию нового проекта затягивало Военное министерство, рассматривавшее его до 1870 г. и вернувшее назад для доработки. Идея М.И. Черткова об упрощении и максимальной практичности обучения казаков-артиллеристов не встретила

поддержки в ГАУ, которое сочло первоначальный вариант школы урядников предпочтительным [24]. Более того, ГАУ связало создание школы для урядников на Дону с реформой класса урядников в Санкт-Петербурге. Вопреки названию, в нем готовились не урядники, а офицеры для донской артиллерии. Хотя класс функционировал при артиллерийском училище, требования для поступающих казаков были значительно облегчены, и именно это категорически не устраивало ГАУ, настаивающее на максимальной унификации обучения артиллеристов-донцов и артиллеристов регулярной армии [25]. М.И. Черткову был выдвинут ультиматум: или дать согласие на усложнение экзамена для поступающих в урядничий класс, или согласиться с его расформированием. В качестве альтернативы предлагалось создать отделение для артиллеристов при Новочеркасском юнкерском училище [26].

Донские артиллеристы пришли в ужас от этих предложений. П.А. Башилов, новый начальник донской артиллерии, посвятил им объемную и крайне эмоциональную записку, первая часть которой дословно процитирована Б.М. Калининым [27]. К сожалению, исследователь, видимо, знал только приведенный им полностью отрывок и не был в курсе ни предшествующей переписки, ни второй части записки артиллерийского генерала. Поэтому он пришел к ложным выводам, приписав, например, идею о создании артиллерийского отделения при Новочеркасском юнкерском училище лично М.И. Черткову. Отметим, впрочем, что в этом месте своей книги Б.М. Калинин признает, что не все события вокруг преобразований класса урядников были ему известны.

Оба варианта, предложенные ГАУ, П.А. Башилов считал крайне неудачными. Создание артиллерийского отделения при юнкерском училище стало бы, по его мнению, подлинной катастрофой: артиллеристы неизбежно учились бы на той же хозяйственно-технической базе, что и кавалеристы, возможно, вовсе не имея орудий и получая исключительно «теоретические» знания. Они проходили бы гораздо более сложный курс, чем обычные юнкера, но пользовались бы при этом теми же привилегиями. В случае реализации данного проекта донская артиллерия со временем осталась бы вообще без профессионально подготовленного офицерского состава и утратила всякую боеспособность. Поэтому П.А. Башилов, забыв о субординации, действительно требовал от М.И. Черткова согласиться на усложнение экзамена в урядничий класс [28]. Однако для начальника донской артиллерии это было выбором меньшего зла, а не желательным шагом. Разумеется, в принципе он желал иметь под своим командованием офицеров, не уступающих артиллеристам регулярной армии. Но на практике и при имевшемся экзамене число желавших поступить в класс урядников было невелико, что являлось одной из существенных причин офицерского некомплекта в донской артиллерии. А ГАУ фактически требовало принимать туда только людей, способных пройти курс в гражданском высшем учебном заведении. П.А. Башилов предполагал, что столь образованные казаки будут почти во всех случаях

выбирать более простую службу в кавалерии или потенциально более доходное гражданское поприще, а донская артиллерия будет держаться на немногочисленных энтузиастах. Начальник донской артиллерии просил М.И. Черткова по возможности настоять на облегчении вступительного экзамена, несмотря на жесткую позицию Военного министерства [29].

Итак, в действительности реализацию проекта Г.П. Мамаева тормозили не войсковые власти, а ГАУ. Была создана ситуация, уже существовавшая вокруг первого казачьего устава и в связи с назначением офицеров регулярной армии в донские батареи: к донцам подходили с меркой регулярной армии, не учитывая их специфики. Автор «Военного сборника», скрывавшийся под псевдонимом «Есаул», утверждал, что подобный подход обычно приводил к тому, что казаки, понимая невозможность соответствовать требованиям вышестоящих властей полностью, не старались исполнять их даже частично, просто опуская руки перед сложностью задачи [30].

Дальнейшее развитие событий подтвердило правоту М.И. Черткова. По свидетельству Б.М. Калинина, когда в 1872 г. школа для урядников была, наконец, открыта, в нее принимали людей, едва умевших писать и читать, в связи с общей малограмотностью поступающих. При этом курс не только пришлось ограничить двумя годами, но и сократить годовое обучение до шести месяцев, чтобы оставить казакам время для работы по хозяйству. В этих условиях П.А. Башилов уже сам обращался к донскому атаману, прося позволить изменить штат школы и принципы преподавания предметов в пользу еще большей наглядности и в ущерб теоретической части. В частности, при обучении артиллерийскому делу начальник донской артиллерии предлагал вовсе отказаться от занятий, посвященных крепостным, осадным и береговым орудиям, поскольку обучающиеся не имели о них никакого представления и не должны были их использовать. Взамен он предлагал удвоить число имевшихся пушек и проводить занятия непосредственно рядом с ними. Разумеется, бессмысленным признавалось и преподавание законов физики, связанных с баллистикой, малограмотным людям [31].

Дальнейшее развитие событий вокруг урядничьего класса в Санкт-Петербурге показало, что в случае, если центральные власти всё же настаивали на унификации обучения казаков и подготовки регулярной армии, требовались значительные не предусмотренные изначально затраты, чтобы сделать это возможным. П.А. Башилову удалось убедить М.И. Черткова в необходимости специальных мер для того, чтобы класс урядников не обезлюдел. Несмотря на сложности с войсковой казной, донской атаман ввел специальные стипендии как для учащихся в урядничьем классе, так и для желающих поступить в него, проходящих полный гимназический курс. В свою очередь, после того как обучение донских артиллерийских офицеров стало аналогичным обучению офицеров регулярной артиллерии, П.А. Башилову удалось добиться и полного уравнивания их прав, включая содержание. При этом он ссылался на то,

что для офицера нет смысла при одинаковом образовании служить за меньший оклад в донской батарее [32]. Таким образом, подготовка донских артиллерийских офицеров оказалась вследствие введения стипендий даже более дорогостоящей, чем в регулярной армии.

Подведем некоторые итоги. Если необходимость реформы военного обучения донских казаков к 1860-м годам не вызывала сомнений ни у местных властей, ни в Военном министерстве, то конкретные формы ее проведения долго оставались дискуссионными. Многие генералы, в частности М.Г. Власов и Г.П. Мамаев, пытались обратиться к опыту регулярной армии. Практика показала слабое место подобных проектов. Как видно из примера школы для урядников, сроки обучения простых казаков, с которых никто не снимал обязанности выходить на службу за свой счет, не могли быть слишком продолжительными. Казаки приготовительного разряда с 1870-х гг. вообще проходили в полевых условиях только один учебный сбор сроком в 30 дней [33]. Поэтому остро стояла потребность в разработке специфически казачьего военного обучения, которое за счет сильных качеств донцов (современники называли в их числе большую умственную развитость, чем у большинства солдат-крестьян, способность к эффективному осознанному исполнению приказов, самолюбие и т.п. [34]) нивелировало бы неизбежные недостатки, порожденные коротким сроком учебного процесса. С офицерами дело обстояло несколько иначе, однако распространение на них принципов обучения, принятых в регулярной армии, потребовало существенных затрат и, возможно, не было оптимальным решением. В частности, П.А. Башилов предпочел бы компромиссный вариант: иметь под своим командованием офицеров, поступивших в урядничий класс не после полного гимназического курса, а после четырех классов, зато с возможностью не принимать всех соответствующих этому требованию кандидатов, а выбирать лучших [35].

Тем не менее введение правильной военной подготовки стало важнейшим фактором, обеспечившим успехи донского казачества в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Особенно ярко это демонстрируют как раз успехи донских артиллеристов. Прежняя система, когда унтер-офицеры проходили подготовку непосредственно в строевых частях, больше не могла быть эффективной: с 1867 по 1870 г. в строю не было ни одной батареи Донского войска, а в 1870–1875 гг. на службе было только 3 батареи [36]. Между тем с началом войны Область Войска Донского выставила 24 батареи, из которых 11 получили различные награды за участие в военных действиях [37]. Таким образом, война подтвердила предположение Г.П. Мамаева о том, что короткий срок службы донских артиллеристов и отсутствие должного опыта у большей части нижних чинов можно компенсировать за счет качественной подготовки унтер-офицеров. Г.П. Мамаеву и П.А. Башилову при участии М.И. Черткова удалось создать систему, хотя и не идеальную, но позволившую донской артиллерии вполне успешно проявить себя в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

и избежать той катастрофы, которую донские артиллеристы предрекали при выходе на службу льготных батарей образца 1867 г. Благодаря созданию школы урядников и введению стипендий для учащихся урядничего класса донская артиллерия вступила в войну, располагая достаточным числом подготовленных офицеров и унтер-офицеров для комплектования всех батарей военного времени.

Примечания

1. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвящённый Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. Ч. 6. СПб., 1842. С. 160.
2. Есаул. О строевом образовании казаков // Военный сборник. 1860. № 10. С. 334.
3. Перетятько А.Ю. Представления о иррегулярных войсках в российской военной мысли: от «чудной силы» Российской империи до пособников террористов // Военный сборник. 2016. № 1. С. 11–30.
4. И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске // Военный сборник. 1865. № 1. С. 75–77.
5. Там же. С. 74.
6. Есаул. Указ. соч. С. 342–343.
7. Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60–70-х гг. XIX вв. // Актуальные проблемы социальной истории: сборник научных статей. Вып. 8. Новочеркасск; Ростов н/Д, 2007. С. 47–56.
8. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 1.
9. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 12.
10. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 1–2.
11. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 2–3.
12. Калинин Б.М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1904. С. 196–197.
13. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 80–81.
14. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 1–2.
15. Калинин Б.М. Указ. соч. С. 197.
16. Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // Русский архив. 1899. Кн. 2. С. 110–111.
17. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 8–10.
18. Есаул. Указ. соч. С. 358–359.
19. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 8–10.
20. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 13.
21. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 1.
22. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 79.
23. Калинин Б.М. Указ. соч. С. 201–202.
24. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 80–81.
25. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 105–107.
26. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 85.
27. Калинин Б.М. Указ. соч. С. 208–211.
28. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 96–103.
29. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 105–107.
30. Есаул. Указ. соч. С. 342–343.

31. Калинин Б.М. Указ. соч. С. 207–208.
32. Там же. С. 211.
33. Перетятько А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. Ростов н/Д, 2014. С. 186.
34. Есаул. Указ. соч. С. 358–359.
35. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 105–107.
36. Калинин Б.М. Указ. соч. С. 206.
37. Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1870. С. 457, XV–XVII.

А.П. Скорик

Проведение мобилизации казачьих полков накануне и в начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (на примере 36-го Донского казачьего полка)

В Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. была задействована большая часть формировавшихся тогда в Области Войска Донского казачьих полков. Всего Войско Донское выставило для участия в боевых действиях на двух фронтах 53 полка и 24 батареи [1], система службы в которых к началу войны заметно трансформировалась. В результате проведения в России масштабной военной реформы под руководством военного министра Д.А. Милютина после неудачной Крымской войны в русской армии произошли существенные изменения, которые затронули и казачьи части.

На вооружение казачьих полков стала поступать казачья винтовка системы Бердана № 2 образца 1870 г. (4,2 линейная, или калибра 10,67 мм), самая короткая по длине в этом виде вооружения. Она изготавливалась без штыка (его длина составляла 50,8 см и вес до 0,5 кг), по длине достигала 121,92 см и весила примерно 3,74 кг. Укорачивание и облегчение казачьей винтовки достигалось за счет уменьшения длины ствола по сравнению с драгунским вариантом на полдюйма (1,27 см) и пехотным вариантом на 5 дюймов (12,7 см), отсутствия спусковой скобы и замены части второстепенных металлических деталей на роговые элементы. По свидетельству П.Н. Краснова, появление у донцов специальной казачьей винтовки нашло отражение даже в фольклоре:

Чтобы были у вас, ребята,
Ружья новые Бердана,
Шашки вострые в ножнах [2].

Военная реформа для казаков основывалась на утвержденном 31 октября 1874 г. «Положении о военной службе казаков Войска Донского» и утвержденном 17 апреля 1875 г. «Уставе о воинской повинности Донского войска». Указанные нормативно-правовые акты определяли отличие казачьей службы в условиях введения в Российской империи с 1 января 1874 г. всесословной воинской повинности. Для казаков Области Войска Донского (а так она стала называться с 1870 г.) устанавливалось

обязательное формирование следующих частей: 2 гвардейских казачьих полков, 1 гвардейской батареи, 60 конных армейских полков, 15 конных батарей и 8 местных команд.

Конные армейские полки в порядке несения воинской службы делись на три очереди. В полки 1-й очереди призывались казаки в возрасте 21–25 лет, уже прошедшие службу в приготовительном разряде в течение трех лет. Эти полки отправлялись в мирное время для несения воинской службы на границы Российской империи. Первоочередные полки не расформировывались и несли службу постоянно, а личный состав и офицеры этих полков постепенно обновлялись. Часть офицеров первоочередных полков переходила в полки 2-й и 3-й очередей. Эти части находились в состоянии мобилизационной готовности и в мирное время состояли из штабов и офицерских кадров, распределенных по данным полкам 2-й и 3-й очередей. Штабы и офицерские кадры полков 2-й и 3-й очередей дислоцировались на территории Области Войска Донского. При объявлении мобилизации льготные полки 2-й и 3-й очередей пополнялись казаками в возрасте от 25 до 33 лет и выступали по предназначению на театр военных действий. В целях обеспечения решения военно-организационных задач в Области Войска Донского сформировали 5 военных округов. Казак теперь выходил на службу при одном строевом коне (ранее же «одвуконь»), с личной военной амуницией и со своим холодным оружием, а огнестрельное оружие он получал в полку за государственный счет.

В Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. «впервые русское правительство опробовало на практике механизмы мобилизации казаков, числившихся в полках 2-й и 3-й очереди. В ходе войны казачья кавалерия продемонстрировала лучшие боевые качества» [3]. 36-й Донской казачий полк (командир полка – подполковник Михаил Матвеевич Калинин) относился к числу армейских полков 3-й очереди, и его отправили воевать на Балканский театр военных действий несколько позже, нежели остальные полки.

Налаживание механизма проведения мобилизации казачьих армейских полков 2-й и 3-й очередей началось задолго до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В архивном деле «Бумаги, относящиеся до мобилизации Донского казачьего № 12 полка и выступление оного в военный поход с 23-го августа по 15 декабря 1876 г.» мы обнаружили приказ Войскового штаба Войска Донского № 10534 от 15 августа 1876 г., где, в частности, говорится: «На основании ст. 165 Высочайше утвержденного положения о военной службе казаков Донского войска, для приведения строевых частей сего войска в походное положение, когда это потребуется, все излишние против штата военного времени штаб и обер-офицеры Донских армейских полков и батарей, находящихся на полевой службе, с состоящими при них казаками для прислуги, по воспоследовании распоряжения Военного Министерства, должны быть отправлены по железным дорогам на Дон для зачисления их в льготные полки и батареи» [4].

Этот приказ касался и других первоочередных донских полков, служивших базой для формирования офицерских кадров льготных полков 2-й и 3-й очередей.

Ожидание близкой мобилизации донских полков 2-й и 3-й очередей обнаруживается в предписании Войскового штаба войска Донского за № 11 611 от 6 сентября 1876 г., адресованном командиру 12-го казачьего полка. В нем подчеркивается: «Ввиду же того, что мобилизация сих полков может потребоваться как до отпуска на льготу сменных команд из первоочередных полков, так и по приведении их в уменьшенный состав, оказалось необходимым составить два различных списка» офицеров, когда полки будут находиться в полном и в уменьшенном составе [5].

Ситуация на Балканах стала накаляться, особенно после жестокого подавления турецкими войсками Апрельского восстания в Болгарии, которое продолжалось с 18 апреля по 23 мая 1876 г. 13 ноября 1876 г. император Александр II прибыл в Царское Село, и в этот день подписал Высочайший приказ о мобилизации войск в Киевском, Харьковском, Одесском и частично в Московском военных округах [6]. Началась мобилизация и казачьих полков в Области Войска Донского.

Войсковой штаб Войска Донского вел военно-организационную работу по откомандированию излишнего офицерского состава, портупей-юнкеров, нижних чинов из первоочередных казачьих полков для укомплектования льготных полков на территории Области Войска Донского. При этом учитывалась ситуация, когда «армейские первоочередные полки ежегодно, на зимнее время приводятся в уменьшенный состав», а сменные команды для первоочередных полков еще не отправлены, и соответственно имеются свободные офицеры [7]. Для льготного 36-го полка офицеры, которым предписывалось перемещаться по железной дороге, откомандировывались из 16-го первоочередного полка. Пунктом назначения для офицеров и юнкеров обозначалась станция Себряково Грязе-Царицынской железной дороги, а оттуда они обязывались следовать в станицу Етеревскую в распоряжение атамана 4-го отдела, т.е. в Усть-Медведицкий округ. Тем самым мобилизационным пунктом сбора 36-го Донского казачьего полка в 1876 г. являлась станица Етеревская.

Для отправки офицеров на Дон из 16-го первоочередного полка в целях формирования льготного 36-го Донского казачьего полка в первом списке («если мобилизация льготных полков потребуется ранее увольнения сменных команд на льготу») по состоянию на 1876 г. числились: есаул В.И. Наследышев, сотник И.М. Зотов, сотник М.П. Петров, хорунжий П.С. Котов, хорунжий В.И. Васильев, а во втором списке («какие офицеры подлежат выкомандированию по приведении полков на зимнее время в уменьшенный состав») по состоянию на 1876 г. значились: сотник М.Г. Сазонов, сотник А.И. Цымлов, хорунжий П.С. Котов [8].

В ходе подготовки и развертывания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. наблюдается изменение тактического применения казачьих полков. Часть казачьих полков теперь вошли в состав кавалерийских

дивизий русской армии, где выполняли боевые задачи совместно с драгунскими, уланскими и гусарскими полками. Наряду с данным военно-организационным решением, в исторических источниках по Рущукскому отряду отмечается формирование 1-й и 2-й Донских казачьих дивизий, а 36-й Донской казачий полк, хотя в оперативном отношении и подчинялся разным дивизионным и корпусным штабам, тем не менее его командир подполковник М.М. Калинин держал постоянную связь с командованием 2-й Донской казачьей дивизии.

Примечательно выглядит приказание командира 2-й Донской казачьей дивизии № 425 от 16 сентября 1877 г. о необходимости «представиться Начальнику 12-й пехотной дивизии Генерал-лейтенанту Барону фон Фирксу; командиру 1-й бригады 12-й кавалерийской дивизии Генерал-майору Арнольди и Начальнику Дамогильского отряда Генерал-майору Феофанову», а также держать «связь с[о] сторожевыми постами от частей 1-й бригады 12-й кавалерийской дивизии и посылать донесения с передовых постов Командиру этой бригады; прекратить доставку таковых в штаб 33 пехотной дивизии». И далее подполковнику М.М. Калинину настойчиво предлагается применять техническое новшество: «Для донесения же в штаб Рущукского отряда и в штаб 2-й Донской казачьей дивизии, можно с удобством и безвозмездно пользоваться военным телеграфом в Трыстенике (близ Две-Могили)» [9] (ныне Русенская область Болгарии).

Решение о начале войны именно 12 апреля 1877 г. принимается российским императором Александром II, согласно сообщению военного министра Д.А. Милютина, 1 апреля 1877 г., о чем уведомляется специальной телеграммой Главнокомандующий русской армией, дислоцировавшейся в Бессарабии, великий князь Николай Николаевич Старший (третий сын российского императора Николая I и Александры Федоровны; получил по итогам войны звание генерал-фельдмаршала с 16 апреля 1878 г.) [10]. На момент развертывания русской армии в Бессарабии к началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 36-й Донской казачий полк не значился.

В архивном деле «О передвижении и расквартировании Донского казачьего № 36 полка 1877–1878 гг.» мы обнаружили квитанцию, выданную командиру Донского казачьего № 36 полка помощником станичного атамана станицы Етеревской Мельниковым и заверенную писарем Усковым об отсутствии претензий со стороны Етеревского станичного правления к казачьему полку. Из этого документа мы узнаем об укомплектовании (проведении сбора) 36-го полка в период с 15 по 24 апреля 1877 г. в станице Етеревской, а также о расквартировании подразделений полка в период с 24 по 28 апреля 1877 г. При этом 1-я сотня находилась на хуторе Большом Орешкином, 2-я и 4-я сотни располагались на хуторе Большом, 5-я и 6-я сотня размещались на хуторе Буяновом, 3-я сотня проживала в самой станице Етеревской. За весь обозначенный период «обывателям ни каких обид и притеснений делаемо не было,

в Удостоверении чего Етеревское станичное правление подписом и печатью свидетельствует. 1877 года апреля 28 дня» [11].

С 28 апреля по 2 мая 1877 г. 36-й Донской казачий полк находился в слободе Михайловка Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского перед тем, как покинуть пределы казачьего региона. Как свидетельствует выданная командиру полка квитанция за подписью волостного старшины (скрепленной печатью), от казаков за время пребывания в слободе «обывателям никаких обид и притеснений не было» [12].

На станции Себряково Грязе-Царицынской железной дороги в слободе Михайловке (экономическом центре Усть-Медведицкого округа) 36-й Донской казачий полк как раз погрузился в воинский эшелон. В архивном деле «О передвижении штаба и сотен Донского казачьего № 36 полка в разные места, 1877–1878 гг.» сохранилась ведомость «О числе воинских чинов, их лошадей и о количестве пехотных частей, подлежащих отправлению со станции Себряковой Грязе-Царицынской железной дороги за 1 мая 1877 г.», подписанная командиром полка, подполковником М.М. Калининым. По этому документу можно судить о количественном составе мобилизованного льготного 36-го Донского казачьего полка. В ведомости указывается: «Имеется офицеров, имеющих на проезд в вагонах 1 класса – 1; обер-офицеров, имеющих право на проезд в вагонах 2 класса – 17; нижних чинов, имеющих право на проезд в вагонах 3 класса – 826; лошадей – 865» [13].

Со станции Себряково Грязе-Царицынской железной дороги по плану мобилизации казаки отбыли в Московский военный округ, в город Козлов Тамбовской губернии (ныне – город Мичуринск Тамбовской области), где 4 мая 1877 г. началось расквартирование подразделений полка в самом городе и его окрестностях, что подтверждают обнаруженные в числе архивных документов рапорты сотенных командиров 36-го Донского казачьего полка.

Первая сотня (командир – сотник И.М. Зотов) 36-го Донского казачьего полка 4 мая 1877 г. разместилась в двух постоялых домах на улице Шацкой непосредственно в самом городе Козлов. Однако обеспечить в городских условиях должного уровня комфорта для донских казаков, увы, не получилось, поскольку «в одном доме помещена 1-я полусотня, нижних чинов – 65 челов[ек], а в другом 2-я полусотня нижних чинов – 64 челов[ека], обе полусотни находются в весьма стеснительном положении, кроме того, в 1-й полусотне находится обозная команда в числе 19 человек, а также и строевые их лошади расставлены в двух конюшнях в тесном виде» [14].

В более благоприятных условиях оказалась 3-я сотня 36-го Донского казачьего полка, которая 4 мая 1877 г. расположилась по отдельным полусотням в пригородных деревнях Стрелецкой и Ямщики, территориально находившихся недалеко друг от друга. Нижние чины сотни расселились по отдельным подворьям по 2–4 человека вместе со своими строевыми лошадьми. Причем часть казаков квартировала в домах,

а другая часть устроилась под навесами. Всех лошадей казакам удалось разместить в сараях. Сотенная квартира находилась в деревне Ямщики [15]. В общем, можно сказать, 3-й сотне повезло, и донские казаки расположились достаточно комфортно. К тому же на дворе стоял май, и ночевать под навесом было лучше, нежели в городском постоялом доме в стесненных условиях.

5-я сотня 36-го Донского казачьего полка с 4 мая, с момента прибытия полка в город Козлов, квартировала и на 19 мая 1877 г. располагалась в слободе Заворонской. По сведениям ее командира, сотника А.А. Кузнецова, подразделение включало 131 человека нижних чинов и 130 строевых лошадей. При этом сотенный командир оговорился, что среди нижних чинов подчиненной ему сотни имеется 2 нестроевых казака, 1 из офицерской прислуги и 1 обозный казак, а в числе строевых лошадей сотник Кузнецов указал 3 нестроевых лошади, 1 офицерскую лошадь и 2 подменных [16].

Едва казаки устроились на квартиры в районе города Козлов Тамбовской губернии, как из штаба Московского военного округа Российской империи поступил приказ № 5542, датированный 17 мая 1877 г., о новом маршруте движения для казачьей части из города Козлов в город Киев. Командиру полка предписывалось выдвинуться на станцию Грязи с таким расчетом, чтобы полк «мог отправиться, согласно плану перевозки по железным дорогам, 28 мая в 9 часов 15 минут утра, для сего полку следует выступить из г. Козлова 27 мая в 8 часов 25 минут вечера с поездом» [17].

Поскольку квартирование 36-го Донского казачьего полка в районе города Козлов не отличалось очень удачными условиями местопребывания, подполковник М.М. Калинин решил отправить в Киев большую группу нижних чинов для заблаговременной подготовки нового места дислоцирования полка в городе Киев. Командир 36-го полка обратился 20 мая 1877 г. к Козловскому воинскому начальнику с просьбой выдать бланки предписаний для отправки квартирьеров и хлебопеков «по следующему расчету: для квартирьеров нижних чинов – 37 чел., для хлебопеков нижних чинов – 32 чел., обе команды пойдут под началом 1-го обер-офицера» [18].

Для эшелонной отправки 27 мая 1877 г. из города Козлов в Киев подразделений 36-го Донского казачьего полка офицеры персонально закреплялись за каждой из шести сотен. С 1-й сотней к новому месту дислокации полка отправлялись ее командир, сотник М.И. Упорников и хорунжий Д.К. Намикосов; со 2-й сотней – командир, сотник И.М. Зотов, есаул (фамилия в архивном документе написана неразборчиво), а также сотник И.П. Крупницкий; с 3-й сотней уезжали ее командир, сотник Н.Т. Жоголев и хорунжий Н.И. Зазаров; с 4-й сотней – сотник М.М. Греков (вероятно, на тот момент ее командир), хорунжий П.С. Котов; с 5-й сотней следовали ее командир, сотник Кременской станицы А.А. Кузнецов и сотник К.Е. Мамихин; с 6-й сотней сопровождающими

офицерами выступили ее командир, сотник Чернов, а также целая группа офицеров полка: сотник И.С. Чирков, сотник В.Е. Егоров, есаул Арчадинской станицы Захар Казимиров [19]. Судя по всему, именно 6-я сотня отправлялась в составе последнего эшелона.

Передислокация 36-го Донского казачьего полка к новому месту назначения заняла не менее 10 дней, поскольку 6 июня 1877 г. был подписан приказ № 5601 командующего войсками Киевского военного округа, направленный командиру полка М.М. Калинину, с предписанием следовать из города Козлов 7 июня в город Киев «на квартиры, занимавшиеся до сего времени Донским казачьим № 4 полком» [20]. О перемещении полка на эти квартиры уведомлялась также Киевская городская управа.

36-й Донской казачий полк около двух месяцев находился в Киеве. В начале июля командира полка почему-то взволновало состояние внутренней дисциплины, и он 1 июля 1877 г. (отношение № 593) обратился в Киевскую городскую управу с просьбой о выделении помещений для «6 арестантских домов и одного полкового» [21]. К сожалению, конкретные детали этой ситуации прояснить не удалось. Но что точно известно из послужного списка сотника из дворян Акишевской станицы М.И. Упорникова, так это отправка полка в состав действующей армии на Балканы и пересечение им границы Российской империи 3 августа 1877 г. [22].

Итак, анализ исторических документов убеждает нас в значительном повышении роли казачьих полков в русской армии. Это объясняется, с одной стороны, характером Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда на казачьи части командованием возлагалось решение немалого числа оперативно-тактических задач, а с другой стороны – сокращением регулярной кавалерии почти наполовину в результате военной реформы в русской армии. В ходе подготовки к войне и развертывания боевых действий казачьи формирования (сотни, дивизионы, полки, батареи, дивизии) по существу перестали быть иррегулярными подразделениями. Они все чаще представляли собой мобилизационный ресурс постоянной готовности для регулярной русской армии. Они использовались русским командованием там, где от воинских частей и подразделений требовалась стойкость и выдержка, где боевая доблесть подкреплялась сложившимся за многие века военным искусством.

Примечания

1. Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории Войска Донского. Т. 2. М., 1992. С. 143.

2. Там же. С. 145.

3. История донского казачества / отв. ред. А.В. Венков. Ростов н/Д, 2005. С. 185.

4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 7687. Ч. 1. Л. 1–1об.

5. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7687. Ч. 1. Л. 9.

6. Русско-турецкая война 1877–78 гг. Очерки и эпизоды, заимствованные из достоверных источников. М., 1900. С. 6.

7. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7687. Ч. 1. Л. 2.
8. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7687. Ч. 1. Л. 6об.
9. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7818. Ч. 1. Л. 22об.
10. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 2. Журнал военных действий, веденный в Полевом Штабе. СПб., 1898. С. 11.
11. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 7816. Л. 5.
12. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 7816. Л. 6.
13. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 7819. Л. 10.
14. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 7816. Л. 4.
15. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 7816. Л. 2–2об.
16. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 7816. Л. 7–7об.
17. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 7819. Л. 26.
18. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 7819. Л. 30–30об.
19. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 7819. Л. 48об.
20. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 7816. Л. 31.
21. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 7816. Л. 36.
22. РГВИА. Ф. 330. Оп. 57. Д. 912. Л. 813об.

В.П. Трут

Начальный этап Гражданской войны на Дону: специфика вооруженных формирований противоборствующих сторон и особенности хода боевых действий

Гражданская война в России, начавшаяся после Октябрьской революции, имела целый ряд специфических особенностей, непосредственно связанных с существовавшими в российском обществе серьезными внутренними проблемами и противоречиями самого разного плана, сущностью и характером политического и военного противоборства, спецификой организации, стратегии и тактики участвовавших в вооруженной борьбе сторон, своеобразием хода и последствий политических процессов и военных действий, позициями различных социальных слоев населения и с другими своеобразными отличиями. Всё это, безусловно, накладывало значительный отпечаток на происходившие события. Помимо этого особую специфику имел начальный этап Гражданской войны.

Выступившие после революции антибольшевистские силы не смогли образовать единого и сильного движения ни в политическом, ни в военном отношениях. В это время отмечалась и очевидная слабость советского правительства. К тому же значительная часть населения страны не разбиралась в сущности происходившего, а многие отнеслись к октябрьским событиям довольно равнодушно. Существенную роль играл тогда и фактор политической неискушенности, а зачастую и полной политической неграмотности, общей социально-политической апатии многих членов общества.

Данный период был очень сложным для противоборствующих сторон и в сугубо практическом плане своей организации, консолидации наличных сил и средств. Известный белогвардейский генерал, а позже, в эмиграции, и один из первых исследователей Гражданской войны С.В. Денисов отмечал, что ее начальный этап, с 25 октября 1917 г. по 31 марта 1918 г., для противоборствующих сторон, а особенно для белого движения, имел особое значение, был самым коротким, но и самым тяжелым в плане стратегической и политической обстановки [1]. Схожую оценку этому периоду войны давал и известный красный «военспец», автор серьезного двухтомного исследования Н.Е. Какурин [2]. Причем оба они сходились во мнении о большой роли, которую играли в рассматриваемое время казачьи области, в особенности Дон и Оренбуржье [3]. У Совета народных комиссаров (далее – СНК) тогда не было сколько-нибудь значительных организованных и боеспособных вооруженных сил для ведения серьезных военных действий против своих противников. Как верно отмечалось в литературе, советская власть располагала только сравнительно немногочисленной красной гвардией и лишь отдельными небольшими армейскими отрядами [4]. Советское правительство не имело в своем распоряжении не только организованной надежной и значительной по численности армии, но даже и минимального военного аппарата и органов оперативного управления войсками.

Весьма показательно в этой связи то, что назначенный СНК командующим всеми революционными силами на юге страны народный комиссар по военным делам В.А. Антонов-Овсеенко отправлялся в декабре в район начавшихся боевых действий вообще без войск и даже без своего штаба. Ему предстояло организовать их непосредственно на месте. Первый советский главковерх (верховный главнокомандующий) прапорщик Н.В. Крыленко позже отмечал, что тогда новая армия опиралась исключительно на красногвардейцев Петрограда и Москвы, сводные революционные матросские отряды, латышские стрелковые части и лишь в незначительной степени на отдельные регулярные войска. При этом он подчеркивал, что старая армия не могла дать каких-либо устойчивых кадров для борьбы с антисоветскими выступлениями. По его словам, «все полки, вызываемые с фронта, выйдя за линию окопов в тыл, отказывались идти в бой независимо от целей, которые эта борьба преследовала» [5].

Поэтому, исходя из сложившейся обстановки, центральные и местные советские органы наспех формировали сводные отряды красногвардейцев, а в отдельных случаях, например в Петрограде, отряды из небольшого количества матросов и солдат. Их боеспособность и даже внутренняя организация и дисциплина были крайне низкими. Ведь составлявшие подавляющее большинство личного состава этих отрядов красногвардейцы не только не имели навыков военной организации, но и не знали даже азов военного дела. Ничтожную организацию красногвардейцев для ведения полевой войны отмечали и сами советские

военачальники, в частности Р.Ф. Сиверс [6]. А Антонов-Овсеенко позже вспоминал, что, приступив в декабре 1917 г. к сосредоточению переданных в его распоряжение войск для наступления на Область Войска Донского, он просто не смог собрать их все: многие революционные части митинговали и не желали исполнять приказов [7]. К тому же, наряду с идейными бойцами, сознательными сторонниками власти Советов, в этих сборных формированиях находилось значительное количество случайных лиц со склонностью к грабежам, насилиям, пьянству. Так, бойцы двигавшегося из Москвы в распоряжение Антонова-Овсеенко 1-го Московского революционного отряда во главе с прапорщиком Ю.В. Саблиным в городе Купянске «начали пьяный кутеж, разбежались». Командиру с трудом удалось удержать в повиновении половину отряда, а остальных пришлось разоружить [8]. Всё это сказывалось на общем состоянии советских войск.

Своя специфика в это время была и у военных формирований антисоветских сил в казачьих областях. Они подразделялись на три основных типа. Во-первых, это были регулярные казачьи части, формально подчинявшиеся войсковым атаманам и правительствам. Во-вторых, добровольческие вооруженные формирования, состоявшие из прибывших в казачьи области активных противников советской власти, в основном офицеров. В-третьих, формировавшиеся войсковыми правительствами добровольческие отряды.

Самыми многочисленными и грозными в военном отношении являлись казачьи полки. Но как прибывшие чуть раньше, так и прибывшие на территории своих войск уже во второй половине декабря казаки-фронтовики, к тому же далеко не все, приказам атаманов по занятию рубежей на границах своих областей и в их наиболее важных административных центрах и ведению борьбы с советскими силами подчинялись крайне неохотно. Они вполне обоснованно опасались быть вовлеченными в разгоравшуюся гражданскую войну, к тому же в непосредственной близости от своих домов. Отсюда проистекало их стремление уклониться от противоборства. И с течением времени данная тенденция набирала силу. Бывший в то время в самой гуще событий М.П. Богаевский отмечал, что «характерная черта в этот период – регулярные казачьи и солдатские части одинаково упорно уклонялись от участия в (военных. – *В.Т.*) действиях» [9]. Их боеспособность, естественно, была весьма ограниченной.

Формировавшиеся на Дону различные добровольческие отряды, главным образом из числа офицеров и юнкеров, отличались высоким уровнем организации, военной подготовки и боевого духа. В их составе были идейные противники советской власти. Но численность этих отрядов была очень небольшой. Казачьим органам власти эти отряды, как правило, формально не подчинялись.

В свою очередь войсковые правительства, ввиду растущего нежелания подчиняться им казаков-фронтовиков, приступали к формированию

местных добровольческих отрядов. На Дону и Кубани они получили наименование партизанских. Однако во все эти добровольческие формирования вступало крайне ограниченное число добровольцев, в том числе даже и офицеров. Так, находившийся тогда на Дону генерал А.И. Деникин позже отмечал, что «донское офицерство, насчитывавшее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска уклонялось вовсе от борьбы: в донские партизанские отряды поступали десятки, в Добровольческую Армию – единицы, а все остальные, связанные кровью, имущественно, земельно с Войском, не решались пойти против ярко выраженного настроения и желания казаков-фронтовиков» [10]. Другой непосредственный участник тех событий донской партизан Н.В. Фёдоров в своих воспоминаниях указывал, что «кадровые офицеры не примкнули к партизанским отрядам и чего-то ждали» [11]. На призыв к донским казачьим офицерам вступить в партизанский отряд есаула В.М. Чернецова откликнулось только 30 человек [12]. Общее количество донских офицеров-добровольцев составляло порядка всего двух-трех сотен.

В собственно военном плане боевые действия велись в различных регионах страны и носили локальный характер. Сплошная линия фронта отсутствовала, а вооруженные столкновения происходили в отдельных, удаленных друг от друга очагах. Сами места боев носили, по свидетельствам военных специалистов, «характер подвижных и передвигающихся районов» [13]. К тому же тогда в них участвовало довольно небольшое число сражающихся с обеих сторон, счет которых шел на сотни и отдельные тысячи. Ни одна из армий того времени от Терека до Амура не насчитывала в своем составе хотя бы несколько десятков тысяч человек.

Малочисленность действующих сил, которыми располагали противники, их очевидная первоначальная неорганизованность вынуждали вести военные операции небольшими мобильными конными отрядами или, как это делали в основном советские подразделения, вдоль линий железных дорог. Не случайно начальный период Гражданской войны в военном плане получил название «эпохи эшелонной войны» [14]. Небольшое число бойцов и «эшелонный» характер действий создавали впечатление большой гибкости и подвижности, постоянного маневрирования. Как отмечал позже Н.Е. Какурин, «“армии” в несколько сот человек, разъезжая в эшелонах и быстро, благодаря этому, сосредотачиваясь на совершенно неожиданных направлениях, в несколько дней решают судьбу самых сложных и обширных операций» [15]. В такой ситуации первостепенное значение приобретали не столько общее количество войск, сколько их организованность, военная подготовка, быстрота и решительность действий, умелое маневрирование, хорошая мобильность, моральная стойкость и боевой дух. Не случайно генерал П.Н. Краснов говорил о том, что «гражданская война – не война. Ее правила иные, в ней решительность и натиск – всё» [16].

Свой отпечаток на ход военных действий накладывало и отсутствие стратегических планов военных операций, а сами они носили

разрозненный и локальный характер. Сказывались и совершенно иная, весьма своеобразная тактика ведения боя, невозможность необходимой подготовки к зачастую неожиданным и скоротечным столкновениям, разведка и т.п. Да и общий накал борьбы, ее ожесточенность были еще не очень сильными. По замечанию М.П. Богаевского, в то время «у обеих воюющих сторон проявлялось больше воинственного задора, нежели настоящих действий» [17]. В результате, по его словам, «действия с обеих сторон развивались медленно, неохотно, вяло» [18].

Вследствие постоянного прибытия с фронта новых полков, а также самороспуска и ухода казаков многих подразделений по домам, установить их точную численность очень сложно. В одном из своих донесений в СНК в это время Антонов-Овсеенко указывал, что «у Каледина 50 тысяч войск наполовину не враждебных нам» [19]. Но указанная цифра представляется завышенной даже с учетом численности самовольно разошедшихся казачьих полков. Оставшиеся казаки не хотели воевать и с настороженностью относились к действиям как атамана и офицеров, так и командования советскими частями. В их среде проявлялись пацифистские настроения, наблюдалось возраставшее стремление урегулировать все вопросы с советским правительством мирными путями.

В такой ситуации реальной боевой силой противников советской власти являлись немногочисленные формирования Добровольческой армии и донских партизан. В Добровольческой армии находились отличные офицерские кадры под командованием высших военачальников старой армии генералов Л.Г. Корнилова, М.В. Алексеева, А.И. Деникина. К концу 1917 г. в ней насчитывалось до 2 тыс. человек [20] в основном офицеров. Во время одного из докладов генерала Черепова, просмотрев предоставленные списки новых добровольцев, генерал Корнилов воскликнул: «Это все офицеры, а где же солдаты? <…> Офицер хорош на своем месте. Солдат дайте мне» [21]. Но рядовых солдат, за исключением определенных рядовыми добровольно записавшихся студентов и других штатских лиц, не было. Поэтому рядовыми с винтовками шли капитаны и поручики, а во главе рот стояли полковники. Добровольческая армия действовала самостоятельно и войсковой администрации не подчинялась.

В распоряжении войскового правительства непосредственно находились 16 добровольческих партизанских отрядов, которые возглавляли казачьи офицеры: есаулы Бобров, Боков, Власов, Слюсарев, войсковые старшины Гнилорыбов и Мартынов, кубанец сотник Греков, полковники Краснянский и Хорошилов, подъесаулы (позже – есаулы) Лазарев и Попов, хорунжий (позже – есаул) Назаров, войсковой старшина (позже – полковник) Семилетов, сотник Хоперский, есаулы (позже – полковники) Чернецов и Яковлев [22]. Точные данные относительно их численности отсутствуют, а имеющиеся сведения противоречивы. Например, по данным воевавшего в Добровольческой армии Р. Гуля, вместе взятые отряды Чернецова, Семилетова и Грекова насчитывали едва ли 400 человек [23]. Некоторые белоэмигранты говорили, что в самых больших партизанских

отрядах Чернецова и Семилетова не набралось бы и пятисот душ [24]. А авторы двухтомной «Гражданской войны в СССР» численность одного чернецовского отряда определили в 1,5 тыс. бойцов [25]. На самом же деле в этот отряд входило, по свидетельствам его членов, изначально всего 120, а позже около 250 человек [26]. В остальных партизанских отрядах счет шел на десятки бойцов. Некоторые из них имели по 30–40 человек [27]. В отряде Грекова было всего 30 человек, у Лазарева – 50 человек и т.д. Их малочисленность в значительной мере компенсировалась большой мобильностью и внезапностью действий, высоким боевым настроем. Общая численность всех этих отрядов, также постоянно менявшаяся, составляла около 1,5 тыс. бойцов.

В распоряжении Антонова-Овсеенко к этому времени имелись следующие силы. В направлении Гомель – Бахмач находился отряд Берзина (1800 человек при 4 батареях). В районе Орла – Белгорода сосредоточился Северный летучий отряд Сиверса (1300 штыков, 200 сабель, 60 орудий, 14 пулеметов). В самом Белгороде находился не подчиненный Сиверсу отряд Ховрина численностью 300 человек (в первом докладе в СНК 19 декабря 1917 г. Антонов-Овсеенко сообщал, что отряд Ховрина окончательно деморализован реквизициями [28]). Кроме этого, в Смоленске формировалась «вторая колонна» Соловьева (более 1 тыс. человек), в резерве находились брянский и великолуцкий отряды (свыше 300 штыков), смоленская батарея и некоторые не совсем надежные части 17-го армейского корпуса. Из Москвы двигался отряд Саблина (1900 человек, батарея, 8 пулеметов) [29]. Одновременно к Царицыну подтягивались полки 5-й Кавказской казачьей дивизии. Также планировалось прислать с фронта несколько латышских полков [30].

Таким образом, первоначальная численность советских войск не превышала 6–7 тыс. человек при 30–40 орудиях и нескольких десятках пулеметов [31]. Эта основная группа постоянно пополнялась силами местных формирований красной гвардии и частями просоветски настроенных солдат гарнизонов городов, через которые по направлению к Донской области продвигались революционные отряды [32]. К концу декабря все советские силы, располагавшиеся в районах Луганска, Горловки, Никитовки, Родаково, Лиски, Чертково и других местах, составляли свыше 17,5 тыс. штыков и сабель при 4 бронепоездах, 4 бронеавтомобилях, 48 орудиях и 40 пулеметах [33]. Они были сведены в три колонны, которыми командовали прапорщик Р.Ф. Сиверс, прапорщик Ю.В. Саблин и Г.К. Петров.

Военно-политические позиции казаков, особенно фронтовиков, имели очень большое значение в условиях специфики начального периода Гражданской войны в казачьих областях. Ведь в то время у противоборствующих сторон отсутствовали сколько-нибудь значительные военные силы, имевшие необходимый уровень боеспособности, организации, надежности для осуществления имевшихся задач военного характера. При этом для советской стороны наиболее остро стояли

вопросы комплектования, военной организации, наличия боевого опыта и необходимой военной подготовки своих отрядов, их командных кадров, а отчасти даже и общей исполнительности и дисциплины. А у антисоветских сил отмечались большие проблемы с численностью вооруженных отрядов и их оснащением оружием и боеприпасами.

Общей тенденцией для обеих сторон являлась ставка на добровольческие формирования. В советских отрядах основу составляли идейные рабочие-красногвардейцы, небольшая часть матросов и солдат, а в антисоветских отрядах – офицеры и учащаяся молодежь (юнкера, кадеты, студенты, гимназисты). Количество казаков, в основном фронтовиков, и в тех, и в других отрядах было весьма небольшим. В начавшейся вооруженной борьбе на территориях казачьих областей политическое и военное руководство обеих сторон, особенно антибольшевистских сил, стремилось привлечь на свою сторону возвращавшихся с фронта домой казаков-фронтовиков, представлявших в тех условиях довольно серьезную военную силу.

На ходе борьбы в казачьих областях в рассматриваемый период времени сказывались и социально-политические (социальный состав противоборствующих сил, политические позиции и различные иные побудительные мотивы их участников с обеих сторон), и собственно военные (малочисленность действовавших формирований, небольшая масштабность, территориальная разбросанность, разрозненность и локальный характер боевых действий, отсутствие линий фронтов, мобильный характер военных операций осуществлявшихся, как правило, по линиям железных дорог, особая тактика боев), и социально-психологические (боевой дух, решительность, целеустремленность, относительно небольшая, по сравнению с последующим периодом, ожесточенность, а отчасти даже и невоинственный настрой сражающихся сторон) особенности начального периода Гражданской войны. Причем наиболее отчетливо все они проявились на его завершающем этапе.

Примечания

1. Денисов С.В. Белая Россия. Альбом № 1. Нью-Йорк, 1937. С. 58.
2. Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1990. С. 155–159.
3. Денисов С.В. Указ. соч. С. 30, 31, 58; Какурин Н.Е. Указ. соч. С. 108, 156, 158–159.
4. Минц И.И. Великий Октябрь и победа советской власти на местах // Установление советской власти в национальных районах. Анализ советской историографии и критика буржуазной литературы: сборник статей. Кишинев, 1979. С. 14–15.
5. Поликарпов В.Д. Работы Н.В. Крыленко по истории революции и армии // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 343–344.
6. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 1. М., 1924. С. 103.
7. Там же. С. 30–32.
8. Там же. С. 77.
9. Богаевский М.П. Ответ перед историей // Донская летопись. № 2. Белград, 1923. С. 370.

10. Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 5 т. Т. 1. Париж, Берлин, 1921. Т. 2. С. 197–198.
11. Фёдоров Н.В. От берегов Дона до берегов Гудзона. Воспоминания. Ростов н/Д, 1994. С. 29.
12. Янов Г.П. Паритет // Донская летопись. № 2. Белград, 1923. С. 193.
13. Денисов С.В. Указ. соч. С. 31.
14. Какурин Н.Е. Указ. соч. С. 156.
15. Там же.
16. Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив Русской революции: в 22 т. / под ред. И.В. Гессена. Т. I. Берлин, 1922. С. 158.
17. Богаевский М.П. Указ. соч. С. 369.
18. Там же.
19. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.
20. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1987. С. 193.
21. Козлов А.И. О Деникине, Корнилове и этой книге // Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. Ростов н/Д, 1989. С. 21.
22. Падалкин А. К столетию со дня рождения генерала от кавалерии Петра Харитоновича Попова, к пятидесятилетию Степного Похода и начала антибольшевистских восстаний на Дону весной 1918 года // Родимый край. 1969. № 80. С. 29; Падалкин А. «Степной поход» и начало казачьих восстаний на Дону // Родимый край. 1969. № 80–81. С. 44.
23. Гуль Р. Ледяной поход. Пг., 1923. С. 29.
24. Белогорский Н.В. Дни Каледина // Белое дело. IV. Берлин, 1928. С. 55.
25. Гражданская война в СССР: в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 84.
26. Севский В. Час разочарований // Донская волна. 1918. № 1. С. 14.
27. Падалкин А. «Степной поход» и начало казачьих восстаний на Дону. С. 44.
28 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 4. Л. 80.
29. Антонов-Овсеенко В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 76.
30. Какурин Н.Е. Указ. соч. Т. 1. С. 159.
31. Там же. С. 159–160.
32. Антонов-Овсеенко В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 76.
33. Гражданская война в СССР: в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 83.

С.М. Сивков

Первое вооруженное столкновение Гражданской войны на Кубани: январь 1918 г.

Гражданская война в России стала трагедией для всего населения страны. Противостояние охватило все слои населения, вошло в каждый дом. Не стала исключением и Кубань, где противоборство вовлекло казачье и иногороднее население. Первые бои прошли в начале января 1918 г. неподалеку от города Екатеринодара и закончились поражением сторонников большевиков. В январе 2018 г. исполнится 100 лет со дня начала этой трагедии.

Проблемами Гражданской войны на Кубани занималось достаточно большое количество исследователей и участников событий, в том числе А.И. Козлов, К.А. Хмелевский, А.А. Зайцев, В.В. Черпаков, А.В. Венков, В.П. Трут, Д.Е. Скобцов, А.И. Деникин, Н.Л. Янчевский, В.И. Яргульян и многие другие исследователи, что и предопределило многополярность взглядов на происходившие события.

Мы не претендуем на подробное рассмотрение всех аспектов, связанных с теми далекими событиями, а попытаемся рассмотреть подготовленность воинских подразделений противоборствующих сторон на начальном этапе противостояния. Следует отметить, что на данном отрезке времени противостояние охватило солдатские массы, стоявшие преимущественно на стороне большевиков, и казачьи формирования, пытавшиеся противостоять устремлениям руководителей большевиков. Кубанское казачество еще не понимало тех угроз, которые возникали перед ним как одним из сословий, подлежащих ликвидации, и пыталось отстоять свои традиционные права. К сожалению, это обошлось дорогой ценой.

Черноморье первым оказалось под властью большевиков. В связи с этим Кубанский областной продовольственный комитет отказался посылать в Новороссийск составы с зерном [1], что послужило усилению антиказачьих настроений, хотя комитет не являлся по своему составу казачьим.

Большевики, руководствуясь решениями, выработанными на I конференции партийных организаций Кубани и Черноморья, состоявшейся 25–26 ноября 1917 г. в Новороссийске, сосредоточили внимание на формировании отрядов красной гвардии и усилении работы в воинских частях, возвращавшихся с фронта [2]. Руководитель большевиков А.А. Яковлев предложил выехать в Трапезунд за войсками, чтобы немедленно двинуться на Кубань. Это решение было единогласно принято [3].

В конце декабря 1917 г. в станицах Крымской и Приморско-Ахтарской прошли совещания военных работников. На них принимаются решения о переходе к активной борьбе с краевым правительством [4]. К концу 1917 г. власть кубанского правительства распространялась лишь на Екатеринодар и ближайшие к нему станицы.

События 1917–1918 гг. показали неспособность демократических сил региона разрешить экономические и политические вопросы мирным путем. Вокруг вопроса о земле кипели страсти, но разрешен он был только в пользу казачьей части населения, что означало попытки установления диктатуры. Спекуляции с арендой земли углубляли раскол в обществе. Накал политических страстей привел к тому, что большинство политических партий и движений усмотрели возможность своего существования только в споре на вооруженной основе. Начался процесс милитаризации партий. От локальных столкновений стороны переходили к широкомасштабной гражданской войне.

12 января 1918 г. в станице Крымской большевиками принимается решение о штурме Екатеринодара. Их силы, по оценке атамана В. Науменко,

составляли до 4 тыс. человек. Краевое правительство могло противопоставить им около 600 бойцов при 4 орудиях [5].

Противоборствующая сторона не сидела сложа руки. Приведем оценку Д.Е. Скобцова: «С Кавказского фронта наконец прибыл член правительства по военным делам Н.М. Успенский и принялся за сколачивание частей кубанских добровольцев. В спешном порядке он провел через Совет правительства положение о службе в кубанских добровольческих отрядах. Было определено добровольцам приличное содержание, проведено приспособление воинского устава, пересмотрено положение о чинопроизводстве, о дисциплине, о революционно-полевых судах и т.п.» [6].

Началась фаза активного формирования первых подразделений. Указанный выше автор отмечал: «К концу Святок было уже несколько кубанских добровольческих отрядов, принимавших название своих начальников: войскового старшины Галаева, полковника Деменика и т.п. Большое значение имела при этом инициатива и популярность начальников» [7].

В конце января 1918 г. под Энемом и Георгие-Афипской борьба приняла широкомасштабный характер. Как отмечал Д.Е. Скобцов, «определились три направления большевистского наступления на Екатеринодар: Кавказское, Тихорецкое и Новороссийское – по главным железнодорожным магистралям. Поначалу наиболее бурным оказалось Новороссийское – во главе с “военным министром Новороссийской Республики”, прапорщиком Серадзе… Бой завязался у самого подступа к Екатеринодару, у разъезда Энем. Против Серадзе выступили Галаев и Покровский» [8].

В первом же бою под станцией Энем большевики потерпели серьезное поражение. В ходе боя войсковой старшина П.А. Галаев застрелил командира красной гвардии юнкера А.А. Яковлева и тут же был убит сам [9]. Интересен тот факт, что Александр Яковлев в годы Первой мировой войны выполнял функции поставщика форменной одежды для нужд армии и не являлся профессиональным командиром. Во время одной из поездок в районе города Молодечно в окно вагона, где он находился, влетела граната, юнкер был ранен, после чего проходил лечение на Черноморском побережье. После событий октября 1917 г. он был командирован большевиками в Новороссийск.

Второй бой также не имел успеха. Назначенный вместо Яковлева левый эсер прапорщик Серадзе попал в плен и от полученных ран скончался в войсковой больнице [10].

В Новоросийске было подготовлено для наступления на столицу Кубани несколько бронепоездов. Численность красногвардейцев, по оценке советских и эмигрантских специалистов, составляла около 4 тыс. человек. Сторонники краевого правительства бросили против этой группировки не более 600 казаков. Против бронепоездов была брошена казачья конница и несколько орудий.

Результат этой операции впечатляет. Красная гвардия на бронепоездах с артиллерией была разгромлена, и большая часть ее участников бежала: «Большевики бежали, оставив на поле брани многочисленные трофеи и смертельно раненного своего главковерха Серадзе… Здесь в бою у разъезда Энем погибла девушка – прапорщик Бархаш… Покровскому был устроен триумф по типу цезаревских» [11].

Таким образом, оказалось, что казаки были более подготовлены к ведению боевых действий, да и мотив для отстаивания своей земли у казаков был значительно выше. Кроме того, уровень командирской подготовки у руководителей со стороны большевиков вызывал большое сомнение.

Негативно отнеслось к выступлению большевиков население Кубани. Сход жителей станицы Пашковской осуждал эту акцию [12]. В поддержку краевого правительства высказались казаки станиц Воронежской, Платнировской, Новотитаровской и других. Станичники Кущевки отказались подчиниться власти Советов [13].

Первая попытка сторонников большевиков захватить власть в кубанской столице провалилась. Начался новый этап эскалации Гражданской войны. Для пополнения запасов оружия новороссийский исполком продолжил разоружение частей Кавказского фронта, следовавших через город [14].

Попытка агитации среди 7 тыс. солдат в столице Черноморской губернии по поводу повторного выступления привела к расколу в их рядах [15]. Согласились участвовать в борьбе с краевым правительством солдаты 22-го Варнавинского полка и 41-го артиллерийского дивизиона [16]. Активную роль сыграли моряки Черноморского флота. По просьбе Новороссийского комитета большевиков из Крыма прибыл отряд Ф.М. Карнау-Грушевского [17].

Кубано-Черноморский военно-революционный комитет получил оружие от военно-революционного комитета Кавказской армии, Центрального исполнительного комитета военного флота (Центрофлота), из Керчи, Севастополя, Одессы. Установилась связь с Армавиром и Тихорецкой для образования нового фронта против Екатеринодара [18].

База вооруженных ресурсов для нового штурма кубанской столицы была создана. Причем поддержка осуществлялась со всех сторон. Сторонники казачества не имели такой широкой базы, промышленные районы России оказались под контролем большевиков. Отсутствовали боеприпасы, стрелковое оружие, патроны, военный инвентарь и амуниция. С одной стороны, мы видим прекрасные командные кадры среди противников большевиков, а с другой – отсутствие материального обеспечения боевых действий. Ситуация среди сторонников большевиков складывалась абсолютно противоположно. И время не заставило себя ждать, начался следующий этап вооруженного противостояния, который завершился весной 1918 г. разгромом сил антибольшевистской коалиции на Кубани. Вновь начался процесс накопления сил, переросший

в противостояние летом 1918 г., когда Добровольческая армия совместно с частями кубанских казаков взяла под полный контроль территорию бывшей Кубанской области.

Примечания

1. Листок войны. 1917. 8 декабря.
2. Там же.
3. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 933. Л. 13.
4. Осадчий И.П. За власть трудового народа (1917–1922 гг.). Краснодар, 1987. С. 44.
5. Науменко В.Г. Начало Гражданской войны на Кубани // Кубанец. 1992. № 3. С. 21–22.
6. Скобцов Д.Е. Три года революции и Гражданской войны на Кубани. М., 2015. С. 101–102.
7. Там же. С. 102.
8. Там же. С. 103.
9. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 933. Л. 10, 10об.
10. Памятник бойцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг. Вып. 1. М., 1922. С. 203.
11. Скобцов Д.Е. Указ. соч. С. 103.
12. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 240. Л. 61.
13. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 240. Л. 16, 23, 25.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 3. Л. 1.
15. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 240. Л. 68.
16. Осадчий И.П. За власть трудового народа (1917–1922 гг.). С. 68–69.
17. Любчиков М., Болгари П. Моряки-черноморцы в борьбе за советскую власть на юге страны (1917–1920 гг.) // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. Симферополь, 1957. С. 123–124.
18. Козлов А.И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917–1920 гг.). Ростов н/Д, 1972. С. 3.

А.Ю. Безугольный

Мартовские события 1918 г. и становление советской власти в Баку

Драматическая история Бакинской коммуны, как немногие события Гражданской войны, была предельно мифологизирована и сознательно искажена. Причина крылась в особенностях образования социалистической республики в Баку, а именно в исключительно напряженной межэтнической обстановке в Закавказском регионе, Азербайджане и Баку. Этнические мотивы против воли создателей коммуны сопровождали и часто определяли ее короткую историю, стали доминантой ее существования.

Другой особенностью революционной практики коммунаров стала их беспринципная готовность сотрудничать с любыми политическими

силами ради завладения властью и удержания этого важнейшего для Советской России региона (за четыре месяца советской власти в 1918 г. в Центральную Россию было отгружено 1,3 млн т нефти и нефтепродуктов [1]). Нельзя не оценить сверхусилий советской историографии, сумевшей нивелировать эти два фактора и, прежде всего, взрывоопасный этнический, до значения случайности и недоразумения, в худшем случае – свести их к «проискам» и «провокациям» всевозможных внешних и внутренних врагов.

Межнациональное насилие стало лейтмотивом революционных событий 1917 г. в Закавказье. Уже Февраль выпустил наружу джинна национализма. До осени 1917 г. он обретал силу в лице многочисленных национальных комитетов, национализации войск Кавказского фронта, национально-государственного размежевания и просто обострения бытового национализма при одновременном ослаблении органов власти и развале фронта. Падение Временного правительства послужило сигналом для эскалации межэтнического насилия. Уже в первые недели после Октябрьского переворота в Муганской долине на юге Азербайджана разгорелся конфликт между русскими поселенцами и азербайджанским населением (именовавшимся тогда тюрками или татарами), вылившийся в многомесячное взаимное истребление. Особой жестокостью отличались так называемые «шамхорские события» 9–12 января 1918 г. [2]. Резко обострились отношения между азербайджанцами и армянами, армянами и грузинами. Несколько тысяч вооруженных армян, покинувших фронт, скопились в Баку, но не могли отправиться на родину, поскольку передвижение по территории Азербайджана было смертельно опасным занятием. Всё это, помноженное на исключительную слабость новых органов власти – заседавшего в Тифлисе Закавказского комитета и сменившего его Закавказского сейма, раздиравшихся противоречиями между составлявшими их национальными советами, и разлагающую, дезорганизующую деятельность большевиков – создавало исключительно благоприятную почву для разгула шовинизма, этнических чисток, произвола и хаоса.

Еще один ключевой фактор закавказского политического пространства 1918 г. – внешний. Брест-Литовский мир дорого обошелся Советской России: она отказалась от значительных территорий бывшей Российской империи, в том числе от районов Батума, Карса и Ардагана, которые отошли Турции. Закавказский сейм не принял условий Брестского мира. Чтобы сделать закавказское правительство более сговорчивым, турки еще 12 февраля 1918 г. начали крупномасштабное наступление с рубежа Трабзон – озеро Ван в направлении на Эрзерум, Батум, Карс. Однако Кавказский фронт к тому времени фактически был распущен, существовали лишь штабы и обеспечивающие учреждения. Уже в конце марта турецкие войска перешли государственную границу 1914 г. 22 апреля 1918 г. была юридически оформлена фактическая независимость Закавказья. Закавказское правительство выполняло одно требование

турок за другим. 26 мая они потребовали пропуска турецких войск по всем железным дорогам Закавказья для следования в район Баку, где, как было заявлено, «сотни тысяч тюрков и мусульман терпят в Баку и окрестностях ярмо безжалостных бандитов, так называемых революционеров» [3].

Не имея возможности повлиять на ситуацию, 26 мая 1918 г. Закавказский сейм сложил свои полномочия. Были провозглашены независимые Грузинская, Азербайджанская и Армянские Республики, каждая из которых самостоятельно выстраивала свою внешнюю политику. 4 июня они подписали договоры «о мире и дружбе» с Турцией, условия которых были еще более тяжелыми, чем положения Брест-Литовского мира: Турции дополнительно отошли Ахалкалакский и Ахалцикский уезды Грузии и большая часть Армении. Вне сферы досягаемости турок оставался главный промышленный центр региона – Баку. Ближайший союзник турок – вновь образованная Азербайджанская Демократическая Республика, – объявила Баку своей столицей.

Между тем еще 2 ноября 1917 г. в Баку была провозглашена советская власть, и только здесь она смогла укрепиться. Один из крупнейших пролетарских городов бывшей имперской России принял советскую власть быстро и бескровно. В бакинском пролетариате преобладали русские и армяне. В основном русско-армянским по составу был и Бакинский совет народных комиссаров. После перевыборов 12 декабря 1917 г. в его состав вошли 48 большевиков, 85 эсеров, большинство левых, блокировавшихся с большевиками, 36 дашнаков, 18 мусаватистов, 13 меньшевиков. Председателем совета был избран большевик Степан Шаумян. Он же 16 декабря был назначен В.И. Лениным чрезвычайным комиссаром СНК по делам Кавказа. В условиях армяно-азербайджанской напряженности особенно бросался в глаза дисбаланс в новых органах власти между представителями этих двух национальностей. Кроме дашнаков, много армян было среди большевиков и левых эсеров. Между тем армяне значительно уступали по численности азербайджанскому населению города (на 1 января 1916 г. 75 тыс. армян и 183 тыс. мусульман проживало в Баку и 42 тыс. армян и 691 тыс. мусульман – в Бакинской губернии) [4].

Бакинский совет оказался в полном одиночестве перед целым рядом противников: национальными советами и правительствами, угрозой внешней интервенции со стороны турецких, германских и английских вооруженных сил. В таких условиях Бакинский совет не мог оставаться в стороне от процесса всеобщей милитаризации. Зарождение красноармейских и красногвардейских отрядов в Баку происходило почти в полной изоляции города от большевистского центра страны и Красной армии Советской России. Революционным лидерам на местах приходилось действовать автономно. Первоначально отряд Красной гвардии Бакинского совета состоял лишь из 300–400 вооруженных рабочих, не имевших военной подготовки. Несколько бывших солдат выполняли функции командиров.

Демобилизация старой армии, начавшаяся сразу после октябрьского переворота, значительно ускорила процесс нарождения вооруженных сил Баксовета. Еще с ноября 1917 г., сразу после обнародования декрета о мире, в Баку стало прибывать большое количество воинских частей и одиночных солдат. Сюда же в первых числах января 1918 г. перебрался Военно-революционный комитет Кавказской армии – большевистский орган, альтернативный эсеро-меньшевистскому Краевому совету Кавказской армии. В распоряжении ВРК имелось до 6 тыс. солдат, ожидавших отправки на Северный Кавказ, однако назвать их организованной военной силой нельзя [5]. В Баку их в значительной мере удерживал страх повторения столкновений с местным населением, подобных тому, которые случились в районе Шамхора.

Мусульманский национальный комитет располагал в Баку в начале 1918 г. значительно меньшими силами. В октябре 1917 г. в город прибыл Татарский полк Кавказской туземной конной дивизии, именовавшейся в просторечии «Дикой дивизией». Полк был расквартирован в Баку и, по свидетельству начальника Туземного конного корпуса П.А. Половцова, еще сохранял воинский вид [6].

Ключевыми стали мартовские события, получившие в советской литературе наименование «подавление мусаватского мятежа». Более всего период 30 марта – 1 апреля 1918 г. в Баку походил на кровавую межэтническую резню. Ожесточенный спор по поводу разоружения рабочими отрядами (русскими и армянскими по национальному составу) офицеров Татарского полка перерос в отрытые кровопролитные столкновения на улицах города с применением артиллерии. На сторону большевиков, еще не имевших организованных вооруженных сил, в те дни стало много солдат-армян из находившихся в городе армянских национальных частей (по оценке Шаумяна – до 3–4 тыс. человек) и местное отделение партии «Дашнакцутюн». С обеих сторон в боях приняли участие более 20 тыс. человек [7]. Бомбардировки города большевистским флотом велись главным образом по мусульманским кварталам [8]. В ходе боев и со стороны армян, и со стороны азербайджанцев было отмечено «много случаев зверств: не только убивали, но и надругивались над своими жертвами и те, и другие» [9]. Но победа осталась за большевиками и армянами. По некоторым данным, только азербайджанцев в эти дни погибло свыше 12 тыс. человек [10].

Большевики укрепили свою власть, но оказались в очень неловком положении: молва об их симпатиях к армянам быстро распространилась среди российских мусульман и сослужила дурную службу большевикам, боровшимся за власть в других населенных мусульманами регионах, в частности на Северном Кавказе [11]. Представитель Бакинского совета в Астрахани С.М. Тер-Габриэлян был шокирован деятельностью своих коллег-революционеров: «Ни от одного русского, которые сейчас массами выезжают из Баку, независимо от их социального положения, не услышишь о советской борьбе в Баку, все в один голос

говорят – в Баку идет армяно-татарская резня, и что эта резня создана армянами» [12].

Действия большевиков требовали объяснений. В довольно путаной форме и лишь спустя две недели после событий их дал С.Г. Шаумян. Гражданская война на «кавказской почве», по его мнению, не исключала межнациональных столкновений. В письме в СНК в Москву 13 апреля 1918 г. он доносил, что участие в боях армянских национальных частей «придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но *избежать этого не было возможности. Мы сознательно шли на это* (курсив мой. – *А.Б.*)». Далее следовал каламбур, призванный примирить классовую борьбу с национальным геноцидом: «Мусульманская беднота сильно пострадала, но она сейчас сплачивается вокруг большевиков и вокруг Совета» [13]. Столь же неуклюжую попытку развести национальную и классовую борьбу предпринял А.И. Микоян, один из руководителей военных отрядов Бакинского совета. В частном письме он отмечал: «Военные действия носили классовый характер, поскольку во главе с нашей стороны был Военно-революционный комитет. Однако неграмотная масса обывателей старалась придать всем этим событиям национальный характер… До воскресного дня партия Дашнакцутюн и Армянский национальный комитет объявили о своем нейтралитете. Но многие их солдаты не остались нейтральными, а активно участвовали в боях» [14].

Через несколько дней Шаумян на заседании Бакинского совета выдержал свое выступление в стиле «цель оправдывает средства» и уже не испытывал неудобств по поводу произошедшего: «Результаты показали, что мы не ошиблись. Национальный состав нашего города пугал нас. Мы боялись, что борьба примет нежелательную окраску. Нам даже пришлось прибегнуть к помощи армянского полка. Мы даже не могли допустить себе роскошь отказаться от его услуг… Победа настолько велика, что это мало омрачает действительность» [15]. По его мнению, прояви большевики сдержанность и не пойди они в атаку, «вся немусульманская часть населения была бы вырезана» [16].

Несколько сгладило положение решение Бакинского совета об освобождении из-под стражи всех захваченных в плен мусульман, в том числе и их лидера Бейбута Джеваншира. В то же время для соблюдения баланса сил азербайджанское население города не подверглось разоружению.

Мартовские события сыграли ключевую роль в становлении большевистской советской власти в Баку и определили стратегический союз между большевиками и армянскими военными, общественными и политическими организациями, шедшими теперь рука об руку вплоть до самого падения Бакинской коммуны. Первые успехи чрезвычайно вдохновили большевиков. Вскоре им удалость окончательно захватить большинство в Бакинском совете и приступить к экспорту революции в окрестные уезды. Здесь надо подчеркнуть, что начало 1918 г. было самым романтическим временем большевистской революции, когда

любые цели казались легко достижимыми, а трудности – временными и преодолимыми. Вскоре новый состав бакинского Совета народных комиссаров с удовлетворением отмечал, что «гражданская война продолжается и сейчас», а «передовые отряды наших товарищей из Красной армии и Красной гвардии» сражаются в Петровске, Шемахе, Ленкорани, Дербенте, Кубе, Сальянах и т.д.

Вскоре после мартовских событий, 15 апреля 1918 г., было объявлено о создании Красной армии Бакинского совета (Кавказской Красной армии). Уже в начале мая Бакинские советские вооруженные силы состояли из 19 стрелковых батальонов, объединенных в четыре бригады. По разным данным, они насчитывали от 13 до 18 тыс. человек (называлась даже цифра в 35 тыс. человек в составе 21 батальона [17]) красноармейцев при двух десятках орудий [18]. Этнически в бакинской армии резко преобладали армяне (по данным военно-морского комиссара Бакинского совета Г.Н. Корганова, армяне составляли до 80 % от всего личного состава; по данным комиссара Центральной комиссии по боевому снабжению РККА Тер-Арутюнянца, свыше 90 % [19]; по данным представителя Всероссийской коллегии по организации и управлению РККА И. Кузнецова, 95 % [20]).

Нельзя сказать, что большевики целенаправленно отбирали в Красную армию армян и эксплуатировали их вражду с азербайджанцами и турками. Это был союз ради выживания. Русский бакинец Б. Байков отмечал, что в позиции армян, поддержавших большевиков, определяющую роль сыграло нетерпимое отношение к армянской нации ведущей азербайджанской партии «Мусават». Тот же Байков отметил причину популярности большевиков среди армян: даже «правоверные кадеты» из числа армян считали, что «на Кавказе большевики делают “русское” дело» [21]. Иными словами, как это ни парадоксально, большевики воспринимались армянским (да и русским) населением как продолжатели царской политики с ее преференциями христианским народам. На фоне пестроты противостоявших друг другу кавказских народов, дополненной многочисленными интервентами (турками, англичанами, немцами), большевистские силы выделялись именно значительным удельным весом русских в своем составе. Имидж русской армии как защитницы христианского населения Закавказья после развала Кавказского фронта старой армии остался вакантен и достался большевикам ввиду полного отсутствия конкуренции.

Бакинские большевики сами вольно или невольно смешивали понятия «русский» и «советский»: «Единственное спасение Баку, – доносил в Москву коммунар Б. Шеболдаев, – это присылка немедленно не менее 4000 красноармейцев… надежных в смысле партийном и, в крайнем случае, в смысле крепкой *русской советской* ориентации (здесь и далее курсив мой – *А.Б.*)» [22]. В другом донесении представитель Бакинского совнаркома пишет о большой силе «обаяния», «которое приобрели *русские* войска среди местного населения» [23] и т.д. То же самое отметили

и в штабе Добровольческой армии: «Русское и армянское население города без различия партий стало на защиту города, как части единой России» [24]. Начальник политической канцелярии Добровольческой армии полковник Д.Л. Чайковский обратил внимание на *«старательно подчеркиваемый русско-государственный централизм»* бакинских большевиков [25]. Отождествление большевистских и русских войск – важный аспект истории Красной армии и большевизма в Закавказье в целом.

Преобладание в армии армян ставило на повестку дня определение их позиции к мусульманскому населению. Главнокомандующий Бакинскими вооруженными силами Г.Н. Корганов докладывал Ленину, что преобладание в армии солдат-армян «неизбежно приводит в отдельных случаях к эксцессам, жестокостям и насилиям». Однако «с национализмом боремся непрерывно и уже многого добились», – продолжал он [26]. Прежде всего, «во имя торжества интернационализма» было предписано расформировать армянские национальные части и «влить» армянских военнослужащих в Красную армию по отдельности. Однако на деле эта мера реализована не была, и армянские части включались в состав Кавказской Красной армии целиком. Шаумян заявлял о развертывании в частях интернациональной пропаганды: «Пусть скажет кто-нибудь, что наш военный руководитель в каждый отряд не посылал специального комиссара, который должен был удержать солдат, чтобы они не обижали мусульманского населения, чтобы не было мародерств и убийств мусульманской бедноты…» [27].

Однако за то историческое мгновение, которое просуществовала Бакинская коммуна, интернациональная воспитательная работа, как и дело насаждения твердой воинской дисциплины в целом, конечно, не могли дать глубоких результатов. Само большевистское руководство, очевидно, относилось к этой работе как к перспективной. В масштабах «текущего момента» гораздо более эффективна была ставка на вражду между армянами и мусульманами. В донесениях в Москву бакинские большевики не скрывали тесных контактов с представителями дашнакской партии, главной целью ставившей спасение армян в Закавказье.

Но в силе Кавказской Красной армии таилась и ее слабость. Армянские солдаты-фронтовики и офицеры, добровольно вставшие на сторону большевиков из инстинкта самосохранения, по той же причине стали искать себе иных покровителей, как только положение коммуны пошатнулось. Во второй половине июля 1918 г., когда бакинская Красная армия потерпела ряд поражений от турецко-азербайджанской Армии ислама, армянские красноармейцы стали массово дезертировать, а в самом Баку армянские политические организации спровоцировали политический кризис, продавив в Бакинском совете решение о приглашении в город английских войск и вынудив большевиков отказаться от власти. Таким образом, ставка большевиков на поддержку со стороны только одной этнической группы полиэтничного бакинского региона оказалась для них роковой ошибкой.

Примечания

1. Литвинова Н.В. Малоизвестные документы о деятельности Бакинской коммуны // Советские архивы. 1988. № 4. С. 75.
2. Верещак С.И. О революции в Закавказье и о роли советов в ней // 1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 420.
3. Цит. по: Кадишев А.Б. Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 58.
4. Мустафа-заде Р.С. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг. М., 2006. С. 24, 26.
5. Шаумян С.Г. Избранные произведения: в 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 209.
6. Половцов П.А. Дни затмения (Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в 1917 г.). Париж, 1922. С. 199.
7. Шаумян С.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 208.
8. Архив русской революции. Т. 9. М., 1993. С. 121–122.
9. Там же. С. 123.
10. Мустафа-заде Р.С. Указ. соч. С. 27.
11. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 497.
12. Шаумян Сур. Бакинская коммуна. Баку, 1928. С. 17–18.
13. Шаумян С.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 209.
14. Микоян А.И. Так было. М., 1999. С. 63.
15. Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 213–214.
16. Там же. С. 231.
17. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.
18. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): сборник документов. Т. 1. М., 1971. С. 287, 290; Кадишев А.Б. Указ. соч. С. 105; Микоян А.И. Указ. соч. М., 1999. С. 60.
19. РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 140. Л. 2.
20. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.
21. Архив русской революции. Т. 9. С. 122.
22. Директивы командования фронтов … Т. 1. С. 288.
23. Там же. С. 288, 291.
24. Архив Института военной истории Министерства обороны. Ф. 217. Оп. 259. Д. 109. Л. 123.
25. Там же. Л. 170об.
26. Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922. Т. 1. М., 1957. С. 554.
27. Шаумян Сур. Указ. соч. С. 72.

Ф.Б. Шахалиева

Ход военных действий в Кабарде и Балкарии в период Гражданской войны (1918–1920 гг.)

В июне 1918 г. на Тереке началось вооруженное восстание против советской власти, за защиту демократических свобод Февральской революции. По мнению У.А. Улигова, стремление отстоять свои земельные

привилегии объединяло казаков и горцев в лагерь борьбы против советской власти [1]. Председатель Терского казачье-крестьянского совета, меньшевик Г. Бичерахов в письме своему брату Л. Бичерахову писал: «В Терской области началось восстание. Волна покатилась из Пятигорска и перекатилась на Моздокский отдел. Сейчас Пятигорск в руках большевиков. Из Моздока изгнан Совет рабочих и солдатских депутатов и с ними 1800 красноармейцев…» [2]. Казаки обвиняли советскую власть в нарушении декрета СНК от 1 июня 1918 г. «Об управлении казачьими областями», т.к. та покусилась на казачьи земли в пользу ингушей [3].

Антисоветские силы в Кабарде и Балкарии (Нальчикский округ) возглавил ротмистр З. Даутоков-Серебряков, служивший в Кабардинском конном полку. По предписанию начальника Нальчикского округа Г.И. Чижокова во всех селах Кабарды и Балкарии объявлялась мобилизация всадников, служивших в Кабардинском полку в составе «Дикой дивизии» до установления советской власти в Терской области (март 1918 г.), для зачисления в полки формируемой Кабардинской конной дивизии. Формируемая дивизия должна была войти в состав Вооруженных сил Юга России под командованием генерала А.И. Деникина [4].

В июне 1918 г. армия белогвардейского офицера, полковника А.Г. Шкуро стала нападать на города и населенные пункты в районах Минеральных Вод и Большой Кабарды [5]. Советская власть приняла ответные меры по отпору врагу. Терский областной народный совет постановил бороться с врагами советской власти до последней капли крови. Нальчикский окружной народный совет объявил мобилизацию всадников в Красную армию для борьбы с антисоветскими силами в районе Пятигорска. Всем селениям Нальчикского округа было приказано немедленно выслать с каждых десяти дворов по одному всаднику с винтовкой в окружной штаб в Нальчике [6].

Повстанцы повели наступление в областной центр – город Владикавказ. Положение Терской республики стало шатким. В боях у станицы Прохладной летом 1918 г. активное участие принимал отряд кабардинцев и балкарцев, состоявший из двух рот. В сентябре 1918 г. этот отряд уже насчитывал 250 пехотинцев и около тысячи всадников. На участке Арик – Котляревская действовал отряд из Малой Кабарды, насчитывавший 500 человек, и сводный отряд из кабардинцев, осетин, ингушей и чеченцев.

В июле во Владикавказ прибыл чрезвычайный комиссар на Юге России Г.К. Орджоникидзе, сюда переехали Северо-Кавказский крайком РКП(б) и ЦИК Северо-Кавказской Республики [7]. Для мобилизации революционных сил на Юге России советская власть в конце июля 1918 г. создала Временное бюро Северного Кавказа, также был созван Четвертый съезд горских народов и казачества Терской области. Съезд начал работу 23 июля 1918 г. во Владикавказе под руководством Г. Орджоникидзе. Основная задача съезда заключалась в предотвращении гражданской войны на Тереке, однако никаких конкретных предложений по ее предотвращению

не прозвучало [8]. Среди казаков, кабардинцев и балкарцев устраивались митинги с целью привлечения их в ряды Красной армии [9].

Турция поддерживала Горское правительство (Союз объединенных горцев, созданный в мае 1918 г.) в борьбе против советской власти и высылала им для этого оружие [10].

В ночь с 5 на 6 августа 1918 г. во Владикавказ ворвались казачьи отряды. Большевистские части под командованием М. Левандовского оказали упорное сопротивление отрядам Г. Бичерахова. После 12-дневных боев 18 августа казачьи части были полностью выбиты из города Красной армией.

Терское казачество раскололось, сунженские станицы выступили за советскую власть. Командующим антибичераховской группой войск был назначен Н. Гикало [11]. В этот сложный период председатель Нальчикского окружного народного совета Т. Шакманов объявляет нейтралитет для удержания горцев от братоубийственной войны.

Однако дальнейшие события Гражданской войны не позволили придерживаться концепции нейтралитета. На политическую арену вышли два противоборствующих военно-политических формирования: партия «Свободная Кабарда», созданная З. Даутоковым-Серебряковым, и революционно-шариатский большевистский отряд, сформированный Н. Катхановым [12].

В августе 1918 г. в станице Солдатской Моздокского отдела З. Даутоков-Серебряков организовал военно-политическую организацию – партию «Свободная Кабарда». В программе партии указывалось, что «Кабарда должна устраивать свою жизнь на основах самоопределения, без угрозы штыков; кроме окружного народного Совета Кабарда должна иметь национальный Кабардинский совет; Красная армия из кабардинцев, балкарцев и русских должна быть распущена. Оружие отобрано; Кабарда должна иметь национальное войско… Жизнь и имущество иногородних должны защищаться всей Кабардой» [13]. В начале сентября 1918 г. З. Даутоков-Серебряков с отрядом всадников, насчитывавшим до 300 бойцов, направился в сторону Нальчика для захвата города.

В этом же месяце активизировал свою деятельность Н. Катханов. Н. Катханов и бойцы его революционно-шариатского «красного» отряда считали, что большевизм и шариат вполне совместимы, и вели борьбу за установление советской власти в Нальчикском округе и за его пределами. В этой борьбе Н. Катханову активную помощь оказали осетинские «керменисты» – большевики. В сентябре 1918 г. Н. Катханов, получив полную поддержку Г. Орджоникидзе, соединился с осетинской сотней и двинулся в сторону Нальчика. Его кавалерийская сотня состояла из 3 тыс. бойцов. 25 сентября, свергнув в Нальчике окружной Совет Т. Шакманова, Н. Катханов установил здесь власть Военно-революционного шариатского совета. Северо-Кавказский ЦИК объединил шариатский полк с 1-й внеочередной дивизией 11-й армии. Это объединение получило название первой ударной Шариатской советской колонны [14].

В октябре 1918 г. З. Даутоков-Серебряков, выбив из Нальчикского округа отряды Н. Катханова, восстановил в правах Совет Т. Шакманова. С этого времени и до середины ноября 1918 г., когда Нальчик снова был занят красными, они выступали единой силой. В период их пребывания у власти в Нальчикском округе были достигнуты значительные успехи в национально-государственном строительстве кабардинцев: созданы независимая политическая и судебная власть, сформировано национальное войско, образован особый Духовный совет, призванный примирить охваченное Гражданской войной население округа [15].

Оттесненные на Кубань советские войска 29 октября 1918 г. начали наступление на Терек. 2 ноября из Пятигорска в сторону Нальчика выступила 1-я Ударная шариатская колонна. 9–23 ноября части Красной армии взяли города Прохладный, Нальчик, Моздок, станицу Котляревскую. З. Даутоков-Серебряков отступил из Нальчика на Кубань для соединения с Добровольческой армией А. Деникина [16].

Осенью 1918 г. к границам Терской области подошли отряды председателя Горской Республики Т. Чермоева. Для борьбы с ними на Каспийско-Кавказский фронт были отправлены 11-я и 12-я армии РККА, шариатская колона и Мало-Кабардинский полк. В январе 1919 г. был сформирован отдельный Балкарский полк [17].

В конце 1918 г. и в начале 1919 г. в Терской области шли ожесточенные бои. В январе – феврале 1919 г. Добровольческая армия А. Деникина заняла всю Терскую область. 25 января 1919 г. З. Даутоков-Серебряков при поддержке белой армии занял Нальчикский округ [18]. З. Даутоков-Серебряков был назначен помощником правителя Кабарды генерал-майора Т. Бековича-Черкасского по военной части, с правами командира отдельной бригады [19].

В феврале – марте 1919 г. отряд З. Даутокова-Серебрякова вел ожесточенные бои с кабардинскими и балкарскими большевиками в Черекском, Чегемском, Хуламо-Безенгийском ущельях, в апреле – в селениях Нижний и Верхний Курп, которые вскоре были заняты серебряковцами [20].

А. Деникин не признал Горское правительство и отказался вести с ними любые переговоры. Горская Республика восприняла это как покушение на национальное самоопределение народов Кавказа и послала зарубежным странам решительный протест против грубого насилия Добровольческой армии над народами Северного Кавказа [21]. Терское казачество признало власть А. Деникина и подчинилось правителю Терско-Дагестанского края генералу Ляхову, назначенному А. Деникиным [22].

Как отмечает Х.Б. Мамсиров, психологически народы были более склонны поддержать национальные политические силы как свои. Таким образом, белое движение отталкивало от себя горцев [23].

Горское правительство объявило о самороспуске. Для организации борьбы против белой армии был создан Союзный меджлис, парламент Горской Республики в эмиграции. Парламент осуществлял руководство движением горцев Кавказа против Вооруженных сил Юга России.

Союзный меджлис стал центром притяжения всех антибольшевистских сил [24].

В конце 1919 г., объединив все силы, большевики начали наступление на Терек. В этот период Красная армия одерживала победу за победой. В конце марта 1920 г. добровольческие части отступили в Крым. С отступлением с Северного Кавказа частей потерпевшей поражение Добровольческой армии завершила свое существование и Кабардинская конная дивизия [25].

В марте 1920 г. в Кабардино-Балкарии и по всему Северному Кавказу была окончательно восстановлена советская власть, Гражданская война закончилась [26]. В Кабарде и Балкарии советская власть была установлена позже всех регионов Северного Кавказа, боевые действия в годы Гражданской войны носили упорный и затяжной характер. Во многом это объясняется индифферентностью основной массы горского населения к агитации большевиков и Добровольческой армии и уклонением от участия в активных боевых действиях.

Таким образом, можно сделать вывод, что деникинская политика восстановления «единой и неделимой России» и неприятия каких-либо форм автономии народов Северного Кавказа оказалась провальной и «нежизнеспособной». Все это лишило его поддержки местного населения, и следствием стало поражение «на всех фронтах» Гражданской войны на Северном Кавказе.

Военно-политическому поражению Горского правительства способствовало отсутствие достаточных военных сил и финансовых средств, чтобы противостоять Красной армии и Добровольческой армии А. Деникина, не признавших ни статуса автономии горцев в составе России, ни их самостоятельности вне рамок Российского государства.

После завершения Гражданской войны и политической победы партии большевиков начался процесс централизации во всех областях жизни советского общества. Не стало исключением в этом отношении и национально-государственное обустройство народов Северного Кавказа. Теперь большевистская партия была главной составляющей структуры новой политической власти в регионе. В новых исторических условиях создавалась государственность Кабардино-Балкарии.

Примечания

1. Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабардино-Балкарии и создание национальной государственности Кабардино-Балкарских народов (1917–1937 гг.). Нальчик, 1979. С. 182.

2. Из письма Г. Бичерахова Л. Бичерахову о начале мятежа против Советской власти на Тереке, 12 июля 1918 г. // Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / сост. Р.Х. Гугов, Л.Б. Татарокова и др. Нальчик, 1983. С. 194–195.

3. Там же.

4. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917 гг. Нальчик, 2012. С. 433–236.

5. Шкуро А.Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. URL: http:// militera.lib.ru/memo/russian/shkuro_ag/index.html (дата обращения: 14.02.2016).

6. Приказ комиссара Нальчикского округа А. Сахарова о мобилизации населения и создании революционных полков, 16 июля 1918 г. // Документы по истории борьбы… С. 195.

7. Информация из газеты Народная власть о программе работ четвертого съезда народов Терской области в г. Владикавказе, 21 июля 1918 г. // Там же. С. 198.

8. Речь Г.К. Орджоникидзе на IV съезде народов Терека, 23 июля 1918 г. // Там же. С. 199.

9. Бугай Н.Ф. Г.К. Орджоникидзе на Северном Кавказе, 1918–1920 гг. Нальчик, 1986. С. 29–33.

10. Письмо дипломатического представителя Горского правительства Г. Бамматова председателю правительства А. Чермоеву о политике Германии и Турции в отношении Кавказа и России, Константинополь, 31 июля 1918 г. // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.) (документы и материалы) / сост. Г.И. Какагасанов и др. Махачкала, 1994. С. 141–146.

11. О «стодневных» боях за Грозный (август – ноябрь 1918 г.). Из доклада чрезвычайного комиссара Юга России Г.К. Орджоникидзе Совнаркому // Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. Первый этап гражданской войны / сост. И. Минц, Е.М. Городецкий. [М.], 1941. URL: http://bookucheba.com/istoriya-rossii/vvedenie-31087.html (дата обращения: 17.02.2016).

12. Мукожев А.Х. Ислам в новейшей истории кабардинцев. Ислам в Кабарде и Балкарии в период революционных событий 1917 года и гражданской войны на Тереке // Архивы и общество. № 15. URL: http://archivesjournal.ru/7pK3221php (дата обращения: 12.03.2016, в настоящее время ресурс не доступен).

13. Программа Кабардинской революционной партии «Свободная Кабарда». Председатель партии Заурбек Даутоков-Серебряков. 20 августа 1918 года ст. Солдатская / Чхеидзе К.А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде / сост. О.А. Жанситов. Нальчик, 2008. С. 61–62.

14. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР). Ф. 198. Оп. 1. Д. 2. Л. 61, 62, 64.

15. Чхеидзе К.А. Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде / сост. О.А. Жанситов. Нальчик, 2008.

16. Кабардинская конная дивизия. Из истории белого движения. К 90-летию начала гражданской войны на территории Кабардино-Балкарии // Архивы и общество. № 5. URL: http://archivesjournal.ru/?p=942.php (дата обращения: 10.03.2016).

17. Сообщение газеты «Вечерние известия» о преданности кабардинского народа Советской власти, 24 января 1919 г. // Документы по истории борьбы … С. 311.

18. Опрышко О.Л. Указ. соч.

19. ЦГА КБР. Р-1253. Оп. 1. Д. 242. Л. 2.

20. Текуева М.А. Исламское движение в Кабарде и Балкарии во время Гражданской войны на Тереке // Ислам и политика на Северном Кавказе: сборник научных статей. Вып. 1. Ростов н/Д, 2001. URL: http://regiment.ru/Lib/D/93.htm (дата обращения: 10.01.2016).

21. Резолюция Союзного Совета Горской Республики о политическом положении на Северном Кавказе, 17 февраля 1919 г. // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) … С. 220.

22. ЦГА КБР. Р-1253. Оп. 1. Д. 242. Л. 2.

23. Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. Нальчик, 2004. С. 97.

24. Обращение Горской интеллигенции к горцам Северного Кавказа о создании Союзного Меджлиса (парламента) Горской республики в эмиграции, Тифлис, 27 августа – 3 сентября 1919 г. // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) … С. 321.

25. Кабардинская конная дивизия.

26. Воззвание командующего революционными войсками Н. Катханова к населению г. Нальчика о восстановлении советской власти, 10 марта 1920 г. // Документы по истории борьбы … С. 402.

А.В. Баранов

Повстанческое движение казаков и крестьян на Кубани и Черноморье (1920 г.) как проявление Гражданской войны

Повстанческое движение на завершающем этапе «военного коммунизма» остается малоизученным. Современные исследователи полагают, что восстания были формой Гражданской войны не менее важной, чем противоборство регулярных армий. Употребляются понятия «крестьянская война» (В.П. Данилов [1]) и «малая гражданская война» (С.А. Павлюченков [2], В.Н. Бровкин [3]).

Цель статьи – выявить причины повстанческого движения казаков и крестьян на Кубани и Черноморье (апрель – сентябрь 1920 г.) в контексте Гражданской войны.

Весной 1920 г. казачество и крестьянство сыграли важную роль в восстановлении советской власти на Кубани и Черноморье. Поворот настроений в пользу большевиков был вызван провалом курса Добровольческой армии. Белые применяли насилие против рабочих, крестьян, горцев, а на завершающем этапе борьбы – и против казаков. Политика «единой и неделимой России» наталкивалась на автономизм казачества. Не был решен важнейший вопрос о переделе земли. Антибольшевистские силы раскололись. Стали массовыми дезертирство из Добровольческой армии, движение «зеленых». Они выступали за третий путь революции в эсеровском духе и федерацию, поддержав большевиков. Повстанцы в Сочинском, Майкопском округах сами взяли власть до прихода РККА [4].

Большинство кубанцев, устав от войны, поддержало весной 1920 г. большевиков. Крестьяне и рабочие радостно встретили Красную армию, а казачество сохраняло благожелательный нейтралитет. Вожаки «зеленоармейцев», восставших против Деникина, – М.П. Пилюк и П.А. Савицкий – надеялись на умеренность большевиков, соглашение социалистических партий, предоставление автономии казачьим областям [5]. Им казалось, что большевики не будут внедрять на Кубани систему

военного коммунизма. Своеобразная обстановка возникла в Сочинском и Туапсинском округах, где Комитет освобождения Черноморья во главе с эсером Н.В. Вороновичем создал Черноморскую крестьянскую республику, сражаясь против и Добровольческой, и Красной армий [6].

Весной 1920 г. продолжали борьбу против большевиков лишь немногие. Но к маю 1920 г. введение трудовых повинностей и продразверстки, передел казачьих земель и беззаконные расправы, запрет участия «кулаков» в выборах накалили атмосферу. В конце апреля восстала 14-я кавдивизия 1-й Конной армии, сформированная преимущественно из бывших белых. Узнав о направлении против Врангеля, дивизия подняла бунт в станице Уманской с призывом «Долой войну, долой коммуну!» [7]. Возле станицы Кущевской повстанцы, возглавляемые полковником Сухенко, были разбиты и рассеялись [8].

Антибольшевистское движение представляло собой широкий спектр сил. Действовали агенты иностранных государств и уголовники, затяжная война деморализовала многих и обесценила жизнь. Но неверно пренебрегать разнородностью и сложной расстановкой сил повстанцев. Повод для размышлений дает мнение политработника 1-й Конной армии Стройло: «Чистый бандитизм – свойство очень немногих мелких отрядов, не имеющих ничего общего с крупными политическими организациями». Предводители последних принимали все меры к искоренению грабежей и даже «достигли большого успеха» [9].

Социальный состав «бело-зеленых» сложный. Обычно во главе отрядов стояли офицеры или казаки, было много бывших солдат Добровольческой армии, беженцев из Центральной России, коренных крестьян. При захвате станиц мобилизации подвергались все казаки призывного возраста. Отношения между группировками «бело-зеленых» противоречивы, их сплачивала ненависть к советской власти.

По политической направленности можно выделить следующие течения:

– Казачье проэсеровское движение «самостийников». И большевики, и эсеры сходились в его оценке как массового. Основная часть рядовых повстанцев, в отличие от вожаков, отмежевывалась не от России, а от коммунизма, желая избавить край от «коммуны» [10].

– Монархическое движение офицеров и части зажиточных казаков, не имевшее устойчивой массовой поддержки. Оно подпитывалось агентами Русской армии П.Н. Врангеля.

– Крестьянские выступления за советы без коммунистов в эсеровском духе. На Черноморье их возглавляли опытные участники волнений 1905 г.

– Анархистское движение, мало отличимое от уголовщины, на Кубани и Черноморье не получило особого развития.

Листовки и военно-оперативные документы повстанцев, выявленные нами, позволяют сделать вывод: основные лозунги движения – не узкосословные консервативные, а в духе «третьей революции». В документах уманских полков, Армии возрождения России (АВР), Кубанской повстанческой армии (КПА) можно выделить общее ядро призывов.

Это неприкосновенность трудовой собственности и раздел помещичьих земель; равенство сословий (кроме новоселов 1914–1920 гг.); власть свободно избранных советов без коммунистов и ЧК; окончание братоубийственной войны; созыв Учредительного собрания; прощение сдавшихся красноармейцев и советских служащих; антисемитизм [11]. Устойчивая былая вражда казаков с коренными крестьянами и горцами затихла перед лицом общей угрозы. Ненависть обратилась на коммунистов и переселенцев.

В листовках выражены противоречия между течениями «бело-зеленых». Так, линейные казаки не выдвигали призывов к автономии. Напротив, черноморцы намеревались провозгласить казачью республику. Крестьянский вариант «самостийности» представлен в воззваниях ополченцев Черноморья, составленных эсерами Н.В. Вороновичем и Н. Рощенко [12]. Примечательны листовки штаба Русской армии (монархической организации в Ейском отделе) с призывом объединиться всем течениям: «Лозунги выбирать, начиная от монархических и кончая Учредительным собранием, в зависимости от того, какие нравятся в данной местности» [13].

Точная оценка численности повстанцев, их размещения и оснащенности затруднена. Особый отдел Кавказского фронта считал, что численность крупных отрядов «бело-зеленых» за июнь – 6 июля 1920 г. выросла на юге с 5400 до 13 100 человек в 36 отрядах с 50 пулеметами и 12 орудиями [14]. Б.И. Степаненко обобщил данные, по ним в августе 1920 г. контрреволюционные силы на Дону, Кубани и Тереке достигли 30 тыс. человек [15]. Военные действия имели сезонный ритм, затухая на время посевной и жатвы, разгораясь осенью и ранней весной. Следующий пик выступлений приходится на февраль – март 1921 г., период обострения продовольственного кризиса и перелома в политике РКП(б).

Основными очагами повстанческого движения были Закубанье (дислокация АВР), Приазовье (врангелевские десанты), Сочинский округ. Предпримем их сравнительный анализ.

В середине апреля 1920 г. генерал М.А. Фостиков начал создавать под Майкопом пластунский полк и конную бригаду. В июле стихийный бунт, вызванный продразверсткой и произвольным изъятием 3/4 запасов сена, охватил станицы Лабинского отдела [16]. 18 июля полковник Шевцов с отрядом в 600 сабель захватил станицу Прочноокопскую и объявил мобилизацию казаков [17]. Общие силы «бело-зеленых» Лабинского, Баталпашинского и Майкопского отделов достигли в середине июля 11 400 человек с 55 пулеметами и 6 орудиями. Фостиков разместил ставку в станице Верхне-Кардоникской. Мы выявили приказы от 28 июня 1920 г. и воззвание «Граждане Кубани, Дона, Терека и Ставрополья!». В них Фостиков называл себя «избранным от народа», призывал к саботажу революционных комитетов, объявлял призыв казаков [18].

23 июля войсковой старшина Фартуков восстановил в горной полосе Майкопского отдела атаманское правление. Атаманом отдела был

избран генерал-майор Курбатов, вскоре его заменил полковник Ф.Я. Посевин в станице Царской. Намечались съезды станичных атаманов и старшин, созыв отдельской рады. Приказ Посевина угрожал блокадой нейтральным селениям [19]. Старики в станицах вербовали в АВР молодежь, угрожая плетьми. Но в станице Каменнобродской казаки изгнали повстанцев, а в Кармалиновской – вооружились против банд. Даже зажиточные часто сочувствовали «советской власти без коммун» и дезертировали из повстанческих отрядов [20].

Все исследователи отмечали, что Фостиков не имел прочной связи с Врангелем и действовал изолированно [21]. Эта оценка слишком категорична. Со слов Фостикова журналист Раковский утверждал, что связь АВР с Крымом и Грузией было налажена через Сухум, где член Кубанской рады Белашев получал донесения генерала. Рада просила отложить общий мятеж до своего приказа, советовала наладить самоуправление в станицах. Белашев послал Фостикову 50 млн рублей, а Врангель – 10 млн рублей [22]. Но помощь боеприпасами не была оказана. Проявлялись и раздоры. Казаки станиц Зеленчукской и Исправной проявили недовольство мобилизацией. Престиж самолюбивого Фостикова заметно упал, чем воспользовался его соперник – полковник В.Г. Крыжановский. Фостиков отверг план Крыжановского напасть на Екатеринодар и развернул отряды на Армавир [23].

С завершением жатвы АВР активизировалась. 30 июля она взяла станицы по западному берегу реки Кубань от Прочноокопской до Урупской, подвергла артобстрелу и пыталась захватить Армавир. Другая часть отрядов заняла район станиц Удобной, Передовой, Сторожевой, Кардоникской [24]. Разбив заслоны 9-й армии, в начале августа соединились повстанцы Баталпашинского и Лабинского отделов под станицей Кардоникской [25]. Под нажимом врангелевского посланца Муравьева отряды признали главенство Фостикова. К середине августа АВР была переустроена на регулярный лад. Армия состояла из 9 полков и 2 отрядов в 3095 штыков и 2400 сабель при 35 пулеметах и 10 орудиях. Конницу набирали из ветеранов, пехоту – из молодежи, нестойкой в бою. Командовали опытные офицеры [26]. Части армии концентрически расширяли зону влияния и не могли создать сильную ударную группу на одном направлении.

Разраставшиеся мятежи вынуждали просить о военной помощи. 1 августа СНК РСФСР, ЦК РКП(б) и ВЧК получили телеграмму Кавказского бюро ЦК: «Кубань вся охвачена восстаниями. Действуют отряды, руководимые единой рукой – врангелевской агентурой. Зеленые отряды растут и значительно расширятся с окончанием горячей поры полевых работ – около 15 августа… В случае неликвидации Врангеля в течение короткого времени мы рискуем временно лишиться Северного Кавказа» [27]. Реввоенсовет Кавказского фронта и представитель Наркомата продовольствия М.И. Фрумкин отмечали в телеграмме секретарю ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому, что основная задача – «быстро ликвидировать

Врангеля и Кубанскую смуту как продолжение Врангелевского фронта», чтобы не лишиться продовольственной базы [28]. В.И. Ленин писал Ф.Э. Дзержинскому: «Опасность, по-моему, громадная. Предлагаю: от Политбюро принять директиву: просить Оргбюро по соглашению с НКвоен и ВЧК выработать экстренные меры борьбы с опасностью восстания и мобилизовать достаточное количество сил военных, чекистских и партийных… Если мы получим восстание на Кубани, вся наша политика… крахнет. Надо во чтобы то ни стало не допустить восстания, не пожалеть на это людей и сил» [29].

Органы власти приняли жесткие меры. 29 июля 1920 г. издан приказ № 1247 по войскам Кавказского фронта за подписями В.А. Трифонова и В.М. Гиттиса. К 15 августа жителей обязали сдать оружие под страхом конфискации имущества и расстрела на месте. Такая же кара установлена за уход в банды, содействие «зеленым» или их укрывательство. Восставшие станицы подлежали усмирению «самыми решительными и беспощадными мерами, вплоть до полного их разорения и уничтожения» [30]. В.И. Ленин требовал от войск Кавказского фронта удвоить разверстку, брать до 80 % глав хозяйств заложниками, расстреливать за неисполнение приказов [31]. 20 августа особоуполномоченный ВЧК по Северному Кавказу К.И. Ландер издал обращение ВЧК к населению Кубанской области и Черноморского побережья. Текст гласил: «Станицы и селения, которые укрывают белых и зеленых, будут уничтожены, всё взрослое население – расстреляно, всё имущество – конфисковано» [32].

2 августа члены Политбюро ЦК объявили Кубанский фронт важнее Западного, где шла война с Польшей. Дзержинскому поручили разработать меры: усилить войска СКВО, провести срочную регистрацию и репрессии белослужащих и буржуазии, усилить наказания красноармейцев за самовольные поборы [33]. 5 августа Кубано-Черноморский обком РКП(б) создал комиссию областного ревкома по борьбе с «бело-зелеными» [34].

14 августа, когда волна мятежей уже пошла на спад под действием жестоких репрессий и агитации, на Кубани высадился десант Русской армии в районе станицы Приморско-Ахтарской. История разгрома С.Г. Улагая детально изучена, ограничимся оценкой взаимодействия повстанцев с десантом.

Советские историки замалчивали неготовность 9-й армии к отражению десанта. Воинские части были неэффективно рассредоточены, а многие состояли из необстрелянной молодежи. Усилия подоспевших подкреплений и серьезные ошибки Врангеля помешали десанту овладеть 19 августа городом Екатеринодаром, где поднялась паника. Областные органы управления поспешно покинули город, защищаемый слабым гарнизоном под командованием Е.И. Ковтюха. Фронт остановился под станицей Тимашевской [35].

Обратим внимание на ошибочную оценку настроений казаков противоборствующими сторонами. Ревкомы ожидали, что казачество поддержит белых, и отдавали приоритет террору, а не агитации. РКП(б)

сдержанно отнеслась к стихийно возникшим отрядам самообороны, инициаторы которых – М.П. Пилюк, П.А. Савицкий и Л.З. Федоренко – выпустили воззвание с призывом: «Докажем, что мы, родные кубанцы, за народную власть», против ига капиталистов и помещиков [36]. Белые обманулись в упованиях на всеобщий мятеж. Кроме усталости от войны сказалось диктаторское правление офицеров, репрессии, непримиримость к «самостийникам» [37]. Основная часть казаков сохранила нейтралитет, а немалый слой добровольно поддержал большевиков. Врангеля стратегическая ошибка привела к катастрофе.

Фостиков узнал о десанте поздно и не стал менять планы. Врангель планировал после захвата Екатеринодара развернуть войска на север. Задача соединиться с АВР считалась второстепенной, была поставлена конной группе Г.Ф. Бабиева [38]. АВР развернулась в направлении, противоположном врангелевскому фронту, хотя 19–21 августа их разделяло 60–70 км. Фостиков, установив контроль над большей частью Закубанья, замышлял перерезать железную дорогу Тихорецк – Пятигорск. Рассчитывая на стихийный бунт, он не готовил сеть подпольных ячеек [39].

Врангелевцы потеряли инициативу и начали отступать 23 августа. Напротив, восстание на Верхней Кубани разрасталось с такой силой, что части 9-й армии РККА не могли справиться. Самые боеспособные из них ушли в Карачай на подавление мятежа [40]. 23 августа АВР значительно оживилась и силами 2 тыс. человек заняла станицы Костромскую, Отрадную, Попутную, Бесскорбную. Бои шли на окраинах Армавира. К 28 августа красноармейцы перешли к обороне Армавира, Баталпашинской, Лабинской. На 31 августа АВР набрала 6 тыс. сабель и штыков, 5 тыс. безоружных резервистов [41].

Перелом наметился в начале сентября, когда 9-я армия получила подкрепление и отбила атаки высаженного белыми десанта. Под станицей Невинномысской Фостиков потерпел поражение и предпринял последнюю попытку удержаться близ станицы Псебайской. Фостиков и Крыжановский рассорились, казакам было разрешено разойтись по домам. 1/3 повстанцев (5 тыс. человек) преодолела Кавказский хребет и 17–21 сентября атаковала село Красная Поляна [42]. После трехдневных боев АВР заняла Хосту и Адлер. Поскольку голодные казаки грабили крестьян, против фостиковцев выступили не только части РККА, но и «зеленое» крестьянское ополчение [43]. Попытка председателя Кубанской рады И.П. Тимошенко, прибывшего из Грузии, подчинить казаков Вороновичу не удалась [44].

Оставался путь в Грузию, а оттуда в Крым. После препирательств и подкупа грузинские пограничники пропустили казаков в Гагры. Около 2 тыс. кубанцев были вывезены в Феодосию на переформирование, позже они воевали под Перекопом, ушли в эмиграцию. М.А. Фостиков получил чин генерал-лейтенанта и орден Св. Николая Чудотворца [45].

Почему Гражданская война на Кубани переросла в затяжное повстанчество? Основная причина – ужесточение политики военного

коммунизма после разгрома белого движения, усугубленное незнанием специфики зажиточных регионов и нежеланием учитывать ее. Большевики доказали свою жизнеспособность. Логика сохранения власти толкала на путь искоренения оппозиции. Советская система умело сочетала посулы равенства с репрессиями. Использовались мотивации крестьян: стремление к миру, сословная рознь, желание сделать карьеру. Большевики олицетворяли воссоздание единой России, централизм в противовес сепаратизму. Разрозненные мятежи не могли сменить власть, усугубляли хозяйственную разруху. Путь казачье-крестьянской революции, предложенный предводителями повстанцев, вел в тупик. Поэтому движение «бело-зеленых», будучи формой защиты интересов зажиточных и середняцких слоев земледельцев, было обречено.

Примечания

1. Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. Тамбов, 1995. С. 19–23.

2. Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 76–78.

3. Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 24–39.

4. Шевцов И.Б. Особое задание. М., 1960. С. 17–24.

5. Раковский Г.Н. В стане белых. Константинополь, 1920. С. 205–208.

6. Воронович Н.В. Меж двух огней // Архив русской революции. Берлин, 1922. Кн. 7. С. 171–181.

7. Буденный С.М. Пройденный путь. М., 1965. Кн. 2. С. 28–29, 92–93, 210.

8. Заре навстречу. Краснодар, 1977. С. 117–118.

9. Стройло А. Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа // Красная Армия. 1921. № 9. С. 62.

10. Там же. С. 60.

11. Революционная Россия. Прага, 1921. № 7. С. 26; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-757. Оп. 2. Д. 40. Л. 56, 73–76, 9; Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 424. Л. 20; Д. 32. Л. 32; Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 247. Л. 188–188об., 103–103об., 138–139, 233, 160–161; Д. 260. Л. 233.

12. «Зеленая книга». Прага, 1921. С. 7, 154–155.

13. Степаненко Б.И. Борьба с вооруженной контрреволюцией на Дону и Кубани и ее разгром (март 1920–1922 гг.): дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1972. С. 172.

14. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 1. Д. 29. Л. 88; Ф. 192. Оп. 3. Д. 778. Л. 44–51.

15. Степаненко Б.И. Крушение контрреволюции на Дону, Кубани и Тереке в 1920 г. // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 27.

16. Раковский Г.Н. Конец белых. Прага, 1921. С. 114–129.

17. Баев К. Восстания на Северном Кавказе в конце 1920-го года. Париж, 1979. С. 32.

18. ГАКК. Ф. Р-757. Оп. 2. Д. 40. Л. 73–76.

19. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 529. Л. 6–8, 20.

20. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 48. Л. 50–50об.

21. Голубев А.В. Врангелевские десанты на Кубани. М.; Л., 1929. С. 149–150; Раковский Г.Н. Конец белых. С. 26–27.
22. Раковский Г.Н. Конец белых.
23. Баев К. Указ. соч. С. 35, 37; Голубев А.В. Указ. соч. С. 134.
24. Кондаков А.А. Разгром десантов Врангеля на Кубани. Краснодар, 1960. С. 39–43.
25. Раковский Г.Н. Конец белых. С. 114–129.
26. Голубев А.В. Указ. соч. С. 132–133.
27. Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 3. С. 382–383.
28. Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 153.
29. Ленин В.И. – Ф.Э. Дзержинскому, август 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 51. М., 1958. С. 271.
30. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 30. Л. 223–223об.
31. Ленин В.И. – членам Совета труда и обороны // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 245–246.
32. Северный Кавказ. Пятигорск, 1920. 24 августа.
33. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 26. Л. 24–29.
34. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 105; ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
35. Ковтюх Е.И. От Кубани до Волги и обратно. М., 1926. С. 97–98; Голубев А.В. Указ. соч. С. 60–72.
36. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 144. Л. 226об.
37. Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990. С. 122; Раковский Г.Н. Конец белых.
38. Врангель П.Н. Воспоминания. М., 1992. Ч. 2. С. 245–246; Хижняк И.Л. Годы боевые. Краснодар, 1968. Кн. 1. С. 245.
39. Ковтюх Е.И. Указ. соч. С. 97; Голубев А.В. Указ. соч. С. 149–150.
40. Шевцов И.Б. Указ. соч. С. 136, 139.
41. РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 116. Л. 3–6, 12; Голубев А.В. Указ. соч. С. 135–137.
42. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 529. Л. 21; Баев К. Указ. соч. С. 77, 82–83.
43. «Зеленая книга». С. 157–160; Раковский Г.Н. Конец белых. С. 165–167.
44. Баев К. Указ. соч. С. 77, 82–83, 119.
45. Дни господства меньшевиков в Грузии. Тбилиси, 1931. С. 119, 177–183; Врангель П.Н. Воспоминания. С. 358–359.

У.Б. Очиров

Асы советских ВВС 1941 г.

В советской историографии истории войны 1941–1945 гг. был распространен миф о том, что люфтваффе, захватив внезапным ударом господство в воздухе, удерживало его в первый период войны (хотя на отдельных направлениях советская авиация могла временно завоевывать оперативное господство в воздухе), однако после воздушных битв «коренного перелома» над Сталинградом, Кубанью и Курском, специальных воздушных операций 1943 г. «стратегическое господство в воздухе окончательно перешло на сторону советских ВВС». Отсутствие господства в воздухе в 1941–1942 гг. объяснялось совокупностью разных причин: больших потерь в начале войны, нехваткой современных

самолетов и др. [1]. Считалось, что в 1941 г. советские «соколы» летали на устаревших «ишаках» и «чайках», тяжелых МиГах, «лакированных гарантированных гробах» ЛаГГах; в 1942 г. – на более или менее конкурентоспособных Як-7 и Ла-5; с 1943 г. – на Як-3 и Як-9, Ла-5ФН и Ла-7, превзошедших «фоккеры» и «мессеры». Однако в последние десятилетия после исчезновения диктата идеологии над наукой, получения доступа к ряду архивных фондов, в том числе зарубежных, утверждения о завоевании господства в воздухе в битвах над Сталинградом, Кубанью, Курском и Орлом, успешности крупных воздушных операций 1943 г., о превосходстве Як-3 и Ла-5 над последними модификациями Bf.109 и FW.190 оказались подвергнуты сомнению или опровергнуты [2].

Возникли сомнения и по вопросу господства люфтваффе в 1941 г. Например, заявленное немцами уничтожение 1200 самолетов советских ВВС 22 июня нанесло заметный, но не критичный урон нашей авиации, поскольку в составе ВВС пяти приграничных округов и трех флотов должно было остаться более 9,5 тыс. машин без учета пополнения (как минимум еще 3 тыс. боевых машин к 1 августа) [3]. У немцев же на Восточном фронте было 3909 самолетов (с учетом учебно-боевых групп, частей, приданных группам армий, OKL, управлениям воздушных флотов): 1417 бомбардировщиков, 1067 истребителей, 786 разведчиков, 313 транспортных, 326 самолетов связи (включая небоеготовые). Еще 1020 самолетов выделили союзники (считая финнов, венгров, итальянцев и хорватов, 22 июня в боях не участвовавших) [4].

В первый день немцы потеряли 78 самолетов безвозвратно (включая 15 списанных из-за повреждений) и 89 – поврежденными, в том числе 24 Bf.109 (еще 24 – повреждены), 23 Ju.88 (17) и 11 He.111 (8) [5]. По данным Р. Ларинцева, все сбитые He.111 были из KG55 «Гриф», 17 сбитых Ju.88 – из KG51 «Эдельвейс» (3-я группа потеряла сбитыми и поврежденными половину машин), 7 сбитых Bf.109 – из II(Sch.)/LG2, 6 Bf.109 – из JG3 (будущей «Удет»), 5 Bf.109 – из JG51 (будущей «Мёльдерс») [6]. Потери 22 июня 1941 г. оказались самыми высокими суточными потерями люфтваффе в войне с СССР.

В последующие дни уровень суточных потерь немецкой авиации хотя и сокращался, но оставался высоким. По данным Олафа Грёлера, опиравшегося на сводки 6-го отдела службы генерал-квартирмейстера люфтваффе, за первую неделю боев немцы потеряли 280 самолетов безвозвратно и 165 – поврежденными; за две недели – 429 и 247 машин соответственно (с учетом уточнений по потерям первой недели). В последующем уровень недельных потерь немецких ВВС на Восточном фронте просел до двухзначных цифр и до 1944 г. до трехзначных показателей не возрастал. К концу четвертой недели (с учетом уточнений по предыдущим дням) потери люфтваффе составили 719 безвозвратно потерянных и 452 поврежденных самолета, а к концу 1941 г. – 2213 и 1435 машин соответственно [7]. Сравнение сведений о потерях люфтваффе на Восточном фронте по сводкам 6-го отдела за разные периоды [8] приведено в табл. 1.

Таблица 1

Период	Уничтожено	Повреждено	Среднесуточные потери*
22.06.1941–03.01.1942	2213	1435	11,3+7,3
04.01.1942–14.03.1942	474**	375**	6,8+5,4
01.01.1942–31.08.1942	2459	2201	10,1+9,1
01.09.1943–31.03.1944	1871	1520	8,8+7,1
01.04.1944–31.10.1944	2898	2311	13,5+10,8

* Среднесуточные потери рассчитаны автором.
** С учетом уточнений за предыдущий период.

Как видно, в 1941–1943 гг. самые высокие среднесуточные потери люфтваффе на Восточном фронте были как раз в 1941 г. И, хотя в указанной таблице отсутствует период с сентября 1942 г. по август 1943 г., включающий в себя Сталинградскую битву, сражения на Кубани, удары воздушных армий 1943 г. и Курскую дугу, имеющиеся на данный момент сведения о потерях в тех операциях позволяют предположить, что среднесуточные потери за эти 12 месяцев (по крайней мере, по боевым самолетам) окажутся ниже показателей 1941 г.

Некоторые историки считают сводки 6-го отдела неполными. Например, сумма потерь по ежедневным сводкам за третью и четвертую недели войны составляет 138 уничтоженных и 89 поврежденных машин, но разница между итогами первых четырех и двух недель войны равна 290 и 205 самолетам соответственно [9], т.е. за две недели «уточнились» потери еще 154 и 116 машин соответственно, и нет гарантий, что эти «уточнения» окончательные. Поэтому специалисты перепроверяют эти цифры сведениями из других источников. Например, по данным подполковника-генштабиста Греффрата: «За первые 14 дней боев было потеряно самолетов даже больше, чем в любой из последующих аналогичных промежутков времени. За период с 22 июня по 5 июля 1941 года немецкие ВВС потеряли 807 самолетов всех типов, а за период с 6 по 19 июля – 477» [10]. По данным Клауса Рейнгардта, ссылающегося на начальника технического управления люфтваффе фельдмаршала Э. Мильха, с 22 июня по 31 октября 1941 г. люфтваффе потеряло на Восточном фронте 5180 самолетов, в том числе 2966 машин сбитыми и уничтоженными на аэродромах. Для восполнения потерь промышленность поставила на фронт к 10 ноября 1941 г. 5124 самолета, при этом в резерве осталось только 40 разведчиков. Наиболее тяжелые потери понесли истребители: 1527 самолетов (на 31 октября), при этом промышленность поставила всего 1079 машин, что означало сокращение их численности на 452 единицы (примерно 11 ягд-групп). К концу ноября итоговые потери люфтваффе на Восточном фронте составили 5585 машин, из которых 3189 являлись безвозвратными [11].

Таким образом, советские пилоты на устаревших «ишаках» и тяжелых МиГах за полгода истребили почти половину истребительной

авиации врага и все ее резервы и пополнения. Если к началу войны люфтваффе имело на Восточном фронте (без учета 5-го флота) 27 ягд-групп Bf.109, то к началу ноября осталось 16 ягд-групп, а к концу 1941 г. – 13 ягд-групп. Кроме учебно-боевых групп, направленных на пополнение своих эскадр, немцам пришлось вывести с фронта в 1941 г. управления 4 эскадр и 9 ягд-групп: в июле – II./JG27, 5 августа – I./JG53 (со штабом эскадры), 14 сентября – I./JG3, в октябре – III./JG27 (со штабом эскадры), II. и III./JG53, в ноябре – II. и III./JG3 (со штабом эскадры), 3 декабря – II./JG77 (штаб эскадры убыл еще раньше). Взамен в октябре была введена лишь I./JG52. Вывод ягд-групп в тыл был вызван в первую очередь их потерями. Например, JG53 за 3,5 месяца боев из 170 Bf.109 (с учетом пополнений) потеряла 55 самолетов сбитыми, 41 – списанными, 23 – поврежденными (данные на начало октября не учитывают восстановленные к тому времени машины), что составляет 70 % потерь [12]. Среди истребителей, убитых, попавших в плен или списанных по ранению в 1941 г. мы видим как минимум 2 коммодоров эскадр, 8 командиров групп, 25 командиров эскадрилий. И это не считая офицеров, вернувшихся после сбития к летной работе (как, например, майор Карл-Хайнц Грайзерт, командир III/JG3, сбит 22.07.1941). Сведения о сбитых коммодорах эскадр и командирах групп приведены в табл. 2.

Таблица 2

Фамилия, имя	**Звание**	**Какой частью командовал**	**Дата поражения**
Шельман Вольфганг	майор	JG27	22.06
Бретнюц Хайнц	капитан	II./JG53	22.06
Бальфанц Вильфред	старший лейтенант	I./JG53	24.06
Келлер Лотар	капитан	II/JG3	26.06
Фёзё Йозеф	капитан	II./JG 51	11.07*
Лерман Хорст	капитан	I./ZG 26	18.07
Грот Эрих	майор	ZG76	12.08
Йоппен Херман-Фридрих	капитан	I./JG 51	25.08
Штрикер Карл-Хайнц	капитан	I./SKG 210	13.09
Лигниц Арнольд	капитан	II./JG 54	30.09

* тяжело ранен, списан с летной работы.

Среди сбитых в 1941 г. пилотов люфтваффе значится как минимум 60 асов, погибших, попавших в плен или списанных после сбития по ранению, в том числе 13 «экспертов», одержавших 25 побед и более: Х.-Ф. Йоппен (70 побед, сбит 25.08, на момент гибели был 4-м асом люфтваффе после В. Мёльдерса, А. Галланда и В. Оэзау), Х. Хофман (63, сбит 03.10), Э. Вагнер (57, сбит 13.11), Э. Шмидт (47, сбит 31.08), Х. Мютерих

(43, сбит 09.09), К. Сохацы (38, сбит 03.08), Х. Бретнюц (37, сбит 22.06), Й. Хакер (32, сбит 13.10), А.-В. Шуман (30, сбит 06.09), Ф. Блазытко (29, сбит 25.09), Х. Колбов (27, сбит 16.07), В. Шельман (26, сбит 22.06), А. Лигниц (25, сбит 30.09) [13].

Все это в целом опровергает тезис о захвате люфтваффе господства в воздухе в 1941 г. Действительно, советские ВВС понесли на начальном этапе войны тяжелейшие потери, связанные не только с внезапностью нападения, но и потерей аэродромов с большим количеством поврежденных или небоеготовых машин. Значительное влияние на потери оказали системные проблемы с управлением и связью, тактикой боевого применения, неподготовленностью авиационного тыла. Советские истребители были устаревшими или уступали противнику по боевым показателям, но, с другой стороны, советские пилоты до войны хорошо освоили эту технику и знали все ее преимущества и недостатки. Именно в «освоенности», в хорошей степени владения техникой и оружием и видится корень успехов наших «соколов» в 1941 г. В свете этого понятно, почему наша авиация в 1942–1943 гг., перевооружившись современными машинами, не смогла захватить господство в воздухе. На смену ветеранам с довоенной выучкой, частично выбитым в 1941 г., пришли выпускники ускоренных курсов, имеющих минимальный налет часов и обученных по системе «взлет-посадка». В этих условиях реализовать все возможности, заложенные в новой технике, советским ВВС не удавалось вплоть до 1944 г. Не случаен тот факт, что в 1942–1944 гг. для борьбы с советскими ВВС немцам вполне хватало полутора десятков ягд-групп (примерно половины от истребительных сил люфтваффе 22 июня), а ведущие «эксперты» (имеющие 200 и более сбитых) наибольшее количество побед на Восточном фронте одержали в 1942 г. (Х. Граф, Х. Филипп), 1943 г. (Г. Баркхорн, В. Новотны, Э. Рудорфер, Х. Эрлер, Т. Вайсенбергер) или 1944 г. (Э. Хартман, Г. Ралль, В. Киттель, В. Бац, В. Шук, А. Хафнер, Х. Липферт).

При исследовании данной темы встает закономерный вопрос и о результативности наших асов 1941 г., которые в тяжелейших условиях, летая на машинах, уступающих противнику по многим показателям, сумели противостоять давлению самых опытных экспертов врага, уничтожить половину его истребительной авиации, все его резервы и пополнения. Ранее изучение этого феномена казалось почти невозможным: боевые счета большинства из асов 1941 г. не были высокими, а их биографии остались «в тени» более прославленных товарищей и были неизвестны даже специалистам. Однако в последнее время, благодаря активному вводу в оборот архивных источников как традиционным путем (через выписки), так и путем их оцифровки (например, наградные листы ОБД «Подвиг народа»), решение данной проблемы стало возможным.

Большим подспорьем в работе историков авиации стал справочник М.Ю. Быкова – результат многолетнего титанического труда, в котором выведены боевые счета более чем 3,5 тыс. советских асов [14]. Однако

следует учесть, что данный справочник содержит ценнейшую информацию, но не является окончательно завершенным исследованием и непререкаемой истиной. Значительного количества побед, засчитанных командованием нашим летчикам, в этом справочнике не оказалось. Особенно это характерно для 1941 г., когда при отступлении и в окружении были утеряны документы ряда частей ВВС Красной армии. Например, у А.И. Покрышкина в справочнике указаны лишь 43 личные + 3 групповые победы (в том числе за 1941 г. 2+1), а итоговый счет в 52 победы подвергнут сомнению [15]. Между тем в ряде наградных и характеристиках четко указано, что Покрышкин в 1941–1942 гг. одержал 6+6 побед. Несмотря на то что документы 55-го истребительного авиационного полка за 1941 г. большей частью оказались утеряны, А.В. Марчукову удалось разыскать недостающие победы по документам вышестоящих соединений и довести счет побед Покрышкина в 1941 г. до 4+3 [16]. Интересно отметить, что другому летчику 55-го истребительного авиационного полка, Г.А. Речкалову, в справочнике засчитаны дополнительно 3 победы за 1941 г. как раз на основании документов 20-й смешанной авиационной дивизии [17]. Счет А.В. Алелюхина в справочнике указан как 28+6 [18], однако по наградным листам хорошо видно, что командование засчитало асу 9-го гвардейского истребительного авиационного полка 33+6 побед. С другой стороны, ряду асов в справочнике победы включались только на основании наградных, без подтверждения оперативными документами. В справочнике есть пилоты, счет которых составлен исключительно по наградному листу, без разбивки по датам и типам сбитых самолетов, например, И.П. Суворов [19].

В ходе исследования из справочника было выписано более 300 имен пилотов советских ВВС, победы которых потом проверялись по наградным листам. В итоге в базе данных осталось 130 советских летчиков, которым в 1941 г. командование записало 5 и более личных воздушных побед. Следует учесть, что победы, имевшие место до 22 июня (Испания, Китай, Халхин-Гол, «финская») и после 1941 г., здесь не учитываются. Групповые воздушные победы в базе данных указываются, но в личные победы не пересчитываются.

В некоторых работах встречались утверждения, что первым асом 1941 г. уже 22 июня стал И.Н. Калабушкин. Однако согласно наградным документам пятый самолет врага он сбил лишь 31 июля. Первым советским асом Великой Отечественной стал В.Ф. Сиротин, одержавший 25 июня пятую и шестую личные победы. В июле асами стали уже 20 советских летчиков, в том числе М.Е. Чуносов, сбивший 7 самолетов за 8 дней (и ставший на несколько дней лидером), и Н.В. Терёхин, сбивший в одной атаке 3 He-111. Однако лидером среди советских асов стал В.А. Фигичев, одержавший в июле 9 побед за 22 дня. Уже 27 августа аса 55-го истребительного авиационного полка обошел Б.Ф. Сафонов, записавший десятую победу. Через 2 дня В.Г. Лазарев поставил новый рекорд, сбив 5 Ju.87 в одном бою. Всего в августе асами стали еще 22 советских

пилота, в сентябре – 32, в октябре – 27, в ноябре – 11, в декабре – 12. В сентябре впечатляющую серию побед продемонстрировал М.А. Федосеев (10 сбитых за 18 дней), но Сафонов, имевший на счету к тому времени 14 побед, сохранил свое лидерство и удерживал его до самой гибели в мае 1942 г., став первым дважды Героем Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Среди 130 асов было 68 будущих Героев Советского Союза (в том числе 4 – дважды Героя) и 1 Герой Российской Федерации. Весьма характерно, что более половины из них стали Героями в 1941 г. (7) или 1942 г. (31), причем в последнем случае многие были награждены за подвиги «огненного сорок первого». За без малого 4 года войны почти половина асов (60 из 130) погибла: 28 – сбиты в воздушных боях, 14 – пропали без вести, 2 – сбиты зенитчиками, 15 – разбились, 1 – погиб на аэродроме. Еще 6 были ранены и списаны из истребителей (без учета З.А. Сорокина, продолжившего воевать, несмотря на ампутацию обеих ступней). Многие были отозваны с фронта для назначения на командные должности, для обучения и испытательной работы. Неудивительно, что лишь двоим из асов 1941 г. удалось одержать 30 и более побед, еще двое после войны стали маршалами авиации.

Объем публикации не позволяет привести базу данных полностью, поэтому дадим ее в сокращении, указав лишь 46 асов, одержавших 7 и более личных побед и сохранив наиболее важные показатели, их характеризующие. В списке асы расположены по количеству личных побед, при равенстве личных побед учитывается количество групповых, при равенстве или отсутствии последнего показателя учитывается дата последней победы в 1941 г. (табл. 3).

Таблица 3

№	Фамилия и инициалы	Номер полка	Тип истребителя	Всего побед, личные+групповые	Кол-во побед в 1941 г. по справочнику Быкова	Кол-во побед в 1941 г. с учетом наградных листов	Последняя победа в 1941 г.
1.	Сафонов Б.Ф.	72-й сап*, 78-й иап** СФ**	И-16, Харрикейн	20+5	16+5	16+5	31.12
2.	Пидтыкан И.Д.	195, 26, 123-й иап	И-16	12+10	12+10	12+10	03.12
3.	Федосеев М.А.	247-й иап	ЛаГГ-3	18+0	12+0	12+0	19.10

Продолжение таблицы 3

4.	Голубин И.Ф.	16-й иап	МиГ-3	13+2	10+2	10+2	15.12
5.	Тарасов П.Т.	15-й иап	МиГ-3	31+1	10+1	10+1	29.08
6.	Оскаленко Д.Е.	193, 194-й иап	И-16	16+3	7+1	10+1	19.09
7.	Фигичев В.А.	55-й иап	МиГ-3	16+2	9+0	10+0	26.07
8.	Онуфриенко Г.Д.	401, 129-й иап	МиГ-3	14+0	6+0	10+0	14.12
9.	Пилютов П.А.	154-й иап	И-16, Томагавк	14+1	7+0	10+0	23.12
10.	Зайцев В.А.	129-й иап	МиГ-3, ЛаГГ-3	27+1	4+0	10+0	29.12
11.	Грачев И.П.	26, 191-й иап	И-16	13+4	6+4	9+8	23.09
12.	Никитин А.И.	19, 153-й иап	МиГ-3	11+3	7+3	9+5	17.12
13.	Новиков Е.П.	191-й иап	И-16	9+4	9+4	9+4	17.09
14.	Груздев К.А.	402-й иап	МиГ-3	9+6	9+4	9+4	05.10
15.	Захарченко Д.С.	160-й иап	ЛаГГ-3	9+3	9+3	9+3	05.12
16.	Чулков И.Д.	41-й иап	МиГ-3	9+2	9+2	9+2	22.08
17.	Селиверстов К.Е.	55-й иап	МиГ-3	9+2	9+2	9+2	30.09
18.	Дмитриев А.А.	15-й иап	МиГ-3	9+2	9+2	9+2	13.11
19.	Козлов Н.А.	162-й иап	И-16 МиГ-3	16+3	9+1	9+1	24.09
20.	Москальчук В.Б.	249, 88-й иап	И-16	9+2	9+0	9+0	09.11
21.	Заболотный И.Н.	16-й иап	МиГ-3	10+0	9+0	9+0	08.12
22.	Кузнецов Н.Ф.	191-й иап	И-16	19+12	8+11	8+12	27.09
23.	Сторожаков А.Н.	154-й иап	МиГ-3	8+5	6+6	8+5	11.09
24.	Липилин А.А.	41-й иап	МиГ-3	8+7	8+4	8+4	27.08
25.	Цветков Г.А.	6-й иап	И-16	9+3	8+2	8+2	13.09
26.	Баулин Н.П.	402-й иап	МиГ-3	8+0	6+0	8+0	26.08
27.	Сиротин В.Ф.	123-й иап	И-153, Як-1	21+0	8+0	8+0	29.09
28.	Токарев М.С.	131-й иап	И-16	12+1	7+0	8+0	21.10
29.	Зимин Г.В.	42-й иап	МиГ-3	14+0	7+0	7+20	27.10
30.	Савченко А.П.	191-й иап	И-16	11+15	4+6	7+10	28.09
31.	Баранов А.Д.	7, 153-й иап	МиГ-3	7+9	7+9	7+9	05.10
32.	Смирнов А.И.	126-й иап	МиГ-3	6+14	6+8	7+8	17.08
33.	Калабушкин И.Н.	123, 562-й иап	И-153 Як-1	7+8	7+7	7+7	18.12
34.	Бринько П.А.	13-й иап КБФ	И-16	7+6	7+6	7+6	11.09
35.	Коваленко А.А.	72-й сап СФ	И-16	11+6	7+6	7+6	06.10
36.	Плавский В.А.	191-й иап	И-16	9+4	7+2	7+4	24.09
37.	Кузнецов М.В.	15-й иап	МиГ-3	19+4	7+1	7+4	02.11

Окончание таблицы 3

38.	Семененко П.М.	72-й сап, 78-й иап СФ	И-16, Харрикейн	7+4	7+4	7+4	12.11
39.	Федоров А.В.	131-й иап	И-16	20+4	6+1	7+3	10.12
40.	Федоза А.П.	20-й иап	Як-1	7+2	7+2	7+2	31.08
41.	Давидков В.И.	131-й иап	И-16	13+3	7+2	7+2	17.10
42.	Александров Н.А.	34-й иап	МиГ-3	7+1	7+1	7+1	14.11
43.	Чуносов М.Е.	402-й иап	МиГ-3	7+0	7+0	7+0	10.07
44.	Булаев А.Д.	158-й иап	Як-1	17+5	7+0	7+0	09.08
45.	Ивачев К.Ф.	55-й иап	МиГ-3	7+0	7+0	7+0	07.09
46.	Баранов М.Д.	183-й иап	МиГ-3	24+0	7+0	7+0	24.12

* смешанный авиационный полк.
** истребительный авиационный полк.
*** Северный флот.

Примечания

1. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 147, 218; Тимохович И.В. Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М., 1976. С. 20, 24, 37 и др.

2. Каминский О. «Мессершмитты» над Кубанью // Авиация и время. 2005. № 5. С. 39–44; Растренин О. Расколотое небо. Май – июнь 1943 г. М., 2007; Раткин В.М. Авиация в Сталинградской битве. М., 2013; Хазанов Д.Б., Горбач В.Г. Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Оборонительный период. М., 2004; Смирнов А. Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне. М., 2006 и др.

3. Солонин М.С. Разгром 1941. М., 2009. С. 459.

4. Мельтюхов М. Проблема соотношения сил сторон к 22 июня 1941 года // Великая Отечественная катастрофа-3. М., 2008. С. 22–24.

5. Хазанов Д.Б. 1941. «Сталинские соколы» против люфтваффе. М., 2010. С. 121.

6. Подсчитано по: Ларинцев Р., Валяев-Зайцев А. Потери Люфтваффе в первый день войны. URL: http://www.airforce.ru/history/ww2/22june41/ (дата обращения: 07.04.2016).

7. Цит. по: Заблотский А., Ларинцев Р. Потери Люфтваффе на Восточном фронте. URL: http://www.airwiki.org/history/av2ww/axis/germloss/germloss.html (дата обращения: 07.04.2016).

8. Там же.

9. Там же.

10. Греффрат. Война в воздухе // Мировая война 1939–1945 гг.: сборник статей. М., 1957. С. 472.

11. Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года: Исторический очерк. М., 1980. С. 128, 204.

12. JG 53 на Восточном фронте. URL: http://www.airwar.ru/history/av2ww/axis/jg53/jg53.html (дата обращения: 07.04.2016).

13. Зефиров М.В. Асы люфтваффе: Дневные истребители: в 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 41, 56, 155, 159, 208, 222, 228, 233, 235, 246, 255 и др.

14. Быков М.Ю. Все асы Сталина 1936–1953 гг. М., 2014.

15. Там же. С. 953–954.

16. Марчуков А.В. Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941–1945. М., 2014. С. 419–426.
17. Быков М.Ю. Указ. соч. С. 1000–1001.
18. Там же. С. 36.
19. Там же. С. 1158.

А.Н. Заблотский, Р.И. Ларинцев

«По данным опроса пленных ...». Советская разведка о группировке люфтваффе на южном фланге советско-германского фронта

На войне, наверное, нет «неважных» дел. Не заготовили фураж, не подвезли в срок горючее, нет на складах снарядов – сорвалось наступление. Но бывает и так, что все вроде бы все сделано правильно, а военного успеха всё равно нет. Зачастую такая ситуация возникала, когда не имелось четких и достоверных данных о противнике.

Данная работа как раз и посвящена, может быть, самому важному разделу военного искусства – умению не только добывать, но и анализировать имеющиеся сведения о противнике. В качестве источника нам послужили разведывательные сводки штаба Черноморского флота, причем не полностью, а только в той части, в которой говорится о военно-воздушных силах Германии – люфтваффе. Временные рамки нашего исследования ограничены весной 1942 – летом 1943 гг., т.е. периодом, когда Черноморский флот оказался на одном из решающих направлений советско-германского фронта. В разведывательных сводках штаба Черноморского флота публиковались данные о частях и соединениях люфтваффе на всем южном участке [1], что увеличивает их ценность.

Сразу оговоримся, что правильно оценить состояние группировки авиации противника – задача весьма и весьма непростая (особенно это справедливо для люфтваффе). Дело в том, что авиационные соединения ВВС Германии очень часто использовались как «пожарные команды», в считанные дни, если не часы, перебрасываемые с одного операционного направления на другое. Поэтому данные, актуальные вчера, сегодня могли уже и не соответствовать текущей обстановке.

Вот пример из хроники 100-й бомбардировочной эскадры, точнее, ее первой группы, действовавшей на советско-германском фронте. После падения Севастополя первая группа довольно долго оставалась на аэродроме Саки, нанося удары по портам Кавказа и иным целям в полосе наступления южной группировки вермахта. 14 августа она была ненадолго переброшена в Заморск, а 20 числа перелетела в Котельниково, чтобы с 23 августа на полтора месяца обосноваться в Морозовске. 6 октября снова Саки, откуда 22 числа того же месяца самолеты группы перебазировались в Армавир. Наконец, катастрофа под Сталинградом

потребовала вернуться в Морозовск (24–25 ноября 1942 г.). До начала февраля следующего 1943 г. первая группа 100-й бомбардировочной эскадры перемещалась уже не столько по воле своего командования, сколько вынужденно подчиняясь замыслам Генерального штаба Красной армии.

После капитуляции 6-й армии Паулюса группа выводится на отдых и восстановление в Саки, оттуда – во Львов, чтобы в конце концов очутиться в благословенных краях Южной Франции. Вновь в Советском Союзе первая группа появляется 24 апреля 1943 г., когда в полном составе сосредоточивается на аэродроме Сталино (в настоящее время – Донецк). Там она и остается до 4 июля, исключая стремительную переброску на аэродром Сеща (4–7 июня), откуда немецкие бомбардировщики совершили несколько рейдов на бомбежку Горького (в настоящее время – Нижний Новгород). Накануне Курской битвы часть перелетает в Полтаву. 16 июля, вылетев из Полтавы, немцы садятся в Сталино, чтобы поддержать свои войска на Миус-фронте. А 3 августа – снова Полтава, где участвуют в отражении советского наступления на харьковском направлении. [2] И это примеры перебросок, производившихся, как правило, в полосе ответственности одного воздушного флота люфтваффе. А ведь бывали и примеры перебазирования из-под Ленинграда на юг, под Сталинград, и обратно.

Каким образом советская разведка могла отслеживать перемещения соединений и частей вражеской авиации с одного участка фронта на другой? Теоретически способов в ее арсенале было не так уж и мало.

Первый – это данные агентурной разведки. И действительно, в разведывательных сводках нередко встречаются формулировки типа «по данным агентуры, на аэродром Сталино прибыло сто двухмоторных самолетов». Нам не попадались какие-либо сведения, указывающие на то, что советская агентурная разведка могла в режиме реального времени идентифицировать конкретную авиационную часть, производящую передислокацию. Да и в случае относительно длительного пребывания частей люфтваффе на одном месте группировка ВВС противника, как правило, так и оставалась в агентурных донесениях безликой массой в «сто двухмоторных самолетов». Почему же получалось именно так? Ответ, думаем, достаточно прост – это отсутствие квалифицированной агентуры в немецком тылу, поскольку основным источником подобных сведений было подполье и партизанская разведка.

Проиллюстрировать этот тезис можно деятельностью подпольщиков на немецкой авиабазе Сеща, ставшей всем хорошо известной благодаря снятому на основе реальных событий фильму «Вызываем огонь на себя».

Что нужно было Ане Морозовой и ее товарищам, чтобы выявить сосредоточение бомбардировочной авиации в Сеще для налета на Горький (реальные события, происходившие в тот период, когда группа Морозовой работала на этой базе)?

Во-первых, требовалось иметь источники, знающие, что за соединения прибыли на аэродром и с какой целью. Во-вторых, нужна была

связь, позволявшая в течение кратчайшего времени передать полученную информацию на «Большую землю» (т.е. наличие агентурной радиостанции). С последним явно были сложности, т.к. связь осуществлялась через радистов партизанских отрядов с использованием связных. Вряд ли в этих условиях удавалось передавать добытые сведения день в день. Выполнение первого условия определялось тем, какой объем информации был доступен связанным с подпольщиками чехам, служившим в немецкой армии и работавшим на аэродроме. Даже если и удавалось фиксировать прибытие новых авиационных частей, то вряд ли было достоверно известно об их задачах. Довольно многочисленная (по фильму) агентура из числа русского обслуживающего персонала, не зная немецкого языка и не имея специальной подготовки, могла сообщить только о тех же «ста самолетах».

Второй и самый оперативный способ – это радиоразведка и радиоперехват. Этот способ не только довольно широко использовался, но и приводил к определенным успехам. Тому есть подтверждение, правда, с противоположного фланга Восточного фронта. Речь идет о весьма известном налете авиации краснознаменного Балтийского флота на немецкий аэродром Котлы в марте 1943 г. Впрочем, и в этом случае есть маленькая «ложка дегтя» – радиоразведка зафиксировала одну, а фактически на аэродром прибыла другая группа 1-й бомбардировочной эскадры «Гинденбург» [3]. Но то, что радиоразведка могла давать сведения в режиме реального времени, не подлежит сомнению. Другой вопрос, насколько точно радиоразведчики могли идентифицировать обнаруженные радиосети противника.

Третий способ, который мог использоваться, так сказать, по факту, это осмотр сбитых самолетов противника. Еще в начале 1942 г. Северным флотом от англичан были получены справочные данные на бортовые коды соединений люфтваффе, благодаря чему могла быть установлена принадлежность обломков сбитых самолетов к той или иной эскадре. 16 февраля 1942 г. таблицы с номерами были получены и штабом Черноморского флота через Москву [4].

И, наконец, четвертый и самый надежный способ – опрос пленных летчиков. Тут, как правило, удавалось узнать многое: номер части, ее состав и вооружение, когда была и откуда переброшена, потери и пополнения. Мы недаром вынесли опрос пленных в заголовок статьи. Вот краткая справка по результатам опросов немецких летчиков, плененных в третьем квартале 1942 г. Итак, согласно разведывательным сводкам, лейтенант Кребс и унтер-офицер Радаух сообщили о дислокации и схеме управления немецкого 4-го воздушного флота. Их дополнил обер-лейтенант Фогель. Унтер-офицеры Шинзих и Кетнер из 51-й бомбардировочной эскадры рассказали о дислокации своего соединения и о схеме радиосвязи [5]. Правда, войсковая принадлежность первых двух пленных была определена не совсем верно (в документе указана несуществующая 7-я эскадра).

Заметим, что мы оставили за скобками, еще один, пятый способ – аэрофоторазведку. Это сделано вполне сознательно, несмотря на то что такой способ был надежным и давал картину почти сиюминутную. Но дешифрование фотоснимков могло дать информацию только о числе и типе попавших в объектив фотоаппарата самолетов. Вопросы же: «Откуда? Куда? Зачем?» – при этом оставались без ответа.

После такого обширного теоретического экскурса перейдем к фактической стороне работы. Наличие в разведывательных сводках данных о составе группировки люфтваффе на южном крыле советско-германского фронта, привязанных к точным датам, позволяет нам сравнить ее оценку разведывательным отделом штаба Черноморского флота с теми фактическими сведениями, которыми мы на сегодняшний день располагаем.

Начнем с уже упоминавшейся выше первой группой 100-й бомбардировочной эскадры «Викинг». Надо сказать, что в начале войны это была отдельная группа с тем же номером, переформированная в полноценную эскадру на рубеже 1941–1942 гг. Об этом переформировании разведчикам-черноморцам стало известно достаточно поздно – в ноябре 1942 г. Об этом факте их оповестило Главное разведывательное управление Генштаба Красной армии. Переброска эскадры в Армавир была выявлена своевременно («во второй половине октября») [6]. Перебазирование группы на сталинградское направление также не осталось незамеченным. Возвращение в апреле 1943 г. первой группы «Викинга» на Восточный фронт отразилось в майских сводках разведывательного отдела. В них указывалось, что неустановленная группа 100-й эскадры базируется в Сталино, что соответствовало действительности.

Посмотрим, что знало советское командование о других авиационных соединениях, действовавших на южном фланге Восточного фронта. Вот, например, 27-я бомбардировочная эскадра «Бельке». В разведывательной сводке за последнюю декаду апреля 1942 г. сообщается, что первая группа эскадры базируется на Кировоград и Николаев, третья группа – на Херсон. Относительно второй группы точных сведений не было, но предполагалось, что часть находится в Крыму. Также в сводке сообщалось, что, «по достоверным сведениям», самолеты этой эскадры используются в качестве торпедоносцев, что не соответствовало действительности [7].

Фактическое положение дел было следующим. Третья группа эскадры действительно была переброшена в Херсон из Кировограда 19 апреля. Можно предположить, что столь быстрое информирование советской разведки о данном событии имеет вполне логичное объяснение. Буквально на следующий день после перебазирования над Керчью был сбит «Хейнкель» из 7-го отряда группы, пилот которого, лейтенант Хайнц Швеппе, попал в плен [8].

Сомнения относительно второй группы были также оправданы, ибо в тот момент ее самолеты находились на противоположном фланге Восточного фронта и занимались снабжением окруженного гарнизона

города Холм. Но то, что группа, с февраля находившаяся в полосе немецкого 1-го воздушного флота, до конца апреля не была с уверенностью идентифицирована, лишний раз подтверждает большие сложности с отслеживанием перемещений немецких авиационных частей.

Данные о базировании первой группы в принципе можно считать удовлетворительными, т.к. в этот период часть работала как с аэродрома Кировоград, так и с аэродрома Херсон.

Посмотрим теперь разведывательные сводки за сентябрь 1942 г. [9]. В них отмечены вторая, базирующаяся на Николаев, и предположительно третья группа 27-й бомбардировочной эскадры, аэродромом базирования которой указан Мариуполь. Эти сведения не соответствуют действительности, т.к. в сентябре все три группы 27-й эскадры базировались на аэродроме Курск [10].

Также ошибочны и данные разведывательных сводок за октябрь – декабрь 1942 г., указывающие в качестве мест базирования второй и третьей групп Николаев и Багерово. Фактически 27-я эскадра продолжала работать в интересах группы армий «Б», базируясь на аэродромы Миллерово – Уразово [11]. Впрочем, не исключено, что данные о базировании отрядов третьей группы в Багерово отражали и реальную (но одномоментную) ситуацию отвода группы через Крым на отдых в Германию. Если наша версия верна, то это лишнее подтверждение тезиса о сложности отслеживания перемещений авиационных частей противника в режиме реального времени.

К сожалению, и в январе 1943 г. советская разведка продолжала считать, что три группы эскадры «Бельке» продолжают действовать против Черноморского флота [12]. Зато действительная переброска 5 апреля 1943 г. двух групп и штаба эскадры в Сарабуз, судя по всему, не была замечена, хотя эскадра находилась там до 28 апреля и активно действовала по целям на Малой Земле [13].

Вышеприведенные два примера показывают, что вскрытие группировки люфтваффе было задачей сложной, решить которую нашей разведке удавалось не всегда. Дополним упомянутые выше частные случаи еще одним более общим эпизодом – сводкой разведывательного отдела штаба Черноморского флота от 31 мая 1943 г. – и посмотрим, насколько изложенная в ней оценка авиационной группировки противника соответствовала действительности [14].

Сразу оговорим, что мы ограничимся анализом знаний советской разведкой группировки разведывательной и бомбардировочной авиации, памятуя о решающей роли, которую данные виды авиации играют в обеспечении действий сухопутных войск.

Начнем с воздушных разведчиков. Здесь картина довольно правдоподобная. Отмечены отряды дальней разведки 2./22 и 4./122, а также, как написано в сводке, «разведывательной группы дальнего действия РГК».

Бомбардировочная авиация, по мнению флотских разведчиков, была представлена следующими подразделениями: первой группой 1-й эскадры,

третьей группой 4-й эскадры, первой, второй и третьей группами 51-й эскадры, второй (предположительно) и третьей группами 55-й эскадры, неустановленной группой 27-й и 100-й эскадр, а также частями 76-й эскадры. Про 100-ю эскадру мы уже писали, а 27-я эскадра (штаб и две группы) базировалась в Мелитополе (в сводке указан Мариуполь). Наличие 76-й эскадры указано ошибочно, соединение покинуло Восточный фронт еще в ноябре 1942 г. Однако интересно, что ее вторичное появление на Восточном фронте в феврале 1943 г. особо отмечено в документах. Объяснения этому факту пока нет.

Присутствие первой группы эскадры «Гинденбург» не зря вызывало сомнения у составителей документа. Эта часть еще 7 апреля была отведена на восстановление в Германию [15]. Если районы базирования 4-й и 55-й эскадр указаны в общем правильно, то с 51-й эскадрой дело обстоит хуже. В сводке приводятся следующие сведения: первая и третья группы базируются на Багерово, вторая – на Сарабуз. Фактически данные для первых двух подразделений соответствуют ситуации по состоянию на 8–10 мая, а по второй группе вообще ошибочны [16].

Итак, каковы же итоги данного «моментального среза»? Если отбросить явно ошибочные данные о 76-й эскадре, то из девяти групп, которые реально могли находиться на южном участке советско-германского фронта, советской разведкой было выявлено пять, т.е. в лучшем случае половина авиационной группировки противника.

Какие же выводы можно сделать на основе нашего выборочного анализа? В большинстве случаев, когда советская разведка располагала точными данными о люфтваффе, они были получены в результате опроса попавших в плен членов летных экипажей противника. Видимо, второе место по результативности занимала радиоразведка. Агентурная разведка в силу объективных ограничений вряд ли играла существенную роль в качестве источника разведывательных сведений о немецких ВВС, а упоминаний об информации, полученной в результате осмотра сбитых самолетов противника, в доступных нам документах мы не нашли.

Таким образом, судя по разведывательным сводкам, советским разведчикам не удалось до конца рассеять «туман войны», покрывавший группировку ВВС Германии на Восточном фронте. Рискнем утверждать, что своевременное отслеживание перебазирования авиационных частей противника было сложной, но тем не менее решаемой задачей. Хотя, конечно, тут многое зависело от случайных факторов. Выявленный нами на конкретном примере процент обнаружения группировок люфтваффе может быть до новых исследований принят за некую среднюю норму.

Примечания

1. Именно публиковались, т.к. с осени 1942 г. разведывательные сводки штаба Черноморского флота – это объемные тома, изданные типографским способом.
2. Balke U. Kampfgeschwader 100 “Wiking”. Stuttgart, 1981. S. 118ff.

3. Заблотский А.Н., Ларинцев Р.И. Советские ВВС против Кригсмарине. М., 2010. С. 146.
4. Центральный военно-морской архив (далее – ЦВМА). Ф. 1087. Оп. 5. Д. 1028. Л. 79.
5. ЦВМА. Ф. 1087. Оп. 5. Д. 1048. Л. 108.
6. ЦВМА. Ф. 1087. Оп. 5. Д. 1042. Л. 47 и далее.
7. ЦВМА. Ф. 1087. Оп. 5. Д. 1038. Л. 47 и далее.
8. Waiss W. Chronik Kampfgeschwader Nr. 27 Boelke. Bd. 4. Aachen, 2005. S. 50–51.
9. ЦВМА. Ф. 1087. Оп. 5. Д. 1038. Л. 162–163, 203–204.
10. Waiss W. Op. cit. S. 118–130.
11. Ibid. S. 131.
12. ЦВМА. Ф. 1087. Оп. 5. Д. 1074. Л. 8.
13. Waiss W. Chronik Kampfgeschwader Nr. 27 Boelke. Bd. 5. Aachen, 2007. S. 98.
14. ЦВМА. Ф. 1087. Оп. 5. Д. 1074. Л. 178–179об.
15. Hauptmann S. Geschichte der Kampfgeschwader “Hindenburg”. Berlin, 1944. S. 67.
16. Dierich W. Kampfgeschwader 51 “Edelweiss”. Stuttgart, 1973. S. 299–300.

В.А. Волошин, С.В. Ракочий

Таганрогский боевой участок и его значение в обороне Ростова-на-Дону в октябре 1941 г.

Боевые участки времен Великой Отечественной войны имеют свою предысторию. В изданном в 1914 г. в Санкт-Петербурге «Наставлении для действий пехоты в бою» сказано следующее: «Для боя пехотные части развертываются в боевой порядок. Боевой порядок батальона состоит из ротных боевых участков <…>. Боевой порядок полка – из батальонных боевых участков <…>. Боевой порядок бригады состоит из боевых участков и бригадного резерва, причем в боевые участки могут быть назначены полки и батальоны. Боевой порядок дивизии составляется из боевых участков, в которые могут назначаться бригады, полки, иногда даже батальоны» [1].

Принятые в старой русской армии понятия «боевой порядок», «боевой участок» после революции перешли в полевые уставы Вооруженных сил молодой советской республики. Не утратили они своего назначения в 1930–1940-е гг. и по-прежнему являлись одним из главных видов фронтовой обороны.

В годы Великой Отечественной войны боевые участки наряду с укрепрайонами сыграли решающую роль в оборонительных боях РККА. В военно-исторической литературе встречаются описания боевых действий Красной армии на Гомельском, Киевском, Балаклавском, Лужском, Тульском, Таганрогском и других боевых участках. Практически все боевые участки создавались в целях защиты советских городов от стремительно наступавшего противника. Существовала директива Ставки изматывать врага как можно больше, сдерживая его наступление.

И боевые участки ценой больших потерь с честью выполняли поставленную задачу. Благодаря упорному сопротивлению частей Красной армии наступательная инициатива противника была сломлена и обещанный Гитлером «блицкриг» провалился уже в первые месяцы войны.

В современной военной науке боевые участки рассматриваются в свете конкретных задач, решаемых войсками в их пределах. Так, различают: «участки обороны», «участки сосредоточения усилий», «высадки десанта», «прорыва обороны» и другие [2].

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые соединения и части РККА, державшие оборону на Таганрогском боевом участке в октябре 1941 г.

Таганрогский боевой участок был создан боевым распоряжением командования Южного фронта для защиты ростовского направления, как только немцы из захваченного Мариуполя выдвинулись в направлении Таганрога и Ростова. Ознакомимся с этим документом подробнее. Полностью он назывался так: «Боевое распоряжение командующего войсками Южного фронта № 0191/оп на создание боевого участка для обороны рубежа Успенская – Таганрог (10 октября 1941 г.)». В тексте сообщалось: «Противник силою до одной танковой дивизии, прорвав фронт 395-й стрелковой дивизии на участке Володарское, Мангуш, занял Мариуполь». 9-й армии командующий фронтом приказывал «в прежнем составе… оборонять фронт Солнцевка, Павловка, Златоустовка, Чердаклы, восточная окраина Мариуполя, не допуская прорыва противника на восток». Далее в боевом распоряжении говорилось: «С целью прикрытия ростовского направления создать таганрогский боевой участок в составе: 150, 339-я стрелковые дивизии, 20-й зенитно-минометный полк минометной роты с непосредственным подчинением Военному совету Южфронта». Начальником боевого участка назначался командир 150-й стрелковой дивизии генерал-майор И.И. Хорун. Ему ставилась задача «организовать к исходу 13.10.41 прочную оборону по восточному берегу р. Миус на участке Успенская – Таганрог. При организации обороны в первую очередь создать ПТО с системой ПТП». Для усиления обороны предлагалось «использовать возможные местные ресурсы, в том числе гарнизон Таганрога». В заключении отмечалось, что 339-я стрелковая дивизия «прибывает из Ростова для обороны участка Ивановка – Таганрог 12.10.41». Подписали документ командующий Южным фронтом генерал-полковник Я.Т. Черевиченко, начальник штаба фронта генерал-майор А.И. Антонов, за члена Военного совета – начальник политического управления фронта дивизионный комиссар М.И. Мамонов [3].

Однако директива поступила в войска с запозданием. Двумя днями раньше противник уже захватил Мариуполь, а 10 октября моторизованная бригада СС «Лейбштандарт “Адольф Гитлер”» продолжила наступление. Вот как об этом сказано в статье французского историка и писателя Чарльза Транга «Таганрог в годы II мировой войны»: «10 октября 13-я танковая дивизия приходит на смену “Лейбштандарту” в Мариуполе.

“Лейбштандарт” сразу же устремляется на восток во главе с разведгруппой. На этот раз разведчики СС сталкиваются с многочисленными трудностями, и уже не стоит вопрос о молниеносной войне. Действительно, земля изборождена глубокими оврагами, которые в этой местности называют “балками”. В этих глинистых и обрывистых лощинах находятся подразделения советской армии, которые должны сдержать наступление немецких войск. Нужно сражаться за каждую балку, что не входит в функции разведгрупп» [4].

Выполнить пункт 2 боевого распоряжения 9-й армии не удалось, и она отступила к Таганрогу. В соответствии с директивой другие части Красной армии готовились встретить врага в долине реки Миус в полосе от Таганрога до станции Успенской. Однако если части 9-й армии отходили к Таганрогу, то они должны были участвовать в боях на Таганрогском боевом участке. Но в боевых документах того периода об этом ничего не сказано. Более того, и в истории 9-й армии Таганрог как место боев 9-й армии тоже не нашел отражения [5].

Если бы в приведенном выше распоряжении вместо расплывчатой формулировки 9-й армии «в прежнем составе оборонять» были названы конкретные полки и дивизии, то сегодня мы бы точно знали, какие части и подразделения армии дошли до Таганрога и приняли участие в «прикрытии ростовского направления».

Ростовские историки В.И. Афанасенко и Е.Ф. Кринко в книге «56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь – декабрь 1941» пишут, что «командующий 9-й армией генерал-майор Ф.М. Харитонов, передав в состав 18-й армии 395-ю стрелковую дивизию и подвижную группу полковника М.В. Колосова, остался с одной – испытанной в боях 30-й Иркутско-Чонгарской… стрелковой дивизией генерал-майора М.Д. Гончарова. При этом остатки 51-й, 176-й и 218-й стрелковых дивизий в это время отошли на переформирование» [6].

Но если после захвата противником Мариуполя 9-я армия отходила к Таганрогу, то почему 395-я стрелковая дивизия как боевая единица 9-й армии отступила в направлении Сталино (в настоящее время – Донецка)? Через несколько дней дивизию введут в состав 18-й армии, которой предписывалось не допустить прорыва немцев к Сталино. Таким образом, командование Южного фронта усиливало 18-ю, но при этом ослабляло 9-ю армию. Следовательно, на тот момент оборона Донбасса была более важной задачей по сравнению с обороной ростовского направления.

Далее авторы констатируют: «Приказ командиру 66-й Армавирской кавалерийской дивизии полковнику В.И. Григоровичу атаковать двумя полками танковые колонны немцев для предотвращения окружения 31-й Сталинградской дивизии был невольным жестом отчаяния – *ничего другого в подчинении командующего 9-й армией в тот момент не имелось* (выделено нами. – *Авт.*)» [7].

Рассматривая боевые действия РККА на Таганрогском боевом участке, надо отметить, что войскам приходилось одновременно решать

задачу и по «прикрытию ростовского направления», и по «недопущению захвата Таганрога». В ряде источников, как отечественных, так и зарубежных, подчеркивается, что моторизованная бригада СС «Лейбштандарт “Адольф Гитлер”», шедшая в авангарде III-го армейского корпуса генерала от кавалерии Э. фон Макензена, в период с 10 по 14 октября 1941 г. наткнулась на стойкое сопротивление частей Красной армии в районе Миусского лимана.

Упорные бои продолжались в течение пяти дней, эсэсовцы практически топтались на месте и не могли двигаться дальше. Захват Таганрога, намеченный на 12 октября, провалился. В этот день в бой с противником вступили подоспевшие 31-я и 339-я Ростовская стрелковые дивизии. А «14 октября сопротивление советских войск было таково, что СС не могли выполнить свою миссию» [8]. И только 15 октября противнику удалось захватить деревню Николаевку, открывавшую прямую дорогу на Таганрог. До города оставалось не более 10 км.

Но если 31-я и 339-я Ростовская стрелковые дивизии появились на Таганрогском боевом участке 12–13 октября, то кто сдерживал наступление врага с 10 по 12 октября? В приведенном выше боевом распоряжении говорится об использовании «местных ресурсов, в том числе гарнизона Таганрога». Но что собой представлял гарнизон Таганрога в октябре 1941 г., нам сегодня не известно.

С большой долей вероятности можно предположить, что до подхода свежих стрелковых дивизий оборону держали бойцы 150-й стрелковой дивизии, Таганрогского истребительного батальона, а также курсанты военных училищ, прибывшие из Ростова. Как писал в газетной статье «Холодная осень 41-го» В.И. Афанасенко, это были «17–18-летние курсанты и преподавательский состав областных училищ: артиллерийского, пехотного и военно-политического. Мальчишек подняли по тревоге, выдав одну винтовку на пятерых. Поездами их отправили в сторону Таганрога на Бессергеновку» [9].

150-я стрелковая дивизия, до того как оказаться на Таганрогском боевом участке, отражала наступление противника под Днепропетровском, находясь в составе 9-й армии. Но 3 октября ее вывели из состава армии и по железной дороге перебросили в новый район сосредоточения. Им стал восточный берег реки Миус от Успенской до Таганрога [10]. О переброске дивизии говорилось и в одном из фронтовых документов, из которого стало известно, что 10 октября «на ст. Успенская выгружено 4 эшелона [дивизии], 3 эшелона – находятся в пути» [11].

Интересна история появления под Таганрогом 31-й стрелковой дивизии. В начале октября, когда ситуация на Западном фронте стала угрожающей, под Москву стали стягивать войска резерва Ставки ВГК и части, дислоцировавшиеся в районах, не подверженных боевым действиям со стороны германских войск и их союзников. В это время в Армянской ССР на границе с Турцией базировалась 31-я стрелковая дивизия под командованием полковника М.И. Озимина. 7 октября дивизия получила

приказ отбыть в действующую армию под Москву. А так как ее путь проходил через Ростов, то командование Северо-Кавказского военного округа (далее – СКВО) запросило разрешение Ставки ВГК оставить дивизию в своем распоряжении для обеспечения защиты Ростова и кавказского направления. И Ставка дала добро. С 12 октября 31-я стрелковая дивизия стала выгружаться на станции Морской (в 25–30 км от Таганрога) и поэтапно вводиться в бой на рубежах Таганрогского боевого участка. Однако оперативная обстановка на Южном фронте менялась с каждым часом и, к сожалению, не в пользу Красной армии.

13 октября в войска поступила новая директива командующего Южным фронтом № 002200/оп о нанесении удара во фланг и тыл мариупольской группировке противника. Генерал-лейтенанту Ф.Н. Ремезову предписывалось нанести главный удар силами не менее двух стрелковых дивизий в общем направлении на Матвеев Курган, Марьевку и во взаимодействии с частями 9-й армии уничтожить мариупольско-таганрогскую группировку противника. А к исходу 15 октября 1941 г. выйти на рубеж Платоново-Отрадинский и в дальнейшем наступать на Ефремовку. Но осуществить эту операцию нашим войскам не удалось. Моторизованная бригада СС «Лейбштандарт “Адольф Гитлер”» при поддержке 4-го полка 13-й танковой дивизии вермахта 17 октября захватила Таганрог, а через три дня возобновила преследование советских войск уже на ростовском направлении.

О боевом пути 339-й Ростовской стрелковой дивизии до недавнего времени открытой информации было мало. Завесу «тайны» приоткрыл В.И. Афанасенко в статье «Неизвестное о 339-й Ростовской» [12].

339-я стрелковая дивизия была сформирована в августе 1941 г. в Ростове-на-Дону из призывников города и области. Командиром дивизии назначили полковника А.М. Пыхтина. Полки дивизии получили названия по наименованию городов области, взявших над ними шефство. Так, 1133-й полк стал именоваться Таганрогским, 1135-й – Сальским, 1137-й – Ростовским, 900-й артиллерийский – Азовским. При формировании дивизии возникли проблемы с личным и стрелковым оружием. Из фондов городских музеев пришлось изъять оружие периода Гражданской войны, пригодное к боевому применению.

В связи с тяжелой ситуацией, сложившейся под Таганрогом, командующий СКВО генерал-лейтенант Ф.Н. Ремезов вынужден был отправить на фронт плохо вооруженную дивизию. Более того, из-за отсутствия транспорта дивизия отправилась в район сосредоточения пешим ходом. «В ходе пятисуточного марша по раскисшим степным дорогам личный состав дивизии вышел к Миусу в крайне изнуренном состоянии, с большим количеством заболевших солдат». «Рубежом развертывания 339-й дивизии командование определило восточный берег реки Сарматской, в пятнадцати-двадцати километрах западнее Миуса. Но первая встреча с врагом произошла уже перед р. Миус» [13].

12 октября 1941 г. 339-я стрелковая дивизия сдерживала наступление 14-й танковой дивизии Ф. Кюна и 60-й моторизованной дивизии

Ф. Эберхардта севернее Таганрога, на участке от Большой Неклиновки до Матвеева Кургана. В этот день здесь начались ожесточенные бои. А утром следующего дня головной 1133-й стрелковый полк под командованием майора Б.К. Алиева в районе Большой Неклиновки подвергся атаке танков противника и моторизованной бригады СС «Викинг».

Советские воины дрались отчаянно. Они не только остановили врага, но и отбросили его на 10–15 км к западу от Миуса, за реку Сарматскую. Бой длился несколько суток. В тяжелом положении оказался 1135-й стрелковый полк майора В.А. Кузнецова. Штаб полка с горсткой бойцов попал в окружение. «В этот день (20 октября. – *Авт.*) в балке Туркова у хутора Седовский танки и мотопехота окружили 1135-й Сальский полк. Его командир успел отправить начальнику штаба дивизии короткое донесение: “Рыбину. Танки до 12 штук с пехотой окружают пехоту и обстреливают ком. пункт. Средств борьбы нет, кроме винтовок и гранат. Это последнее сообщение (донесение). Кузнецов. 20.10.41. Балка Туркова”» [14].

Подводя итог боевым действиям 339-й стрелковой дивизии на Миусе в 1941–1942 гг., автор статьи отмечает: «…никогда больше 339-я Ростовская дивизия, ставшая к концу войны Таманской, Бранденбургской, Краснознаменной, ордена Суворова второй степени, не платила такой кровавой цены, как в те октябрьские дни своего боевого крещения на Миусе» [15].

26-й мотоциклетный полк – малоизвестная воинская часть, входившая в состав Таганрогского боевого участка. Сведения о нем в военно-исторической литературе весьма скромные. Одним из немногих источников выступает статья Е. Дрига, содержащая информацию о 32 мотоциклетных полках РККА в 1941 г. В ней говорилось: «26-й мотоциклетный полк 18-го механизированного корпуса 9-й армии. Командир: майор Я.П. Арел. Перед войной дислоцировался в районе Аккермана. С началом боевых действий находился в резерве, затем был переброшен на Юго-Западный фронт в район Вапнярки.

8–10.08.41 г. выведен в Павлоград. Входил в состав Харьковского военного округа. С 11 октября 1941 г. – на Таганрогском боевом участке, участвовал в боях на р. Миус. Расформирован» [16].

Полковник в отставке Л.С. Кузьменко в своих воспоминаниях отмечал, что в обороне Горячеводска (Кавминводы) в августе 1942 г. принимал участие 26-й мотоциклетный полк под командованием подполковника Н.Т. Петренко [17].

В приложении к директиве Генерального штаба от 18 января 1960 г. № 170 023 (перечень № 14, раздел V «Мотоциклетные полки») сказано, что 26-й мотоциклетный полк находился в составе действующей армии с 22 июня по 23 сентября 1941 г. и был расформирован [18]. Но если его расформировали в сентябре 1941 г., то кто же тогда воевал на Таганрогском боевом участке в октябре 1941 г. и на Кавминводах в августе 1942 г.? Почему-то сведения о «расформировании» полка расходятся с реальными событиями.

Е. Дриг приводит штатный состав мотоциклетного полка: «Всего в мотоциклетном полку по штату 1941 года имелось: 1417 человек личного состава, 17 единиц бронеавтомобилей, 389 – мотоциклов с коляской, 45 – мотоциклов без колясок, 6 – 45-мм орудий, 24 – 50-мм миномета. Полки формировались мотоциклами производства таганрогского инструментального завода марки ТИЗ-АМ-600, подольского машиностроительного завода марки ПМЗ-А750, на вооружении также стояли ленинградские Л-300 и ижевские ИЖ-7» [19].

Некоторые мотоциклетные полки в 1941–1942 гг. в связи с большими потерями действительно подверглись расформированию. Но время расформирования 26-го мотоциклетного полка пока остается под вопросом.

В силу ряда причин мы не все смогли рассказать о войсковых формированиях Таганрогского боевого участка. Еще предстоит выяснить судьбу 20-го зенитно-минометного полка, 1-й роты 10-го минометного батальона, 8-го гаубично-минометного полка, других частей и подразделений РККА, сражавшихся на Таганрогском боевом участке. История Таганрогского истребительного батальона подробно рассмотрена авторами в книге «Вчера была война» [20].

Подводя итог, следует сказать, что Таганрогский боевой участок ценой огромных потерь поставленную задачу по «прикрытию ростовского направления» выполнил. Не будь его, немцы уже 12 октября могли захватить Таганрог (что ими и планировалось), а через два-три дня стоять под Ростовом. Но Таганрогский боевой участок внес свои коррективы в стратегические планы гитлеровцев, и немецкие части подошли к Ростову только спустя месяц.

Примечания

1. Наставления для действий пехоты в бою. СПб., 1914. С. 1.
2. Военный энциклопедический словарь / гл. ред. Н.В. Огарков. М., 1983. С. 770.
3. Боевое распоряжение командующего войсками Южного фронта № 0191/оп от 10 октября 1941 г. // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 228. Оп. 2552сс. Д. 18. Л. 167–168.
4. Trang C. La Leibstandarte s'empare de Taganrog // 39–45. Magazine. 2005. № 222 (Avril). P. 16–22.
5. 9-я армия РККА 2-го формирования. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/9-я_армия_(СССР) (дата обращения: 15.04.2016).
6. Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. 56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь – декабрь 1941. М., 2013. С. 40–41.
7. Там же.
8. Trang C. Op. cit.
9. Афанасенко В. Холодная осень 1941-го // Труд. 2004. 18 ноября. С. 19.
10. 150-я стрелковая дивизия 3-го формирования. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/150-я_стрелковая_дивизия_(1-го_формирования) (дата обращения: 15.04.2016).
11. Оперативная сводка штаба Южного фронта № 0215/оп от 10.10.1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 2552 сс. Д. 18. Л. 171–174.

12. Афанасенко В. Неизвестное о 339-й Ростовской. URL: http://отечестворт.рф/sprav/002/005.htm (дата обращения: 14.03.2016).
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Дриг Е. Мотоциклетные части Красной армии в 1940–41 гг. URL: http://www.waronline.org/fora/index.php?threads/Планирование-Сталиным-превентивного-удара-по-Вермахту-6-июля-1941-года-Вымысел-Виктора-Суворова.3678/page-57 (дата обращения: 15.04.2016).
17. Кузьменко Л.С. Преграда «Эдельвейсам» // Говорят обелиски: историко-публицистический краеведческий сборник о событиях Великой Отечественной войны на Кавказских Минеральных Водах. Минеральные Воды, 2013. С. 38–41. URL: http://dobro26.ru/files/Books/Govorat_Obeliski/4_Glava_3_Oborona_KMV_2014.pdf (дата обращения: 14.04.2016).
18. Перечень № 14 к Приложению к директиве Генерального штаба от 18 января 1960 г. № 170023. URL: http://www.teatrskazka.com/Raznoe/Perechni_voisk/Perechen_14_05.html (дата обращения: 14.04.2016).
19. Дриг Е. Указ. соч.
20. Волошин В., Ратник В. Вчера была война. Таганрог, 2008. С. 54–59.

В.Б. Ушаков

Rýchla divízia: формирование и участие в боевых действиях на территории Ростовской области в 1941–1942 гг.

XX в. в истории человечества и военной истории стал эпохой глобальных вооруженных конфликтов. Две мировые войны потрясли и во многом изменили существовавший до их начала миропорядок. Российская империя, а позднее и Советский Союз стали активнейшими участниками этих вооруженных конфликтов. Вовлечение СССР в орбиту Второй мировой войны (1939–1945) неразрывно связано с агрессией нацисткой Германии против Советского государства и началом Великой Отечественной войны (1941–1945). В начальный период Великой Отечественной войны южное и юго-западное стратегическое направления являлись одним из главных векторов наступательных операций вермахта и его союзников. Несмотря на то что боевые операции на южном участке советско-германского фронта изучаются давно и серьезно, тем не менее и в этом разделе по-прежнему остается достаточно много так называемых белых пятен.

В настоящем исследовании особое внимание хотелось бы уделить участию в боевых действиях на южном фланге Восточного фронта союзников Германии. Речь пойдет о Словацком экспедиционном корпусе, в частности о наиболее боеспособной его части – подвижном моторизированном соединении, известном как Rýchla divízia (в переводе со словацкого «Быстрая дивизия»), его формировании и участии в боевых действиях против сил Южного и Юго-Западного фронтов в 1941–1942 гг.

Вопрос участия в Великой Отечественной войне на стороне нацистской Германии вооруженных формирований европейских союзников Германии до сих пор не утратил своей актуальности. Советская историография старательно обходила вниманием данную проблематику либо освещала вопрос поверхностно. В послевоенный период характерным было замалчивание отдельных тем и сюжетов, апологетический подход к оценке деятельности политического и военного руководства, ограничения на работу с архивными материалами и контакты с зарубежными учеными [1].

Пытаясь создать видимость «всеевропейской» войны против СССР, Германия активно использовала добровольческие национальные легионы и дивизии, а также регулярные соединения своих союзников. Сателлитов Германии, использовавших регулярные формирования на Восточном фронте, можно разделить на две группы:

– группа «А»: Румыния, Финляндия;

– группа «Б»: Венгрия, Италия, Словакия, Хорватия.

Относящиеся к группе «А» Румынию и Финляндию можно условно именовать «желательными» союзниками, их вооруженные силы были включены в окончательный вариант плана «Барбаросса». В свою очередь, относящиеся к группе «Б» Венгрию, Италию, Словакию и Хорватию можно именовать «инициативными» союзниками: военно-политическое руководство этих стран предприняло ряд шагов по вовлечению своих вооруженных сил в боевые действия против СССР.

Советская историческая наука изучала участие вооруженных сил «инициативных» стран-союзников Германии неоднородно и с перекосами различного рода. В частности, если изучение участия итальянских союзников Германии в Великой Отечественной войне началось еще до ее окончания и связано с фиксацией фактического материала по проведению операции «Малый Сатурн», то ход боевых действий, которые вел Словацкий экспедиционный корпус, игнорировался до начала 1970-х гг. В 1973 г. появилась статья Б. Арушаняна «Боевые действия 12-й армии в начальный период Великой Отечественной войны» [2], которая оставалась единственной вплоть до начала 1990-х гг. Распад СССР и Чехословакии дает новый импульс исследованиям участия вооруженных сил Словацкой Республики против СССР в Великой Отечественной войне. В 1998–1999 гг. выходит четырехтомник «Великая Отечественная война. 1941–1945» [3] с кратким изложением боевых действий РККА против словацких войск, в 2002 г. появляется работа М. Зефирова «Асы Второй мировой войны: Союзники Люфтваффе» [4]. В 2000-х гг. появляется монография историка-слависта д.и.н. В.В. Марьиной «Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг.» [5], а также цикл работ российских историков, посвященных боям союзников Германии на Верхнем Дону [6]. В 2009 г. была защищена кандидатская диссертация П. Шмидт «История боевых действий частей Красной армии против словацких войск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг.» [7].

Таким образом, обзор отечественной историографии, посвященный участию Словацкого экспедиционного корпуса в боевых действиях против Красной армии, позволяет констатировать, что исследуемая тема имеет недостаточную научную разработанность в заявленных территориальных и хронологических рамках. С учетом названных факторов данное исследование ставит своей целью восполнить пробел в изучении исторических аспектов формирования и участия в боевых действиях Rýchla divízia на южном и юго-западном стратегическом направлении в 1941–1942 гг. В качестве источниковой базы использованы архивные документы, печатные издания Министерства народной обороны Словакии периода Великой Отечественной войны из фондов Ростовского областного музея краеведения [8], послевоенная мемуарная и научная литература.

Возникновение и развитие словацких вооруженных сил неразрывно связано с появлением в Восточной Европе весной 1938 г. в процессе раздела Чехословакии Словацкого национального государства. Оккупация Германией чешских территорий сопровождалась проведением протекционистской политики в отношении Словакии и созданием в ее границах марионеточного государства. В формировании словацкой армии Третий рейх также принял активнейшее участие. Основополагающими пунктами данного участия стали подготовка в Германии личного состава, передача вооружения и техники, а также влияние на формирование военной структуры словацких вооруженных сил. Основными центрами формирования словацкой армии стали города Тренчин, Банска Быстрица, Прешов. К осени 1940 г. структура словацкой армии была перестроена по немецкому образцу. Был образован Штаб сухопутных войск (Veliteľstvo pozemného vojska (VPV)), которому подчинены штабы дивизионных областей № 1 и № 2 (Veliteľstvá diviznych oblasti (VDO-1,VDO-2)) [9]. В центрах дивизионных областей Тренчине и Прешове были развернуты 1-я и 2-я пехотные дивизии, а в Банска Быстрице моторизированное соединение с непосредственным подчинением штабу сухопутных войск Словакии. Такая структура сохранилась вплоть до начала германской агрессии против СССР.

Условия союзных договоров с Германией не требовали непосредственного участия словацкой армии в боевых действиях, но война была для военно-политического руководства Словакии реальным шансом доказать преданность Германии. В первый день войны Й. Тисо предложил руководству Третьего рейха направить в Россию словацкие войска, и в тот же день Министерство народной обороны Словакии объявило скрытую мобилизацию. Это позволило довести численность армии до 90 533 человек, 50 689 из которых были включены в состав развертываемого Словацкого экспедиционного корпуса. Одновременно с развертыванием экспедиционного корпуса особым приказом № 1 от 22 июня 1941 г. [10] была выделена «Быстрая группа» (Rýchla skupina), которая передавалась в подчинение 17-й полевой армии группы армий «Юг».

Данное подвижное соединение словацкой армии начало боевые действия против Красной армии 26–27 июня 1941 г. В течение июня – августа 1941 г. соединение последовательно трансформировалось сначала в «Быструю бригаду» (Rýchla brigáda), а затем в «Быструю дивизию» (Rýchla divízia) (табл. 1).

Таблица 1

Этапы преобразования соединения «Быстрая группа»

Дата формирования	**22 июня 1941 г.**	**7 июля 1941 г.**	**3 августа 1941 г.**
Наименование	Rýchla skupina	Rýchla brigáda	Rýchla divízia
Личный состав (чел.)	**1910**	**3546**	**8451**
офицеров (чел.)	59	117	301
подофицеров (чел.)	27	39	90
унтер-офицеров и солдат (чел.)	1824	3390	8060
Вооружение			
пистолетов	661	1391	2111
винтовок	813	1665	4895
ручных/станковых пулеметов	79/4	126/101	265/57
противотанковых пушек	23	73	40
горных пушек	4	4	12
зенитных орудий	–	–	16
гаубиц	9	12	16
бронеавтомобилей	3	5	–
танков	47	36	–
автомобилей	238	395	1094
мотоциклов	33	62	138
велосипедов	112	269	269

Сравнительный анализ численности личного состава и штатного вооружения показывает трансформацию соединения из бронетанкового в мотопехотное. Причинами этого служат сравнительно высокие потери в личном составе и технике, а также низкая подвижность соединения. В августе 1941 г. командование дивизией принял бригадный генерал Йозеф Туранец. С 23 августа 1941 г. дивизия действовала во 2–3 эшелоне, взаимодействуя с немецкими войсками, а в конце сентября была передана в состав 1-й танковой группы генерал-полковника Э. фон Клейста. В 5.30 29 сентября 1941 г. «Быстрая дивизия» должна была выступить маршем по трассе Кременчуг – Потоки – Ревовка – Кобеляки – Царичанка – Топчино, выйти в район Почино – Маргаритовка – Карамарка – Шефское – Топчино [11]. После выхода в район дивизия поступила в распоряжения командующего 3-го моторизированного корпуса

Э. фон Макензена. «Быстрая дивизия» получила распоряжение сменить 13-ю танковую дивизию на позициях по реке Орель на участке Перещепино – Родзянки. На этом участке дивизия вела позиционные бой до 5 октября, когда часть «Быстрой дивизии» была передана в состав 14-го моторизированного корпуса с непосредственным подчинением командованию 60-й моторизированной дивизии. Обе части дивизии должны были действовать в районе Гуляй-Поле – Пологи и содействовать блокированию войск Южного фронта на стыке 1-й танковой и 11-й полевой армий. К 10 октября 1941 г. соединения «Быстрой дивизии» вышли в назначенный район и заняли Пологи. После взятия Пологов дальнейшее направление наступления было определено как район Хлебодаровка – Волноваха. Выйдя в район Хлебодаровки, «Быстрая дивизия» находилась там до конца октября 1941 г. 30 октября 1941 г. штаб «Быстрой дивизии» получил предписание о передислокации к побережью Азовского моря и смене 60-й моторизированной дивизии. Дивизия поступала в распоряжение Главнокомандования побережья Азовского моря (ARKO 301-Artillereikommando) [12]. Под охрану в первых числах ноября 1941 г. был принят участок побережья от Мариуполя до реки Миус. Во второй половине ноября 1941 г. ход боевых действий в полосе 1-й танковой армии принял ожесточенный характер. 17 ноября танковые дивизии вермахта и войск СС перешли в наступление на Ростов-на-Дону и 21 ноября 1941 г. овладели городом.

Одновременно с немецкими в наступление перешли и войска Южного фронта под командованием генерал-полковника Я.Т. Черевиченко. К 21 ноября войска 9, 18-й и 37-й армий достигли значительного успеха и вышли на рубеж Дьяково – Миллерово – Родионово-Несветайское, нависая над группировкой противника, занявшей Ростов. Оставленные для прикрытия фланга дивизия СС «Викинг» и 16-я танковая дивизия отходили, прикрываясь мобильными танковыми группами, минометным и артиллерийским огнем. Угроза окружения вынудила командование 1-й танковой армии начать переброску основных сил 3-го моторизированного корпуса из Ростова. Однако ситуация осложнялась с каждым часом. 21 ноября 1941 г. «Быстрая дивизия» была вновь переподчинена 14-му моторизированному корпусу и получила приказ выдвинуться в район села Куйбышево. На участок Каменно-Тузловка – хутор Кумшатский, в стык обороны 1-й горной дивизии и 5-й моторизированной дивизии СС «Викинг» были переброшены два батальона из состава 20-го и 21-го мотопехотных полков и две гаубичные батареи [13]. Первыми на позиции прибыла 8-я пулеметная рота 21-го мотопехотного полка, которой удалось отразить несколько атак противника. Однако с подходом основных сил «Быстрой дивизии» натиск на ее позиции усилился. В сражении за Ростов наметился перелом в пользу Красной армии.

К 1–2 декабря 1941 г. под натиском войск Южного фронта «Быстрая дивизия» получила приказ отступить к основному рубежу, отведенному для ее обороны, в район Куйбышево. Это был довольно спокойный участок,

советское командование не планировало здесь предпринимать крупномасштабных наступательных операций. Доказательством этому служат записи в военном дневнике словацкого военнослужащего: «05.01.1942. Ночью спокойно, за исключением нерегулярной стрельбы артиллерии и минометов, в частности в пространстве к востоку от Ольховского» [14].

В начале второй половины февраля «Быстрая дивизия» занимает позиции на участке к северу от Куйбышево до Димитровки. Серьезная попытка прорыва обороны была предпринята советским командованием 27 февраля 1942 г. Позиции «Быстрой дивизии» были атакованы силами 714, 723-го и 726-го стрелковых полков 395-й стрелковой дивизии. В районе села Мариновки, севернее Куйбышево, советским частям удалось вклиниться в оборону «Быстрой дивизии», в районе позиций 6-го взвода 21-го мотопехотного полка. Потери дивизии в этот день составили 7 убитых и 21 раненого. Всего в период обороны на Миусе «Быстрая дивизия» потеряла 127 человек убитыми, 12 пропавшими без вести и 2 перебежчика [15].

Характерно, что к весне 1942 г. число перебежчиков возросло. Это в первую очередь связано с тем, что война трансформировалась из быстротечной в затяжную, что вызывало усталость личного состава, несмотря на его ротацию. К этому добавлялся и этнический компонент, близость славянских культур снижала у словаков побуждающие мотивы воевать. В целом германское командование неохотно отправляло на Восточный фронт этнические войсковые соединения из Восточной Европы, считая, что славяне без энтузиазма будут воевать друг с другом. Для предотвращения дезертирства словацким командованием была разработана инструкция, в которой сообщалось, что у родственников дезертиров будет немедленно изъято все их имущество и дома этих предателей будут оснащены надписью: «Здесь жил дезертир и предатель словацкой крови» [16].

К весне 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта противоборствующие стороны активно готовились к предстоящей борьбе за стратегическую инициативу. Подготовка к летнему наступлению велась и в «Быстрой дивизии». К 14 июля 1942 г. личный состав дивизии насчитывал 6696 человек (204 офицера, 66 подофицеров, 307 унтер-офицеров, 6117 солдат) [17]. Переформирована была и ее структура, к середине июля 1942 г. «Быстрая дивизия» включала: штаб управления, 20-й и 21-й мотопехотные полки, 5-ю разведывательную группу, 11-ю артиллерийскую группу, две роты противотанковых и горных орудий, 2-й батальон связи, 7-ю и 8-ю зенитные батареи, 2-ю инженерную роту, 11-ю медицинскую роту, транспортный автомобильный полк и части обеспечения.

Весенние успехи вермахта в Крыму и на харьковском направлении позволили приступить к реализации стратегических планов германского командования. 19 июля 1942 г. «Быстрая дивизия» перешла в подчинение группы генерала пехоты В. Ветцеля, командующего 5-го армейского корпуса. Задачей для дивизии было наступление по направлению

Куйбышево – Лысогорки – Ростова. 20 июля 1942 г. передовые соединения «Быстрой дивизии» начали наступление. В течение 20–21 июля разведка и мотопехотные батальоны преследовали отступающие части 31-й стрелковой дивизии 56-й армии Южного фронта. К исходу 21 июля 2-й батальон 21-го мотопехотного полка вышел к селу Генеральскому, где встретил упорное сопротивление советских войск. Село Генеральское располагалось перед внешним рубежом обороны Ростовского оборонительного района. Упорный бой на подступах к селу и на его улицах продолжался до утра 22 июля 1942 г. В ходе боя мотопехотные батальоны начали форсировать реку Тузлов. Плацдарм на противоположном берегу реки удалось расширить настолько, что утром 23 июля три батальона (I/20, II/20 и II/21) смогли начать отсюда атаку на высоты, расположенные южнее от села Генеральского. После взятия высот потери «Быстрой дивизии» в ходе этих боев составили 13 убитых, 79 тяжелораненых и 5 пропавших без вести.

В 16:45 23 июля 1942 г. разведка «Быстрой дивизии», за которой следовал 2-й батальон 21-го мотопехотного полка, вышла к северным окраинам Ростова-на-Дону. На этом участке уже действовали боевые группы 4-го полка 13-й танковой дивизии, ввиду чего наступление было остановлено. 24 июля «Быстрая дивизия» возобновила наступление, имея целью выход к Зеленому острову. Наступая через поселок Чкалова и восточную часть Ростова-на-Дону, к исходу дня словаки заняли предмостное укрепление и Зеленый остров, а на следующий день 25 июля первыми переправились на левый берег Дона. После захвата вермахтом Ростова-на-Дону «Быстрая дивизия» находилась в городе до 31 июля 1942 г., приводя в порядок материальную часть и собирая трофеи. 31 июля ей было приказано покинуть Ростов и следовать за германскими войсками. «Быстрая дивизия» была передана в подчинение генералу танковых войск Ф. Кирхнеру, командующему 57-го танкового корпуса 1-й танковой армии. В первых числах августа части дивизии медленно перемещались по направлению Ростов – Попов – Белая Глина – Новопокровская.

В целом, анализируя все аспекты формирования и участия в боевых действиях Rýchla divízia на южном и юго-западном стратегическом направлении в 1941–1942 гг., можно констатировать, что на начальном этапе войны «Быстрая дивизия» сохраняла высокий уровень боеспособности, что было связано с эффективной ротацией личного состава. Несмотря на отдельные проявления дезертирства, дивизия успешно выполняла боевые задачи вплоть до коренного перелома в Великой Отечественной войне. Однако к 1943 г. усталость от войны, высокие потери, воздействие советской пропаганды начали играть свою роль и создавать благоприятную почву для размышлений о переходе на сторону Красной армии не только среди солдат, но и офицеров.

Примечания

1. Илиевский Н.В. Проблемы и задачи современной историографии Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 5. С. 4.

2. Арушанян Б. Боевые действия 12-й армии в начальный период войны // Военно-исторический журнал. 1973. № 6.

3. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998–1999.

4. Зефиров М.В. Асы Второй мировой войны: Союзники Люфтваффе: Венгрия. Румыния. Болгария. Хорватия. Словакия. Испания. М., 2002.

5. Марьина В.В. Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007.

6. Филоненко С.И. От Прута и Днестра, до Дона и Волги. Воронеж, 1999; Яценко К.В. Организация добровольческих военизированных формирований в годы Великой Отечественной войны (по материалам областей Центрального Черноземья). М., 2003; Филоненко С.И., Филоненко А.С. Острогожско-Россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону». Воронеж, 2005; Яценко К.В. Фронтовой регион: Центральное Черноземье России в системе военно-организаторской деятельности местных властных структур в годы Великой Отечественной войны. Курск, 2006; Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Афанасенко В.И., Медведев М.В. Разгром «нацистского интернационала» на Дону (1942–1943) // Вестник ЮНЦ РАН. 2015. Т. 11. № 2. С. 87–96 и др.

7. Шмидт П. История боевых действий частей Красной Армии против словацких войск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг.: дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2009.

8. “Od Tatier po Kaukaz”. MNO. Bratislava, 1943 // Ростовский областной музей краеведения. КП 1066.

9. Micianik P. Slovenska armada v tazeni proti Sovietskemu zvazu 1941–1944 v operacii Barbarossa. Banská Bystrica, 2007. S. 18.

10. Micianik P. Slovenska rychla skupina v zaciatocnej fäze operacie Barbarossa // Vojenskä história. 2004. № 4. S. 50.

11. Micianik P. Slovenska armada v tazeni proti Sovietskemu zvazu 1941–1944 v operacii Barbarossa. S. 217–219.

12. Ibid. S. 230–231.

13. Ibid. S. 239–240.

14. Шмидт П. Участие словацкой «Быстрой дивизии» в боях на советско-германском фронте в 1942 году // Научные ведомости БелГУ. Сер. История, политология, экономика. 2008. № 5 (45). Вып. 7. С. 122.

15. Шмидт П. История боевых действий частей Красной армии против словацких войск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг. … С. 16.

16. Шмидт П. Участие словацкой «Быстрой дивизии» в боях на советско-германском фронте в 1942 году. С. 123.

17. Micianik P. Slovenska armada v tazeni proti Sovietskemu zvazu 1941–1944 v operacii Barbarossa. S. 104.

И.В. Киселёв

Основные проблемы истории обороны Севастополя в 1941–1942 гг.

Борьба за Севастополь в 1941–1942 гг. стала самым ярким событием на южном приморском фланге советско-германского фронта и до сих пор вызывает немало споров среди исследователей. Среди наиболее

обсуждаемых проблем – начало обороны Главной базы Черноморского флота, создание Севастопольского оборонительного района (далее – СОР), возможности войск Приморской армии и, главное, трагическая развязка сражения за Севастополь. Анализ этих вопросов с учетом позиции советской и современной российской историографии, данных оперативных документов позволит остановиться на ключевых событиях обороны Севастополя и поэтапно проследить изменения в структуре и управлении СОР.

Когда в конце октября 1941 г. войска 11-й немецкой армии генерала Э. Манштейна ворвались в Крым, на подступах к Севастополю завершалось сооружение трех линий обороны, из которых в наибольшей степени были подготовлены тыловой и главный рубежи. Однако когда возникла угроза захвата Севастополя, в городе не оказалось войск для их наполнения. Командование флота стало спешно создавать части морской пехоты, которые вместе с переброшенной из Новороссийска 8-й бригадой морской пехоты насчитывали около 23 тыс. человек [1]. На вооружении морской пехоты за редким исключением имелось лишь стрелковое оружие, рядовой и командный состав практически не имел общевойсковой подготовки. Нехватку полевых и противотанковых орудий в какой-то степени компенсировали артиллерийские части Приморской армии, остававшиеся в Севастополе, орудия артиллерийских дотов и зенитки ПВО (47 батарей, 196 орудий). Тяжелая артиллерия состояла из орудий береговой обороны (44 орудия калибром 100–305 мм) и отряда кораблей поддержки. Авиационная группа насчитывала около 130 исправных самолетов [2].

Непросто шло становление органов управления обороны Севастополя. В конце октября ее непосредственной организацией занимались заместитель командующего Черноморским флотом по обороне Главной базы контр-адмирал Г.В. Жуков и комендант береговой обороны генерал-майор П.А. Моргунов. Сам командующий Ф.С. Октябрьский 28 октября 1941 г. отбыл на Кавказ для подготовки перехода туда кораблей и Военного совета флота, оставив за себя начальника штаба контр-адмирала И.Д. Елисеева. Такой поступок командующего в этот критический момент вызвал негативную реакцию адмирала Н.Г. Кузнецова, по требованию которого 2 ноября Ф.С. Октябрьский вернулся в Севастополь. Но возглавлявший войска Крыма вице-адмирал Г.И. Левченко считал, что командующий и Военный совет флота должны были руководить борьбой на всем Чёрном море, не обременяя себя непосредственным командованием осажденной базы. Поэтому, когда Г.И. Левченко принял решение о создании СОР, его командующим назначили генерал-майора И.Е. Петрова, а функции его штаба взял на себя штаб Приморской армии [3]. Опасаясь прорыва немцев к Севастополю, 5 ноября Ф.С. Октябрьский вновь предложил И.В. Сталину и Н.Г. Кузнецову эвакуировать как можно большее число подразделений и кораблей флота, его тылы, а так же штаб и Военный совет на Кавказ [4]. Но директива Ставки Верховного главнокомандования (далее – ВГК) № 004433 от 7 ноября 1941 г. поставила

точку в спорах о руководстве обороной Севастополя. 10 ноября ее возглавил Ф.С. Октябрьский, в городе оставался и Военный совет флота, на Кавказ отправили только часть штаба [5]. После эвакуации Керчи и упразднения 19 ноября командования советских войск в Крыму СОР перешел в непосредственнее подчинение Ставки ВГК.

Все эти дни, пока решался вопрос об управлении осажденным Севастополем, положение города ухудшалось. Наступавшие с севера 54-й армейский корпус и подвижная немецко-румынская группа полковника Циглера 31 октября вышли к реке Альме, отрезав Приморскую армию от города. Уже здесь немцы столкнулись с передовыми частями морской пехоты. Э. Манштейн полагал, что в Севастополе нет значительного гарнизона, и надеялся захватить его с ходу. Отбросив моряков, части 54-го корпуса вышли к передовому рубежу Севастополя, где получили отпор со стороны 8-й бригады морской пехоты и других подразделений [6]. В первые дни ноября 1941 г. неприятелю удалось несколько продвинуться к югу, но по мере прибытия в район Дуванкоя и хутор Мекензия 25-й и 95-й стрелковых дивизий, 7-й бригады морской пехоты фронт стабилизировался.

Появление под Севастополем этих войск оказалось определено решением генерал-майора И.Е. Петрова об отходе его армии в Севастополь с тем, чтобы защитить Главную базу флота. Приморская армия совершила переход к южному берегу Крыма, т.к. прямой путь был перерезан. Несмотря на серьезные потери, армия сохранила свою целостность и структуру. Ее командование и руководство базы уже 5 ноября взялись за реорганизацию осажденного гарнизона. Заново были созданы четыре сектора обороны. С подходом Приморской армии советские позиции из цепочки отдельных опорных пунктов превратились в линию сплошной обороны, а мелкие морские подразделения вошли в состав частей армии. Под одним началом оказалась артиллерийская группировка СОР, состоявшая из армейской и береговой артиллерии [7]. Ее общая численность составила 432 орудия и миномета.

Когда 30-й корпус немцев 11 ноября 1941 г. замкнул кольцо осады с юга, атаки врага возобновились по всему фронту. Но проведенные в СОР мероприятия по укреплению и реорганизации обороны дали свой результат. Противник сумел добиться успеха лишь на южном участке, где 72-я пехотная дивизия оттеснила остатки советских 40-й и 42-й кавалерийских дивизий к Балаклаве. 14–15 ноября по немцам нанесла контрудар 172-я стрелковая дивизия, и к 21–22 ноября фронт стабилизировался [8].

Прекращение немецкого наступления позволило Военному совету СОР предпринять меры для повышения устойчивости обороны Севастополя. Продолжилась реорганизация войск, направленная на укрупнение соединений. Совершенствовались укрепления, в осажденном городе было развернуто производство боеприпасов, минометов, различных видов амуниции. Вместе с тем проведенные штабом Приморской армии проверки выявили недостатки в организации обороны, взаимодействия с артиллерией, боевого охранения и войсковой разведки [9]. Затруднения

возникали с пополнением личным составом и боеприпасами – тыл флота не обладал необходимыми ресурсами, они выделялись Закавказским фронтом. Но СОР продолжал подчиняться Ставке ВГК, и для отправки в Севастополь даже небольшого подкрепления требовалось распоряжение из Москвы. Так, за ноябрь Приморская армия была пополнена четырьмя маршевыми ротами.

Лишь с начала декабря поток войск и грузов, направленных в Севастополь, увеличился. Прибыли 24 роты маршевого пополнения и 388-я стрелковая дивизия, накапливались боеприпасы. Но усиление Приморской армии, по замыслу Ставки ВГК, было связано не с укреплением обороны, а с подготовкой освобождения Крыма, в ходе которого войска Приморской армии должны были нанести вспомогательный удар.

Противник также не сидел сложа руки и, подтянув подкрепления, 17 декабря 1941 г. нанес удар по Севастополю на стыке 3-го и 4-го секторов СОР. Атаки противника, особенно на этом участке, оказались для Военного совета оборонительного района полной неожиданностью. Дислокация резервов, свидетельства Н.И. Крылова, И.А. Ласкина и других участников обороны указывают, что его ждали на юге, в 1-м секторе [10]. Но Э. Манштейн выбрал в качестве главного именно северо-восточное направление, позволявшее выйти к Севастопольской бухте. 17–19 декабря немцам удалось вклиниться в советскую оборону. Положение Приморской армии осложнялось нехваткой боеприпасов и продовольствия, исчерпанием резервов, выходом из строя части артиллерии [11].

Обо всем этом Военный совет СОР доложил Ф.С. Октябрьскому в Новороссийск и И.В. Сталину в Москву вечером 19 декабря 1941 г. На следующий день Ф.С. Октябрьский убыл в Севастополь во главе отряда кораблей с 79-й морской стрелковой бригадой на борту, за ней была доставлена 345-я стрелковая дивизия. К тому времени дивизии 11-й немецкой армии понесли тяжелые потери, ее резервы были израсходованы. Тем не менее даже после начала Керченско-Феодосийской десантной операции Э. Манштейн пытался продолжить наступление, стремясь, по крайней мере, прорваться к Северной бухте. Только после неудачных боев 28–31 декабря немцы прекратили штурм. В декабрьских боях они лишились до 40 тыс. человек. Приморская армия из 75 тыс. человек своего состава потеряла около 23 тыс. человек, из которых более половины составляли раненые [12].

Успешная высадка советских войск в Керчи и Феодосии зимой 1941–1942 гг. дала надежду на снятие осады с Севастополя. Но одновременно это отвлекло ресурсы флота на поддержку и снабжение Крымского фронта. В результате с января по май 1942 г. СОР получил 80 тыс. т грузов, что оказалось примерно вдвое меньше необходимого [13]. Одновременно в Приморскую армию из штаба Крымского фронта шли распоряжения о переходе в наступление. Соответственно, гарнизон Севастополя не только не сумел накопить боеприпасы и резервы на случай нового штурма, но и растрачивал драгоценные ресурсы в бесплодных атаках.

После разгрома Крымского фронта в мае 1942 г. Э. Манштейн смог направить основные силы своей армии против Севастополя. К началу июня 1942 г. его осаждали 30-й и 54-й немецкие и румынский горный корпусы в составе девяти дивизий – около 200 тыс. человек. План командующего 11-й армии предусматривал нанесение основного удара с севера 30-м корпусом (четыре дивизии) и вспомогательного с юго-запада 54-м корпусом (три дивизии). Общее число орудий и минометов в ней составило более 2 тыс. стволов – 208 батарей, в числе которых были 93 тяжелые и сверхтяжелые артбатареи [14]. В качестве авиационной поддержки 11-я армия получила от 4-го воздушного флота 528 самолетов, из них 339 бомбардировщиков и 127 истребителей. Авиация, наряду с артиллерией, была той ударной силой, с помощью которой Э. Манштейн надеялся сокрушить укрепления Севастополя и прервать его связь Кавказом.

К 7 июня 1942 г. войска СОР могли противопоставить осаждающим семь стрелковых дивизий, четыре бригады, три морских полка. Некомплект в них достигал 40–50 %, гарнизон насчитывал 119 тыс. человек, 455 орудий полевой и 151 орудие береговой артиллерии, 1770 минометов, 12 реактивных установок, 47 легких танка, бронепоезд, 128 самолетов (из них половина – истребители) [15]. Войска занимали две полосы обороны полевого типа и по-прежнему распределялись между четырьмя секторами. Опираясь на опыт зимнего наступления немцев и полученные разведданные, командование СОР верно определило направление главного удара врага и даже время перехода в наступление. На северном участке обороны была сосредоточена половина стрелковых соединений, единственная резервная дивизия и огонь всей армейской артиллерии.

Таким образом, по численности севастопольский гарнизон уступал противнику почти в два раза. Количество артиллерийских систем было примерно равным, но немцы имели трехкратное преимущество в тяжелых орудиях. Учитывая бесспорное превосходство врага в воздухе, создавалась угроза полного нарушения советских коммуникаций. В этом случае доставка подкрепления и боеприпасов или эвакуация защитников Севастополя стали бы невозможны. Артиллерия СОР имела от одного до шести боекомплектов, причем самой острой была нехватка боеприпасов для тяжелой артиллерии и минометов [16]. При таком положении дел вероятность удержания Главной базы Черноморского флота была невелика. Но 28 мая С.М. Буденный, озвучив решение Ставки ВГК, прямо указал Военному совету СОР, что «переправы на кавказский берег не будет» [17].

Началу третьего штурма предшествовали активные атаки люфтваффе по коммуникациям Севастополя и позициям советских войск. Развернувшись в конце мая, они 2–6 июня превратились в массированное воздушное наступление, немецкие летчики совершили более 3 тыс. вылетов. На протяжении этих дней велась и артиллерийская подготовка. 7 июня 1942 г. на стыке 3-го и 4-го секторов перешел в наступление 54-й армейский корпус немцев. За два дня кровопролитных боев врагу удалось вклиниться в оборону 172-й стрелковой дивизии лишь на 2–3 км,

но от дивизии остался полк неполного состава. Поэтому в бой была введена резервная 345-я стрелковая дивизия, которая на период 9–11 июня остановила продвижение 54-го корпуса. Одновременно фланги образовавшегося прорыва атаковала 7-я бригада морской пехоты и другие подразделения, но восстановить положение им не удалось.

Воспользовавшись ослаблением южного участка обороны Севастополя, 30-й немецкий армейский корпус усилил атаки в 1-м и 2-м секторах и сумел выйти к Балаклавской бухте и Федюхиным высотам. Не ослабевал и натиск 54-го корпуса, солдаты которого сумели окружить важнейший советский опорный пункт на Северной стороне – 30-ю береговую батарею [18]. Попытки наших войск 17–18 июня контратаковать были безуспешными.

Севастопольский плацдарм сжался настолько, что его было невозможно оборонять. Потери наших войск составили 7 тыс. убитыми и 14 тыс. ранеными, прибывшие пополнения покрыли лишь 20 % убыли. Оказалось сложным восполнить расход боеприпасов (удалось доставить лишь треть от необходимого) и потерю стрелкового вооружения [19]. Но даже в таких критических условиях Военный совет СОР не решился просить штаб Северо-Кавказского фронта и Ставку ВГК об эвакуации «в силу действовавших приказов и личных указаний Верховного главнокомандующего» [20]. Напротив, Ф.С. Октябрьский по-прежнему требовал доставки подкреплений, хотя они уже не могли переломить ход борьбы. В ночь на 29 июня северный и центральный участки фронта Приморской армии были прорваны, и 30 июня сопротивление врагу оказывали лишь разрозненные советские части. Управление войсками оказалось потеряно [21].

Утром 30 июня 1942 г. вице-адмирал Ф.С. Октябрьский донес командующему Северо-Кавказским фронтом о том, что «оставшиеся войска сильно устали, ярко выражая апатию. Резко увеличилось количество самоутечки, хотя большинство продолжает героически драться… в таком положении мы продержимся максимум два–три дня» [22]. Поэтому командующий СОР просил С.М. Буденного ходатайствовать перед Ставкой ВГК об эвакуации 200–250 «ответственных работников», подразумевая руководство Черноморского флота. Вместо себя Ф.С. Октябрьский предлагал оставить И.Е. Петрова. В тот же день И.В. Сталин и Н.Г. Кузнецов одобрили это предложение, но к вечеру Военный совет гарнизона решил перебраться на Кавказ в полном составе и вывести высший начсостав. В ночь на 1 июля руководители обороны покинули осажденный Севастополь на самолетах и двух подлодках [23].

Трагедия последних дней Севастопольской обороны заключалась в том, что до последнего момента эвакуация войск не предусматривалась ни руководством СОР, ни командованием Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота. Организовать ее быстро было невозможно. А после убытия на Кавказ командования гарнизона крепости в местах предполагаемой посадки воцарился полный хаос, который усугублялся неослабевающим натиском противника.

Тем не менее попытки вывезти хотя бы часть обороняющихся были предприняты. В ночь на 1 июля 1942 г. Севастополь покинули 34 катера и портовых судна, но лишь половина из них достигла Кавказа. В ту же ночь в Севастополь и обратно совершили полет 12 гидросамолетов, а из Новороссийска были отправлены 4 тральщика и 10 сторожевых катеров [24]. В последний раз шесть катеров МО-4 подходили к мысу Херсонес в ночь на 6 июля, однако они подобрали в море лишь нескольких человек. Всего 1–10 июля на Кавказ прибыло 1726 человек, в основном из числа командования СОР. В предыдущие дни третьего штурма было эвакуировано почти 17 тыс. человек, в большинстве своем раненых [25].

Между тем попытка командира 109-й дивизии П.Г. Новикова, оставшегося в Севастополе старшим, задержать врага на подступах к мысу Херсонес провалилась. В ночь на 2 июля он попытался достичь Кавказа на одном из катеров МО-4. Однако тот был перехвачен в районе Ялты немцами и потоплен после ожесточенного боя. Генерал-майор Новиков получил ранение и попал в плен. Последними днями организованного сопротивления в районе мыса Херсонес и 35-й береговой батареи (где скопилась основная масса защитников Севастополя, а оставшиеся командиры сумели создать временный Военный совет) стали 2 и 3 июля 1942 г. [26]. Другим узлом обороны продолжал оставаться мыс Фиолент. Но к исходу 2 июля немцы уничтожили его, а утром 4 июля прорвались на мыс Херсонес. Эта дата считается последним днем обороны Севастополя. Тем не менее всю первую декаду июля немцы продолжали очищать берег от мелких групп сопротивлявшихся советских бойцов и командиров.

За взятие Севастополя оккупанты заплатили высокую цену. Их потери в ходе заключительного штурма составили 35,5 тыс. человек (из них 8,5 тыс. – румыны) [27]. Но противнику в итоге удалось реализовать свои замыслы и ликвидировать последний оплот советской обороны в Крыму. Это существенно изменило баланс сил на Черноморском театре военных действий и высвободило значительные силы для продолжения кампании 1942 г.

Потери СОР оказались существенно выше: из 130 тыс. участников последнего этапа обороны от гибели и вражеского плена было спасено менее 20 тыс. человек. А ведь, по словам И.Е. Петрова, это были бойцы частей, создание которых «дело большой трудности и большого времени» [28]. Что же до спасения руководителей СОР, то это событие и с морально-этической, и с рациональной точек зрения не получило однозначной оценки. Гарнизон города представлял собой крепко спаянный военный организм, который накопил большой опыт оборонительных боев, опирался на развитую систему укреплений и инфраструктуру базы, отличался высоким боевым духом. Оборона Севастополя постоянно совершенствовалась, однако не была лишена недостатков. Ее самыми уязвимыми местами оказались связь с «Большой землей», ограниченные возможности тыла и малочисленность авиационной группировки.

А главным было то, что защитники Севастополя имели возможность лишь сдерживать натиск врага. Разгромить его и снять осаду можно было только извне.

Примечания

1. Колонтаев К. Морская пехота Черноморского флота в боях за Севастополь 1941–1942 и 1944 гг. URL: http://www.grafskaya.com/article (дата обращения: 06.03.2016).

2. Морозов М.Э. Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942. М., 2007. С. 136.

3. Лето 1941. Украина: Документы и материалы. Хроника событий. Киев, 1991. С. 318.

4. Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942: Хроника героической обороны. Кн. 1. Киев, 1995. С. 56.

5. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1996. С. 276.

6. Дмитришин И.П. По зову памяти. М., 1973. С. 39.

7. Рыжи Н.К. На севастопольских рубежах // У черноморских твердынь: Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. М., 1967. С. 153.

8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 288. Оп. 9900. Д. 11. Л. 60–61.

9. ЦАМО РФ. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 4. Л. 108, 122.

10. Ласкин И.А. На пути к перелому. М., 1977. С. 72; Крылов Н.И. Не померкнет никогда. М., 1984. С. 351.

11. ЦАМО РФ. Ф. 216. Оп. 1142. Д. 2. Л. 127, 132.

12. Ванеев Г.И. Указ. соч. Кн. 1. С. 210–211.

13. Морозов М.Э., Кузнецов А.Я. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. Краткий курс боевых действий. М., 2015. С. 126.

14. Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999. С. 280–282.

15. Ванеев Г.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 156–157.

16. Итоговый отчет по боевой деятельности Черноморского флота за время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Оборона Севастополя. Б.м., 1946. Л. 541–542.

17. Басов А.В. «Севастополь придется оставить...» // Родина. 1996. № 7–8. С. 97.

18. Мусьянов П.И. Подвиг тридцатой батареи. М., 1969. С. 116.

19. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 13. Л. 83–84.

20. Масорин В. Черноморский флот в боях за Родину // Морской сборник. 2005. № 5. С. 41.

21. Моргунов П.А. Героический Севастополь. М., 1979. С. 446.

22. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). М., 1996. С. 522.

23. Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1987. С. 182.

24. Азаров И.И. Непобежденные. М., 1973. С. 280.

25. Ванеев Г.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 251.

26. Маношин И.С. Героическая трагедия. Симферополь, 2001. С. 13–14.

27. Nitu V. Manstein's Romanians in the Crimea. URL: http://www.feldgrau.com/articles/html_3 (дата обращения: 21.03.2016).

28. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 4. Л. 176.

И.Е. Татаринов

«За мной! За Родину! Вперед!» Малоизвестные страницы обороны Ворошиловграда в июле 1942 г.

В истории Сталинградской битвы видное место занимают события лета 1942 г., предшествовавшие этому грандиозному сражению. Советские войска, несмотря на тяжелые потери и последующее отступление к Волге, оказывали героическое сопротивление немецким войскам и их союзникам. Особое место занимают сражения на завершающем этапе Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции на ее южном фланге. Данная проблематика достаточно полно нашла свое отображение в отечественной и отчасти зарубежной историографии. В то же время отдельные моменты пока еще остаются мало исследованы специалистами. К таким недостаточно изученным событиям относятся страницы обороны Ворошиловграда (ныне – Луганска) в июле 1942 г.

После неудачи под Москвой перед немецким командованием встал вопрос о стратегии дальнейших действий: наступать или перейти к активной обороне. В вермахте склонялись к наступательным действиям, что и нашло отражение в плане летней кампании 1942 г. на Восточном фронте, изложенном в директиве верховного главнокомандования вермахта № 41 от 5 апреля 1942 г. Главной целью на Восточном фронте ставился окончательный разгром советских войск на юге СССР, овладение нефтяными районами Кавказа, сельскохозяйственными районами Дона и Кубани, нарушение коммуникаций, связывающих центр страны с Кавказом, и создание условий для окончания войны в свою пользу [1]. В продолжение данной директивы Гитлер подписывает план «Блау», по которому вермахт, первоначально наступая в направлении на Воронеж, должен был ввести командование РККА в заблуждение относительно конечной цели наступления и сковать советские резервы в районе Москвы. Затем неожиданным и быстрым поворотом войск вдоль Дона на юг Гитлер планировал захватить Донбасс и, наступая 6-й и 4-й танковыми армиями на Сталинград и Кавказ, овладеть нефтяным районом Кавказа, Ростовом-на-Дону, блокировав у Сталинграда коммуникации по Волге. В противодействие этому войска Сталинградского, Воронежского и Южного фронтов запланировали Воронежско-Ворошиловградскую оборонительную операцию.

Противник сосредоточил на южном крыле Восточного фронта 96 дивизий, в том числе 10 танковых и 8 моторизованных. В их составе имелось 900 тыс. человек, 1260 танков и штурмовых орудий, более 17 тыс. орудий и минометов, 1640 боевых самолетов. Воздушное прикрытие осуществляли 1200 самолетов 4-го воздушного флота под командованием В. фон Рихтгофена. По словам маршала А. Василевского, к июлю 1942 г. наступавшим немецким войскам противостояли 1715 тыс. советских солдат, 2300 танков, 16500 орудий и минометов, но всего 758 боевых самолетов.

Только Юго-Западный фронт имел в своем составе 5 танковых корпусов, 3 из которых еще не участвовали в боях, и 13 отдельных танковых бригад. Непосредственное участие в сражении с советской стороны приняли 74 стрелковые дивизии, 6 танковых корпусов, 37 танковых бригад, 6 укрепрайонов и Донской отряд Азовской военной флотилии общей численностью 1310 тыс. человек [2].

8 июля 1-я танковая армия Клейста нанесла удар из района Славянск – Артемовск через реку Донец, а 17-я армия – от Артемовска на Ворошиловград. Утром 8 июля наступавшие с севера немецкие части захватили Ольховатку и овладели плацдармами на южном берегу реки Чёрная Калитва, целясь на Кантемировку. Советской 28-й армии не удалось организовать оборону на рубеже Чёрной Калитвы, и они отошли на юго-восток, увеличивая разрыв с соседней 38-й армией (командующий – генерал-майор К. Москаленко). Через эту брешь противник двинулся на юг – из Россоши на Кантемировку и из Ольховатки – на Каменку. Вечером 9 июля К. Москаленко под угрозой окружения, не имея связи с вышестоящим командованием, принял решение на отвод дивизий 38-й армии на восток и развертывание их фронтом на север в районе Кантемировки. Однако немецкие части, обойдя Кантемировку с востока, к исходу 11 июля охватили основные силы Юго-Западного фронта с северо-востока и востока. Сутки спустя 1-я танковая армия Э. фон Клейста на широком фронте переправилась через реку Айдар южнее Старобельска и 14 июля приблизилась к Миллерово. Сюда же выдвигались основные силы 4-й танковой армии. Одновременно 17-я армия своим северным флангом достигла Ворошиловграда [3]. Таким образом, создавалась угроза окружения Ворошиловграда с запада, севера и северо-запада.

На ворошиловградском направлении оборону держал 220-й стрелковый полк 4-й стрелковой дивизии (комдив – Герой Советского Союза генерал-майор И. Рослый) 12-й армии генерал-майора А. Гречко со штабом в городе Серго (ныне – город Стаханов). Кроме этого, имелись в наличии сводные силы ворошиловградского гарнизона (начальник – полковник НКВД А. Подоляко), который состоял из 175-го и 267-го стрелковых полков 19-й дивизии войск НКВД, 30-го мотострелкового полка, 180-го стрелкового запасного полка, отдельного железнодорожного батальона и школы милиции. Согласно боевому приказу № 1 от 17 мая 1942 г., перед войсками ворошиловградского гарнизона была поставлена задача «создать прочную круговую оборону вокруг города и на подступах к нему уничтожить прорвавшегося противника». Указанным выше частям 19-й дивизии войск НКВД надлежало оборонять город Ворошиловград, опираясь на «созданные противотанковые районы, контратаками уничтожать противника, в случае вторжения в оборонительную полосу дивизии». Передний край основной полосы обороны дивизии проходил по поселку имени Стаханова, еврейскому кладбищу, Елизаветинскому и Лутовиновскому поселкам, улице Буденного, домам заводов № 60 и «ОР», улицам Восточной и Иванищев Яр [4].

Отметим, что в военно-инженерном плане город в целом был подготовлен к обороне [5]. В то же время из документов Государственного архива Луганской Народной Республики следует, что имелся ряд серьезных замечаний. В частности, в секретном плане обороны города отмечалось, что «части сводной дивизии в штатном составе не обеспечивают необходимой оперативной плотности, недостаточно усилены артсредства, что несколько ослабляет упорство обороны. Необходимо создать плотную систему огня за счет минометов, станковых пулеметов и зенитной артиллерии». В качестве ожидаемых направлений сосредоточения главных сил противника в документе отмечали следующие: «со стороны Ворошиловска могут быть с. Родаково, с. Белое, с. Сутоган. При подходе противника со стороны Красного Луча – с. Успенка, с. Георгиевское. Наиболее удобные для противника направления – с. Сабовка, с. Екатериновка, сельхозинститут, с. Петровка и пос. им. Тельмана». Кроме этого, силами инженерной службы 19-й дивизии войск НКВД (начальник – майор Ройтберг) в соответствии с административным делением на районы город был оборудован противотанковыми рвами, надолбами, эскарпами, стационарными огневыми точками и многокилометровыми проволочными заграждениями [6].

Части 4-й стрелковой дивизии занимали рубеж село Жёлтое – село Суходол и удерживали на нем противника до темноты 16 июля. На правом фланге дивизии, возле села Жёлтого, оборонялся 110-й стрелковый полк майора Щербака, левее занимал оборону 220-й стрелковый полк (подполковник Иванов), а 39-й стрелковый полк (капитан Терешков) прикрывал отход частей дивизии. Из мемуаров комдива 4-й стрелковой дивизии И. Рослого следует, что отход частей 12-й армии был предрешен еще накануне, когда генерал-майор А. Гречко получил от командующего Южным фронтом генерал-лейтенанта Р. Малиновского приказ отходить за Дон. Одновременно с этим 4-я дивизия И. Рослого должна была прикрывать отход частей 12-й армии к Дону и по просьбе секретаря Ворошиловградского обкома А. Гаевого задержать немецкие войска на несколько дней, чтобы успеть эвакуировать советско-партийный актив из Ворошиловграда и промышленное оборудование. Об этом из Ворошиловграда Р. Малиновский докладывал И. Сталину и А. Василевскому 12 июля [7]. В целом силы дивизии насчитывали около 7 тыс. человек, которым противостояли 50, 70, 117-й пехотные, 117-й артиллерийский полки, разведывательный и саперный батальоны и другие части 111-й пехотной дивизии вермахта общим числом до 9 тыс. человек [8].

Описание операции по прикрытию эвакуации Ворошиловграда и тяжелые оборонительные сражения также можно найти в мемуарах И. Рослого. В частности, он указывал, что враг начал атаку десятью танками и большим количеством пехоты с мощной авиационной поддержкой до 17 пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87». Введя в бой еще 20 танков и полк пехоты, немцы потеснили позиции 220-го стрелкового полка. И. Рослый принял решение нанести сильный артиллерийский контрудар

силами дивизиона «катюш», 40-го артиллерийского полка и минометов 220-го стрелкового полка, что позволило остановить немецкое продвижение. Однако залп реактивной артиллерии демаскировал ее позиции, чем воспользовались немецкие штурмовики, нанеся с пикирования мощные удары силами 15–17 «Юнкерс-87». К вечеру части 4-й стрелковой дивизии «выполнив свою задачу, незаметно отрывались от противника. Пересекая затемненный и притихший Ворошиловград, они уходили на юго-восток, в сторону Ростова» [9]. На следующий день, как писал А. Фадеев в «Молодой гвардии», «немцы взяли Ворошиловград 17 июля, в 2 часа дня, после ожесточенного боя на опытном сельскохозяйственном поле, где одной из армий Южного фронта был выставлен заслон, павший в этом бою с превосходящими силами противника. Оставшиеся в живых отступали с боями по линии железной дороги почти до станции Верхнедуванной, пока последний солдат не лег в донецкую землю» [10].

Отметим, что упомянутые военные инженеры 19-й дивизии войск НКВД справедливо отмечали опасность направления возле сельскохозяйственного института и села Екатериновка. Именно там немцы и нанесли решающий удар. Удар вермахта пришелся на стык советских батальонных оборонительных районов № 327 и 329. Военные инженеры войск НКВД так и не успели полностью укомплектовать их всем необходимым и обустроить надлежащим образом. В частности, незадолго до немецкого наступления на Ворошиловград помощник начальника 1-го отдела 92-го батальона управления военно-полевого строительства воентехник 1-го ранга Абрамович отметил ряд серьезных упущений. Речь шла о том, что по батальонному району № 327 «работы по сооружению противотанковых препятствий и огневых точек произведены неправильно. Противотанковые рвы отрыты вдоль русла р. Лугань, которая как препятствие не используется». По батальонному району № 329 отмечено, что «много незавершенных и разрушенных огневых точек, противотанковые рвы частью открыты, а их расположение таково, что фасы рва трудно простреливать фланговым огнем». Предлагалось «заминировать дно фаса № 49–50 и установить минные заграждения перед фасами № 48–49 и 49–51, врезать бронеколпаки для пулеметов. Стык БР № 327 и 329 возложить на отдельную роту» [11]. Как видим, имелся ряд просчетов по части строительства инженерно-оборонительных сооружений, которые не удалось своевременно устранить. В то же время приказом по Ворошиловградскому гарнизону «за добросовестное отношение к выполнению работ по оборудованию оборонительных рубежей» были представлены к наградам ряд офицеров сводной 19-й дивизии войск НКВД [12].

Части 4-й стрелковой дивизии отошли в направлении городов Шахты и Новочеркасска, ведя оборонительные бои от устья реки Маныч до станицы Ольгинской. После отступления разбитых частей РККА в Ворошиловград вошли части немецкой 111-й пехотной дивизии (командир – генерал-майор Г. Рекнагель) 17-й армии генерал-полковника Г. Руоффа.

В «Военном дневнике» Ф. Гальдера за 391-й день войны указано следующее: «Группа армий “Юг”. Противник оставил Ворошиловград. Армия Руоффа преследует отходящего на юг и юго-восток противника» [13]. Именно 17 июля 1942 г. считается официальной датой начала Сталинградского сражения, когда на рубеже рек Чир и Цимла передовые отряды 62-й и 64-й армий Сталинградского фронта встретились с авангардами 6-й немецкой армии Ф. Паулюса.

Следует заметить, что успеху германских ударных группировок способствовало абсолютное господство люфтваффе в воздухе, несмотря на использование сил четырех советских воздушных армий (2, 4, 5-й и 8-й), 29 авиадивизий и 12 отдельных авиаполков. Немецкая авиация концентрировалась на решающих участках фронта и применялась массированно, бомбардировке одновременно подвергались боевые порядки пехоты, танков, огневые позиции артиллерии, штабы, узлы и линии связи, мосты, переправы, расчищая путь бронетехнике и мотопехоте. Прекрасно были налажены взаимодействие с пехотой и корректировка целей. Вот как описан налет люфтваффе на прикрывавшую Ворошиловград 4-ю стрелковую дивизию И. Рослого: «С запада появились три группы бомбардировщиков. Как только самолеты стали приближаться к нашему переднему краю, серия зеленых ракет, выпущенных пехотой противника в нашу сторону, указала им цели. К сожалению, мы не смогли помешать “юнкерсам” произвести прицельное бомбометание. Мало было у нас зенитной артиллерии, да и своих самолетов-истребителей над полем боя не оказалось. Вражеские летчики действовали не торопясь, выбирали цель и пикировали на нее с высоты. Ударом с воздуха дело не ограничилось. Гитлеровцы открыли сильный артиллерийско-минометный огонь, а через четверть часа прилетели и отбомбились еще три десятка “юнкерсов”» [14].

В результате разгрома Юго-западного и Южного фронтов к середине июля стратегический рубеж советских войск на юге оказался прорванным на глубину до 400 км, что позволило противнику развернуть наступление в большой излучине Дона на Сталинград. Немцам удалось захватить Донбасс, Ростов и овладеть рядом плацдармов на левом берегу Дона. Советские войска понесли тяжелые потери: 568 347 бойцов и офицеров, в том числе около 80 тыс. пленными, 2436 танков, 13 716 орудий и минометов, 783 боевых самолета, почти полмиллиона единиц стрелкового оружия. Потери вермахта за месяц боев на всем Восточном фронте составили 91 400 человек, из них убитыми и пропавшими без вести – чуть более 19 тыс. человек [15].

Одним из самых ярких примеров героизма при обороне Ворошиловграда летом 1942 г. и одновременно вызывающим жаркие споры является полемика о личности командира, изображенного на всемирно известном фото М. Альперта «Комбат». Согласно принятой в СССР версии, снимок был сделан в степи под селом Хорошим Славяносербского района 12 июля 1942 г., где бойцы 220-го стрелкового полка 4-й стрелковой

дивизии сдерживали противника. В результате тяжелого ранения командира роты старшего лейтенанта Петренко командование взял на себя младший политрук роты Алексей Ерёменко. Когда после бомбардировки немцы пошли в очередную атаку, он, поднявшись во весь рост, со словами: «За мной! За Родину! Вперед!» повел за собой бойцов [16] и тут же был убит. По одной из версий, А. Ерёменко был убит как раз в тот момент, когда корреспондент его фотографировал. Впервые снимок был опубликован в июле 1942 г., обойдя почти все газеты СССР и даже зарубежные.

Довольно длительное время не удавалось установить личность запечатленного бойца. Сразу несколько граждан «опознали» на снимке своих родственников либо идентифицировали на нем себя. В 1970-х гг. журналистами «Комсомольской правды» и ворошиловградскими энтузиастами-поисковиками было установлено, что на знаменитом фото изображен уроженец села Терсянка Вольнянского района Запорожской области Алексей Гордеевич Ерёменко. По фотографии погибшего политрука также опознал сын – Иван Алексеевич Ерёменко. Чтобы снять все вопросы, он обратился в Москву в Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, приложив к снимку «Комбат» 3 фотографии отца разных лет накануне войны. В результате проведенной экспертизы был составлен акт экспертного исследования от 15 сентября 2008 г. за подписью главного эксперта, профессора А.М. Зимина. Он гласил, что «…результаты проведения сравнительного исследования позволяют констатировать, что совпадающие признаки образуют индивидуальную совокупность, достаточную для вывода о том, что на фото № 1 и фото №№ 2–4 изображено одно и то же лицо» [17].

В то же время следует отметить, что документальные данные вносят некоторую сумятицу. Так, по данным Центрального архива министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), младший политрук А.Г. Ерёменко числился пропавшим без вести в январе 1942 г. [18]. Некоторые исследователи утверждали, что на фотографии М. Альперта изображен младший лейтенант погранвойск НКВД или стрелковой дивизии НКВД, но никак не политрук. В качестве аргументов приводились данные, что на фото видно в середине петлицы «Комбата» один квадратик или «кубик» («кубарь»), а выше у края петлицы – эмблему в виде двух скрещенных винтовок на фоне мишени [19]. В то же время после повышения контрастности фотографии становится виден второй «кубик», который оказался в тени и из-за этого незаметен на менее качественных экземплярах фото. Тоже относится и к эмблеме в петлице в виде двух скрещенных винтовок на мишени, которую якобы носили только военнослужащие пограничных войск НКВД и стрелковых дивизий НКВД. С 1 января 1941 г. эта эмблема стала распространяться и на все пехотные части РККА. Таким образом, с высокой долей вероятности можно утверждать, что на фото М. Альперта «Комбат» действительно

изображен младший политрук Алексей Гордеевич Ерёменко, героически погибший при обороне Ворошиловграда в июле 1942 г., похороненный в братской могиле у села Хорошего Славяносербского района.

Одновременно с описываемым выше событием произошел еще один из ярких эпизодов обороны Ворошиловграда. Речь идет о бое 13 июля у станции Родаково бронепоезда ОБ-2 «За Родину!» с передовыми немецкими частями, наступавшими на Ворошиловград. 15 июля на разъезде 61-го километра между станциями Родаково и Меловая он подвергся массированному налету пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87». Успешно отразив первую атаку, ОБ-2 «За Родину!» продолжал обстреливать наступающие немецкие части, отразив второй налет «юнкерсов». В результате третьего налета, где участвовало уже более 30 «Юнкерс-87», бронепоезд получил серьезные попадания в машинное отделение и был лишен возможности маневрировать. Разбитыми оказались артиллерийская платформа и платформа противовоздушной обороны, платформы прикрытия и склад боеприпасов. В то же время ОБ-2 «За Родину!» продолжал вести прицельный огонь из уцелевших пушек и пулеметов. В виду невозможности устранить разрушения бронепоезда и железнодорожного полотна, было принято решение под огнем противника вывести с бронепоезда команду. Специальная эвакуационная команда в ночь на 16 июля демонтировала и вывезла в тыл уцелевшее вооружение, взорвав оставшуюся материальную часть и отойдя к Ворошиловграду. Это героическое сражение происходило на глазах у советских пехотинцев, которые позже спросили оставшихся в живых членов экипажа: «Неужели на бронепоезде кто-либо остался жив?» [20].

Таким образом, введение в научный оборот новых данных и обращение к малоизвестным страницам истории обороны Ворошиловграда июля 1942 г. позволит дополнить героическую летопись победы в Великой Отечественной войне и закрыть некоторые «белые пятна» в ее истории.

Примечания

1. Бегинин О. Сталинградская битва. URL: http://gorod.tomsk.ru/index-1233582386.php (дата обращения: 10.04.2016).
2. Бешанов В. Год 1942 – «учебный». Минск, 2003. С. 255.
3. Там же. С. 279.
4. Государственный архив Луганской Народной Республики (далее – ГАЛНР). Ф. 179. Оп. 3. Д. 80. Л. 9–10.
5. ГАЛНР. Ф. 179. Оп. 3. Д. 81. Л. 1–8.
6. ГАЛНР. Ф. 179. Оп. 3. Д. 80. Л. 2–3, 14
7. ЦАМО. Ф. 96-а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 146–150.
8. Рослый И. Последний привал – в Берлине. М., 1983. С. 68.
9. Там же. С. 73–74.
10. Фадеев А. Молодая гвардия. М., 1947. С. 54.
11. ГАЛНР. Ф. 179. Оп. 3. Д. 83. Л. 15–16, 27.
12. ГАЛНР. Ф. 179. Оп. 3. Д. 83. Л. 25.
13. Гальдер Ф. Военный дневник (июнь 1941 – сентябрь 1942). М.; Владимир, 2010. С. 657.

14. Рослый И. Последний привал– в Берлине. С. 72.
15. Бешанов В. Год 1942– «учебный». С. 285.
16. Лебедев Б. Комбат // Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 147–148.
17. Клименко Н. Судьба «Комбата». URL: http://h.ua/story/359724/ (дата обращения: 10.04.2016).
18. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 595608. Д. 6.
19. Веремеев Ю. Фальшивая слава (история одной фотографии). URL: http://army.armor.kiev.ua/hist/kombat.shtml (дата обращения: 10.04.2016).
20. Снегирев В. Бронированный бронтозавр или как бронепоезд «За Родину!» воевал на луганских железных дорогах // Жизнь Луганска. 2008. № 9 (425). 11 марта.

В.И. Афанасенко

К вопросу о состоянии Ростовского оборонительного района и обстоятельствах его прорыва 22–23 июля 1942 г.[1]

На начальном этапе Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. –18 ноября 1942 г.) полевые оборонительные районы Красной армии имели широкое распространение. Они занимали по фронту от 50 до 100 и более км оборудованного рубежа и представляли собой расположенные в линию батальонные районы обороны с сильным инженерно-техническим обеспечением в виде эскарпов, противотанковых рвов, проволочных и надолбовых заграждений, минных полей комбинированного типа, ДОТов, ДЗОТов, бронеколпаков, укрытий (блиндажей, землянок), траншей и стрелковых ячеек, соединенных ходами сообщения. К числу таких полевых рубежей относился и Ростовский оборонительный район (далее – РОР).

РОР занимал участок на правом берегу реки Дон протяженностью 155 км по фронту и 20–30 км в глубину, опоясывая с северо-востока, севера и запада города Ростов-на-Дону и Новочеркасск. Территория РОРа представляет собой степную холмистую местность с отметками высот в 80–120 м, изрезанную речными долинами, балками, оврагами, с небольшим количеством искусственных насаждений (рощи, лесополосы, колхозные сады), что затрудняло укрытие и маскировку войск и техники от наземного и воздушного наблюдения, а также скрытый маневр в ходе боевых действий. За исключением городов Ростова-на-Дону и Новочеркасска остальные населенные пункты – станицы, села и хутора – располагались в лощинах, балках и речных долинах с целью укрытия от господствующих ветров. Такое расположение делало затруднительным превращение сел и хуторов в опорные пункты обороны, поскольку с окружающих высот они просматривались и простреливались

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

насквозь. Немногочисленность маловодных родников и некачественная вода в реках Кривой, Тузлове, Донском Чулеке создавали проблему снабжения войск питьевой водой в летнее время при температурах до +35… +40 °С. Дорожная сеть представляла собою три профилированных шоссе: с запада Таганрог – Самбек – Ростов-на-Дону; с севера – Сталино (ныне – Донецк) – Несветай – Ростов-на-Дону; с северо-востока – Москва – Новочеркасск – Ростов-на-Дону. Все населенные пункты были связаны между собою грунтованными проселочными дорогами без искусственного покрытия. Рокадные дороги при сухой погоде обеспечивали маневр войсками и техникой из глубины РОРа и вдоль фронта на любой из атакованных участков в темное время суток, а днем – под прикрытием авиации и средств ПВО.

Ростовский оборонительный район начал создаваться осенью 1941 г. силами инженерно-саперных частей и подразделений СКВО с широким привлечением гражданского населения города и области. В период с 20 октября по 20 ноября 1941 г. этот рубеж был использован войсками 56-й Отдельной армии при отражении немецкого наступления на Ростов. В боях с 23 по 29 ноября 1941 г. на этом рубеже действовали соединения 3-го моторизованного корпуса 1-й танковой армии вермахта. Восстановлением разрушенных в ходе боев оборонительных сооружений Ростовского обвода после освобождения города 29 ноября фактически никто не занимался, несмотря на близость фронта. Это вызвало тревогу в Москве. 15 января 1942 г. секретарю Ростовского обкома ВКП(б) Б.А. Двинскому и Военному совету Южного фронта поступила директива Ставки Верховного Главного командования, в которой, в частности, говорилось: «Учитывая важность работ по созданию рубежей для обороны Ростова, товарищ Сталин требует от Ростовского обкома ВКП(б) и Ростовского облисполкома принять все необходимые меры по обеспечению рабочей силой для полного окончания работ по ростовским обводам. По поручению Ставки Верховного Главнокомандования – заместитель начальника Генерального штаба РККА Василевский» [1].

В течение февраля – июня 1942 г. были восстановлены противотанковые рвы и эскарпы на рубеже «Г», отрыты и оборудованы рвами и эскарпами рубежи «А» и «Тыловой», установлено и забетонировано свыше 80 ДОТов. Силами войск второго эшелона и резервными частями и соединениями в это же время оборудованы батальонные районы обороны для полевого заполнения войсками. Главная позиция Ростовского укрепрайона начиналась на берегу Дона у хутора Нижний Жук, шла до станицы Кривянской, огибала окраины Новочеркасска с востока и с севера по реке Мокрой Кадамовке, далее вдоль правого берега реки Тузлов, фронтом на север, через хутора Татарский, Грушевский, Каменный Брод, Несветай, севернее Генеральского. От южной окраины села Генеральского главная позиция резко поворачивала на юг, по восточным скатам балок Каменной, Донской Чулек, по западной окраине станции Хапры до реки Мертвый Донец. Эта позиция называлась рубеж «Г» и по всей

полосе была оборудована противотанковым рвом и эскарпами, прикрыта проволочными заграждениями, противотанковыми и противопехотными минными полями, траншеями и одиночными окопами, основными и запасными огневыми позициями для орудий противотанковой обороны, минометов и станковых пулеметов, 47 бетонированными и бронированными ДОТами, наблюдательными и командными пунктами, укрытиями для личного состава (блиндажами, землянками) в составе взводных и ротных опорных пунктов в системе батальонных районов обороны общей глубиной до 3–4 км.

Второй оборонительный рубеж – рубеж «А» – располагался в 5–12 км восточнее и южнее рубежа «Г» и проходил от разъезда Александровка на реке Аксай через Раковку, по балке Камышевахе до села Красный Крым, далее, через высоту 86,9, по восточным склонам балки Чалтырской до восточной окраины хутора Калинина. Рубеж «А» также был оборудован противотанковым рвом и эскарпами, прикрыт проволочным заграждением, надолбами, фугасами, противотанковыми и противопехотными минными полями, а также 25 железобетонными ДОТами.

От восточной окраины станицы Аксайской, через овцесовхоз, села Мясникован, Ленинован, хутор Семерниково проходил тыловой оборонительный рубеж, также оборудованный эскарпами и противотанковым рвом, фугасами, комбинированными минными полями и 13 железобетонными ДОТами. Четвертый – городской – оборонительный обвод проходил непосредственно по восточным, северным и западным окраинам города Ростова-на-Дону. Он имел сплошной противотанковый ров, проволочные и минно-взрывные заграждения, надолбы и баррикады на основных магистралях.

К 20 июля 1942 г. два оборонительных обвода – рубежи «Г» и «А» – были заняты специальными соединениями: 70-м и 158-м укрепленными районами (далее – УРы) в составе 12 отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов (далее – опаб), 6 отдельных огнеметно-траншейных рот и 2 рот связи общей численностью в 8878 бойцов и командиров. 70-й УР (комендант – подполковник Д.В. Гордеев, начальник штаба – подполковник Н.О. Павловский) оборонял восточный сектор РОРа. Силами 371, 372, 374-го опаб и 158-й отдельной огнеметной роты он занимал рубеж «Г» от северной окраины Новочеркасска до хутора Сердюкова. 6, 9-й и 10-й опаб занимали рубеж «А» от разъезда Александровского до хутора Труд (высота 86,9). Граница слева проходила по станице Аксайской, кургану в 2 км западнее хутора Щепкина, хуторам Сердюкову и Петровскому [2]. 158-й УР (комендант – подполковник П.В. Косоногов, начальник штаба – полковник Д.И. Рыбин) оборонял западный сектор РОРа. Силами 373, 375, 376, 377, 378-го опаб, 80, 81, 82-й и 83-й отдельных траншейно-огнеметных рот он занимал рубеж «Г» в полосе от хутора Сердюкова до западной окраины станции Хапры. 15-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон занимал рубеж «А», перехватывая железную и шоссейную дороги Ростов-на-Дону – Таганрог. Каждый

из опаб на рубеже «Г» занимал фронт в 6–7 км, имея в своей полосе от 4 до 8 ДОТов [3]. Состав частей 70-го УРа (штаб – станица Аксайская) и 158-го УРа (штаб – село Султан-Салы) приводится в таблице 1.

Таблица 1

Состав частей 70-го и 158-го УРов на 20 июля 1942 г. [4]

Части	Человек	Винтовок	Автоматов	Лошадей	Автомобилей	Пулеметов		Пушек		Минометов		ПТР
						Станковых	Ручных	76 мм	45 мм	82 мм	50 мм	
70 УР	**3274**	**1737**	**70**	**518**	**7**	**161**	**135**	**39**	**41**	**40**	**40**	**140**
6 опаб	659	163	22	97	1	32	27	7	9	8	8	28
9 опаб	652	223	12	97	1	33	27	8	8	8	8	28
371 опаб	654	461	12	107	3	32	27	8	8	8	8	28
372 опаб	647	440	12	100	1	32	27	8	8	8	8	28
374 опаб	662	450	12	117	1	32	27	8	8	8	8	28
158 УР	**4638**	**3015**	**41**	**979**	**42**	**216**	**149**	**55**	**56**	**56**	**56**	**196**
10 опаб	665	361	6	119	6	31		8	8	8	8	28
156 опаб	665	359	5	161	6	31		7	5	8	8	28
373 опаб	656	432	6	155	6	31	30	8	10	8	8	28
375 опаб	666	414	6	130	6	30	29	8	8	8	8	28
376 опаб	654	423	6	116	6	31	30	8	8	8	8	28
377 опаб	675	592	6	176	6	31	30	8	9	8	8	28
378 опаб	657	434	6	122	6	31	30	8	8	8	8	28

56-я армия к началу боев на рубежах РОРа насчитывала 107 826 человек личного состава, в том числе в боевых частях – 81 469 человек. На вооружении армия имела 1453 ручных и 695 станковых пулеметов, 558 минометов калибра 82 мм и 120 мм, 264 пушки калибра 76,2 мм и выше [5]. Противотанковые заграждения главной полосы обороны 56-й армии состояли из 7 км противотанковых рвов, 16 км эскарпов и минных полей, на которых было установлено около 73 тыс. противотанковых мин. Перед передним краем главной полосы обороны было построено 40 км проволочного забора и установлено свыше 43 тыс. противопехотных мин. На промежуточном армейском оборонительном рубеже было выкопано около 5 км противотанковых рвов. Ширина полосы обороны армии составляла 93 км, общая глубина обороны – 15–23 км. Штаб армии к 20 июля располагался в штольне северного берега речки Темерник, в поселке Каменоломни, на северной окраине Ростова-на-Дону.

К вечеру 21 июля передовые части 17-й полевой и 1-й танковой армий группы армий «А», преследуя арьергарды 12, 18, 37-й и 56-й армий Южного фронта, вышли к переднему краю РОРа с запада, севера и северо-востока. Для решающего штурма Ростова-на-Дону командование группы армий «А» сосредоточило основные силы 17-й полевой армии и 3-й моторизованный корпус 1-й танковой армии – до 17 дивизий с частями усиления, свыше 200 тыс. солдат и офицеров, около 500 танков и самоходно-артиллерийских установок, до 3500 орудий и минометов. Общее превосходство противника составило: в живой силе – 2:1; в танках – абсолютное (500:15); в артиллерии и минометах – 6:1.

В течение вечера и ночи с 21 на 22 июля немцы небольшими группами пехоты и танков «прощупывали» передний край обороны 56-й армии, вели пристрелку артиллерийских и минометных батарей. Саперы противника делали проходы в минных полях рубежа «Г» РОРа, подрывали склоны эскарпов и противотанковых рвов, готовя проходы для танков. Авиация 8-го авиакорпуса пикирующих бомбардировщиков генерала люфтваффе Фибига бомбила переправы через Дон, скопления войск, боевой техники, эвакуируемые колонны сельхозтехники, гурты колхозного скота, толпы беженцев, штабы и огневые позиции артиллерии, зенитные батареи, прикрывавшие переправы [6].

56-я армия к рассвету 22 июля занимала рубеж «Г» РОРа вместе с 7 опаб 70-го и 158-го УРов. С 6 часов утра на позиции 76-й морской стрелковой бригады с рубежа Генеральское – Александровка в направлении Султан-Салы начал наступление 57-й танковый корпус противника силами до 200 танков с мотопехотой. Прорвав фронт в стыке 76-й бригады и 30-й Иркутско-Чонгарской стрелковой дивизии, к 9 часам утра 50 вражеских танков и полк мотопехоты овладели селом Красный Крым. К 10 ч около 70 немецких танков прорвалось по дороге из села Генеральского на Султан-Салы.

Одновременно с 6 ч утра до 150 танков противника начали переправу через противотанковый ров, стены которого были подорваны саперами, на участке 158-го УРа в районе совхоза Междорожного и балки Каменной, на стыке 376-го и 373-го опаб. К 8 ч около 100 танков противника стали расстреливать прямой наводкой советские ДОТы и орудийные площадки. По переднему краю обороны также наносили бомбоштурмовые удары пикирующие бомбардировщики «Ю-87» [7].

Первая, а затем вторая и третья танковые атаки были отбиты. Советские войска уничтожили и сожгли 32 немецких танка и 15 грузовых автомашин с пехотой. Тогда противник подверг рубеж обороны сильной бомбежке с воздуха и артиллерийско-минометному обстрелу. В 9:30 свыше 60 танков противника, «проутюжив» линию обороны 339-й Ростовской стрелковой дивизии, двинулись в направлении Ростова-на-Дону.

В 9:48 около 200 вражеских танков прорвали правый фланг 256-го стрелкового полка 30-й стрелковой дивизии. Большая часть танков

прошла на Султан-Салы, а 53 танка повернули на огневые позиции 4-й батареи 2-го дивизиона 59-го артиллерийского полка. В ходе неравного боя, уничтожив 17 танков, 5 легковых и 22 грузовые автомашины, личный состав и материальная часть батареи были уничтожены противником. К 10:20 на поле боя остались подбитыми и уничтоженными до 50 танков, 40 грузовиков с пехотой противника. В 11:40 свыше 50 танков с автоматчиками стали огибать правый фланг полка. Завязался ожесточенный бой. Атаки противника были отбиты. На поле боя осталось до 15 танков и до 600 солдат противника.

После неудавшейся атаки участок 256-го стрелкового полка подвергся яростной бомбежке 60 самолетов люфтваффе. Во время налета стрелковым огнем сбит один самолет противника. Командир 30-й стрелковой дивизии выдвинул к правому флангу 256-го полка батарею противотанковых орудий и 4-ю роту собак – истребителей танков с задачей не допустить окружения дивизии. Противотанковый опорный пункт 373-го опаб открыл огонь из всех орудий и уничтожил 29 танков. 5 расчетов противотанковых ружей сожгли 6 танков. Все противотанковые орудия 3-й батареи 373-го опаб были разбиты прямыми попаданиями снарядов. Подойдя на расстояние в 15–20 м, фашистские танки в амбразуры расстреляли бойцов и начальствующий состав шести блиндажей. В упор танки во время боя расстреляли батарею 3-й роты, уничтожили две пушки 4-й роты, две пушки 2-й роты. 3-я и 4-я батареи были уничтожены минометным огнем [8]. В итоге противник прорвал линию обороны 256-го стрелкового полка.

За 16 часов непрерывного боя 22 июля противник потерял в полосе обороны 30-й стрелковой дивизии до 3500 солдат и офицеров, подбитыми и сгоревшими до 80 танков и самоходно-артиллерийских установок, 3 бронемашины, 40 автомашин, 4 мотоцикла с пулеметными колясками, 6 орудий, 7 минометов, 18 пулеметов, 3 боевых самолета. Значительного боевого успеха достигла 3-я рота собак – истребителей танков капитана Иванча: 56 собак, обвешанных пакетами взрывчатки со штыревым взрывателем, в течение нескольких минут подорвали 24 немецких танка [9].

Огромными были и потери 30-й стрелковой дивизии в личном составе и материальной части, особенно в 256-м стрелковом полку [10]. В момент прорыва колонны 76-й отдельной морской стрелковой бригады из балки Темерник в направлении северо-восточной окраины Ростова-на-Дону уникальный залп сделали расчеты боевых установок 14-го гвардейского минометного дивизиона моряков капитана 3-го ранга А.П. Москвина. Колонна танков и бронетранспортеров противника с мотопехотой двигалась по дороге к селу Мясникован, чтобы отрезать и уничтожить остатки 76-й бригады. Дорога шла вдоль северного берега речки Темерник, и вражеская колонна оказалась в «мертвой зоне» – направляющие реактивных снарядов боевых установок имели больший угол возвышения. Все решали

минуты. И тогда командир 1-й батареи старший лейтенант А.Ш. Бериашвили отдал приказ: выдвинуть машины вперед, съехать по откосу берега так, чтобы направляющие стали горизонтально к воде, и произвести залп по окутанной клубами пыли колонне. Огненные клубки разрывов реактивных мин накрыли вражескую колонну. Когда дым и пыль немного рассеялись, гвардейцы Москвина увидели 11 пылавших танков и 8 машин, а также остатки колонны, поспешно отходившей в балку в районе нынешней улицы Беляева в микрорайоне Северном Ростова-на-Дону. Командующий армией генерал А.И. Рыжов поздравил минометчиков Москвина с этой победой.

Подведем итоги. РОР к началу активных боевых действий за город представлял собой хорошо оборудованный полевой укрепленный район с развитой системой инженерно-технических сооружений, противотанковых и противопехотных заграждений, с постоянными гарнизонами 70-го и 158-го УРов на двух основных обводах. При заполнении РОРа полевыми войсками не менее 6–8 дивизий, с артиллерийским усилением и противотанковым резервом, преодолеть такую оборону сходу, без подготовки, было невозможно.

Враг использовал свое подавляющее преимущество в танках и авиации, сконцентрировал в двух локальных точках прорыва по 200–250 танков и штурмовых орудий, сотни орудий и минометов, подразделения саперов с подрывными зарядами для разрушения стенок противотанковых рвов и эскарпов, штурмовые группы с дымовыми минами и шашками для ослепления и с ранцевыми огнеметами для сжигания гарнизонов ДОТов.

Несмотря на массовое мужество личного состава 70-го и 158-го УРов, частей 56-й армии, врагу удалось в течение двух суток прорвать три рубежа РОРа и ворваться в город. Из 5530 воинов 158-го УРа после боев за Ростов уцелело всего 12 человек [11]. Потери 56-й армии превысили 100 тыс. человек [12].

Примечания

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 72. Л. 370.
2. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 66. Л. 43.
3. ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 5. Л. 143.
4. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 763. Д. 18. Л. 14–15.
5. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 287. Д. 9. Л. 79–80.
6. ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 5. Л. 112–114.
7. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 47. Л. 186.
8. Афанасенко В.И. Собаки-истребители и другие эпизоды войны // Донской временник. Год 2008-й. Ростов н/Д, 2007. С. 138–139.
9. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 287. Д. 37. Л. 45.
10. ЦАМО РФ. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–10.
11. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 720. Д. 84. Л. 414.
12. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 15. Л. 274.

Б.И. Оленский

Первый этап оборонительных боев на Северном Кавказе

Наиболее знаковым сражением первого этапа оборонительных боев на Северном Кавказе (1–17 августа 1942 г.) явилась Краснодарская оборонительная операция (7–14 августа того же года). Однако в силу ряда субъективных причин это сражение остались в тени знаковых боев Великой Отечественной войны.

Попытки задержать противника на левом берегу Дона и выбить врага из Батайска положительных результатов не дали. Только под хутором Усть-Койсугом и станицей Кагальницкой 30-й стрелковой дивизии удалось на короткое время отбить противника. В журнале боевых действий 198-й немецкой пехотной дивизии за 28 июля события описывались следующим образом: «Погоня за арьергардом противника продолжалась 25 километров, пока в Кагальницкой не встретилась с сильным сопротивлением русских. В спешке 2-й и 3-й батальоны 305-го егерского полка выдвинулись вперед. Однако и им не удалось сломить сильного сопротивления противника. Командир 305-го егерского полка решил лично взять на себя командование ударной группы. Ночью со своими батальонами под Кагальницкой балкой к рассвету обошел противника с северо-востока. Разгорелся ожесточенный уличный бой от дома к дому. В панике некоторые русские стали сдаваться в плен, а основная масса противника отошла к юго-востоку» [1].

В этот же день состоялось окончательное формирование Северо-Кавказского фронта во главе с маршалом Советского Союза Семеном Михайловичем Буденным [2]. Выход противника на оперативный простор значительно осложнил ситуацию. Свои выводы маршал Буденный изложил еще 27 июля в директиве № 4198. В районе реки Кубань планировалось организовать подвижную оборону, а главным оборонительным рубежом предполагалось сделать Главный Кавказский хребет [3]. Эти же соображения он повторил по прямому проводу генералу Тихомирову, который по заданию Сталина следил за положением дел на Северном Кавказе [4]. Таким образом, учитывая превосходство врага, серьезных сражений в равнинной части Кубани и Ставрополья Буденный не предполагал.

Ставка оказалась перед тяжелым выбором: защищать каждую пядь родной земли или принять во внимание предложение командующего фронтом об оставлении большей части Краснодарского и Ставропольского краев без серьезного сопротивления. К тому же 28 июля Сталиным был подписан приказ № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций». Между тем морально-психологическое состояние войск вызывало серьезные опасения. Член Военного совета Северо-Кавказского фронта Л.М. Каганович, обращаясь к Сталину, 13 августа 1942 г. писал:

«Танкобоязнь и настроения безнадежности борьбы с танками противника захватили даже часть работников штаба фронта. Это подтверждается тем, что стоит противнику приблизиться и прорвать линию (обороны) хоть 5 танками, положение представлялось сразу же безнадежным, и серьезных мер для ликвидации такого прорыва не принимается» [5].

Ставка директивой № 170 548 от 3 августа 1942 г. пыталась стабилизировать фронт. Донской группе была передана 12-я армия и разрозненные части бывшего Южного фронта, отходившие в район Армавира [6]. Однако стремительный прорыв механизированных частей 57-го корпуса 1-й танковой армии вермахта в район Армавира расстроил первоначальные планы советского командования. 12-я армия потеряла связь с Донской группой и вошла в подчинение Приморской группе.

С 6 по 17 августа 1942 г. силами 12, 18-й и 56-й общевойсковых, 4-й и 5-й воздушных армий, 1-го отдельного стрелкового и 17-го кавалерийского корпусов, а также различных разрозненных частей и соединений бывшего Южного фронта проводилась Армавиро-Майкопская оборонительная операция. Уже в первых числах августа Ставке стал понятен замысел врага. 5 августа противник, захватив механизированными соединениями 1-й танковой армии Кропоткин и крупный железнодорожный узел – станцию Кавказскую, подошел к городу Армавиру и повернул на запад, угрожая направиться на Туапсе и к Новороссийску. В этих условиях Ставка в своей директиве № 170 564 от 5 августа обратила внимание командующих войсками Северо-Кавказского фронта и Черноморским флотом на необходимость усиления обороны Майкопа, Туапсе и Новороссийска: «В связи с создавшейся обстановкой самым опасным для Северо-Кавказского фронта и Черноморского побережья в данный момент является направление от Майкопа на Туапсе. С выходом противника в район Туапсе 47-я армия и все войска фронта, находящиеся в районе Краснодара (56-я армия), окажутся отрезанными и попадут в плен» [7].

6 августа после авиационной подготовки в наступление перешли 2 танковые, 3 моторизованные и 1 легкопехотная дивизии 1-й танковой армии противника. В ходе ожесточенных боев с 6 по 8 августа в районах Новомихайловской, Армавира и Советской, несмотря на героическое сопротивление малочисленных частей и соединений, войска 12-й армии и 1-го отдельного стрелкового корпуса были вынуждены оставить Армавир и отойти на рубеж Новокрасный – Михайловская и реки Лабы.

В погоне за главными силами Северо-Кавказского фронта немецкое командование разработало план их разгрома в равнинной части Краснодарского края. 5-й армейский корпус должен был прорвать Краснодарский обвод, захватить Краснодар и переправы через Кубань, а затем, перерезав пути отступления главных сил Приморской группы, разгромить их. Для этих целей противником была разработана боевая операция под кодовым названием «Разбег» [8].

Таким образом, становится ясно, что немецкое командование планировало двумя концентрическими ударами с востока и севера 5 августа

приступить к осуществлению своего плана. Для этих целей 125-я и 198-я пехотные дивизии вновь передавались в распоряжение командования 5-го армейского корпуса с задачей нанести удар по Краснодарскому обводу с востока и северо-востока, а ударным группам 9-й и 73-й егерских дивизий, посаженным на машины тыловых частей, – прорвать обвод с севера и северо-запада. Этим ударным группам предписывалось не ввязываться в затяжные боестолкновения с мелкими группами противника, молниеносно ворваться в город и захватить западные и восточные переправы, чтобы обеспечить беспрепятственное продвижение основных сил корпуса на левый берег Кубани.

После батайских сражений 56-я армия была отведена на Краснодарский обвод в обескровленном состоянии. 339-я стрелковая дивизия насчитывала 1 тыс. бойцов и командиров [9], а 349-я дивизия подошла к Краснодару численностью в 1500 человек без боеприпасов. К 6 августа она получила пополнение – 3449 бойцов и командиров, 4487 винтовок, 17 пулеметов, 123 автомата, 76 минометов, 11 сорокопяток [10]. Лишь 30-я стрелковая дивизия не утратила боеспособности и насчитывала 5600 человек. Являясь самым боеспособным соединением армии, она шла в ее арьергарде и заняла оборонительный рубеж на обводе лишь с 6 на 7 августа.

Краснодар готовился к отражению врага. В первую очередь за счет местных ресурсов было произведено пополнение дивизий личным составом, оружием и боеприпасами. За короткий срок в дивизии поступил 13 761 боец 1924–1925 гг. рождения и 4765 военнослужащих запаса [11].

В Краснодаре была сформирована дивизия народного ополчения, состоявшая из бойцов истребительных батальонов и работников милиции. В соответствии с планом обороны города командование дивизии для вооружения личного состава должно было получить 1 тыс. винтовок у частей 56-й армии. Но они так и не были получены [12].

На случай прорыва противника в город и к переправам сюда был направлен 174-й отдельный инженерный батальон, весь наличный флот Кубано-Донского речного пароходства [13], дивизионы и полки РГК «катюш» и артиллерии ПВО. Кроме этого 3 августа сюда был переброшен отряд кораблей Азовской военной флотилии, состоявший из 2 отрядов заграждения и 5 сторожевых катеров. На следующий день сюда было переброшено еще 4 бронекатера. Возглавил группировку член военного совета фронта контр-адмирал И.С. Исаков.

Нависла серьезная угроза прорыва врага к побережью Чёрного моря. Эта ситуация очень беспокоила Ставку ВГК. Для противодействия планам врага командование Северо-Кавказским фронтом доложило в Ставку свои предложения по обороне Приморского направления. В донесении № 00619/оп 1 августа 1942 г. указывалось: «Положение на фронте продолжает оставаться тяжелым. 31.7 противник овладел (районом) Сальск, Песчанокопское, Кущёвская, Александровка. Определяются основные усилия его в армавирском и тихорецком направлениях…

Состояние войск 37, 12 и 18-й армий, сильно ослабленных и недостаточно материально обеспеченных, заставляет немедленно создавать фронт обороны по реке Кубань и далее на Прохладный, увязывая его с рубежом обороны Закавказского фронта. Свободных сил для этого у нас нет… Этими частями будет занята оборона на широком фронте по реке Кубань от Армавира, до Ладожской. Участки фронта Прохладной, Армавир и Ладожская. Темрюк, а также направление Элиста, устье реки Волга остаются не прикрытыми.

Организовать оборону Краснодара в данный момент можно только за счет ослабления 47-й армии на Таманском полуострове…

На Краснодарский обвод выдвинуть 32-ю гв. сд. Формирование восьми сд. для СКФ будет закончено к 13 августа» [14].

Мероприятия командования фронтом успехом не увенчались. Разработанный план, а вместе с ним и фронт Приморской группы рухнул. Разрозненные части 12-й, 18-й армий, остатки 1-го отдельного стрелкового корпуса после сдачи в плен его командира М.М. Шаповалова и другие соединения группы были деморализованы и без приказа отступали. Все дороги к предгорьям были забиты отступавшими войсками и беженцами. Характеризуя складывавшуюся обстановку, Л.М. Каганович докладывал Сталину: «Необходимо сказать, что приказы командования фронтом выполняются плохо, и при этом безбожно развито вранье, в результате последние дни отступление не удалось остановить, и мы потеряли Майкоп, борьба идет уже внутри города Краснодара. Правда, необходимо прямо сказать, что, если бы не принятые меры, Краснодар был бы давно захвачен противником без борьбы» [15].

Основная нагрузка в этих боях легла на соединения 56-й армии, принявшие участие в Краснодарской оборонительной операции. Она стала самой продолжительной и стойкой на первом этапе Северо-Кавказской оборонительной операции. Первые бои на Краснодарском обводе и непосредственно на улицах Краснодара начались уже 7 августа и завершились только 14 августа 1942 г. Необходимость сражений в Краснодаре и его пригородах диктовалась потребностью как можно дольше задержать врага на краснодарском рубеже и сорвать планы врага: «Военный Совет армии требует оборудовать и создать жесткую оборону, поднять почетную роль защитников города Краснодара. Ни одного шагу назад. Всех паникеров и трусов расстреливать как предателей Родины… Всеми усилиями, мужеством разбить врага на подступах к городу…» [16].

О боях за Краснодар подробно рассказывают ежедневные донесения командования 56-й армии и входивших в нее стрелковых дивизий [17]. Так, в уличных боях воины 30-й стрелковой дивизии нанесли противнику ощутимый урон: «В этих ожесточенных боях противник потерял: 4840 солдат и офицеров, 63 танка, 3 бронемашины, 108 автомашин, 108 верховых лошадей, 2 мотоцикла, самолет Ю-88. Захвачено трофеи: 5 автомашин, 3 мотоцикла, много имущества связи, документов, автоматов, винтовок и обмундирования. А с учетом действий РС

противник потерял в живой силе более 8000 солдат и офицеров и до 95 танков» [18].

А.А. Гречко вспоминал: «Противник был вынужден бросить в бой дополнительно до полка пехоты, эскадрон конницы и 50 танков. Советские воины не только отразили яростные атаки врага, но сами перешли в контратаку и к 17 часам 10 августа в уличных боях освободили большую часть города. И только 12 августа, после ожесточенных боев, наши войска по приказу командования оставили Краснодар» [19].

Однако ситуация для 56-й армии осложнилась в связи с оголением ее тыла частями 17-го кавалерийского корпуса. Военный совет Северо-Кавказского фронта отмечал в своем постановлении: «Прорыв противника в районе Хадыженской произошел исключительно по вине командования 17-го кавалерийского корпуса генерал-майора Кириченко… так как прикрытие направления Белореченская, Хадыженская было возложено на (него). В течение 12–16 августа 1942 г. командование корпуса не выполнило ряд задач: а) допустило прорыв противника на участке Ханская – Великое; б) не уничтожило противника в районе Гурийское, Кабардинская, несмотря на полученные указания дважды» [20].

Но несмотря на это до 14 августа попытки противника захватить плацдармы на левом берегу реки Кубань в районе Краснодара решительно пресекались. И только теперь, когда угроза окружения и уничтожения Приморской группы была уже не актуальна, прикрываясь арьергардами, 56-я армия отошла в предгорья Кавказа, всего на 59–60 км от города, где и остановила противника. С этого рубежа в январе 1943 г. армия начала свое наступление по изгнанию врага с кубанской земли. Краснодарская оборонительная операция положила начало ожесточенному сопротивлению советских войск на Северном Кавказе.

Примечания

1. Якобсен Г.А. Вторая мировая война в летописи и документах 1939–1945. М., 1995. С. 32.

2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 97. Л. 266, 267.

3. ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3412. Д. 779. Л. 352–362.

4. ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 162–165.

5. Каганович Л.М. Памятные записки. Ч. 2. URL: http://stalinism.ru/elektronnaya-biblioteka/pamyatnye-zapiski-chast-ii.html?showall=1&limitstart= (дата обращения: 12.04.2016).

6. ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 72. Л. 197.

7. ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 242.

8. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий. Кн. 1. 2-е изд. Краснодар, 2011. С. 385.

9. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 45. Т. 3. Л. 6.

10. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 45. Т. 3. Л. 5, 10.

11. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 397. Л. 66; Д. 381. Л. 18–25.

12. ЦДНИКК. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 324. Л. 14–15.

13. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-796. Оп. 1. Л. 10–19.
14. ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3412. Д. 770. Л. 345, 346.
15. Каганович Л.М. Указ. соч.
16. ЦАМО РФ. Ф. 412. Д. 34. Т. 2. Оп. 10 282. Л. 3.
17. ЦАМО РФ. Ф. 412. Т. 3. Оп. 10 282. Д. 45, Л. 1–7; Ф. 1172. Оп. 1; Ф. 1668. Оп. 1. Д. 71.
18. ЦАМО РФ. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 12.
19. Гречко А.А. Годы войны. М., 1976. С. 209.
20. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 759. Д. 58. Л. 1–2.

Н.Н. Апанасенко

Боевые действия на территории Аксайского района как составная часть Ростовской наступательной операции 1943 г.

1943 г. в истории Великой Отечественной войны был ознаменован стратегической победой под Сталинградом. Одним из результатов этой победы явилась и Ростовская наступательная операция Южного фронта с целью освобождения Ростова-на-Дону. В ходе этой операции боевые действия затронули значительную часть территории Ростовской области. В том числе велись они и на территории современного Аксайского района Ростовской области.

Для быстрого захвата Ростова советским командованием создавалась специальная механизированная группа войск под названием «Дон». Командовать этими войсками было поручено генерал-лейтенанту П.А. Ротмистрову.

Части именно этой группировки в январе 1943 г. вели боевые действия на территориях современных Багаевского и Аксайского районов. Наступление начали 18 января 1943 г. Из-за нехватки горюче-смазочных материалов первоначально была задействована лишь часть имевшихся войск. Эту группу возглавил полковник Егоров.

В ночь на 19 января отряд Егорова, следуя по маршруту Малая Западенка – совхозы ОГПУ и имени Ленина, на рассвете 20 января вышел к Батайску. Здесь отряд разделился: пять танков Т-34 с взводом автоматчиков на броне атаковали немецкий аэродром в 1,5 км восточнее станции, а главные силы отряда атаковали станцию и поселок.

После продолжительного боя, испытывая острый недостаток боеприпасов и горючего, остатки передового отряда отошли от Батайска на 8–10 км, где в совхозах имени Ленина и имени ОГПУ заняли круговую оборону, дожидаясь подхода главных сил механизированной группы «Дон». Немцы окружили отряд Егорова и в течение двух дней пытались его ликвидировать. К 23 января у наших бойцов стали заканчиваться боеприпасы и горючее, и Егоров повел остатки своего отряда на прорыв, который в итоге удалось осуществить [1].

Также тяжелые бои на аксайской земле вел 2-й гвардейский механизированный корпус генерала К.В. Свиридова из состава той же механизированной группы «Дон». Бои развернулись в юго-восточной части Аксайского района в последней декаде января и велись с использованием тактики маневрирования. Немцы стремились постоянно контратаковать наши наступающие части. Некоторые поселки по несколько раз переходили из рук в руки. В результате шестидневных боев обескровленные части корпуса вынуждены были отступить к станице Манычской Багаевского района. Еще в течение недели шли ожесточенные бои уже на манычском рубеже [2].

Только в начале февраля 1943 г. ситуация меняется. Вновь на территории Аксайского района разгораются бои. Теперь наступление велось уже по двум направлениям. Со стороны станицы Манычской наступали части 2-й гвардейской армии, а южнее, со стороны станицы Хомутовской, в бой шли подразделения 51-й армии. Совместными усилиями двух армий в течение четырех дней удалось очистить от немцев юго-восточную часть Аксайского района. Дивизии вермахта отошли на рубеж Аксай – Новочеркасск, заняв оборонительные рубежи по правому берегу Дона [3]. Местность здесь образует естественную природную преграду. Левобережье Дона является ровной поймой на многие километры. Правый же берег, наоборот, является высоким и крутым. Именно на высотах этого берега немцы и создали оборонительные укрепления, используя ландшафт. И именно у этих рубежей наши наступающие части увязли на целую неделю.

К утру 7 февраля 1943 г. части 51-й армии, освободив перед этим станицу Ольгинскую, решили сходу атаковать и станицу Аксайскую (до 1957 г. нынешний город Аксай имел статус станицы). Немцы, предвидя такое развитие событий, были готовы к этому, поэтому атака частей армии оказалась безрезультатной. И уже с 8 февраля бои стали носить позиционный характер. Немцы создали три линии обороны. Первая проходила по железнодорожному полотну дороги Новочеркасск – Аксай. Огневые точки были врыты непосредственно в саму насыпь. Еще две линии окопов проходили по склону правого берега. Занимая господствующие высоты, немцы прекрасно просматривали и простреливали левобережье Дона на несколько километров (при хорошей погоде с аксайских бугров видны даже купола старочеркасских соборов, расположенных на расстоянии 11 км) [4]. Таким образом, наши наступающие части подвергались обстрелу с самого начала.

Атаковали в основном в лоб. Главной ударной силой были полки 87-й, 126-й стрелковых дивизий и бригады 3-го гвардейского механизированного корпуса. В конце боев к ним присоединились части 76-го укрепрайона. Артиллерия наших наступающих дивизий проводила артналеты по позициям немцев, но били в основном с закрытых позиций по площадям, поэтому эффективно подавить немецкие огневые точки артиллеристы так и не смогли [5], хотя 8 февраля для артиллерийского удара

использовали даже три установки реактивной артиллерии. В атаку наши подразделения ходили каждый день неоднократно. Удавалось даже захватывать отдельные строения на окраине станицы Аксайской. Но немцы тоже не ограничивались пассивной обороной, а контратаковали при любом подходящем случае, используя для усиления небольшое количество танков. 10 февраля в бою участвовали и наши штрафники. За сутки боев из полнокровной роты в 220 человек в строю осталось 37 [6].

Потери наступающих были высокими и из-за зимних условий. С одной стороны, определенное преимущество создавало то, что реки Дон и Аксай замерзли и не нужно было преодолевать водные преграды, но, с другой стороны, из-за морозной погоды многие раненые солдаты погибали от переохлаждения. В особенно невыгодных условиях оказывались те бойцы, которые были ранены вблизи немецких позиций. Немецкие пулеметчики просто не давали санитарам подобраться к ним. Примером тому может служить история Ивана Петровича Анненкова, бойца из 3-й гвардейской дивизии. В ночь с 8 на 9 февраля 1943 г. подразделение, где служил Анненков, получило задачу захватить участок немецкой обороны между хутором Большой Лог и станцией Пчеловодная. В ходе этого боя Анненков получил ранение в голову и руку и пролежал около 10 ч на снегу, пока его не подобрали местные жители. В итоге Ивану Петровичу ампутировали обмороженные ноги и кисти рук. После войны он остался жить в поселке Реконструктор Аксайского района. Несмотря на инвалидность, работал в сельской библиотеке, имел семью и детей [7].

Следует сказать, что к моменту боев за станицу Аксайскую наши стрелковые части имели очень большой некомплект в личном составе. В полках остались в основном штабы и тылы, а тех бойцов, кто непосредственно ходил в атаки, было очень мало. Так, на 9 февраля в 87-й стрелковой дивизии числилось: в 1378-м полку активных штыков – 54, в 1379-м – 107, в 1382-м – 25 [8].

Поэтому неудивительно, что с 8 до 13 февраля многочисленные атаки наших частей не давали положительного результата. Лишь 13 февраля ситуация меняется. В этот день гвардейские корпуса 2-й гвардейской армии смогли с боем освободить Новочеркасск, что существенно изменило обстановку. После этого немцы начинают отвод основных своих войск из станицы Аксайской. Оставляют лишь отдельные заслоны, целью которых было прикрыть отход главных частей. Поэтому в ночь с 13 на 14 февраля части 51-й армии в составе 126 и 87-й стрелковых дивизий, а также 76-го укрепрайона начинают общий штурм Аксая. В ходе этого ночного боя станица Аксайская к утру 14 февраля была полностью освобождена [9].

Одновременно с боями под Аксаем шли боевые действия и на участке Аксай – Новочеркасск протяженностью 20 км. Ситуация здесь была схожей. Данный участок местности также образует естественную преграду, т.к. является продолжением высокого правого берега рек Дона и Аксая. Расположенные по высотам этого берега населенные пункты

немцы укрепили и использовали как опорные. Бои за освобождение этих поселков и хуторов вели части 2-й гвардейской армии в составе 1-го и 13-го гвардейских стрелковых корпусов. Упорные бои шли за хутор Большой Лог. Он расположен в одноименной балке недалеко от Аксая. Балка Большой Лог как бы разрезает надвое возвышенность правобережья реки Аксай и позволяет довольно удобно выйти к дорогам, ведущим в города Новочеркасск и Аксай. Поэтому немцы крепко держали этот населенный пункт.

Документы 2-й гвардейской армии довольно сухо нам повествуют об этих боях [10]. Силы, которые были привлечены для освобождения этого хутора, на бумаге выглядели очень внушительно, но в реальности все было гораздо скромнее. Так же, как и в дивизиях, штурмовавших станицу Аксайскую, в частях под Большим Логом оставалось совсем мало бойцов. К тому же атаковали, как правило, не всеми имеющимися силами, а лишь частью подразделений. Нередко из трех полков в дивизии вперед отправляли один или максимум два полка. Немцы также чутко следили за обстановкой и, когда нужно, перебрасывали подкрепления на направления, находившиеся под угрозой. Поэтому проблемой оказывалось даже преодоление первого рубежа обороны немцев, идущего по полотну железной дороги Аксай – Новочеркасск. В течение шести дней боев под Большим Логом несколько раз удавалось захватить эту насыпь, но дальнейшее продвижение захлебывалось, и приходилось оставлять и этот рубеж. Здесь же были замечены и казачьи отряды, действовавшие на стороне немцев [11].

Практически такая же картина боев складывается и возле других населенных пунктов от Большого Лога до Новочеркасска. Лобовые атаки в лучшем случае приводили к тому, что удавалось преодолеть железнодорожное полотно и зацепиться за окраину населенного пункта. Но последующие контратаки немцев восстанавливали исходное положение. Кардинально ситуация меняется лишь 13 февраля. В этот день части 13-го гвардейского стрелкового корпуса смогли освободить от немцев Новочеркасск. После этого немцы, опасаясь удара из Новочеркасска, постепенно оставляют всю линию высот от Новочеркасска до станицы Аксайской. Именно в этот день наши части занимают все населенные пункты, которые они пытались освободить практически в течение недели [12].

Как было сказано выше, итогом всего этого стало освобождение станицы Аксайской в ночь с 13 на 14 февраля. После этих боев серьезного сопротивления немцы не оказывали, и в течение 14 февраля остальная часть Аксайского района была полностью очищена от немецких войск.

Примечания

1. Афанасенко В.И. Провал «Гросс-Сталинграда» // Донской временник. Год 2009-й. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m7/0/art.aspx?art_id=416 (дата обращения: 22.04.2016).

2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 152. Оп. 40 005. Д. 113. Л. 39, 42–50.

3. «Живи в веках, великая победа» // Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 2010. С. 32.
4. Гладченко В.Д. В боях за Аксай // Победа: газета Аксайского района. 1985. 9 апреля.
5. «Живи в веках, великая победа». С. 33–36.
6. ЦАМО РФ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 14. Л. 54.
7. Гладченко В.Д. И враг отступил // Победа: газета Аксайского района. 1974. 12 февраля.
8. ЦАМО РФ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 14. Л. 52.
9. Гладченко В.Д. В боях за Аксай…
10. Журнал боевых действий 2 гв. армии. Л. 20 // 1941–1945. Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/jbd/135761590/ (дата обращения: 22.04.2016).
11. Там же. Л. 25.
12. Там же. Л. 35.

Д.Н. Санин

Егорлыкские жители в войнах XIX – начала XXI вв.

Война в массовом сознании граждан Российского государства занимает одно из важнейших мест. Это прежде всего связано с понятием защиты Родины. Для жителей Егорлыкского района и станицы Егорлыкской защита Родины началась практически со дня основания станицы в 1809 г. В 1812 г. разгорелась война с Наполеоном, и казаки станицы, не успев даже обосноваться как следует на новом месте, отправились бить французов. Одними из первых ушли на фронт казаки станицы, носившей в то время название Егорлыцкой, Фёдор Астахов и Даниил Павлов [1]. Оба донских казака, геройски сражаясь с французами, защищая Дон православный, сложили головы на поле брани. Но беда не приходит одна, вскоре казаки Егорлыкского юрта вновь отправились защищать родные рубежи, но уже в районе Кавказских гор. Кавказская война 1817–1864 гг. унесла немало жизней казаков. Участник Кавказской войны казак 20-го Донского казачьего полка бесстрашного командира войскового старшины Якова Бакланова Семён Ковалев был убит в схватке с горцами 2 июня 1847 г. [2]. В 1853 г. в бою с горцами был убит казак Фёдор Пометалкин [3]. И так одни казаки сменяли других.

Крымская война 1853–1856 гг. не обошлась без участия егорлыкских казаков. На этой войне многие из них за свои подвиги были удостоены царских наград. Федор Гриценков, урядник 4-го Донского кавалерийского полка, за отличие в разновременных делах с неприятелем и при штурме Карса 17 сентября 1855 г. был удостоен Георгиевского креста № 101 525. Казак 4-го Донского казачьего полка Фрол Рыкдюков в сражении с турками 19 ноября 1853 г. отличился в бою на Клады-Карских высотах и был награжден крестом Св. Георгия № 93 003. Казак 2-го Донского казачьего полка Алексей Шульгин за отличия в боях против противника

был отмечен двумя наградами: орденами Св. Георгия 4-й степени № 93 403 за бой 14 ноября 1853 г. под Ахалцыхом и Св. Георгия 3-й степени (№ 424) за сражение 14 июня 1854 г. в Сульче. В этом тяжелом бою казак Шульгин получил ранение [4]. При схватке с врагом 5 февраля 1855 г. Демьян Латорцев, казак 61-го Донского казачьего полка, был смертельно ранен [5]. Пётр Радимов, казак 4-го Донского казачьего полка, умер от ран после сражения 17 сентября 1855 г. при Карсе [6].

Следующим испытанием для егорлыкских казаков стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг. В ней также активно участвовали станичные казаки. Бомбардир 15-го Донского казачьего батальона Иван Гончаров, сражаясь с турками 18 и 19 июля 1877 г. при городе Еки-Загра и деревне Джураплы, получил орден Св. Георгия 4-й степени № 53 775. За «общие в войне дела с неприятелем» были награждены орденами Св. Георгия 4-й степени казак 8-го Донского казачьего полка Игнат Фёдорович Греценков (№ 70 450) и урядник того же полка Иван Васильевич Ковалев (№ 70 447) [7].

Новым испытанием для егорлыкских казаков стала Первая мировая война. Большой церковный колокол Николаевской церкви собрал многих станичников на майдан. Некоторые казаки, не ожидая команды, услышав звон колокола, начали самостоятельно готовить лошадей и снаряжение в поход. Станичный атаман зачитал приказ о мобилизации, напомнив об исторических традициях донского казачества – опоры царя и Отечества, и выразил уверенность, что каждый казак станицы будет достойно защищать империю. Громкое «ура» служивых свидетельствовало о понимании ими своей роли, о готовности с честью пронести свои знамена через любые сражения и этим доказать преданность своей Родине – России и ее государю. Затем к казакам обратился местный священник Ефремов с речью о защите веры православной. И снова речь была встречена громким «ура» [8]. Казаки обещали добраться до Берлина, навести там порядок и усмирить «басурманов», которые не посягали бы больше на веру православную.

Первыми отправились на фронт казаки Павел Беседин, Кузьма Гриценков, Петр Кириченков, Трофим Васильевич Ткачев, Трофим Григорьевич Харламов, Иосиф Никифорович Чеботарев, Ефим Матвеевич Шульгин, Еремей Курносов, Иван Пономарев, Алексей Иванович Самарсков [9]. Многие были ранены или пали геройски в бою. Федор Куричев был ранен [10], Сергей Кадацков [11] и Кузьма Пометалкин [12] – убиты. Трофим Павлов сложил голову в геройском бою [13]. Многие станичники за геройские подвиги были награждены Георгиевскими крестами и медалями. Павел Шатохин, фельдфебель лейб-гвардии Измайловского полка, награжден Георгиевскими крестами 2, 3, 4-й степени [14]. Были удостоены высоких наград Иван Ковалёв, Филипп Ютин, Александр Широков и др. [15]. Григорий Басенко стал полным Георгиевским кавалером.

Русское командование во время войны успешно применяло партизанские действия конных отрядов, специально сформированных

из состава кавалерийских частей и казачьих дивизий [16]. В таком отряде воевал станичный казак – партизан Семен Шаповалов. За внезапные вылазки в тыл врага он был удостоен Георгиевского креста 4-й степени [17].

После Первой мировой казаков ждало новое большое испытание – Гражданская война. Думали ли православные казаки о такой трагедии? Трудно сказать. Казаки-станичники, которые бок о бок сидели в грязных окопах и били германца, теперь разделились. И не на жизнь, а на смерть сошлись они в родной степи в трагическом бою 1 марта 1920 г. возле станицы Егорлыцкой [18].

После этого наступил мирный советский период, но он был недолгим. Мирную жизнь станицы и всего Егорлыкского района нарушила Великая Отечественная война. Как в 1914 г., так и в 1941 г. станичники и жители района добровольно встали на защиту своей Родины. Но если тогда казаки собирались у церкви, то теперь у здания райвоенкомата столпились сотни людей. Из окружающих хуторов подъезжали новые подводы с людьми. Если тогда перед станичниками выступали атаман и батюшка, то теперь перед собравшимися добровольцами выступил военный комиссар. Он рассказал об обстановке на фронтах, хотя и сам не знал точной ситуации на тот момент. Он сказал, что теперь от каждого человека зависит судьба Родины. Слушали внимательно, с возмущением, гневом и решимостью. Практически все были готовы хоть сейчас идти и бить врага [19], даже те, кто по возрасту не подлежал призыву. Это были участники Гражданской войны – легендарных корпусов Б.М. Думенко, С.М. Буденного, Д.П. Жлобы. Пожилые казаки готовы были бить германцев, как и в Первую мировую войну. Из значительного числа добровольцев-казаков в июле 1941 г. начали формировать кавалерийскую сотню, командование было возложено на Иосифа Сидельникова. Сотня вошла в состав формировавшегося 259-го казачьего полка 116-й добровольческой казачьей дивизии. Станичник И.И. Ермоленко стал секретарем партбюро 258-го казачьего полка [20]. Уже к 23 июля 1161 житель станицы и хуторов Егорлыкского района подал заявление с просьбой зачислить в народное ополчение. 200 казаков потребовали зачисления их в кавалерийские дивизии [21].

Боевое крещение егорлыкские казаки вместе с другими приняли под станицей Канеловской и селом Совдар 28 июля 1942 г. Одним из первых отличился немолодой казак, сержант, командир отделения учебного эскадрона 116-й Донской казачьей дивизии Кузьма Яковлевич Сердюков 1899 г.р. За проявленный подвиг в этом ночном бою он был представлен к ордену Красной Звезды. В наградном листе указывалось: «При выполнении боевого задания в ночном налете первым с отделением ворвался в станицу Совдар Краснодарского края. Лично зарубил 6 гитлеровцев и одного офицера. Забрал портфель с ценными документами. Личным примером увлекал отделение на разгром фашистских орд. Будучи тяжело раненным в голову, вывел свое отделение по приказу с боя без потерь людского и конского состава и вооружения» [22].

На протяжении всей Великой Отечественной войны жители района и станицы в различных армиях, на разных фронтах проявляли героизм и мужество. Многие удостоились правительственных наград: медалей «За боевые заслуги» – казаки П. Кудиевский, К. Сафронов, В. Карпов, В. Орлов, медали «За отвагу» – С. Беседин. Многие казаки были представлены к званию Героя Советского Союза, но по разным причинам не получили его. Приведем имена нескольких таких бойцов.

Иосиф Сидельников – вместо Золотой Звезды Героя получил орден Кутузова 3-й степени.

Иван Иванович Ткачев – 1918 г.р., сержант, командир отделения 1-й пулеметной роты 1175-го стрелкового полка 437-й стрелковой дивизии. На фронтах Отечественной войны воевал с 5 июля 1941 г., был ранен, награжден медалью «За боевые заслуги», представлен к званию Героя Советского Союза в 1944 г. за бои в Крыму.

Петр Иванович Харченко – 1921 г.р., гвардии сержант, командир орудия 260-го пушечно-артиллерийского полка 17-й гвардейской артиллерийской бригады, в РККА с 1940 г. На фронтах Отечественной войны воевал с августа 1941 г. Был награжден медалями «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги» и «За отвагу». Представлен к званию Героя Советского Союза в 1945 г. за бои по освобождению Будапешта. Поддержали награждение командир 17-й гвардейской артбригады гвардии полковник Седаш и командир 5-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва Резерва Главного командования генерал-майор Иванов. Но командующий артиллерией 2-го Украинского фронта генерал-полковник Фомин посчитал, что Харченко достоин награждения орденом Красного Знамени.

Иван Петрович Игнатенко – 1924 г.р., сержант, командир отделения 2-й стрелковой роты 413-го стрелкового полка 73-й стрелковой дивизии. На фронтах Отечественной войны воевал с 24 июля 1942 г., ранен, награжден орденом Красной Звезды. За форсирование реки Нарев сержант И.П. Игнатенко 25 сентября 1944 г. был представлен командиром 413-го стрелкового полка майором Кузнецовым к званию Героя Советского Союза.

Иван Петрович Олейников – 1923 г.р., старшина, командир орудия 333-го артиллерийского полка 152-й стрелковой дивизии. На фронтах Отечественной войны воевал с 17 марта 1942 г., был тяжело ранен, награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом Красной Звезды в 1943 г., орденом Отечественной войны 2-й степени в 1944 г. и орденом Красной Звезды в начале 1945 г. В апреле 1945 г. представлен к званию Героя Советского Союза за бои в Восточной Пруссии [23].

Всего на фронт из района ушло 9868 человек. Простой народ-труженик также внес свою лепту в победу в этой тяжелой войне. Колхозники сельхозартели «Украина» сдали 1292 тыс. рублей на постройку танковой колоны и авиационной эскадрильи «Егорлык за Родину». Пчеловод колхоза «Политотдел» Митрофан Петренко в фонд обороны внес наличными деньгами 50 тыс. рублей. Колхозница Нина Пелехова

внесла 10 тыс. рублей. И это не полный список [24]. Необходимо отметить, что некоторые казаки-станичники, как и жители района, неоднозначно относились к борьбе с фашистами. Те, кто были не довольны советской властью, служили врагу. Более 200 человек из района ушли с врагом при отступлении его войск в январе 1943 г., некоторые писали домой с войны, что гордятся службой в рядах вермахта. Егорлыкский казак Семён Ларин в письме матери сообщал: «Мы, трое – я, Головатенков Илья, Шапошников Михаил – гордимся, что ни одного дня не служили в частях Красной армии» [25].

«Афганцы» – так называют тех солдат, которые с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г., находясь в Демократической республике Афганистан, выполнял свой интернациональный долг. Более 45 егорлычан приняли участие в той войне. Это Ф. Озеров, В. Овчаров, А. Мороз, В. Молчанов, Г. Махольд, В. Строков и др. Из них трое геройски погибли в схватке с «душманами». Летчик, старший лейтенант С.В. Пешеходько награжден орденом Ленина посмертно. Прапорщик В.Д. Бондаренко награжден орденом Красной Звезды посмертно. Младший сержант Олег Казанский – медалью «За отвагу». Станичник Алексей Красников за службу в Афганистане получил орден Красной Звезды [26].

Не долог был отдых солдат, вернувшихся из Афганистана. С 1991 г. военные действия начались в самой России. Этот конфликт назовут Чеченской войной. Те, кто имел боевой опыт Афганской войны, были посланы на Кавказ улаживать чеченский конфликт. В их рядах были и егорлычане. Алексей Красников за мужество и героизм, проявленный при ликвидации незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе, был отмечен высшей наградой Родины – Золотой Звездой Героя России [27]. Эту войну прошли и призванные на действительную службу молодые ребята Егорлыкского района. Некоторые из призванных егорлычан, выполняя свой гражданский долг перед Родиной, погибли в схватке с террористами – А. Гришаев, В. Фомин, В. Жандаров. Александр Гриценко в 2001 г. по указу президента Российской Федерации получил орден Мужества посмертно [28].

Сегодня внимание к изучению различных военных действий только усиливается. Об этом дискутируют как многие ученые, так и представители общественных объединений. При разном политическом строе, в разные эпохи егорлыкские жители готовы идти на защиту своей Родины – России.

Примечания

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 344. Оп. 1. Д. 1028. Л. 218–219об.
2. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 594. Л. 136об.
3. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 1028. Л. 14.
4. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 794. Л. 38–38об.
5. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 794. Л. 41об.
6. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 794. Л. 164об.
7. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 4223. Л. 90–90об., 294об.

8. Первая мировая война 1914–1917 гг. Великая Октябрьская Социалистическая революция и гражданская война 1917–1922 гг. Ч. 2. Ростов н/Д, 1990. С. 3–4.
9. Донские областные ведомости (далее – ДОВ). 1915. № 38. 17 февраля.
10. ДОВ. 1915. № 29. 6 февраля.
11. ДОВ. 1915. № 33. 10 февраля.
12. ДОВ. 1914. № 234. 14 октября.
13. ДОВ. 1915. № 86. 17 апреля.
14. Егорлыкский историко-краеведческий музей. Экспозиция. Архивная справка Центрального государственного военно-исторического архива. 1956. 9 сентября № Ш-87.
15. Егорлыкский историко-краеведческий музей. Рукописные воспоминания. Научно-вспомогательный фонд.
16. Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов н/Д, 2003. С. 158.
17. Санин Д.Н. Казаки станицы Егорлыкской в Первой мировой войне: воспоминания, фотографии и другие источники // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы Всеросс. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014. С. 178.
18. Егорлыкский историко-краеведческий музей. Воспоминания участников Гражданской войны.
19. К 50-летию Победы над фашистской Германией. Ч. 3. Ростов н/Д, 1990. С. 2.
20. К празднованию дня Победы в учреждениях образования. Вып. 1. Ростов н/Д, 1994. С. 38.
21. К 50-летию Победы над фашистской Германией. Ч. 3. Ростов н/Д, 1990. С. 3.
22. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 612. Л. 555.
23. Санин Д., Щербанов В., Валухова Л. История Егорлыкского района в наградах Великой Отечественной войны – 1 // Район плюс. URL: http://raionplus.ru/egorlykskij-rajon/914-istoriya-egorlykskogo-rajona-v-nagradakh-velikoj-otechestvennoj-vojny-1 (дата обращения 10.03.2016).
24. Егорлыкский историко-краеведческий музей. Экспозиция. Стенд «Они помогли Родине».
25. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 293–294.
26. Егорлыкский историко-краеведческий музей. Научно-вспомогательный фонд.
27. Заря. Общественно-политическая газета Егорлыкского района Ростовской области. 2009. № 79. 6 мая.
28. Заря. Общественно-политическая газета Егорлыкского района Ростовской области. 2004. № 106–107. 7 августа.

О.В. Степаньян

Арутюн Асватурян – неизвестный защитник Брестской крепости

Начало Великой Отечественной войны неразрывно связано с подвигом защитников Брестской крепости. В настоящее время установлено

более 1 тыс. имен ее защитников. Известно, что на начало войны в крепости находились 6-я стрелковая дивизия в составе 10 031 бойца [1] и 42-я стрелковая дивизия в составе 44-го полка (2236 бойцов) и 455-го полка (2151 боец) [2]. Часть бойцов сумела выйти из крепости и отойти на заранее отведенные рубежи, где приняла бой 22–23 июня 1941 г. Несколько тысяч воинов, включая семьи комсостава, оставались в Брестской крепости и героически держали оборону до конца июня. Отдельные бойцы и небольшие группы смогли продержаться в крепости и вести ее защиту еще месяц – до конца июля. По всей видимости, полностью подавить сопротивление фашистам удалось к середине августа, когда крепость посетило высшее военное руководство Германии.

В числе защитников Брестской крепости сражались представители более 30 национальностей Советского Союза, среди них был и наш земляк – донской армянин Арутюн Асватурян. Анализ архивных материалов [3] показал, что он был единственным армянином, призванным на службу в Брестскую крепость из армянских сел, находящихся возле Ростова.

Родился Арутюн Карапетович Асватурян 15 февраля 1921 г. в селе Несветай Мясниковского района Ростовской области. В семье он был первенцем, надежной опорой родителям. В школе учился отлично, что позволило ему поступить в педагогический техникум (армянский) в Нахичевани (Пролетарский район города Ростова-на-Дону). В техникуме вступил в комсомол. Окончив техникум в 1940 г., получил специальность учителя русского и армянского языков начальных классов. Летом помогал родному колхозу в уборке урожая. Осенью (10–11 октября) того же года Пролетарским районным военным комиссариатом (далее – РВК) Ростова-на-Дону был призван на службу в Красную армию.

Служить попал в Брестскую крепость в 42-ю стрелковую дивизию, 455-й стрелковый полк, подразделение 43 (точной информации о назначении подразделения не найдено). Это была знаменитая дивизия, имевшая боевой опыт и отлично показавшая себя в Советско-финскую войну. Грамотность и педагогическая подготовка Арутюна позволили командованию определить его в делопроизводители (писари) при штабе полка. Осенний призыв 1940 г. привел к тому, что в 44-м и 455-м стрелковых полках 2/3 численного состава составляли призывники первого года службы с Северного Кавказа и из Средней Азии [4]. Было много уроженцев Армении, и Арутюн, отлично знавший армянский и русский языки, несомненно, был знаком с множеством бойцов и выполнял функции переводчика для командиров. На трудности в боевой подготовке 44-го и 455-го стрелковых полков, связанные с языковым барьером, указывается в ряде воспоминаний, приведенных в работе Р. Алиева и И. Рыжова [5].

По воспоминаниям сестры [6], в письмах домой Арутюн писал, что часто бывает в командировках с командирами, планирует поступить в полковую школу младших командиров, которая находилась в крепости (этажом выше штаба полка). В одном из последних писем, датируемом 15–17 июня (родители получили письмо 22 июня 1941 г.), писал о своих

планах на жизнь, переслал большую общую фотографию с сослуживцами (фотография передана сестрой Изабеллой в Музей крепости в 1975 г.). В этом письме Арутюн сообщил, что находится в крепости и готовится к планируемым учениям полка в конце июня.

Таким образом, можно предположить, что в момент начала войны Арутюн находился в Брестской крепости. Помещение, где находился штаб полка, секретная комната и жилая комната писарей, размещалось на первом этаже казармы 455-го стрелкового полка. Этот район казармы был подвергнут массивному обстрелу с первых минут боевых действий, именно в этом районе происходило сосредоточение уцелевших бойцов. С этим участком крепости связана героическая попытка освобождения Дома офицеров (здание церкви) и последующий прорыв через Трехарочные ворота. Одной из основных задач бойцов штаба полка была охрана и эвакуация секретной комнаты. В воспоминаниях бойцов есть указания, что писари располагались и ночевали в отдельной комнате возле штаба. По имеющимся воспоминаниям выживших писарей 455-го стрелкового полка, они занимались эвакуацией секретных документов, поэтому не смогли покинуть крепость, в отличие от части других подразделений этого соединения.

К сожалению, имеющаяся информация об Арутюне Асватуряне этим исчерпывается. Упоминание о нем имеется в базе данных «Память народа» Министерства обороны РФ в списке потерь по армянским селам Мясниковского района Ростовской области, составленном в 1946 г., где указано, что он пропал без вести в июне 1941 г. [7].

По информации от сотрудников Музея Брестской крепости, данных об Арутюне Асватуряне у них нет, за исключением нескольких писем – переписки с сестрой Изабеллой в середине 1970-х гг. По воспоминаниям сестры [8], Арутюн писал в своих письмах о двух сослуживцах – Давиде и Сергее из Нахичивани, которых он хорошо знал.

О последнем информация имеется в базах данных [9] и приведена ниже. Это рядовой Алексеев Сергей Григорьевич, родившийся в 1920 г. в городе Ростове-на-Дону. Был призван 11 октября 1940 г. (в один день с Арутюном) Пролетарским РВК. Служил в 455-м стрелковом полку 29 июня (июля), пленен под Барановичами. На 1985 г. был жив и, вероятно, жил в Ростове. По воспоминаниям сестры, отец Арутюна Карапет был знаком с отцом Сергея Григорием Алексеевым и передавал ему в начале 1960-х гг. довоенную фотографию его сына. К сожалению, Карапету тогда с самим Сергеем Алексеевым пообщаться не удалось или он не захотел общения.

Второй местный армянин – это Давид из Нахичивани, но о его судьбе информация в доступных источниках отсутствует.

Вероятный путь поиска информации об Арутюне Асватуряне – это запрос фильтрационных дел выживших и побывавших в плену сослуживцев Арутюна. Установлены также имена еще двух бойцов, призывавшихся в один день с Арутюном и служивших в одном полку.

Рядовой Беляев Алексей Иванович, 1921 года рождения (далее – г.р.), уроженец города Майкопа (или станицы Успенской) Краснодарского края. Призван в октябре 1940 г. Пролетарским РВК города Ростова-на-Дону, служил в 455-м стрелковом полку. Участвовал в обороне крепости, попал в плен. На 1985 г. был жив [10].

Красноармеец Посиделов Николай Иосифович, 1921 г.р., уроженец станицы Елизаветинской Азовского района Ростовской области. Призван 11 октября 1940 г. Пролетарским РВК города Ростова-на-Дону. Попал в плен 25 июля 1941 г. под Барановичами. Сведений об участии в обороне Брестской крепости нет, освобожден из плена 8 мая 1945 г. [11].

Анализ имеющихся баз данных показал, что из Ростовской области были призваны и служили в 455-м стрелковом полку в Брестской крепости еще несколько человек, оставшихся в живых после войны.

Призваны в 1939 г.: старший сержант Качалин Иван Митрофанович, 1917 г.р., уроженец хутора Сусат Семикаракорского района [12]; старшина Серпионов Иван Евстигнеевич, 1917 г.р., уроженец хутора Вислого Семикаракорского района.

Призваны в 1940 г.: сержант Трифонов Семен Семенович, 1918 г.р., уроженец села Литвиновка Белокалитвинского района [13]; рядовой Герасименко Петр Трофимович, 1921 г.р., уроженец хутора Белогорка Тарасовского района [14]; рядовой Сагунов Андрей Захарович, 1920 г.р., уроженец хутора Дробязкин Тарасовского района [15].

Вероятно, судьбу Арутюна мог знать старший писарь 455-го стрелкового полка. Это Хваталин Иван Филиппович – красноармеец, старший писарь штаба [16]. Закончил Сталинградский пединститут в 1940 г., в этом же году был призван из Сталинграда, участвовал в боях у брестских ворот. 29 июня 1941 г. попал в плен, находился в лагерях Бяла-Подляска, Петраков и Эйслебен. После освобождения из плена в апреле 1945 г. служил в рядах Советской армии. После войны И.Ф. Хваталин жил и работал в Турковском районе Саратовской области. Оставил ряд воспоминаний, имеющихся в архиве Музея героической обороны Брестской крепости. Вероятно, в момент первого обстрела крепости они могли находиться рядом.

Отец и мать надеялись, что Арутюн вернется домой в родное село Несветай, до последних дней жизни. Отец Арутюна Карапет, хотя и был непризывного возраста, летом 1943 г. добровольцем пошел на фронт и попал в пекло боев на Миус-фронте, был тяжело ранен осколком мины в ногу в одном из боев под Куйбышево при штурме немецких позиций, после многомесячного восстановления признан негодным к строевой службе. После окончания войны, когда надежд на возращение Арутюна стало с каждым годом всё меньше, в семье был объявлен траур, который продолжается по сей день.

Память об Арутюне бережно хранит его сестра Изабелла, родственники. Поиски информации о судьбе героя продолжаются. Ожидаются ответы на запросы, посланные в архив ФСБ РФ.

Автор благодарен Владимиру Ивановичу Афанасенко и Ростиславу Алиеву за помощь в поиске информации о А.К. Асватуряне и его сослуживцах.

Примечания

1. Алиев Р., Рыжов И. Брест. Июнь. Крепость. Брест, 2012. С. 12.
2. Там же. С. 43.
3. База данных «Память народа» Министерства обороны РФ. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie57458990/ (дата обращения: 12.05.2016).
4. Алиев Р., Рыжов И. Указ. соч. С. 12, 43.
5. Там же.
6. Полевые материалы автора. Респондент И.К. Арутюнова, 1933 г.р., записана в городе Ростове-на-Дону в июне 2014 г., интервьюер О.В. Степаньян.
7. База данных «Память народа» Министерства обороны РФ. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie57458990/ (дата обращения: 12.05.2016).
8. Респондент И.К. Арутюнова.
9. База данных «Память народа» Министерства обороны РФ. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie65607273 (дата обращения: 12.05.2016).
10. База данных «Память народа» Министерства обороны РФ. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie65315209 (дата обращения: 12.05.2016).
11. База данных «Память народа» Министерства обороны РФ. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie65597735 (дата обращения: 12.05.2016).
12. 455 стрелковый полк 42 СД // Русский фортификационный сайт. URL: http://fortification.ru/forum/index.php?PHPSESSID=55ueeojoc0lq75vg9j44rm0fd6&topic=4431.msg86588#msg86588 (дата обращения: 12.05.2016).
13. База данных «Память народа» Министерства обороны РФ. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie58422113 (дата обращения: 12.05.2016).
14. База данных «Память народа» Министерства обороны РФ. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie65742149 (дата обращения: 12.05.2016).
15. База данных «Память народа» Министерства обороны РФ. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen290045374 (дата обращения: 12.05.2016).
16. Брестская крепость // Огонь войны. URL: http://www.fire-of-war.ru/Brest-fortress/citadelnames_H.htm (дата обращения: 12.05.2016).

РАЗДЕЛ 2. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ФАКТОРЫ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Ш.А. Гапуров, Т.И. Гациева

Кавказская политика России в начале XIX в.

К началу XIX в. определились два ведущих направления во внешней политике России: «восточное» – борьба за укрепление своих позиций на Кавказе, на Чёрном море и на Балканах и «западное», европейское – участие России в коалиционных войнах против наполеоновской Франции [1]. По мнению Н.С. Киняпиной, в первые два десятилетия XIX в. «восточное» направление внешней политики России занимало подчиненное положение. Однако в отдельные моменты решение проблем «восточной» политики приобретало первостепенное значение. Так было в начале XIX в., когда решался вопрос о присоединении Грузии, Закавказья и переходе к активным действиям по установлению российского господства в Кабарде, Дагестане и Чечне. Эта ведущая роль «восточного» направления во внешней политике России особенно проявилась в период наместничества на Кавказе П.Д. Цицианова (1802–1806) и в целом до начала войны в Европе с наполеоновской Францией. В основе активизации «восточной» (кавказской) политики России лежали причины экономические, военно-стратегические и геополитические.

Экономический фактор имел второстепенное значение в этой политике. На первом месте стояли военно-стратегические, геополитические интересы, стремление России укрепить свои военно-политические позиции на Кавказе, не допустить превращения этого региона в антироссийский плацдарм [2]. Российское правительство понимало, что Кавказ играл чрезвычайно важную роль в установлении стабильных границ на Юге России, в проведении всей ее восточной политики [3]. «Россия боролась за Кавказ как за исключительно важную стратегическую позицию. В обстановке нарастающего международного соперничества значение этой позиции все возрастало. Она обеспечивала обладание Каспийским и Чёрным морями и юго-восточными территориями России. На этой позиции защищались жизненные интересы русского государства. Упорство борьбы за Кавказ свидетельствует о значении Кавказа для России» [4]. Р.А. Фадеев считал, что с XVI в. мысль о владычестве на Кавказе стала наследственной в русской истории [5]. По его мнению, Кавказ имел для России чрезвычайно важное военно-стратегическое значение. «Для России Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиятского материка, и стена, которою заставлена средняя

Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Чёрное и Каспийское, – писал он. – Занятие этого края было первою государственною необходимостью», которая была вызвана «великими государственными потребностями» [6].

На активизацию кавказской политики России в начале XIX в. повлиял и рост реваншистских тенденций в политике Турции и Ирана. Порта в конце XVIII – начале XIX вв. находилась в состоянии глубочайшего социально-экономического и политического кризиса [7]. Падению престижа султанской и в целом государственной власти способствовали и поражение Турции в войнах с Россией во второй половине XVIII в. Правящие круги страны надеялись укрепить государственную власть в результате захвата кавказских территорий и возвращения Крыма. Решительным сторонником войны с Россией был и султан Селим III (1789–1807). Вступив на престол, он сразу же заявил: «Денно и нощно я обращаю к Богу свое желание и мольбу о том, чтобы меч не был вложен в ножны до тех пор, пока мы не отомстили врагу (имелась в виду Россия. – *Авт.*)… Быть побежденным означает быть в Османской империи осужденным падишахом» [8].

Иран из-за феодальной смуты в стране во второй половине XVIII в. и крайнего ослабления потерял свое влияние на Кавказе. Однако в конце века в междоусобной борьбе иранских феодалов победил Ага-Мохаммед, основатель династии Каджаров. Своей главной внешнеполитической задачей Каджары ставили установление иранской власти над всем Закавказьем и частью Северного Кавказа. Первым шагом в этом направлении был поход Ага-Мохаммеда в апреле 1795 г. на Кавказ с целью подчинить Ирану все Закавказье и Дагестан, владетели которых давно уже стали фактически независимыми от Тегерана. Только решительное вмешательство России помешало тогда полному осуществлению этих планов Ирана. А.З. Ионисиани был отчасти прав, когда писал, что «Кавказская война была войной против агрессивных Ирана и Турции, с кичливой настойчивостью пытавшихся захватить весь Кавказ и поработить его» [9]. К концу XVIII – началу XIX вв. обстановка осложнилась и тем, что Кавказом к этому времени заинтересовались еще Англия и Франция, активно приступившие с середины XVIII в. к колониальному разделу Азии и Африки. А.В. Фадеев справедливо отмечал, что «завоевательная политика не являлась монополией русского царизма» [10].

Соперники России на Среднем Востоке – Иран, Турция, Англия и Франция – прекрасно осознавали стратегическую и экономическую значимость Кавказа. Колониальное соперничество между Англией и Францией, обострившееся в конце XVIII в. (в период египетского похода Наполеона Бонапарта), распространилось вскоре и на Кавказ [11]. Борьба этих держав за утверждение своего преимущественного влияния в Иране и в Турции в начале XIX в. была одновременно и борьбой за Кавказ. С помощью (и руками) Ирана и Турции англичане и французы стремились остановить процесс укрепления России на Кавказе и самим постепенно закрепиться в этом регионе. Англия пыталась создать

обширную колониальную империю на Ближнем Востоке (о чем наглядно свидетельствовало и ее яростное противодействие восточным планам Наполеона), перехватить все пути в Индию и тем самым обеспечить здесь свое безраздельное господство. Поэтому Иран, Турция и Закавказье приобретали для Англии важное значение как форпосты для борьбы против распространения экономического и политического влияния Франции и России в Передней Азии. Англия и Франция понимали, что, установив свое господство на Кавказе, Россия приобретает не только богатую и стратегически значимую территорию, но и плацдарм, откуда она может принимать активное участие в политическом соперничестве на Ближнем и Среднем Востоке [12]. Даже в моменты самого острого противостояния в Иране и Турции Англия и Франция были солидарны в одном – в антироссийской политике на Среднем Востоке, в нежелании пускать Россию на Кавказ. «Исторические факты со всей несомненностью свидетельствуют, что антирусская политика на Востоке проводилась Англией и Францией неуклонно и последовательно, независимо от их отношений в Европе» [13]. Даже подписание русско-английских и русско-французских союзнических договоров практически не влияли на соперничество этих трех держав на Среднем Востоке.

И в начале XIX в., и позже российское правительство в формировании своей кавказской политики понимало и пыталось учитывать заинтересованность западноевропейских держав, особенно Англии, в кавказских делах. «России нечего опасаться за свои владения, – считал Александр I, – пока соседями с той стороны остаются слабые народы, как персияне и турки. Но притаись где-нибудь англичане, доставь горцам артиллерию, научи их военному искусству, и тогда нам будет надо укрепляться уже на Дону. Англичане стерегут нас, не спуская глаз» [14].

Таким образом, в начале XIX в. межгосударственная борьба за Кавказ еще более обостряется – к давним, традиционным соперникам в борьбе за этот регион добавляются европейские державы – Англия и Франция. Не готовые еще (из-за занятости решением территориальных проблем в других районах мира) к тому, чтобы непосредственно вступить в борьбу за Кавказ, Англия и Франция усиленно подталкивают Турцию и Иран к войнам против России (обещая им за это военно-политическую и финансовую помощь), пытаясь помешать утверждению российской власти в этом регионе. Эта нескрываемая и с каждым днем усиливающаяся заинтересованность западноевропейских держав в кавказских делах, втягивание Кавказа в орбиту их внешнеполитических интересов явились важными причинами активизации России в этом регионе. В начале XIX в. российское правительство решило любой ценой установить свое полное господство над Кавказом, т.к. считало недопустимым какое-либо вмешательство соперничавших с ней держав в дела региона, который оно рассматривало как сферу своего влияния и намеревалось превратить в неотъемлемую часть России. Этапным шагом в реализации этой задачи явилось присоединение Восточной Грузии к России в 1801 г.

В кавказоведческой литературе утвердилось мнение, что присоединение Грузии решило и судьбу народов Северного Кавказа. Можно добавить, и всего Закавказья. Но всё это будет не совсем точно.

Есть важный концептуально-методологический принцип, согласно которому Кавказ надо рассматривать как единый культурно-исторический и геополитический регион [15]. Если исходить из этого принципа, то вырисовывается следующая картина: к началу XIX в. российское правительство принимает принципиальное решение об установлении российского господства над всем Кавказом. Исторические обстоятельства сложились так, что осуществление этой программы началось с Восточной Грузии, а затем уже стали началось покорение Северного Кавказа и остальных районов Закавказья. «После Грузии должен был наступить черед и других регионов Закавказья. В правящих кругах России созрело недвусмысленное мнение, что во "избежание будущих неудобств" российская держава должна установить свою границу с Персией на реке Аракс». «Решительное покорение Кавказа и Закавказья началось с присоединения Грузии», – отмечал А.П. Берже [17]. Но присоединение Грузии к России было бы невозможным, если бы к концу XVIII в. не укрепились значительно позиции России на Северном Кавказе. Создание Кавказской линии, подписание соглашений о подданстве с Осетией, Ингушетией, равнинной Чечней, частью дагестанских владельцев, строительство крепости Владикавказ вплотную приблизили российские границы к Грузии. Это был тот «тыл», пусть еще и ненадежный, непрочный, который позволял России приступить к присоединению Грузии. А последняя стала плацдармом, с которого российская власть стала распространяться по всему Закавказью.

Единоверная Грузия была тогда наиболее последовательным союзником России в Закавказье. Подвергающаяся постоянным нападениям со стороны Ирана и Турции, а также разорительным набегам дагестанских феодалов (в конце XVIII в. от таких набегов только Восточная Грузия ежегодно теряла от 200 до 300 семейств [18]). Грузия в последней трети XVIII столетия настойчиво просила Россию о защите и покровительстве. В 1783 г. в Георгиевске было подписано русско-грузинское соглашение о протекторате России над Восточной Грузией. К сожалению, оно не спасло ее от страшного, разорительного похода Ага-Мохаммеда Каджара в 1795 г. В 1799 г. царь Георгий XII направил в Петербург очередное посольство с ходатайством принять Грузию в российское подданство. Правда, условия, которыми Георгий XII оговаривал это подданство (16 «просительных пунктов»), больше напоминали форму протектората России над Грузией. Так, грузинский монарх просил, чтобы он и его наследники были оставлены на престоле «с титулом царей» [19].

Агрессивные замыслы Ирана и Турции, расширение интересов Англии и Франции на Средний Восток привели к тому, что царское правительство решило перейти на Кавказе к более решительным действиям. Случай для этого был теперь крайне выгодный – грузинский царь

сам просил принять его в российское подданство. Это был наиболее безболезненный вариант (с точки зрения возможной реакции Ирана и Турции) утверждения России в части Закавказья. 22 декабря 1800 г. Павел I подписал манифест (с удовлетворением всех условий Георгия XII) о присоединении Грузии к России. Однако пока грузинские послы, перевозившие этот манифест, были еще в пути, 28 декабря 1800 г. скончался Георгий XII, который по планам Петербурга, сам должен был обнародовать этот документ в Грузии. В результате манифест сперва, 18 января 1801 г., был объявлен в Петербурге, а затем, в феврале того же года, в Грузии [20]. В марте 1801 г. был убит российский император Павел I. Поскольку конкретные детали присоединения Грузии к России еще не были определены, вопрос этот на время как бы «повис в воздухе». Новый российский царь Александр I еще не определился окончательно в вопросе с Грузией, как и в кавказской политике в целом. Эти вопросы весной 1801 г. стали предметом серьезных разногласий в высших кругах государственной власти царской России.

В начале своего правления Александр I выступил как либеральный реформатор. К управлению государством были призваны близкие друзья императора, которые и составили «Негласный комитет» – своего рода совещательный орган, ставивший целью разработку плана преобразований в России, включая и новую внешнеполитическую концепцию. В состав этого комитета вошли люди незаурядные и высокообразованные: П.Р. Строганов, воспитанный во Франции, В.П. Кочубей, получивший образование в Англии, князь А.Е. Чарторыйский – «человек выдающегося ума и дарований, тонкий политик» [21], Н.Н. Новосильцев и др. Члены «Негласного комитета» были против присоединения Грузии к России, против активизации кавказского и всего восточного направления российской внешней политики, считая, что это вызовет невыгодные для страны международные осложнения. По их мнению, на данном этапе Россия должна была все свое внимание во внешней политике направить на европейские дела [22]. Эти друзья молодого императора относились «отрицательно к замыслам в Передней Азии; ссылаясь на политическую экономию, они говорят, что такие страны, как Россия, не богатеют от заморских спекуляций; персидские походы напоминают им не о добытых лаврах, а о массе жертв, походами этими поглощенных; ссылаясь на общие политические принципы императора Александра, они указывают, что присоединение Грузии свидетельствует о таком течении, которое не вяжется с задачами культурного обновления России» [23].

Государственный совет Российской империи, в котором видную роль играли титулованные крупнопоместные вельможи екатерининской эпохи – П.А. и В.А. Зубовы, Г. Голицын, П. Лопухин и др., еще при жизни Павла I на своем заседании 17 декабря 1800 г. высказался за присоединение Грузии к России, исходя из того что это необходимо не только для спасения единоверной страны, но и для обеспечения «безопасности» «собственных пределов российских» от Турции и Ирана, а также

для «обуздания» «соседственных горских народов» [24]. Как видим, здесь речь шла не только о судьбе собственно Грузии, но и о кавказской политике России в целом, в том числе и о дальнейшем отношении к северокавказским горцам. Видя такое расхождение мнений относительно кавказской политики России в высших кругах государственной власти, Александр I продолжает колебаться. Он вновь передает решение вопроса о присоединении Грузии в Государственный совет.

О серьезности разногласий по данному вопросу в российских верхах и о той значимости, которую ему придавал царизм, говорит тот факт, что Государственный совет дважды – 10 и 15 апреля – собирался на его обсуждение. На заседании 15 апреля снова было принято решение о необходимости установления российского подданства над Грузией. Анализ протокола заседания совета еще раз показывает, что здесь речь шла не только о Грузии, но и о дальнейшей политике по отношению к северокавказским горцам, об обеспечении безопасности южных границ России. «Для самой России вредно покидать Грузию. Оставленная своему жребию, земля сия сделается необходимою жертвою соседей своих и христианское в той стране владение истребится. Сие одно уже угрожает границам российским пагубнейшими следствиями… Линия же Кавказская укреплениями своими недостаточна на удержание покушений, кои рано или поздно горцы, скопившись, учинят на пределы российские, чего теперь не дерзают, не имея возможности соединиться и оставляя всегда Грузию у себя в тылу» [25]. Государственный совет не исключал, что Грузия в случае отказа России принять ее под свое подданство может быть вынуждена уйти под покровительство Турции. Это может иметь для России весьма пагубные последствия, так как Порта по религиозному признаку может объединить всех горцев против русских. И тогда «какими средствами оградить пространство восьми сот верст, – подчеркивается в протоколе совета, – где с российской стороны представляется неприятелю свободный вход в места ровные, ничем не пресекаемые, с неприятельской же – при первом шаге встречаются неприступные горы» [26]. Немаловажным совет считал и то, что с присоединением Грузии «обеспечивается полное удобство к обузданию своевольства горских народов» [27]. Исходя из всего этого, совет пришел к выводу, что «удержание Грузии под владением российским, сколько для самой той земли, столько и для пользы империи необходимо» [28].

Однако и это решение Государственного совета не заставило Александра I занять окончательную позицию по отношению к Грузии. По-прежнему против ее присоединения продолжали выступать члены «Негласного комитета». В этих условиях Александр I посылает в Грузию с инспекционной целью командующего российской армией на Кавказе генерала К.Ф. Кнорринга. Летом 1801 г. царь получает ряд донесений: графа А.А. Мусина-Пушкина, К.Ф. Кнорринга и записку В.А. Зубова с доводами в пользу присоединения Грузии [29]. Решающее значение для Александра I и Государственного совета по грузинскому вопросу имели донесения Мусина-Пушкина [30].

Граф Мусин-Пушкин был направлен в Грузию Павлом I для экономической разведки края. Изучив ситуацию в Грузии и на Кавказе в целом, он направил специальные доклады сперва Павлу I, а затем 11 июля 1801 г. – и Александру I, в которых он обосновывал необходимость и выгодность присоединения Грузии к России [31]. Он излагал следующие соображения:

«1. Присоединится земля, изобильная металлами, жатвами и скотоводством.

2. Обеспечится Кавказская линия обузданием горских народов.

3. Откроется обширное поле к торговле персидской и индийской.

4. В случае разрыва с Портою Россия могла бы со стороны Анатолии сделаться страшною как Турции, так и для Персии» [32].

Окончательное решение о присоединении Восточной Грузии или Картли-Кахетинского царства было принято на «шумном» [33] заседании Государственного совета от 8 августа 1801 г. Члены «Негласного комитета», в особенности граф В.П. Кочубей и князь А.Е. Чарторыйский, а также граф А.Р. Воронцов снова решительно выступили против принятия Грузии в российское подданство, считая, что это противоречит российским интересам [34]. «Не надо ни на минуту сомневаться: заседание это имело огромное историческое значение не потому только, что здесь окончательно решена судьба Грузии; но еще больше потому, что здесь столкнулись два мировоззрения, две политические концепции, – писал З. Авалов. – Какая из этих концепций восторжествует в данный момент в России – от чего зависело многое в грядущих судьбах Азии и Европы.

Против империализма екатерининских орлов, не щадивших ни денег, ни людей для достижения порой необходимых, порой только величественных политических замыслов, здесь выступает столь характерная для первого десятилетия царствования императора Александра культурно-гражданственное направление» [35]. Тем не менее большинство Государственного совета и на этот раз выступили за присоединение Грузии. Александр I поддержал это решение и 12 сентября 1801 г. подписал манифест об установлении российского подданства над этой страной. Колебания Петербургского двора кончились, и Россия переходила в решительное наступление на Кавказе.

Таким образом, определение основ кавказской политики России в начале XIX в. стало важной составной частью выработки общей внешнеполитической концепции страны, «борьбы между сторонниками и противниками реформ», которая «шла в самой верховной власти, порой принимая острый характер» [36].

Примечания

1. История России с древнейших времен до 1861 г. М., 2000. С. 431.

2. Рожкова М.К. Из истории экономической политики Российского царизма в Закавказье (первая половина XIX в.) // Исторические записки. 1946. № 18. С. 178; Джахиев Г.А. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Дагестан // Проблемы

социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа. М., 1978. С. 22.

3. Орлик О.В. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984. С. 14.

4. Маркова О.П. Восстание в Кахетии 1812 г. М., 1951. С. 234.

5. Фадеев Р.А. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей. СПб., 1865. С. 8.

6. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. СПб., 1860. С. 4, 15.

7. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983. С. 80.

8. Новичев А.Д. История Турции. Новое время. Л., 1968. Ч. 1. С. 17, 18.

9. Ионисиани А.З. Кавказ во внешней политике России в начале XIX в. // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Т. 37. Исторический факультет. М., 1946. С. 156.

10. Фадеев А.В. Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х гг. XIX в. // Исторические записки. М., 1955. Т. 54. С. 340.

11. Маркова О.П. Указ. соч. С. 234.

12. Брегвадзе А.И. Славная страница истории. М., 1983. С. 95; Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии: в 2 кн. Тбилиси, 1965. Кн. 2. С. 248.

13. Иониссян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. С. 12.

14. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 231. П. 15. Д. 1а-б. Л. 4.

15. Анчабадзе Ю.Д. Е.Н. Кушева и русское кавказоведение XX столетия // Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII вв. М., 1997. С. 413.

16. История внешней политики России. XVIII в. М., 1998. С. 166.

17. Берже Ад.П. Кавказская старина / сост. Н.В. Маркелов. Пятигорск, 2011. С. 18.

18. Брегвадзе А.И. Указ. соч. С. 58.

19. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 179–181.

20. Дубровин Н.Ф. Георгий XII – последний царь Грузии и присоединение ее к России. СПб., 1897. С. 189.

21. История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 32.

22. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.217.

23. Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб., 1906. С. 237.

24. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.170.

25. Внешняя политика России XIX и начала XX в.: сборник документов. Серия 1. М., 1960. Т. I. С. 25.

26. Там же. С. 26.

27. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 216.

28. Внешняя политика России XIX и начала XX в. … С. 26.

29. Там же. С. 74.

30. Романовский В.Б. Очерки истории Грузии. СПб., 1902. С. 292, 298.

31. Сургуладзе А. Прогрессивные последствия присоединения Грузии к России. Тбилиси, 1982. С. 41.

32. Романовский В.Б. Указ. соч. С. 293.

33. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 241.

34. Там же.

35. Авалов З. Указ. соч. С. 236.

36. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

П.А. Кузьминов

Адыги в противостоянии России и Турции во второй половине XIX в.: динамика изменений

«Сегодня начинается всегда...» (Н.М. Карамзин), но это «всегда» аморфно и безлико, если абстрагироваться от факторов, которые изменяют систему координат жизнедеятельности этноса в череде бесчисленных событий. С нашей точки зрения, переломным этапом в истории народов Северного Кавказа, с которого, собственно, и начинается новый период истории, являются 60-е гг. XIX в., когда закончилась Кавказская война и определился вектор развития региона и народов, его населяющих, на многие десятилетия.

Тезис 1. Северный Кавказ – имперское пограничье России и Турции, разорвавшее адыгский социум геополитическими жерновами. В XV в. крымские ханы добровольно-принудительно признали протекторат Турции. Мощное военное давление Крымского ханства на народы Северо-Западного Кавказа, частично признавшие его политическое доминирование в крае, привело к новой геополитической ситуации. Народы региона де-факто, а с точки зрения османов и де-юре, оказались в составе быстро расширяющейся Османской империи. При этом отношения между крымскими татарами и адыгами, ногайцами, карачаевцами, жителями первых казачьих станиц перманентно менялись – от мирных, союзнических, торговых до антагонистических, когда право на жизнь отстаивалось с помощью оружия. При этом подчеркнем, адыги никогда не считали себя подданными ни Крыма, ни Турции.

Осложнение отношений между Россией и Турцией в XVIII–XIX вв. активизировало османскую дипломатию, посылавшую сотни эмиссаров на Северный Кавказ, с тем чтобы горцы оказали им военную помощь. В конечном счете Турция была разгромлена, но потерять влияние на адыгов не хотела, в силу чего в решающий этап Кавказской войны (1850-е – начало 1860-х гг.) развернула активную пропагандистскую кампанию по переселению горцев в Турцию.

Под мощным давлением Российской и Османской империй произошел раскол этноса на две группы: автохтонов, оставшихся жить в Кубанской и Терской областях (примерно 150–160 тыс. человек), и махаджиров, ушедших на постоянное место жительства в пределы Турции (примерно 400–600 тыс. человек). В единоверную Османскую империю шли с надеждой на лучшую жизнь, на материальную и духовную поддержку верховного защитника всех мусульман.

Тезис 2. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в Османской империи. Переселенцы оказались в административных и социально-экономических условиях не лучших, а значительно худших, чем на родине. По мнению В.В. Дегоева, «на чужбине горцев

ждали не райские кущи, а лишения, голод, болезни. Турки не собирались играть в благотворительность. Они связывали с переселенцами совершенно определенные военно-политические и экономические планы: их руками предполагалось подавлять национально-освободительное движение в Османской империи и осваивать почти безлюдные и малоплодородные пространства Анатолии. Им не оставили иного выбора, кроме как "слиться с османлы"» [1]. О тяжелом положении горцев, оказавшихся в Турции, неоднократно сообщал русский консул в Трапезунде. В одном из писем послу он пишет, что в феврале 1865 г. Карабатыр, сын знаменитого адыгского политического деятеля Сефер-Бея Заноко [2], готовит из махаджиров делегацию депутатов «в Петербург с просьбой к его императорскому величеству о дозволении им вернуться в Россию на те места, кои им укажет наше начальство» [3]. В Сивасском вилайете Турции из недовольных нищенским положением горцев сформировался отряд абреков под предводительством Маирбека и Карт-Османа, которые грабили имения горской знати [4]. Перечисление этих фактов можно продолжать…

Вместе с тем подчеркнем, что взаимоотношения народов, особенно если рассматривать не какой-то конкретный отрезок, а значительный период времени, крайне редко бывают однозначны. Силы притяжения и отталкивания в любой социосистеме работают постоянно. На чем сфокусировать внимание? Что взять за основу анализа историку? К сожалению, приходится констатировать, что выводы ученых зачастую определяются не документальным, фактологическим материалом, а методологическими предпочтениями, модными конструктами заимствованных схем, политическими пристрастиями. Не все хорошо было и у адыгов, оставшихся в России, как не все плохо и у махаджиров в Турции [5]. Главный, ключевой вопрос заключается в том, что именно предложили правительства империй разделенному народу в качестве возможной программы его развития.

Тезис 3. Программа правительства Турции по обустройству махаджиров в пределах империи. Турецкое правительство после длительных проволочек выделило переселенцам в общинное пользование землю, конечно, не лучшую, конечно, имея в виду военный потенциал махаджиров, в качестве противовеса национально-освободительному движению славян на Балканах, конечно, в качестве охраны бесконечных границ империи. Предложили для приобщения к святой вере эфенди и мулл, поскольку считали горцев «гяурами» [6]. Предложили в соответствии с турецким законодательством платить все причитающиеся налоги и другие повинности, т.е. жить по законам Османской империи. И, главное, не выделяться нигде и ни в чем, а становиться настоящими турками, т.е., как говорилось выше, слиться с османлы.

Проект М. Кундухова, претендовавшего на роль политического лидера махаджиров, о создании особой области на пространстве между пограничным хребтом Соганлы и озером Ван для расселения выходцев

с Кавказа, был отвергнут турецким правительством. В 1868 г. Кундухов созвал более 300 представителей горских народов Сивасского вилайета и на «черкесском съезде» утвердил свод правил из 15 пунктов, который предусматривал введение в махаджирских поселениях в дополнение к действующему шариатскому и светскому уголовному законодательству особой системы штрафных и поощрительных мер.

Правительству предлагалось назначить в населенные пункты уполномоченных, которые будут следить за общественным порядком; привлечь махаджиров в местные правоохранительные органы; запретить горцам ношение оружия в общественных местах и др. Просили направить из центра квалифицированных и честных чиновников для скорейшего завершения процесса расселения махаджиров и решения их насущных проблем, включить представителей переселенцев из числа видных людей и знати в местные администрации всех уровней. При этом выражалась надежда на то, подчеркивает Г.В. Чочиев, что турецкие власти возьмут за образец управления горцами модель, реализованную в России и районе Узун-Яйла в Турции [7].

Эти конструктивные предложения, направленные на эволюционное вхождение в новое политическое пространство, вызвали негативную реакцию в правящих кругах Турции. Огромная Османская империя, раскинувшаяся от Атлантического океана до Армянского нагорья, подчинившая сотни народов, установившая административный порядок, направленный только на полное подчинение и уплату налогов в казну, была не готова к диалогу с переселенцами. Для турецких чиновников в принципе было невозможно создание особого административно-правового режима для махаджиров. В силу этого кабинет министров Турции 31 августа 1868 г. отказал по всем пунктам «устава» горцев и предложил командующему 4-й армией взять под свой контроль как ход расселения мигрантов «раздельным» способом, так и решение задачи пресечения любых их действий, направленных на получение какой-то формы автономии. Цель правительства была одна – заставить горцев забыть их этническую идентификацию, превратить переселенцев в трудолюбивых, законопослушных крестьян, вывести из подчинения своим лидерам. Добиться этого предлагалось путем более строгого исполнения существующих законов и инструкций.

Тезис 4. Категория реформ в жизни российского общества. Что же предложило российское правительство адыгам после завершения Кавказской войны? Если кратко, то целостную программу реформ, которые создавали условия для их быстрого социально-экономического и культурного развития в рамках Российской империи.

В воспоминаниях, докладах, записках, письмах военных офицеров и чиновников, служивших на Кавказе, можно найти немало полярных оценок жизни и действий горцев. В них имеются как планы тотального уничтожения «хищников», так и проекты, посвященные мирным способам включения горских народов в культурное пространство

России на основе признания «особости их понятий, нравов и обычаев» [8]. «Инаковость» жителей Северного Кавказа осознавали не только великие российские поэты и писатели (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой и др.), но и значительная группа генералов (А.П. Тормасов, Н.Н. Раевский, М.С. Воронцов, М.Т. Лорис-Меликов [9] и др.), которые определяли формы и методы сближения народов. Это проявилось в создании новой системы управления и судопроизводства, отчасти соответствующей представлениям горцев о справедливости, в отказе от повсеместной проповеди христианства, в развитии образования, взаимовыгодной торговли и т.д.

Тезис 5. Программа преобразований основных сторон жизни горских народов в 1860-е гг. Реформы, реформы, реформы… В них пересекаются надежды и разочарования, проекты великих свершений и зачастую ничтожный результат конкретных действий правительственных и местных чиновников. Почему? Однозначного ответа нет, да и не может быть по определению, но знать опыт преобразований предшествующих поколений мы обязаны [10].

Взяв курс на проведение реформ в Северо-Кавказском регионе в 1860-е гг., российская администрация обязана была учитывать особое восприятие событий горцами, их ментальность, которая во многом определяла особенности социальных, экономических и политических отношений в крае. Забегая вперед, отметим, учитывала, хотя, конечно, не всегда, предпочитая в иных случаях действовать с помощью силового давления.

В многообразии форм и методов российской колонизации и освоения социокультурного пространства горских народов крылись просчеты и достижения, ошибки и успехи. Но при всех минусах и огрехах политики России на Кавказе «системное начало, – по мнению В.В. Дегоева, – преобладало над стихийным. Опыт взаимоотношения Петербурга с кавказской периферией, основанный на объективных реалиях и горьких уроках, заставил отказаться, во-первых, от известной колониальной модели (“господствующая нация – метрополия – эксплуатируемая заморская колония”), во-вторых, от полной унитаризации империи» [11], предопределив тем самым путь реформ, учитывающих этнические особенности горцев и в то же время ориентированных на общероссийские каноны.

Реформы у народов Северного Кавказа были задуманы и проведены не горской элитой, а правительством России как серия последовательных действий, создающих новые, более прогрессивные формы социальных и правовых отношений, землепользования и землевладения в регионе. Вслед за крестьянской реформой в Центральной России, национальных окраинах, последовали соответствующие преобразования и на Северном Кавказе. В 1861–1869 гг. у народов Северного Кавказа было отменено патриархальное рабство и все формы зависимости (за исключением категории раят в Дагестане, получивших свободу только в 1913 г.).

Примечательно то, что освобождение было проведено не на основе решений Главного комитета по крестьянскому вопросу, а на основании норм обычного права горцев, сложившихся еще в Средние века, т.е. с уплатой владельцу стоимости повинностей, которых он лишался, или цены бесправных холопов, за исключением тех случаев, когда хозяин по своему желанию давал свободу рабу или зависимому по обычаю мусульман «на помин души».

Качественный скачок в эволюции социальных отношений (от рабских или полурабских, от феодально-зависимых или полузависимых к свободным гражданским отношениям, дающим простор развитию личности), совершенный под патронажем коронной администрации, создавал лучшие условия для развития материальной и духовной культуры по сравнению с дореформенной эпохой.

Землю на равнине и в предгорной полосе кавказская администрация объявила общенародной собственностью, что позволило власти провести аграрную реформу. В 1863–1875 гг. было проведено размежевание земли между отдельными представителями горской элиты, получившими участки в потомственную собственность, и аульными обществами, подчеркнем, бесплатно, в пользование. Норма обеспечения землей (от 10 до 40 десятин на двор) у адыгов была выше, чем в центральных районах России.

Смысл всякой административной реформы состоит в повышении эффективности руководства регионом. Завершение военных действий обусловило ликвидацию Кавказской линии и создание областной системы военно-гражданского управления на Северном Кавказе. Области делились на отделы, округа, участки или наибства. В определении границ и самого состава округов на Северном Кавказе было реализовано несколько принципов: 1. Административно-территориальная преемственность: многие округа Дагестанской области совпадали в своих границах с пределами ранее существовавших феодальных владений или союзов вольных обществ. 2. Военно-оперативная доступность: отдельные округа, в частности в нагорной Чечне, формировались на основе сложившихся секторов военно-оперативного контроля над группами смежных вольных обществ, осуществляемого из ключевых укрепленных пунктов. 3. Хозяйственно-политическая связность: в пределы округов включались районы расселения этнически различных групп, но связанных между собой практикой хозяйствования или отношениями вассалитета. 4. Военно-колонизационная целесообразность: границы многих горских округов определялись пределами районов, выделенных под казачье заселение, которое, в свою очередь, разворачивалось по военно-стратегическим соображениям. 5. Этническая гомогенность: многие округа были сформированы на территориальной основе преимущественного расселения определенных этнических групп. Административные границы в значительной мере совпадали с этническими, а этнические группы приобрели внутриимперское административно-

территориальное выражение [12]. После многочисленных переселений аулов адыги были расселены в шести округах Северного Кавказа.

Административно-правовая система, созданная кавказской администрацией в процессе военного «умиротворения» региона и получившая название «военно-народного управления», стала основой формирования жизненного пространства для полиэтнического населения края. Сложившиеся в глубине веков органы управления и права подверглись деформации, обусловив кризис традиционных общественных институтов народов Северного Кавказа, девальвацию традиционных социально-политических институтов, потерю суверенитета. Вместе с тем, создавая новые условия жизни для горских народов, администрация учитывала ментальность горцев, их историческое развитие, создавала условия для приобщения к достижениям российской и европейской цивилизаций.

Эволюция системы права у большинства народов Северного Кавказа шла в XVI–XVIII вв. от адата к восприятию норм шариата, т.е. биюридизму. В конце XVIII в. Кабарде была навязана «система родовых судов и расправ», в которых попытались совместить биюридизм с некоторыми нормами права России. В 1807 г. здесь была де-юре введена шариатская система судопроизводства. Но де-факто продолжала работать адатная система. Со второй половины 1820-х гг. стала формироваться система полиюридизма, когда в процессе судопроизводства одновременно использовались нормы адата, шариата и российского законодательства, что создавало определенные сложности для местного населения.

Тезис 6. Итоги преобразований. Таким образом, с нашей точки зрения, новая история адыгов начинается с 1860-х гг., когда произошли исторические события, определившие дальнейшую судьбу адыгского этноса. Из множества перипетий в жизни народа выделим те, которые определили будущее этноса.

Первое – уход с территории Северного Кавказа в Османскую империю сотен тысяч адыгов. Единый народ был разорван политически, экономически, социально, культурно, оказавшись территориально в рамках двух империй, противостоявших друг другу в течение многих веков. Адыги, став жителями Османской империи, трудно и болезненно входили в новую систему административных, правовых и социальных отношений. Сложности адаптации растянулись на многие десятки лет, ведь изменились среда обитания, климат, этническое окружение. Всё это сказалось на ментальности, мировосприятии, самоидентификации [13]. Целенаправленная политика правительства Турции, направленная на уничтожение адыгской идентичности, дала результаты. Граждане современной Турции – это турки, не имеющие права называть себя кабардинцами, черкесами, шапсугами, бжедугами и т.д.

Второе – проведение комплекса административных, судебных, социальных и аграрных преобразований у адыгов, оставшихся на территории Российской империи, модернизировали характер этих отношений в крае. Российская администрация стремилась не просто интегрировать

местные социальные элиты, а органично срастить их с властью и обществом. Именно для этого открывались школы, разрабатывались основы письменной речи, поощрялось сохранение фольклора, песен, преданий, отражающих историческую память этноса. Представителям знати давали образование, чины, должности, возможность сделать карьеру на престижном поприще. Вспомним Измаил-бея Атажукина, Федора Бековича-Черкасского, Якуба Шарданова, Шору Ногмова, Дмитрия Кодзокова, Султан Хан-Гирея, Султан Казы-Гирея, Омара Берсея и др. Конечно, они составляли абсолютное меньшинство, но они были «маяками», указывающими предпочтительный путь адыгов на север. В процессе движения трансформировалась невидимая, но чрезвычайно важная составляющая этих отношений – психологическое восприятие горцами России, что способствовало втягиванию адыгов в российское пространство.

Приведенный материал позволяет утверждать, что программа правительства России 1860-х гг. по интеграции горского социума в административно-правовое поле империи была не только принята, но и воплощена в жизнь. Она создала более достойные условия для адыгов и других народов Кавказа, чем программа правительства Турции. В течение ста пятидесяти лет была сформирована автономная республиканская система государственного управления, создана индустрия и развитая экономика, новая форма социальных отношений, прекрасная система начального, среднего и высшего образования, культуры. Было ли все сделано идеально? Конечно, нет. Но это уже тема для другого разговора.

Примечания

1. Дегоев В.В. Генерал Мусса Кундухов: история одной иллюзии (К проблеме национально-культурного самоотождествления в русско-кавказском мире) // Сборник русского исторического общества. М., 2003. № 7 (155). С. 156.

2. Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан. Политический деятель и поборник независимости черкесского народа / сост. П.А. Кузьминов. Нальчик, 2010.

3. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.): сборник архивных документов / сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2001. С. 368.

4. Чочиев Г.В. Генерал Муса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции // Кавказский сборник. М., 2006. Т. 3. (35). С. 69.

5. Мухаммад Хайр Мамсар (Басадж). Особенности черкесской общины в Иордании в период с 1878 по 2000 гг. // Кавказский сборник. С. 156–184.

6. Теофил Лапинский (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / пер. В.К. Гарданова. Нальчик, 1995. С. 210 и др.

7. Чочиев Г.В. Указ. соч. С. 68.

8. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 65.

9. Кузьминов П.А. Кавказ в судьбе М.Т. Лорис-Меликова // Специальные исторические дисциплины. Вып. 22. Киев, 2013. С. 121.

10. Кузьминов П.А. Концептуальные представления либеральных преобразований 50–70-х годов XIX века на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 2011. № 2. С. 87.

11. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 326.

12. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 24–27.

13. Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения (по материалам международной научной конференции. 14–19 октября 1991 г., Черкесск). Черкесск, 1993; Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000; Кушхабиев А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик, 2007.

Д.А. Гармышев

Геополитический фактор в Кавказской войне и роль горцев в противостоянии империй

В начале XIX в. Кавказ стал настоящей ареной сражения для нескольких государств, преследующих цель завладеть этими землями или же хотя бы установить над ними контроль. Россия боялась усиления влияния Турции и Персии в регионе, а также стремилась защитить Грузию от непрекращающихся набегов со стороны кавказских горцев. Лондон был обеспокоен тем, что новые южные границы России помогут русским еще ближе подобраться к Индии, а при желании и вовсе прекратить всякое ее сообщение с Англией.

Противостояние Российской и Британских империй за сферы влияния в Центральной Азии с легкой руки Редьярда Киплинга получило название «Большой игры» [1], однако география этого явления расширяется, и в современной историографии всё чаще говорят о «Большой игре на Кавказе» [2]. Это определение стало общепринятым и активно используется как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе [3].

Но традиционным соперником Российской армии на Востоке была вовсе не Британия, а Османская империя, признанная покровительница всех мусульманских народов. Шейха Мансура, например, считали подосланным Османской империей «для возмущения горских народов против царской России» [4]. Однако со времени восстания шейха Мансура Турция успела претерпеть поражение в двух войнах с Россией и к началу 1830-х гг. была значительно ослаблена.

Результатом этих поражений стала утрата важнейших портов на побережье Чёрного моря и признание верховенства Российской империи над Грузией и землями, входящими в состав нынешней Армении, что фактически предоставляло русскому царю значительное преимущество на Кавказе. Несмотря на это Турция продолжала оставаться главной мусульманской державой не только на Востоке, но и во всем мире.

Документально подтверждено, что Шамиль, глава горского сопротивления в Дагестане и Чечне, неоднократно обращался за помощью к Османской империи [5], ища защиты у более могущественного

мусульманского государства. О высоком авторитете Турции в глазах горского обывателя говорит тот факт, что Шамиль, дабы упрочить собственную власть, демонстрировал горцам письма, якобы полученные им от турецкого султана и египетского паши [6].

Однако Шамиль не был слепым исполнителем воли турецкого султана. Признавая старшинство главы Османской империи, имам старался оставаться политически независимой фигурой, прибегая к союзам лишь в случае необходимости, что делало его не самой удобной фигурой для переговоров. Начиная с 40-х гг. XIX в. можно наблюдать развитие личных амбиций Шамиля в виде попыток установления наследственной власти и расширения территории имамата.

На стороне имамата воевали не только представители горских народов Дагестана и Чечни, но и русские солдаты, перешедшие на сторону Шамиля, кроме того, активное участие в сражениях принимала так называемая «польская сотня». Мотивы для дезертирства у них были самые разные. Однако на территориях, находившихся под властью имама, не было иностранных шпионов, в отличие от не входившей в состав имамата Черкесии. Она имела выход к морю и была более доступна для иностранных государств.

Более привлекательной делала Черкесию и значительно меньшая исламизация общества, нежели на территории имамата, укреплявшегося в статусе теократического государственного образования. Некоторые русские военные отмечали в черкесах «наклонность к христианству», что также могло облегчить переговоры с горцами.

Северный Кавказ стал лакомым куском сразу для Российской, Османской и Британской империй. Персия, потерпевшая сокрушительное поражение в войне с Россией, помимо прочего была обременена контрибуцией, которую исправно выплачивала и не помышляла о реванше. К тому же шиитская Персия имела мало шансов распространить свое влияние на суннитское по большей части население Кавказа.

Положение России осложнялось тем, что она была единственной страной, принимавшей непосредственное участие в Кавказской войне. Более того, война на Кавказе стала затяжной и, казалось, никогда уже не прекратится. Непривычные для русских солдат условия войны в горах и личное мужество горцев, воодушевляемых успехами под руководством Шамиля, не вселяли надежд на скорое окончание противостояния.

На сегодняшний день в историографии существует точка зрения, согласно которой Османская империя ко второй четверти XIX в. оказалась не в состоянии проводить самостоятельную политику и была вынуждена идти на уступки более сильным государствам зачастую в ущерб собственным интересам. О «слабом государстве Османская империя» пишет и побывавший на Кавказе в 1830 г. британский путешественник Э. Спенсер и называет Турцию «фактически провинцией России» [7].

Сам Спенсер прибыл в Черкесию на турецком корабле из Трапезунда [8], рискуя быть застигнутым русскими моряками, пресекающими

любые контакты иностранных кораблей с Кавказом. По свидетельству путешественника, корабль перевозил оружие и соль, «предназначаемые для независимых племен Черкесии» [9]. Сведения о связи Трапезунда и Черкесии встречаются и в военных донесениях русских [10].

Особый интерес представляет личность другого британского подданного, шотландца Дэвида Уркварта. Дипломат и активный участник подавления греческого восстания 1827 г., выступавший на стороне Турции, в 1834 г. установил первые контакты с черкесскими вождями, что до него не делал ни один британец [11]. Таким образом, первые британско-черкесские связи были заслугой человека, добровольно отправившегося в горный край с целью защиты прав незнакомого народа.

Английский исследователь Хопкирк подчеркивает, что защита черкесов входила в сферу геополитических интересов Британии, т.к. Кавказ мог послужить плацдармом для вторжения в Персию, Турцию и даже Индию [12]. Это в лишний раз подтверждает точку зрения о несостоятельности Османской империи того периода в качестве серьезного противника для Российской империи.

В 1836 г. разразился дипломатический скандал, в который были вовлечены Российская и Британская империи. Русским военным бригом «Аякс» у берегов Суджук-Кале (ныне Новороссийск) была задержана шхуна «Виксен», на борту которой находилось значительное количество оружия и боеприпасов. На борту шхуны были Дэвид Уркварт и британский разведчик Джеймс Белл.

Этот инцидент едва не вызвал войну между двумя империями. Конфликт был своевременно решен и не привел к каким-либо серьезным последствиям, но нанес ощутимый удар по политической карьере Уркварта. Можно сказать, что он был по-настоящему одержим идеей защиты Черкесии и Турции от России. Это привело к тому, что Уркварт нажил немало противников в английском парламенте.

Противостоял ему легендарный английский политический деятель лорд Палмерстон. Его действия были значительно продуманнее импульсивных провокаций Уркварта, который, казалось, действительно питал искреннюю привязанность к Черкесии и ее народу. Несмотря на то что Палмерстон находился в конфликте с Урквартом, его политика по отношению к России также не являлась миролюбивой или нейтральной, что в полной мере проявилось во время Крымской войны.

Действия английских эмиссаров стали настоящим вызовом для Российской империи. В 1838 г. военный министр Чернышёв докладывает: «Из числа сих эмиссаров известный Белль успел устроить постоянное и правильное сношение с портом Самсунским и употребляет для сего шесть легких судов или лодок, которые, отправляясь при хорошем ветре из Самсуна, достигают обыкновенно Черкесских берегов в ночь следующего дня» [13].

Таким образом, видно, что несмотря на дипломатический скандал, связанный с задержанным в 1836 г. судном «Виксен», Британия не только

не прекратила снабжение горцев боеприпасами, но и, напротив, увеличила его, расширив число снабжающих портов и преумножив количество судов.

Известный историк В. Дегоев подчеркивает, что «британская политика в кавказском вопросе складывалась под влиянием не только геополитических и экономических интересов, но и русофобии, феноменального, приобретавшего нездоровую окраску явления в общественно-политической жизни Великобритании» [14]. В то же время значительная часть помощи в вооружении горцам была оказана не английским парламентом, а простыми любителями приключений и авантюристами, инициативы которых зачастую не пресекались и даже положительно воспринимались многими членами парламента и британским обществом.

Благодаря умелой работе британских журналистов, черкесы стали символом отчаянного сопротивления жестоким русским завоевателям. Слово «Черкесия» вошло в повседневный словарь английского обывателя 30–40-х гг. XIX в. [15]. Сам Уркварт самым активным образом содействовал этому, издав пропагандистскую книгу «Британия и Россия», в которой предупреждал о скором вторжении России на территории Турции и Персии [16].

Британия в очередной раз продемонстрировала свою заинтересованность в ослаблении России, приняв активное участие в Крымской войне. Планировалось, что, в то время как союзные войска Британии и Франции будут воевать с Россией на Балтийском и Чёрном море, черкесы осуществят прорыв на западе Кавказа.

Но планам британцев не суждено было сбыться. Как впоследствии писали королеве Виктории черкесские лидеры, «во время Крымской войны мы были обвинены союзниками в том, что мы, на самом деле, не хотим сражаться против общего врага. Это было правдой, но не стоит в этом винить наши народы, повинны лишь наши вожди, не пожелавшие объединиться» [17].

После неудачного для России окончания Крымской войны все военные силы страны вновь были сфокусированы на Кавказе. Несмотря на то что народы Чечни и Дагестана оказывали отчаянное сопротивление, они не были так же жестоко наказаны, как черкесы после завершения кавказской эпопеи. Последовали меры по переселению черкесского населения с его исконных территорий, во время которого значительная часть переселенцев погибла в пути.

Черкесы оказались разменной монетой в жестокой игре империй. После того как российскими властями были приняты меры по выселению черкесов, Британия не оказала переселенцам помощи. И поныне черкесский вопрос остается одним из самых актуальных не только в современном кавказоведении, но и во внутренней и внешней политике России. Неоднократно поднимались вопросы о признании факта геноцида черкесского народа и требования по принятию мер по переселению черкесов из Турции на их родные земли [18].

Конечно, было бы ошибкой рассматривать Кавказскую войну исключительно как геополитическое противостояние, т.к. притязания различных империй не были первопричиной военного конфликта. Нельзя и переоценивать роли Британии в войне, представленной по большей части авантюристами, действовавшими на свой страх и риск и ведомыми скорее романтическими представлениями, чем государственными интересами.

В то же время Британия проводила хитрую и дальновидную политику, стараясь действовать чужими руками, активно используя при этом экономические рычаги влияния и недовольство окраинных народов Российской империи, ведя настоящую информационную войну против России, формируя в массовом сознании британцев образ жестокого врага.

Как и было показано, помимо горцев единственным настоящим соперником России на Кавказе была только Британская империя, которая хоть и опасалась действий противника (о чем говорит скорейшее мирное урегулировании «дела “Виксена”»), но в то же время ждала момента для нанесения удара. Россия же, победив на данном этапе многовекового противостояния, не оправдала надежд Британии и не стала продвигаться по направлению к Индии и Персии.

Примечания

1. Хопкирк П. Большая игра против России: азиатский синдром. М., 2004. С. 3.
2. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе. М., 2003.
3. King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford, 2008. P. 93.
4. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. С. 118.
5. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: сборник документальных материалов / под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953. С. 228.
6. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 412.
7. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. URL: http://apsnyteka.org/467-spenser_puteshestvia_v_cherkesiu.html (дата обращения: 12.04.2016).
8. Там же.
9. Там же.
10. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов … С. 147.
11. Хопкирк П. Указ. соч. С. 83.
12. Там же. С. 82.
13. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов … С. 147.
14. Дегоев В.В. Указ. соч. С. 119.
15. King Ch. Op. cit. P. 93.
16. Хопкирк П. Указ соч. С. 87.
17. King Ch. Op. cit. P. 94.
18. Гордин А.Я. Зачем России нужен был Кавказ. Иллюзии и реальность. СПб., 2008. С. 65.

Т.В. Платицына

Исторический опыт военно-политического противостояния Российской империи с европейскими государствами и Турцией в решении восточного вопроса в XIX в.

Анализ документальных источников показывает, что уже первая четверть XVIII в. ознаменовалась сложным переплетением и обострением русско-иранских и русско-турецких отношений на Кавказе из-за определения сфер влияния в регионе. Отличительной особенностью политического развития народов Северного Кавказа в этот период следует считать более определенную ориентацию на Россию в ходе борьбы за свержение иранского владычества и против захватнических устремлений Порты и Крыма. За исключением отдельных владетелей (Али Султан, Дауд-бек, Ислам-бек Мисостов, Сурхай-хан, Султан Махмуд Утамышский), принявших в силу различных причин османское подданство или участвовавших в отдельных антироссийских акциях, большинство горских правителей и старшин придерживались курса на взаимодействие с царскими властями и российскую протекцию. Узловыми звеньями военно-политической и дипломатической активности держав, соперничавших на Северном Кавказе, стали поход русских войск в Прикаспий, подписанные вслед за этим Петербургский договор 1723 г. и русско-турецкий трактат 1724 г., положившие начало новому этапу борьбы за решение кавказской проблемы.

На рубеже XVIII–XIX вв. четко определились две внешнеполитические сферы борьбы России за приоритет в решении восточного вопроса: 1) ближневосточная – борьба за укрепление своих позиций в Закавказье, на Чёрном море и на Балканах и 2) европейская – участие России в коалиционных войнах против наполеоновской Франции.

В целях разрешения «кавказского узла противоречий» и предупреждения политических авантюр правительства Оттоманской Порты возникло в XVIII в. и продолжало бурно развиваться главное направление внешней политики России на юге. Оно было связано с обеспечением приоритета в Закавказье как немаловажного звена в решении восточного вопроса, что позволяло добиться прочных позиций Российской армии и флота на Каспийском и Чёрном морях, а также создания военно-стратегического плацдарма на границах с Турцией и Персией. Целью этого направления была, с одной стороны, изоляция кавказских народов от влияния наступательной колониальной политики Персии (Ирана), Англии, Франции и Турции, а с другой стороны – укрепление и развитие отношений с Портой, особенно по поводу совместного доминирования на Чёрном море и использования Черноморских проливов.

История укрепления и развития военно-дипломатических отношений с Портой относится еще к концу XVIII в. Захват французскими

войсками острова Мальта в июне 1798 г. стал личным оскорблением Павла I [1]. Известный своими мистически рыцарскими исканиями, названный за это Наполеоном «русским Дон Кихотом», Павел состоял с 1797 г. гроссмейстером в Мальтийском ордене иоаннитов (в масонской галерее королевского дворца в Стокгольме хранится портрет Павла в орденском одеянии) и увлекался идеей теократии, вынашивая планы соединения православной и католической церквей, духовной и светской власти, мысля себя их общим главой. Косвенными свидетельствами тому являются, во-первых, пресловутая веротерпимость Павла, а во-вторых, его заигрывания с католицизмом и с иезуитами. К примеру, через пастора Грубера он неоднократно обращался к папе с просьбой снять запрет с деятельности иезуитов, а в конце 1800 г. предложил папе Пию VII убежище в России, если французские войска сделали бы невозможным его дальнейшее пребывание в Италии [2].

Присутствие французов на острове вредило планам русского царя, что не могло не сказаться на его действиях в отношении создания антинаполеоновских сил, где не последняя роль отводилась союзному договору с Турцией. Турция тянула с поиском союзников в противостоянии наполеоновской экспансии. Дважды – в марте и апреле 1798 г., еще до захвата Бонапартом Мальты – Павел I обращался к турецкому правительству (Порте), предлагая помощь против французов, но получал отказ.

Весной и в первой половине лета 1798 г. со стороны правительств как Российской, так и Османской империй всё еще не было сказано окончательных слов о союзе. Только после высадки Наполеона в Александрии (1 июля 1978 г.) российский и английский послы в Константинополе были приглашены на заседание дивана (15 (26) июля 1798 г.), где им было предложено обратиться от имени Порты к своим правительствам с просьбой об оказании помощи [3]. В период с июня 1797 г. по июль 1802 г. чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополе был В.С. Томара.

Тезис о навязанности договора со стороны России, появляющийся время от времени в западной историографии, не выдерживает критики. При схожести интересов обеих сторон предложения о союзе были высказаны почти одновременно. Донесение из Константинополя посланника В.С. Томары о том, что османское правительство предложило заключить союзный договор, разминулось в дороге с проектом такого договора, высланным из России [4]. Такой поворот событий был встречен в Петербурге с пониманием, к нему готовились. Член российской коллегии иностранных дел Виктор Павлович Кочубей накануне событий писал послу России в Лондоне графу Семену Романовичу Воронцову: «Я даже не был бы удивлен, между нами будь сказано, если бы она (Турция. – *Т.П.*) захотела сблизиться с нами более тесно. Союз с турками явился бы, без сомнения, событием оригинальным в политике» [5].

Эта «оригинальность» явилась полной неожиданностью для западных держав, среди которых бытовало устойчивое мнение о враждебности

двух причерноморских государств, однако наполеоновский поход в Египет продемонстрировал схожесть интересов России и Турции в Средиземноморском бассейне, обнажив прямую зависимость безопасности Чёрного моря и Юга России от характера режима проливов [6].

Совместная цель противостояния агрессии Франции в Средиземном море и на Ближнем Востоке на время сгладила противоречия и заставила объединиться недавних непримиримых врагов [7]. В первую очередь это относилось к русско-турецким взаимоотношениям. «Надобно же вырость таким уродам, как французы, чтобы произвести вещь, какой я не только на своем министерстве, но и на веку своем видеть не чаял, то есть союз наш с Портою и переход флота нашего через канал», – писал А.А. Безбородко [8].

Политически вторая антинаполеоновская коалиция все-таки строилась вокруг русско-английских договоренностей. Только шаги Англии в направлении России могли подтолкнуть Турцию к сближению с северным соперником. Переговоры о заключении англо-русского союза начались летом 1798 г., окончательно договор был заключен 18 декабря 1798 г.

Следующим шагом по формированию второй коалиции стало формальное заключение русско-турецкого соглашения, за ним последовал союз между Турцией и Великобританией. Наконец, договоры России, Великобритании и Турции были дополнены союзом с Неаполем. Морские порты Королевства обеих Сицилий имели важное стратегическое значение, поэтому во время наполеоновских войн Неаполь был объектом борьбы великих держав, прежде всего Великобритании и Франции.

В течение всей осени 1798 г., когда уже шли совместные военные действия России и Турции, продолжалась подготовка к официальному заключению союзного договора. 23 декабря 1798 г. русско-турецкий договор был подписан В.С. Томарой и Ахмет Атиф-эфенди. Договор включал 14 открытых и 13 секретных статей и «Особый акт» [9].

Уже 27 декабря российский посланник и великий визирь обменялись ратификационными грамотами. Павел I ратифицировал его заранее. Договор провозглашался сугубо оборонительным и гарантировал владения обеих держав. Владения Турции подразумевались по состоянию дел до вторжения наполеоновских войск в Египет. Условия договора предусматривали присоединение к нему Австрии, Великобритании и Пруссии. Договор заключался сроком на восемь лет и мог быть продлен при желании сторон.

Основное содержание документа было изложено в секретных статьях. Россия обязалась послать на помощь Турции эскадру для совместных действий против Франции. На все время военных действий Порта предоставляла русскому флоту право беспрепятственного прохода через Босфор и Дарданеллы. Оно было действительно как для военных, так и для транспортных судов. Однако в третьей секретной статье оговаривалось, что данное условие не может «служить правом или поводом

присвоить на будущее время свободный проход для военных судов через канал». Турция должна была снабжать русскую эскадру провиантом и денежным обеспечением, а также ремонтировать русские суда в своих портах. Особой статьей объявлялось, что Чёрное море является закрытым бассейном для военных судов нечерноморских держав. В случае расширения франко-турецких военных действий Россия обязывалась поддержать Турцию сухопутными военными силами: 75–80-тысячным корпусом [10].

Заключение договора 1799 г. явилось политическим успехом России. Он открывал для нее новые внешнеполитические перспективы. Признавались особые права России на Чёрном море. Открытие проливов для русских военных судов, хотя бы только на время военной кампании между Турцией и Францией, явилось первым прецедентом такого рода и могло подтверждаться и продлеваться в будущем, по истечении срока союза. Проход морских судов через проливы подразумевал активизацию внешнеполитических действий в Средиземноморском бассейне. В частности, речь шла о развертывании военных действий в районе Ионического архипелага и у берегов Италии. Россия получила значительный вес на международной политической арене, имея возможность активно вмешиваться в ход наполеоновской экспансии. Русский флот мог защитить свои южные рубежи, ликвидировав угрозу появления французов в Чёрном море. Союзные договоры 1798–1799 гг. создали антинаполеоновский блок в составе России, Турции, Англии, Неаполитанского королевства.

Де-факто союзный русско-турецкий и русско-английский договоры начали исполняться с июля 1798 г. Начальные действия Черноморского флота осуществлялись в атмосфере определенной настороженности, взаимных опасений и готовности к провокациям со стороны вновь обретенных союзников.

7 (18) августа 1798 г. Павел I повелел Ф.Ф. Ушакову «следовать немедленно к Константинопольскому проливу» [11]. Император указывал на то, что русский флот, «буде нужда потребует», может действовать совместно с турецким флотом и английской эскадрой. 26 октября 1800 г. эскадра вернулась в Севастополь. Вся экспедиция русского флота длилась два года и два месяца; эскадра вернулась, не потеряв ни одного корабля. Урон среди личного состава составил 400 человек, в то время как французы потеряли убитыми, ранеными и пленными более 10 тыс. человек [12].

Вследствие обострения конфликтов с Австрией и Англией Россия в конце 1800 г. вышла из войны с Францией и из второй антинаполеоновской коалиции, что позднее оформил заключенный 8 октября 1801 г. Парижский мирный договор. Павел I не только отозвал русские войска, но в 1800 г. порвал отношения с Англией, наложил секвестр на находившиеся в России английские товары и корабли и заключил со Швецией, Данией и Пруссией направленные против Англии договоры, возобновившие правила вооруженного нейтралитета.

Причиной разрыва с Англией послужило то, что англичане пытались подорвать преобладание России над Турцией, вытеснить Россию с Ионических островов. Овладев Мальтой, они не хотели выпускать ее из рук. Между тем Павел сам намеревался сделать Мальту русским опорным пунктом в Средиземном море. Его активная антианглийская политика в Средиземноморье была направлена на военно-стратегическое доминирование России в данном регионе. В то же время она стала одной из важнейших причин дворцового заговора против Павла I и насильственной гибели монарха.

Примечания

1. Бухаров Д. Россия и Турция. СПб., 1878. С. 45.
2. Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 1986. С. 79; Thiers A. Histoire du Consulat et l'Empire. Paris, 1845. V. II; Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901. С. 421–425.
3. Клейнман А.Г. Русско-турецкий союз 1799 г. // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. 3. М., 1945. С. 17.
4. Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции 1798–1800. М., 1983. С. 74.
5. Миллер А.Ф. Мустафа паша Байрактар. М.–Л., 1947. С. 82.
6. Дранов Б.А. Черноморские проливы: международно-правовой режим. М., 1948. С. 63.
7. Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья 1798–1807 гг. М., 1962. С. 102.
8. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. IX (X). М., 1892. С. 418–425.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XXV. СПб., 1830. С. 500–502; Милютин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1857. Т. 1. С. 71, Т. 3. С. 79, 80.
10. Милютин Д. Указ. соч. Т. 3. С. 79.
11. Указ Павла I Ф.Ф. Ушакову. 7 августа 1798 // Адмирал Ушаков: в 3 т. Т. 2. М., 1952. С. 63.
12. Мордвинов Р.Н. Адмирал Ушаков // Адмирал Ушаков. М., 1956. Т. 3. С. XX–XXII.

Т.А. Ачугба

Трагедия адыго-абхазских махаджиров

В конце войны на Кавказе 1817–1864 гг. подавляющее большинство абхазо-адыгских народов было принудительно выслано в Османскую империю. Царское правительство проводило подготовительную работу с турецкими властями на уровне Министерства иностранных дел, послов и консулов по приему кавказских изгнанников на территории Османской империи. Царское самодержавие для этого выделяло суда, организовывало переселенческие пункты в портах Черноморского побережья Кавказа, выделяло для изгнанников денежные пособия и т.д. [1]. Однако

подобные мероприятия не спасали ни в чем не повинных людей от массовой гибели, особенно детей, женщин и стариков. Жертвы были колоссальные. Горцы гибли от насилия, голода, холода и эпидемий.

Как показывают источники, переселение коренного горского населения в Турцию совершалось вопреки желанию людей. По определению историка и генерала Р.А. Фадеева, план царизма по покорению Кавказа в последние четыре года войны заключался «в изгнании горцев из их трущоб и заселении Западного Кавказа русскими» [2]. О необходимости избавления от горцев наместник Кавказа фельдмаршал А.И. Барятинский императору Александру II писал: «Без потери времени и насколько возможно выселять в Турцию горцев, а раз страна будет от них очищена, мы утвердим свое положение навсегда» [3]. П.С. Уварова подчеркивала, что кавказцы «с горем покидали свое насиженное гнездо» [4]. А. Фонвилль, свидетель страшных картин выселения горцев, писал: «Мы имели случай вблизи видеть поражающую нищету этого несчастного народа; ежедневно мы встречали новые партии горцев, выселявшихся с земли, еще не занятой войсками; последние дожди и наводнения погубили большое число этих переселенцев, и мы беспрестанно встречали на пути нашем трупы. Голод был страшный; много несчастных погибло от него… Иногда нас принимали в аулах, но мы бежали оттуда, боясь заразиться болезнями, которые уничтожали целые населения аулов. Так, однажды, во время нашего нахождения в ауле, в нем умерло восемь человек от тифа» [5]. В мае 1864 г. во время выселения жителей абхазских обществ Ахчипсу и Аибга разразилась оспа, которая «сильно покарала их» [6]. Особенно много было больных и умерших среди аибговцев. Видимо, гибель большинства жителей общества Аибга на абхазском побережье, при транспортировке и в самой Турции стали причиной того, что среди абхазов, проживающих в современной Турции, практически отсутствуют потомки аибговцев. Притом выходцы из Ахчыпсу, Цвидж, Халцис, Бзыбь, Гума, Цабал, Абжуа и других регионов исторической Абхазии компактно проживают в различных регионах Турецкой Республики [7].

Академик А. Берже летом 1864 г., в самый разгар переселения горцев, отмечал: «Следуя вдоль Анатолийского берега, я встретил их во множестве в открытом море и был очевидцем их горестного положения в Батуме и Трапзоне. В ноябре того же года, на возвратном пути из Европы, я видел их при несравненно еще худшей обстановке в Рущуке и Силистрии. Но никогда не забуду я того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17 000 человек» [8].

По сообщению очевидца этих трагических событий Я.В. Абрамова, из-за отсутствия достаточного количества транспортных средств в морских портах северо-восточного побережья Чёрного моря горцам приходилось «ждать своей очереди по полугоду, году и более. Все это время они оставались на берегу моря, под открытым небом, без всяких средств для жизни. Страдания, которые приходилось выносить в это время горцам,

нет возможности описать. Они буквально тысячами умирали с голоду. Зимою к этому прибавился холод. Весь северо-восточный берег Чёрного моря был усыпан трупами и умирающими, между которыми лежала остальная масса живых, но до крайности ослабевших и тщетно ждавших, когда их отправят в Турцию. Очевидцы передают ужасные сцены, виденные ими в это время. Один рассказывает о трупе матери, грудь которой сосет ребенок; другой – о матери же, носившей на руках замерзших детей и никак не хотевшей расстаться с ними; третий – о целой груде человеческих тел, прижавшихся друг к другу в надежде сохранить внутреннюю теплоту и в этом положении застывших и т.д.» [9]. По словам другого очевидца переселения горцев И. Дроздова, «поразительное зрелище представилось глазам нашим по пути: разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полуобъеденные собаками, изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от изможденія и еще заживо делавшиеся добычею голодных собак… Живым и здоровым некогда было думать об умирающих; им и самым перспектива была не утешительнее» [10].

Вот что писал позже Л.А. Тихомиров, очевидец этих жутких фактов, на примере временных обитателей Новороссийской бухты: «Сколько горцев погибло за это время от всяких лишений, голода, холода и болезней – это известно одному Господу. Подсчитывать трупы по лесам и всяким трущобам было и некому, да и невозможно. Даже на берегу, где горцы находились уже под нашим надзором, массы умирающих закапывали поспешно и без внимательного подсчета. Думали только о том, чтобы трупы тифозных не распространили заразы. Отец показывал мне впоследствии места, где их зарывали (по ту сторону бухты), говорил, что трупы засыпались негашеной известью, что их было множество, но точного числа никому не называл» [11].

По сообщению генерала М. Ольшевского от 9 января 1865 г., только на северо-восточной стороне Новороссийской бухты, где расположились горцы таборами, почти на пятиверстном пространстве были разбросаны кладбища, в которых было погребено до 1480 трупов [12]. Притом в указанных и других местах был установлен «полицейский надзор», чтобы пока живые, но отчаявшиеся «переселенцы не могли бродить по горам и разбойничать» [13].

Горцы погибали и по дороге, и на местах прибытия – на территории Османской империи. Нередки были и случаи кораблекрушения. А. Фонвилль писал, что «суда обыкновенно нагружались, что называется, доверху; триста или четыреста человек наполняли пространство, на котором в обыкновенное время помещалось от 50 до 60 человек… Когда поднималась непогода на море, каюки, нагруженные так, что вода достигала до самих краев, не могли держаться на море и тонули» [14]. Сам автор этого сообщения ехал на судне, в котором было 347 человек, и на палубе так было тесно, что «матросы, исполняя разные обязанности во время плавания, вынуждены были ходить по головам пассажиров» [15].

По сообщению газеты «Кавказ» от 24 мая 1864 г., из 600 пассажиров на одном из таких судов через три-четыре дня на турецком берегу высадилось только 370 человек. А турецкое судно «Нусред-Бахры», вышедшее из Новороссийска, бурей было выброшено на берег и разбито. В результате из 470 пассажиров погибло 300 человек, а из спасенных 170 человек 120 сильно пострадали [16].

По сообщению того же Я.В. Абрамова, «многие барки, нагруженные горцами, имели пробуравленное дно и, будучи выведены в море, тонули вместе с переселенцами, а деньги, назначенные на расходы, оставались в карманах наведывающих делом лиц… Предание это, если принять жестокость нравов тогдашнего кавказского чиновничества… очень правдоподобно и отчасти подтверждается тем обстоятельством, что официально констатировали случаи затопления барок с горцами “от бурь”» [17]. «Турецкие шкиперы, – писал И. Дроздов, – из-за жадности наваливали, как груз, черкесов, нанимавших их кочермы до берегов Малой Азии, и, как груз, выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни. Волны выбрасывали трупы этих несчастных на берега Анатолии… едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к месту. Такое бедствие и в таких размерах редко постигло человечество» [18].

Несмотря на то что турецкие власти были весьма заинтересованы в заселении страны горцами Кавказа, на самом деле, как российские власти не были готовы к переселению такого большого количества людей, так и турецкие власти – к подобающему приему этой огромной массы. Отсюда такое колоссальное количество смертей. Ситуация настолько была сложной, что турецкие власти еще в конце 1863 г. были вынуждены обратиться к царскому правительству с просьбой о приостановлении депортации горцев. Но останавливать переселенческий процесс российские власти не собирались. Маховик переселения уже был запущен, и российские дипломаты просили и всячески убеждали турецкие власти в необходимости приема переселенцев. Переселенцам не хватало пособий, выделенных турецкими властями, не были созданы соответствующие условия для приема и поселения горцев. Как писал А. Берже, пособие турецкого правительства было крайне недостаточно «и не всегда доходило до переселенцев, число которых никому не было известно и постепенно увеличивалось» [19]. Российский консул в Трапезунде А.Н. Мошнин еще 26 декабря 1863 г. сообщал российскому послу в Стамбуле Е.А. Новикову о том, что «черкесы размещаются в дырявых палатках, среди грязи, в которых они буквально тонут. Отсюда смертность, доходящая до ужасающей цифры – от 40 до 60 человек в день. Тифозность – главная болезнь. На весну следует ожидать заразы, так как тела зарываются с большой небрежностью» [20]. В донесении от февраля 1864 г. А.Н. Мошнина сказано, что «в Трапезунде все кладбища были наполнены могилами». Из Константинополя пришла информация-приказание о необходимости «засыпать кладбища известкой» [21].

По сообщению «Иллюстративной газеты» (1866, № 29): «Из высаженных в Трапезунде в феврале 1864 года 10 тысяч горцев в течение одного

месяца от болезней погибло 3 тыс. человек». Лагерями смерти черкесов стали окрестности Трапезунда – Ачка-Кале и Сари-Дере [22]. По утверждению А. Фонвилля, прибывшие в начале зимы 1863–1864 гг. в Ачка-Кале в количестве 14 тыс. человек «почти все перемерли» [23].

По данным А.Н. Мошнина от 10 июня 1864 г., в Батум прибыло около 60 тыс. человек, средняя смертность – 7 человек в день. Подтверждение тому – этнографические материалы, собранные в 1870-х гг. По сообщению наших информаторов – потомков абхазов из Садзской Абхазии, поселенных в 1864 г. в селе Соук-су вблизи того же Батума, 500 абхазских дворов в течение трех месяцев похоронили 300 детей, заболевших от различных эпидемий, и были вынуждены покинуть эти места и спасаться в горных регионах Турции. Погибло также большинство абхазов, поселенных на правом берегу реки Чорох. Например, из 30 человек семьи Камчича Китасба (Маршан), живыми осталось лишь четверо. А в селе Карашарвал, неподалеку от Батума, от различных эпидемий погибли все абхазские поселенцы за исключением двух человек, которые ушли в Турцию [24].

Описывая страшное положение абхазо-адыгских изгнанников в Самсуне, корреспондент английской газеты «Морнинг пост» в мае 1864 г. писал: «На каждом шагу встречаются вам больные, умирающие и трупы – у городских ворот, перед лавками, посреди улиц, в скверах, в садах под деревьями. Всякий дом, всякий угол улицы, всякий шаг, занятый эмигрантами, стал гнездилищем заразы… Положение весьма опасное: нет сильнее бедствия и более плачевной катастрофы, как эта эмиграция, предоставленная самой себе» [25]. «Летом 1864 г., – сообщается в источниках того периода, – в одном только Трапезунде от болезней, голода и физического истощения погибло около 19 тыс. кавказцев, а в Самсуне – 60 тыс. При этом ежедневная смертность депортантов превышала 200 человек» [26].

В среде депортантов свирепствовали тиф, холера и особенно оспа. «Оспа чрезвычайно распространена между ними и производит большие опустошения», – сообщала английская газета [27]. Турецкие власти спешили поселить их в разных городах и регионах империи – в Пандерме, Смирне, Измиде, на острове Кипр, на берегу Дуная, «но тут сцены сделались двояким образом гибельны», – сообщала «Иллюстративная газета» [28]. По информации А. Берже, 11 декабря 1863 г. в Варне два парохода привезли 1030 горцев. Когда лодочники стали высаживать голых, босых, истощенных, больных и едва живых, было обнаружено около 46 трупов [29]. В Варне в январе 1864 г. на двух пароходах привезли 1170 переселенцев. Все они были «заражены разными болезнями», а также «голые и босые». Их поместили «в пустых, грязных, сырых казармах», не имеющих ни окон, ни печки. В день умирало 12–20 душ [30].

Газета «Кавказ» в перепечатанном из немецкой газеты “Allgemeine Zeitung” материале сообщала, что в Ларнаке на Кипре на 3 суднах, отправленных из Самсуна, 2700 черкесов, в пути погибло более половины –

1441 человек – главным образом от жажды и голода. «Один пароход, – говорилось дальше, – плававший по той же самой дороге, по которой шли незадолго перед ним эти суда с черкесами, мог проследить путь по плывшим трупам» [31].

По определению профессора Н.А. Смирнова, из всех переселенцев до 50 % погибло от различных эпидемий и в пути. А из уцелевших до 15 % (в основном из числа женщин и детей) были проданы в качестве рабов [32].

Как на кавказском побережье, так и особенно в турецких портах горцы становились объектом торговли. «На кавказском берегу Чёрного моря, – информировала своих читателей газета «Кавказ», – англичане и турки красавицами набивали трюмы: несчастные с плачем обращались к русским офицерам, умоляя освободить их оттуда и удержать на родине» [33]. По сообщению Мошнина, в Трапезунде в декабре 1863 г. ребенка 11–12 лет можно было купить за 30–40 рублей, а местный паша приобрел 8 «самых красивых девушек» за 60–80 рублей, чтобы послать их в Константинополь в качестве подарка. Здесь нередко одному хозяину принадлежали 40–50 женщин. Местный генерал-губернатор Эмин Мехлис-паша в середине 1865 г. отправил в Стамбул в подарок разным влиятельным лицам 130 невольниц-черкешенок [34]. По сообщению английского консула в Трапезунде, из прибывших в данный порт 200 тыс. черкесов в течение с 1863 по 1864 гг. 10 тыс. человек были проданы [35].

Но были и такие случаи, когда сами родители были вынуждены продавать своих детей, чтобы сохранить им и себе жизнь. Дочь английского консула писала о лагере 1864 г.: «По высадке одной партии эмигрантов на берег около двух тысяч человек остановились в небольшом лесочке. Истощенные страданиями своего долгого путешествия, покрытые насекомыми и почти умирающие с голоду, они расположились лагерем на земле, еще не просохшей… Весь этот жалкий люд лежал, скучившись, больные валялись рядом с умершими, живые, как тени, бродили среди них, ни о чем не помышляли, кроме того, как бы раздобыться деньгами. Когда мы приблизились к зараженному лагерю, кучки мужчин и женщин обступили нас, ведя за руку своих детей и предлагая купить их всякому, кто пожелает. Несчастные маленькие создания сами, по-видимому, желали, чтобы их разлучили с родителями, лишь бы дали им кров и пищу» [36].

Для спасения от вероятной гибели молодые горцы вступали на службу в турецкую армию или же пытались вернуться на родину. По сообщению от 30 июня 1864 г. русского поверенного в Стамбуле Е.А. Новикова, к этому периоду до 3 тыс. человек уже вступили на службу турецкой армии, и ожидалось, что их число увеличится до 12 тыс. человек [37]. Хотя эти люди не всегда оставались в армии. Получив обмундирование и деньги, они бежали к своим семьям, а то вовсе возвращались на Кавказ.

Что касается возвращения изгнанников на родину, этот процесс имел постоянный характер. Генерал Н.И. Евдокимов в сентябре 1862 г. писал

генералу А.П. Карцову в Тифлис, что «каждое лето по нескольку тысяч душ из этих переселенцев возвращаются из Турции на Кавказ» [38]. На просьбу черкесов о возвращении на историческую родину ответ был один и тот же: об обратном возвращении горцев и речи быть не может [39]. Еще 8 июня 1861 г. российский консул в Трапезунде А.М. Мошнин в рапорте на имя российского посла в Стамбуле А.Б. Лобанова-Ростова сообщал, что значительная часть переселенцев из Кавказа желает «возвратиться в Россию, куда им закрыто возвращение распоряжениями высшего начальства» [40]. В результате переселенцы выражали недовольство в адрес русских дипломатических представителей в Турции. Трапезундский консул с тревогой писал, что черкесы и татары обвиняют наши консульства и угрожают им. В Самсуне угрожали русскому вице-консулу, что сожгут его дом, если их не отправят на Кавказ [41]. Российский вице-консул в Батуме в июне 1865 г. просил местного губернатора принять меры по недопущению черкесов к границам России. По его просьбе турецкие власти выдвинули против них войска [42]. Наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич 14 июня 1865 г. писал военному министру, что береговой кордон еще в апреле был усилен двумя казачьими сотнями и, если надобность потребует, между береговыми постами будут учреждены беспрерывные разъезды даже ночью [43].

Таким образом, Кавказская война являлась одним из самых тяжелых военно-политических событий в истории Российской империи XIX в. Коренные народы Кавказа, подвергшиеся массовому выселению за пределы Родины, эта трагедия поставила на грань полного физического уничтожения.

Примечания

1. О переселении кавказских горцев в Турцию // Русский инвалид. 1864. № 206.

2. Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2005. С. 153.

3. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. С. 199.

4. Уварова П.С. Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки. Ч. II. М., 1891. С. 57.

5. Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864 гг. Из записок участника-иностранца. Нальчик, 1991. С. 32.

6. Пантюхов И. О мифах и поверьях туземцев Рионской долины // Кавказ. 1867. № 28.

7. Чирикба В.А. Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетский сборник. Вып. 1. М., 2012. С. 21–95.

8. Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИАГ). Ф. 416. Оп. 3. Д. 152. Л. 1–3.

9. Абрамов Я.В. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С. 7.

10. Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 548.

11. Тихомиров Л.А. Воспоминания. 1927 г. URL: http://khmelev.livejournal.com/81944.html (дата обращения: 26.04.2016).

12. ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 142. Л. 5.
13. ЦГИАГ. Ф. 545. Оп. 1. 1864. Д. 63. Л. 308.
14. Фонвилль А. Указ. соч. С. 41–42.
15. Там же. С. 43.
16. Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 224.
17. Абрамов Я.В. Указ. соч. С. 8.
18. Дроздов И. Указ. соч. С. 548.
19. Берже А. Выселение горцев // Русская старина. 1882. Т. XXXIII. Февраль. С. 356–357.
20. Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 227.
21. Там же.
22. Там же. С. 241.
23. Фонвиль А. Указ. соч. С. 45.
24. Ачугба Т.А. Поселение абхазов в Аджарии. Батуми, 1988. С. 33.
25. Корреспонденция из газеты «Морнинг пост» // Русский инвалид. 1864. № 129.
26. Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 229.
27. Корреспонденция из газеты «Морнинг пост».
28. Черкесы в Болгарии // Иллюстративная газета. 1866. № 29.
29. Берже А. Указ. соч. С. 353.
30. Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 229.
31. Кавказ. 1864. 3 декабря.
32. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958. С. 225.
33. Горец. Черкесы в Турции // Кавказ. 1877. 7 июля.
34. Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 231.
35. Новый восток. 1925. № 7. С. 22.
36. Народы Турции. Двадцать лет пребывания среди болгар, греков, турок, албанцев и армян дочери и жены консула. Т. 1. СПб., 1879. С. 99–100.
37. Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 230.
38. Акты, собранные Кавказскою археографической комиссией. Т. 12. Тифлис, 1904. Ч. 2. С. 1009–1010.
39. Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 237.
40. Там же. С. 235.
41. Там же. С. 233.
42. Там же. С. 238.
43. Там же.

А.Н. Деордиева

Эволюция организационной структуры и тактики региональных отделений партии народной свободы на Дону в годы Первой мировой войны

Первая мировая война продолжает привлекать к себе внимание исследователей. Несмотря на прошедшие более 100 лет с начала войны, интерес к войне 1914–1918 гг. не иссякает, а даже растет. Расширяется и отечественная историография истории войны [1]. Одним из актуальных вопросов истории России 1914–1918 гг. остается вопрос о влиянии

Первой мировой войны на развитие общественно-политического процесса и его региональная составляющая.

Начавшаяся Первая мировая война внесла определенные коррективы в стратегию и тактику конституционных демократов. В первый же день объявления войны в центральной кадетской газете «Речь» было опубликовано воззвание «К единомышленникам»: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг сохранить нашу страну единой и неразделимой и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами. Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша – поддержать борцов верой в правоту нашего дела» [2].

На пленарном заседании ЦК партии 18 августа 1914 г. кадетское руководство призвало членов партии усилить практическую работу в создающихся общественных организациях для оказания помощи фронту и обратить внимание на необходимость взять дело укрепления тыла и устройство всей экономической жизни страны в руки общества [3].

Донские кадеты полностью одобрили новую тактику ЦК партии по отношению к войне и, следуя указаниям партийного руководства, переключили свое внимание на патриотические организации помощи фронту. Война поставила перед донскими кадетами ряд новых задач, решение которых во многом зависело от их организационной сплоченности, наличия прочных связей с массами.

Активность донских кадетов с началом войны значительно возрасла, о чем свидетельствует циркуляр департамента полиции от 31 октября 1914 г., в котором говорится о «необходимости усиления наблюдения за членами партии народной свободы, так как партия проявляет исключительную по своей энергии деятельность» [4].

В годы мировой войны в Донской области продолжали действовать четыре городские кадетские организации – Новочеркасская, Ростовская, Нахичеванская, Таганрогская. Члены партии проживали и в ряде станиц: Урюпинской, Александровск-Грушевской, Каменской.

Новочеркасская организация имела статус областной. К началу войны сохранился и функционировал ее комитет в количестве 15 человек. Председателем комитета был А.И. Петровский – казак, присяжный поверенный, член II Государственной думы. Комитет поддерживал регулярные связи с центром, особенно через кадетов, членов Государственной думы от Области Войска Донского [5].

В годы мировой войны установились более тесные связи местных кадетов с партийным руководством. Лидеры партии посещали Область Войска Донского для выступления с лекциями, ознакомления с деятельностью местных партийных комитетов. Неоднократно посещали Донскую область члены ЦК партии Н.А. Гредескул, А.И. Шингарев, депутат от Области Войска Донского, а также член кадетского ЦК М.С. Аджемов [6].

В годы войны донские кадеты сохранили свои позиции в органах городского самоуправления, что расширяло, по их мнению, партийное влияние на местное общество. Участвуя в выборах гласных в Таганрогскую, Ростовскую, Нахичеванскую, Новочеркасскую городские думы в конце 1912 – начале 1913 гг., они добились значительных результатов. Так, из 60 избранных гласных Новочеркасской городской думы 42 человека (70 %) были из прогрессивного списка кандидатов. Среди них были кадеты Н.А. Захарьев, И.И. Запорожцев, М.И. Карпов, К.И. Фомин, Н.Х. Норкин, В.И. Попов, В.С. Греков и др. [7].

Гласными Таганрогской городской думы в 1914–1917 гг. было большинство лиц, принадлежащих к «прогрессивной» группе, в основном к кадетам: Д.Д. Алексопуло, Ф.Ф. Борисенко, А.С. Безчинский, А.Н. Говберг, В.В. Добротворский, А.А. Бударин, В.Л. Руссо, Г.Н. Свиридов [8]. В составе Ростовской и Нахичеванской городских дум в эти годы также было много кадетов. В.В. Асмолов, Л.И. Панченко, Т.М. Романченко, А.В. Скуба, М.В. Харьковщенко, М.В. Леонтьев вошли в состав Ростовской городской думы, а С.К. Восканов, А.З. Городисский, М.М. Попов, А.В. Дережанов, М.И. Берберов, И.Г. Шилтов, Е.Г. Шилтов, И.М. Царуков стали гласными Нахичеванской думы [9].

Участие кадетов в работе органов городского самоуправления отразилось в либеральной направленности деятельности городских дум. Несмотря на военное время, среди первоочередных задач в программе действий городского самоуправления были выделены: введение всеобщего начального образования, открытие новых средних специальных учебных заведений, выяснение вопроса о шлюзовании реки Дон, улучшение работы транспорта, городское благоустройство.

Одним из основных каналов воздействия донских кадетов на массы явилось печатное слово. Кадетская пресса была одним из средств легальной политической борьбы. Она служила своего рода центром, вокруг которого группировались наиболее активные и талантливые члены партии и сочувствующие ей. В условиях мировой войны донским кадетам удалось сохранить свои основные печатные органы и даже открыть новые.

В годы Первой мировой войны самой распространенной являлась газета «Приазовский край», выходившая с 1890 г. и имевшая огромный для того времени тираж: 25 тыс. экземпляров в будни и 45 тыс. в праздничные дни. Как следовало из сообщений департамента полиции, газета имела конституционно-демократическую направленность.

Во всех донских газетах с 1914 г. основной темой стала мировая война. «Приазовский край» сообщал читателям, что на фронте у него имелись свои корреспонденты. Для освещения хода военных действий существовала специальная рубрика «Война» («Телеграммы наших корреспондентов»), где публиковались новости с полей сражений.

«Приазовский край» извещал своих читателей, что кроме сотрудников редакции в 1916 г. в издании газеты должны были принять участие видные донские кадетские активисты: М.С. Аджемов и М.С. Воронков

(оба – члены Государственной думы), А.З. Городисский, С.Я. Зельцер, П.П. Казмичов, И.А. Малиновский и другие

Осенью 1915 г. местные кадеты приняли решение начать издание новой газеты, на страницах которой должен был проходить обмен мнениями, обсуждаться вопросы отношения к войне, к правительству, к работе Государственной думы, аграрный и рабочий вопросы [10]. В январе 1916 г. вышел первый номер этой газеты под названием «Ростовская речь». Помимо Ростова газета имела отделения в Новочеркасске, Таганроге, Александровск-Грушевском, Сулине, Азове. Большинство сотрудников газеты были кадетами. Должность ответственного редактора занимал член Государственной думы от Области Войска Донского и ее депутат всех четырех созывов В.А. Харламов. В издании газеты принимали участие члены IV Государственной думы от Области Войска Донского М.С. Аджемов, М.С. Воронков, И.Н. Ефремов (прогрессист), Ф.В. Черячукин, член кадетского ЦК А.И. Шингарев, представители местных кадетских комитетов В.Ф. Зеелер, А.И. Петровский, В.В. Курилов, С.П. Черевков, В.В. Асмолов, К.П. Каклюгин [11].

Выход в свет газеты «Ростовская речь» позволял кадетам систематически публиковать материалы о проведении партийных мероприятий (митингов, собраний, лекций), различного рода воззвания, обращения, призывы, воспроизводить резолюции и постановления кадетских собраний, давать свои оценки происходящим в стране событиям и тем самым поддерживать живой интерес жителей Донской области к деятельности кадетской партии в целом.

Вместе с тем, следуя указаниям ЦК конституционно-демократической партии, основным направлением своей деятельности в годы войны кадеты Дона избрали активное участие в создании и деятельности общественных организации помощи фронту. Несмотря на то что в Донской области не существовало земства, благодаря стараниям местных кадетов в августе 1914 г. область вступила во Всероссийский земский союз, ассигновав в его распоряжение 500 тыс. рублей. В сентябре 1914 г. В.А. Харламов был избран председателем Донского комитета Земского союза в городе Ростове-на-Дону, а в ноябре 1914 г. утвержден председателем областного Доно-Кубанского комитета, в состав которого вошли шесть местных комитетов Донской и Кубанской областей [12]. Комитет сразу же развернул активную деятельность по организации в Ростове и близлежащих городах госпиталей, лазаретов и принятию на излечение эвакуируемых с театра военных действий больных и раненых воинов. Отделения Донского областного комитета Всероссийского земского союза были созданы в Новочеркасске, Нахичевани, Таганроге. И во всех комитетах заметную роль играли представители местных отделений кадетской партии.

В августе 1914 г. города Области Войска Донского вступили в Всероссийский союз городов. На Дону был организован Доно-Кубанский комитет Всероссийского союза городов с филиалами во всех крупных

городах области. Возглавил комитет кадет Ф.В. Черячукин. Комитет, подобно Всероссийскому земскому союзу, занимался организацией госпиталей и лазаретов, снабжением их медикаментами, продовольствием, приемом и размещением раненых воинов и беженцев.

Не остались в стороне от организации помощи фронту и видные предприниматели Дона. 15 августа 1914 г. по инициативе видного представителя донских деловых кругов Н.Е. Парамонова был создан общественный комитет помощи раненым, который обязался к 1 сентября 1914 г. организовать для приема раненых 5 тыс. коек [13]. Через несколько дней в адрес комитета начали поступать первые пожертвования – В.И. Асмолов передал комитету 2 тыс. рублей, братья Н.Е и П.Е. Парамоновы – 10 тыс. рублей. Сам император в телеграмме искренне благодарил братьев Парамоновых за щедрые пожертвования [14].

В Таганроге был образован городской комитет помощи фронтовикам. Большую роль в его создании и деятельности сыграли члены Таганрогского отделения партии народной свободы – А.Н. Говберг, А.С. Безчинский, Д.Д. Алексопуло, И.Я. Шамкович, П.В. Брыкин и другие [15].

На открывшемся 27 мая 1915 г. IX съезде представителей промышленности и торговли прозвучало предложение о создании буржуазной общественной организации, призванной помочь правительству в снабжении армии. Съезд большинством голосов поддержал инициативу создания военно-промышленных комитетов. Кадеты приняли активное участие в их организации. На военно-промышленные комитеты возлагалась задача мобилизации промышленности, распределения государственных заказов.

2 июня 1915 г. на заседании Ростовского биржевого комитета был создан Ростовский военно-промышленный комитет. 14 июня 1915 г. на его первом заседании был избран президиум. Председателем президиума стал известный промышленник и общественный деятель Н.Е. Парамонов, старшим товарищем председателя П.Е. Парамонов, товарищами председателя А.И.Дунин и Н.И. Сергееев, секретарями комитета М.Я. Гурвич и А.С. Кистов. В качестве представителей Всероссийского земского союза в военно-промышленный комитет входили кадеты В.А. Харламов, М.Х. Генне, Ю.М. Лебедев.

В течение последующих двух месяцев шел процесс образования военно-промышленных комитетов. Ростовскому областному военно-промышленному комитету удалось объединить не только комитеты Области Войска Донского, но военно-промышленные комитеты Северного Кавказа. К 1 августа 1916 г. в Ростовский областной военно-промышленный комитет входило 20 местных комитетов: Александровск-Грушевский, Армавирский, Владикавказский, Георгиевский, Ейский, Кубанский, Керченский, Майкопский, Миллеровский, Моздокский, Новороссийский, Новочеркасский, Пятигорский, Ростовский (городской), Сочинский, Ставропольский, Туапсинский, Таганрогский, Хоперский, Царицынский [16].

Донские кадетские активисты приняли непосредственное участие в организации и работе военно-промышленных комитетов в Области Войска Донского, они занимали руководящие посты председателей, товарищей председателя, начальников отделов. Кадетами были председатель Ростовского областного комитета Н.Е. Парамонов, старший товарищ председателя П.Е. Парамонов, начальник юридического отдела В.Ф. Зеелер, начальник отдела сырья С.Я. Каялов, председатель контрольной комиссии С.В. Брыкин и другие. Депутаты IV Государственной думы Ю.М. Лебедев и В.А. Харламов также являлись членами Ростовского военно-промышленного комитета. Подобная картина наблюдалась и в целом ряде местных комитетов Области Войска Донского.

Основой деятельности Ростовского военно-промышленного комитета была работа по снабжению фронта всем необходимым, включая военное снаряжение, амуницию и продовольствие. С лета 1915 г. по январь 1917 г. Ростовский Военно-промышленный комитет изготовил и сдал готовой продукции на сумму в 11 млн рублей [17]. Деятельность Ростовского военно-промышленного комитета способствовала экономическому развитию региона: проводилась модернизация действующих предприятий и строительство новых объектов, создавались новые рабочие места.

Помимо участия во вновь образованных обществах донские кадеты не прекращали работать в созданных ранее общественных организациях. Большое значение кадеты продолжали придавать участию в разнообразных просветительных, благотворительных, культурных, эстетических, экономических обществах, попечительствах, возникших еще в предвоенное время.

Материалы, изложенные в настоящей статье, позволяют сделать вывод, что в годы Первой мировой войны кадеты Дона продолжали оставаться одной из наиболее активных общественно-политических сил. Деятельность донских кадетов в этот период главным образом была сосредоточена на непартийных организациях патриотического направления, цели которых были направлены на поддержание военного и экономического потенциала России. В этих организациях работали люди с различными политическими взглядами, тем не менее очевидна весьма значительная роль кадетов как в организации этих союзов и обществ, так и в координации их деятельности.

Можно утверждать, что такая активность спасла партию от развала и помогла кадетам укрепить свои партийные структуры, которые перед войной находились в кризисном состоянии. С другой стороны, работа в общественных организациях расширяла и укрепляла связи кадетов с другими слоями общества, росло влияние кадетской идеологии.

Организационное развитие кадетских структур Области Войска Донского в годы мировой войны характеризуется тем, что значительно расширить численность партийных рядов не удалось. Здесь положение двойственное – с одной стороны, роста численности донских организаций не наблюдалось, партийная деятельность проявлялась достаточно слабо, с другой стороны, налицо усиление влияния кадетов на Дону.

Примечания

1. Первая мировая война. Современная историография / отв. ред. В.П. Любин. М., 2014.
2. Четвертая Государственная дума. Фракция партии «Народной свободы». «Военная сессия». Отчет фракции. Пг., 1916. С. 5.
3. Протоколы ЦК конституционно-демократической партии. Т. 2. М., 1997. С. 363–367.
4. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 826. Оп. 2. Д. 165. Л. 10.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 1914. Д. 27. Ч. 2. Лит. Б. Л. 8.
6. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 352. Л. 47, 108.
7. Памятная книжка Области войска Донского на 1914. Новочеркасск, 1914. С. 27–28.
8. Там же. С. 102–103; Памятная книжка Области войска Донского на 1916. Новочеркасск, 1916. С. 96–97.
9. Там же. С. 118, 123.
10. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1915. Д. 167. Ч. 20. Л. 33.
11. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1915. Д. 27. Ч. 20. Лит. Б. Л. 32.
12. Четвертая Государственная дума ... С. 77–79.
13. Приазовский край. 1914. 17 августа.
14. Донские областные ведомости. 1914. 24 августа.
15. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1161. Л. 7, 16.
16. Отчет о деятельности Ростовского-на-Дону областного ВПК. Вып. 5. Ростов н/Д, 1917. С. 7.
17. Отчет о деятельности Ростовского областного ВПК. Вып. 6. Ростов н/Д, 1917. С. 38.

С.С. Белоусов

Деятельность органов государственной власти Калмыкии по организации населения на строительство объектов оборонного назначения в период Первой и Второй мировых войн

В период двух мировых войн жители Калмыкии приняли активное участие в сооружении оборонительных объектов. Впервые население Калмыкии было привлечено к строительству оборонительных сооружений в годы Первой мировой войны. В ту войну калмыцкое население Астраханской и Ставропольской губерний, в административных границах которых проживала основная масса этноса, не призывалось на службу в армию.

25 июня 1916 г. вышел указ императора Николая II «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ», после чего Министерство внутренних дел разра-

ботало положение, определяющее контингент и порядок проведения мобилизации калмыков, туркмен, ногайцев и других инородцев. По нему мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 19 до 31 года, прошедшие перед отправкой на тыловые работы медицинское освидетельствование в специальных приемных пунктах. Непосредственно проведение мобилизации возлагалось на инородческую знать и органы управления и самоуправления на местах. Они обязаны были разъяснить призываемым, что в период тыловых работ они будут получать от государства заработную плату деньгами и обеспечиваться питанием [1].

Калмыцкой администрации предстояло выполнить сложную задачу по организации процесса мобилизации населения, ведущего кочевой образ жизни и разбросанного на огромной территории. Однако главная проблема заключалась в том, что калмыки, будучи в основной своей массе скотоводами, не имели никаких навыков строительных работ. Привлечение кочевников к непривычному для них труду могло породить массовое недовольство действиями властей и вызвать на этой почве волнения. Не случайно поэтому при проведении мобилизации решено было прибегнуть к авторитету буддийской церкви. 29 августа 1916 г. астраханский губернатор получил правительственную телеграмму, в которой говорилось, что «в целях правильного восприятия закона от 25 июня 1916 г....» необходимо обратиться к ламе и другим духовным лицам, чтобы те объяснили калмыкам его истинный смысл. Следовало разъяснять, что во время тыловых работ они не подвергнутся военной опасности и за свой труд получат заработную плату и вообще «полную заботливость от правительства» [2].

Для реализации императорского указа в улусах были созданы комиссии в составе попечителей, их заместителей и представителей аймаков, направлявших своих людей на тыловые работы. Они составляли списки мобилизуемых, формировали из них в улусных ставках команды и затем отправляли их на врачебно-питательные пункты. После медицинского освидетельствования на врачебно-питательном пункте призванных принимали представители военных штабов и в организованном порядке доставляли их на тыловые работы в места назначения.

Мобилизованные должны были являться в места сбора со своей одеждой, государство брало на себя расходы по командировке должностных лиц, оплате канцелярских расходов, питанию, однако до перечисления казенных денег предписывалось использовать местные средства.

Военные власти рассчитывали провести мобилизацию на тыловые работы в сжатые сроки, однако этого не получилось. В Астраханской и Ставропольской губерниях в это время в самом разгаре были сельскохозяйственные работы, и отрыв от них активного трудоспособного населения мог нанести хозяйствам и экономике в целом непоправимый урон. В сложившихся условиях было принято решение отложить мобилизацию до начала осени. Кроме того, 9 июля 1916 г. министр внутренних дел разрешил астраханскому и ставропольскому губернаторам по своему

усмотрению освобождать от мобилизации лиц «по должности, роду занятий, образования», а также предоставлять отсрочки лицам, задействованным в сферах, связанных с обороной [3].

Некоторые группы калмыцкого населения полностью освобождались от мобилизации на тыловые работы – это буддийское духовенство, «почетные граждане», учителя, фельдшеры, студенты, обучающиеся в высших, средних и специальных начальных учебных заведениях. Учащаяся молодежь и люди с редкими профессиями составляли крайне незначительную часть калмыцкого населения и были востребованы в улусах, поэтому правительство всячески старалось оградить их от призыва на тыловые работы.

Освобождались от мобилизации также лица, занимавшие должности в органах управления и самоуправления калмыцким народом: хотонные старосты, аймачные старшины, переводчики, писари, полицейские рассыльные заседатели судов зарго и, кроме того, содержатели почт, ямщики. Должностные лица калмыцкого управления не призывались, пока состояли на службе, в случае увольнения с нее, они утрачивали это право, также запрещалось лицам призывного возраста поступать на должности, которые освобождали их от призыва [4].

Таким образом, в основе правительственной политики по освобождению отдельных групп калмыков призывного возраста от мобилизации или предоставления отсрочек на тыловые работы в годы Первой мировой войны лежали, прежде всего, профессиональный и образовательный принципы и только отчасти – сословный. Законодательство не предусматривало льгот по социальным признакам, но в то же время допускало практику добровольной замены призываемых другими лицами. Это позволяло зажиточным калмыкам за плату нанимать вместо себя или членов своих семей других, менее материально обеспеченных лиц.

Калмыки воспринимали отправку на тыловые работы как тяжелую повинность, однако активного сопротивления данной кампании не оказали.

Процесс приема и медицинского освидетельствования мобилизованных калмыков на питательно-врачебных пунктах занял около месяца, начавшись в середине сентября и завершившись в начале октября. Всего к середине декабря 1916 г. из намеченных правительством 44 тыс. инородцев Астраханской губернии была мобилизована половина, остальные по разным причинам получили отсрочку или освобождение от тыловых работ. В конце декабря того же года правительство приняло решение вообще прекратить мобилизацию инородческого населения Астраханской губернии. Среди отправленных на тыловые работы жителей Астраханской губернии калмыки составляли приблизительно около 8 тыс. человек и еще около 1 тыс. калмыков были взяты из Большедербетовского улуса Ставропольской губернии [5]. Астраханские калмыки использовались в основном на строительстве оборонительных сооружений, железных дорог в Волынской, Могилевской и прибалтийских губерниях.

На местах работы калмыков объединяли в бригады по 500 человек, причем формировались они с учетом принадлежности к конкретному аймаку, и в них обязательно присутствовал освобожденный от работ один буддийский священник – гелюнг. Рабочие размещались в казармах и обеспечивались продовольствием из расчета 1,2 фунта мяса, 1,2 фунта белого хлеба, 1,2 фунта черного хлеба в день на одного человека. За труд рабочему полагалось жалование в размере 1 рубль в день, сотскому и гелюнгу – 2 рубля [6].

В годы Великой Отечественной войны население Калмыкии вновь было привлечено на строительство объектов оборонного значения. По данным статистики, в 1941 г. в КАССР проживало 213 232 человека, из них в возрасте от 18 и старше – 117 158 человек [7]. Более 90 % населения республики по национальности были калмыками и русскими – примерно равных по численности этнических групп.

13 октября 1941 г. Государственный комитет обороны СССР, опасаясь в будущем крупного наступления немецких войск на сталинградском направлении, принял решение о создании в большой излучине реки Дон глубоко эшелонированной обороны. Сооружение мощного оборонительного рубежа по рекам Аксай – Дон – Северский Донец было возложено на 8-ю саперную армию, в распоряжение которой направлялось мобилизованное гражданское население из мест строительства и соседних регионов.

В Калмыцкой АССР мобилизация населения и отправка его на строительство Донского оборонительного рубежа была проведена в течение ноября. По распоряжению республиканских властей на работы были направлены жители близлежащих к месту строительства западных улусов КАССР: Малодербетовского, Сарпинского, Западного, Яшалтинского, Приютненского и города Элисты. Отправка людей на работы проходила в сложных погодных условиях, что отрицательно сказалось на графике их прибытия на Донской оборонительный рубеж. Следует отметить также и то обстоятельство, что не везде местные власти оказались в состоянии на должном уровне провести мобилизацию, обеспечить людей всем необходимым и организовать им передвижение к месту назначения.

24 ноября 1941 г. командование 150-го армейского управления военно-полевого строительства (АУВПС) проинформировало областной комитет ВКП(б) и Совет народных комиссаров КАССР о серьезных недостатках в деле организации отправки рабочей силы на строительство военных объектов, назвав ее «совершенно неудовлетворительной». На Донской оборонительный рубеж люди прибывали очень медленно, мелкими группами, не обеспеченные теплой одеждой и обувью, нередко больные и возрастом моложе 16 и старше 50 лет. Вследствие этого в работе было задействовано только 60 % от числа прибывших людей. Часть людей из-за плохого питания по пути не дошла до места назначения, возвратившись домой. По состоянию на 23 ноября 1941 г. на объектах работало до 7 тыс. человек, вместо положенных 20 тыс. человек.

Командование 150-го АУВПС просило руководство республики принять срочные меры к исправлению ситуации и по возможности направлять калмыцкое население на строительство «с юртами, ввиду кризисного состояния в расквартировании» [8].

Чтобы ускорить отправку мобилизованных людей на строительство, Калмыцкий обком партии направил в улусные центры своих представителей, которые обычно решали такие вопросы путем «подстегивания» и «нагоняя» местным властям.

В сооружении военных объектов на Дону с 10 ноября по 12 января 1942 г. приняли участие 10 тыс. человек из Калмыцкой АССР. За указанное время ими было вынуто свыше 1,5 млн кубометров грунта, в среднем по 140–150 кубометров на человека.

Работы проходили в холодное время года, в условиях 30-градусных морозов, метелей и ветров, что создавало серьезные трудности для строителей. Во время сильных морозов окаменелую землю невозможно было копать вручную, поэтому саперами устраивался подрыв грунта. Рабочий день длился по 14 ч, довольно высокими были и дневные нормы выработки – по 2,3 кубометра на одного строителя из числа гражданского населения. В период строительства ощущался острый недостаток продовольствия и всего необходимого для жизни и работы, т.к. было крайне трудно завезти грузы по заметенным снегом дорогам.

Несмотря на тяжелейшие условия работы и быта, люди делали все возможное, чтобы поскорее завершить строительство и возвратиться домой. Некоторые из строителей даже перевыполняли дневные нормы выработки. За «проявленный героизм и самоотверженность» на строительстве Донского оборонного рубежа Президиум Верховного Совета КАССР наградил 757 человек почетными грамотами и 32 человека представил к правительственной награде СССР, а Военный совет 8-й саперной армии объявил всем строителям благодарность [9].

В ходе успешного наступления немецких войск к осени 1941 г. фактически было прекращено движение на главной железнодорожной магистрали Москва – Курск – Харьков – Ростов-на-Дону, связывавшей центральную часть страны с ее южными районами, затем почти полностью выбыла из строя Юго-Восточная железная дорога. В результате этого повысилась роль поволжских железных дорог, поэтому руководство СССР с целью увеличения их пропускной способности приняло решение построить железную дорогу Кизляр – Астрахань протяженностью в 356 км, из них 280 км по территории Калмыцкой АССР.

Для реализации поставленной задачи железнодорожникам требовалось большое количество чернорабочих, поэтому к строительству было решено привлечь гражданское население районов, прилегающих к месту будущего прохождения трассы. В Калмыцкой АССР на работы было мобилизовано гражданское население из восточных улусов: Приволжского, Улан-Хольского, Долбанского, Лаганского, Черноземельского и Юстинского улусов. За организацию населения на работы, обеспечение

его продовольствием, одеждой и инструментами, отправку к месту назначения отвечали непосредственно директора колхозов, секретари комитетов партии и председатели исполкомов данных улусов. Бригады укомплектовывались людьми из одного населенного пункта, и дальнейшее их снабжение на месте строительства закреплялось за властями места их постоянного жительства. Общее руководство подготовкой, отправкой и налаживанием быта строителей на трассе осуществляли республиканские органы власти.

К январю 1942 г. на строительстве железной дороги Кизляр – Астрахань работали 9500 жителей и 3030 подвод из восточных улусов Калмыкии [10]. Основной контингент строителей составляли женщины, старики и подростки, т.к. вследствие призыва в армию людей наиболее трудоспособных возрастов колхозы и совхозы начали испытывать недостаток в трудовых ресурсах.

Трудиться приходилось в тяжелых условиях. Из-за отсутствия техники большинство работ производилось вручную, существовали перебои с питанием, в безлюдной местности люди жили во временных землянках, палатках и кибитках. Не хватало воды, песчаный и солончаковый грунт быстро осыпался, и строители вынуждены были переделывать насыпь. Работа осложнялась ветрами, зимой – сильными морозами, а летом – жарой.

В июле 1942 г., с приближением фронта, трассу начали бомбить немецкие самолеты, а в августе, когда немецкие войска заняли большую часть территории Калмыцкой АССР, в район железной дороги стали забрасываться диверсанты и проникать моторизированные подразделения войск вермахта с целью совершения диверсий. Так 15 августа 1942 г. дорогу бомбили 4 раза. Авиаудар был нанесен по станциям Улан-Хол, Зензели, в результате были разрушены несколько звеньев дороги, подожжены 6 железнодорожных цистерн с нефтью, погибли люди. Представители республиканских властей докладывали в СНК, что на трассе «совершенно отсутствует» воздушная охрана [11].

Строительство, кроме того, задерживали приостановки работ на трассе и переброски людей на строительство других военных объектов. К концу ноября строителями было произведено 3/4 земляных работ, уложено 210 км полотна, однако неожиданно Наркомат путей сообщения СССР 1 декабря 1941 г. издал приказ о консервации стройки и переброске специалистов на линию железной дороги Баскунчак – Макат. СНК КАССР и Бюро обкома ВКП(б) выразили свое несогласие с данным решением и обратились лично к И.В. Сталину, обосновав необходимость продолжения строительства. Аргументы калмыцкого руководства убедили Сталина, и он своим распоряжением отменил приказ.

В начале весны со строительства были сняты 10 тыс. рабочих и вместе с техникой переброшены в район Сталинграда для помощи в сооружении глубоководных причалов. Отозванные строители стали возвращаться на стройку в конце мая [12].

Железная дорога была построена за 10 месяцев, в начале августа по ней пошли первые составы поездов. В строительстве дороги приняли участие около 20 тыс. жителей Калмыцкой АССР, из них более 700 человек были награждены почетными грамотами.

В 1941–1942 гг. население Калмыкии принимало участие в строительстве оперативных (временных) аэродромов для легких истребителей. Равнинный характер рельефа степной местности создавал хорошие условия для устройства летных площадок. В 1941– начале 1942 гг. по заданию ГКО на территории КАССР усилиями ее жителей было построено 5 оперативных аэродромов с оборудованными летными полями, хранилищами горючего, укрытиями для самолетов и землянками для проживания летного и обслуживающего персонала. На каждом объекте работали в среднем по 1000–1200 человек [13].

Весной 1942 г. в связи с приближением фронта к административным границам КАССР по распоряжению ГКО за № 1412 от 8 марта 1942 г. началось строительство дополнительных аэродромов для 5-й воздушной армии. Руководство республики и местные власти провели мобилизацию населения на строительство и обеспечили его необходимым рабочим инструментом, продовольствием и палатками. Для выполнения задачи Бюро обкома ВКП(б) и Совет народных комиссаров КАССР выделили 1100 рабочих, 450 подвод, 1320 лопат, 12 палаток на 400 человек, 4 грейдера, 8 плугов, 9 прицепных катков. Мобилизации людей и техники на строительство оперативных аэродромов проводились до конца октября 1942 г. К этому времени были построены 19 аэродромов, на сумму в 448 820 рублей [14].

В период Первой и Второй мировой войн населением Калмыкии был приобретен определенный опыт строительства объектов военного назначения. В годы Первой мировой войны на строительство привлекалось исключительно инородческое население Калмыкии, которое было освобождено от призыва в действующую армию. Русское население мобилизовалось на военную службу и в оборонительных работах не участвовало. Перед властями Калмыкии во время Первой мировой войны стояла сложная задача обеспечить организованную отправку в установленные сроки на строительство объектов людей, ведущих в массе своей кочевой образ жизни и абсолютно не знакомых со строительными работами. Тем не менее проблема эта была решена в целом успешно. Большую роль в выполнении задачи сыграли материальное стимулирование мобилизованных на строительство и достаточно четкий порядок организации их сбора и отправки. В силу ряда объективных обстоятельств правительство вынуждено было отказаться от мобилизации запланированной цифры людей. Внося коррективы в план мобилизации в направлении уменьшения численности привлекаемых на тыловые работы калмыков, власти учитывали потребности экономики региона и шли навстречу пожеланиям местной администрации и предпринимателей.

В годы Великой Отечественной войны строительство оборонительных объектов развернулось уже непосредственно на территории Калмыкии

и примыкающих к ней областей. Поскольку к этому времени были ликвидированы правовые различия в статусах народов России и все они получили равные права, то калмыки стали призываться на военную службу наравне с другими народами, а русское население соответственно вместе с калмыками и представителями других народов привлекалось к строительным работам. В условиях советского режима в процессе организации людей на строительство принимались преимущественно меры административного и идеологического воздействия.

Необходимо отметить, что основные расходы на обеспечение строек на территории республики как рабочими, так и всем необходимым для работы и жизни на строительстве несли органы государственной власти Калмыкии. При строительстве железной дороги Кизляр – Астрахань, военных аэродромов и оборонительных сооружений власти использовали накопленный опыт работы части населения республики на ударных стройках страны и строительства в 1940 г. шоссейной дороги Дивное – Элиста.

Если сравнивать действия властей по привлечению людей на тыловые работы в годы Первой и Второй мировой войн, то следует признать, что они были более продуманными и организованными у имперских властей, однако справедливости ради стоит отметить, что перед советскими управленцами стояли более сложные задачи и им пришлось действовать в условиях более жестких и сложных.

Примечания

1. Орехов И.И. Первая мировая война и развитие калмыцкого общества // Ученые записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Элиста, 1967. Вып. 5. Ч. 1. Серия истории. С. 95.

2. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 334.

3. Орехов И.И. Указ. соч. С. 98.

4. НАРК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 165.

5. Орехов И.И. Указ. соч. С. 101.

6. НАРК Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 382об.

7. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009. Т. 2. С. 422–423.

8. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 616. Л. 93

9. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 13.

10. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 11.

11. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 59.

12. Убушаев В.Б Трудовой героизм тружеников Калмыкии на строительстве железной дороги Астрахань – Кизляр // Строительство железной дороги Астрахань – Кизляр: роль и значение. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию строительства железной дороги Астрахань – Кизляр. 17–18 октября 2012 г. Элиста, 2012. С. 20.

13. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 14.

14. НАРК. Ф. Р-131. Оп. 3С. Д. 86. Л. 59.

С.Ю. Иванова

Патриотическая идеология военных лет: проблема преемственности и сохранения

В последнее десятилетие происходит возрождение патриотизма, осознание не только гражданами, но и политической элитой важности этого чувства в достижении социальной сплоченности перед лицом новых вызовов и угроз российскому государству. Свидетельством небывалого патриотического подъема стало празднование юбилея Великой Победы в 2015 г. Отношение же руководства страны к проблематике патриотизма емко и кратко выразил Президент РФ В.В. Путин: «Если мы хотим жить лучше, нужно, чтобы страна была более привлекательной для всех. У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма», – заявил он [1].

Общеизвестно, что обращение к патриотической идеологии характерно для трудных, переломных периодов в жизни страны, когда требуется напряжение сил народа, героизм и жертвенность. Великая Отечественная война была труднейшим испытанием для страны и каждого человека, и победа в ней – результат патриотических поступков миллионов. На чем формировались патриотические чувства и идеология в предвоенный период? Ответ на этот вопрос и исследование генезиса советского патриотизма позволят обосновать его преемственность с российским патриотизмом наших дней, находящимся в процессе становления.

Патриотическая идея, имевшая глубокие исторические корни в сознании российского народа, но отвергаемая Г.В. Плехановым, В.И. Лениным и другими российскими марксистами, после октября 1917 г. становится самой важной частью идеологического обеспечения защиты Советской России. Именно в этот период стало ясно, что идея патриотизма обладает огромной внутренней охранительной энергией. Найти ей равноценную замену было невозможно. Ни одна великая социальная идея не способна адекватно исполнить спасительную функцию мобилизации большинства населения государства на защиту от внешнего врага.

Идеи свободы, равенства, братства, абстрагированные от исторических реалий, выше, чем идеи национализма или патриотизма. Но в исторических условиях России 1917 г. сами они, без поддержки патриотических чувств, были не в состоянии обеспечить победу над внешним врагом.

Вот на эту глубинную мощь, на защитные силы суперэтноса опирался В.И. Ленин, когда впервые провозгласил лозунг «защиты социалистического Отечества». Связать теоретически интересы патриотизма и социализма ему удалось, опираясь на новую мессианскую идею о ведущей роли Советской России в деле построения коммунистического общества. Принципиально это не расходилось с социальными идеями марксизма,

т.к. вопрос действительно состоял в том, «какую политику война продолжает (“война есть продолжение политики”), какой класс, в каких целях войну ведет» [2].

В период строительства нового общества мессианскую идею «богочеловечества» заменяет государственная мессианская идея «форпоста коммунизма». Сталинский тоталитаризм вообще старался брать от общих линий культурного национального развития (западничества и славянофильства) именно то, что могло укрепить диктатуру. От славянофилов и почвенников – понятия о монолитности и единодушии народа, о его покорности и терпении, об объединяющей роли единовластия, об особом пути развития России, о «загнивании Запада». От революционных демократов – учения об отвержении инакомыслия, о великой преобразующей роли теории, способной преобразовать жизнь, о борьбе противоположностей, о превосходстве социальных факторов над нравственными и т.д.

Патриотическая концепция Сталина по своей сути была глубоко противоречивой, как, собственно, и у всей партии коммунистов в период ее руководства страной. Если марксистская утопия, пронизывающая всю деятельность лидера, подталкивала его к подражанию западной модели – его буквально преследовал призрак индустриализации и стремление догнать Европу, – то от славянофильской культуры он унаследовал крайнее недоверие к внешнему миру, к Западу, что толкало его к созданию барьеров вокруг своей страны, изоляции ее от Запада.

Таким образом, Сталин, будучи государственником, во всей внутри- и внешнеполитической деятельности доктринально придерживался последовательно марксисткой, интернационалистской линии. Однако государственная централизация, поголовная унификация, великодержавная прорусская политика, опора (особенно в годы войны) на великорусский патриотизм и даже национализм, кампания «борьбы с космополитизмом» сводила весь интернационализм к лозунгу, идеологическому штампу. Основной особенностью патриотического движения этого периода было его административное насаждение сверху. Из сферы нравственности и культуры он был переведен в сферу политики, идеологии, бюрократии.

Было бы неверно считать, что тоталитарные тенденции в развитии российского общества в XX в. разрушили процесс формирования патриотизма. Активно пропагандируя идеи «пролетарского интернационализма», руководители советского государства и коммунистической партии на деле оставались державниками. Коммунистические идеи, рожденные Западом, уживались с идеями славянофилов и почвенников, имманентными евразийской цивилизации. Патриотическая направленность всегда являлась важным компонентом духовной жизни советского общества.

Объясняя природу советского патриотизма, ряд исследователей придерживаются точки зрения, что в 1930-е гг. отношение к отечеству

в массовом сознании и в официальной трактовке сочетало в себе два начала: новое, советское, и старое, традиционно-русское. Благодаря этому в СССР в предвоенное десятилетие складывалась специфическая модель патриотизма, в которой общесоюзный патриотизм соединялся с патриотизмом отдельных народов, а обеспечивалось столь непростое сочетание благодаря общему знаменателю – советской власти. Полное воплощение эти идеи получили в сталинско-ждановских концепциях культуры и патриотизма. Наиболее показателен в этом отношении послевоенный период, когда подтвердилась мессианская роль советского народа – спасать и вести за собой другие народы мира; сбылось предсказание «великого вождя» – враг действительно разбит и «Победа за нами».

Однако в основу формирования патриотизма в этот период было положено представление о том, что Советская Россия является закономерной наследницей лучших традиций русской истории [3]. «Возвращение» элементов русского национального патриотизма в государственную идеологию и культуру некоторые авторы объясняют стремлением советского руководства расширить ограниченные мобилизационные возможности «советского наднационального патриотизма». При этом подчеркивается, что «во многом именно эта “государственно русская политика” примирила значительную часть населения России с режимом и способствовала консолидации общества, что, в свою очередь, позволило государству устоять в 1941 году» [4]. В данных тезисах автор высказывает мысль о том, что народ и интеллигенция были давно готовы к такой смене идеологических ориентиров, поскольку испытывали усталость от национального нигилизма.

И.В. Сталин активно использовал национальную и патриотическую идеи в ходе Великой Отечественной войны. Достаточно вспомнить памфлеты И. Эренбурга в первые месяцы войны в «Правде»: «Убей немца!», «Наука ненависти» и другие; возрождение из небытия имен А. Невского, М. Кутузова, Б. Хмельницкого. Даже православная церковь была призвана режимом, проигрывающим войну, для спасения Отечества.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что патриотизм в советском обществе не ограничивался лишь рамками официальной идеологии и имел не только негативную подоплеку. Он, хотя и был подвержен мифологизации, не являлся только мифом, оставался относительно свободным гражданским чувством в несвободном обществе и в определенной мере стимулировал творчество представителей интеллигенции и труд советских людей в целом, давая образцы не только «казенного» отношения, но и искреннего служения отечеству. Высок был уровень гражданского самосознания большинства советских людей, определявшийся любовью к родине, гордостью за страну и верой в социалистические идеалы. По мнению В.С. Барулина, «было бы совершенно ошибочным, основываясь на неприятии партийно-государственного абсолютизма, изображать деятельность российского человека в советский период как некую пустоту, лишенную самоутверждения и ценностного смысла» [5].

На наш взгляд, само содержание советского патриотизма в сознании многих советских граждан, в том числе и воевавших на фронте, имело гуманистическую доминанту и было нацелено на высокие человеческие идеалы. В сочетании с социалистическими идеями и ценностями это способствовало действительному возвышению личности, придавало черты особого светлого романтизма в помыслах людей, позволяло им совершать подвиги, которыми гордятся потомки.

Послесталинский этап не принес ничего существенно нового в развитие патриотической идеи и патриотического сознания. Только всё более углублялась пропасть между ура-патриотизмом верхов и естественным патриотизмом народа, между формой и содержанием. Замедление темпов роста экономического развития, разрушение окружающей среды открывали глаза большинства на «реальные заслуги социализма», но широко обсуждать это было по-прежнему нельзя, да и на любовь гражданина к Отечеству это влияло лишь опосредованно. Глубокие внутренние противоречия требовали своего разрешения. Перестройка была половинчатым, неадекватным ответом на назревшие политические, социальные, идеологические и культурные потребности. Период перестройки был чрезвычайно полезен для пробуждения стремления человека к свободе.

Обе тенденции в формировании патриотизма – славянофильская и западническая – гласно или негласно всегда присутствовали в мировоззрении общества, в идеологии и культуре России. Причем в дооктябрьский период идеи державности, как правило, поддерживались властью и церковью, являлись официальными, подпитывая патриотизм, в первую очередь в его националистической форме. В послеоктябрьский период властные структуры ни разу не заявляли открыто о своей приверженности принципам славянофильства. Однако весомая официальная поддержка центростремительным тенденциям оказывалась практически всегда. Что касается поддержки населения, то она достаточно традиционная, мощная, неформальная, а поэтому имеет особую живучесть, силу и длительную временную перспективу.

Западническое течение патриотической идеи со временем распалось на два течения: умеренное и радикальное. Причем радикальная часть, наиболее склонная к критике «своего» правительства, наименее терпимая к оппонентам и компромиссам, являлась всегда и наиболее центробежной. Однако, благодаря приходу к власти, с радикалами произошла характерная метаморфоза. Принципиально оставаясь на платформе западной, центробежной по сути идеи, эта часть внутренне переродилась в откровенных почвенников, державников, «охранителей границ». Более того, она воспитала, взрастила новое поколение патриотов националистического толка, современных российских державников. Отличительной их чертой остается оправдание насилия, уже совершенного в целях «укрепления отечества», и признание допустимости подобного насилия в будущем.

Наличие целого ряда трактовок, искажающих сущность патриотизма, во многом объясняется тем, что на протяжении многих десятилетий он рассматривался официальной советской наукой преимущественно в контексте классового, политико-идеологического (марксистско-ленинского) подхода. Вне его содержательный смысл понятия «патриотизм» интерпретировался весьма редко и в ограниченной степени.

Россия, тем более дореволюционная, с ее многовековой богатейшей героической и трагической историей, великой культурой, непреходящими и, прежде всего православными ценностями все более размывалась, растворялась в социалистическом общественном сознании, в научном мировоззрении и даже в обыденной психологии. Полноценное, истинное патриотическое сознание сохранилось лишь у незначительной части общества, поскольку большинство людей имело ограниченный доступ к источникам подлинно духовного, национально-исторического и культурного знания, образования и развития.

Падение коммунистического режима в России не могло означать только смену политического порядка или господствующей идеологии. Важнейшей составляющей этого процесса явилось разрушение устоявшихся представлений советских людей о себе и своем месте в мире, вызвавшее массовый кризис идентичности и, как следствие, разрушение основ советского патриотизма. Можно сказать, что Советский Союз существовал до тех пор, пока существовала социальная и личностная идентичность «простых советских людей». Советскость представляется нам не столько идеологической, сколько феноменологической категорией.

Прежде всего, нельзя недооценивать значение того обстоятельства, что советская система, независимо от отношения к ней (от открытого диссидентства до глубокой убежденности в правоте идеалов социализма), являлась важнейшей точкой отсчета, определявшей не только политический, но и культурный облик личности. Крушение советской системы означало исчезновение одного из важнейших ориентиров, структурировавших не только геополитическую картину мира, но и внутренний мир субъекта.

Нельзя забывать, что та система представлений, которую принято называть официальной советской идеологией, органически сочетала в себе идеологические клише, восходящие к классикам марксизма-ленинизма, и коллективные ценности и представления. Было бы упрощением считать эту идеологию монолитом марксистских догматов, силой навязанных обществу. Столь же неверным было бы считать, что сознание советских людей, подчинившись насилию, восприняло совершенно чуждые ему коммунистические лозунги. Несостоятельность упрощений такого рода, естественно следующих из концепции тоталитаризма, убедительно продемонстрирована применительно к разным сферам жизни советского общества в ряде работ западных «советологов». Если в течение почти столетия это сознание не без успеха подвергалось идеологическому воздействию, то только благодаря тому, что предлагаемые

ему идеи и ценности в значительной степени формировались на основе коллективных народных представлений, поэтому они находили «глубокий отклик в массах». Объективный характер советского патриотизма создавался едиными для советского народа культурными институтами, системой образования, средствами массовой информации, единообразием институциональной организации в сферах социальной, политической и повседневной жизни: едиными нормами права, информационной инфраструктурой, системой социального обеспечения.

Разделяемая система ценностей создавала основу консенсуса между властью и обществом, нерушимость этой связи была проверена самым тяжелым испытанием – войной. Сущностная доминанта советского человека как социально-культурного типа личности была связана с ценностями коллективизма, социального равенства и патерналистскими установками по отношению к государству. Структуры формирования духовности и коллективности советского человека – коммунистическая идеология и советская культура – имели абсолютный и безусловный характер. Когда же в годы перестройки советская идеология начала распадаться, в кризисе оказалась вся система референций, связанная с ней. Как отмечает Т. Парсонс, «идеология – это система убеждений, относительно которой члены коллектива, то есть общества или же субколлектива внутри общества, включая сюда и движения, отклоняющиеся от основной культуры данного общества, – согласны в том, что она ориентирована на ценностную интеграцию коллектива» [6].

Крах официальной идеологии неизбежно вел к пересмотру привычной оценки исторических событий и, следовательно, к кризису такой важной составляющей личности, как историческая память. Для огромного большинства советских людей, независимо от того, были ли они апологетами режима или его противниками, оказалась под вопросом оценка того единственного разделенного прошлого, без которого повисала в пустоте и коллективная, и семейная история, и часть собственной жизни всех тех, кто родился и вырос при советской власти. Вместе с разрушением сложившейся за годы советской власти официальной версии советской истории – важнейшего орудия легитимизации советского режима – исчезла ментальная рамка, которая упорядочивала историческую память, придавая смысл судьбам людей.

Но ментальные основы нашей цивилизации устояли под натиском либерально-демократических вбросов перестроечных лет, и нынешнее поколение, поколение перестройки, родившееся уже не в СССР, демонстрирует отчетливый запрос на патриотические основания своего бытия. Ярким свидетельством этого было участие молодежи в акциях «Бессмертный полк», «Забытый полк». Очень важно, чтобы этот запрос был поддержан в сфере научных исследований, в литературе, кинематографии. Новое поколение ждет хороших книг, фильмов о войне, чтобы впоследствии передать образы героев, символы и смыслы своим детям.

Примечания

1. Владимир Путин: «Патриотизм и есть наша национальная идея!» // Известия. 2016. 3 февраля. URL: http://izvestia.ru/news/603264 (дата обращения: 04.04.2016).

2. Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полное собрание сочинений: в 55 т. М., 1958. Т. 34. С. 197.

3. Константинов С.В. Дореволюционная история России в идеологии ВКП(б) 30-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 230.

4. Иванов А.Н. «Возвращение» русского патриотизма в государственную идеологию СССР // Вестник Костромского государственного педагогического университета. 1997. № 2(11). С. 56.

5. Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя: монография. СПб., 2000. С. 184.

6. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 477.

Е.А. Лепкова

Анализ особенностей организации системы здравоохранения в провинциальных городах Нижнего Поволжья в период Первой мировой и Гражданской войн (по материалам города Царицына)

Социальная политика каждого государства во многом опосредована внешней и еще больше внутренней ситуацией в стране в тот или иной период времени. В начале XX в. населению Российской империи выпало тяжелое испытание – Первая мировая и Гражданская войны. Правильная организация медицинских служб по всей стране стала непременным условием успешного проведения военных операций на фронтах. Эти две войны кардинально отличались друг от друга: Первая мировая война – это война внешняя, а Гражданская – внутренняя. Соответственно организация системы здравоохранения и проблемы, которые решались медицинскими службами, в течение этих войн также отличаются. Город Царицын Саратовской губернии в указанный период имел важное военно-стратегическое значение, особенно во время Гражданской войны. Данное исследование преследует цель провести сравнительный анализ деятельности медицинских учреждений города Царицына в течение самых сложных и кровопролитных войн начала XX века – Первой мировой и Гражданской.

В начале XX в. в Царицыне насчитывалось 10 ведомственных больниц, 3 городские амбулатории, 3 частные больницы. В уезде работало 10 сельских врачебных участков и 4 фельдшерских пункта, 19 врачей занимались частной практикой [1]. С началом Первой мировой войны в уезде стали открываться курсы подготовки санитаров и сестер милосердия. Значительная удаленность Царицына от фронтов Первой мировой войны благоприятствовала относительно спокойной работе медицинских учреждений города и уезда в течении всего периода

войны. Одной из важнейших проблем в стране была эвакуация раненых и больных. При большом наплыве раненых они скапливались на головных эвакуационных пунктах, случалось, что сутками стояли в ожидании отправления. Нехватка транспорта и недостаточная протяженность железных дорог не давали возможности равномерно заполнить больными и ранеными весь созданный объем больничных мест в лечебных учреждениях. Раненые накапливались в распределительных пунктах, куда их свозили с передовых позиций, в результате чего близлежащие эвакуационные пункты были переполнены, а лечебные учреждения в отдаленных районах пустовали [2]. Наполняемость лазаретов Царицына ранеными и больными была небольшой, что может объясняться крайне неэффективно выстроенной системой эвакуации раненых и значительной удаленностью города от театра военных действий. Данный факт подтверждается следующими выдержками из документов: «Движение больных и раненых воинов по Саратовской губернии за время с 15 по 30 ноября 1914 г. Царицынский уезд. Всего по уезду поступило – 2, переведено – 7, число свободных коек – 71. Всего со дня открытия выписано – 40» [3]; «Движение больных и раненых воинов с 15 января по 1 февраля 1915 г. В г. Царицыне состоит – 254 чел., свободных коек – 370» [4].

Значительную роль в оказании помощи раненым играли многочисленные дамские комитеты, разнообразные благотворительные организации города и Российское общество Красного Креста. Кроме традиционных пожертвований Красному Кресту (деньги, теплая обувь, одежда, ткани), в 1914 г. стали появляться новые их виды. Это содержание коек для раненых на определенный срок, оплата их лечения. Так называемые «именные койки», т.е. оплаченные конкретным лицом, в день стоили 30 копеек. Оплата «жертвователями» койки осуществлялась на срок от 1 до 12 месяцев или «на время войны». Среди содержателей коек были крупные промышленники, купцы. Благодаря деятельности Красного Креста в Царицын было привезено медицинское оборудование. В лазаретах Красного Креста были оборудованы рентген-кабинет, позже кабинет «микроскопии для проведения анализов».

В начале войны на службу были призваны большое количество врачей Саратовской губернии. Оставшиеся вынуждены были работать с дополнительной нагрузкой, что заставило многих отказаться от научной работы и командировок. А.К. Воронин организовал в Царицыне совет врачей, в который входили городской голова А.И. Остен-Сакен, сам по образованию врач, врач П.Д. Тихомиров и др. Все медики предлагали свои услуги безвозмездно. Лечение в царицынских лазаретах давало хорошие результаты, процент выздоровления был достаточно высок, что подтверждается следующими документами: «Сведения о движении больных и раненых в лазарете № 1. Раненых поступило 403 + 32 (из др. лазаретов), выписано за излечением – 427» [5].

Участие России в Первой мировой войне определило новые задачи земской медицины. Появление массы беженцев, раненых, военнопленных

влекло за собой распространение инфекционных заболеваний. Увеличилась детская смертность, появилась угроза эпидемий. Была необходима активизация деятельности санитарной службы. В числе противоэпидемических мероприятий в Царицыне было строительство помещений для изоляции больных (деньги на эти меры выделяло правительство) и вакцинация. 8 июля 1915 г. состоялось Совещание представителей губернской и уездных управ с врачами по вопросу борьбы с эпидемиями. Согласно выработанному совещанием плану, губернское земство формировало санитарные отряды, которые отслеживали и пресекали распространение заболеваний [6]. В период войны в Царицыне были отмечены заболевания сыпным и брюшным тифом, холерой, малярией.

После Февральской и Октябрьской революций 1917 г. медико-санитарное обслуживание населения значительно ухудшилось. Главной задачей советских органов здравоохранения стало создание централизованной медицинской системы, в которой абсолютно все учреждения подобного плана подчинялись и отчитывались перед новым центральным органом под названием Нарком здравоохранения РСФСР. Последствия Первой мировой войны и Революции 1917 г., хозяйственная разруха, голод нанесли колоссальный ущерб сети медицинских учреждений Нижнего Поволжья, дали толчок к резкому росту эпидемий. Для решения новых задач на местах в районах страны с ноября 1917 г. стали создаваться медико-санитарные отделы (при местных советах) и врачебные коллегии (при некоторых народных комиссариатах). В городах Нижнего Поволжья после установления советской власти были образованы комиссариаты здравоохранения, которые затем были переименованы в медико-санитарные отделы, в составе заведующего, коллегии, подотделов и секций, количество и наименование которых неоднократно изменялось.

В связи с ухудшением военной обстановки на юго-востоке страны, в Царицыне с весны 1918 г. проводилась большая работа по организации регулярной Красной армии, а также по реорганизации и оснащению медицинской службы. Принимаются экстренные меры по созданию единой системы медицинского обеспечения как в военных, так и в гражданских медицинских учреждениях. 4 марта 1918 г. Царицынским губернским исполкомом был разработан проект медико-санитарного совета Царицынского Совета рабочих крестьянских и казачьих депутатов, основной задачей которого было решать вопросы оказания медицинской помощи госпиталям Красной армии и аптекам. В Царицыне имелось всего 3 госпиталя на 850 коек, предназначенных для помощи раненым солдатам Красной армии, да и те были переполнены. Не было лабораторий, дезинфекционных камер, не хватало медикаментов. Воинские части оставались почти без всякой медицинской помощи. Только некоторые части обслуживались небольшими санитарными летучками, помощь в которых оказывали медицинские сестры и «выборные» врачи из числа ротных фельдшеров. Таких летучек насчитывалось 5–6, да и они были

организованы не санитарным управлением, а по инициативе воинских частей. Большинство частей было лишено и этого примитивного медицинского обслуживания. Эвакуационных средств не было, раненые доставлялись в Царицын беспорядочным образом, в необорудованных теплушках, нередко на соломе с неперевязанными открытыми ранами. В городе было огромное количество беженцев, но для размещения всех в эвакопунктах не хватало мест, тогда отправляли на левый берег Волги в села Нижнее Погромное, Безродное и др., на поселение к местным жителям.

В воспоминаниях сестры милосердия Е. Мельниковой содержится следующая информация: «На 100–120 больных было по одному градуснику, температуру мы определяли на ощупь. На 120 человек нас было 2 сестры, работали в 2 смены. Плохо было с питанием, а теплой водой обмывали редкого больного и то только по особому разрешению начальника отделения» [7].

Летом 1918 г. в Царицын прибыли остатки 3-й и 5-й украинских армий с санитарным поездом № 108, где главным врачом была Рахиль Моисеевна Гладштейн. Санитарные части в действующей армии испытывали не меньшие сложности с обеспечением, чем медицинские учреждения в городе. В связи с этим проводились меры по реорганизации Царицынского губернского военно-санитарного отдела и его объединения с Северо-Кавказским окружным военно-санитарным управлением.

Идеологическое противостояние, охватившее все слои российского общества после революции 1917 г., послужило причиной многочисленных конфликтов в среде медицинской интеллигенции. Большевичка П.С. Степанова, работавшая в 1918 г. в больнице имени Мечникова, вспоминала: «Медперсонал больницы объявил нам бойкот, некоторые чуть ли не плевали нам в лицо, говоря, что мы позорим звания медиков и что, когда придут в город войска Юденича, они выпорют нас розгами. В конце концов их отношение вынудило нас обратиться в ЧК» [8].

Аналогичная ситуация сложилась и в медицинских организациях Царицына. Возглавив военно-санитарное управление в городе, Р.М. Гладштейн поставила себе целью использование всех местных ресурсов, находящихся в ведении царицынских организаций, для создания обслуживания фронта. Она переформировала санитарное управление, уволив врачей, крайне критически относившихся к происходившим в городе событиям. Недовольные обратились в Главное военно-санитарное управление при Революционном военном совете Республики с жалобой на незаконные действия товарища Гладштейн: «Подобные действия окружного военного комиссариата Северо-Кавказского округа считаю незакономерными, вредными для дела и вносящими дезорганизацию в военно-санитарную службу, а потому полагал бы: поручить высшей военной инспекции произвести расследование событий, имевших место в Царицыне, для привлечения виновных к ответственности» [9]. Однако были случаи, когда революционные изменения в политическом устройстве

государства с воодушевлением были встречены в среде не только молодых врачей города, но и старой медицинской интеллигенции. Так, царицынский земский врач Л.Б. Шапиро, выступая на Царицынском уездном земском собрании, выражал благодарность всем присутствующим за возможность работать в новых условиях. «Я вижу вокруг себя людей, подлинных, а не ряженых представителей населения… Я вижу в этом прекрасное начало возрождения всех униженных и оскорбленных, в том числе и того народа, к которому я принадлежу, который при царском правительстве был предметом общего глумления и преследования» [10].

Военный совет округа объявил мобилизацию врачей города Царицына и направил их в распоряжение санитарного управления. Врачи, получившие назначения в части войск, далеко не все и не сразу выполнили его, считая, что работа их нужна для обслуживания населения города. В отношении таких лиц применялись принудительные меры – они отправлялись на фронт в сопровождении красноармейцев. Особые методы применялись в отношении тех, кто был замечен в укрывательстве дезертиров. «Способных к работе женщин, замеченных в укрывательстве дезертиров, принудительно привлекать, с красноармейским жалованием и довольствием, на работу в санитарные и прочие военные учреждения, в которых может быть применен женский труд» [11].

В сентябре 1918 г. с образованием Южного фронта Северо-Кавказский военный округ упраздняется. В октябре 1918 г. с созданием 10-й армии, действовавшей на царицынском и камышинском направлениях, формируются органы снабжения, политическая часть, идет усиленная мобилизация новых войсковых частей. Приказом Реввоенсовета 10-й армии от 4 ноября 1918 г. санитарное управление Северо-Кавказского военного округа было переименовано в Санитарное управление 10-й армии, в задачи которого входили: мобилизация хозяйственных ресурсов для нужд фронта, организация хозяйственной части со своими мастерскими по изготовлению оборудования и различных предметов ухода за ранеными и больными, создание складов медикаментов и перевязочных материалов в Царицыне. Все фронтовые лечебные учреждения, обслуживающие 10-ю армию, были достаточно мобильны и организованы в поездах, только 3 фронтовых госпиталя находились стационарно в помещениях. Эвакуационными средствами служили летучки-поезда и небольшое количество санитарных поездов.

Огромное скопление в городе раненых красноармейцев и военнопленных в конце 1918 – начале 1919 г. привело к росту эпидемий среди них и жителей города. Санитарное бюро при Царицынском комиссариате здравоохранения занималось изданием еженедельных бюллетеней, регистрационных карточек на умерших, сбором еженедельной информации о количестве больных инфекционными заболеваниями. Все сведения печатались в газетах. По данным санитарного бюро, за 2 недели ноября 1918 г., с 1 по 16 ноября, заболели разными инфекционными заболеваниями: среди гражданских – 238 человек, а среди военных –

21 человек [12]. Такая тенденция наблюдалась осенью 1918 – зимой 1919 гг., что говорит о более внимательном отношении медицинского персонала города к раненым, нежели к местным жителям. На совещаниях медико-санитарного отдела врачи говорили, что основными причинами высокой смертности среди населения являлись: голод, ненадлежащий санитарный уход, переполненность больниц, отсутствие руководящей организации для борьбы с эпидемиями.

С приходом в город Кавказской армии П.Н. Врангеля летом 1919 г. борьба с заболеваемостью и антисанитарией стала одной из забот ее командующего. Жара, наступившая в июле, повлекла за собой эпидемию холеры. Начальник военных сообщений Кавказской армии генерал П.С. Махров вспоминал, что среди заболевших было много пленных красноармейцев. По сведениям того же городского санитарного бюро, с 8 (21) по 15 (28) июля в Царицыне заболели холерой 21 человек, холериной – 13 человек, подозреваемых на заболеваемость было 16 человек. Газета «Неделимая Россия» 3 (16) августа 1919 г. сообщала: «На днях под председательством г-на саратовского губернатора генерала Ермолова в присутствии городского главы Н.С. Розанова состоялось совещание врачей по выработке мер борьбы с холерой» [13]. Были предложены следующие меры:

1. Дезинфицирующие средства для обеззараживания воды;
2. Запрещение купаний на правом берегу Волги;
3. В местах скопления публики – установление кадок с кипяченой водой и ряд других мер.

После отступления из города частей Кавказской армии 3 января 1920 г. и с приходом в Царицын частей Красной армии фронт отошел от Царицына, что сказалось положительным образом на работе медицинских учреждений города и снабжении их медикаментами. Однако понадобилось еще много лет упорной работы врачей и всего медицинского персонала города, чтобы преодолеть последствия тяжелых военных лет.

Таким образом, проблемы, с которыми медицинские учреждения Царицына сталкивались в годы Первой мировой и Гражданской войны, а также методы работы были разными, вследствие разнохарактерности этих войн. Неравномерное распределение раненых воинов в лечебные учреждения страны, недостаточное количество и плохое качество железных и автомобильных дорог, отсутствие специальных железнодорожных составов для транспортировки раненых, нехватка врачебного персонала и медицинских препаратов – вот проблемы, возникшие еще в самом начале войны и так и не решенные на ее протяжении.

В годы Первой мировой войны территория Царицынского уезда находилась в отдалении от фронта и масштабных военных действий, поэтому в Царицыне в сжатые сроки были созданы благоприятные условия для реабилитации большого количества раненых и больных воинов: на средства благотворительных организаций и частных лиц организованы лазареты, финансировались «именные койки» в госпиталях, проводились

благотворительные вечера и кружечные сборы. Значительная удаленность города от основного театра боевых действий способствовала достаточно успешной организации медицинской помощи раненым. Однако наличие в городе раненых и военнопленных осложнило и без того достаточно напряженную эпидемиологическую обстановку в городе.

Значительный наплыв раненых в городе с началом Гражданской войны усугубил эту ситуацию. Меры, принимаемые административными учреждениями Царицына в годы междоусобицы, для борьбы с инфекционными заболеваниями не носили систематического характера, что привело к массовому распространению среди населения различных форм тифа, «испанской» болезни (гриппа), холеры, чумы.

Медицинские учреждения города, испытывавшие большие трудности с качественным предоставлением медицинских услуг населению в относительно мирное время, оказались в крайне тяжелом положении во время Гражданской войны. Значительные трудности возникали в обеспечении медицинских учреждений города не только медикаментами, но и квалифицированными кадрами независимо от того, в чьих руках находился Царицын. Сложности с обеспечением города медикаментами периода Гражданской войны объяснялись прифронтовым положением Царицына, в то время как в годы Первой мировой город находился в глубоком тылу. Формирование новой системы здравоохранения в условиях складывания новой социокультурной формации привело к разобщению в среде медицинской интеллигенции, что крайне негативно отразилось на качестве и количестве оказываемой помощи.

Примечания

1. Воробьев Е.П. Царицынский край в период Первой мировой войны // Стрежень / под ред. М.Н. Загорулько. Вып. 9. Волгоград, 2011. С. 78.

2. Зальцман Т. Раненые Первой мировой: как рождалась государственная система помощи инвалидам // Православный портал о благотворительности и социальной деятельности. URL: https://www.miloserdie.ru/article/ranenye-pervoj-mirovoj-kak-rozhdalas-gosudarstvennaya-sistema-pomoshhi-invalidam/ (дата обращения: 02.04.2016).

3. Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии за 1914 г. Саратов, 1914. С. 1343.

4. Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии за 1915 г. Саратов, 1915. С. 35.

5. Отчет Царицынского комитета Российского общества Красного Креста за 1915 г. Царицын, 1915. С. 54.

6. Киценко О.С. Социально-культурная деятельность земских учреждений Саратовской губернии: 1866–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2005. С. 140–141.

7. Музей-заповедник «Сталинградская битва» (далее – МЗСБ). НВФ 9392. П. 161. Воспоминания Мельниковой Е. – сестры милосердия 59 полевого эвакуационного госпиталя 10 армии. Л. 2.

8. Конохова А.С. Сестры милосердия в годы революции и гражданской войны // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 94.

9. МЗСБ. КП 2717. П. 37. Воспоминания Гладштейн Р.М. С. 15.

10. Журналы Царицынского Первого Обновленного Чрезвычайного уездного Земского Собрания. Царицын, 1917. 8–11-го апреля. С. 45.
11. Солдат революции. 1918. № 3. 9 августа.
12. Недельная ведомость о движении инфекционных заболеваний в Царицыне // Государственный архив Волгоградской области. Ф. 71. Оп. 1. Д. 96. Л. 231.
13. Агеева Т.Г. Кавказская армия П.Н. Врангеля в Царицыне. Волгоград, 2009. С. 64.

Н.Д. Судавцов

Содружество народов Северного Кавказа в период битвы за Сталинград и Кавказ

Великая Отечественная война народов СССР против германского фашизма потребовала небывалого объединения усилий народов СССР для борьбы с общим врагом. Это проявлялось на всех ее этапах, но особенно ярко – в период битвы за Сталинград и Кавказ.

Летом 1942 г. развернулась грандиозная битва на пространстве от Чёрного моря, по предгорьям Кавказа, Прикаспию и Нижней Волги до Сталинграда. Германское командование решило одним ударом сокрушить СССР на юге, захватив Сталинград, нефтепромыслы Кубани, Грозного и Баку, лишить его кавказской нефти, а также продовольствия Северного Кавказа, получив их в свое распоряжение. Одновременно в планах летней кампании был расчет на вступление в войну Турции.

Гитлеровское руководство предполагало, что многонациональный Кавказ будет одним из тех регионов, где между народами начнутся рознь и столкновения, что должно было обеспечить быстрый его захват. В инструкциях германского командования на этот счет прямо указывалось, как следует действовать: «На юге использовать в наших интересах возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами, на Кавказе – между туземцами – грузинами, армянами, татарами и русскими» [1]. Но с началом войны народы Северного Кавказа продемонстрировали свое единство и готовность бороться с врагом, вторгшимся на территорию советской страны. Анализ исторического развития России показывает, что дружба народов в нашем государстве складывалась веками по мере его расширения.

С началом войны на Кавказе формировались национальные воинские части. Только за первые 5 месяцев войны в действующую армию на Кавказе было призвано более 1 млн человек – наиболее работоспособная часть населения, в том числе лучшие кадры мужчин-механизаторов. Кавказцы защищали Ленинград, Севастополь, Одессу, Сталинград, родной Северный Кавказ, сражались на территории Украины, Белоруссии, Прибалтики, освобождали Польшу, Болгарию, Югославию, брали Берлин. Народы Северного Кавказа положили на алтарь Отечества более 500 тыс. своих лучших сыновей.

Большую роль в мобилизации сил на борьбу с врагом сыграли антифашистские митинги представителей народов Северного Кавказа. Их участники клеймили фашистов. Так, когда фашистские войска вторглись на территорию Северного Кавказа, 13 августа 1942 г. у братской могилы в городе Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ) собрались представители Дона, Кубани, Ставрополья, Адыгеи, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачая, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Черкесии. Участники митинга единодушно приняли обращение ко всем трудящимся Северного Кавказа, в котором говорилось: «Пусть солнце не сияет над нами, пусть света не видеть нам, пусть позор падет на нас, если мы пустим проклятого немца на Кавказ!.. Пусть равнины Северного Кавказа и подступы к Кавказским горам станут могилой для немецких разбойников». Обращение заканчивалось призывом: «Народы Северного Кавказа! Умрем, но не отдадим наш край на поругание и разграбление гитлеровским людоедам! У нас есть все возможности разбить немцев на Северном Кавказе, чтобы со всеми народами Советского Союза очистить священную землю от гитлеровских псов» [2].

В течение четырех месяцев 1942 г. на юго-востоке Ставрополья, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, на Западном Кавказе шли тяжелые оборонительные бои, результатом которых было то, что несмотря на превосходство германских войск им так и не удалось прорваться к нефти Грозного и Баку. Их самоотверженная борьба разрушила все планы по разгрому Красной армии на берегах Волги, где в это время развернулась небывалая по своим масштабам битва с отборными германскими войсками.

В битве за Сталинград отличилась 343-я стрелковая дивизия, сформированная еще в июле – августе 1941 г. в городе Ставрополе, приявшая участие в первых боях на юге, в том числе в сражениях за Ростов-на-Дону и Воронеж. Оттуда она была переброшена в район Сталинграда. Летом 1942 г. полки дивизии воевали в составе 21-й армии, сражаясь на подступах к Сталинграду, затем, с 28 сентября, в составе 24-й армии, а с 16 октября – в составе 66-й армии. Дивизия во всё время битвы за Сталинград находилась на ответственных участках обороны города, проявляя мужество и героизм и неся во время боев большие потери. Так, санинструктор 1151-го стрелкового полка 343-й дивизии М. Кухарская под разрывами снарядов, ожесточенным огнем вынесла с поля боя 438 солдат и офицеров. За подвиги, проявленные при защите Сталинграда, она была награждена медалью «За отвагу» и орденом Ленина. На заключительном этапе боев за тракторный завод 1–2 февраля 1942 г. дивизия взяла в плен 6796 солдат и офицеров противника, в том числе 4 генералов [3].

За героизм, проявленный в битве за Сталинград, 343-я стрелковая дивизия была удостоена гвардейского звания. Она стала 97-й гвардейской стрелковой дивизией. И в последующих боевых действиях личный состав дивизии мужественно сражался с врагом на полях Украины,

освобождая Польшу, участвуя в завершающих боях на территории Германии, о чем свидетельствовало награждение ее орденами Красного Знамени, Суворова, Богдана Хмельницкого и присвоение почетного наименования «Полтавская».

Немало северокавказцев сражались в других соединениях, защищавших Сталинград. Сотни выходцев с Северного Кавказа воевали в 7-м танковом корпусе генерала П.А. Ротмистрова, который вел тяжелые бои с группировкой фельдмаршала Э. фон Манштейна, нанеся ей в декабре сокрушительное поражение. Механик-водитель танка Т-34 старшина Н.С. Петров из Ставрополья, получив тяжелое ранение в бою, лишившись ног, продолжал громить врага, раздавив своим танком 4 минометные батареи, 5 станковых пулеметов, блиндаж с офицерами, 5 противотанковых пушек. Указом Президиума Верховного Совета СССР Н.С. Петрову в феврале 1943 г. за проявленные в боях мужество и героизм было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [4]. В составе гарнизона Дома Павлова в Сталинграде участвовал В.С. Глущенко из станицы Новомарьевской Кировского района Ставропольского края.

Большой вклад в сражение под Сталинградом внесла 115-я кавалерийская дивизия, сформированная в начале войны в Кабардино-Балкарской АССР из местного населения. Личный состав дивизии показал образцы мужества и героизма в боях с врагом. Командир 4-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Т.Т. Шапкин писал руководству Кабардино-Балкарской АССР о боевых действиях воинов 115-й кавалерийской дивизии: «“Без нужды не вынимай клинок и без славы не вкладывай его” – говорит мудрая кабардинская пословица. Кабардинские и балкарские конники на полях Великой Отечественной войны свято соблюдают этот наказ своего воинственного народа. В суровых боях на подступах к Сталинграду ваши сыны покрыли новой славой свои боевые знамена. На резвых кабардинских конях они вместе с другими нашими конниками хлынули сокрушительной лавиной в прорыв немецкой обороны под стенами Сталинграда и отбросили врага за Дон, к Ростову» [5]. Многие командиры и бойцы дивизии были удостоены правительственных наград. 4 ноября 1942 г. Верховный главнокомандующий И.В. Сталин своим приказом объявил благодарность всему личному составу 115-й кавалерийской дивизии за активное участие в обороне Сталинграда.

В тяжелых боях дивизия, не пополнявшаяся ни разу личным составом, понесла большие потери. В связи с этим командование фронта сформировало на ее базе 4-й истребительно-противотанковый дивизион и отдельный дивизион разведки, которые в составе 4-го кавалерийского корпуса героически защищали Сталинград. При защите Мамаева кургана погиб житель Кабардино-Балкарии Е. Ташев, имя которого высечено на одном из памятников Сталинграда.

Выдающийся подвиг совершил пулеметчик, чеченец Ханпаша Нурадилов в период Сталинградской битвы. Во время боя в районе города Серафимовича Ханпаша, командуя пулеметным взводом, лично

уничтожил 250 фашистов. В этом бою 1 сентября 1942 г. он был смертельно ранен. По ходатайству командования Донского фронта Х. Нурадилову было присвоено звание Героя Советского Союза. Политуправление фронта в изданной листовке писало: «Ханпаша был простой боец, как и все. Среднего роста, скромный, он не любил говорить о своих подвигах, зато очень любил дисциплину и свой пулемет. Десятки раз встречаясь с врагом, он всегда выходил победителем из боя. Из своего пулемета Нурадилов уничтожил 920 фашистов, захватил 7 вражеских пулеметов и 12 фашистов взял в плен. Только в последнем бою Ханпаша Нурадилов истребил свыше 250 фашистов. Богатырь был дважды ранен, истекал кровью, силы его подтачивались, но он стоял неотступно. До последнего патрона работал его пулемет, посылая пули в наседавших фашистов» [6].

Большой вклад в победу под Сталинградом внесли командиры всех уровней, представители разных народов. Неувядаемой славой покрыл себя 3-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием осетина, генерала И.А. Плиева. Значительный вклад в разгром врага под Сталинградом внес ставрополец, генерал-лейтенант П.Л. Романенко, командовавший 5-й танковой армией, войска которой нанесли удар с серафимовичского плацдарма и в районе города Калача-на-Дону замкнули кольцо окружения группировки генерала Ф. Паулюса в Сталинграде. Затем, во время Котельниковской операции, войска армии сорвали попытку противника деблокировать окруженную советскими войсками немецкую группировку в Сталинграде. Генерал-лейтенант П.Л. Романенко был награжден орденом Кутузова 1-й степени [7].

Но победа была одержана не только войсками. Этому во многом способствовал тыл, где народы страны все делали для того, чтобы обеспечить вооруженные силы всем необходимым. Надрываясь от непосильного труда, недоедая и недосыпая, люди самоотверженно трудились под лозунгом: «Все для фронта! Все для победы!» Нередко это приходилось делать под бомбежками. Это прежде всего относилось к железнодорожникам, морякам, которые доставляли грузы с Северного Кавказа, Закавказья в Сталинград по Каспийскому морю, Волге, по построенной в рекордно короткие сроки населением Калмыкии и Ставрополья железной дороге Кизляр – Астрахань, открывшей прямой путь из Сталинграда в Закавказье. Победа в Сталинградской битве, как и в целом в войне, является совместной победой всех народов. Это не подлежит сомнению. И здесь нельзя механически взвесить, кто внес больший вклад. Есть реальность, с которой нужно считаться.

Оккупанты пришли на Северный Кавказ грабить и убивать. Несомненно, оккупационная политика фашистов претерпела некоторые изменения на Северном Кавказе, стала внешне более лояльной по отношению к местному населению. Оккупанты вели себя здесь более осмотрительно, учтя опыт, полученный в Белоруссии, Украине, ряде областей России. В то же время издаваемые военными комендантами командованием приказы, как правило, и здесь заканчивались фразой «За невыполнение – расстрел».

В период оккупации народы Северного Кавказа вели борьбу с врагом в партизанских отрядах, подпольных организациях. В регионе действовало около 180 партизанских отрядов, объединявших более 10 тыс. человек, в том числе на Кубани – 86 партизанских отрядов, на Ставрополье – более 40, в Кабардино-Балкарии – 14, в Северной Осетии – 11, в Чечено-Ингушетии – 28 [8]. Они оказали большую помощь Красной армии. Самой массовой формой борьбы на Северном Кавказе был саботаж населением мероприятий оккупантов. В результате была сорвана осенняя кампания по уборке урожая. Следует отметить, что оккупанты сохранили колхозы, переименовав их в общины, многие из которых носили прежние названия.

В январе 1943 г. в ходе стремительного наступления Красной армии на Северном Кавказе, развернувшегося в дни Сталинградской битвы, от немецко-фашистских захватчиков были освобождены территории Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Ставрополья, части Краснодарского края. Окончательно Северный Кавказ был освобожден в октябре 1943 г. с ликвидацией глубоко эшелонированной оборонительной «Голубой линии». Как признание выдающихся заслуг участников битвы городу Сталинграду было присвоено звание «Город-герой», учреждены медали «За оборону Сталинграда» и «За оборону Кавказа» [9].

Сегодня, когда очень остро стоят вопросы сохранения и укрепления Российского государства, очень важно беречь исторический опыт, крепить дружбу и единство народов, населяющих страну, Кавказ, хранить историческую память. В настоящее время вокруг битвы за Сталинград и Кавказ идут жаркие баталии. Западные историки стремятся принизить их значение во Второй мировой войне. К примеру, считают, что победа союзников под Аламейном в Северной Африке была более значительной, чем под Сталинградом. Очень опасным представляется культивирование недругами России ненависти среди народов, отношения к русскому народу как к «оккупанту» и «завоевателю». Для этого широко используется депортация народов в годы Великой Отечественной войне. Но ведь решение об этом принимал не русский народ, а высшее руководство государства, в составе которого были грузины, евреи, армяне, русские. Такой подход понятен: нанести как можно более сильный удар по русскому народу как государствообразующему, чтобы опорочить его в глазах других народов, оттолкнуть их. Поэтому нужна тщательно выработанная государственная национальная политика, без которой невозможно нормальное функционирование многонациональной страны. Ее отсутствие либо недостаточно четкая проработка основных положений всегда ведут к обострениям в обществе и подтачивают устои государства. Любые попытки фальсифицировать итоги Великой Отечественной войны должны находить решительный отпор. В этом состоит главная задача патриотов многонациональной Российской Федерации.

Память о тех, кто отдал свои жизни в борьбе с фашизмом, священна, и мы, живые, должны эту память свято беречь, не давая никому посягнуть

на нее. А для этого необходимо постоянно воспитывать у подрастающего поколения чувство высокой гордости за свою Родину, историческое прошлое, умение защищать от необоснованных нападок, а если потребуется, то выступить против напавшего на нее врага, как это делали наши предки и те, кто защитил ее от фашистского порабощения. Особое внимание следует уделять тому, что Победа в Великой Отечественной войне есть плод совместных усилий всех народов многонациональной России.

На планете нет хороших и плохих народов. Такое понятие, как известно, культивируют те, кому это выгодно, для того чтобы разжечь вражду между народами, не допустить их единства, прибегая к выискиванию в глубинах истории обид и недоразумений. Великая Отечественная война убедительно показала: если народы едины, их невозможно победить. Именно в игнорировании возможности тесного единения народов СССР была одна из крупнейших, роковых ошибок руководителей Третьего рейха. Единение народов СССР сломало хребет германскому фашизму.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделять патриотическому воспитанию подрастающего поколения. История государства, региона должна быть обязательным предметом для изучения, т.к. в сочетании с литературой является мощным средством воспитания патриотизма. Следует больше внимания уделять этим вопросам в школах, при этом используя самые различные формы – научно-практические конференции, круглые столы, встречи с ветеранами войны и труда, детьми военных лет. Важно, чтобы в поисковой работе участвовали сами школьники. Во многих школах региона уже так и делается.

Содружество народов в битвах Великой Отечественной войны, в том числе за Кавказ и Сталинград, явилось одной из важнейших составляющих в крушении планов германского фашизма по овладению южным регионом России. Победа народов СССР в битве за Сталинград и Кавказ, в целом в Великой Отечественной войне была плодом совместных усилий фронтовиков и тех, кто приближал ее своим трудом в тылу независимо от национальности. В Великую Отечественную войну всеми народами СССР был свершен величайший подвиг во имя жизни на земле, свободы и независимости своей Родины, ценой гибели миллионов советских людей была одержана выдающаяся победа и установлен мир на планете.

Примечания

1. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 252.

2. Североосетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1968. С. 158–160.

3. Самчук И.А. Гвардейская Полтавская. М., 1965. С. 54–56.

4. Созвездие славных. Герои Совеского Союза Ставрополья и Карачаево-Черкесии (1938–1988 гг.). Ставрополь, 1996. С. 46–49.

5. Хакуашев Е.Т. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик, 1978. С. 226.

6. Ошаев Х.Д. Слово о полку Чечено-ингушском. Нальчик, 2004. С. 407.
7. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград, 2012. С. 502.
8. Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (23–28 апреля 2005 года). Элиста, 2005. С. 6.
9. Награды Великой Отечественной. М., 1983. С. 85, 92.

М.В. Медведев

О роли персидского коридора ленд-лиза в операциях на юге СССР в 1942–1944 гг.[1]

Вопрос о роли персидского коридора ленд-лиза в определении успеха Красной армии на южном направлении советско-германского фронта в годы Великой Отечественной войны является достаточно дискуссионным. Исследование данной проблемы не являлось приоритетным направлением в советской историографии, причиной тому были идеологические установки периода «холодной войны». Исследовательский интерес к ней проявился уже в постсоветский период.

С началом Великой Отечественной войны Советский Союз оказался в тяжелом положении. Большие потери военной техники и боеприпасов, других необходимых средств ведения войны, вынужденная эвакуация оборонных предприятий на восток поставили военно-политическое руководство СССР перед проблемой поиска альтернативы в решении проблемы обеспечения армии вооружением в кратчайшие сроки. К этому времени лидеры США и Великобритании, Ф. Рузвельт и У. Черчилль, оценили последствия возможного поражения СССР и угрозу нападения Германии и на них. Агрессия в отношении к СССР со стороны Германии дала толчок к возобновлению военно-экономических связей Вашингтона и Лондона с Москвой. Во второй половине 1941 г. СССР заключил с этими странами договоры о военно-экономическом сотрудничестве.

После подписания в июле 1941 г. советско-английского соглашения о предоставлении Советскому Союзу кредита в размере 10 млн фунтов стерлингов уже в начале сентября начались первые поставки военных грузов из Великобритании в северные порты СССР. Поставки из США совершались, исходя из ранее заключенного советско-американского соглашения 1937 г. Первоначально эти поставки были платными для СССР [1]. На Московской конференции 29 сентября – 2 октября представители СССР, США и Англии договорились о поставках Советскому Союзу военной техники, оружия, снаряжения и других средств на период

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

до июня 1942 г. 7 ноября 1941 г. США распространили действие закона о ленд-лизе на СССР. Приняв трехсторонний закон, стороны определили и способы поставки военно-экономической помощи на территорию Советского Союза.

Действовали пять основных маршрутов ленд-лиза: Тихоокеанский, Трансиранский, Арктические конвои, Чёрное море и Советская Арктика. Для увеличения объемов поставок необходимо было усовершенствовать транспортные узлы Ирана. В основном это были порты Персидского залива и трансиранская железная дорога. Осуществляя эту задачу, Советский Союз и Великобритания еще в августе 1941 г. ввели на территорию Ирана свои войска. С мая 1942 г. доставка груза составляла до 90 тыс. т в месяц [2]. Грузы перевозила Каспийская военная флотилия, которая нередко подвергалась авианалетам противника.

В начале 1942 г. немецкое командование запланировало операцию по захвату Кавказа и выходу через Закавказье к Персидскому заливу. Для осуществления этой задачи противник решил прорвать советскую оборону на Нижнем Дону в полосе от станицы Цимлянской до Ростова-на-Дону, после форсирования Дона продолжить наступление вдоль побережья Чёрного и Каспийского морей, а горнострелковыми войсками одновременно совершить прорыв через перевалы Кавказа в Грузию. Вскоре наступающая с Миусского рубежа 17-я армия вермахта прорвала оборону Южного фронта и 24 июля 1942 г. совместно с дивизиями 1-й танковой армии заняла Ростов-на-Дону и двинулась на юг. К 5 августа 1942 г. под Ворошиловском (ныне – Ставрополь) 1-я танковая армия Клейста сосредоточила до 200 танков, а всего в ее дивизиях имелось вдвое больше танков, чем у советских войск. У Северной группы войск Закавказского фронта в это время насчитывалось 133 танка [3]. В августовских боях на Северном Кавказе Северо-Кавказский и Закавказский фронты потеряли большую часть своих танков.

В середине августа немецкие войска заняли Ворошиловск, Краснодар, Армавир, Майкоп и подошли к северо-западным предгорьям Большого Кавказского хребта. Несмотря на ограниченный успех на Кавказе, Гитлер продолжал рассчитывать на осуществление больших планов в этом регионе. В разговоре с Кейтелем 18 сентября 1942 г. Гитлер заявил: «Решающим является прорыв на Туапсе, а затем блокирование Военно-Грузинской дороги и прорыв к Каспийскому морю» [4].

К лету 1942 г. советское командование недооценивало значение кавказского направления. Приоритетным участком обороны было московское направление, чуть позже – сталинградское. Именно туда отправлялись главные резервы Красной армии. Обстановка на Северном Кавказе в конце августа приобрела критический характер. Дефицит бронетехники в частях Северной группы войск Закавказского фронта, необходимой для сдерживания наступающих танковых и моторизованных соединений противника на майкопском, грозненском и бакинском направлениях, ставил под угрозу захвата эти центры нефтедобычи и ее переработки.

В этот критический период маршрут ленд-лиза из Ирана оказался во многом спасительным для советской группировки, действовавшей на Кавказе [5]. Первостепенное значение имели поставки танков и авиации, т.к. именно эти виды военной техники играли весомую роль в сражениях Великой Отечественной войны. Всего для Красной армии по ленд-лизу за время войны было поставлено около 12,7 тыс. танков из США, Великобритании и Канады [6]. Танковые советские части на Северном Кавказе, до этого имевшие на вооружении преимущественно легкие танки, весьма повысили боевую мощь своих подразделений за счет таких британских и американских танков, как «Валентайн», «Матильда» и «Стюарт». Из Англии и США поставлялись бронетранспортеры МК-1 «Универсал Кэрриер» и М-3 «Скаут».

На вооружение советским ВВС РККА через персидский коридор поступали американские и английские самолеты. Поставка боевых самолетов началась с марта 1942 г., в этот период в Тегеране советскими летчиками было получено 72 бомбардировщика. К концу 1942 г. США поставили 300 бомбардировщиков А-20 «Бостон», В-25 «Митчелл». В большом количестве поступали английские истребители «Харрикейн» и «Спитфайр», американские Р-39 «Аэрокобра» и Р-63 «Кингкобра», Р-40 «Томагавк» и «Киттихаук», транспортный С-47 «Дуглас». Меньше всего было поставлено американских истребителей Р-47D «Тандерболт». Всего через иранский коридор ленд-лиза было поставлено: в 1942 г. – 742, в 1943 г. – 2446, в 1944 г. – 1678 самолетов [7].

Через Персидский залив прибывали и различные виды военных автомобилей. Некоторые модели машин поставлялись в порты Ирана и Ирака в разобранном виде, после чего неподалеку от места прибытия производилась их сборка. Много трудностей вызывала транспортировка грузов ленд-лиза. Большой проблемой стала своевременная подготовка водителей для автомобильных колонн, которые от портов Персидского залива переправлялись до Каспия. Иногда приходилось перегонять до 10 тыс. машин в месяц. Этот вопрос решился после организации кратковременных курсов водителей, набранных из числа местного населения. За все время действия Персидского коридора в СССР были переправлены 483 тыс. автомобилей [8]. Через Персидский залив в Закавказье поставляли такие автомобили, как «Виллис», «Студебеккер», «Додж», «Джи-Эм-Си», «А.Е.С.», «Бедфорд», «Альбион», «Остин», «Скаммелл» и др. Ежемесячно в течение 1942 г. для Красной армии по персидскому коридору поставлялось 2 тыс. военных машин, а во второй половине 1943 г. – около 5 тыс. автомобилей [9]. Наибольшую известность приобрел легкий полевой автомобиль «Виллис», а также «Студебеккер» с установленной реактивной системой БМ-13, получившей название «Катюша».

Как показала военная практика, большое значение имела поставка бронетехники. В октябре 1942 г. в составе советских танковых частей на Кавказе действовали 302 танка, из которых 132 танка были производства США и Англии, поступившие на фронт по ленд-лизу через Иран.

Количество поставленных танков по ленд-лизу на Кавказ составляло практически половину из общего числа боевых единиц в советских танковых частях на Кавказе. Например, в 5-й гвардейской танковой бригаде насчитывалось 70 танков, из них 55 были «ленд-лизовскими». В 15-й танковой бригаде и в 75-м отдельном танковом батальоне 99 % имевшихся в составе танков были из поставок ленд-лиза по иранскому маршруту [10].

Результаты боев ленд-лизовской бронетехники с танками вермахта впечатляют. Так, в сентябре 1942 г. 5-я гвардейская танковая бригада в боях у Малгобека нанесла большой урон немецким частям, было подбито и сожжено 38 танков и штурмовых орудий; уничтожено 24 гаубицы и пушки; 6 минометов и до 1800 человек [11]. Учитывая эти и другие факты, можно говорить о том, что поставки бронетехники по ленд-лизу через персидский коридор были очень значимыми для советских войск на Кавказе.

В ходе Нальчикско-Орджоникидзевской оборонительной операции 25 октября – 12 ноября 1942 г. противник встретил упорное сопротивление Красной армии. В итоге враг не смог пройти через Орджоникидзе и Грозный к Каспийскому морю. Если бы прорыв немецких войск к Прикаспию увенчался успехом, тогда под угрозу попал бы важный маршрут ленд-лиза из Ирана в СССР. В тот момент стратегическое значение имела железная дорога от Кизляра до Астрахани, построенная в первом полугодии 1942 г. Из Астрахани груз ленд-лиза отправлялся в Сталинград и далее по фронту [12].

К февралю 1943 г. у Северо-Кавказского фронта на вооружении имелось 186 иностранных танков: 123 «Стюарта», 38 «Валентайнов», 15 М-3 «Ли», 10 «Шерманов». Уже в марте 1943 г. вооруженная легкими танками «Стюарт» 92-я танковая бригада уничтожила 14 единиц бронетехники, 4 миномета, 5 легких орудий и до 400 человек противника, но и сама бригада потеряла в боях почти вдвое больше танков [13].

Важную роль сыграли поставки по ленд-лизу для войск Южного фронта. Американские и английские самолеты, танки, бронемашины, автотранспорт, тягачи, зенитные орудия, а также снаряжение и продовольствие сыграли положительную роль в обеспечении Красной армии при прорыве Миус-фронта. В штурме Миусского рубежа участвовала 8-я воздушная армия, в составе авиадивизий которой находились и ленд-лизовские самолеты. В основном это были истребители Р-39 «Аэрокобра» и бомбардировщики А-20 «Бостон». Эффективность боевых вылетов А.И. Покрышкина на «Аэрокобре» свидетельствует о том, что этот тип самолетов был наиболее успешной моделью среди поставляемых союзниками воздушных машин [14].

Изменения в лучшую сторону последовали после конференции Великобритании, СССР и США осенью 1943 г. в Тегеране. Эта конференция оказала положительное воздействие на поставки по Персидскому коридору. В январе 1944 г. началась поставка в СССР железнодорожного

оборудования. В боях под Сталинградом и на Дону противником была разрушена железнодорожная сеть. Через персидский коридор завозились локомотивы, вагоны, грузовые платформы, а также металлопрокат и другое оборудование.

В ходе Крымской наступательной операции 1944 г. отличились танки «Валентайн». В 79-й и 101-й танковых бригадах в общей численности находилось до 60 «Валентайнов», поставленных через Иран. Советские танкисты из 101-й танковой бригады на этих боевых машинах в ходе успешного маневра ворвались в Симферополь и навели панику в расположении противника. В составе 19-го танкового корпуса находилось до 70 этих танков. «Валентайны» были оборудованы крепкой броней, радиосвязью и дымовыми гранатометами [15]. Из общей численности танков, бронемашин, самоходных артиллерийских установок, мотоциклов в составе 19-го танкового корпуса было до 40 % техники, поставленной по ленд-лизу. В первой декаде апреля 1944 г. корпус наступал на Севастополь. Немецкие и румынские части, встретив удар советских танкистов, стали отступать к укрепрайону Севастополя [16]. В целом боевая техника ленд-лиза сыграла важную роль в советском наступлении в северной части Крыма и на Керченском полуострове.

Таким образом, персидский коридор имел важнейшее значение и в оборонительных, и в наступательных советских операциях на юге СССР с 1942 по 1944 г. Прорыв противника на Кавказ грозил Советскому Союзу потерей для Красной армии важнейших источников нефти, прекращением поставок от союзников по антигитлеровской коалиции через Иран. Механизированные части Закавказского и Северо-Кавказского фронтов в начале 1942 г. остро нуждались в новых танках. Оставление Красной армией в июле 1942 г. донского рубежа поставило огромный регион на юге страны под угрозу быть отрезанным от «большой земли». Своевременные поставки через персидский коридор способствовали военным успехам советских войск на Кавказе. Каспийские конвои перевозили груз в Баку, откуда далее он направлялся в Заволжье, к Сталинграду, а через перевалы Большого Кавказа – к побережью Чёрного моря.

Существует немало свидетельств массового использования бронетехники ленд-лиза советскими войсками в битве за Кавказ. Около 60–70 % танков союзников составляли парк советских танковых частей. Немаловажную роль сыграла военная техника союзников и другие ресурсы ленд-лиза в прорыве Миус-фронта 1943 г. В 1944 г. через персидский коридор поступало и оборудование для восстановления железнодорожных путей юга СССР, разрушенных при боевых действиях. В Крымской наступательной операции канадские и английские «Валентайны» помогли очистить полуостров от противника. Давая оценку роли военной техники союзников в боях на южном театре сражений советско-германского фронта, необходимо всегда иметь в виду мужество и мастерство советских воинов, управлявших этой техникой на полях сражений.

Примечания

1. Монин С. Маршруты ленд-лиза // Обозреватель – Observer. Научно-аналитический журнал. 2010. № 6 (245). С. 50–57.

2. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. Киров, 2014. С. 78–83.

3. Линец С.И. Начало битвы за Кавказ летом 1942 года: неизвестные факты и новые трактовки. URL: http://www.kurortkmv.ru/info/rgo/linec.shtml (дата обращения: 20.04.2016).

4. Бешанов В.В. Год 1942 – «учебный». URL: http://militera.lib.ru/research/beshanov_vv/index.html (дата обращения: 21.04.2016).

5. О Ленд-Лизе и его значении для Советского Союза в годы Великой Отечественной. URL: http://voenpolit.su/history/912-o-lend-lize-i-ego-znacheniidlya-sovetskogo-soyuza-v-gody-velikoy-otechestvennoy.html (дата обращения: 21.04.2016).

6. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012. С. 64.

7. Там же.

8. Шинкаренко Г.В. Поставки по ленд-лизу в Советский Союз через территорию Ирана. 1941–1945 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2003. № 2–3. С. 111.

9. Автомобили по ленд-лизу. URL: http://www.gruzovikpress.ru/article/3224-avtomobili-po-lend-lizu/ (дата обращения: 18.04.2016).

10. Коломиец М., Мощанский И. Оборона Кавказа. Июль – декабрь 1942 // Фронтовая иллюстрация. 2000. № 2. С. 49–52.

11. Танковый ленд-лиз. URL: http://warspot.ru/150-tankovyy-lend-liz (дата обращения: 19.04.2016).

12. Ленд-лизовский транзит через Иран и Каспий в 1941–1942 годах. URL: http://eurasian-defence.ru/?q=node/6540 (дата обращения: 20.04.2016).

13. Танковый ленд-лиз.

14. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011. С. 151–152.

15. Коломиец М., Мощанский И. Танки “Valentine” в частях Красной армии // М-Хобби. 1999. № 6. URL: http://armor.kiev.ua/Tanks/WWII/valentine/m-hobbi6_99/ (дата обращения: 29.04.2016).

16. Канадские танки «Валентайн» в боях за освобождение Крыма (1944 г.): забытый участник подвига. URL: http://military.sevstudio.com/valentinecrimea-2/ (дата обращения: 17.04.2016).

К.Н. Максимов

Фашистская пропаганда на временно оккупированной территории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны

Военные соединения группы армий «В», наступавшие на сталинградском направлении, с начала августа 1942 г. вторглись с юга и запада на территорию Калмыцкой АССР. К середине августа войска противника (111-я и 370-я пехотные дивизии, затем на смену им пришла

16-я моторизованная дивизия), оккупировав 8 улусов республики из 13, овладели стратегической дорогой Ворошиловск (Ставрополь) – Дивное – Элиста – Сталинград (до внешнего обвода Сталинградской обороны) и от Элисты на 140 км углубились на астраханском направлении.

В первые же дни оккупации немцы, ликвидировав в занятых улусах советскую власть и законность, государственные и партийные органы, организовали местную власть оккупационного режима. Согласно фашистской схеме организации местной администрации в захваченной части СССР, Калмыкия была отнесена к области военного управления. Поэтому в оккупированных улусах, как на прифронтовых территориях, немцы, не создавая вертикальную административную власть, в каждом населенном пункте под надзором военно-полевых комендатур, прибывших в готовом составе, формировали правления во главе со старостой, избиравшимся населением или назначавшимся военным комендантом.

Создавая пронацистские структуры управления на захваченной территории Калмыкии, гитлеровцы одновременно приступили к развертыванию в ней широкой сети всех видов пропагандистской и идеологической работы. Службы фашистской пропаганды, основные направления которой были заранее отработаны, цели и задачи конкретно определены, всеми средствами и способами идеологического воздействия, давления с первых дней оккупации пытались дезориентировать, внушить советским гражданам мысль об уверенности в непобедимости германского военного оружия и о скором окончании войны. Согласно директиве начальника штаба верховного командования вооруженных сил Германии от 6 июня 1941 г., основная цель пропаганды заключалась в стремлении расколоть советское общество, разжечь национальную рознь, подавить моральный дух и сопротивление советского народа, представить войну против СССР как освободительную миссию Германии, борющейся якобы против Сталина, большевизма и евреев [1].

Согласно указанной директиве о пропаганде, гитлеровские власти на оккупированных территориях в первую очередь организовывали под нацистской цензурой выпуск газет, иных периодических изданий. С этой целью они сразу же захватывали типографии, под своим контролем осуществляли выпуск различных изданий пропагандистско-идеологического характера. В связи с тем что руководство Калмыкии не смогло своевременно эвакуировать республиканскую типографию, она с техническим и рабочим персоналом, полиграфическим оборудованием оказалась в распоряжении оккупационных властей – военной комендатуры (формально в подчинении городской управы). Во главе типографии городские главы Элистинского городского управления Н.П. Труба и Б. Цуглинов после согласования с пропагандистской службой военной комендатуры оставили своим приказом бывшего директора И.Г. Лялькова, а затем на эту должность назначили Дорджиева [2].

В элистинской типографии оккупанты печатали в основном пропагандистские материалы – газеты, листовки, плакаты, тексты объявлений

военной комендатуры, горуправления, а также различные бланки и пр. Рабочий и технический персонал элистинской типографии работал почти в прежнем составе, в том числе даже коммунисты П.П. Распопова, бывшая заведующая производством, наборщики Е.Ф. Баркунова и А.Н. Манджиев. Однако не все сотрудники типографии пошли на службу к немцам. Член ВКП(б) К.О. Насунова, работавшая до вторжения фашистов наборщицей в типографии, хотя не смогла эвакуироваться, самостоятельно перебралась в отдаленное село Троицкого улуса и находилась там до освобождения Элисты [3].

Захватив крупную типографию и мобилизовав ее работников, оккупационные власти организовали издание двух пропагандистских газет в Элисте – на калмыцком языке «Теегин херд» – «Степной орел» (редактор И. Болдырев) и на русском языке – «Свободная земля» (ответственный редактор В. Мануйлов), как и в других временно захваченных соседних регионах – на Кубани («Голос Кубани», «Кубань» и др.), Дону («Вольный Дон», «Голос Ростова» и др.), Ставрополье («Заря Кавказа», «Утро Кавказа», «Ставропольское слово» и др.). По сведениям историка А.В. Окорокова, на временно оккупированных территориях Советского Союза фашисты организовали издание более 300 газет на 30 языках народов СССР [4].

Первый номер газеты «Свободная земля» вышел уже почти через две недели после оккупации, 6 сентября 1942 г., во вторник, небольшим форматом, стоимостью 20 копеек. Но 4 октября формат газеты был увеличен, она печаталась уже на двух развернутых листах. Периодичность была сохранена – три раза в неделю (вторник, четверг, воскресенье), цена экземпляра повышена до 50 копеек. В газете не указывались ни издатель, ни редактор, ни тираж. Материалы в двух газетах в основном печатались без указания авторов, корреспондентов или же под псевдонимами, видимо, из-за боязни возмездия за сотрудничество с врагом, за исключением статей заведующего отделом здравоохранения городской управы И.Ф. Агеева, активно и открыто выступавшего на страницах газеты «Свободная земля».

По характеру, подборке и направленности статей чувствуется, что в редакциях обеих газет работали профессиональные немецкие пропагандисты, а по стилю изложения – бывшие советские корреспонденты. Публикации в газетах показывают, что гитлеровская пропаганда действовала по шаблону, в соответствии с инструкциями ведомства Геббельса, внося лишь коррективы в последние события с учетом особенностей захваченного региона. Из передовицы газеты «Свободная земля» от 20 сентября 1942 г. «Почему бушует война» видно, что нацисты в Калмыкии начали внушать населению занятой территории мысль о том, что начавшаяся война была спровоцирована большевиками, Сталиным: «Германия страстно желала мира и дружбы со всеми народами, в особенности со своими великими соседями Англией, Францией и Россией. Гитлер, не желая распространения войны, заключил с Советским Союзом

договор о ненападении. Но Сталин, сговорившись с Англией, решился напасть на Германию. Пришлось его упредить». Далее автор передовицы для правдоподобности даже ссылался на Ленина: «…Сталин заключил с Англией, США, т.е. с самыми жестокими врагами социализма, которые топчут ногами права трудящихся, с теми странами, к борьбе с которыми и к уничтожению которых звал Ленин. Вы были обмануты. В действительности Сталину не было до вас дела, он не заботился о мире и о благополучии рабочего класса, он хотел мирового господства для себя и для жидов». Передовица завершалась словами: «Германские войска вам помогут в исполнении вашего страстного желания: под защитой национал-социализма стать свободными людьми на свободной земле» [5].

Наряду с подобного рода статьями значительное место отводилось анализу политики репрессий, коллективизации, раскулачивания в СССР. Приведенные известные факты, резкие обвинения большевизма, советской власти подводили к мысли о том, что только Германия может избавить народ Советского Союза от сталинской тирании. Этой теме была посвящена серия статей «Большевизм – название огромной страшной тюрьмы», которая была напечатана в семи номерах (№ 1–7) газеты на русском языке за подписью В. Мануйлова. К освещению этой тематики привлекались также якобы пострадавшие и очевидцы.

На первых страницах газет имелся специальный раздел «Сводка Верховного командования Германской армии». В нем подробно рассказывалось о военных событиях в близлежащих регионах, на сталинградском и кавказском фронтах, о скором завершении разгрома советских войск, которые будто бы уже почти потеряли боеспособность. Например, в сводке, помещенной в номере № 2 от 8 сентября 1942 г., сообщалось: «С 25 августа по 4 сентября советская авиация потеряла 1062 самолета, из них 812 сбиты в воздушных боях. Германия за этот же промежуток времени потеряла на Восточном фронте 49 самолетов». В передовице «Борьба на южном участке фронта» говорилось о больших успехах немецкой армии, тяжелом положении советских войск: «От начала весенних боев, считаемого от сражений на Керченском полуострове, до конца сражения в излучине Дона германские и союзные войска взяли на Восточном фронте в плен 1 044 741 человека; захватили 6271 танк, 10 131 орудие всех типов. Противник потерял в воздушных боях 4960 самолетов» [6].

Вплоть до окружения 6-й армии Паулюса газета «Свободная земля» стремилась преподносить материалы об успехах германской армии не только на всех участках Восточного фронта, но и на других. Поэтому ее страницы в октябре – ноябре 1942 г. пестрели такими сообщениями: «В Сталинграде в ожесточенных уличных боях взяты новые кварталы северной части города» (№ 14 от 6 октября), «В Сталинграде немецкие войска захватили тракторный завод им. Дзержинского и орудийный завод “Красные баррикады”» (№ 19 от 18 октября), «На Кавказе немецкие и румынские войска заняли город Нальчик» (№ 25 от 1 ноября), «Да здравствует Роммель» (№ 19 от 18 октября) [7] и т.п.

После того как с утра 21 ноября 1942 г. замкнулось кольцо вокруг 6-й армии, других немецких и румынских частей, совершенно изменился не только тон официальных хроник о событиях на фронтах, но и шрифт, текст сводок стал меньше. Так, в сводке верховного командования Германии за 24 ноября 1942 г. скупо сообщалось: «На Кавказе плохая погода препятствовала большим боевым действиям… К юго-западу от Сталинграда в большой излучине Дона советские войска, беспощадно жертвуя людьми и материалами, ворвались в донской оборонительный фронт». Ни слова не говорилось об оказавшихся в «котле» пяти немецких корпусах в составе 19 немецких дивизий, 2 румынских, большей части артиллерии, крупных сил инженерных частей Восточного фронта.

Ведя пропаганду своих побед, утверждая о якобы катастрофическом положении Советского государства, оккупанты прибегали к уловкам, используя подлинные факты совещаний, выступлений на них руководителей Коммунистической партии и правительства. Они пытались подвести жителей оккупированной территории к мысли о том, что советские вожди признаются в поражении, в безысходности ситуации. Так, в передовой статье «Признание Калинина» (№ 32 от 17 ноября) говорилось, что 8 октября 1942 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин принял в Кремле передовых комсомольцев-колхозников и обратился к ним с большой речью (действительно, такая встреча была). Далее приводились отдельные положения из его выступления с соответствующей интерпретацией. «Война, которую ведет наше государство, – сказал Калинин, – очень тяжелая и кровопролитная. Немцам удалось втянуть в войну на своей стороне армии ряда государств… и нам приходится одним с целым рядом государств Европы воевать». «Это очень ценное признание из уст представителя правительства СССР, – подчеркивалось в статье, – ведь до сих пор население СССР только и слышало о союзниках, об их помощи, о солидарности, а тут вдруг получается, что нам приходится воевать одним». Статья завершалась выводом: «Это первая речь представителя советского правительства, с полной откровенностью признающая перед всем населением Советского Союза совершенно катастрофическое положение страны» [8].

Немецкие пропагандисты не забывали внушать населению превосходство экономики Германии, в том числе и животноводства, более близкой и понятной отрасли народу Калмыкии. В статье «Военно-хозяйственные возможности Германии после трех лет войны» («Свободная земля», № 22 от 25 октября) отмечалось, что «производство военного вооружения – у нас в благополучном состоянии: танки, орудия и прочее вырабатываются сериями, по составленным планам… на фронте не ощущается недостатка в вооружении. Производительность хозяйства для этого должна быть максимально высокой, что у нас и имеется».

В связи с развитием партизанского движения на территории Калмыкии оккупационные власти попытались принять против него превентивные меры дискредитирующего характера. 20 сентября 1942 г.

в этой же газете появилась статья «Очистить степь от большевистской скверны» за подписью Б. Цуглинова, главы Элистинской горуправы. Он пытался внушить населению мысль о бесполезности ведения борьбы с хорошо вооруженной германской армией. Автор пояснял, что небольшие, неорганизованные и неоснащенные группы людей, действующие по принципу «партизанщины», ничего не смогут добиться и принести какого-либо вреда немцам. Вместе с тем он призывал население не оказывать им помощь, а активно включиться в борьбу на стороне фашистов «по ликвидации партизанского бандитизма, культивируемого большевиками».

Пропаганда противника старалась убедить население в том, что немцы пришли избавить народы СССР от большевизма, построить новую жизнь, помочь им в развитии культуры, образования, восстановить утраченные традиции, обычаи. Поэтому на страницах обеих газет открытие начальной школы, молельного дома, выступление силой согнанных самодеятельных артистов (для развлечения немецких солдат) преподносились как благодеяние оккупационных властей. 22 октября 1942 г. в газете на русском языке сообщалось о том, что «начались занятия в школах». На самом деле речь шла о двух начальных школах с контингентом в 120 и 165 учащихся, в учебную программу которых был включен и немецкий язык. Открытие этих школ и введение новых программ обучения полностью соответствовали принятой нацистами концепции об образовании населения в восточных областях, изложенной рейхсфюрером СС Гиммлером в докладе Гитлеру 25 мая 1940 г. По мысли Гиммлера, «для ненемецкого населения восточных областей не должно быть высших школ. Для него достаточно наличия четырехклассной народной школы. Целью обучения в этой школе должны быть только простой счет, самое большее до 500, научить расписываться, прививать повиновение немцам» [9].

На страницах многих номеров газеты «Свободная земля» пестрели заголовки: «Церковь и хурулы открыты вновь», «Свобода вероисповедания в Калмыкии», «Возобновил работу театр Элисты» и т.п. В них обязательно подчеркивалось, что в этом заслуга командования военной комендатуры, городской управы. Описывались их торжественные открытия с участием руководства нацистских структур управления.

Особо отличались статьи И.Ф. Агеева, начальника отдела здравоохранения горуправы, восхвалявшие достижения немецкой медицины, ее развитие, открывающиеся якобы с приходом гитлеровцев возможности подъема медицинского обслуживания населения. В этих же статьях он постоянно старался очернить, умалить советскую систему здравоохранения, подвергнуть сомнению вообще наличие в Калмыкии квалифицированной лечебной помощи.

На страницах газет отводилось значительное место для размещения объявлений (о наборе на работу в полицию, введении комендантского часа, об учете населения и т.д.), извещений о введении различных

налогов с населения, сдаче продуктов (молока, яиц, овощей, картофеля, муки), скота, птиц, теплой одежды, обуви и т.д.

Для усиления эффективности и большей «убедительности» распространявшейся информации военные комендатуры в улусах пытались использовать и устную пропаганду. Для этого они привлекали в качестве пропагандистов коллаборационистов, как правило, из числа известных местному населению людей. В Кетченеровском улусе таким активным пропагандистом стал Ч.О. Манджиев, бывший комсомолец, работавший до оккупации народным судьей улуса; в Юстинском улусе – Басангов, бывший заместитель председателя улусного исполкома, Эрдниев, бывший помощник улусного прокурора, Урюбжуров, бывший помощник первого секретаря улусного комитета ВКП(б); в Яшалтинском улусе – М.К. Соломонов, 1917 г.р., образование высшее, директор школы; в Западном улусе – П.В. Свиридова, бывшая комсомолка и др. [10].

В отличие от немецкой пропагандистской службы партийные органы неоккупированных улусов Калмыкии в течение двух с половиной месяцев не вели какой-либо пропагандистско-разъяснительной работы среди населения захваченных улусов. Они оказались не готовы противодействовать пропаганде противника. В результате оставшиеся в оккупации жители оказались забытыми, брошенными на произвол судьбы, в информационной изоляции. В этот вакуум хлынул поток немецкой лжи о скорой победе Германии, об исторической миссии немцев в освобождении от большевизма, о возврате к частной собственности под лозунгом «крестьянскому двору в Калмыкии – не менее 100 овец и 20 коров», о предоставлении свободного самоуправления и т.п. Впоследствии, говоря о размахе немецкой пропагандистской работы, ответственный работник ЦК ВКП(б) Брюхачев, выступая 25 июня 1943 г. на партийном собрании Сарпинского улуса, признавал, что нацисты «вели свою пропаганду среди нашего народа неплохо», а на следующий день, выступая в Малодербетовском улусе, отмечал, что, несмотря на всякие фашистские пропаганды, «калмыцкий народ много дал продовольствия Красной Армии» [11].

С поражением 6-й армии Паулюса в Сталинграде и 16-й моторизованной дивизии в степях Калмыкии, полным освобождением в начале 1943 г. ее оккупированной территории, калмыцкая белоэмиграция, находившаяся в Германии под опекой министерства пропаганды, в начале 1943 г. создает Калмыцкий национальный комитет (далее – КНК). Он действовал под контролем ведомства А. Розенберга и нацистских спецслужб. Для выполнения главной задачи КНК – «собирание и сложение наших сил» и достижения поставленной цели учреждался печатный орган – ежемесячный журнал «Хальмэг» (Chalmg – der Kalmyk). Первый номер журнала (редактор Ш.Ч. Балинов) вышел в мае 1943 г. в Берлине. Журнал становился одним из многочисленных рупоров нацизма, и тираж его прежде всего должен был доставляться и распространяться в советской Калмыкии. По мнению издателей, задача журнала заключалась

в освещении событий в Германии и на фронте, в том, чтобы «бороться за ликвидацию остатков большевизма в сознании, в общественном мнении народа», а затем уж «стремиться к восстановлению лучших традиций, обыкновений и добрых общественных и хозяйственных качеств нашего народа» [12]. Белая эмиграция, не имея никакой связи с калмыцким населением Калмыцкой АССР, ни политической и социальной опоры в ней, все время пыталась говорить от имени всего народа.

Вскоре после учреждения журнала «Хальмэг» по инициативе Министерства пропаганды Германии в июле 1943 г. при его восточном отделе создается калмыцкая редакция на радио Берлина (редактор П. Джевзинов). Она подчинялась непосредственно структурному подразделению «Винета». Активное участие в организации работы и подготовке передач по радио принимали служащие калмыцкого отдела Восточного министерства Германии. Первая передача вышла в эфир на калмыцком языке уже 3 августа 1943 г. Калмыцкая диаспора восприняла ее как историческое событие: впервые калмыцкая речь прозвучала по радио в центре Европы. В первые же месяцы вещания редакция выступила с обращением к калмыкам на Родине (СССР), призывая вступать в ряды немецкой армии, ускорить ее победу. Следует отметить, что эмигрантские организации со своими средствами массовой информации ни имели никаких структурных подразделений, не поддерживали и не могли поддерживать ни политических, ни идеологических связей с калмыками России, Калмыцкой АССР. Их идеи, лозунги по содержанию были не только чужды калмыцкому народу, но и просто не доходили до республики. Абсолютное большинство калмыков даже не знали об их существовании и потугах лидеров эмиграции.

Примечания

1. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. Т. 3. М., 1989. С. 560–561.
2. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 83. Л. 206.
3. Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 868. Л. 23.
4. Окороков А.В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. С. 58.
5. Архив Управления ФСБ РФ по Республике Калмыкия. Ф. 9. Оп. 52. Д. 2. Л. 2.
6. Там же. Л. 1.
7. Там же. Л. 6, 9, 12.
8. Там же. Л. 16.
9. Дашичев В. И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: Исторические очерки и материалы: в 8 т. Т. 1: Подготовка ко Второй мировой войне, 1933–1939. М., 2005. С. 79.
10. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 713. Л. 8–15; Д. 729. Л. 6; Д. 783. Л. 43; Д. 842. Л. 201об.; Д. 785. Л. 47–49; Д. 786; Ф. П-22. Оп. 1. Д. 140. Л. 79; Д. 148. Л. 54.
11. Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 72. Л. 24, 25; Ф. П-9. Оп. 1. Д. 146. Л. 41об.
12. Хальмэг. 1943. № 1. С. 4.

В.Н. Бубличенко

Деятельность Калачеевского райисполкома Воронежской области в годы Великой Отечественной войны

Фашистская агрессия потребовала от советского руководства проведения мобилизационных мероприятий, позволявших с максимальной эффективностью обеспечить безопасность страны. В числе приоритетных направлений была организация слаженного взаимодействия всех административных госструктур. Фактическое обеспечение исполнения принятых решений в первую очередь обеспечивалось районными и городскими администрациями. В связи с этим актуальной проблемой становится изучение деятельности советских органов власти на местах в годы Великой Отечественной войны. Тема исследования деятельности Калачеевского райисполкома в 1941–1945 гг. интересна тем, что она позволяет проанализировать различные аспекты деятельности административного руководства на уровне района в условиях изменения военной обстановки.

Информация о начале войны с фашистской Германией калачеевцам, как и многим жителям Советского Союза, поступила из радиотрансляторов в полдень 22 июня 1941 г., когда была передана речь В.М. Молотова. Население слободы без паники, с пониманием сложившейся ситуации встретило это известие. Калачеевский райисполком организовал митинги на предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах. Они прошли во второй половине дня. В выступлениях звучали призывы к защите Родины на фронте, укреплении тыла.

Работники районной газеты «Ленинский путь» записали речь, которую произнес Молотов по радио, и вместе с внеочередным номером выпустили ее к утру для информирования всех слободчан. В газете также были опубликованы отклики калачеевцев на фашистскую агрессию и письма тех, кто просился на фронт, чтобы защищать Родину от врагов.

Органы местной власти слободы организованно начали проводить мобилизацию жителей в ряды Вооруженных сил страны. 25 июня приказом № 1 районного военного комиссара в Калачеевском районе было объявлено военное положение, сформированы дружины и службы противовоздушной обороны. По состоянию на 26 июня 1941 г. от колхозников, рабочих и служащих Калачеевского района с просьбой отправить их добровольцами на фронт поступило 57 заявлений. Желающие воевать приходили с красными флагами, пением революционных песен. Уходящие в армию выступали на митингах. Они заверяли, «что враг – немецкий фашизм – будет сметен с нашей священной земли и разгромлен» [1].

В июне – июле 1941 г. Калачеевский райисполком, выполняя постановление облисполкома и бюро обкома ВКП(б), выделил 80 работников слободы с выездом за пределы области для участия в строительстве предприятий оборонного значения [2].

К лету 1942 г. обострившаяся обстановка на советско-германском фронте превратила Калач в прифронтовой населенный пункт. Фашисты прорвались к среднему течению Дона, участились налеты вражеской авиации на слободу. От местной власти потребовались значительные усилия для организации эвакуации населения, создания условий по приемке и размещению раненых. В то время как мирное население уходило из Калача, из глубокого тыла в него прибывали вновь сформированные воинские части, которые необходимо было разместить, организовать их питание, решить другие организационные вопросы, которые ложились на плечи работников райисполкома. Задача осложнялась тем, что многие из них ушли в действующую армию. Вопросы о новых кадровых назначениях выносились на рассмотрение Калачеевского райсовета, и по ним принимались оперативные решения [3]. Однако такая ситуация не могла способствовать оптимальному ведению работы местными органами власти, поскольку вновь назначенным управленцам приходилось заново вникать в суть накопившихся проблем, что осложняло принятие ими решений. Тем не менее нами не выявлено фактов дезорганизации в деятельности Калачееского райисполкома. Очевидно, в данном случае речь может идти только об осложнениях работы советских структур местного управления, связанных с военной обстановкой в стране.

Прифронтовое положение слободы и дислокация в ней штаба Юго-Западного фронта (командующий Н.Ф. Ватутин) создавали дополнительные трудности в работе местной администрации. Калач посещало военное руководство, представители Ставки ВГК. Слобода стала местом подготовки Среднедонской наступательной операции советских войск («Малый Сатурн»), которая в дальнейшем предотвратила прорыв немцев из окружения под Сталинградом. В слободе размещался штаб партизанского движения Юго-Западного фронта (руководитель полковник А.Н. Асмолов) и велась подготовка диверсионных групп для заброски в тыл противника.

В связи с близостью фронта на Калачеевскую администрацию ложилась ответственность по выполнению директив советского командования. Одна из них, принятая осенью 1942 г. руководством Сталинградского фронта, предусматривала выделение 400 рабочих со своим инвентарем для проведения оборонительных работ на аэродроме в районе совхоза Калачеевский. Другая требовала обеспечить в районе мобилизацию гужевого транспорта [4].

Отметим, что с администрации Калачеевского райисполкома в условиях прифронтового положения никто не снимал обязанности по решению текущих вопросов повседневной жизни слободы, не связанной с ведением боевых действий. Характерным примером является ситуация с Калачеевским гослесопитомником. В связи с нарушением управления он не справлялся с ведением лесопосадочных работ. Решением Калачеевского райисполкома 3 октября 1942 г. все недвижимое имущество и денежные средства с капиталовложениями гослесопитомника были

переданы в распоряжение Калачееского сельхозтехникума [5]. Кроме того, местные органы власти слободы решали проблемы выполнения обязательных госпоставок, осуществляли контроль над сельскохозяйственными работами, обеспечивали развитие культурной жизни населенного пункта и района.

На протяжении всего периода войны Калачеевский райисполком проводил активную организационную работу по обеспечению финансовой и материальной помощи действующей армии от местного населения. В результате от жителей района на фронт поступали посылки с продуктами, теплыми вещами для бойцов, девушки вышивали кисеты и платочки. Всего на фронт калачеевцами было отправлено 3733 посылки общим весом 21 331 кг. Жители района вносили свои сбережения на строительство боевой техники, подписывались на государственный военный заем. Так обеспечивалось взаимодействие фронта и тыла, велась мобилизация населения на обеспечение отпора фашистской агрессии, которое без организационных мероприятий местных органов власти было бы затруднительно или вообще невозможно.

После изменения боевой обстановки с учетом общего хода политического и социально-экономического развития слободы Калач перед органами местной власти встал вопрос о повышении его статуса до уровня города районного подчинения (1944 г.). В пояснительной записке Калачеевского райсовета к ходатайству по данному вопросу отмечалось, что в черте населенного пункта расположен ряд промышленных предприятий. На территории Калача имелась сырьевая база для дальнейшего развития государственной промышленности: в 5 км от него в 1936 г. геолого-разведочной партией были обнаружены залежи железной руды, разработка которой была включена в план 3-й пятилетки с поставкой сырья Липецкому металлургическому комбинату. Кроме этого имелись залежи меловых и известковых пород, цементных мергелей, на базе которых можно было построить цементный завод. Могла быть обеспечена сырьем мыловаренная промышленность. К 1944 г. на территории слободы имелось 21 предприятие государственной и кооперативной промышленности. В пятилетней перспективе на базе местного сырья с ежегодным увеличением выпускаемой продукции на 20 % она могла бы выпустить продукции ширпотреба на сумму 4,6 млн рублей [6]. Таким образом, процесс преобразования слободы Калач в город напрямую зависел от перспектив его экономического развития.

Воронежский областной совет депутатов трудящихся 25 мая 1944 г. принял постановление о преобразовании слободы Калач в город районного подчинения. В свою очередь Калачеевский райком партии и исполком райсовета 20 июня 1944 г. выступил с предложением просить обком ВКП(б) и облсовет депутатов трудящихся возбудить ходатайство перед Верховным Советом РСФСР о преобразовании слободы Калач в город районного подчинения. После соблюдения всех процессуальных действий 10 января 1945 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета

РСФСР «О преобразовании слободы Калач Калачеевского района Воронежской области в город» [7]. Процесс завершился положительным решением, которое было принято на уровне высших органов власти страны.

В связи с изменением статуса населенного пункта состоялись выборы в городской Совет депутатов трудящихся. Он начал свою работу 28 января 1945 г. В его исполком были избраны 7 человек [8].

Преобразование слободы Калач в город потребовало проведения размежевания с целью определения городской черты. Такая работа начала проводиться местными органами власти еще в 1944 г., до принятия решения об изменении статуса населенного пункта. К ней привлекалось местное население с учетом особенностей территориального расположения объекта. Так, общее собрание колхоза им. Чапаева Краснозагоренского сельсовета Калачеевского района 19 июня 1944 г. рассмотрело вопрос о включении хозяйства в городскую черту и об отводе его земель в городской фонд. В решении было учтено, что территория колхоза имени Чапаева расположена вдоль железнодорожной линии станции Калач и непосредственно прилегает к центру слободы. Собрание также приняло решение об отведении в городской фонд земельной площади в размере 326 га. Часть из нее отводилась для ведения работниками железнодорожного транспорта и городского населения личных подсобных хозяйств [9]. В дальнейшем после определения границ города с согласия общих собраний колхозников для удовлетворения нужд городского населения в огородных участках стали использовать земли, которые были исключены из севооборота колхозов имени Жданова, Буденного и «Красная Нива». Размежевание завершилось в начале июня 1946 г., когда исполком райсовета принял решение «Об определении городской черты г. Калача».

В заключение подведем итоги деятельности Калачеевского райисполкома в годы Великой Отечественной войны. В нем следует выделить несколько этапов. Первый из них совпадает с проведением администрацией слободы организационных мероприятий по мобилизации населения на отпор фашистской агрессии. Второй связан с деятельностью органов местной власти в условиях прифронтового положения населенного пункта, когда наряду с проблемами мирного времени ей приходилось решать вопросы, связанные с ведением боевых действий. На всем протяжении войны Калачеевский райисполком вел организационно-пропагандистскую работу среди населения слободы и района по обеспечению бойцов Красной армии необходимыми финансовыми и материальными ресурсами. Эта деятельность имела положительный результат. На завершающем этапе войны перед райисполкомом слободы возникла необходимость в изменении статуса населенного пункта, с которым она успешно справилась.

Примечания

1. Во имя Победы. Воронежская областная партийная организация в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов. Воронеж, 1975. С. 38.

2. Там же. С. 61.
3. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. 1803. Оп. 1. Д. 34. Л. 3.
4. ГАВО. Ф. 1803. Оп. 1. Д. 34. Л. 9об.
5. ГАВО. Ф. 1803. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.
6. Архивный отдел администрации Калачеевского муниципального района Воронежской области. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. Л. 26.
7. Архивный отдел администрации Калачеевского муниципального района Воронежской области. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 28.
8. Архивный отдел администрации Калачеевского муниципального района Воронежской области. Ф. 96. Оп. 1. Д. 5. Л. 107.
9. Архивный отдел администрации Калачеевского муниципального района Воронежской области. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. Л. 30.

Ю.А. Кошман

Роль местных советов Ставрополья в организации работы органов здравоохранения в условиях войны

С началом Великой Отечественной войны перед органами здравоохранения встали задачи по перестройке работы, организации лечения раненых и больных воинов и населения. Ситуация осложнялась тем, что в армию была призвана значительная часть медицинских работников для укомплектования армейских госпиталей, резко сократилось поступление медикаментов, инструментария. Кроме того, по решению Совета народных комиссаров (далее – СНК) СССР на территории страны повсеместно развертывались госпитали. Важная роль в этом постановлении отводилась Северному Кавказу, учитывалось наличие здесь курортной базы, значительного количества опытных врачей, среднего медицинского персонала.

Уже в 1941 г. здесь были развернуты 232 госпиталя, в том числе на Кавказских Минеральных Водах около 100, в Сочи и на Черноморском побережье более 100, в Грозном – 13, Нальчике – 8 [1]. В соответствии с постановлением СНК СССР Ставропольский крайисполком принял собственное постановление об оборудовании в крае госпиталей на 31 325 коек, в том числе на Кавминводах – 17 840 коек [2]. В соответствии с этим документом исполнительные комитеты советов городов и районов края рассмотрели применительно к каждому городу вопросы организации госпиталей, их оборудования, укомплектования кадрами, обеспечения недостающим оборудованием и инвентарем с учетом возможностей каждого санатория, больницы не только исходя из наличия коечного фонда, но и за счет уплотнения служб. Ими были предприняты срочные меры по оборудованию в больницах отделений, переоборудованию санаториев для лечения раненых и больных воинов, выделению помещений за счет учебных заведений, общежитий. Так, 20 августа 1941 г.

ставропольский горисполком утвердил сметы на переоборудование зданий школ под госпитали: средних школ № 8, 9, 11. Для обеспечения недостающим оборудованием и инвентарем горисполком привлекал местные организации. Решением от 13 сентября 1941 г. для обеспечения госпиталя № 1962 твердым инвентарем и посудой горисполком привлек 16 организаций, для госпиталя при психиатрической больнице – 17 организаций, для госпиталя № 1961 – 5 организаций и для госпиталя № 1811 – 1 организацию. В октябре 1941 г. горисполком передал автобус автотранспортной конторы для нужд госпиталя № 1626, который был переоборудован для транспортировки больных и раненых, и закрепил за госпиталями № 1811, 1626, 1627, 1659, 1961, 1962, 3800 твердый инвентарь [3].

Вопросы обеспечения госпиталей медицинским оборудованием, инструментами и медикаментами решались еще в предвоенные годы. Так, перед Военно-санитарным управлением Красной армии были поставлены задачи определить, какие медикаменты оставить в перечне на военное время, и их нормы расхода. Всю войну эвакогоспитали снабжались медицинским имуществом по нормам, согласно приказу народного комиссара обороны № 219 от 3 декабря 1939 г. [4]. Потребность во всех видах медико-санитарного имущества резко возросла с началом войны, в связи с необходимостью формирования большого количества медицинских учреждений.

Уже в июле 1941 г. со складов Народного комиссариата обороны СССР началась передача госпиталям медицинского инвентаря, из-за нехватки транспорта доставка медикаментов из аптечного склада задерживалась. Остро ощущалась нехватка гипса, спирта, химикатов для рентгена, реактивов для лабораторий: фуксина, различных кислот, наркотических веществ (эфира, хлороформа, гексонала), бромистых, салициловых препаратов. Не хватало перевязочных материалов и ваты. Не было в достаточном количестве стрептоцида, сульфидина, кофеина, уротропина, рыбьего жира, глюкозы, хлористого кальция. Эти препараты в первую очередь поступали в действующую армию и на те фронты, где велись ожесточенные бои.

В таких условиях самым актуальным стал вопрос о необходимости использования местных ресурсов и возможностей, привлечения научных сил и общественности для организации производства на местах лечебных препаратов, медицинского имущества и бесперебойного обеспечения ими госпиталей. Испытывая острый недостаток в медикаментах и инструментах, комитеты помощи раненым организовали на местах производство эфира, из-за его отсутствия могли задерживаться операции, кроме того было налажено производство лабораторных реактивов, гипса и других медикаментов. В целях ускорения снабжения госпиталей было организовано производство по расфасовке сложных лекарственных растений и изготовлению смеси. На мясокомбинатах из крови забиваемого скота вырабатывали гематоген. Приступил к производству

гематогена и Ставропольский мясокомбинат, сдав в аптекоуправление первые 40 л [5].

Чтобы возместить нехватку поступавших лекарств Ставропольским краевым аптекоуправлением для улучшения медикаментозного снабжения госпиталей была открыта галеновая лаборатория, которая изготовляла все виды настоек: йодовую, валерьяновую, ландышевую и другие. Также было организовано ампульное производство по выпуску наливных ампул глюкозы, камфорного масла, кофеина, пантопона, уротропина, хлористого кальция, начало работу также стеклодувное производство по выпуску аптечной посуды. Артель города Пятигорска «Прогресс» наладила обеспечение госпиталей Ставропольского края медицинским гипсом [6]. Лаборатории Пятигорского бальнеологического института изготавливали до 200 кг в месяц глюкозы, до 500 кг в месяц хлористого кальция, уротропина и других препаратов, выпустили 500 кг эфира, что обеспечило проведение 5 тыс. операций тяжелораненым [7].

Таким образом, вопрос о необходимости использования местных ресурсов и возможностей, привлечения научных сил и общественности для организации производства на местах лечебных препаратов, медицинского имущества и бесперебойного обеспечения ими госпиталей был решен благодаря ряду мероприятий, проведенных в крае в годы войны местными органами власти. В результате материальное и лекарственное обеспечение в госпиталях несколько улучшилось. Среди прочих можно выделить следующие меры по разрешению хозяйственных вопросов: это помощь партийных организаций и комитета помощи раненым; развертывание помощи местных хозяйственных и шефских организаций и улучшение материального положения силами работников госпиталей.

Активную работу проводил комсомол. К августу 1942 г. в Ставропольском крае комсомольскими организациями было подготовлено около 10 тыс. медсестер и сандружинниц. Всего же количество медицинских кадров, подготовленных обществом Красного Креста, составляло 63,5 % персонала в военно-санитарных поездах.

Кроме лечения и восстановления здоровья больных и раненых воинов Красной армии, одной из задач здравоохранения было недопущение эпидемических заболеваний. Поэтому, осознавая важность и первоочередность задачи предупреждения возникновения вспышек эпидемий и заболеваний, Государственный комитет обороны своим постановлением «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной армии» обязал местные советы обеспечить население банями, дезинсекторами, прачечными. Одним из факторов принятия этого решения являлась сложившаяся эпидемическая ситуация в стране в целом и в Ставропольском крае в частности. В результате был реализован комплекс различных мероприятий по профилактике и борьбе со вспышками эпидемий.

В 1941–1944 гг. местными советами, органами здравоохранения, санэпиднадзора на территории края была создана сеть санитарных

пропускников, прежде всего в районах массового скопления людей, для обслуживания прибывавших эвакуированных, беженцев, раненых и больных воинов, где они проходили медицинское освидетельствование, санитарную обработку. Это резко снижало угрозу занесения и распространения инфекционных заболеваний. В связи с создавшимися условиями местные советы приняли меры по налаживанию на территории края производства мыла, дезинфицирующих средств. Уже 1 января 1941 г. в городе была открыта мастерская по производству туалетного мыла [8].

По данным на 1 октября 1941 г. население города Ставрополя составляло 89,7 тыс. человек, в том числе эвакуированных, которых горисполкому нужно было обеспечить жильем, работой, продовольствием. Всего трудоспособных было 54,6 тыс. человек [9]. Поэтому большое внимание было уделено профилактике, выявлению завшивленности среди населения и проведению санобработки совместно с медиками.

Работники станций пунктов при поддержке местных советов настойчиво добивались от руководителей предприятий, колхозов, совхозов строительства и ремонта бань, организации их постоянной работы, что было важным средством борьбы с эпидемическими заболеваниями.

Но, конечно, на здоровье людей оказывает влияние не только эпидемиологическая обстановка. Великая Отечественная война, изменившая все сферы социальной и личной жизни граждан Советского Союза, повлияла и на быт людей. Часть граждан ушли с оружием защищать страну на фронт, кто-то остался в тылу, их привычный образ жизни сменился жестко регламентированной военной повседневностью. В дополнение к мерам предвоенного времени по введению трудовых книжек, ужесточению дисциплины, переходу на 8-часовой рабочий день и 7-дневную рабочую неделю и по запрещению самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий были изданы новые юридические акты, направленные на дальнейшее ужесточение трудового режима и прикрепление работников к предприятиям [10]. Люди работали без выходных дней, а после работы обязательно участвовали в субботниках и воскресниках. В некоторых случаях рабочий день превышал и 8-часовой.

Заместитель народного комиссара легкой промышленности РСФСР А.И. Уткин писал в крайком ВКП(б) об обеспечении выполнения плана Ворошиловской швейной фабрикой 8 августа 1941 г.: «В целях своевременного обеспечения выполнения плана мобзадания на III квартал текущего года Народный комиссариат легкой промышленности РСФСР предлагает установить на Ворошиловской швейной фабрике 11-часовой рабочий день» [11].

Конечно, мероприятия подобного рода были продиктованы ситуацией военного времени, и тем не менее тяжелые условия труда и постоянное недоедание приводили в конечном счете к ослаблению организма и его меньшей устойчивости к разного рода заболеваниям и эпидемиям.

Что касается сферы потребления, то в условиях войны государство ввело нормированное распределение хлеба и других продовольственных

и промышленных товаров по карточкам. Постановлением от 18 июля 1941 г. карточки были введены в крупных городах страны. В Ставропольском крае нормированное снабжение продовольствием было установлено с 1 сентября 1941 г. Временно вводилась выдача хлеба по нормам, установленным правительством только для работающих на предприятиях, учреждениях и учащимся вузов, а также членов их семей [12].

В условиях голодного существования и чрезвычайной занятости населения на производстве для поддержания здоровья работников промышленности особую роль в годы войны играло общественное питание. В городах и рабочих поселках были дополнительно открыты столовые. В связи с удлиненным рабочим днем и отсутствием выходных перестраивался режим работы столовых. Так, в связи с переводом на 11-часовой рабочий день и круглосуточную работу на Арматурном заводе имени Ленина в Георгиевске для работающих в ночную смену к 23 ч в столовую готовились горячие блюда: каши, яичница, кофе и недорогие мясные блюда [13].

Кроме питания для рабочих, занятых на производстве круглосуточно, остро стал вопрос о малолетних детях, т.к. на предприятиях работали женщины, пришедшие на смену мужчинам, призванным в армию, и ставшие основным резервом рабочей силы. Женщины освоили практически все мужские специальности, уже в первый год войны, заняв решающие позиции в хозяйстве региона, их удельный вес среди работающего населения вырос на 20 % [14].

Поэтому большинство женщин вынуждены были оставлять детей дома. Многие из них до войны были домохозяйками, а теперь они были вовлечены в общественное производство наравне с мужчинами, их основным окружением стала не семья, а производственный коллектив, вместо хозяйских забот по дому они большую часть времени проводили на предприятиях. Для совсем маленьких детей были введены круглосуточные группы как в городских яслях, так и в заводских детских садах. 16 февраля 1943 г. горисполком принял решение о развертывании сети дошкольных учреждений в Ставрополе [15].

Местные советы проявляли заботу о семьях фронтовиков, оставшихся в крае. Некоторая часть из числа иждивенцев мобилизованных указывала, что их не обеспечивают топливом и продуктами питания, и им приходится сидеть в холоде и полуголодными. После обстоятельного выяснения всех подробностей дела о материально-бытовом обслуживании населения райкомам и райисполкомам предлагалось немедленно принимать меры по коренному улучшению материально-бытовых условий семей фронтовиков [16]. Подобные мероприятия проходили периодически, органами местной власти проверялись и анализировались данные об уровне жизни населения.

Из представленного материала можно сделать вывод, что в годы войны местными советами была организована эффективная система управления, которая, несмотря на голод, тяжелую работу, нехватку

самых необходимых средств, обеспечивала проведение значительной работы не только в области госпитализации и лечения раненых и больных воинов Красной армии, но и в области охраны и укрепления здоровья гражданского населения. Это в итоге стало одним из важных факторов, приведших к победе в войне.

Примечания

1. Судавцов Н.Д. Вклад народов Северного Кавказа в победу в Великой Отечественной войне // Вклад регионов Юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы российской научно-практической конференции. Элиста, 2010. С. 12.

2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 1852. Оп. 12. Д. 18. Л. 79–92.

3. Ставропольская городская дума: 200 лет. Историческая хроника. М., 2008. С. 144.

4. Смирнов Е.И. Война и военная медицина 1939–1945 гг. М., 1979. С. 154.

5. Ставропольская правда. 1944. 30 мая.

6. ГАСК. Ф. 2775. Оп. 2. Д. 18. Л. 13.

7. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1282. Л. 45.

8. Орджоникидзевская правда. 1942. 1 января.

9. Ставропольская городская дума … С. 145.

10. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 702–703.

11. Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1941–1964 годах. Ставрополь, 2011. С. 206.

12. Ставропольская городская дума … С. 150.

13. Нанаева М.А. Повседневная жизнь промышленных рабочих Ставрополья в контексте государственной политики в начальный период Великой Отечественной войны // Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Элиста, 2005. С. 99.

14. Каменева Г.Н. Женщины Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг… С. 102.

15. ГАСК. Ф. 1686. Оп. 1. Д. 113. Л. 52.

16. Голоса из провинции: жители Ставрополья в 1941–1964 годах. С. 210.

И.О. Новожилова

Медицина в городе Таганроге в период оккупации (17 октября 1941 г. – 30 августа 1943 г.)

Город Таганрог был оккупирован немецкими войсками 17 октября 1941 г. В короткие сроки захватчики восстановили административную инфраструктуру, создали новый орган управления городом – городское бургомистерство. Оккупационные власти стремились установить

«новый порядок» по немецкому образцу. В то же время многие структуры и органы управления выполняли привычные функции.

В настоящей статье будут раскрыты особенности работы медицинских учреждений города в период оккупации. Материалом для исследования служат документы, отложившиеся в фондах Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО).

Медицинскому отделу бургомистерства, созданному в ноябре 1941 г., был поручен контроль над медицинским обслуживанием гражданского населения и военнопленных, находившихся на излечении в больницах города. Медицинский отдел восстановил лечебную сеть в том виде, в котором она существовала в городе до оккупации.

В начале 1942 г. в городе продолжили свою работу больницы №№ 1–5, поликлиники №№ 1–8, консультация для женщин и детей, венерологический и туберкулезный диспансеры, санитарно-эпидемиологическая, дезинфекционная, малярийная, коревая и карантинная станции, санитарно-бактериологическая и клиническая лаборатории [1]. В первую очередь была проведена инвентаризация всех материальных ценностей, оставшихся в этих учреждениях. Имущество было тщательно описано, уточнены запасы лекарственных средств и медицинского оборудования. Строгий учет имущества и медикаментов велся на протяжении всего периода пребывания немцев в городе.

Большая часть врачей, работавших в городе, была мобилизована в первые дни войны или эвакуировалась вместе с госпиталями при отступлении советских войск. Первоочередной задачей медицинского отдела стала необходимость наполнить медицинские учреждения медицинским персоналом. На 22 июня 1941 г. в городе было 238 врачей, к 17 октября 1941 г. осталось 117, а к 1 июля 1943 г. их численность была увеличена до 137 человек [2]. Большой недостаток лечебные учреждения испытывали в среднем и младшем медицинском персонале. Так, если на 22 июня 1941 г. в штате медицинских учреждений числилось 1200 человек, то к 1 июля 1943 г. осталось 463 человека. Недостаток штатных единиц компенсировали путем допуска к работе военнопленных, имеющих медицинское образование [3].

В зависимости от потребностей населения в получении медицинского обслуживания менялась и структура медицинских учреждений. В статистическом отчете за июль 1943 г. прослеживается сокращение поликлиник, профильных отделений в больницах. Если на 1 июля 1940 г. в городе работало 12 поликлиник и амбулаторий, то к июлю 1943 г. их осталось только 6. Сократилась загруженность больниц в койкоднях с 27 664 до 17 185, однако увеличилось количество коек в больницах – с 155 до 500. [4].

Прием на работу медицинского персонала велся по согласованию с бургомистром города, при этом прием родственников в одно и то же учреждение запрещался. Медицинские учреждения города работали с 7:00 до 16:00 с перерывом на завтрак. Работа строилась на принци-

пах хозрасчета. Все услуги для гражданского населения были платными. Работавшим на предприятиях города гражданам выдавались справки и больничные листы.

К началу марта 1942 г. сложилось катастрофическое положение с наличием медикаментов в аптеках города. Отсутствовали жаропонижающие средства, сердечные, желудочно-кишечные, бромистые препараты и перевязочные материалы. Медицинский отдел города обратился с прошением в ортскомендатуру о выделении медикаментов и перевязочных средств из фондов германской армии или разрешении командировки в Киев и Харьков специального лица для приобретения медикаментов [5].

Ревизии финансово-хозяйственной деятельности медицинских учреждений показывали неудовлетворительное санитарное состояние учреждений. Не хватало кроватей, постельного белья, средств для дезинфекции. Продукты питания были низкого качества или же испорченными [6].

В апреле 1942 г. была начата выдача лекарственных средств через гарнизонного врача. Медикаменты выдавались целенаправленно медицинскому отделу и потом уже распространялись по медицинским учреждениям города по разнарядке. Так, 6 апреля 1942 г. медицинским учреждениям были выписаны: аспирин в таблетках – 5000 шт.; кофеин в ампулах – 200 шт.; строфантин в ампулах – 100 шт.; бром в таблетках – 1000 шт.; эфир для наркоза – 25 флаконов; салфетки марлевые – 480 м; бинты разные – 328 шт.; лигнин – 10 000 шт. Также по разнарядке в лечебные учреждения выдавался спирт [7]. В дальнейшем такие поставки медикаментов продолжались. Но для города с населением почти в 140 тыс. человек этого количества медикаментов, конечно, не хватало.

Медицинский отдел пользовался любой возможностью, чтобы пополнить запасы лекарственных средств и медицинского оборудования. Заявки на покупку лекарств отправлялись в Мариуполь, Киев, Винницу. За наличный расчет приобретались антирабическая вакцина, азолитмин, уксусная кислота, для проведения рентгена – рентгеновская пленка и барий. [8].

Отсутствие лекарственных препаратов пытались компенсировать народными средствами. Для борьбы с авитаминозом больным предписывался морс. В историю болезни необходимо было внести запись о том, что пациенту выдается морс в качестве лечения, и о количестве выданного. В аптеках морс продавался только при предъявлении рецепта. В летнее время проводилась кампания по сбору лекарственных растений. При сдаче 1 кг ромашки и цветов липы, белены, полыни, черногорки сборщикам трав выплачивалась 1 марка, которая равнялась 10 рублям. Премии за сбор лекарственных трав выплачивались главным врачом города [9].

Лабораторией при аптекоуправлении изготавливались: нашатырно-анисовые капли, Фаулеров раствор мышьяка, свинцовый уксус, масло

камфорное, беленное, свечи геморроидальные, настойки полыни, ландыша, наперстянки, чернильных орешков, белены, йода, мяты перечной, опия, чилибухи, валерианы; основы для мазей вместо вазелина, а также серная ртутная, цинковая и ихтиоловая мази [10].

Велся тщательный контроль над лицами, имевшими огнестрельные или другие виды ранений. Поэтому перевязочные материалы в свободную продажу не поступали, а отпускались лечебным учреждениям города при наличии визы медицинского отдела [11]. Для отслеживания лиц, получивших ранения, по указанию бургомистра города от 2 июля 1942 г. обслуживание граждан, пострадавших от бомбежки, проводилось бесплатно [12].

Немецкое командование одной рукой давало скудные лекарственные препараты, а другой безнаказанно отбирало имевшиеся крохи. 2 июня 1942 г. начальник медицинского отдела сообщил гарнизонному врачу о том, что 27 мая в 5:30 утра 4 германских представителя на машине фельдкомендатуры погрузили и увезли из дезинфекционной станции 95 л бензина, 160 л дезинфицирующих средств, 929 л сольвента, 2 лампы «летучая мышь», 2 машинки для стрижки волос, 6 санитарных сумок Красного Креста, одни ножницы, 5 бутылок дегтя, 157 кусков мыла, 7 шт. носилок, 20 стерильных индивидуальных перевязочных пакетов, 1 щетку, 1 паяльную лампу [13].

Большое внимание немецкое командование уделяло вопросам эпидемиологической обстановки в городе. Уже 7 марта 1942 г. бургомистерство города издало распоряжения № 35 «О прививках против оспы» и № 36 «О предохранительных прививках против дифтерии». Они предписывали сделать прививки против дифтерии всем детям от 1 года до 8 лет включительно, от оспы – детям от 2 месяцев до 1 года и провести ревакцинацию детей 4–5, 10–11 лет, а также мужчин и женщин в возрасте от 18 до 20 лет. Наблюдение за исполнением данного распоряжения возлагалось на санитарно-эпидемиологическую станцию [14].

В сентябре 1942 г. медицинский отдел обратился в Киевский микробиологический институт за вакцинами, сыворотками и антигенами. С 27 октября по 23 ноября 1942 г. отдел уже неоднократно обращался в Ростовский микробиологический институт с просьбой отпустить городской инфекционной больнице противодифтерийные, противостолбнячные, противоскарлатиновые сыворотки [15].

Активно проводилась лечебно-профилактическая работа по борьбе с малярией. Лечение заболевших, профилактическая хинизация и взятие анализов проводились бесплатно. В весенний период проводилась противорецидивная акрихинизация [16].

Тщательно отслеживались случаи заболевания сыпным тифом. Все имевшие контакты с заболевшими не менее двух раз в месяц подвергались кольцевой санобработке [17]. Но, несмотря на все проводимые противоэпидемические предприятия, случались вспышки инфекционных заболеваний. В служебной записке начальника медицинского

отдела бургомистру города от 22 мая 1942 г. имеется информация о смерти медицинской сестры 4-й больницы Сероклин Е. от сыпного тифа, а в приказе бургомистра города от 4 мая 1943 г. № 31 сообщалось о смерти главного врача больницы № 4 В.Д. Страшевской от того же заболевания [18].

Изучая документы медицинского отдела города Таганрога за 1941–1943 гг., можно сделать вывод, что медицинское обслуживание населения было на удовлетворительном уровне для того периода. Германское командование стремилось к тому, чтобы население города было относительно здорово, поскольку от этого зависела работоспособность, а соответственно и благосостояние оккупационных властей. За санитарно-эпидемиологической обстановкой также приходилось тщательно следить, так как от этого уже напрямую зависело здоровье и самих захватчиков.

Примечания

1. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
2. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 1. Л. 112.
3. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 19. Л. 28–30.
4. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 1. Л. 112об.
5. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 26. Л. 60.
6. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 1, Л. 114; Д. 4. Л. 27; Д. 5. Л. 208.
7. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 26. Л. 36, 80.
8. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 26. Л. 96, 149, 213, 235; Д. 8. Л. 120.
9. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 26. Л. 72, 75, 76, 137.
10. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 26. Л. 137.
11. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 1. Л. 94.
12. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.
13. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 26. Л. 95.
14. ТФ ГАРО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 2. Л. 41, 42.
15. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
16. Там же.
17. Там же.
18. ТФ ГАРО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 8. Л. 19, 110, 122–125.

Е.Л. Никулина

Участие Кубанского медицинского института, его сотрудников и выпускников в Великой Отечественной войне (по материалам Музея истории ГБОУ ВПО КубГМУ)

75 лет отделяют нас от начала Великой Отечественной войны – самой страшной войны в истории человечества, которая закончилась Победой советского народа над фашизмом. Но память о тех годах жива и будет жить всегда. Вместе со страной и народом переживал войну и наш

Кубанский медицинский институт (далее – КМИ) имени Красной армии (ныне Кубанский государственный медицинский университет). Его сотрудники, выпускники и студенты внесли свой вклад в общее дело борьбы с врагом. Ни на один день не закрывался в годы Великой Отечественной КМИ, даже во время двух нелегких эвакуаций. И на всех фронтах, а также в партизанских отрядах, в подполье и в страшном плену лечили и спасали раненых наши доктора.

С первых военных дней КМИ перешел на ускоренное обучение. Студенты, отозванные с производственной практики, занимались по 9–10 ч в день, помогали в работе госпиталей, вместе с преподавателями обучали население оказанию медицинской помощи раненым и пострадавшим, участвовали в работе по организации народного ополчения, возведению оборонительных сооружений. В начале сентября 1941 г. был произведен досрочный выпуск 68 человек, а в середине ноября были выпущены еще 367 человек. Вместе с дипломом врача вчерашние студенты и студентки получали погоны младших лейтенантов медицинской службы. Абсолютное большинство из них направились в действующую армию и эвакогоспитали.

29 ноября 1941 г. в связи с изменением ситуации на фронтах КМИ был первый раз эвакуирован в город Ереван, столицу Армянской ССР. В конце апреля 1942 г. институт реэвакуировался, и через несколько дней занятия возобновились уже в Краснодаре. В мае 1942 г. был организован выпуск 432 врачей, обучавшихся на пятом курсе в Ереване, подавляющее большинство из которых были направлены в действующую армию; а в конце июля ушли на фронт средними медработниками студенты, перешедшие на четвертый курс.

В июле 1942 г. обстановка на фронте изменилась, немцы рвались к Кавказу. Ростов-на-Дону был оставлен нашими войсками. 1 августа 1942 г. сотрудники КМИ в 4 ч утра получили записки от директора института Антона Наумовича Мотненко [1] (будущего ректора Северо-Кавказского медицинского института в городе Ростове-на-Дону) с предложением явки в институт для срочной эвакуации. Во дворе стояло 6 санитарных машин, предоставленных на одни сутки. На них отправили в Сочи семьи с маленькими детьми, пожилых и нездоровых людей. Сам директор с 250 студентами и молодые сотрудники выдвинулись пешком на Горячий Ключ и далее на Сочи. Из Сочи началась дальнейшая эвакуация вглубь страны.

Тяжелым был путь, наступила осень, в вагонах было очень холодно, случались обморожения. В Чкалове (в настоящее время – Оренбург) установили в вагонах чугунные печи, ближе к спасительному теплу разместили матерей с детьми и плохо одетых студентов (ведь дом покидали в спешке, в летнюю жару). Тем не менее в пути продолжали учиться! Из дневника студента Евгения Логашева: «У моего друга Вирник Леопольда Германовича оказалась задолженность в учебе. Сидя на плоской крыше вагона, он готовится к сдаче этой задолженности» [2]. Все мечтали поскорее добраться до Куйбышева. Но это был еще не конец пути.

16 ноября в Куйбышеве предложили КМИ расформировать с распределением студентов по другим вузам. Как в тяжелейшей обстановке военного времени смог директор КМИ Антон Мотненко за несколько дней отстоять самостоятельность вуза и добиться дальнейшей эвакуации КМИ в Тюмень? Сейчас это трудно представить. Блестящий талант организатора, умение убеждать, воля, дисциплинированность и отечески теплое отношение к сотрудникам и студентам отличали этого человека и спасли КМИ как самостоятельное учреждение. 4 декабря 1942 г. эшелон прибыл в Тюмень. Сибирская зима встретила южан почти 50-градусным морозом. Но руководство Тюмени, коллеги-врачи и жители города оказали самый теплый прием нашему коллективу. В августе 1943 г. состоялся «тюменский» выпуск Кубанского медицинского – 38 молодых врачей уехали на фронт и в госпитали. Новый набор составил 200 человек, и к началу сентября 1943 г. в вузе обучалось уже 266 человек. В сентябре 1943 г. Наркомздравом было дано указание о реэвакуации КМИ, и 8 ноября «тюменцы» вернулись в Краснодар, в том числе и поступившие в вуз сибиряки. Их не пугало, что едут они в разрушенный войной город. Для многих из них Кубань стала второй родиной.

Но вернемся к фронтовым событиям. В июне 1941 г. в Краснодаре в числе других были сформированы эвакогоспитали № 1605 и 1606 [3], укомплектованные сотрудниками кафедр и клиник Кубанского медицинского института. Начальником госпиталя № 1605 стал ассистент кафедры акушерства и гинекологии, военный врач 1-го ранга, будущий доцент М.Н. Киреевский. Ведущими хирургами этого госпиталя были доцент кафедры хирургии Я.И. Липский и профессор В.К. Красовитов [4], в последующем заведующий кафедрой оперативной хирургии, основоположник торакальной хирургии на Кубани. В этом же эвакогоспитале служили: начмедом – ассистент кафедры глазных болезней М.П. Голембиевский, начальниками отделений – ассистенты хирургических кафедр И.Л. Певзнер, П.И. Соболев, М.И. Чайковская, А.И. Мамаенко, Е.А. Ковалева, И.П. Шнейдер, доцент кафедры ЛОР-болезней А.А. Акимов. Ординаторами отделений были С.П. Мирошникова, А.И. Санжарова, А.И. Киреевская, В.Л. Печемьян, В.А. Артамонова, Л.П. Герасимова, В.В. Буслаев, К.И. Буслаева, Р.И. Липкина. Лабораторией заведовала ассистент Соболева [5].

Госпиталь № 1605 оказывал помощь раненым во время боев на Кубани при прорыве так называемой «Голубой линии», на дальних подступах к укреплениям фашистов в Крыму. Хирургические бригады на десантных катерах переправлялись через Керченский пролив. Врачи работали и укрывались в аджимушкайских катакомбах, затем работали в медсанбатах первой линии при боях за Севастополь. Позднее сотрудники эвакогоспиталя № 1605 оказывали помощь раненым при освобождении Польши и взятии Берлина.

С 1942 г. начальником эвакогоспиталя № 1605 становится доцент кафедры нервных болезней военврач 2-го ранга И.П. Гольфанд, а его заместителем – майор медицинской службы, выпускник КМИ 1941 г.

Г.Е. Аксенов [6], в будущем старший преподаватель военной кафедры нашего вуза (в 1945 г. он стал начальником эвакогоспиталя № 1605). Это назначение было связано с тем, что в 1942 г. в городе Грозном из состава госпиталя № 1605 был выделен полевой подвижный госпиталь (далее – ППГ) № 3228 [7], который под командованием М.Н. Киреевского убыл на 4-й Украинский фронт. Сотрудники этого ППГ оказывали хирургическую помощь раненым в боях за Сиваш и Крым.

Эвакогоспиталь № 1606 с 1941 г. и до конца войны возглавлял начальник военной кафедры КМИ военврач 1-го ранга А.А. Фролов [8]. Сотрудники этого госпиталя оказывали специализированную хирургическую помощь раненым во время Сталинградской битвы.

В годы войны в Сочи была создана крупная госпитальная база. Ведущими хирургами там были наши сотрудники И.А. Агеенко, В.К. Красовитов, В.Д. Бантов [9]. Профессора КМИ Г.Н. Лукьянов и К.С. Керопьян организовали обучение хирургии врачей других специальностей. Профессор Н.П. Пятницкий внедрил в практику госпиталей метод капельных вливаний, метод приготовления из хвои витамина С [10].

Более 1500 выпускников КМИ оказывали помощь раненым на разных этапах в годы войны [11]. По-разному складывалась их фронтовая судьба. Доктор Н.Н. Зеленский, выпускник 1929 г., был главным врачом госпиталя в блокадном Ленинграде, прошел потом всю войну, вернулся в Ленинград и многие годы работал там, его медаль «За оборону Ленинграда» бережно хранится в музее родного вуза. Двое наших выпускников – доктора В.А. Коваленко и Н.А. Колодкин, талантливые и бесстрашные организаторы масштабной медицинской помощи раненым, стали генерал-майорами медицинской службы в годы Великой Отечественной войны. Выпускник 1938 г. Д.С. Мамедов, оперируя раненого в полевом госпитале под Москвой, во время вражеского обстрела закрыл его собой и спас, а сам скончался от полученных ранений.

Много женщин служили военврачами на фронте наравне с мужчинами: Е.М. Мазалецкая (хирург полевого медсанбата), Т.В. Митина (старший хирург Главного госпиталя Черноморского флота), Л.Г. Рыбкина (санитарный врач), Е.И. Исаенко (врач санитарного поезда) и другие. Краснодарка Нина Коваленко (в замужестве Шульга), пережив ужасы оккупации, ушла добровольцем на фронт, стала снайпером, была ранена, награждена двумя орденами Красной Звезды, на ее личном счету более 100 фашистов. После войны Нина Степановна Шульга окончила КМИ, стала стоматологом, сотрудницей одной из кафедр вуза.

Выпускник КМИ 1941 г. Иван Дадалов служил врачом в составе легендарного конного корпуса генерала Льва Доватора, еще в 1941 г. совершавшего глубокие рейды в тылу врага. Впоследствии И.М. Дадалов, генерал-майор медицинской службы, возглавлял Военно-медицинскую академию в Ленинграде.

Роман Александрович Лопухин [12], окончив КМИ незадолго до начала войны, стал военным врачом, на фронте в 1941 г. попал в окружение

и в плен, в лагере под городом Славутой работал врачом в лазарете. Встретил там земляков-кубанцев (в том числе выпускника КМИ П.А. Кузенко), вместе с ними создал подполье. Вскоре подпольщики организовали первый массовый побег, в леса ушли 156 человек. Условия страшного лагеря после этого ужесточились. Но к ноябрю 1943 г. из лагеря за территорию подпольщики прорыли подкоп 95 м длиной, и через него в партизанские отряды ушли еще около 50 человек. Бежал и сам Лопухин с товарищами. Из партизанского отряда Р.А. Лопухин вернулся врачом на фронт, участвовал в боях, был награжден. Умер в Краснодаре в 1948 г., здоровье молодого врача было подорвано тяжелыми испытаниями.

Отдельную яркую страницу в военной истории КМИ занимает подвиг Ф.А. Лузана. Федор Афанасьевич Лузан [13] родился в станице Абинской (ныне город Абинск) в феврале 1921 г. Мальчик хорошо учился, с детства мечтал стать врачом и в 1939 г. поступил в КМИ, успешно сдав экзамены. В 1941 г. Со второго курса ушел добровольцем на фронт (отказавшись от брони, положенной студентам-медикам), служил на Карельском фронте. Способный и одаренный Федор быстро стал хорошим радистом, в трудных боевых условиях всегда находил технические возможности для того, чтобы связь работала бесперебойно. Во время одного из боев батальон Федора был окружен, но продолжал держаться. Под шквальным огнем радист Лузан сутками держал связь с командным пунктом полка, где приняли решение помочь прорыву батальона к своим. Федор координировал по рации удары артиллерии. Фашисты предприняли попытку захватить его в плен, но Федор до последнего не бросал связь. Когда фашисты ворвались в блиндаж, он закончил передавать последнюю радиограмму и подорвал противотанковой гранатой себя, рацию и вражеских солдат. А оставшиеся в живых бойцы батальона прорвали кольцо окружения с помощью подоспевших из полка товарищей, удержав линию фронта на своем участке. Ф.А. Лузан был посмертно награжден званием Героя Советского Союза. Это единственный студент-медик, удостоенный этого высокого звания за воинский, солдатский подвиг во время Великой Отечественной войны. Имя героя носит школа в городе Абинске, улица в Краснодаре, во дворе КубГМУ в 1966 г. был открыт памятник Ф.А. Лузану, на открытии присутствовали его отец и брат.

Еще один студент КМИ, ставший Героем Советского Союза, уроженец города Майкопа Анатолий Константинович Шевкунов [14], был призван в армию перед началом Великой Отечественной войны, после окончания 1-го курса. Он стал замечательным летчиком, отважным ночным бомбардировщиком, совершил сотни успешных боевых вылетов, лично сбил несколько немецких самолетов. После войны остался в авиации, работал в Майкопе, потом в Краснодаре. Его именем названа одна из краснодарских улиц.

В канун памятной даты 75-летия начала Великой Отечественной войны мы чтим память тех, кто отдал свои жизни за Родину, низко кланяемся ветеранам, которые смогли выстоять на фронтах и в тылу, дав

последующим поколениям возможность жить, учиться и работать в не побежденной фашизмом стране.

Примечания

1. Музей истории КубГМУ. Ф. Музейно-исторические материалы (далее – МИМ). Оп. 5. Л. 4–7.
2. Музей истории КубГМУ. Ф. Научно-вспомогательный фонд (далее – НВФ). Оп. 5. Л. 17–20.
3. Музей истории КубГМУ. Ф. НВФ. Оп. 5. Л. 26–28.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Музей истории КубГМУ. Ф. МИМ. Выставочные материалы. Стенды 8–10.
12. Музей истории КубГМУ. Ф. НВФ. Оп. 13. Л. 7–34.
13. Музей истории КубГМУ. Ф. МИМ. Выставочные материалы. Стенд 11.
14. Музей истории КубГМУ. Ф. МИМ. Выставочные материалы. Стенды 8–10.

Н.А. Гаража

«Русский рабочий» в Третьем рейхе: об этническом измерении трудоиспользования советских граждан

Нацистская Германия в силу комплекса причин военно-политического и социально-экономического характера была ориентирована на использование значительного контингента иностранной рабочей силы. В целом в промышленном и сельском хозяйстве Третьего рейха были представлены работники приблизительно 28 национальностей [1].

Условия труда и отношение к иностранным рабочим варьировались в зависимости от фактора времени, этнической принадлежности и утилитарных задач экономики. Тем не менее по большому счету рабочие из других стран считалась людьми второго сорта. А когда при пролонгации сроков военных действий острый дефицит в промышленной и сельскохозяйственной продукции и рабочих руках достиг апогея, стало вызревать и оформляться в конкретные мероприятия решение уже о принудительном использовании труда военнопленных и граждан завоеванных государств. «Только отправка в Германию нескольких миллионов отборных русских рабочих за счет неисчерпаемых резервов работоспособных, здоровых и крепких людей в оккупированных восточных областях… – проговаривалось в документах немецкой инспекции хозяйственной части «Мите», – сможет разрешить неотложную проблему выравнивания неслыханной потребности в рабочей силе и покрыть тем самым катастрофический недостаток рабочих рук в Германии» [2].

К данному вопросу немцы отнеслись со всей своей традиционной обстоятельностью, пытаясь выстроить научно-обоснованную идейную платформу, объясняющую актуальность и оправданность насильственного трудоиспользования военнопленных и гражданских лиц оккупированных территорий. Ставилась задача выявления доминирующих социально-психологических характеристик рабочих, апеллирование к которым способствовало бы более эффективной их эксплуатации. Так, Новый институт исследований Востока в Кенигсберге занимался проблемой постижения «во всех проявлениях человека – прежде всего русского человека», его духовного склада, чтобы «сделать его более близким жителю Германии» [3].

Лидерами рейха подчеркивалось, что в основном великороссы (московиты) являются носителями политической воли и выступают государственным фактором Советского Союза [4]. Этим объясняли концентрацию своего внимания именно на русских. Хотя в принципе изначально все граждане СССР вне зависимости от этнических, половозрастных, социальных и иных характеристик причислялись к разряду «русский рабочий». В различных разъяснительных, рекомендательных документах и инструкциях по обращению с советскими, русскими рабочими (в некоторых документах так и обозначено: «советско-русские рабочие») приводятся следующие их обобщенные характеристики: «…по природе неповоротлив и непривычен к трудовой дисциплине в немецком понимании. Несмотря на это, он при надлежащем руководстве – как это доказано развитием русского хозяйства и военной промышленности – способен на высокие достижения, которые, даже с немецкой точки зрения, очень значительны. Но чтобы работать на полную мощь, он нуждается в возбуждении и стимулах» [5], «неприхотлив, поэтому его легко прокормить без заметного нарушения нашего продовольственного баланса. Его не следует баловать или приучать к немецкой пище, но он должен быть сытым для того, чтобы быть трудоспособным» [6].

В целом германские документы, относящиеся к организации доставки и эксплуатации труда советских граждан на территории Третьего рейха, изобилуют характеристиками русского характера и ментальности – иногда пространными, наивными или жесткими. Очевидно, что они не только играли роль преамбул к конкретным приказам по сути решаемого вопроса, но и формировали образ восточного рабочего для немецких военнослужащих и гражданских лиц, специфику обращения с ним и понимания его места и социальной роли в производственном цикле государства.

Нацистские пропагандисты отмечали сочетание противоречивых свойств русского характера: «Наряду с честностью, любовью к правде, сочувствием, сердечной теплотой и верностью уживаются замкнутость, ложь, подлость, насилие, неслыханная жестокость и фанатическая ненависть. Русский живет не разумом, а своим чувством. Он следует своему сердцу. В этом коренятся его большая вера и доверчивость. Он охотно верит, он хочет верить во что-нибудь или кому-нибудь». Подчеркивалось, что в обращении с русским самым важным является то, чтобы своим собственным

поведением завоевать полное доверие. При этом русский умеет инстинктивно прекрасно отличать честные намерения от нечестных [7].

В качестве ключевой характеристики русских выделялась «широта душевного порыва, т.е. богатство чувств и эмоций». В этом случае примечателен пример воззвания германской оккупационной администрации к населению города Макеевки и Макеевского района, которое призывало «прийти на помощь доблестным солдатам германской армии и помочь им всем, в чем они нуждаются». Список прилагался, и он, безусловно, заслуживает отдельного внимания («теплая одежда, фуфайки, валенки, теплые кашне, меховые шапки, перчатки, рукавицы, одеяла, простыни, полотенца, кроме того нужны для квартир столы, стулья, ведра, тазы, музыкальные инструменты»). Авторы воззвания демонстрировали «знание» национального характера: «Зная русское сердце, городская управа не сомневается в том, что население Макеевки и его района широко откликнется на этот призыв и проявит теплую заботу о людях, которым мы бесконечно обязаны» [8].

Вторым значимым качеством русского человека немцы выделяли выносливость, которая, по их мнению, принимает немыслимые формы: «Русский привык страдать, и страдания закалили его» [9].

Одной из особенностей русского характера отмечалась потребность опереться на сильное руководство (руководящую личность), готовность следовать за энергичным, деятельным и признанным руководителем, который будет служить примером, «если он добрым словом сумеет найти путь к его сердцу; тогда он будет мужественным и стойким» [10]. Г. Кеннен указывает на широкое распространение в Германии предрассудка о том, что «русский человек призывал твердую руку и нуждался в ней», а истоки его в русской литературе, конкретнее – в произведениях Горького [11].

Также в пропагандистских документах-инструкциях для немецких солдат и офицеров на Восточном фронте выделялись такие черты русских, как идейность, трепетное отношение к национальному достоинству и патриотизм [12]. Особо подчеркивалось, что в силу длительного совместного исторического и социокультурного прошлого со многими народами, русским чужда ненависть на национальной почве, к евреям в том числе, «хотя он [русский] и проводит различие между собой и евреем». Сами восточные рабочие отмечали, что этническая принадлежность стала своеобразным маркером, определявшим отношение к конкретному человеку и к его национальной группе. Тем не менее это стало не только причиной конфликтной напряженности в среде восточных рабочих, в их отношениях с представителями европейских государств, но отправным пунктом познания «другого». И часто этот опыт был положительным: в воспоминаниях восточных рабочих мы находим примеры взаимопомощи, поддержки, обмена опытом и знаниями между представителями народов СССР и европейских государств. Что важно – эволюционировало восприятие друг друга в главном: в человеческом приятии до этого жестко мифологизированного и отторгаемого объекта [13].

Уместно и справедливо отметить, что с германской стороны советские земли рассматривались в качестве необходимого «жизненного пространства» германской нации, а все народы СССР без различия занимаемого местоположения в изощренной пропагандисткой структуре – с точки зрения возможности их использования в целях рейха. И если армян или казахов называли русскими, то в этом случае «русский» выступал в качестве феномена социокультурной, политической и мировоззренческой общности людей, принимаемой таковой и властями нацистской Германии.

Ключевой фигурой и целевой ценностью всегда выступал только немец, поэтому все остальное имело подчиненное, маловажное местоположение, как в официозе, так и в быту. Например, в инструкции эсэсовца (ключевая фигура на всех этапах доставки и охраны военнопленных и остарбайтеров) говорилось, что он должен руководствоваться только следующими принципами: «...относиться честно, прилично, преданно и товарищески к лицам нашей собственной крови и ни к кому кроме. Каково положение русских, каково положение чехов... совершенно все равно. <...> Погибнут или нет от истощения при создании противотанкового рва 10 тысяч русских баб, интересует... лишь в том отношении, готовы ли для Германии противотанковые рвы» [14].

В процессе непосредственного трудоиспользования русские рабочие подразделялись на следующие категории:

– русские в районах военных действий – их следовало использовать, глазным образом, для дорожного строительства и строительства железных дорог и уборочных работ, разминирования и устройства аэродромов. «Немецкие квалифицированные рабочие должны работать в военной промышленности: они не должны копать землю и разбивать камни, для этого существуют русские»;

– русские в областях рейхскомиссариатов и генерал-губернаторства. Предлагалось усиленное применение в сельском хозяйстве: «...если не хватает машин, то производить следует вручную все, что требует Германия от аграрного сектора восточного пространства». «Для беспощадной эксплуатации русских залежей угля» требовалась подготовка достаточного количества местных рабочих;

– русские в Германии, включая протекторат, – ключевая роль отводилась женскому труду, «чтобы немецкая женщина в дальнейшем не занимала бы большое место в рабочем процессе»;

– русские военнопленные – решающими в их отборе являлись профессия и состояние здоровья [15].

Отрасли, в которых русских рабочих необходимо было задействовать в первую очередь, – это горное дело, дорожное строительство (включая ремонтные мастерские и производство средств транспорта), военная промышленность (танки, орудия, аппаратура для самолетов), сельское хозяйство, строительство, крупные мастерские (сапожные мастерские), специальные команды для срочных, непредвиденных работ и общественных

работ. В сельском хозяйстве речь шла только о крупном производстве; наряду с этим предполагалось использование в течение дня команд и в небольших хозяйствах.

Для русских рабочих создавались особенные условия питания (обязательно наличие горячего супа), маркировки одежды. Но в этом выделении русских выражались скорее не расовые акценты, а воплощение в жизнь принципов элитаризма и иерархии, концепта «разделяй и властвуй» в реализации агрессивной внешней политики в отношении СССР. Это был расчетливый расизм А. Гитлера, имевший сугубо политические и экономические цели.

Отношение к человеку с точки зрения принадлежности к определенной нации было изначально задано нацистами, ранжировавшими прибывающих в Германию восточных рабочих и привлекаемых к работам советских военнопленных по этническому принципу. Соответственно и система преференций / наказаний выстраивалась с апелляцией к национальности остарбайтера.

Идеологи нацизма целенаправленно формировали комплекс необходимых им установок в массовом сознании населения Европы на основе создания определенных социальных и национальных стереотипов. Безусловно, что они не влекли за собой немедленных поведенческих реакций со стороны общества, но при различных обострениях ситуации между народами либо социальными стратами представляли собой уже не идейные провокации, а основу для возникновения выгодных национал-социалистам практических действий.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 15. Л. 15.
2. Там же. Д. 198. Л. 14.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 38. Л. 5–7.
4. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 13. Л. 13.
5. Там же. Д. 198. Л. 19.
6. Там же. Д. 200. Л. 2.
7. Там же. Д. 13. Л. 10.
8. Там же. Д. 65. Л. 13.
9. Там же. Л. 10.
10. Там же. Л. 11.
11. Кенен Г. Между страхом и восхищением: «Российский комплекс» в сознании немцев, 1900–1945. М., 2010. С. 405–406.
12. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 13. Л. 12.
13. Гаража Н.А. Восточные рабочие в Третьем рейхе: специфика межэтнического взаимодействия. 1941–1945 гг. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 3. С. 188–195.
14. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 541.
15. Там же. Д. 200. Л. 1.

Е.В. Панарина

Деятельность культурно-просветительных учреждений Дона и Северного Кавказа в 1943–1945 гг.

Деятельность культурно-просветительных учреждений в условиях Великой Отечественной войны, с одной стороны, была направлена на духовную мобилизацию советских людей в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, с другой стороны, способствовала сохранению и дальнейшему росту образовательного и культурного уровня населения. Эффективность сложившейся системы культурно-просветительной работы проявилась в период восстановления экономики и социальной сферы на территориях, подвергшихся вражеской оккупации, к которым относились Дон и Северный Кавказ.

Во время оккупации и при отступлении фашисты уничтожили в регионе большинство зданий, принадлежавших культурно-просветительным учреждениям. Так, в Кабардино-Балкарии были разрушены, разграблены или сожжены вместе с оборудованием и имуществом 17 районных клубов и домов социальной культуры, 19 городских и сельских библиотек, Дворец пионеров города Нальчика и 3 сельских Дома пионеров, 120 изб-читален в сельских местностях [1].

После освобождения территории Дона и Северного Кавказа центральные и местные органы приняли меры по возобновлению деятельности культурно-просветительных учреждений. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» были поставлены задачи восстановления социальной сферы, в том числе учреждений культуры, а также активизации политико-воспитательной и культурно-просветительной работы среди населения освобожденных районов [2].

Конкретизируя меры по его выполнению, Краснодарский крайком ВКП(б) в своем постановлении от 29 августа 1943 г. обязал местные партийные и советские органы в месячный срок восстановить работу изб-читален, библиотек и других учреждений культуры, обеспечив их кадрами и материалами [3]. Подобные постановления были приняты в это время в других областях и республиках Северного Кавказа.

Со стороны правительства были направлены финансовые средства на восстановление материально-технической базы культурно-просветительских учреждений, однако их объем не соответствовал огромным масштабам разрушений. В связи с этим большое значение приобрело использование местных ресурсов, а также инициативы населения и трудовых коллективов. Так, значительная часть инвентаря и оборудования, поставляемая в учреждения культуры, была изготовлена на предприятиях местной промышленности.

В результате принятых мер постепенно восстанавливалась материальная база культурно-просветительных учреждений. В качестве примера

можно привести сравнительные данные по Краснодарскому краю. До оккупации здесь насчитывалось 539 изб-читален, 46 домов культуры, 226 библиотек, 12 музеев, 1511 колхозных и сельских клубов с общим количеством работающих 3266 человек. К началу 1945 г. было восстановлено 530 изб-читален, 68 домов культуры, 206 библиотек, 12 музеев, 395 колхозных и сельских клубов с общим количеством работающих 2523 человека [4]. Как можно заметить, результаты восстановительного процесса прежде всего коснулись городских центров культуры. В сельской местности большинство клубов восстановлено не было.

Кроме слабой материальной базы одной из серьезных проблем в организации работы культурно-просветительных учреждений являлась острая нехватка кадров. В сравнении с дооккупационным периодом эта ситуация усугубилась ввиду уничтожения работников культуры фашистами, эвакуации многих сотрудников за пределы региона. С целью временного решения этой проблемы Народный комиссариат просвещения РСФСР в 1943 г. издал приказ о широком привлечении учителей к работе в качестве заведующих избами-читальнями по совместительству. В ноябре 1943 г. были приняты меры, направленные на улучшение руководства сельскими культурно-просветительными учреждениями. Были введены должности заместителей заведующих областными и краевыми отделами народного образования по политпросветработе, значительно расширился штат инструкторов в облоно и крайоно, во всех районных отделах народного образования была установлена должность инструктора по политпросветработе [5]. Тем не менее кадровую проблему удалось решить лишь частично, в большинстве учреждений культуры остро ощущалась нехватка квалифицированных работников.

В тяжелых условиях восстановительного периода коллективам культурно-просветительных учреждений пришлось решать возложенные на них сложные задачи. Главной из них являлось военно-патриотическое воспитание советских граждан, которому была посвящена деятельность всех учреждений культуры. Вместе с тем в работе культурно-просветительных учреждений проявлялось и общекультурное направление, связанное с повышением уровня образованности и развитием творческих способностей советских граждан. В действительности между указанными направлениями существовала тесная взаимосвязь, суть которой состояла в том, что при проведении политико-воспитательных мероприятий зачастую проявлялось творческое начало, а обращение к героическим образам прошлого и настоящего страны порождало творческое вдохновение.

Несмотря на существующие трудности культурная работа с населением не прекращалась. Свидетельством этому являлся количественный рост показателей, связанных с проведением мероприятий и охватом участников всеми видами работы. Так, на протяжении 1944 г. в избах-читальнях, действующих в селах Краснодарского края, было прочитано

3224 доклада, посвященных текущему моменту, международному положению и другим темам, 1635 лекций на естественнонаучные темы с охватом населения в 120 858 человек [6].

Тем не менее далеко не везде учреждения культуры соответствовали требованиям партийного руководства. Например, в передовой статье областной газеты «Адыгейская правда» отмечалось, что большинство избчитален и клубов Теучежского, Тахтамукаевского и ряда других районов не отвечают требованиям «стать сердцем политической жизни аула» [7]. В связи с этим партийные комитеты принимали меры по повышению уровня организации политико-воспитательной работы в сельской местности.

В сравнении с первым периодом войны широкое развитие в деятельности учреждений культуры стала приобретать художественная самодеятельность. Организационной формой в данном случае являлись различного рода кружки и творческие студии, количество которых существенно возросло. Так, в учреждениях культуры Дагестана насчитывалось 817 кружков художественной самодеятельности с охватом 13 228 человек, из них драматических – 117, хоровых – 294, танцевальных – 294, музыкальных – 48. Кружки художественной самодеятельности за 1944 г. организовали 1018 выступлений [8].

С целью объединения коллективов художественной самодеятельности в масштабах городов, районов, регионов и всей страны были возобновлены прерванные в 1941 г. смотры художественной самодеятельности. Например, в Северо-Осетинской АССР в период с декабря 1943 г. по январь 1944 г. было проведено 16 районных смотров художественной самодеятельности, в которых приняло участие около 19 тыс. человек. В результате подготовки к смотру в районах возобновили свою работу 97 коллективов и были вновь созданы 50 коллективов самодеятельности [9]. Смотры художественной самодеятельности оказали стимулирующее воздействие на развитие творческой активности советских людей. В ходе проведения мероприятий усиливался интерес к различным видам творческой деятельности, что вело к увеличению количества кружков и состава их участников. В результате взаимодействия творческих коллективов и обмена опытом повысился художественный уровень исполнителей.

Серьезные проблемы в восстановительный период возникли при организации работы библиотек. Наибольшие трудности в данном случае были связаны не столько с отсутствием необходимых помещений, сколько с огромными потерями книжного фонда. Во многих библиотеках Дона и Северного Кавказа в период военных действий и оккупации были уничтожены все или большая часть книг и периодических изданий. Например, в городе Ростове-на-Дону только в системе народного образования полностью погибли помещения, книжные фонды, инвентарь семи библиотек, в остальных значительная часть книжных фондов была расхищена [10]. В связи с этим со стороны местных органов и коллективов

библиотек были приняты меры по сбору и реставрации уцелевших книг и журналов.

Помимо использования местных возможностей большим значением в пополнении книжных фондов библиотек обладала государственная помощь. 9 февраля 1943 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о создании государственного централизованного фонда для восстановления разрушенных фашистами библиотек. Часть книг централизованных фондов была направлена для восстановления библиотек на Дону и Северном Кавказе. Так, в январе 1945 г. около 8 тыс. книг из фонда Наркомпроса РСФСР получили библиотеки Темрюкского района Краснодарского края [11].

Несмотря на принимаемые меры, восстановление библиотек происходило медленно. Например, в Краснодарском крае к началу 1944 г. была восстановлена 181 массовая библиотека из 702. Общее количество книг составляло всего 22 686 экземпляров, тогда как в 1940 г. было 1 436 883 экземпляра [12]. В такой тяжелой ситуации работники библиотек прилагали усилия к повышению эффективности своей работы. Недостаток литературы в определенной степени компенсировался активной просветительной деятельностью. Работники библиотек организовывали читательские конференции и выставки книг, готовили стенды с вырезками из газет и журналов, проводили лекции, консультации, громкие читки и беседы с читателями. Например, библиотеки системы народного образования города Ростова-на-Дону к октябрю 1943 г. сумели вовлечь в число читателей 17 700 человек, охватить различными мероприятиями 22 тыс. человек, в том числе обслужить семь госпиталей, отделение милиции и ряд домоуправлений [13].

Аналогичные процессы, связанные с одновременным восстановлением материальной базы и практической работой, были свойственны деятельности музеев. Большинство музеев, оказавшиеся на оккупированной территории, ввиду полного разрушения и расхищения экспонатов, по сути, заново начали свою работу. Например, возобновление работы Темрюкского краеведческого музея происходило на основе как его пополнения экспонатами из фондов Наркомпроса, так и организации сбора экспонатов в крае [14].

В некоторых районах Северного Кавказа, избежавших оккупации, работники музеев на протяжении всей войны вели активную просветительную работу, в том числе занимались подвижнической деятельностью. Например, в музее Н.А. Островского в Сочи работало всего два человека – директор музея Екатерина Алексеевна Островская, сестра писателя, и Александра Петровна Лазарева, научный сотрудник, бывший секретарь писателя. За год они прочитали 87 лекций. Часто в непогоду в полной темноте шли эти женщины за несколько километров от города, чтобы побеседовать с ранеными бойцами, почитать им книги писателя-большевика, рассказать о его героической жизни [15].

Большое внимание со стороны партийно-государственных органов уделялось восстановлению кинообслуживания населения. В данном

случае проявилось стремление расширить возможности кинопропаганды как сильнейшего средства идейно-политического воспитания населения. В первые месяцы кинообслуживание на освобожденной территории осуществлялось в приспособленных помещениях с использованием сохранившейся части оборудования. Например, в городе Пятигорске киноработники собрали остатки аппаратуры и оборудовали временный кинотеатр в здании бывшего музея краеведения [16]. В селе Петровском Ставропольского края работники местного кинотеатра сумели тайком от оккупантов разобрать киноаппарат и спрятать его в соломе. После освобождения села он был собран и стал применяться для демонстрации фильмов [17]. Еще одним способом кинообслуживания населения стало широкое использование кинопередвижек, поступающих в освобожденные районы в централизованном порядке. Так, в марте 1943 г. было принято решение передать в Кабардино-Балкарскую АССР 15 звуковых кинопередвижек [18].

В результате принятых мер в вопросах кинообслуживания населения были достигнуты определенные результаты. Так, в Краснодарском крае к июлю 1944 г. было восстановлено 165 кинотеатров из 172, работавших до оккупации. Вместе с тем около 30 % из них бездействовали по различным техническим причинам и вследствие отсутствия подготовленных кадров [19].

Большую роль в возрождении культурной жизни освобожденных районов играли театры и другие учреждения искусства. Партийно-государственные органы придавали большое значение деятельности профессиональных артистов ввиду высокой степени эффективности влияния их творчества на душевное состояние воинов и тружеников тыла. Именно этим обстоятельством было продиктовано стремление к скорейшей организации работы прежних учреждений искусства и созданию новых. Так, уже в апреле 1943 г. краснодарский крайисполком, учитывая большую важность обслуживания концертами воинских частей, госпиталей, а также населения, принял решение об организации Краснодарского краевого ансамбля песни и пляски [20].

К весне 1944 г. была восстановлена деятельность большинства учреждений искусства. В каждом областном, краевом и республиканском центре Дона и Северного Кавказа действовали свой театр, объединения профессиональных артистов. Зрители вновь получили возможность прикоснуться к величайшим творениям мировой и отечественной драматургии. Например, в разнообразном репертуаре республиканского кабардинского театра были как прежние постановки («Каншауби и Гошагаг» Кардангушева, «Лекарь поневоле» Мольера), так и новые, в основном патриотического направления («Как закалялась сталь» по роману Н. Островского, «Жди меня» К. Симонова) [21].

Всего с момента окончания оккупации кабардинский театр дал 105 концертов, на которых присутствовали 31 500 человек. Республиканский ансамбль песни и пляски также провел 105 концертов, а театр

русской драмы дал 32 спектакля, на которых присутствовали, соответственно, 54 тыс. и 7 тыс. человек. Впервые были организованы Малый симфонический оркестр и филармония, которые провели 35 концертов, на которых присутствовали 6,5 тыс. человек [22]. Такая же активная творческая работа была характерна для всех учреждений искусства Дона и Северного Кавказа.

Таким образом, деятельность культурно-просветительных учреждений в 1943–1945 гг. имела большое значение для сохранения и развития культурного уровня населения. Несмотря на ограниченность материальных возможностей и недостаток квалифицированных кадров работники культуры Дона и Северного Кавказа внесли большой вклад в необходимую для достижения победы работу по военно-патриотическому воспитанию советских людей, сумели обеспечить условия для роста культурного уровня и реализации творческих способностей населения.

Примечания

1. Лики войны: сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. Нальчик, 1996. С. 201.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е доп. и испр. Т. 6. М., 1970. С. 65.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 976. Л. 132–135.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.
5. Максакова Л.В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С. 102–103.
6. ГАКК. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
7. Адыгейская правда. 1944. 5 февраля.
8. Шебзухов М.Х. Тыл – фронту (Северо-Западный Кавказ в годы войны 1941–1945 гг.). Майкоп, 1993. С. 277.
9. Страницы истории комсомола Кабардино-Балкарии. Документы и материалы (1918–1978 гг.). Нальчик, 1980. С. 285.
10. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 12. Л. 46.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 938. Л. 95.
12. Кубань в годы Великой Отечественной войны. Рассекреченные документы. Хроника событий: в 3 кн. Кн. 2. Ч. 1. 1943. Краснодар, 2003. С. 754.
13. ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 12. Л. 46.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 938. Л. 95.
15. Максакова Л.В. Указ. соч. С. 85.
16. Ставропольская правда. 1943. 4 февраля.
17. Ставропольская правда. 1943. 3 апреля.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 476. Л. 143–144.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 1594. Л. 122–123.
20. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 34. Л. 52.
21. Кабардинская правда. 1944. 18 февраля.
22. Социалистическая Кабардино-Балкария. 1944. 15 марта.

М.И. Гуров

Оборонно-финансовые программы помощи фронту и их место в повседневной жизни гражданского населения Дона и Кубани на завершающем этапе Великой Отечественной войны

Кардинальные изменения, произошедшие на советско-германском фронте осенью 1942 – зимой 1943 гг., знаменовали собой начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Благодаря улучшению военной обстановки, восстановлению военных отраслей экономики, увеличению помощи союзников, властные структуры смогли в полной мере наладить разработку и реализацию оборонно-хозяйственных и оборонно-финансовых проектов, став в том числе субъектом управления инициативами трудящихся в помощи фронту. В сравнении с начальным периодом войны отпала необходимость в создании ополченческих частей, сборе теплых вещей для бойцов и командиров и т.д.

Правительство сумело в определенной степени разобраться в финансовой обстановке, в частности подсчитав, что каждый день войны обходится налогоплательщикам в 388 млн рублей. Исходя из этого была намечена общая стратегия, направленная на максимальное пополнение государственной казны. С 7 апреля 1943 г. Совет народных комиссаров (далее – СНК) СССР отменил добровольные взносы трудящихся в фонд обороны [1]. Размеры финансовых поступлений заранее программировались, а ответственность за их своевременную реализацию легла на плечи работников партийных и советских органов, лидеров общественных и профсоюзных организаций.

Основная роль в этом процессе отводилась рядовым гражданам, вынужденным под нажимом властей в условиях роста цен и инфляции систематически финансировать возрастающие расходы государства. По подсчетам ряда исследователей, в течение войны всевозможные удержания из оклада трудящихся, по форме нередко напоминавшие продразверстку, достигали 35–40 %. Помимо всего прочего эта процедура, снижая покупательную способность населения, позволяла властям в известной степени сдерживать инфляционные процессы в стране.

Военные действия и временный захват врагом большинства территорий южнороссийского региона летом 1942 – зимой 1943 гг., по существу, экономически обескровили местное население. Кроме того, даже в освобожденных районах более полугода рабочие и служащие не получали заработную плату. Централизованное финансирование предприятий началось лишь осенью 1943 г. Большинство восстановительных работ в этот период велось методом народной стройки, на общественных началах, в том числе в Ростовской области и Краснодарском крае, не в полной мере оправившихся от последствий гитлеровской оккупации

и продолжавших оставаться прифронтовыми. Тем не менее уже весной 1943 г., учитывая имевшийся опыт, восстановив повсеместно комиссии содействия госкредиту, используя богатый арсенал средств массовой информации, а также наглядную и устную агитацию, функционеры развернули организационную работу по проведению подготовительных мероприятий, направленных на развитие движения помощи действующей армии. В частности, секретариат Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, подчеркивая важность мероприятий Народного комиссариата финансов, фактически обязал профсоюзных лидеров всех уровней непосредственно следить за своевременным перечислением предприятиями и учреждениями необходимых средств [2].

Принципиально важная роль в действиях властей отводилась распространению облигаций денежных займов. В чрезвычайных условиях общественные организации выступили с инициативой отмены их тиражей. Это позволяло правительству превращать ценные бумаги в долгосрочные обязательства, откладывая оплату их нарицательной стоимости на долговременную перспективу. В военный период было выпущено четыре военных займа. Из года в год финансовые потребности государства неуклонно возрастали. Если первый военный заем был выпущен на сумму 10 млрд рублей, то уже второй – на 12, третий – на 25 млрд рублей. Не меньшим был и четвертый военный заем.

Технология их организации и проведения, апробированная еще в 1930-х гг., в военный период была доведена до автоматизма. Как правило, за месяц до предстоящей операции местные партийные органы получали специальные инструктивные письма, в которых оговаривалась предполагаемая к изъятию сумма, ее ориентировочные размеры для каждой из социальных групп населения, рекомендовались звучные лозунги, устанавливались сроки начала и завершения мероприятий. Это позволяло функционерам на местах обсудить конкретные планы действий, распределить обязанности среди партийных, советских и общественных лидеров, внести коррективы в планы работ редколлегий газет и радио [3].

По приказу областных и краевых комитетов ВКП(б) на крупных предприятиях Дона и Кубани хозяйственными и общественными лидерами разворачивалась кропотливая подготовительная работа. На расширенных заседаниях парткомов с участием дирекции, председателей фабрично-заводских местных комитетов (профсоюзов) (далее – ФЗМК) и актива обсуждалась сроки проведения многолюдных форумов, согласовывались тематика и направленность выступлений. В цеха на производство направлялись члены заводских профсоюзных комитетов, создавались комиссии, состоящие из активистов, что позволяло сделать ход массовых акций более целенаправленным.

В день объявления по радио постановления СНК СССР о выпуске очередного военного займа повсеместно проводились многолюдные митинги и собрания. На ростовских и новороссийских заводах, кубанских

нефтепромыслах и других производствах к присутствующим обращались партийные и государственные лидеры, представители воинских частей, дислоцировавшихся в регионе, председатели фабкомов и завкомов, активисты. Выступающие разъясняли рабочим и служащим суть и значение займов в укреплении обороноспособности страны, призывали людей занять активную гражданскую позицию. Как правило, после такого массированного идеологического нажима металлурги, котлостроители, цементники, машиностроители, горняки и нефтяники принимали единогласное решение о выкупе облигаций. Подобная схема действий стала традиционной и существовала до конца войны.

Склонность к выполнению и перевыполнению плановых заданий приводила к тому, что управленческие структуры добивались поголовного привлечения людей к выкупу ценных бумаг. Скудность наличных средств заставляла трудовые коллективы авансировать в пользу государства 1–3-дневный заработок. Технические действия по вычету из зарплаты выполняли бухгалтерии предприятий. Схожие мероприятия на большинстве фабрик и заводов, угольных и нефтяных производств области и края позволяли в течение нескольких дней полностью выполнять финансовые заказы государства.

Несмотря на сложные постоккупационные трудности, рабочие и служащие Кубани внесли на облигации второго займа 273 115 тыс. рублей, причем более половины – наличными [4]. Запланированное по краю размещение облигаций третьего займа в размере 350 млн рублей было перевыполнено на 15,7 %, в том числе среди рабочих и служащих на 18,4 % [5]. На Дону в трудовых коллективах подписка на третий государственный военный заем составила 317 млн рублей, что на 129 млн рублей превысило сборы 1943 г. и на 159 – 1942 г. [6]. Всего за годы войны население области приобрело ценных бумаг на 961 млн рублей [7]. Отметим, что несмотря на явно выраженное давление властей при проведении подобных операций люди в основном безропотно спонсировали государство. Большинство граждан и без лозунгов прекрасно осознавали, что своим вкладом в оборонную копилку они приближают Победу.

Важным источником пополнения госбюджета страны стали средства от продажи денежно-вещевых лотерей. В отличие от проводившихся весной кампаний по подписке на военные займы, денежно-вещевые лотереи, как правило, организовывались осенью, что давало возможность людям морально восстановиться от предыдущего государственного финансового нажима. Схема их проведения была во многом схожей с вышеупомянутыми акциями. Всего за военные годы было проведено четыре выпуска лотерейных билетов на 13 032 млрд рублей [8]. В 1943–1945 гг. эти кампании приобрели достаточно масштабный размах.

Население Дона выкупило билетов третьей денежно-вещевой лотереи на сумму 44 508 тыс. рублей, внеся 24 747 тыс. рублей наличными. Установленные Совнаркомом РСФСР контрольные показатели по области были превышены на 35 %, причем на промышленных предприятиях

и в учреждениях – на 107 % [9]. В Краснодарском крае билеты четвертой денежно-вещевой лотереи были реализованы за двое суток на 32 538 тыс. рублей, а в Ростовской области за два последних военных года их покупка составила 111 443 тыс. рублей при плане 82 млн рублей [10].

Приведенные цифры вполне сопоставимы с суммами подписки тыловых районов, избежавших ужасов военных действий и вражеской оккупации. По-видимому, правительство не в полной мере учитывало региональную специфику и уровень платежеспособности местного населения, когда определяло плановые показатели подписных кампаний. При этом агитационная и организационная работа общественных и государственных структур носила непрерывный характер. Всевозможные комиссии фактически действовали на постоянной основе и в зависимости от ситуации акцентировали внимание трудящихся на том или ином патриотическом движении.

Вопреки апрельскому (1943 г.) решению СНК СССР об отмене сбора средств в фонд обороны, повсеместно началась кампания по внесению денег на строительство военной техники. Труженики вносили личные сбережения на постройку бронепоездов, торпедных катеров, танковых колонн, авиационных эскадрилий и т.д.

В 1943–1945 гг., несмотря на военные трудности, продолжилось поступление денежных сумм на эти цели от трудовых коллективов нефтяных комбинатов, угольных разрезов, машиностроительных и станкостроительных заводов области и края. Еще в декабре 1942 г. Секретариат ВЦСПС, обобщив опыт этого движения тружеников, придал ему управляемый характер. Лидеры профессиональных союзов приняли решение о централизованной организации постройки на средства рабочих и служащих танковых колонн и эскадрилий самолетов для их последующей передачи фронтовикам от профсоюзов СССР. При этом для всех членов профсоюзов устанавливались минимальные размеры взносов от одного до трех рублей [11]. В действительности эти суммы многократно превышались.

В районах Краснодарского края, не занятых врагом, общественные и советские структуры продолжили массовые акции по сбору необходимых средств уже в 1942 г. К концу года труженики Туапсинского, Адлеровского, Шапсугского и Геленджикского районов выделили на постройку танковой колонны «Защитник Юга» и звена истребителей «Кубанский комсомолец» 2 489 517 рублей [12]. Таганрожцы в 1944 г. внесли 3336 тыс. рублей на танковую колонну «Таганрог». В своем послании фронтовикам активисты писали: «Пусть танковая колонна “Таганрог” ускорит разгром и изгнание немецких оккупантов с советской земли». Кубанцы к августу 1943 г. внесли наличными на бронетанковые и военно-воздушные соединения 36 790 тыс. рублей [13], а к началу 1944 г. на создание эскадрильи «Кубанский осоавиахимовец» – 423 700 рублей [14]. Аналогичные результаты достигались повсеместно.

С неменьшим размахом проходили мероприятия по созданию фонда Победы (Фонда Главного командования) из стоимости изготовленной

внеплановой продукции. Эта инициатива, рожденная весной 1943 г. в Новосибирске, была поддержана ЦК ВКП(б), широко разрекламирована средствами массовой информации и практически осуществлена общественными и государственными структурами. Придавая ее развитию организационные формы, фабрично-заводские и местные комитеты на крупных производствах Дона и Кубани провели массовые сборы, на которых оговаривались основные параметры нового движения. На всех промышленных и транспортных предприятиях были открыты специальные лицевые счета, заведены книжки вкладчиков, в которые вносились данные о количестве произведенной сверхплановой продукции и ее стоимости. Фабричные и заводские комитеты (фабкомы и завкомы) при содействии администрации созывали торжественные собрания, как правило, в канун знаменательных дат, где в праздничной обстановке производилось вручение таких документов. Одними из первых внесли свой вклад в фонд Победы донские угольщики. С августа 1944 г. по март 1945 г. врубмашинисты записали на личные счета 96 479 кв. м сверхплановой подрубки, а лучшие навалоотбойщики комбината Ростовуголь – 107 877 т угля, т.е. свыше 100 эшелонов [15]. Сотни тысяч рублей были перечислены на специальные счета в Госбанке. Это движение развернулось во всех отраслях экономики региона, что позволило покрыть расходы на закупку внеплановой нефти, ремонт боевой техники, военной амуниции и т.д., собранные средства стали достойной помощью сражающейся армии.

По инициативе общественных структур железнодорожники Северо-Кавказской магистрали создали «Фонд трудовых подарков матери-Родине». Первыми в этот фонд записали 397 801 рубль вагонники Батайска, а паровозники внесли 646 487 рублей [16]. С подобными инициативами трудящиеся выступали повсеместно. Внесение денежного эквивалента стоимости выпущенной сверхплановой продукции являлось весомой добавкой в военный бюджет страны.

Освобождение Ростовской области и Краснодарского края позволило трудовым коллективам восстановить шефские связи с воинскими частями, состоявшими из земляков. Население Дона поддерживало тесные взаимоотношения с 5-м гвардейским Донским казачьим кавалерийским корпусом. Фабрично-заводские комитеты на крупных предприятиях возобновили сбор средств для покупки подарков бойцам и командирам, изыскивали скрытые резервы для материального оснащения воинских частей. На фронт непрерывным потоком шли предметы первой необходимости, продукты питания и т.д. В прессе Дона и Кубани помещались материалы о связях тыла и фронта, благодарные письма трудящимся от воинов. Кубанцы шефствовали над 4-м гвардейским Кубанским казачьим кавалерийским корпусом. На расширенных собраниях актива определялся примерный перечень подарков с учетом потребностей фронтовиков и возможностей людей. Фабкомы и завкомы осуществляли контроль над отправкой посылок на передовую. Эшелоны с подарками

сопровождали представители общественных и партийных структур, передовики производства. Только в феврале 1943 г. кавалеристы получили в дар от земляков 174 кг табака, 628 кг орехов, 558 кг яблок, 487 кисетов и много других полезных вещей [17].

После изгнания оккупантов с территории Северного Кавказа возрожденные госпитали Дона и Кубани вновь приняли раненых. Несмотря на сокращение возможностей для оказания помощи больным, возрождавшиеся трудовые коллективы установили тесное сотрудничество с оздоровительными центрами. Завком Ростсельмаша, например, оплатил покупку местному госпиталю 15 печей, специально созданные рабочие бригады в кратчайшие сроки провели монтаж и подключение отопительной системы. Цехкомы и группорги возглавили шефство над всеми палатами, организовали проведение в них текущего ремонта силами рабочих. При содействии завкома трудовые коллективы наладили производство в заводских мастерских мебели, оконных рам и дверных косяков и т.д. На профсоюзные средства был приобретен патефон и набор пластинок, в лечебном учреждении создали культурный уголок, где раненые бойцы и командиры могли знакомиться с прессой, слушали сводки Совинформбюро и т.д. Общественные структуры обеспечили доставку дополнительных продуктов питания в больничную столовую, чем заслужили признание фронтовиков [18]. Подобная работа проводилась ФЗМК на большинстве производств региона. Только для госпиталей Краснодара в 1943 г. трудовыми коллективами было собрано 13 225 единиц различного инвентаря для оборудования палат, 3545 кг продуктов, приготовлено 35 560 обедов, отдежурено 86 846 ч, пошито 3 тыс. пар белья, отправлено подарков на сумму 16 700 рублей [19]. Всевозможная помощь медицинским центрам помогла укрепить их материальную базу, улучшала условия для выздоровления защитников Родины.

В 1943–1945 гг. в регионе было продолжено массовое обучение населения военному делу, возобновили свою работу организации, занявшиеся противовоздушной и противохимический подготовкой граждан. С февраля по август 1943 г. в Ростовской области и Краснодарском крае трудящиеся участвовали в строительстве оборонительных сооружений.

Таким образом, реализация оборонно-финансовых программ по помощи фронту продолжала оставаться одной из приоритетных задач властных органов, в том числе и на Юге России, в 1943–1945 гг. Помощь действующей армии приобретала различные формы и содержание. Место добровольных взносов трудящихся в фонд обороны, отмененных весной 1943 г. правительством, заняли ежегодные подписки на государственные займы и лотереи, отчисления по безналичному расчету в фонды Победы, Главного командования и другие, полученные от выпуска сверхплановой продукции суммы. Государству удалось не только сохранить, но и значительно увеличить денежные поступления в казну, перекладывая немалую часть финансового бремени на плечи рядовых

граждан. Ответственность за своевременное поступление заранее рассчитанных денежных сумм, реализацию иных оборонных программ прямо возлагалась на местных административно-хозяйственных руководителей, персонально отвечавших за их выполнение.

Фактическое воплощение этих программ было бы невозможно без искренней поддержки гражданского населения, еще не оправившегося от последствий оккупации. Архивы содержат значительное число негативных фактов, проявлявшихся в ходе этих кампаний, но они, как правило, не выходили за рамки «ворчания» и критики излишней ретивости отдельных функционеров на местах. Логика действий власти была предельно проста и находила широкий отклик среди всех социальных групп населения Юга России. Свидетельством этому служат размеры оказанной жителями Дона и Кубани помощи фронту, вполне сопоставимые с суммами, внесенными трудящимися тыловых территорий, избежавших ужасов оккупации.

Примечания

1. Правда. 1943. 7 апреля.

2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5451. Оп. 24. Д. 148. Л. 1.

3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 296. Л. 115. Д. 318а. Л. 86–87. Д. 332. Л. 160–161. Д. 492. Л. 15об.

4. Документы отваги и героизма: Кубань в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Краснодар, 1965. С. 223.

5. Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Майкоп, 2000. С. 340.

6. Ленинский путь донской станицы / под ред. Ф.И. Поташева и С.А. Андронова. Ростов н/Д, 1970. С. 141.

7. История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. 5: Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны, 1938–1945 гг. / отв. ред. И.А. Гладков. М., 1978. С. 502.

8. Синицын А.М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях народа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1975. С. 197–198.

9. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 403. Л. 125об.

10. Селюнин В.А. Трудовой Дон – фронту. Ростов н/Д, 1985. С. 149.

11. Профсоюзы СССР. Документы и материалы. М., 1963. Т. 3. С. 447.

12. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774. Оп. 2. Д. 910. Л. 14.

13. Документы отваги и героизма… С. 223.

14. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 2398. Л. 6.

15. Селюнин В.А. Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1997. С. 245.

16. Там же. С. 244.

17. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 495. Л. 56.

18. Государственный архив Ростовской области. Ф. 3952. Оп. 2. Д. 1. Л. 17.

19. ЦДНИКК. Ф. 107. Оп. 1. Д.1719. Л. 43.

Т.В. Лохова

История организации Сельхозбанком СССР целевых кредитных программ восстановления разрушенного хозяйства Краснодарского края в 1943–1945 гг.

История Великой Отечественной войны и Победы в коллективной исторической памяти остается одним из краеугольных камней национальной идентичности, символом единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп. В новейшей историографии отмечается всплеск разноплановых научных исследований всех периодов войны. В них не только поставлены проблемы боевых действий, взаимодействия фронта и тыла, но и освещена тематика повседневной жизни населения, стратегий выживания отдельных социальных групп в этот период. Исследователями отмечается снижение жизненного уровня подавляющей части граждан, существенное ухудшение условий их здоровья, питания и жилья [1].

Осознание этого обстоятельства вызывает необходимость обращения к историческому опыту того трагического и героического периода, а также выявления методики и специфики определения экономических и социально-политических ресурсов восстановления разрушенного хозяйства, перевода его на мирные рельсы и модернизации в сжатые сроки при минимальных финансовых и материальных ресурсах [2].

После освобождения оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Краснодарского края первоочередной задачей было воссоздание и восстановление разрушенных хозяйств как в городах, так и в сельском секторе региона (задачи восстановления были сформулированы в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»). Процесс восстановления начался еще в условиях продолжавшейся войны и требовал решения сразу нескольких первоочередных задач: возврата колхозам скота, эвакуированного в восточные районы; восстановления птицеводства в колхозах; восстановления МТС и МТМ; оказания помощи коллективным и советским хозяйствам семенами для озимого сева 1943 г.; восстановления и строительства жилищ для колхозников, рабочих и служащих; восстановления железнодорожных вокзалов и станций; наделения приусадебными участками транспортных рабочих железных дорог и др.

Задачи ликвидации последствий оккупации требовали немедленного восстановления не только всего производственного процесса сельского хозяйства, но и материально-бытовой базы самих сельских жителей. Колхозы и совхозы Краснодарского края к концу января 1943 г. фактически находились в состоянии полной разрухи. По всем показателям их деятельности ситуацию можно было охарактеризовать как весьма

критическую. Огромные разрушения были нанесены врагом жилищному фонду сельских населенных пунктов. Десятки тысяч семей колхозников и рабочих совхозов и МТС оказались без крыши над головой и вынуждены были жить в землянках и других не приспособленных для нормального проживания местах [3].

Решить вышеуказанные проблемы восстановления было невозможно без привлечения мощных финансовых потоков и организации программ кредитования колхозов и сельского населения. Несмотря на сложность условий на протяжении всего периода Великой Отечественной войны сохранялись неизменными основные принципы банковского кредитования (всесторонняя социально-экономическая помощь населению страны, развитие кредитования колхозам, нацеленность на результат, организация и внедрение целевых программ). В первые два года происходило уменьшение материальных запасов и резервов в народном хозяйстве, что привело к некоторому сокращению общего объема краткосрочных кредитных операций Госбанка СССР при росте кредитов предприятий военной промышленности, поскольку через кредитную систему перераспределялись основные средства по плану, в зависимости от складывавшейся военной обстановки. Банковская система СССР еще с мая 1932 г. разграничивала функции между Государственным банком СССР и банками долгосрочных вложений – Всесоюзным банком финансирования капитального строительства, промышленности, транспорта и связи СССР (Промбанком), Сельскохозяйственным банком СССР (Сельхозбанком), Всесоюзным банком финансирования капитального строительства торговли и кооперации (Всекобанком) и Банком финансирования коммунального и жилищного строительства (Цекомбанком). Именно в функционале Сельхозбанка СССР находились вопросы кредитования колхозного строительства и непосредственное жилищное строительство населения села. Причем в 1943–1945 гг. Сельхозбанк СССР и его филиалы занимались организацией обеспечения целевых кредитных программ восстановления разрушенного хозяйства путем выдачи ссуд колхозам и населению.

Кредитование сельского населения предполагало реализацию ссуд сразу по нескольким направлениям: а) кредитование на реализацию плана восстановления хозяйства (восстановление домовладения, жилищное строительство, строительство хозяйственных построек, надворных построек, восстановление животноводческого индивидуального хозяйства, на покупку скота, хозяйственное обзаведение, восстановление рыбного домашнего промысла и т.п.); б) кредитование социально не защищенной и нуждавшейся категории населения (инвалиды войны, семьи погибших воинов); в) кредитование участников войны и членов их семей (семьи фронтовиков, семьи партизан, демобилизованные и т.п.); г) кредитование представителей отдельных профессий (сельские врачи, фельдшеры, учителя и т.д.).

В декабре 1943 г. по всем филиалам Сельхозбанка и отделениям Госбанка, выполнявшим операции Сельхозбанка, были разосланы

циркулярные письма о разрешении за счет открытого кредита на индивидуальное жилстроительство колхозников кредитовать также рабочих и служащих всех ведомств, в первую очередь инвалидов Отечественной войны, проживавших в сельской местности. Кредитоваться могли также и единоличники, пострадавшие от оккупации, на восстановление и строительство домов и надворных построек. Гарантийные обязательства для этой категории заемщиков не отбирались, формировались списки и заключения учреждений и предприятий через решение райисполкома в каждом отдельном случае. Рабочим и служащим совхозов, МТС, предприятий кредит выдавался под обязательства предприятий; специалистам районных земельных управлений, врачам, учителям – под их личные обязательства (кредитование рабочих и служащих производилось при непременном условии предоставлении справки о наделении их земельным участком). Условия кредита были такими же, как и у колхозников: до 10 000 рублей на каждое хозяйство сроком до 7 лет [4]. На покупку готовых домов кредит не выдавался по всем категориям индивидуальных заемщиков, в связи с основной целью кредитования – расширением жилой площади [5]. В исключительных случаях, с разрешения управляющего Краснодарской краевой конторой Сельхозбанка, кредитование допускалось (выморочный дом, бесхозный, выезд хозяина из пределов населенного пункта и т.д.). Например, по записке управляющего Краснодарской краевой конторой Сельхозбанка Гуйвика Лиманскому отделению Госбанка 3 ноября 1945 г. разрешалось «в порядке исключения выдать кредит на покупку готового дома демобилизованному Курилло Акиму Никитовичу» [6].

Начальный срок погашения ссуд был четко указан в правилах кредитования: в первом квартале по окончании строительства. Если срок строительства указывался в один год, то первый срок платежа предусматривался на 14–15 месяцы (по соглашению с заемщиком), если же срок восстановления был шестимесячным, то первый срок платежа наступал не позднее 9 месяца и т.д. По линии государственного обеспечения Сельхозбанк открыл Краснодарскому краю кредит в сумме 300 000 рублей на покупку скота инвалидам Отечественной войны и семьям фронтовиков в размере до 1000 рублей на хозяйство [7].

В докладной записке управляющего Краснодарской краевой конторой Сельхозбанка от 9 ноября 1944 г. Гуйвика и и.о. начальника отдела кредитования Капельгородского отмечалось, что, например, по Красногвардейскому району открывался кредит в сумме 250 тыс. рублей для инвалидов Отечественной войны и семей фронтовиков, безотносительно того, состояли они членами колхоза или нет [8]. Выдача этого вида кредита осуществлялась в тесной связи кредитного отдела и райисполкома, который готовил списки нуждавшихся. Кредит являлся целевым и выдавался только на покупку скота (коров, телят, коз, овец, свиней, включая молодняк) в размере 1000 рублей на одно хозяйство, сроком до двух лет с начальным сроком погашения до договоренности с заемщиком,

с первого или начала второго года. Порядок выдачи кредита предполагал оформление обязательств – колхозники представляли гарантийное обязательство от колхоза, рабочие и служащие – от своих предприятий и учреждений. Кредитование так называемого «неорганизованного» населения требовало тщательного изучения «действительной нужды», проверки хозяйственных возможностей и кредитоспособности, поскольку гарантийное обязательство за эту категорию населения не было предусмотрено. После выдачи кредита отделение Сельхозбанка брало на себя обязательство проверять по каждому заемщику в течение трех месяцев его использование.

В целях бесперебойного кредитования в районах колхозов, колхозников, инвалидов войны, рабочих и служащих на восстановление разрушенного оккупантами хозяйства, строительство жилищ и покупку домашнего скота и для большей маневренности кредитов по быстрейшему использованию их на местах разрешалось отделам Сельхозбанка по согласованию с крайисполкомом разрешительными письмами сверх спущенных лимитов допускать кредитование по мере действительной потребности.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 543 от 25 марта 1945 г. «О кредитном плане на 1945 год» краевым исполкомам разрешалось производить по согласованию с Сельхозбанком передвижку кредитов в пределах 10 % сумм, предусмотренных на отдельные мероприятия, за исключением кредитов на развитие рыбных промыслов и переселенческие мероприятия [9]. Кроме того, устанавливались сроки погашения ссуд, выдававшихся индивидуальным заемщикам в сельских местностях (кроме районов, освобожденных от немецкой оккупации): при выдаче ссуд на индивидуальное жилищное строительство до 7000 рублей на одного заемщика до 6 лет и ссуды на покупку домашнего скота до 3000 рублей на одного заемщика со сроком погашения до 3 лет. Специальными телеграммами управляющего Сельхозбанком СССР Краснодарской конторе давались разрешения отпускать ссуды тем категориям населения сельской местности, которые в первых постановлениях и распоряжениях не учитывались: сельским врачам и фельдшерам на покупку скота в тех же пределах на одну семью, что и колхозникам (до 3000 рублей, 3 % годовых, сроком до 3 лет, с начальным платежом через 3 месяца после выдачи ссуды) [10].

Получение целевых кредитов на местах сопровождалось порой угрозой срыва их реализации, поскольку возможности приобретения скота не было из-за его нехватки в заготовительных базах, а реализация через «свободный рынок» вела к кратному увеличению цены как молодняка, так и взрослого скота. Население вынуждено было обращаться с письмами о помощи в органы власти как местного, так и союзного значения, в редакции газет («Советскую Кубань»). Так, инвалид Отечественной войны II группы И.Ф. Жорох из Новороссийска в письме 26 июля 1945 г. сообщал, что он служил снайпером в период обороны города Севастополя,

где был тяжело ранен, пролежал в госпитале 14 месяцев. Он указывал на «невозможность из-за множественных ран работать», кроме того на его иждивении находились престарелая мать, жена и четверо детей: «В настоящее время живу я очень тяжело. Сам плохо хожу, плохо вижу, а кормить семью надо. Все (как говорится) голые и босые. Когда у меня загрязняются брюки (извините), жена стирает, а я сижу в кальсонах. Жду пока высохнут. Разве можно так жить. Кроме пайка 300 руб. денег, которые я получаю за свою инвалидность, я не откуда помощи не имею. В настоящее время положение у меня аховское, а зима не за горами. Школа от меня недалеко. Но можете ли Вы себе представить: сын 8 лет ходил в школу во время снежной слякоти босый, а что я мог сделать, если чувяки стоили 150–250 руб., а у меня их четверо. Поэтому, чтоб не застигло меня такое положение в настоящем году, прошу комитет обороны помочь мне. Перед родиной (повторно) свой долг я выполнил и думаю, что комитет обороны выполнит мою просьбу. Многое я не хочу, всего лишь вашего распоряжения о выдаче мне ссуды для приобретения коровы. Обязуюсь в течение не больше года ссуду выплатить. Корова у нас стоит 17–18 тысяч. Если будет все удачно, я смогу выплатить раньше. Прошу не отказать» [11]. Подобные письма, как правило, пересылались с резолюцией непосредственно в краевую контору Сельхозбанка, где и принималось решение о ссуде. В рассматриваемом случае 25 сентября 1945 г. было принято решение о выдаче кредита до 3000 рублей сроком до 3 лет и о содействии в приобретении скота по среднезакупочным ценам [12].

В целом можем отметить, что проблемы кризисов в снабжении освобожденных территорий, дефицита на товары первого потребления, предполагаемого и явного злоупотребления чиновников в общественных настроениях перерастали в дискуссии о социальной справедливости, что и находило отражение в письмах-обращениях в органы государственной власти и средства массовой информации [13].

Нуждавшихся в кредитах было больше, чем обеспечивали рамки открытых лимитов по районам, и зачастую уже к осени распределенные кредитные суммы были полностью выбраны. Исполкомы районов вынуждены были обращаться в крайисполком с просьбой открыть дополнительные кредиты. Так, в октябре 1945 г. исполком Абинского районного совета депутатов отмечал полное использование распределенной суммы целевого кредита в район, которая не удовлетворила потребности в восстановлении в связи с сильными разрушениями в период оккупации и просил о дополнительном кредите на 1945 г. на жилищное строительство колхозникам в 100 тыс. рублей и на приобретение скота инвалидам Отечественной войны и семьям фронтовиков в 50 тыс. рублей [14].

Помимо кредитования населения на жилищное строительство филиалом Сельхозбанка и Госбанка, согласно Постановлению СНК СССР от 30 апреля 1944 г. и последующим его распоряжениям, с 1 мая 1944 г. для восстановления разрушенных хозяйств были установлены льготные

условия отдельным категориям населения на отпуск леса: 50 % установленной платы попенной – колхозам; бесплатно – семьям партизан, инвалидам Отечественной войны, семьям военнослужащих, а также семьям погибших партизан и военнослужащих для восстановления жилых и хозяйственных построек (всем остальным хозяйствам – с взиманием установленной попенной платы) [15]. Тем же колхозникам, которые не получили лес бесплатно, выдавались ссуды в размере 500 рублей на хозяйство сроком до 4 лет на уплату попенной платы из 3 % годовых с начальным сроком погашения через год после выдачи ссуды. Выдача производилась за счет предоставленных районам лимитов для кредитования колхозников на индивидуальное жилищное строительство, с тем, чтобы общая сумма ссуды (с включением кредита на уплату попенной платы) не превышала установленного предельного размера в 10 000 рублей на каждую семью.

Постановлением СНК СССР № 757 от 13 апреля 1945 г. устанавливался порядок передачи трофейного скота, перегонявшегося с территории Германии и Польши, в местности, освобожденные от оккупации, причем семьям колхозников – воинов Красной армии, а также инвалидам Отечественной войны, не имевшим коров, скот выдавался бесплатно.

В июле 1945 г. на основании принятого XII сессией Верховного совета СССР закона о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии Краснодарская краевая контора Сельхозбанка через все свои филиалы стала кредитовать за счет Цекобанка нуждавшихся демобилизованных в сельских местностях – в районах, пострадавших от немецкой оккупации, – на индивидуальное жилищное строительство и восстановление разрушенных домов на специальных условиях. Ссуды выдавались как в городах и рабочих поселках (Коммунальный банк СССР (Коммунбанк)), так и в сельских местностях (Сельхозбанк). Размер ссуды каждому заемщику устанавливался в пределе от 5000 до 10 000 рублей со сроком погашения от 5 до 10 лет. Причем сумму кредита и срок погашения работавшим на предприятиях устанавливал директор по согласованию с заемщиком. При получении ссуды демобилизованный должен был предоставить справку об отводе ему земельного участка или справку на восстановление дома. На заготовку материалов выдавался по желанию аванс ссуды в размере 15 %, а затем уже последующие выдачи производились по справкам, подтверждавшим использование ранее полученных сумм по назначению.

Во всех циркулярах по делопроизводству кредитования руководство Краснодарской краевой конторы Сельхозбанка своим филиалам указывало: «Обеспечьте чуткое отношение к демобилизованным и быстрое оформление ссуд» [16], «Нельзя подходить трафаретно к установлению срока строительства…» [17]. Однако на местах по разным причинам (человеческий фактор, объективная нехватка запланированных кредитов) возникали случаи затягивания обеспечения ссудами нуждавшихся категорий, что заставляло людей искать правду в самых разных инстанциях.

20 сентября 1945 г. редакция газеты «Советская Кубань» получила письмо жителя станицы Белореченской Д.Е. Кияткина («отец фронтовика, 62 года, II группа инвалидности, получаю пожизненную пенсию в размере 129 руб., находился до мобилизации сына на его иждивении, не имея своего ни кола, ни двора» [18]). Автор описывал длительный путь ходатайства о получении ссуды на приобретение скота: обращение в Белореченский районный совет, отдел государственного обеспечения семей фронтовиков, далее – в Москву, в Народный комиссариат финансов СССР, в приемную Президиума Верховного совета СССР М.И. Калинина: «И оттуда я получил копию распоряжения Краснодарской конторы Сельхозбанка… о выдаче ссуды на покупку скота до 3 тыс. руб. сроком на 3 года за счет лимитов кредитования» [19].

Подводя итоги, необходимо отметить, что деятельность кредитных учреждений сыграла значительную роль не только в восстановлении сельскохозяйственного производственного процесса, воссоздании животноводческого комплекса колхозов Краснодарского края, но и в реальной помощи сельскому населению в восстановлении и строительстве разрушенных в период Великой Отечественной войны домовладений и хозяйственных построек, индивидуального хозяйства в целом.

Примечания

1. Кринко Е.Ф. Современная российская историография Великой Отечественной войны: итоги двух десятилетий // Былые годы. 2009. № 4 (14). С.12–13.

2. Лохова Т.В. Послевоенная аграрная политика СССР в 1940–1950-е гг.: курс на восстановление и развитие сельскохозяйственного потенциала Краснодарского края // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (33). С. 57–70.

3. Красноженова Е.Е. Особенности решения жилищно-коммунальных проблем в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2–2. С. 101–103.

4. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.

5. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 44. Л. 212.

6. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 44. Л. 356.

7. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 53. Л. 498.

8. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 51. Л. 6.

9. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 37. Л. 26.

10. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.

11. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 37. Л. 516.

12. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 37. Л. 535.

13. Гаража Н.А., Малышева Е.М. Некоторые социально-экономические последствия оккупации Краснодарского края и их личностное переживание населением. 1943–1945 гг. // Белые пятна российской и мировой истории. 2014. № 1–2. С. 56–69.

14. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 37. Л. 578.

15. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 44. Л. 90.

16. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 44. Л. 195, 195об.
17. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 44. Л. 212об.
18. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 37. Л. 526.
19. Там же.

М.П. Мерзляков

Ростовская областная контора «Заготживсырье: опыт восстановления заготовительной отрасли после немецко-фашистской оккупации

Значимость заготовительных организаций в расширении и укреплении сырьевой базы страны и поиске альтернативных источников ресурсов жизнеобеспечения фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны не оценена в полной мере. Проблемам и значению потребкооперации на всесоюзном уровне в условиях советской власти, в том числе и в период Великой Отечественной войны, посвящены труды К.И. Вахитова [1], Л.Е. Файна [2]. В статье С.Т. Гайдина и Г.А. Бурмакиной нашла отражение деятельность государственных и кооперативных заготконтор в развитии и укреплении охотничьего промысла в военное время в Красноярском крае [3]. На Юге России отдельные сюжеты деятельности торгово-заготовительных контор в 1941–1945 гг. представлены в исследованиях Л.В. Ковтуна [4], З.Р. Кочкаровой [5], Н.А. Власкиной [6]. В настоящей работе обобщен опыт конторы «Заготживсырье» Ростовской области по проведению закупок животноводческого сырья у населения и воссозданию охотничьего промысла в регионе.

Контора «Заготживсырье» находилась в ведении Наркомата заготовок СССР и до немецко-фашистской оккупации Дона занималась заготовкой кожевенного и мехового сырья, шерсти, шерсти-линьки, пуха-пера, пушнины, щетины, конского и коровьего волоса в порядке государственных закупок, а также приемкой кожевенно-мехового сырья и шерсти по обязательным поставкам государству, забоем скота на скотобойных пунктах и организацией охотничьего промысла.

В результате боевых действий на территории области и хозяйствования немецко-фашистских оккупационных властей была утрачена материально-техническая база областного ведомства и местных отделов заготовительного хозяйства. Острый дефицит испытывался и в профессиональных кадрах, особенно в забойщиках скота, охотниках, капканщиках. Эффективно выполнять эту работу женщинам, подросткам, старикам, составляющим основу рабочей силы тыла, по состоянию здоровья, физической силе, профессиональному опыту было сложно [7]. Вместе с тем в условиях продолжающейся войны одной из важных оборонных задач являлось восстановление и расширение заготовительной отрасли как источника кожевенного и шерстяного сырья и продовольствия,

удовлетворяющего нужды фронта и тыла, за счет более полного использования имевшихся в регионе природных и животноводческих ресурсов.

Среди первоочередных мероприятий, проведенных областной конторой «Заготживсырье» в 1943 г., следует выделить воссоздание райзаготконтор, комплектацию их кадрами и развертывание кампании по заготовки животноводческого сырья. Проблему дефицита кадров попытались решить через краткосрочные курсы для агентов по закупкам, бухгалтеров и сырьевщиков [8].

Особое внимание уделялось профессиональной квалификации классировщиков шерсти, от которых напрямую зависело качество собранного сырья. Шерсть могла иметь много пороков: засорение грубым волосом, растительными примесями, заражение чесоткой и оспой. Во всех этих нюансах необходимо было научиться разбираться в короткие сроки. Для классировщиков помимо курсов организовывались дополнительные семинары повышения квалификации [9].

Индивидуально, с привлечением опытных пожилых специалистов, что было вполне целесообразно, обучали забойщиков скота, охотников. Следует отметить, что подготовка последних на базе заготовительных контор стала вестись впервые [10].

С целью повышения профессиональной грамотности сотрудников на местах издавались специализированные плакаты-инструкции по добыче грызунов, обезжириванию их шкур и консервированию [11].

Компании по заготовке животноводческого сырья проводились в рамках спущенных Наркоматом заготовок СССР планов, в которых цифры для организаций «Заготживсырье» устанавливались вдовое больше, нежели для контор потребкооперации [12]. Каждому агенту вменялось в обязанность проводить широкую массовую работу с населением о значении сдачи кожсырья государственным заготовителям.

Специфика заготовок в 1943 г. резко отличалась от кампаний предыдущих лет и заключалась в основном в сборе кожи и шерсти, отложившихся у местного населения в запасах. Анализ документов позволяет констатировать, что от забоя скота было получено 11 % сырья, от падежа – 16,8 %, а основное место заняло сырье 1942 г. – 72,2 % [13].

Для стимулирования добросовестной работы сотрудников использовались методы морального и материального поощрения. В области было развернуто социалистическое соревнование среди райзаготконтор и отдельных работников. В нем было немало формализма и мероприятий «для галочки», но в случае, когда соревнование вызывало дух здорового соперничества, побуждало использовать все свое профессиональное мастерство, оно работало как вполне эффективная форма мобилизации сотрудников. Победители не только пользовались вполне заслуженным уважением, но и получали премии. Лучшими в 1943 г. стали Миллеровская, Ростовская, Сальская, Азовская, Мечетинская и Зимовниковская райзаготконторы [14]. Большая материальная помощь оказывалась

семьям сотрудников, ушедших на фронт, им проводили вспашку земельных наделов, выделяли и доставляли сено, дрова, уголь [15].

Параллельно с закупкой животноводческого сырья у населения заготовительная контора «Заготживсырье» Ростовской области проводила работы по реанимации охотничьего промысла региона, буквально разоренного немецко-фашистскими оккупантами. Охотничьи избушки были частично разрушены, речной транспорт взорван, племенные борзые и гончие собаки вывезены или постреляны, и дополнял эту картину дефицит кадров профессиональных охотников [16].

Заместитель управления областной конторы «Заготживсырья» Каплан и охотовед Голенко разработали детальную программу, закладывающую основу для возрождения охотничьего промысла. Во-первых, было объявлено о строительстве двух новых охотничьих избушек и ремонте старых. Укрепить кадровый состав предполагалось с помощью коллег из Краснодарского края, перебросив оттуда 800 охотников – ловцов грызунов в Морозовский, Тацинский, Цимлянский районы. Для заготовки водяной крысы, мяса дичи, а также для транспортировки сырья из дальних райзаготконтор по рекам Дон и Маныч до железнодорожной станции необходимо было приобрести 1 буксир, 2 моторных катера, 4 баркаса лодки. На предмет учета енотов и организации их охраны и подкормки планировалась произвести обследование Кашарского района [17].

Базой для разведения охотничьих собак стал построенный в городе Батайске специализированный питомник. Изначально в нем было 9 борзых и 2 гончих собаки. Примечательно, что все постройки питомника были очень дешевы и практичны. Будки, выгулы, сараи строили из местных материалов: плетня, самана. Будки обмазали снаружи глиной и выбелили с обеих сторон, крыши у них были съемные из камыша. Рацион питомцев питомника включал: мучнистые корма – 300 г, мясо – 300 г, овощи – 400 г, молодняку полагалось еще молоко – 200 г [18].

Добыча и производство пушнины в Ростовской области годы Великой Отечественной войны велись по направлениям, сложившимся еще в довоенное время за счет развития пушного промысла, истребления волков и грызунов – вредителей сельского хозяйства, ондатроводства. К пушнине в планах заготовок относились волк, лисица, заяц, суслик, хомяк, крыса водяная, крыса амбарная, а к мехсырью – жеребок, кошка домашняя, собака, козлик, каракуль [19].

Отметим, что в 1943 г. было добыто мало шкур зайца-русака, хоря и волка. Невыполнение планов на волка объясняли нехваткой опытных охотников, а зайца и хоря – сокращением их поголовья [20]. Продолжалась в области на заключительном этапе войны и заготовка шкурок сусликов и хомяков, которых относили к вредителям сельского хозяйства. К их отлову в летний период активно привлекались школьники.

Неординарно сложилась в заготовительной отрасли ситуация с переработкой сырья в полуфабрикат. Масштабная организация мастерских

для этих целей наталкивалась не только на трудности с помещениями, кадрами, но и самое важное – отсутствие химических реагентов, дубителей, кислот. Выход работники заготовительной конторы «Заготживсырье» Ростовской области нашли в привлечении возможностей местной промышленности. Например, в 1944 г. по договорам на кожзаводе № 3 в Ростове-на-Дону переработали 590 сыромятных кож, хрома – 51 300. В Таганроге – хрома 12 575, юфти – 600, подошвы – 5020 кг [21].

После освобождения в 1943 г. от немецко-фашистских захватчиков значительной территории Ростовской области система контор «Заготживсырье» интенсивно воссоздавалась, и ее потенциал максимально использовался в решении оборонных задач. Несмотря на все трудности и проблемы, с которыми пришлось столкнуться коллективам заготовительной отрасли за военный период, они, несомненно, внесли значительный вклад в Победу в Великой Отечественной войне.

Примечания

1. Вахитов К.И. История потребительской кооперации России. М., 1998.
2. Файн Л.Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново, 1994.
3. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Организация охотничьего промысла в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Вестник КрасГАУ. 2013. № 9. С. 257–265.
4. Ковтун Л.В. История потребкооперации на Дону. Ростов н/Д, 2005.
5. Кочкарова З.Р. Из истории деятельности потребительской кооперации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 4. С. 53–58.
6. Власкина Н.А. «Шире использовать местные продовольственные ресурсы»: о сборе дикорастущих трав и грибов в военное время (по материалам донской периодики 1942–1944 гг.) // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д, 2015. С. 237–244.
7. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
8. Там же.
9. ГАРО. Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 3. Л.10.
10. ГАРО. Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
11. ГАРО. Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
12. ГАРО. Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 3. Л. 63.
13. ГАРО. Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 9.
14. ГАРО. Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
15. ГАРО. Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 9.
16. ГАРО. Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 3. Д. 6. Л. 60.
17. ГАРО. Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 3. Л. 61.
18. ГАРО. Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
19. ГАРО. Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 3. Л. 63.
20. ГАРО. Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
21. ГАРО. Ф. Р-3945. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

С.Г. Сидоров

Жилищно-бытовые условия военнопленных в лагерях НКВД СССР в 1941–1956 гг.

На физическое состояние человека и его работоспособность существенное влияние оказывают жилищно-бытовые условия. В Женевской конвенции о содержании военнопленных 1929 г. в статье 10 говорилось: «Военнопленные помещаются в строениях или бараках, представляющих всевозможные гарантии гигиены и здоровья. Помещения должны быть вполне защищены от сырости, в достаточной степени отоплены и освещены. Должны быть приняты меры предосторожности против пожара. В отношении спален: общая площадь, минимальная кубатура койки и их оборудование должны быть те же, что и в войсковых частях той державы, которая содержит пленных». Статья 9 призывала воюющие стороны избегать соединения в одном лагере людей разных рас и национальностей [1].

Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию. Положение о военнопленных, принятое советским правительством в июне 1941 г., по рассматриваемому вопросу не соответствовало нормам международного права. В статье 9 было записано: «Военнопленные обеспечиваются жилыми помещениями, бельем, одеждой, обувью, продовольствием и другими предметами первой необходимости, а также денежным довольствием по нормам, установленным Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных». Статья 10 предусматривала размещение военнопленных офицеров и приравненных к ним лиц отдельно от других военнопленных [2].

До начала 1943 г. налаживанию нормальных жилищно-бытовых условий для вражеских солдат, захваченных в плен, уделялось мало внимания. Тяжелая обстановка на фронте, неудачи Красной армии, небольшое число военнопленных как бы отодвигали данную задачу на второй план. Основной упор делался на изолирование военнопленных от внешнего мира. Их размещение на частных квартирах или в одних домах с рабочими и служащими категорически запрещалось [3]. Для этого времени характерным было то, что создание новых лагерей осуществлялось в «пожарном» порядке, когда на приемных пунктах уже находились солдаты противника. Поэтому в первых лагерях отсутствовали самые элементарные бытовые условия.

С ноября 1942 г. число пленных быстро росло. Для их содержания НКВД расширяет на 64 тыс. мест действующие производственные лагеря, организует новые лагеря на 55 тыс. мест для использования контингента на предприятиях лесной, угольной промышленности, промышленности строительных материалов и на строительстве Челябметаллургстроя НКВД СССР [4]. Жилищно-бытовые условия в ряде вновь созданных лагерей были просто непригодны для содержания людей. Не случайно 24 февраля

1943 г. НКВД СССР упразднил как не отвечавшие своему назначению лагеря: Сявский, Исетско-Аятский, Метиловский, Тюменский, Ашинский, Елабужский, Тедженский, на строительстве железной дороги Паньшино – Калач [5].

Решительные меры для улучшения размещения военнослужащих противника в тыловых лагерях принимаются с весны 1943 г. Это было связано с переходом стратегической инициативы в руки Красной армии, началом освобождения оккупированной территории страны, высокой смертностью среди военнопленных и возросшим значением пленных как рабочей силы.

16 марта 1943 г. НКВД СССР предписал «создать необходимые бытовые условия содержания военнопленных в жилых помещениях лагерей; в кратчайший срок обустроить все жилые помещения нарами для лежания, а также необходимым твердым и хозяйственным инвентарем (умывальники, столы, скамейки, бочки для воды и др.); поддерживать в жилых помещениях для военнопленных температуру не ниже 14 °С, для чего обеспечить все помещения печами и необходимым запасом топлива». При открытии новых лагерей завоз контингента разрешался только при полной готовности помещений, внутреннего их оборудования, наличии санитарного и пищевого блоков, обеспеченности необходимым запасом продовольствия [6].

6 апреля 1943 г. был утвержден типовой договор Управления по делам военнопленных и интернированных лиц (далее – УПВИ) НКВД СССР о порядке трудового использования военнопленных, интернированных и спецконтингентов. Завоз рабочей силы в лагерь вновь ставился в зависимость от наличия в нем вполне оборудованных помещений для размещения контингента, а также сотрудников и создания всех необходимых условий по охране и режиму.

Типовой договор содержал три перечня помещений и их оборудования, которые предприятия должны были иметь при организации лагеря. Первый перечень включал в себя жилые и бытовые помещения, сконцентрированные в одном месте в специальной жилой зоне, которую полагалось изолировать от гражданского населения посредством обнесения деревянным забором или проволочным заграждением. Жилые помещения могли состоять из бараков и землянок, приспособленных для зимы. Их полагалось оборудовать двухъярусными нарами. Норма жилой площади устанавливалась из расчета 2 кв. м на 1 человека. При этом под жилье разрешалось приспосабливать двойные утепленные палатки. В этот же перечень входили уборные, сушилки для одежды и обуви, умывальники. Перечень № 2 включал в себя административные, коммунально-бытовые и санитарные помещения: штаб лагеря, стационар и амбулаторию, кухню и столовую, продовольственный склад, овощехранилище, гауптвахту, караульные и жилые помещения для внешней и внутренней охраны лагеря, ограждение лагеря, сторожевые вышки, баню, дезкамеру, прачечную и т.п. по соответствующим нормативам. Перечень № 3 включал в себя сведения об оборудовании вышеназванных помещений [7].

В целях быстрейшего изменения условий содержания в производственных лагерях 20 мая 1943 г. первый заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга С.Н. Круглов приказал прекратить вывод контингента на все производственные работы по договорам с предприятиями (строительство, угледобыча, лесозаготовки, разработка камня, торфодобыча и т.п.) сроком на 10 дней. Это время было предложено использовать на благоустройство лагерей, заготовку топлива, сбор дикорастущей зелени, заготовку сена и соломы для набивки матрацев. При необходимости срок отвлечения пленных от производственных работ разрешалось продлить [8].

Для создания запасного жилого фонда 9 апреля 1943 г. нарком внутренних дел СССР генеральный комиссар госбезопасности Л.П. Берия издал строго секретный приказ, который предписывал довести в 1943 г. вместимость лагерей для военнопленных до 500 тыс. человек [9]. Строительство осуществлялось строительно-эксплуатационным отделом Главного управления пограничных войск НКВД СССР по типовым проектам без утвержденных смет, с использованием рабочей силы из числа военнопленных и спецконтингента, с оплатой выполненных работ по фактической стоимости. В начале 1944 г. в составе УПВИ создается собственный строительно-эксплуатационный отдел, на который было возложен контроль над строительством новых, расширением и дооборудованием существующих лагерей. Строительство с этого момента велось лагерями хозяйственным способом.

Эксплуатация зданий и сооружений лагерей возлагалась на УПВИ, в связи с чем в центральном аппарате УПВИ создавалось квартирно-эксплуатационное отделение, а в лагерях вводилась должность начальника квартирно-эксплуатационной части [10].

Необходимо отметить, что в военное время нередко условия размещения солдат противника даже в одном лагере были различными. Так, в Бекетовском лагере № 108 в Сталинграде осенью 1944 г. в первом отделении лагеря (завод № 264 – Судоверфь), рассчитанном на 2500 человек, фактически находился 2651 человек. Они размещались в бараках (с толевой кровлей и печным отоплением, двухъярусными нарами вагонного типа) и двух каменных двухэтажных зданиях (с интернитовой кровлей, деревянными полами, печным отоплением). Во втором отделении (Нефтебаза), рассчитанном на 800 человек, под общежития были приспособлены 3 землянки каркасного типа с насыпной кровлей, печным отоплением и со сплошными нарами. В третьем отделении (Речстрой) контингент ютился в барже, оборудованной под жилье двухъярусными нарами и печами. Военнопленные четвертого отделения при Сталгрэсе и заводе № 91 содержались в двух одноэтажных деревянных зданиях с толевой кровлей, печным отоплением и двухъярусными нарами вагонного типа, а также в трех полуземлянках каркасного типа с насыпной кровлей, печным отоплением и двухъярусными нарами, каждая из которых была рассчитана на 300 человек [11].

На заключительном этапе войны численность взятых в плен солдат противника продолжала быстро расти. В феврале 1945 г. НКВД распорядился подготовить лагеря к приему новых партий. Из лагерных зон выносились склады, конюшни и другие службы. Норма жилой площади на 1 человека при размещении на двухъярусных нарах устанавливалась минимальная – 1,2 кв. м. Для подготовки жилого фонда в срок НКВД СССР разрешил промышленным предприятиям выделять на эти цели здоровых пленных. Руководству лагерей предлагалось получить от местных органов власти в постоянное или временное пользование пустующие городки, группы зданий, которые можно было использовать для организации новых лагерей и их отделений [12].

Условия содержания во вновь открываемых лагерях и лагерных отделениях оставались неудовлетворительными до конца войны. Особенно это было характерным для территории, подвергшейся оккупации, и прифронтовых районов, где нередко и местному населению негде было жить. По состоянию на 1 января 1945 г. в Коростеньском лагере № 110 из 4019 человек только 606 имели возможность спать на нарах, остальные – на цементном или земляном полу в бараках, служивших до этого складскими помещениями и конюшней. Из-за переуплотненности часть пленных спала сидя. При этом бараки не отапливались, транспорта для подвоза дров не было. 3110 человек Бендерского лагеря № 104 находились в одном трехэтажном корпусе. Окон, дверей и нар не имелось. Спали на цементном полу. Баня, стройматериалы и транспорт отсутствовали. В Запорожском лагере № 100 половина контингента находилась в неприспособленных для жилья помещениях. Не были готовы к приему контингента все вновь открытые отделения Челябинского лагеря № 102. В Волжском лагере № 265 контингент разместили в 17 землянках, из которых только 5 были крыты тесом, остальные – брезентом. Не лучше было положение в лагерях №№ 126, 147, 148, 163, 183, 204, 215 и многих других [13].

Как правило, в большинстве случаев виновниками приема в неподготовленные лагеря являлись начальники лагерей, которые под давлением местного руководства неправильно информировали УПВИ НКВД СССР [14]. И хотя в дальнейшем к таким руководителям нередко принимались меры воздействия (снимали с работы с понижением в должности, арестовывали и т.п.), утраченное здоровье многим пленным вернуть было невозможно.

Летом 1945 г. в структуре Главного управления по делам военнопленных и интернированных (далее – ГУПВИ) НКВД СССР имелось 240 лагерей для военнопленных. Чтобы не допустить роста смертности, 15 июня Л.П. Берия приказал производить комплектование пленными предприятий по мере готовности последних к их приему и размещению. При отсутствии необходимых условий солдат противника разрешалось передавать другим наркоматам и ведомствам, имевшим возможность принять их и использовать на работах [15]. Не подготовленные к размещению

людей подразделения расформировывались. Так, по приказу НКВД СССР от 30 августа в различных районах страны были ликвидированы организованные в апреле – августе 1945 г. 22 лагеря [16].

Осенью 1945 г. в СССР стали поступать взятые в плен солдаты японской армии. На применение их труда поступили заявки от 629 предприятий 34 наркоматов на 1 382 тыс. человек. Анализ заявок показал, что предприятия, которым пленные выделялись по решению Государственного комитета обороны СССР, способны были разместить только 224 тыс. человек. Еще на 112 тыс. человек имели помещения другие предприятия [17]. Размещать более 150 тыс. остальных бывших японских солдат было негде.

НКВД СССР принимал срочные меры по развертыванию лагерей для японцев и созданию в них надлежащих условий быта, питания, медицинского обслуживания и трудового использования. «Быстрое и качественное оборудование жилого фонда лагерей, – подчеркивалось в директиве НКВД от 12 ноября, – приобретает особое значение в связи с наступлением зимнего периода». Во все лагеря были направлены специальные комиссии под руководством начальников НКВД-УНКВД или их заместителей. Начальники НКВД-УНКВД были предупреждены об их персональной ответственности за состояние лагерей. Благоустройство лагерей стало считаться основной работой министров НКВД республик, начальников УНКВД краев и областей, начальников управлений лагерей [18].

Как правило, за месяц-полтора до поступления военнопленных и интернированных японцев руководители предприятий и строек предупреждались об этом и получали указания от своих наркоматов, местных советских и партийных органов о необходимости подготовки для размещения людей жилого и вспомогательного фонда. Однако выполнить эту работу в сжатые сроки при остром дефиците строительных материалов и рабочих рук было не просто.

К концу 1945 г. завоз японцев в тыловые лагеря завершился. Из-за недостатка жилфонда размещение было чрезвычайно скученным, отсутствовали помещения под медицинские учреждения, в ряде лагерных отделений не было оборудованных пищеблоков, не говоря о столовых. Средняя норма жилой площади в лагерях Хабаровского края составляла 0,95 кв. м на человека, а в некоторых лагерных отделениях – не более 0,5 кв. м. При этом органы внутренних дел не имели возможности в зимний период применять такую меру, как закрытие необустроенных отделений, поскольку переводить контингент было некуда [19].

Всего к началу 1946 г. ГУПВИ НКВД СССР имело в своей структуре 267 лагерей, состоящих из 2376 отделений, в которых находилось 1822 тыс. бывших военнослужащих армий противника. В числе 267 лагерей 11 предназначались для содержания офицеров, остальные – для рядовых и унтер-офицеров: в 199 содержались солдаты европейских, в 49 – японской армий, в 8 производственных лагерях состав был смешанным [20]. В большинстве из вновь созданных лагерей контингент находился в очень тяжелых условиях. Жилая площадь на 1 человека

в среднем не превышала 1,2 кв. м. Все жилые бараки, как правило, были оборудованы сплошными 2–3-ярусными нарами. Около 85 % отделений лагерей не имели полного комплекта необходимых помещений: отсутствовали столовые, бани, прачечные, дезкамеры, сушилки, хозяйственные помещения. Кухни, хлебопекарни и лазареты были в большинстве случаев недостаточной мощности [21].

Основные мероприятия по налаживанию жилищно-бытовых условий военнопленных были проведены в послевоенное время. Во многих районах СССР положение с размещением пленных в лагерях удалось выправить уже в 1946 г. В том году при размещении контингента ГУПВИ рекомендовало руководству лагерей исходить из следующих нормативов: норма жилой площади на одного военнопленного при двухъярусных нарах вагонного типа – 2 кв. м, умывальники – 1 сосок на 10 человек, столовые – 0,6 кв. м на 1 человека из расчета 1/3 количества военнопленных в лагере, бани и дезкамеры – из расчета трехразовой санитарной обработки в течение месяца, лазареты – из расчета 5 % общего количества военнопленных при норме жилой площади на 1 человека 2,5 кв. м на койках [22].

Добиться выполнения этих нормативов удалось не везде. Тем не менее средняя жилая площадь на одного человека повысилась до 1,6 кв. м. В течение года 60 % сплошных нар были заменены нарами вагонного типа. Все отделения лагерей стали иметь свои лазареты, около 85 %, пополненные новыми столовыми, дезкамерами, сушилками и разными хозяйственными помещениями, – полный комплект жилого фонда. Почти полностью был ликвидирован палаточный жилой фонд, тесовые и жердевые бараки, землянки временного типа были заменены капитальными постройками [23]. В последующие годы положение продолжало улучшаться.

Следует подчеркнуть, что военнопленные серьезно относились к обустройству мест своего проживания [24]. Несмотря на скудость обстановки и инвентаря, в землянках и бараках, в зоне лагеря царили невероятный порядок и чистота. Территория лагерных отделений всегда была опрятной, аккуратно размеченной, украшенной цветами и насаждениями. Имелись спортивные площадки, душевые установки летнего типа. В некоторых имелись даже самодельные скульптуры и небольшие фонтаны [25].

Таким образом, анализ архивных документов показал, что вопросы обеспечения солдат противника жильем находились в центре внимания МВД СССР. В годы войны и в начале послевоенного периода отрицательное влияние на решение жилищно-бытовых проблем оказывали существующие в стране экономические и материальные трудности. По мере их преодоления расширялись и возможности для улучшения условий содержания солдат противника.

Как правило, в первое время существования лагерей жилищно-бытовые условия во многих из них были неудовлетворительными, затем из года в год постепенно улучшались. Добиться нормального размещения

контингента во всех производственных лагерях, за исключением дорожных, удалось в 1947 г. Конечно, это были не санаторные условия, но пригодные для нормальной жизни человека. Все последующие годы вплоть до репатриации условия размещения в большинстве лагерей постоянно совершенствовались и поддерживались на должном уровне.

Примечания

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. Т. 1. М., 2000. С. 1113–1114.
2. Там же. С. 66–67.
3. Там же. С. 543.
4. Там же. С. 346–347, 561–562.
5. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 5е. Д. 2. Л. 33.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 12. Д. 205. Т. 12. Л. 273.
7. Военнопленные в СССР. 1939–1956 … Т. 1. С. 572–573.
8. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 205. Т. 12. Л. 265.
9. Военнопленные в СССР. 1939–1956 … Т. 1. С. 109–112.
10. Там же. Л. 109.
11. РГВА. Ф. 1п. Оп. 11а. Д. 8. Л. 1111–1112.
12. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 193. Л. 67, 74.
13. РГВА. Ф. 1п. Оп. 13а. Д. 1. Л. 26–28.
14. РГВА. Ф. 1п. Оп. 13а. Д. 1. Л. 46.
15. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 177. Л. 331.
16. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 153. Л. 65–67.
17. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 153. Л. 83–88.
18. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 192. Л. 114–115.
19. РГВА. Ф. 1п. Оп. 35а. Д. 51. Л. 9.
20. Военнопленные в СССР. 1939–1956 … Т. 1. С. 1038.
21. РГВА. Ф. 1п. Оп. 17а. Д. 1. Л. 12.
22. РГВА. Ф. 1п. Оп. 17а. Д. 7. Л. 7.
23. РГВА. Ф. 1п. Оп. 17а. Д. 1. Л. 13.
24. Нилов Е.Г. Лагерь № 447 // Север. 1995. № 4–5. С. 144.
25. Епифанов А.Е. Сталинградский плен. 1942–1956 годы (немецкие военнопленные в СССР). Мемориальный музей немецких антифашистов. М., 1999. С. 101.

Е.Д. Владимирова, Е.Л. Головина

Захоронение вражеских солдат и офицеров после окончания Сталинградской битвы частями и соединениями Сталинградской группы войск[1]

Сталинградская битва – одно из ключевых сражений в истории Великой Отечественной войны. Она длилась полгода и унесла с собой жизни

[1] Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ); проект № 16-11-34006 «Сталинградская группа войск. 1943-1944 гг.».

многих сотен тысяч человек. Большое количество трупов, оставшихся на полях сражений, создавало серьезную угрозу распространения заразных заболеваний. Поэтому одной из главнейших задач Сталинградской группы войск (далее – СГВ), сформированной сразу же после окончания битвы, являлась очистка территории города и области от трупов.

На полях сражений осталось 147 тыс. трупов вражеских солдат и офицеров. Еще до окончания Сталинградской битвы, в конце января 1943 г., было принято решение Совета народных комиссаров СССР о начале работы по уборке трупов [1]. Минные поля и глубокий снежный покров затрудняли проведение работ. Часть трупов могла быть обнаружена только с началом таяния снегов. В работе принимали участие: командование и санитарная служба Приволжского военного округа (далее – ПриВО); исполком совета депутатов трудящихся и обком ВКП(б) Сталинградской области; местные органы власти; Главное военно-санитарное управление Красной армии; части 62, 64-й и 66-й армий; санитарный противоэпидемический отряд СГВ; части Сталинградского гарнизона; отряды, созданные из состава местного населения. В уборке также применялся труд военнопленных.

Еще до Сталинградской битвы было принято постановление Государственного комитета обороны (далее – ГКО) СССР от 1 апреля 1942 г. «Об уборке трупов вражеских солдат и офицеров и о приведении в санитарное состояние территорий, освобождаемых от противника», обязывавшее исполкомы областных и местных советов депутатов трудящихся организовать из местных граждан специальные команды по уборке вражеских солдат и офицеров.

Места для захоронения трупов вражеских солдат и офицеров должны были отводиться вдали от населенных пунктов, шоссейных дорог и братских могил бойцов и командиров Красной армии и гражданского населения. Ответственность за своевременную и полную уборку трупов на территории районов была возложена на председателей исполкомов областных и местных советов депутатов трудящихся, а контроль над соблюдением санитарных правил по погребению трупов и очистке населенных пунктов – на Государственную санитарную инспекцию и органы милиции.

Это постановление дополняла инструкция санитарной инспекции Наркомата здравоохранения СССР «Об уборке трупов вражеских солдат и офицеров и о приведении в санитарное состояние территорий, освобождаемых от противника», выпущенная 4 апреля 1942 г. и определявшая порядок уборки вражеских трупов. Участки, отводимые для захоронения, должны были: а) находиться не ближе 500 м от населенных мест и 300 м от питьевых водоисточников; б) иметь уровень стояния грунтовых вод не ближе 2 м от поверхности земли; в) не затапливаться при паводках и весеннем таянии снега; г) по возможности иметь уклон в сторону, противоположную источникам водоснабжения; д) иметь по возможности почву не глинистую и не торфяную. Для могил могли использоваться траншеи, воронки, окопы и т.д. Ширина общих могил при укладке трупов в длину должна была быть не менее 0,75 м, а при поперечной укладке трупов не менее 2 м.

Глубина могил при массовом захоронении трупов в 1 ряд – не менее 1,5 м, а в 2 ряда – 2,5 м. Разрыв между рядами трупов в общих могилах должен быть не менее 0,3 м. Трупы умерших от заразных заболеваний должны были подвергаться дезинфекции 20 %-ным раствором хлорной извести.

10 февраля 1943 г. горисполкомом была создана чрезвычайная комиссия по проведению уборки трупов, в том числе и вражеских, в городе и в пригородах. Она должна была наметить мероприятия, обеспечивающие уборку трупов, в течение 10 дней.

13 февраля 1943 г. заместитель заведующего городским отделом здравоохранения совместно с представителем Народного комиссариата обороны (далее – НКО) М.М. Уваровым выделили в каждом районе города места под захоронение останков вражеских солдат и офицеров. Трупы хоронили без шинелей, сапог, снаряжения и головных уборов. С них снимали также свитера и френчи. Все изъятое обмундирование принимали сборщики трофейного имущества. Изъятые документы и письма погибших передавали старшим инструкторам команд, а те направляли их в Управление по делам военнопленных НКВД СССР.

15 февраля вышло постановление Сталинградского городского комитета обороны «Об уборке трупов вражеских солдат и офицеров и очистке населенных пунктов от нечистот», где райисполкомам районов, бывших оккупированными немцами, и Сталинградскому горсовету предлагалось немедленно приступить к уборке трупов вражеских солдат и офицеров, закончив ее в населенных пунктах и прилегающих к ним территориям к 25 февраля. Для уборки трупов было приказано выделить 30 автомашин и 500 военнопленных. Кроме того, из спецколонны по уборке трупов в распоряжение Сталинградского горсовета было выделено 10 грузовых автомашин. К уборке привлекалось и гражданское население [2].

Приказ по войскам ПриВО о захоронении трупов вражеских солдат и офицеров от 22 февраля 1943 г. обязал закончить ее в 7-дневный срок – к 1 марта. Вся область, включая и город, была поделена на районы, которые распределили по воинским подразделениям в следующем порядке: город Сталинград от южных границ до реки Царицы и районов Гумрак, Питомник, Новый Рогачик, Ракитино, Песчанка – 64-я армия; центр Сталинграда – 7-й стрелковый корпус, а также все размещенные в этом районе части; от Нефтесиндиката до Латошинки, а также разъезд Разгуляевка и Сараи – 62-я армия; район Городище – Орловка – Ерзовка – совхоз Котлубань – Самофаловка – Новая Надежда – 66-я армия. В остальных районах уборка трупов была поручена Калачевскому и Городищенскому райвоенкомам, которым для этого было выделено по взводу бойцов [3].

Также для уборки командующим 62, 64, 66-й армий и 7-го стрелкового корпуса было приказано выделить саперов и подрывников в необходимом количестве и обеспечить их автотранспортом. Это объяснялось тем, что в силу трудоемкости работ по рытью котлованов для массовых захоронений приходилось производить эти работы с помощью взрывов. Для этого и привлекались команды саперов. Организация работ была

возложена на начальника городского штаба местной противовоздушной обороны (далее – МПВО) полковника Шевалгина [4].

Ответственность за выбор мест захоронения и контроль над соблюдением правил были возложены на городского санинспектора доктора Литвинова. Заведование общим санитарным контролем над уборкой и захоронением трупов было поручено доктору Петрову и начальнику санитарной службы ПриВО военному врачу I ранга Хенкину [5]. Для работ по захоронению трупов начальнику управления лагерей военнопленных было приказано выделить 500 военнопленных.

В каждой армии имелись и свои приказы об уборке вражеских трупов. Так, например, 11 февраля 1943 г. приказом по войскам 62-й армии об очистке от вражеских трупов полей сражений заместителю по тылу командующего войсками 62-й армии полковнику Плетнёву было поручено создать из военнопленных 5 команд по 100 человек каждая для сбора и закапывания трупов гитлеровцев. Для перевозки трупов в места закапывания выделялось 5 автомашин с необходимым количеством горючего. Для организации всего процесса выделялось 10 младших командиров и 10 санитарных инструкторов. Санитарный надзор за уборкой был возложен на начальника санитарной службы 62-й армии М.П. Бойко. Закапывание должно было проводиться с обязательным врачебным актированием. Организацией закапывания ведали главный эпидемиолог Красной армии бригадный врач В.Д. Вершицкий и начальник санитарной эпидемиологической лаборатории Донского фронта военврач I ранга Малый. Из-за отсутствия транспорта темпы вывоза трупов были крайне низкими [6].

Приказанием войскам ПриВО от 23 февраля 1943 г. командующим армий, входящим в состав СГВ, было поручено ежедневно к 18:00 представлять отчеты о том, сколько за день было собрано трупов, сколько и куда вывезено, сколько и где зарыто [7].

К 5 марта 1943 г. в телеграмме члену ГКО Г.М. Маленкову было доложено о том, что уборка трупов практически завершена [8]. Однако это не соответствовало действительности, о чем свидетельствует постановление Сталинградского горкома ВКП(б) от 14 марта 1943 г. В нем отмечалось, что, несмотря на огромную работу по уборке вражеских трупов, на территории города осталось еще большее количество несобранных тел. В том же постановлении предлагалось для ускорения процесса с 16 марта провести специальный трехдневник, во время которого к уборке должно было привлекаться все трудоспособное население городских районов, личный состав подразделений МПВО, рабочие и служащие подразделений и предприятий, а также личный состав частей РККА, расположенных на территории районов. Коменданту города В.Х. Демченко было поручено обеспечивать полное использование проходящего воинского автотранспорта для вывозки тел в отведенные места. Командующего воинским округом просили выделить 10 автомашин для вывозки трупов и нечистот из города. Облисполком просили отпустить 10 т бензина для вывозки умерших [9].

9 апреля 1943 г. постановление горкома ВКП(б) отмечало, что несмотря на большой объем проделанной работы, еще оставалось большое количество незахороненных трупов. Поскольку уже была весна, это угрожало распространением острозаразных заболеваний. Поэтому постановлением предписывалось принять решительные меры и закончить работу к 15 апреля 1943 г. Для этого мобилизовались бойцы подразделений МПВО, рабочие и служащие, а также все трудоспособное население города. Всем секретарям райкомов ВКП(б) 16 апреля нужно было сообщить в горком о выполнении постановления [10].

28 мая 1943 г. в докладной записке заместителя наркома обороны СССР Е.А. Щаденко в ГКО говорилось о том, что уборка трупов по Сталинграду и области была полностью закончена. Было захоронено 147 тыс. вражеских солдат и офицеров. Была также проверена правильность захоронения – плохие могилы были засыпаны землей. Также была произведена дезинфекция (хлорирование) всех могил [11].

Таким образом, задача по захоронению вражеских трупов частями Сталинградской группы войск в целом была выполнена. А главное, достигнута важнейшая цель данных мероприятий – предотвращение вспышки эпидемии острозаразных заболеваний.

Примечания

1. Сталинградская группа войск. Февраль – май 1943 г.: документы и материалы. Волгоград, 2004. С. 8.
2. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 5. Л. 40–40об.
3. ЦАМО РФ (далее – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 341. Оп. 5312. Д. 138. Л. 45об.
4. Инициалы не установлены.
5. Инициалы не установлены.
6. ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 89. Л. 61.
7. ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 138. Л. 46об.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 83. Оп. 1. Д. 19. Л. 155.
9. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 64. Л. 50.
10. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 2. Д. 64. Л. 96.
11. РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 19. Л. 164.

Ж.Ю. Гаевская

Спецконтингент в г. Сталинграде в 1943–1945 гг.: военная реальность

Великая Отечественная война изменила все сферы жизни Советского государства, определила политику в отношении советских граждан, вернувшихся из плена, и создала почву для появления специфических

категорий трудовых ресурсов, которые могли быть использованы в чрезвычайных условиях.

В связи с тем что летом 1941 г. около 2 млн советских военнослужащих (49 % от общего количества военнопленных за все годы войны) находились в плену, сам факт пленения стал восприниматься в качестве преступления [1]. Трагический опыт начала войны предопределил стремление советских властей организовать систему проверки тех, кто вернулся из плена или окружения.

27 декабря 1941 г. вышло постановление Государственного комитета обороны СССР (далее – ГКО) № 1069сс [2], которое обязало НКВД СССР создать специальные лагеря (далее – спецлагеря) в Вологодской, Ивановской, Тамбовской и Сталинградской областях. Впоследствии организация и ликвидация спецлагерей были связаны с обстановкой на фронте [3].

Согласно приказу НКВД СССР № 001735 от 28 декабря 1941 г. «О создании специальных лагерей для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника» [4], спецлагеря формировались в составе Управления по делам о военнопленных и интернированных НКВД СССР.

С момента выхода отмеченных выше документов советские военнопленные не попадали произвольно под определение «изменник Родины». Их вина могла быть установлена только после проверки. Несмотря на это они именовались «бывшими военнослужащими Красной Армии» (терминология постановления ГКО № 1069сс от 27 декабря 1941 г.), т.е. ставились вне рядов РККА [5]. В то же время в документах Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР и отдельных спецлагерей вернувшиеся из плена или окружения именовались «спецконтингентом». В период укрепления тоталитарного режима в СССР и создания системы исправительно-трудовых лагерей данное понятие обозначало категорию людей, находившихся в условиях режимных учреждений и выполнявших принудительные работы. Такое отождествление советских военнослужащих с заключенными явно указывает на их фактическую бесправность и негативное отношение к ним.

Использование труда спецконтингента началось уже в 1942 г. (на строительстве железной дороги Камышин – Иловля (участок Волжской рокадной железной дороги) [6]. Однако нормативно труд данной категории рабочих был закреплен только в апреле 1943 г. В соответствии с приказом НКВД СССР № 00675 от 6 апреля 1943 г. Управления лагерей НКВД СССР должны были организовать и использование труда спецконтингента [7].

Вскоре после завершения Сталинградской битвы в городе Сталинграде был создан спецлагерь НКВД СССР № 0108. В марте 1943 г. он был открыт в поселке Бекетовке Кировского района [8], но уже в мае 1943 г. был перенесен на Нижний поселок Тракторозаводского района, в непосредственной близости от Тракторного завода [9], где предполагалось использование труда вернувшихся из плена. В июне 1943 г. появилось

первое отделение спецлагеря на Верхнем поселке Баррикадного района. Расчетная численность отделения составила 1500 человек [10].

С февраля 1944 г. лагерное отделение должно было начать работу при подразделении хозяйственного отдела (далее – ХОЗО) УНКВД СССР по Сталинградской области – строительном отделе [11]. В мае – июне 1944 г. планировалось создать лагерный участок для содержания 2000 человек спецконтингента при металлургическом заводе «Красный Октябрь» [12].

Основная часть лагеря разместилась на Нижнем поселке в недостроенном, разрушенном в ходе войны Доме техника, в 500 м от реки Волги [13]. В докладе начальника спецлагеря НКВД СССР № 0108 Ф.С. Емельянова о работе спецлагеря во втором квартале 1943 г. указывалось, что зона лагеря занимала площадь 33 600 кв.м и была обособлена от завода и местного населения, имелась жилая площадь, 3 кухни и мастерские [14]. Общая жилая площадь лагерного отделения при заводе № 221, которое размещалось в Верхнем поселке Баррикадного района Сталинграда, составляла 13 423 кв.м. В здании отсутствовала кровля [15].

Условия, в которых проживал спецконтингент спецлагеря НКВД СССР № 0108 в период Великой Отечественной войны, были далеки от нормальных и способствовали ухудшению физического состояния. Как следует из докладной записки врача-инспектора отделения по руководству лагерями военнопленных УНКВД СССР по Сталинградской области от 16 сентября 1943 г., помещения лагеря находились в антисанитарном состоянии. Жилая зона спецлагеря НКВД СССР № 0108 не убиралась, помещения не были остеклены. Не были обустроены места для приготовления пищи: «много мух, разделочные столы и крышки на пищевых котлах грязные, пол не чисто убран» [16]. На складе отсутствовали необходимые продукты. Спецконтингент употреблял воду из Волги, которая не подвергалась тепловой обработке, а только хлорировалась. Во всех помещениях лечебного блока было грязно, не хватало кроватей и постельного белья. Вследствие этого часть больных размещалась в общих жилых помещениях вместе со здоровыми. Врач-инспектор отмечал, что недостатки санитарных условий в лагере создают опасность заболеваний [17].

Год спустя сведения по лагерю НКВД СССР № 0108 также указывали на неблагоприятные условия содержания бывших советских военнопленных. Делопроизводственные документы свидетельствуют, что люди спали на голых досках нар, имевшаяся одежда подвергалась неоднократному ремонту и пришла почти в полную непригодность для ношения. Ни одно отделение спецлагеря не имело столовой, прием пищи происходил на открытом воздухе или в жилых помещениях [18].

Уровень питания бывших советских военнопленных спецлагеря НКВД СССР № 0108 также не был оптимальным. Известно, что контингенту выдавалось по 600 г хлеба в день [19]. Впрочем, такое положение сложилось в условиях финансирования специальных лагерей частично из НКВД СССР, частично из НКО СССР. В то же время на содержание рабочих данной категории шло 50 % от их заработной платы.

Условия проживания спецконтингента оставались плохими и после реорганизации спецлагеря НКВД СССР № 0108 в проверочно-фильтрационное лагерное отделение при УНКВД СССР по Сталинградской области в феврале 1945 г.

Начальник лагерного отделения И.И. Евдокимов в отчете за второй квартал 1945 г. констатировал, что имевшаяся в наличии одежда была ветхой, а из-за отсутствия постельных принадлежностей большинство бывших советских военнопленных вынуждены были спать на голых нарах [20].

Необходимо отметить, что в годы войны подобные условия жизни были присущи большей части гражданского населения Советского Союза с той лишь разницей, что находившиеся в спецлагере не могли самостоятельно улучшить свой быт. В условиях режимного учреждения они должны были находиться до конца проверки.

За время существования спецлагеря НКВД СССР № 0108 проверку в нем прошли более 9 тыс. человек [21]. Спецконтингент привлекался к работам по восстановлению промышленных предприятий города Сталинграда, продукция которых была необходима фронту (Сталинградский тракторный завод, завод № 221 «Баррикады», завод «Красный Октябрь» и др.), а также на восстановление Сталинградской ГРЭС и строительство Управления НКВД СССР. С июня 1944 г. контингент спецлагеря НКВД СССР № 0108 привлекался и на жилищное строительство. После реорганизации спецлагеря НКВД СССР № 0108 [22] его относительно небольшой контингент оставался востребованным и использовался для производства различных работ на стадионе «Динамо», кондитерской фабрике № 4, для уборки территорий школ, детских садов и др. [23].

В договорах, заключенных между спецлагерем НКВД СССР № 0108 строительными организациями и предприятиями, отмечалось, что спецконтингент был необходим главным образом для проведения строительно-восстановительных работ, т.е. планировалось использовать бывших советских военнопленных в качестве плотников, каменщиков, строителей и др. Спецконтингент привлекался и на расчистку территорий от мусора и снарядов [24].

В то же время большинство бывших советских военнопленных спецлагеря НКВД СССР № 0108 не имели строительных специальностей [25], но, исходя из условий заключенных договоров, должны были выполнять восстановительные работы. Это свидетельствует о том, что их труд носил неквалифицированный характер и, как следствие, производительность труда, возможно, была на низком уровне. Нередки были случаи существенного превышения срока проверки. Так, вместо установленных 2–3 месяцев вернувшиеся из плена задерживались в спецлагере на полгода и более [26].

В своих письмах они обращались к И.В. Сталину: «Дорогой отец и учитель, коротко хочу описать о своей жизни и просить вас решить мою судьбу. Или быть мне воином на фронте или бойцом в труде» [27]. Рассказывая свои истории пленения, освобождения и проверки в спецлагерях,

они старались показать, что не являлись виновными, а были жертвами и что срок их проверки неоправданно долгий. Один из бывших советских военнопленных в письме И.В. Сталину от 14 октября 1944 г. отмечал: «Вместе с другими товарищами я пережил [в плену] ужас. Нас били, морили голодом, сажали в плотно закрытую комнату без окон по 35–40 человек, тогда как в последнюю можно было вместить 15–20. <…>.

1 октября нас, 40 мужчин и 30 женщин, раздели почти догола, ударили по голове и увезли. Мы знали, что нас ожидает. На побег никто не согласился из-за подавленного морального состояния. Машина остановилась, дверь открылась, и мы увидели яму. Из машины вызвали 5 человек. Все прятались друг за другом. Командир сказал нам прыгать в яму и ложиться лицом вниз. <…> Я вырабатывал план побега. Я ударил палача в лицо, сбил с ног. Мне стреляли в спину. Но я продолжал побег. Сбежал в поселок Фрунзе. <…> Там я прожил несколько месяцев, пока не была изгнана немецкая нечисть из Ростовской области и г. Ростова. Я был мобилизован на восстановление моста через реку Дон. Переведен на завод “Ростсельмаш”. Проработав на заводе до 28 февраля 1944 г., меня по повестке призвал военкомат Сталинского района и направил меня на проверку в спецлагерь № 205 г. Краснодара. 13 апреля сего года меня перевезли в спецлагерь № 0108. Здесь я нахожусь по настоящее время. По специальности… я не работаю. И к тому же я не могу знать, в чем я виноват, почему меня держат в лагере. Конечно, может быть это так надо, но поражает, что и жену подвергли какому-то допросу о моих похождениях.

Дорогой товарищ Сталин, решите обо мне вопрос, оставаться мне и дальше в лагере или быть ни в чем не виновным. Или же дайте мне возможность пойти на фронт и давить немецкую “гадину” или же отправить меня на завод “Ростсельмаш” строить корабли колхозных полей, которым присвоено ваше великое имя» [28].

Содержание приведенного письма свидетельствует о заметном увеличении сроков проверки. Предположительно, выгода от использования труда рабочих из числа спецконтингента побуждала, в нарушение сроков окончания проверки, удерживать бывших советских военнопленных в городе Сталинграде.

Подводя итоги, следует отметить, что в условиях Великой Отечественной войны проверка бывших советских военнопленных хоть и была государственной необходимостью, стала способом удовлетворения экономических потребностей. В частности, военная реальность первого этапа восстановления Сталинграда в 1943–1945 гг. определила необходимость привлечения к труду советских граждан, вернувшихся из плена, что позволяло ослаблять выраженный дефицит трудовых ресурсов. Как показывают факты, даже размещение спецлагеря НКВД СССР № 0108 и его отделений в Сталинграде было связано с производственной необходимостью. Рабочие из числа спецконтингента жили в тяжелых условиях, выполняли несвойственные им работы, однако и они внесли свою лепту в дело восстановления прославленного города.

Примечания

1. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92.
2. Постановление ГКО № 1069сс от 27 декабря 1941 г. о мерах по выявлению среди бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену или окружении, изменников родины, шпионов и дезертиров // Сталинградская область в постановлениях Государственного Комитета Обороны (1941–1942): документы и материалы. Т. 9 (1) / под ред. М.М. Загорулько. Волгоград, 2010. С. 226–227.
3. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1/п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 119.
4. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 37а. Д. 2. Л. 1–3об.
5. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР … С. 93.
6. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 131.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 658. Л. 252–268.
8. Там же. Оп. 1а. Д. 133. Л. 197.
9. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 10. Л. 44.
10. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 133. Л. 17.
11. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.
12. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 60. Л. 31.
13. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 5. Л. 154. Д. 17. Л. 2.
14. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 17. Л. 2, 4.
15. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 7. Л. 32. Д. 44. Л. 23об.
16. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 9. Л. 67.
17. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Л. 67–67об.
18. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 17. Л. 48.
19. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.
20. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 131. Л. 12.
21. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 20. Л. 21.
22. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 174. Л. 82.
23. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 135. Л. 17, 66, 68, 74.
24. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.
25. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 18. Л. 58.
26. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 18. Л. 255.
27. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 18. Л. 198.
28. ГАВО. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 18. Л. 198–200.

С.А. Шпагин

Холокост в контексте событий, трагедий, символов и мифов Второй мировой войны

Проблема мифов и символов конфликтов прошлого для современности связана с селективным переносом прежних смыслов, востребованных практиками повседневности, но уже по иным причинам. Исследование войн и конфликтов в академической науке требует беспристрастного

подхода, основанного на анализе исторических источников, а не на эмоциях. И эта работа носит рутинный характер, в ходе которой возможны ошибки и неточности, реже – сознательные фальсификации. Формирование же общественно значимых символов и мифов опирается, как правило, на запросы общества и заказ властей.

Другое дело – коллективные, групповые и личные трагедии в контексте межгосударственных войн и межэтнических конфликтов. Они по определению носят различный характер для участников исторических событий и не всегда совпадают с формальным делением на противоборствующие группы. Отношение к войнам всегда было двойственным – героизм одних и преступление других. Радость победы и горечь поражений; героика и трагедия в определенной последовательности и дозировке.

Практики государств, потребности общественно-политических групп и характер связи поколений неизбежно приводят к конвертации фактов и событий прошлого в символы и мифы, а войны в этом смысле всегда востребованы.

Применительно к XX в. проблема мифологизации и формирования символов войн и конфликтов носит более сложный и неоднозначный характер по целому ряду причин. Научные исследования национальных историй давно вышли за границы национальных государств. Несовпадение в оценках событий национальной истории в работах мирового научного сообщества давно стало нормой. Одновременно и параллельно с академической наукой существует фолк-хистори [1], этническая и религиозная традиции в отношении героизма и трагизма как части коллективной памяти.

XX в. породил несколько специфических моментов, влияющих на визуальный и вербальный строй мифов и символов войн и конфликтов. Он явился столетием выхода человечества за физические рамки (полеты в космос), научно-технические, информационные и прочие. Но главное – за рамки нравственные, поскольку было принято к практике тотальное уничтожение части человечества по социальным, этническим, религиозным признакам, геноцид возведен в ранг государственной политики с приданием ему сакрального характера.

Ускорение темпов физического и общественного развития цивилизаций приводит к сокращению периодов передачи информации и смыслов знаковых событий, закрепленных символами и мифами. Что особенно важно, передача и прием символов и мифов, закрепившихся в традиции и общественных практиках одного поколения, в силу разных причин не всегда воспринимается следующими поколениями как актуальное и принимаемое наследие. Если учесть, что параллельно сосуществуют сразу несколько поколений, каждое со своей субкультурой, ротацией практик, не успевающих стать традицией, то многие символы меняют свое значение и ценность в глазах неоднородного нового поколения. Многие факты и реалии прошлого обрастают мифами уже в новой интерпретации.

Динамичность XX в. привела к включению в культурный код человечества алармистских идей, стиля поведения милитари, практик разрыва с традицией, включая и этноконфессиональные. И как итог – к обесцениванию жизни индивида и целых народов, закрепленному понятием «геноцид».

Поскольку XXI в. начался и продолжается с перспективой развития крупнейших за послевоенное время конфликтов, представляется актуальным из всего наследия XX в. выделить проблему тотального геноцида в контексте мировой войны, породившего знаковые образы для коллективной памяти и политических практик, требующих адаптации к новых условиям в формате мифологем цифровой эпохи.

Центральное направление в «войне историй», на самом деле – войне смыслов, в цифровую эпоху – попытка пересмотра характера Второй мировой войны, как поколениями победителей, так и поколениями проигравших. Основная задача – разбить мировую войну между двумя альтернативами мироустройства на фрагменты и таким образом лишить ее основного смысла – тотальности. Тотальности как победы, так и проигрыша. Победитель получает всё, и это «всё» – его «новый мировой порядок». Именно поэтому основной принцип послевоенного миропорядка, биполярность, зарождается в предвоенный период, включающий поиск оптимальных союзов на альтернативной основе. Военный период – противостояние Объединенных наций блоку государств и народов, принявших идеологию национал-социализма и фашизма.

Уже в XX в. появляются в качестве тенденции ревизии основных категорий данного исследования – характера Второй мировой войны [2] и Холокоста [3] как основы доминирующих мифологем XXI в. Именно различия в трактовке самих категорий и порождают их разные смыслы, разное восприятие. Соответственно это уже привело к формированию принципиально разных символов и мифологем этих двух категорий.

Что касается Второй мировой войны с точки зрения оперирования не категориями академической науки, а символами и мифологемами, то речь идет о фрагментации мировой войны, делении ее на отдельные части – советско-немецкую, советско-украинскую и т.д. Наиболее полно такая позиция выражена в полемике с неназванным российским журналистом известного украинского историка, директора Украинского института изучения Холокоста «Ткума» («Возрождение») [4] И.Я. Щупака [5]. Соответственно, разные символы и разные мифологемы Холокоста внутри круга его исследователей [6] опираются на понимание Холокоста как еврейского [7], европейского явления [8] и применительно к Советскому Союзу и советскому еврейству [9].

Таким образом, перед нами проблема переноса четко сформировавшихся смыслов XX в. в век XXI. При этом в отношении Второй мировой и Великой Отечественной войн речь идет об алармистском пересмотре потомками проигравших символов и формировании новых мифологем. А в отношении Холокоста речь идет о выходе на первый план бывших

в тени мировой войны событий, процесс сакрализации которых стал выходить из-под контроля, и о порождении разновекторных символов и мифов.

Сама категория «миф» [10] претерпела в наше время изменения и требует авторского пояснения. Изначально отношение к мифу и мифологизации реальных событий было скептическим, и он воспринимался как нечто архаичное, изживаемое в процессе модернизации. Но тенденции развития Европы после Первой мировой войны носили в этом плане разнонаправленный характер – модернизация соседствовала с архаизацией. В принципе архаизация часто выступает как естественная реакция на динамичную модернизацию. Именно поэтому межвоенный период в контексте поставленной проблемы демонстрировал три попытки реализации социальных экспериментов, совмещавших модернизацию и архаику: национал-социализм (расово чистое социальное государство), большевизм (построение этатического социализма в одной отдельно взятой стране) и сионизм (построение этнического социального государства). При этом все три модели предполагали силовой вариант своего развития, и Вторая мировая война предоставила им такую возможность.

Именно эти три центральных эксперимента и составили основу событий, трагедий, символов и мифов XX в. Порожденные ими последствия оказались столь глубокими, что перешли по наследству в XXI в. их потомкам, балансируя между виртуальными и реальными войнами, вовлекая в водоворот алармистских дискуссий весь остальной мир, ранее не связанный ни со Второй мировой войной, ни тем более с Холокостом.

Поскольку сам Холокост идеологи нацизма, затем современные ревизионисты и его отрицатели называют «мифом XX века» [11], дадим авторское понимание категории «миф» применительно к поставленной проблеме. Мифы в современном обществе – это вербализация и визуализация событий, коллективных и индивидуальных действий, процессов, исторического места, исторического времени с целью создания новых смыслов, приобретающих сакральный характер.

Мифы могут быть представлены «по горизонтали» в формате фолк-истори и «по вертикали» как политика мифологизации и сакрализации событий собственного далекого и текущего прошлого, инструмент создания из прошлого инструментария текущей политики, которая, выдержав испытание временем и адаптированная под массовое сознание, становится основой коллективной памяти, принятой или навязанной реальностью.

Миф сегодня – навязанная реальность, принятая массовым сознанием большинства населения страны и не подлежащая критическому осмыслению. Миф возможен в форме адаптации прошлого в положительных образах и сакрализации «своих» категорий – исторического времени, пространства, персонажей (героев) и демонизации «чужих» категорий.

Применение метода воздействия мифа на массовое сознание осуществляется с помощью интерпретации прошлого в условиях сокращения

промежутка времени между категориями «прошлое» и «настоящее». Мифологизация идет вслед за событиями, одновременно с ними, а иногда и опережая их. Это процесс адаптации сложных или больших пластов свершившегося, которое невозможно забыть и вычеркнуть из коллективной памяти. Как инструментарий консолидации общества, мифологизация может привести и к обратному результату. Это метод, который трудно контролировать в отличие от информационной войны и который может развиваться далее самостоятельно, оказывая его авторов противоположный эффект.

Значительная часть мифов связана с войнами, формированием сложных систем – национальных обществ и государств, брендов в мировой политике, образов лидеров и статусов государств. Миф как оправдание, миф как инструмент экспансии – метод снятия коллективных травм и вины.

Основная проблема мифологизации войн – создание образа лидера, строгого, но справедливого. Следствием мифологизации своей роли и демонизации других является право либо на лидерство, либо на компенсацию – для группы виктимности – за причиненные страдания.

Мифологизируется подвиг и страдание. Обе группы предполагают наличие виновных. В этом плане Вторая мировая война и Холокост являются самыми важными объектами мифологизации, ставшей составной частью политики и культуры. При этом мифологизация мировой войны и Холокоста отнюдь не означает просто искажения, дезинформации. Мифологизация сегодня – это интерпретация под заданный результат, что предполагает симбиоз сакральных символов с банальными мифами.

Естественная проблема осмысления, переосмысления и формулирование выводов и уроков в нетоталитарной среде приводит и к появлению разновекторных символов и мифов в отношении Второй мировой войны и Холокоста. Объективно это связано с формированием и закреплением в коллективной памяти, сознании и политике образов визуального и вербального характера. Неизбежность этого процесса – мифологизация ключевых событий, трагедий XX в., превращение прежних символов в мифологемы для нового поколения, новых запросов XXI в. Специфика запросов XXI в. состоит в том, что на смену биполярной тотальности мира приходит мир мультикультурный, с новыми символами и мифами, часто противостоящий евроатлантическим ценностям. В некотором смысле сегодняшние примеры создания новых символов Второй мировой войны и Холокоста – последняя попытка закрепить в мировой практике европейские ценности перед лицом явного кризиса европоцентризма.

Так что «ребрендинг» символов, образов и мифологем трагических событий XX в. – это задача нынешнего поколения, и предназначается он объективно для следующих поколений, способных разделять нынешние ценности – в чем-то европейские, в чем-то христианские, в чем-то общечеловеческие ценности. А это потребует достижения консенсуса не столько в отношении событий и фактов, сколько в отношении уроков и выводов, основной из них – жизнь человека является главной ценностью.

Любой геноцид, любая война на тотальное уничтожение не принесет желаемого результата.

Таким образом, признавая закономерность пересмотра и обновления основных символов и мифов XX в. – характера Второй мировой войны и событий, составляющих с ней смысловое единство, – Великой Отечественной войны, гражданских, региональных, этнических, национально-освободительных конфликтов, Холокоста – необходимо опираться на два важных момента, влияющих на мировой порядок XXI в. И как потребность нового не европоцентристского мира, и как главный урок из двух трагедий XX в. (мировых войн и Холокоста) выработка новых символов и мифологем или их сохранение неизбежно должны опираться на консенсус с наследниками этих двух мировых трагедий и корректное их представление в коллективной памяти и практиках мультикультурного мира.

На формирование и сохранение символов трагедий XX в., века доминирования «западной» цивилизации, будет оказывать сильнейшее давление фактор времени. Иное историческое время неизбежно делает востребованным образ жены Лота, обернувшейся вопреки наказу в свое трагическое прошлое.

Что в плане увязки формирования новых символов Второй мировой войны и пересмотра мифов Великой Отечественной с Холокостом актуально и важно сегодня?

Основное направление в создании новых символов и мифов – оспаривание правомерности использования термина «Отечественная война». Происходит либо замена его на понятие «Вторая мировая война», либо (реально – одновременно) фрагментация событий мировой войны, глобальности связанных с ней событий, переводящая их с мирового уровня осмысления лишь на уровень немецко-советской войны и региональных конфликтов.

Неоправданная локализация событий XX в. в категориях исторического времени и пространства ориентирована на четкий политический вывод, никак не вытекающий из реальных исторических событий: «…мировую войну развязали, в первую очередь, нацистская Германия и Советский Союз» [12]. И как практический вывод из приведенного исследования «если немецкое общество покаялось за преступления Германии, то советское, а ныне российское общество в основном старается забыть агрессию и военные преступления СССР в 1939–1941 гг., начиная “отсчет истории” с июня 1941-го» [13].

Холокост как событие, факт, трагедия и символ препятствует этим попыткам фрагментации. Сведение трагедий Второй мировой войны и Холокоста к новым смыслам линейки локальных событий приводит сегодня к потере смыслов тех трагедий и потребности извлекать уроки из процессов XX в., имевших четко выраженный общемировой характер. Если мировые войны и геноциды XX в. четко локализованы историческим пространством Восточной Европы и историческим временем

существования двух диктатур, остальному миру не стоит рассматривать этот опыт как универсальный. Тогда окажется не востребованным главный урок XX в.: трагические попытки человечества путем социальных экспериментов выйти за ранее традиционные рамки времени, пространства и нравственности оказались совместной утопией. За ошибки, преступления XX в. ответственны не те, кто сегодня не являются тебе друзьями. В XX в. история реально стала всемирной. Это же касается и Первой мировой войны, революций в части их последствий, гражданских и колониальных войн, этнических конфликтов, расовой ненависти и социальных экспериментов. И формирование новых смыслов исторического реванша уже открывает новые поля для «битв историй».

Конкретное историческое событие XX в. – Холокост – невозможно рассматривать как результат предлагаемой локальности и формирования постфактум виновника в лице непокаявшейся России. Ведь предпринятая попытка части цивилизованного мира тотально уничтожить одни группы себе подобных и поработить другие при общей дегуманизации всего мира в рамках навязываемой реальности «нового порядка» осуществимо только в результате мировой войны.

Под мифологизацией Второй мировой войны подразумевается не специфический подход к отдельным событиям и фактам периода войны, а попытки разделить единый конкретно-исторический процесс XX в. в его причинно-следственных связях на фрагменты. Исключив возможность анализа конкретных смыслов, отчасти мифологем Второй мировой войны, метод «местечковой» фрагментации позволяет менять масштаб событий, их иерархию в тогдашних конкретно-исторических условиях.

Безусловно, общая картина XX в. была написана победителями. При всей идеологической и нравственной биполярности визуальных и вербальных форм господствующим был европоцентристский (позднее евроатлантический) подход.

Глобализация и ее основные потоки – региональная европейская и трансатлантическая евроатлантическая интеграции – объективно формировали навязанную реальность в отношении исторических событий, обслуживавших центростремительные, а не центробежные векторы развития. Отсюда смикшированный европейский «Краткий курс» европейской истории, последующая политкорректность по отношению к колониальной истории и комплекс вины Германии и немецкого народа.

На определенном этапе оказалось, что центростремительным элементом в условиях глобализации всем удобнее сместить акцент с обновления мифологем в отношении Второй мировой войны для сменившихся поколений победителей и проигравших общей, но чужой трагедией европейского еврейства в формате Холокоста, а не Шоа или катастрофы и героизма.

Если память о войне, ее практическая составляющая в плане геополитики, идеологии, правовой базы превращается в мифологемы XXI в.,

Холокост неизбежно мифологизируется, т.е. превращается в инструментарий как в руках хранителей, так и отрицателей. Показательно, что важность взаимосвязи исторической даты 9 мая и ее символизма (понимая степень ее мифологизации) с памятью о Холокосте была отмечена в Израиле [14].

Сохранение прежних и формирование новых символов трагедий XX в. должно опираться на понимание их взаимосвязей, что предполагает ответственность и осторожность в формировании алармистских моделей национальных историй и политики национальной памяти.

Примечания

1. Володихин Д.М. Феномен фолк-хистори // Международный исторический журнал. 1999. № 5. URL: http://scepsis.net/library/id_148.html (дата обращения: 04.05.2016).

2. Категория: Вторая мировая война. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория: Вторая_мировая_война (дата обращения: 04.05.2016).

3. Что такое Холокост. 2483 показа в месяц. 12 миллионов ответов. Яндекс. URL: https://yandex.ru/search/?text=что%20такое%20холокост&lr=39&clid=37245&rnd=53083 (дата обращения: 04.05.2016).

4. Український інститут вивчення Голокосту «Ткума» («Відродження»). URL: http://tkuma.dp.ua/index.php/ua/pro-nas (дата обращения: 04.05.2016).

5. Щупак И. Один российский журналист обратился ко мне с вопросом: «Что является причиной изменения термина “Великая Отечественная война” на термин “Вторая мировая война” для упомянутого Дня памяти?» // Facebook.com. URL: https://www.facebook.com/igor.shchupak.35/posts/873559049456076 (дата обращения: 09.05.2016).

6. Подробный историографический очерк см.: Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002.

7. Катастрофа // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1988. Т. 4. Кол. 139–178, 265.

8. Холокост: энциклопедия / ред. У. Лакёр, Ю.Т. Баумель. М., 2005.

9. Холокост на территории СССР: энциклопедия / гл. ред. И.А. Альтман. 2-е изд. испр. и доп. М., 2011.

10. Миф // Философский энциклопедический словарь. Академик. Словари и энциклопедии. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/733/МИФ (дата обращения: 05.05.2016).

11. Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени // Библиотека «Полка букиниста». Значимые книги отечественных и зарубежных авторов. URL: http://polbu.ru/rosenberg_estimation (дата обращения: 05.05.2016). Учитывая остроту дискуссий по вопросу юридической ответственности отрицания Холокоста, ссылки на работы современных отрицателей Холокоста не приводятся.

12. Щупак И. Указ. соч.

13. Там же.

14. Светлова К. Почему израильская пресса равнодушна к дню Победы // Facebook.com.URL:https://www.facebook.com/KsenchikS/posts/10154273324911414 (дата обращения: 09.05.2016).

К.Р. Мухаметшина, Н.А. Трапш

Добровольческие формирования Западного Кавказа в грузино-абхазском конфликте 1992–1993 гг.

Стремительное разрушение СССР вызвало резкое обострение этнополитических противоречий внутри новых государственных образований, произвольно признанных международных сообществом в искусственных границах, сформированных коммунистическим режимом. Жесткое столкновение сконструированных представлений о территориальной целостности и имманентного стремления малых народов к этническому и государственному самоопределению способствовало системному развитию нескольких масштабных конфликтов на постсоветском пространстве, среди которых особое место занимает грузино-абхазское противостояние, наметившееся в общих чертах еще в дореволюционный период. Вооруженное противоборство с мощным ментальным подтекстом завершилось убедительной победой Абхазии, одним из значимых факторов которой стала безоговорочная поддержка со стороны родственных этносов Западного Кавказа.

Избранная проблема традиционно привлекает значительное внимание отечественных и зарубежных исследователей, работающих в междисциплинарном поле. Среди многочисленных трудов, посвященных различным аспектам реального участия добровольческих формирований Западного Кавказа в грузино-абхазском конфликте, необходимо выделить фундаментальные статьи и монографии А.Ф. Авидзба, Н. Акаба, А.В. Кушхабиева, С.З. Лакоба, С.М. Маркедонова, Ш.Д. Халидова и И. Цушба, основанные на системном использовании эмпирического материала и отражающие различные подходы к рассматриваемым дискуссионным вопросам [1]. Указанным исследователям удалось отчетливо охарактеризовать общий геополитический контекст рассматриваемого вооруженного противостояния, идеологические и организационные аспекты добровольческого движения, боевой путь отдельных адыгских подразделений в составе абхазской армии. Внимание было также уделено сложной проблеме, связанной с системным взаимодействием различных общественных организаций Западного Кавказа с региональными властными структурами, а также информационной и технической поддержке многочисленных добровольцев, направлявшихся в Абхазию [2].

Практическое перемещение добровольческих подразделений, сформированных на Западном Кавказе, в Абхазию началось на второй день грузино-абхазского конфликта, синхронно с официальными политическими заявлениями Конфедерации горских народов Кавказа, Международной черкесской ассоциации, Конгресса кабардинского народа и других уполномоченных структур [3]. Прибывающие добровольцы незамедлительно отправлялись на наиболее сложные участки вооруженного

противостояния, сосредоточенного в начальный период на сухумском и гагрском направлениях. Более того, главные организаторы добровольческих соединений были вовлечены в сложный процесс последовательного формирования абхазской армии, создававшейся в критической ситуации без особой предварительной подготовки. В частности, полковник С. Сосналиев, возглавивший первую группу кабардинских добровольцев, уже 16 августа 1992 г. был назначен начальником штаба народного ополчения, а известный полевой командир И. Яганов в октябре 1992 г. стал военным комендантом Пицунды [4].

В современной историографической традиции встречаются достаточно радикальные оценки, характеризующие реальное участие адыгских добровольческих формирований в начальной стадии грузино-абхазского конфликта. Известный российский исследователь А.В. Кушхабиев полагал, что «в те дни абхазское население находилось в растерянности. В Гудауту прибывали группы беженцев из оккупированных районов. Часть населения республики поддалась паническим настроениям и устремилась в порты, откуда на катерах стала перебираться в российские города. Начало военных действий стало неожиданностью для руководства Абхазии. Несмотря на осложнения в отношениях с руководством Грузии, еще сохранялась возможность мирного урегулирования ситуации. Руководство Абхазии не готовилось к военным действиям – не были сформированы регулярные части. Некоторые депутаты ВС РА (Верховного Совета Республики Абхазия. – *К.М., Н.Т.*) считали сопротивление нецелесообразным и ратовали за капитуляцию. Появление кабардинских добровольцев произвело морально-психологический эффект и способствовало кардинальному изменению ситуации; руководство и население Абхазии вышли из состояния “растерянности” и стали готовиться к обороне» [5].

Как представляется, подобный подход существенно искажает реальную обстановку в Абхазии, преувеличивая пораженческие настроения и формируя неадекватные представления о практических действиях местных властей во главе с В. Ардзинба. Абхазскому лидеру удалось мобилизовать различные этнические группы и организовать достаточно эффективное сопротивление грузинским оккупационным войскам, учитывая колоссальное превосходство противостоящих подразделений Госсовета в живой силе и тяжелой технике [6].

Дискуссионный характер сохраняет также серьезная проблема, связанная с комплексной оценкой реального отношения российских властей к северокавказским добровольцам, вовлеченным в рассматриваемый конфликт. Целый ряд отечественных исследователей полагает, что официальная Москва, признавая формально территориальную целостность Грузии и осуждая добровольческое движение в поддержку Абхазии, в действительности не препятствовала свободному пересечению государственной границы вооруженными формированиями, действовавшими под эгидой Конфедерации горских народов Кавказа [7]. Более

того, северокавказские субъекты РФ оказывали латентную поддержку местным добровольцам, получавшим не только открытые пограничные коридоры, но и необходимое продовольствие и снаряжение.

Однако в современной историографии существует и противоположная позиция, согласно которой российские власти всецело поддерживали грузинского лидера Э. Шеварднадзе, опасаясь синхронного роста сепаратистских настроений на Северном Кавказе [8]. В частности, известный абхазский исследователь С.З. Лакоба полагал, что «конфедераты стали пробиваться в Абхазию через горные перевалы, где им преграждали путь российские пограничники и военные. Однако решительный настрой добровольцев, их готовность вступить в бой приводили к вынужденному компромиссу» [9].

Как представляется, открытая поддержка режима Э. Шеварднадзе со стороны российской исполнительной власти, санкционировавшей передачу грузинской армии значительного количества тяжелой техники и стрелкового оружия Закавказского военного округа, в значительно степени нивелировалась открытым содействием Абхазии со стороны северокавказских субъектов РФ, а также латентной и открытой конфронтацией властных структур федерального центра, в рамках которой Верховный Совет РФ нередко поддерживал гудаутское правительство, действуя вопреки президентскому внешнеполитическому курсу.

Реальное участие добровольческих подразделений Западного Кавказа в боевых действиях абхазской армии на гагрском и сухумском направлениях достаточно подробно проанализировано современными исследователями, использовавшими не только официальные документы, но и многочисленные интервью непосредственных участников рассматриваемых событий и другие материалы устной истории [10]. Адыгские добровольцы традиционно входили в состав ударных группировок в период наступательных операций, отметившись выдающимся личным мужеством и массовым героизмом. В частности, добровольческие подразделения с Западного Кавказа под командованием И. Яганова и Г. Карданова сыграли важную роль в октябрьском наступлении 1992 г., главным итогом которого стало полное освобождение Гагринского района и последующий выход к государственной границе РФ на реке Псоу [11]. Адыгские добровольцы активно участвовали и в наступательных операциях на сухумском направлении, где отличились сводные отряды из Адыгеи и Карачаево-Черкессии, а М. Килба стал первым заместителем командующего Гумистинским фронтом [12].

В настоящее время реальная роль северокавказских добровольцев в грузино-абхазском конфликте получает дифференцированные оценки, что в значительной степени определяется современной политической конъюнктурой. По справедливому замечанию А.В. Кушхабиева, «вплоть до настоящего времени в среде ученых и общественности КБР и других республик Северного Кавказа нет единого мнения относительно значимости помощи, оказанной народами Северного Кавказа и, в частности,

народами КБР, народу Абхазии в борьбе за независимость. Сторонники скептического подхода утверждают, что эта помощь не была сколь-либо существенной и не могла повлиять на ход событий в Абхазии. Сторонники противоположной точки зрения считают, что судьба Абхазии в значительной степени решалась на Северном Кавказе. В данном вопросе следует учесть мнения как самих участников событий – добровольцев, так и представителей руководства Абхазии. Респонденты из числа кабардинских добровольцев отметили, что победу в войне одержал народ Абхазии. Политическая и моральная поддержка народа Абхазии, гуманитарная помощь, а также участие северокавказских добровольцев в военных действиях были эффективными и своевременными и способствовали победе народа Абхазии» [13].

Как представляется, добровольческое движение стало важнейшим фактором, предопределившим общую победу Абхазии в вооруженном конфликте с Грузией и способствовавшим системному укреплению социально-политических и культурных контактов горских сообществ Западного Кавказа. В концентрированном виде подобную оценку высказал в яркой и образной форме первый Президент Республики Абхазия В. Ардзинба, заявивший на 2-м Всемирном конгрессе абхазо-абазинского (абаза) народа 24–27 июля 1994 г.: «Мы прижались к могучим плечам своих единокровных братьев, протянули к ним руки за помощью, и они ответили нам крепким рукопожатием» [14].

Примечания

1. Авидзба А.Ф. Отечественная война (1992–1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. Сухум, 2008; Его же. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.): в 2 кн. Сухум, 2013; Акаба Н. Северокавказский фактор в абхазо-грузинском вооруженном конфликте 1992–1993 гг. // International Alert. 2012. Июль. С. 25–32; Кушхабиев А.В. Кабардино-Балкария и грузино-абхазский военный конфликт // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2006. № 3. С. 344–370; Лакоба С.З. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? (О политике России в Абхазии в постсоветский период. 1991–2000 гг.). Sapporo, 2001; Маркедонов С. Грузия – Абхазия – Северный Кавказ. URL: http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21067 (дата обращения: 14.02.2016); Халидов Ш.Д. Северный Кавказ в Отечественной войне Абхазии (1992–1993 гг.). Сухум, 2014; Цушба И. Добровольцы Отечественной войны народа Абхазии (август 1992 – сентябрь 1993 гг.). Сухум, 2000.

2. Кушхабиев А.В. Указ. соч.; Цушба И. Указ. соч.

3. Кушхабиев А.В. Указ. соч. С. 347.

4. Там же. С. 349.

5. Там же. С. 350.

6. Авидзба А.Ф. Отечественная война (1992–1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. С. 105–121; Его же. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Т. 1. С. 482–484; Цушба И. Указ. соч. С. 4–6.

7. Акаба Н. Указ. соч. С. 25–32; Кушхабиев А.В. Указ. соч. С. 344–370; Маркедонов С. Указ. соч.; Цушба И. Указ. соч. С. 8–10.

8. Авидзба А.Ф. Отечественная война (1992–1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. С. 129–135; Его же. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Т. 1. С. 26–30. Лакоба С.З. Указ. соч. С. 13–15

9. Лакоба С.З. Указ. соч. С. 43.

10. Авидзба А.Ф. Отечественная война (1992–1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. Его же. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Акаба Н. Указ. соч. С. 25–32; Кушхабиев А.В. Указ. соч. С. 344–370; Маркедонов С. Указ. соч.; Халидов Ш.Д. Указ. соч.; Цушба И. Указ. соч.

11. Авидзба А.Ф. Отечественная война (1992–1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. С. 239–247; Его же. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Т. 1. С. 260–262; Кушхабиев А.В. Указ. соч. С. 344–370; Цушба И. Указ. соч. С. 18, 20, 27, 34, 40.

12. Авидзба А.Ф. Отечественная война (1992–1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. С. 138–140; Его же. Проблемы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.). Т. 2. С. 296; Цушба И. Указ. соч. С. 20, 28, 71.

13. Кушхабиев А.В. Указ. соч. С. 368.

14. Там же. С. 370.

Е.М. Горюшина

Кооперация России и Турции в условиях геополитической нестабильности[1]

Политические изменения в мире, произошедшие за последние полтора десятка лет, свидетельствуют о чередовании форм геополитической нестабильности, экономического сотрудничества и конкуренции между традиционными игроками. Этому вопросу посвящен ряд исследований, выявляющих взаимосвязь между конкуренцией, конфликтом и сотрудничеством на примере некоторых государств: П. Гангопадхай [1], Р. Ревени и Х. Канг [2] и др. Стратегическая конкуренция в мировой политике как метод взаимодействия и влияния на эскалацию конфликта изучена в работе М. Коларези, К. Раслер и У.Р. Томпсона «Стратегическое соперничество в мировой политике: позиция, пространство и эскалация конфликта» [3]. Многообразные аспекты взаимоотношений Москвы и Анкары рассмотрены в исследованиях З. Ониса [4] и Д. Сезера [5]. С учетом интересов Анкары и Москвы на Кавказе выделяется работа Г. Винроу [6]. Данная статья ставит задачу осуществить обзор основных сфер сотрудничества России и Турции в условиях современной геополитической нестабильности, а также продемонстрировать особенности взаимоотношений этих двух государств.

[1] Работа выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда №14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азово-Черноморском регионе».

Геополитическую нестабильность последних нескольких лет (2008–2015 гг.) можно описать посредством показателей Глобального индекса миролюбия (Global Peace Index; GPI). В этой статье допускается использование показателей GPI и других индексов для характеристики основных политических трендов при условии относительности приводимых данных. Согласно GPI за этот период, средний показатель в мире понизился на 2,4 %. Тем не менее снижение происходило неравномерно: в то время как в 86 государствах ситуация ухудшилась, в 76 государствах мира показатель был положительным. Регион Ближнего Востока и Северной Африки претерпел наибольшие негативные изменения, – его индикатор снизился на 11 % по сравнению с другими регионами за идентичный период. С 2008 г. фиксируется увеличение ущерба мировой экономике от насилия на 15,3 % [7]. Важно отметить, GPI – это попытка измерить уровень насилия внутри государства, а также уровень агрессивности его внешней политики.

Индекс хрупкости государств (Fragile States Index; FSI) демонстрирует резкое ухудшение ситуации на Украине наряду с Сирией и Ливией в период с 2014 по 2015 г. [8]. В процессе подготовки индекса все страны, охваченные исследованием, анализируются с помощью системного инструмента оценки конфликтов (Conflict Assessment System Tool; CAST) [9].

Еще до «Революции роз» (2003 г.) в Грузии и «Оранжевой революции» (2004 г.) на Украине турецкому правительству удалось добиться хороших отношений с этими постсоветскими республиками, с которыми в настоящее время Россия испытывает определенные трудности. Именно в период президентства М. Саакашвили отмечается пик политического взаимопонимания Турции и Грузии [10].

В апреле 2004 г. Турция и Украина выступили с инициативой укрепления стабильности в бассейне Чёрного моря и, соответственно, усиления кооперации в рамках Комплексного плана совместных действий (Comprehensive Joint Action Plan) по различным направлениям, включая торговлю, транспорт, сельское хозяйство, энергетику, научно-техническую сферу, туризм и охрану окружающей среды. План также предусматривал траекторию развития сотрудничества двух стран и после «Оранжевой революции». Тем не менее официальная Анкара была обеспокоена возможной дестабилизацией в Черноморском регионе в связи с событиями в Киеве и Тбилиси, опасаясь подобных политических акций в зоне ее интересов, особенно в Азербайджане [11]. В данном случае внешняя политика «удержания соседей» Турции была вполне оправдана, в то время как Россия предпринимала попытки развернуть на восток Украину и Грузию посредством лоббирования Евразийского союза.

Вооруженный конфликт в Южной Осетии 2008 г. оказался важным этапом взаимоотношений России и Турции. В контексте данной статьи необходимо обратить внимание на тот факт, что следствием этого конфликта стало дипломатическое сближение Турции с Арменией и Азербайджаном. Тезис доказуем беспрецедентным визитом президента

Турции Абдуллы Гюля на футбольный матч 6 сентября 2008 г. в столицу Армении [12]. Вероятно, Турция могла бы взять на себя роль посредника в этом случае, имея значительный опыт медиатора на Ближнем Востоке (до военного переворота 2013 г. роль посредника в конфликтах выполнял Египет). Грузия обратилась за помощью к Турции, однако для Анкары вопрос отношений с Москвой был сложным в силу того, что на тот момент свыше 30 % природного газа поступало из России. Как известно, с посреднической миссией выступил председатель Европейского совета президент Франции Н. Саркози.

Именно в 2008 г. Ближний Восток оказался в зоне повышенного внимания Турецкой Республики. Анкара провозгласила внешнеполитический курс согласно концепции «ноль проблем с соседями», которая позволила сблизиться с арабским миром. Однако прокатившаяся по региону «арабская весна» заставила пересмотреть данную стратегию. Так, в результате военного переворота 3 июля 2013 г. был свергнут М. Мурси, имеющий непосредственное отношение к «Братьям-мусульманам». В сентябре 2014 г. Р. Эрдоган заявил, что Турция примет лидеров «Братьев-мусульман», вынужденных покинуть Египет и Катар (государство, поддерживавшее «Братьев-мусульман») [13]. Незадолго до своего свержения Мурси совершил визит в Россию, целью которого была просьба о кредите в размере 3 млрд долларов. Российская сторона отказала [14]. Примечательна опосредованная роль России в данном вопросе.

Вскоре власть в Египте перешла к военным, а Турция лишилась политической и идеологической опоры в лице «Братьев-мусульман» в регионе, тем самым подорвав позиции Анкары на Ближнем Востоке [15]. Анкара потеряла свою дипломатическую мощь в Египте и осталась лишь с антиизраильской риторикой о независимости Палестины.

Безусловно, сегодня взоры турецкого руководства устремлены на соседнюю Сирию, где Турция вновь теряет политический авторитет, выступая против примирения между коалициями в сирийском конфликте, одновременно получая экономические преимущества от транзита дешевой нефти и продажи оружия [16].

Москва также предпринимает попытки разыграть ближневосточную карту, действуя на стороне Б. Асада, против которого официально выступает турецкий лидер Р. Эрдоган. Из этого следует, что начав военную кампанию в Сирии, Россия заявила о себе в регионе традиционных интересов Турции.

При этом современный украинский конфликт, продолжающееся насилие в регионе Донбасса и нарастающее напряжение между Европейским союзом, США и Россией в связи с событиями на Украине способствовали усилению роли Анкары и в Черноморском регионе – зоне исторического противостояния интересов России и Турции.

В целом поведение Турции на политической арене свидетельствует о попытке Анкары реконструировать в современной форме сферу влияния бывшей Османской империи. Турция активно вовлекается

в современные политические трансформации Ближнего Востока, руководствуясь «духом, создавшим империю османов» [17].

В последние годы Р. Эрдоган проявлял жесткую позицию по отношению к действиям Израиля против Палестины, поддерживал свергнутого президента-исламиста М. Мурси в Египте, выстраивал прочные отношения с суданским диктатором О. Баширом. Эрдоган использует неоосманскую риторику, призывая брать пример с султана Алп-Арслана, одержавшего решающую победу над Византийской империей. Следует напомнить о том, что Россия тоже рассматривала возможность взятия Константинополя. Известно, что Турция и Россия воевали между собой двенадцать раз, включая Первую мировую войну, в результате которой обе империи перестали существовать.

С 1946 г. и на протяжении всей холодной войны Турция выполняла важную функцию в связке с НАТО – служила своеобразной «линией фронта» для проверки советского экспансионизма. Следует подчеркнуть, что именно на этом фоне происходило столь стремительное сближение Турции и России. Как отмечает Г. Винроу, к концу 1990-х гг. турецкие власти стали пресекать свои симпатии по отношению к чеченской диаспоре на территории Турции, что, в свою очередь, позволило Кремлю снизить поддержку курдских повстанцев, выступающих против Анкары [18]. В настоящее время Москва вновь использует курдский фактор для решения политических задач в Сирии и Турции.

Немаловажным фактором выступило сотрудничество в сфере противодействия терроризму, которое было усилено после событий 11 сентября 2001 г. Спустя месяц (16 ноября 2001 г.) после трагических событий в США турецкие и российские министерства иностранных дел согласились на координирование своей партнерской политики в рамках «Совместного плана по кооперации в Евразии» (Joint Action Plan for Cooperation in Eurasia) [19].

Энергичный дипломатический трафик между Анкарой и Москвой наращивался наряду с укреплением власти «Партии справедливости и развития» (ПСР) (Adalet ve Kalkınma Partisi) в Турции. Новое соглашение о взаимовыгодном сотрудничестве между двумя государствами не заставило себя ждать – в Анкаре 6 декабря 2004 г. В.В. Путиным и А.Н. Сезером была подписана «Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой» [20].

В декабре 2004 г. состоялся первый за всю пятивековую историю российско-турецких отношений визит главы Российского государства, если не считать приезда в Турцию в 1972 г. Н. Подгорного [21].

В этой связи интересно, что пять лет назад многие отечественные аналитики отмечали положительную тенденцию во взаимоотношениях России и Турции, прогнозируя максимальное сближение в области двустороннего сотрудничества [22]. Как правило, подтверждение этого тезиса эксперты находят в экономической кооперации двух государств. Следует более подробно рассмотреть данную сферу.

В 2008 г. товарооборот России и Турции составил 34 млрд долларов. При этом доля энергоносителей в российском экспорте в Турцию (28 млрд долларов) превалировала над долей металлов и изделий из них – 70 % и 20 %. Российский импорт состоял из доминирующего сегмента в 30 % машин, оборудования и транспортных средств, 15–20 % составляло продовольствие и лишь 13–15 % – потребительские товары. Основным торговым партнером Турции в Южном федеральном округе на тот момент являлась Ростовская область. Товарооборот с ней составил 1,3 млрд долларов, экспорт – 0,78 млрд долларов, где сегмент металлов и изделий был основным – 0,3 млрд долларов, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 0,18 млрд долларов, а продукция топливно-энергетического комплекса составила 0,17 млрд долларов. Импорт Ростовской области в Турции состоял преимущественно из продуктов питания – 0,47 млрд долларов. Совокупный объем прямых турецких инвестиций в России превысил 5 млрд долларов. Количество российских туристов на 2008 г. в Турции составило 10 % от числа всех гостей страны – 2,5 млн человек. Известно, что в период с 1998 по 2008 г. около 150 турецких строительных фирм заключили ряд контрактов на сумму свыше 20 млрд долларов [23].

Резонансным и в экономике, и в политике для 2008 г. оказался проект строительства РФ в Турции атомной электростанции (около 9 млрд долларов). Тендер на строительство подобного объекта близ города Мерсин был объявлен в марте 2008 г. Совместный российско-турецкий консорциум, в котором приняли участие «Атомстройэкспорт», «Интер РАО ЕЭС России» и турецкая “Teknik Park” успешно миновали все этапы конкурса. Однако спустя год России было отказано в строительстве. Только в мае 2010 г. обоими государствами было подписано Межправительственное соглашение о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации атомной электростанции в Турецкой Республике [24].

После того как был сбит российский Су-24 в ноябре 2015 г., статус строительства неясен: представители «Росатома» не комментируют реализацию проекта. В связи с уничтожением турецкими ВВС российского бомбардировщика были введены санкции в отношении Турции. В результате существенно пострадало экономическое сотрудничество между двумя странами.

По всей России работало свыше 100 турецких строительных организаций на крупных объектах Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Ростовской области и Краснодарского края. Неизбежно страдает российская экономика, которая продолжает терять крупные турецкие инвестиционные проекты и товары. В 2014 г. «Газпром» сделал ставку на строительство «Турецкого потока» в обход Украины. Однако строительство газопровода так и не началось: выборы в Турции и разногласия по цене поставок не позволили подписать межправительственные соглашения. Включение России в сирийскую кампанию лишь осложнило газовые переговоры с Анкарой. В результате политические

решения перевесили, и они могут обернуться потерей 44 млрд долларов взаимной торговли товарами и услугами [25].

До введения санкций Турция занимала второе место после Германии среди торговых партнеров России. При этом энергетическое сырье составляло две трети российского товарооборота с Турцией; металлы и сырьевой экспорт в республику достигали 85 % от общего экспорта. По данным за 2015 г., Турция занимает пятое место во внешней торговле с РФ [26]. Ожидается, что объем торговли сократится как минимум в 3 раза – до цифры в менее 10 млрд долларов.

Таким образом, невзирая на политическую и геоэкономическую конкуренцию России и Турции в условиях геополитической нестабильности, отношения этих двух государств базируются на системе «затраты-выгоды» (cost-benefit analysis). Турция действует по принципу raison d'état, или национальных интересов. Согласно этому принципу, во внешней политике государства должны доминировать рационализм и стремление максимизировать власть в рамках мировой политики с точки зрения анализа «затраты-выгоды» [27]. Однако, как верно утверждает У. Узер, внешняя политика Турции представляет собой комбинацию в большей мере националистических и эгоистических интересов [28].

При этом СССР, напротив, не обладал национальными интересами. Следовательно, в советском политическом языке это понятие отсутствовало – оно было импортировано из США уже после 1991 г. Поэтому справедливо говорить о существенно меньшем опыте реализации национальных интересов современной России. Из этого происходит сегодняшнее стремление России заявить о себе как о полноценном геополитическом игроке на Ближнем Востоке, где после распада СССР в 1991 г. полностью было утрачено ее влияние.

Россия и Турция, очевидно, не стремятся к эскалации конфликта друг с другом. Выведение его в открытую фазу создало бы ряд препятствий для России на Ближнем Востоке, учитывая влияние Турции и вышеобозначенный тезис о потере позиции Москвы в этом регионе. И Турция, и Россия опасаются экспорта джихадизма в случае успеха «Исламского государства» (ИГ – запрещенная в России организация). Также следует учитывать тот факт, что НАТО осторожно относится к амбициям Турции как в Черноморском регионе, так и на Ближнем Востоке, что выгодно для России.

Примечания

1. Gangopadhyay P. Economics of rivalry, conflict and cooperation // World Scientific. 2011. URL: http://www.worldscientific.com/doi/pdf/10.1142/9789814289917_fmatter (дата обращения: 29.03.2016).

2. Reuveny R., Kang H. Bilateral trade and political conflict/cooperation: do goods matter? // Journal of Peace Research. 1998. V. 35 (5). P. 581–602.

3. Colaresi M.P., Rasler K., Thompson W.R. Strategic rivalries in world politics: position, space and conflict escalation. Cambridge, 2008. 330 p.

4. Onis Z. Turkey and Post-Soviet states: potential and limits of regional power influence // Middle East. 2001. Vol. 5 (2). P. 66–74.

5. Sezer D.B. Turkish Russian relations: the challenges of reconciling geopolitical competition with economic partnership // Turkish Studies. 2000. Vol. 1 (1). P. 59–82.

6. Winrow G.M. Turkey, Russia and the Caucasus: common and diverging interests // Chatham House. 2009. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Europe/bp1109turkey.pdf (дата обращения: 03.04.2016).

7. Global Peace Index 2015. URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/06/Global-Peace-Index-Report-2015_0.pdf (дата обращения: 30.03.2016).

8. Fragile States Index. URL: http://foreignpolicy.com/2015/06/17/fragile-states-2015-islamic-state-ebola-ukraine-russia-ferguson/ (дата обращения: 30.03.2016).

9. Fragile States Index 2014: Рейтинг несостоятельности государств мира 2014 года // Информационно-аналитический портал «Центр гуманитарных технологий». 26.04.2014. URL: http://gtmarket.ru/news/2014/06/26/6836 (дата обращения: 30.03.2016); CAST: Conflict Assessment Framework Manual // The Fund for Peace. 10.03.2014. URL: http://library.fundforpeace.org/library/cfsir1418-castmanual2014-english-03a.pdf (дата обращения: 30.03.2016).

10. Contentious issues of security and the future of Turkey / ed. by N.A. Guney. Ashgate, 2007. P. 123.

11. Çelikpala M. There are ample grounds to further the strategic relationship between Ukraine and Turkey in the future // Enhancing security in the Black Sea Region and prospects for the Turkish-Ukrainian cooperation. Kyiv, 2011. P. 125.

12. Turkey, Armenia, Azerbaijan ministers to meet in NY // Reuters, 22.09.2008. URL: http://www.reuters.com/article/us-turkey-armenia-idUSTRE48M2FN20080923 (дата обращения: 20.05.2016).

13. Эрдоган: Турция предоставит убежище изгнанным лидерам «Братьев-мусульман» // ИА “IslamNews”. 16.09.2014. URL: http://www.islamnews.ru/news-433372.html (дата обращения: 02.04.2016).

14. Новый лидер Египта так же дорог России // Коммерсантъ. 20.04.2013. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2175703 (дата обращения: 03.04.2016).

15. Goryushina E. Multidimensional competition in the Black Sea Region // Turkish Policy Quarterly. 2014. Fall. P. 105–112. URL: http://turkishpolicy.com/pdf/vol_13-no_3-goryushina.pdf (дата обращения: 31.03.2016).

16. Petrolio e mani sulla Siria. Il gioco sporco della Turchia // Il Giornale on line S.R.L. 26.11.2015. URL: http://www.ilgiornale.it/news/politica/petrolio-e-mani-sulla-siria-gioco-sporco-turchia-1198648.html (дата обращения: 31.03.2016).

17. Erdogan träumt von einem neuen Reich der Osmanen // Die Welt. 26.11.2015. URL: http://www.welt.de/politik/ausland/article111529978/Erdogan-traeumt-von-einem-neuen-Reich-der-Osmanen.html (дата обращения: 31.03.2016).

18. Winrow G.M. Turkey and the newly independent states of Central Asia and the Caucasus. In A.Carkoglu & W.Hale (eds.), The Politics of Modern Turkey. London, Routledge. 2008. 1680 p.

19. Turkey’s political relations with Russian Federation // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-political-relations-with-russian-federation.en.mfa (дата обращения: 03.04.2016).

20. Там же; Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/901932447 (дата обращения: 03.04.2016).

21. Корнилов А.А., Сулейманов А. Евразийская дипломатия Анкары // Международная жизнь. 2010. № 4. С. 68–76.

22. Там же.

23. Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. IV. Причины и обстоятельства роста напряженности, поиск путей стабилизации на Северном Кавказе: специальный выпуск. Ростов н/Д, 2009. С. 29.

24. Строящиеся АЭС за рубежом // Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом». URL: http://www.rosatom.ru/aboutcorporation/bild_npp_2/ (дата обращения: 04.04.2016)

25. Удар на $44 млрд: во сколько может обойтись конфликт России и Турции // РБК (сайт), 24.11.2015. URL: http://www.rbc.ru/economics/24/11/2015/565491679a794731607274ef (дата обращения: 03.04.2016)

26. Россия заморозит экономические связи с Турцией // Эксперт Online, 26.11.2015. URL: http://expert.ru/2015/11/26/sanktsii-v-otnoshenii-turtsii/ (дата обращения: 03.04.2016); Россия и Турция: насколько связаны экономики двух стран // Русская служба Би-би-си. 24.11.2015. URL: http://www.bbc.com/russian/business/2015/11/151124_su24_russia_turkey_response (дата обращения: 04.04.2016).

27. Олейнов А.Г. Анализ международных отношений с позиций экономической теории // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №. 1. С. 15–24.

28. Uzer U. Identity and Turkish foreign policy: the Kemalist influence in Cyprus and the Caucasus (Library of International Relations). I.B. Tauris, 2010. 256 p.

Н.С. Седых

Терроризм как психологическая война: теоретико-эмпирический анализ

Сегодня эксперты Национального антитеррористического комитета констатируют, что пополнение рядов экстремистов происходит за счет молодых людей, представителей так называемого цифрового поколения. Это во многом обусловлено тем, что современный терроризм приобрел черты «бархатной» или «мягкой» войны, основанной на использовании различных средств массовой коммуникации (далее – СМК) для осуществления контроля над общественным мнением населения. По заявлениям идейных вдохновителей соответствующих организаций, в современных условиях медиаджихад рассматривается как равный по своей значимости войне с оружием в руках и может составлять 90 % от общих усилий экстремистов [1]. По словам известного исламиста аз-Заркауи Аймана аз-Завахири, «мы на войне, где более половины места занимает медиавойна за сердца нашей Уммы» [2]. Уточним, что исламизм является идейным течением в мусульманской мысли новейшего времени и основывается на представлении о необходимости утверждения в обществе и государстве в определенных политических границах или в планетарном масштабе господства всеобъемлющего исламского комплекса правил поведения – шариата [3].

Подчеркнем, что в современном мире сеть Интернет имеет особое значение в осуществлении коммуникаций на массовом уровне и является

ведущим способом взаимодействия, главным фактором влияния на процесс формирования мнений, суждений, убеждений представителей так называемого цифрового поколения, на которое сегодня и направлены основные пропагандистские усилия идеологов экстремизма. Лидеры террористических движений учитывают, что для подростков и молодежи цифровой мир есть не что иное как продолжение реального. Психологические исследования свидетельствуют: под влиянием различных онлайн-сообществ происходит значительная трансформация личностной и социальной идентичности юных пользователей сети. Это во многом обусловлено тем, что виртуальный образ является продуктом психической реальности, он порой кажется более живым, истинным, обладающим собственной активностью тем, кто много времени проводит онлайн. Компьютерная реальность рассматривается сегодня как тип виртуальной и обозначается как опыт новой эпохи, обнаруживший способность к изменчивости без предела, лабильность, интуитивность и иррационализм самой человеческой природы [4].

В интересах всемирного джихада действует около 5600 сайтов, причем каждый год открывается около 900 новых. Эти данные приводятся в монографии Д.А. Нечитайло «Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика», подготовленной в рамках деятельности Центра исследований проблем безопасности РАН [5]. Безусловно, столь сильная концентрация внимания террористов на медиасоставляющей их деструктивной деятельности определяется тем, что вследствие активного развития информационной сферы, по мнению С. Московичи, задача удержания власти предстает как коммуникативная [6]. Сходного мнения придерживается и известный американский футуролог Э. Тоффлер, полагающий, что на современном этапе знание и информация стали важнейшими ресурсами власти [7]. Вместе с тем идеология, согласно концепции зарубежного исследователя Д. Томпсона, является смысловой конструкцией, поскольку выражена символическими формами, представляющими собой широкую совокупность действий и высказываний, текстов и образов. В этой связи идеология рассматривается через призму путей и способов, в которых значение, мобилизованное посредством символических форм, служит установлению и поддержанию отношений доминирования [8].

В целях изучения особенностей организации информационно-психологического воздействия, направленного на вовлечение молодежи в терроризм, автор данной статьи провела эмпирическое исследование (2013–2015 гг.), первый этап которого представлял собой интервьюирование. Были записаны глубинные интервью с экспертами. В качестве экспертов выступили имам соборной мечети одного из российских городов, сотрудник специальных подразделений (опытный боец спецназа, регулярно выезжающий в составе соответствующих групп на территорию Северного Кавказа для решения задач, связанных со стабилизацией обстановки и участием в контртеррористических операциях), исламоведы

Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований Российского института стратегических исследований (город Казань) [9].

Наряду с этим были проведены беседы, построенные по принципу «фокусированного интервью» – опроса, сконцентрированного на определенной проблеме. Интервью проводились в форме групповых дискуссий, в которых принимали участие молодые люди в возрасте 18 лет, исповедующие традиционный ислам. Все респонденты являются студентами Южного федерального университета, прибывшими в Ростов-на-Дону из республик Северного Кавказа. Нами было проведено интервью с тремя группами, в состав каждой из них входило десять человек. В ходе беседы выяснилось, что некоторые из ее участников подвергались информационно-психологическому воздействию, организованному экстремистами посредством интернет-технологий, и лично знакомы с молодыми людьми, попавшими под влияние этих идей и пополнившими ряды террористических организаций.

В ходе беседы участники интервью неоднократно упоминали имя Саида Бурятского как одного из самых популярных деятелей в среде радикально настроенной молодежи, которая широко транслирует его идеи как в личном общении, так и при взаимодействии посредством интернет-коммуникации. Это побудило автора данной статьи провести кейс-исследование видеоматериалов С. Бурятского, размещенных на YouTube, и проанализировать коммуникативные приемы психологического влияния в ходе преднамеренного или непреднамеренного воздействия на психологическое состояние других людей, их чувства, мысли, действия с помощью вербальных, невербальных, паралингвистических средств. Затем были сопоставлены результаты кейс-анализа и высказывания респондентов относительно особенностей пропаганды и сделаны обобщающие выводы.

Итак, к способам информационно-психологического воздействия с целью вовлечения молодежи в терроризм относится, прежде всего, социальная риторика, базирующаяся на идеях справедливости, согласия, солидарности, выраженных в виде простых, понятных, доступных подавляющему большинству лозунгов. Это подтверждает, в частности, проведенный анализ видеолекций С. Бурятского, например, «Ответы на вопросы. Весна. Часть 1», занимающие лидирующие позиции по количеству просмотров на YouTube. В основе построения речи пропагандиста использованы приемы убеждающей коммуникации, которая нацелена на то, чтобы вызвать у аудитории определенные чувства, а также сформировать ценностные ориентации и установки, убедить в правомерности стратегий взаимодействия, сделать слушателя своим единомышленником. Коммуникативная форма в анализируемом случае – это убеждающая, призывающая к действию речь, в которой используются психологические приемы присоединения, формирование аттракции, создание атмосферы доверия. Ожидаемый результат такой коммуникации – привлечение партнера на свою позицию, изменение личностных

установок, взглядов, убеждений, переориентация целей. Ведущими коммуникативными средствами и технологиями выступают аргументация, демонстрация и доказательство, разъяснение и сравнительный анализ, факты, цифры и примеры, показывающие преимущества излагаемой позиции.

Это подтверждают высказывания участников фокусированного интервью. Например, следующее: «Для убеждения в своей правоте часто используются хадисы Пророка, т.е. то, что рассказывал Пророк. Но их приводят не полностью, и получается, что смысл уже другой, в пользу пропагандистов. Наряду с этим искажают при переводе с арабского выдержки из Корана. Например, одно и то же слово имеет разное значение в зависимости от контекста. Его переводят без соответствующего контексту смысла. И получается интерпретация в их пользу. Также и в своих лекциях берут, чуть-чуть изменяют, толкуют так, как им надо. И часто человек, это почитавший, уже верит в измененное, а не в правильное».

Причем в силу активной пропаганды в интернет-пространстве эти идеи стремительно распространяются среди молодежи. Как отметил один из участников нашей беседы, «такое впечатление, что в Дагестане – это своего рода мода для некоторых. Из-за того что очень сильная пропаганда в интернете. Даже в социальных сетях, таких как “Одноклассники”, “В контакте”, где “друзья” предлагают ознакомиться с интересной информацией, перейти по ссылкам на видеоматериалы, специальную литературу и другие источники».

В этой связи подчеркнем: язык, по мысли К. Леви-Стросса, позволяет передавать социальные практики и является психолингвистической структурой, с помощью которой не только сообщается, но и формируется психический опыт [10]. Это происходит в силу того, что человек одновременно извлекает смыслы из событий или опыта и придает смыслы событиям и опыту. Так формируются определенные психологические установки, программы действий и представления о механизмах их реализации. Другими словами, посредством социальной риторики происходит моральная легитимация насилия и формирование «экстремистского сознания».

Подобные технологии пропаганды широко использовались в целях морального оправдания насилия в период нацистской Германии. В результате целенаправленной деятельности к концу 1930-х гг., согласно данным историков и социологов, наиболее типичным сторонником нацизма являлся молодой человек в возрасте от 18 до 26 лет [11]. Одновременно с этим «инновационным» способом продвижения идей терроризма является виртуальный вирусный маркетинг, основанный на феномене психологического заражения и нацеленный на развитие лояльности к конкретным персонам, радикальным политическим проектам, социальным доктринам и предлагаемым методам их реализации. В этой связи используются различные информационные способы организации убеждающих воздействий (видеообращения, форумы,

тематические дискуссии, прямые призывы и т.д.). Общая цель – передать социальный опыт, практики и побудить к экстремистским действиям. Вирусным мероприятие или акция становится тогда, когда процесс распространения информации начинает подчиняться биологическим законам распространения вирусов, т.е. любой получатель информации искренне ею заинтересовывается и проникается идеей передать ее максимально быстро максимально большому количеству друзей, используя самые оперативные каналы (чаще всего интернет-месенджеры и социальные сети) [12]. Другими словами, речь идет о феномене психологического заражения, являющегося бессознательной, спонтанной формой включения личности в определенные психические состояния. Заражение осуществляется путем передачи психического настроя, обладающего большим эмоциональным зарядом, накалом чувств и страстей [13]. Отметим, что вирусный маркетинг в информационном мире заменил так называемое сарафанное радио, стал действенным инструментом формирования лояльности и продемонстрировал высокую эффективность при продвижении идей, организации пиар- и рекламных кампаний разной направленности. Очевидно, что лидеры террористических организаций также взяли этот метод на вооружение.

Терроризм сегодня является разновидностью психологической войны, значимым атрибутом которой является информационно-психологическое воздействие, заключающееся в изменении взглядов, мнений и других психологических явлений. Согласно современным воззрениям, психологическая война, в отличие от войн, в которых задействуется военная техника, происходит информационным способом. Это продиктовано тем, что данный способ в условиях глобальной информатизации социального пространства оказывается намного эффективнее, т.к. позволяет охватить широкую аудиторию и не причинить разрушений материальным средствам. В связи с этим на первое место выдвинулись «сражения за умы людей» за создание определенного общественного мнения посредством контролирования информационных потоков.

Это подтверждают также результаты второго этапа эмпирического исследования, проведенного автором данной статьи, отражающие особенности социальных представлений молодежи о субъектах терроризма, олицетворяющих собой угрозу безопасности жизни, здоровью и социальному благополучию. Данные социальные представления, как показали исследования автора, формируются под воздействием соответствующего медиадискурса, в котором терроризм представляется как одна из значимых угроз современности и раскрывается посредством позиционирования в дискурсе масс-медиа конкретных персон, являющихся проводниками экстремистской идеологии, их деятельности, ее причин и последствий [14]. Влияние дискурса масс-медиа на процесс формирования и развития социальных представлений во многом обусловлено тем, что сегодня СМК не только информируют население, но и выполняют конструирующую функцию. Особенно наглядно это проявляется,

когда речь идет о явлениях, недоступных для непосредственного чувственного восприятия обывателя, например, о терроризме и его разнообразных проявлениях.

Основным инструментом изучения социальных представлений о терроризме был метод семантического дифференциала (англ. semantic differential). Методика исследования разработана автором на базе анализа современного русского языка и отражает сформировавшиеся в нашей культуре представления о внешнем облике, социально-демографическом статусе и структуре личности. Методические материалы содержат 55 прилагательных, являющихся вербальными антонимами. Испытуемым предлагается охарактеризовать, используя 7-балльную шкалу оценки: а) террориста – лидера террористического движения, главные задачи которого состоят в развитии соответствующей идеологии, пропаганде и продвижении идей экстремизма и терроризма в целях вовлечения новых членов в ряды организации; б) террориста – исполнителя, члена террористического подполья, главные задачи которого состоят в участии в подготовке и совершении терактов; в) террориста-смертника (мужчину); г) террористку-смертницу (женщину).

В качестве респондентов выступили 176 человек (84 юноши и 92 девушки) в возрасте 19–22 года, являющиеся студентами психологического и экономического факультетов Южного федерального университета, расположенного в городе Ростове-на-Дону. Важно отметить, что этническая палитра Юга России самая пестрая и многообразная в стране. На небольшом пространстве проживают представители более 100 народов. Среди студентов, участвовавших в нашем исследовании, 9 % респондентов являются уроженцами города Назрань Республики Ингушетии, 5 % – уроженцы Ставропольского края, 4 % – Краснодарского края, 3 % прибыли на обучение из города Владикавказа (Северная Осетия – Алания), 59 % являются коренными жителями города Ростова-на-Дону, 20 % – уроженцы разных населенных пунктов Ростовской области.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов. Остановимся на некоторых их них. Представления молодежи о террористах, решающих в рамках осуществляемой ими деструктивной деятельности специфические задачи, имеют как общие черты, так и отличительные особенности. Внешний облик террористов – лидеров, исполнителей и смертников – независимо от пола последних описывается одинаковым набором характеристик. При этом доминирующими характеристиками являются: темноволосый(ая); смуглый(ая); кареглазый(ая). На наш взгляд, это во многом обусловлено фото- и видеосюжетами о террористических проявлениях и словесными портретами террористов, транслируемыми масс-медиа. Представления о социально-демографических характеристиках террористов также имеют ряд общих черт. Следует обратить особое внимание на то, что одной из доминирующих характеристик является «верующий (верующая)». Однако, по мнению священнослужителей, деятельность террористов противоречит основным религиозным постулатам.

Представления о чертах личности террористов-лидеров и исполнителей отражают представления о классических лидерах и исполнителях, занимающихся тем или иным видом деятельности. В частности, доминирующими характеристиками личности террориста-лидера являются: уверенный, волевой, деятельный, конкретный, решительный, сильный, серьезный. Вместе с тем террорист-исполнитель характеризуется прежде всего как трудолюбивый, добросовестный, сосредоточенный. В то же время образ террориста-смертника – как мужчины, так и женщины – выглядит «угрожающим»: враждебный(ая), решительный(ая), зависимый(ая), замкнутый(ая), угрюмый(ая), напряженный(ая), нелюдимый(ая).

Подводя итог, отметим, что представления о субъектах терроризма интерпретированы и структурированы. Это находит конкретное вербальное воплощение в характеристиках, которые транслируют смысловое содержание, закрепившееся в обыденном сознании, и реализуется в том числе и в дискурсивных практиках, используемых в настоящее время как в рамках обыденного, так и публицистического дискурса для описания широкого круга жизненных явлений, не имеющих прямого отношения к терроризму и терактам, но определенным образом соотносимых с данным смысловым содержаниям. Это свидетельствует, что главные цели акций террора достигаются путем психологического воздействия на лиц, не являющихся непосредственными жертвами насилия, и состоят в информационно-психологическом воздействии, проявляющемся в трансформации социального мышления, влекущей за собой впоследствии изменение поведения индивидов и групп [15].

Таким образом, в настоящее время необходимо социальное моделирование и проектирование эффективных механизмов антитеррористического воздействия в условиях глобальной информатизации. Очевидно, что назрела необходимость активного использования позитивного потенциала ислама в идеологическом противодействии терроризму, которое в современных условиях должно осуществляться преимущественно посредством сетевой коммуникации и технологий виртуального вирусного маркетинга. Такая позиция автора обусловлена, с одной стороны, результатами проведенного эмпирического исследования, с другой – тем, что современное общество, по мнению ряда исследователей (М. Кастельс, И.Е. Москалев, А.В. Назарчук, Р. Роуз, М. Фасслер), трансформируется в сетевое, имеющее особую логику развития, создающую новую социокультурную реальность, формирующую принципиально новый стиль мышления. Сегодня сеть начинает осмысливаться как способ бытия человека и как способ самопорождения человека, в том числе на ментальном и духовном уровнях, а само понятие сеть обретает методологическое звучание вне связи с информационно-техническими процессами [16].

Итак, необходимо создавать инновационные методики развития стратегий и практик сетевого дискурса, нацеленного на формирование антитеррористических ценностей в молодежной среде. В этой связи перспективен медиационный подход, сущность которого состоит в признании

ценности человеческой жизни, уникальности каждой отдельной личности, принятии, уважении права каждого на удовлетворение собственных потребностей и защиту своих интересов (но не в ущерб чужим).

Примечания

1. Нечитайло Д.А. Современный радикальный экстремизм: стратегия и тактика / отв. ред. В.Л. Шульц. М., 2011. С. 44.
2. Там же. С. 81.
3. Там же. С. 401.
4. Palfrey, J., Gasser U. Born Digital. Understanding the First Generation of Digital Natives. N.Y., 2008. P. 7.
5. Нечитайло Д.А. Указ соч. С. 125.
6. Московичи С. Социальные представления. Исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 11–22.
7. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2004. С. 321.
8. Thompson J.B. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford, 1990. P. 56–66.
9. Седых Н.С. Информационно-психологические способы воздействия в подготовке террористов-смертников // NB: Психология и психотехника. 2014. № 4. С. 126–165. DOI: 10.7256/2306-0425.2014.4.12912. URL: http://e-notabene.ru/psp/article_12912.html (дата обращения: 25.04.2016).
10. Levi-Strauss C. Structural Antropology. London, 1968. P. 98.
11. Дацишина М.В. Идеологическая мобилизация молодежи: опыт нацистской Германии // Вестник высшей школы. 2011. № 5. С. 81–96.
12. Процент // Википедия свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Процент (дата обращения: 25.04.2016).
13. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 2002. С. 12.
14. Седых Н.С. Медиадискурс о терроризме в контексте информационно-психологических угроз современности // Психолог. 2015. № 5. С. 96–127. DOI: 10.7256/2409-8701.2015.5.15940. URL: http://e-notabene.ru/psp/article_15940.html (дата обращения: 25.04.2016).
15. Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности. М., 2006. С. 43.
16. Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне / пер. с англ. И. Летберга. М., 2012. С. 119.

А.М. Моисеев, А.М. Жигулин

Донбасс: международный характер конфликта и технология его документирования

Результатом неприятия юго-восточными регионами Украины государственного переворота, произошедшего в городе Киеве 20–23 февраля 2014 г., стало провозглашение Донецкой Народной Республики. Таким действием было реализовано право народа Донбасса на самоопределение. С апреля 2014 г. на этой территории проводится антитеррористическая операция (АТО) с участием военизированных формирований,

Национальной гвардии Украины, Вооруженных сил Украины [1]. Вместе с тем наблюдается различие позиций участников данного вооруженного конфликта относительно его международно-правовой квалификации.

В условиях вооруженного противостояния наблюдатели фиксируют многочисленные события с признаками нарушения правил ведения войны, военных преступлений, преступлений против человечности, которые могут стать предметом рассмотрения в международных судебных инстанциях. В международной практике фиксацию следов преступлений в таких случаях берут на себя неправительственные правозащитные организации [2]. Продукт их деятельности может быть передан на рассмотрение в Международный уголовный суд [3]. В самоопределившейся Донецкой Народной Республике создана общественная комиссия по документированию военных преступлений. Однако чтобы послужить поводом для возбуждения судебного расследования, собранные общественными организациями сведения должны отвечать ряду критериев международного уголовного судопроизводства. В связи с этим актуализируется вопрос о научных основах технологии документирования, осуществляемого общественной комиссией. Цель нашего исследования – конкретизировать вид военного противостояния на самоопределившейся территории Донбасса, определить понятие технологии документирования военных преступлений.

Современные политологи отмечают, что порядок мироустройства, сформированный после Второй мировой войны, находится в критическом состоянии. Многие государства отступают от общепринятых международных норм, выходят за рамки основных ограничений, кодифицированных в Гаагских конвенциях, Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. и дополнительных протоколах к ним 1977 г., резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и других документах. Международное гуманитарное право выделяет два основных вида вооруженных конфликтов: 1) международные вооруженные конфликты; 2) вооруженные конфликты немеждународного характера. Акцентируем внимание на существовании также и смешанных вооруженных конфликтов, которые могут происходить с прямым или непрямым вмешательством другого государства. В качестве основания для квалификации конфликта выбираем субъектный состав сторон – его участников.

Сложность в квалификации вызывает ситуация, когда в конфликте участвуют с одной стороны правительственные силы, а с другой – повстанцы. Здесь значение приобретает субъективное отношение повстанческой стороны к целям своей борьбы. Оно, как правило, обосновано национально-освободительным мотивом. При конкретизации различных аспектов – исторического, культурного, языкового, религиозного, национального – позиция этой воюющей стороны может свидетельствовать о необходимости международно-правового признания территории, претендующей на политическую самостоятельность. Поэтому международное признание мотива воюющей повстанческой

стороны считаем основным критерием для квалификации вооруженного конфликта. В подтверждение этого отметим, что Сильван Вите – юридический советник юридического отдела Международного комитета Красного Креста (далее – МККК) указывает, что после принятия Дополнительного протокола I 1977 г. сфера применения права международных вооруженных конфликтов уже не ограничивается межгосударственными конфликтами stricto sensu (в узком смысле. – *Авт.*) и охватывает конфликты, происходящие между правительственными силами и некоторыми неправительственными группами, т.е. народами, сражающимися за осуществление своего права на самоопределение. Протокол предусматривает, что ситуации, указанные в статье 2, общей для Женевских конвенций 1949 г., включают «вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществление своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» [4].

Традиционно важную роль в квалификации типа вооруженного конфликта выполняет МККК. Он призван осуществлять поддержку в реализации международного гуманитарного права. Применительно к текущим событиям на Донбассе глава миссии МККК в Украине высказался о том, что данная организация квалифицирует эти события как вооруженный конфликт немеждународного характера: «В соответствии с международным гуманитарным правом, существует несколько классификаций случаев насилия. На данный момент мы оцениваем ситуацию на Донбассе как немеждународный вооруженный конфликт. При такой квалификации противостояния на территории конфликта действует третья, общая для всех Женевских конвенций статья, и применяются другие нормы Международного гуманитарного права. Стороны, вовлеченные в конфликт, обязаны уважать эти правила, – отметил представитель Комитета» [5].

Обращаем внимание на отсутствие каких-либо иных официально закрепленных позиций. Также отмечаем несовпадение позиции главы миссии МККК в Украине и основ международного гуманитарного права. Она не соответствует приведенному выше юридическому анализу Сильвана Вите, поскольку не учитывает национально-освободительный мотив. События, происходящие на Донбассе, представляют собой вооруженное столкновение между правительственными силами и неправительственными группами, т.е. народом (населением соответствующей территории). Дополнительно отметим, что особенностью реализации права на самоопределение в Донецкой области явилось стремление к воссоединению с Российской Федерацией: «…население Донбасса, голосуя за независимость в 2014 году, фактически голосовало за присоединение к России» [6]. Именно поэтому позиция МККК о квалификации

событий на Донбассе 2014–2015 гг. в качестве вооруженного конфликта немеждународного характера может быть поставленной под сомнение. Таким образом, противоречие позиций международных участников конфликта на Донбассе обусловлено различным их отношением к мотивам воюющей повстанческой стороны. Мирному разрешению социально-политического конфликта, происходящего на Донбассе, препятствует несовпадение взглядов участвующих в нем сторон на его сущность и причины. Международное гуманитарное право дает основания для квалификации конфликта на юго-востоке Украины как международного по признаку национально-освободительного мотива действий повстанческой стороны.

Между тем на территории Донбасса международные наблюдатели фиксируют многочисленные события с признаками нарушения правил ведения войны, военных преступлений, преступлений против человечности, которые могут стать предметом рассмотрения в международных судебных инстанциях. Однако для правоохранительных органов общепризнанной юрисдикции в сложившихся условиях затруднен доступ к источникам информации о преступлениях такого рода.

Материалы, собранные общественной комиссией в ходе документирования, характеризуются значительным объемом и поэтому требуют систематизации и предварительной обработки. Для этого применяют технологии соответствующего профиля [7]. Они используются для управления ресурсами (информационными, техническими, другими), имеющимися в распоряжении общественной комиссии, с целью обеспечения его эффективности.

Технологии представляют собой упорядоченную совокупность действий [8], в структуру которых входят отдельные рабочие операции, ситуационно обусловленные [9]. Технологии активно внедряются в различные виды правоохранительной и судебной деятельности [10]. Одной из основных в ней считается регистрационная функция информационных технологий [11]. В первую очередь они связаны с информацией, технологичность обработки которой определяется ее значительным объемом [12], точностью и достоверностью отображения юридических фактов [13]. Таким образом, важной чертой технологий в практике судопроизводства является их управленческий характер.

Выполним выделение признаков технологии документирования, которые представляются существенными для определения этого понятия. Технологии документирования рассматриваем как управленческие средства выполнения стоящих перед общественной комиссией заданий. Свойства таких технологий определены их исследовательской природой, управленческим содержанием, связанным с работой общественной комиссии, а также кадровым обеспечением проведения документирования. В структуре технологий документирования можно выделить элементы организационного, кадрового, научно-методического и материально-технического обеспечения работы по решению

определенного задания. Если принять такой подход, признаком технологий документирования можно назвать их принадлежность к общественной деятельности, в отличие от технологий в других сферах социальной практики. Такая принадлежность означает их применение в работе общественной комиссии, урегулированной соответствующей нормативно-правовой базой. Эта работа выполняется ее членами, обеспечивается другими участниками документирования. Например, общественность осуществляет контролирующие функции относительно выбора объекта и подбора кадрового состава рабочей группы, производящей документирование. Эксперт (комиссия экспертов), используя свои специальные знания, выполняет исследование промежуточных результатов документирования с целью их упорядочения и установления имеющихся в них противоречий объективного характера. Таким образом, признак принадлежности к общественной деятельности отражает общественные, юридические, управленческие, субъектные свойства технологий документирования, а также специфику заданий, для выполнения которых их применяют.

Деятельность общественной комиссии направлена на обеспечение международного правосудия объективными и достоверными результатами документирования преступлений данного вида. Эти результаты можно определить как его обстоятельства, устанавливаемые проведением документирования. Иными словами, материалы документирования содержат информацию, которая может приобрести статус доказательственной в международном судопроизводстве, и поэтому должна отвечать критериям полноты, объективности и достоверности. Можно признать, что технологии документирования направлены на обеспечение международных судебных инстанций такой информацией. Тогда признаком технологий документирования, вытекающим из их принадлежности к международной судебной деятельности, становится специфическое задание на их применение – обеспечение максимального объема объективной и достоверной информации, извлекаемой и обрабатываемой в процессе производства документирования и имеющей значение для принятия верного решения международной судебной инстанцией. Этот признак необходимо рассматривать с учетом критерия оптимизации в технологиях, который можно сформулировать как минимизацию риска потери информации, имеющей значение для международного судопроизводства. Таким образом, существенным признаком технологий документирования становится их информационный характер.

Заметим, что в силу множественности и противоречивости, материалы необходимо упорядочить, прежде чем предоставлять в судебные инстанции международной юрисдикции. Такую работу общественная комиссия в лице председателя поручает эксперту (комиссии экспертов) соответствующей квалификации. В результате проведения экспертного исследования собранные в ходе документирования следы будут представлены в систематизированном виде с актуализацией существующих

связей между следами [14]. Поэтому считаем целесообразным привлекать к документированию эксперта (комиссию экспертов), перед которым поставить задачу исследования и систематизации зафиксированных специалистами обстоятельств события.

Формирование промежуточных выводов и оформление итогового заключения по результатам документирования – завершающий этап применения таких технологий. Его включение в структуру технологий документирования обусловлено необходимостью доступной – для международных судебных инстанций, а также для представителей широкого круга общественности – формы представления хода и результатов фиксации и исследования обстоятельств документируемого события.

Таким образом, указанные технологии содержат управленческие ресурсы для обеспечения результативного применения исследовательских приемов и методов. Технология документирования является элементом структуры общественной деятельности, направленной на обеспечение судебного рассмотрения преступлений международного характера, совершаемых на территориях международного вооруженного конфликта.

Из общественной природы экспертных технологий документирования вытекает определение их субъекта, в качестве которого выступает общественная комиссия. С точки зрения международного права она является внепроцессуальным субъектом, предоставляющим доказательств в международные судебные инстанции [15]. Принимая во внимание основные направления общественной деятельности, считаем очевидным, что в такой технологии управление документированием осуществляет председатель общественной комиссии, а фиксацией обстоятельств события – руководитель рабочей группы специалистов. Этих членов рабочей группы, а также эксперта (комиссию экспертов) именуем участниками документирования (по направления применения специальных знаний). К участникам документирования относим и представителей общественности, осуществляющих общественный контроль над ходом и результатами документирования (по направлению организационно-контрольной деятельности). Таким образом, специальный субъект (общественная комиссия), а также круг участников становятся признаком, отражающим общественную природу, специфику заданий и структуру технологий документирования.

Эффективность общественной деятельности данного содержания достигается путем оптимального применения имеющихся ресурсов общественной комиссии (материальных, технических и финансовых, трудовых, интеллектуальных, нормативно-правовых). Т.е. технологии документирования предназначены для приспособления такой общественной работы к реальным условиям, сложившимся на территории вооруженного конфликта. Поскольку эти технологии содержат операции по фиксации и исследования обстоятельств преступления, то в них должны быть предусмотрены правила по выбору специальных методик, соответствующих конкретным условиям. Технологии документирования

позволяют учитывать сложившиеся ситуации, т.е. адаптировать к ним действия общественной комиссии. Таким образом, адаптивность становится признаком технологий документирования, который отображает их оптимизирующую роль в общественной деятельности данного направления.

Подводим итоги. Технология документирования представляет собой систему действий общественной комиссии по проведению достоверного и научно-обоснованного документирования преступлений в условиях международного конфликта. Конфликт, происходящий на Донбассе, следует квалифицировать как международный. Сторонами в нем являются государство Украины и самоопределившееся новое государство. Всеобщее признание международного характера этого конфликта выступает необходимым условием его мирного разрешения. Результаты производимого общественной комиссией документирования преступлений на территории вооруженного конфликта станут основанием для принятия справедливого решения международными судебными инстанциями.

Примечания

1. О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 13 апреля 2014 года «О неотложных мерах по преодолению террористической угрозы и сохранению территориальной целостности Украины»: Указ Президента от 14 апреля 2014 г. № 405/2014 // Офіційний вісник Президента України. 2014. № 14 (14.04.2014). Ст. 745.

2. Хазиев Ш.Н. Международное право и судебная экспертиза. М., 2014.

3. Жигулин А. Общественность в условиях социального конфликта: юридико-международный аспект // Вестник Российской нации. 2015. № 5. С. 250–261.

4. Сильван Вите. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации. URL: https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/vite.pdf (дата обращения: 13.05.2016).

5. Красный Крест не нашел в Украине признаков войны с другим государством // Корреспондент.net. 2014. 10 октября. URL: http://korrespondent.net/ukraine/politics/3430085-krasnyi-krest-ne-nashel-v-ukrayne-pryznakov-voiny-s-druhym-hosudarstvom (дата обращения: 13.05.2016).

6. Ищенко Р. Для Донбасса крымский вариант присоединения возможен // Накануне.ru. 2015. 27 августа. URL: http://www.nakanune.ru/articles/110834/ (дата обращения: 13.05.2016).

7. Моисеев А.М. Судебно-экспертная технология как средство объективизации следовой картины преступления // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сборник научных трудов. № 2 (38) / отв. ред. И.А. Силивончик. Минск, 2015. С. 58–63.

8. Шмонин А.В. Методология криминалистической методики. М., 2010. С. 365.

9. Коновалова В.О., Шепитько В.Ю. Юридична психологія: підручник. 2-е вид., перероб. и доп. Харків: Право, 2008. С. 33.

10. Бирюков В.В. Научные и практические основы использования компьютерных технологий для фиксации криминалистически значимой информации: монография. Луганск, 2002.

11. Усманов Р.А. Информационные основы предварительного расследования. М., 2006.

12. Гуславский В.С., Задорожный Ю.А., Андреев М.В. и др. Информационные технологии в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Луганской области. Луганск, 2002. С. 79.

13. Денісова О.О. Інформаційні системи і технології в юридичній діяльності: навчальний посібник. Київ, 2003. С. 305

14. Моисеев А. Экспертное исследование следов катастрофы: технологический подход // Криміналістика та судова експертиза: наука, навчання, практика: зб. наук. пр. у 2 т. Харків: 2014. Т. 2. С. 305–314.

15. Жигулин А. Указ. соч. С. 256.

Ю.Р. Федоровский

Современное казачество и его участие в войне в Новороссии

Есть мнение, что настоящее – родовое – казачество исчезло в горниле Гражданской войны 1917–1920 гг. Последние попытки периода перестройки и «национального возрождения» реставрировать эту архаичную институцию на националистической почве, особенно ярко проявившиеся на Украине, привели к печальным результатам. Казачье движение быстро обрело вид раздробленных групп политизированного или фольклорно-этнографического характера. О печальном состоянии современного казачьего движения на Луганщине писалось давно [1].

Однако «Русская весна» – 2014 дала всем участникам движения шанс на реализацию. Казакам представилась уникальная возможность продемонстрировать в реальности свои боевые качества. Рассмотрим, что вышло на практике.

Казачество Луганской и Донецкой областей Украины, привычно расколотое на «донских» и «украинских», размежевалось и по отношению к событиям «Второго майдана». Так, атаман Луганского округа донских казаков (далее – ЛОДК) Л. Рубан 12 февраля от имени Совета атаманов выступил с обращением к Президенту Российской Федерации В. Путину с просьбой «оказать военную поддержку народу», а атаман «Консолидированного казачества Луганской области» С. Коротун (начальник штаба Международного общественного объединения «Украинское казачество») осудил это обращение.

Массовые аресты лидеров антимайданного движения сотрудниками СБУ в ночь на 5 апреля 2014 г. коснулись и казаков: заместителя атамана ЛОДК по безопасности А. Сабакаря и руководителя краснодонской дружины «Пересвет» А. Дядюна. Эти действия стали детонатором социального взрыва. 6 апреля митингующие в Луганске взяли штурмом здание Управления СБУ и добились освобождения задержанных. Началась Донбасская революция. Основной ударной силой была колонна активистов-отставников, среди участников были и казаки: А. Конкин, Вс. Багринцев, А. Павлов. Они же стали родоначальниками нового боевого казачьего движения, т.к. практически все довоенные лидеры казаков бежали [2].

Есаул станицы Георгиевской В. Багринцев сформировал и возглавил Отдельный казачий взвод, позже влившийся в десантно-штурмовой батальон, а затем в казачий полк имени М. Платова. Атаман Ровеньковского юрта А. Конкин возглавил местный казачий гарнизон, затем был командиром 9-го батальона территориальной обороны Луганской Народной Республики. Атаман станицы Кадиевской (город Стаханов) А. Павлов сформировал отряд, выросший в батальон спецназначения «Леший», позднее влитый в 4-ю бригаду народной милиции.

С началом революции активизировались и представители донского казачества. Уже 9 апреля генерал Н. Козицын выпустил приказ № 36 о создании на Украине Казачьей национальной гвардии Международного союза общественных объединений «Всевеликое Войско Донское» (далее – КНГ ВВД). Ее командиром был назначен атаман Донецкого округа ВВД С. Гращенко, заместителями – В. Щекатунов (атаман Луганского округа) и атаман Миус-Донского округа В. Каленцов [3]. В Донецке проявляли активность и местные казаки: Ю. Сафоненко и А. Моклюк (активные участники Антимайдана).

Новый этап казачьего участия в событиях войны в Новороссии начался 3 мая в городе Антраците. Казаки под флагами Войска Донского заняли горсовет и начали призыв местных жителей, обеспечивая их формой и оружием. Вскоре место мэра города А. Ткаченко занял избранный на митинге 9 марта «народный мэр» А. Ткаленко, известный мастер-оружейник.

Начальный период казачьего «владычества» отмечен многочисленными самовольными арестами и даже пытками людей, казавшихся подозрительными. В числе жертв казаков – московский левый активист А. Морозов («Мурз»), бывший мэр В. Салита. Н. Козицын после недолгого пребывания в Антраците в начале июня предпочел перебраться в Перевальск, оставив вместо себя коменданта В. Керимова. По признанию А. Ткаленко, даже он был бессилен перед своеволием казачьей комендатуры [4].

Тогда же, в мае 2014 г., местная группа сопротивления «Оборона Свердловска» под руководством А. Гайдея (позывной «Рим») реорганизовалась в Первую казачью сотню имени С. Синельникова. В городе Ровеньки кроме местного казачьего гарнизона под командованием А. Конкина («Фотон») появился кошевой атаман Северо-Западного округа Ставропольского казачьего войска Союза казаков России П. Резников (военный комендант «Ильич»). Географическим пределом казачьего продвижения стало Дебальцево, куда их официально пригласила сессия горсовета 12 мая. На следующий день казаки вошли в город и взяли его под охрану «по просьбе жителей… для оказания помощи в поддержании правопорядка».

В Перевальске казаки Козицына появились в начале июня. Отряд ополченцев взял под контроль здания в центре города, вывесил флаг Войска Донского и начал строить баррикады. 6 июня Алчевский горотдел

СБУ был занят группой бойцов, объявивших себя новой военной комендатурой. Центральное правительство ЛНР оценило это как покушение на их сферу влияния. Перевальск фактически сросся с соседним Алчевском, где еще с 12 мая по приказу Главы ЛНР № 2 действовала официальная комендатура ЛНР от батальона «Заря», поэтому появление параллельных структур вызвало явное недовольство. 8, 16 и 20 июня 2014 г. руководство ЛНР и персонально глава В. Болотов выступили с жесткими обвинениями в мародерстве и предательстве в адрес «козицынцев» [5]. 18 июня Алчевская комендатура ЛНР официально признала единственным легитимным органом власти в городе военную комендатуру при Луганском народно-освободительном батальоне «Заря» во главе с В.В. Дубина [6]. Однако Перевальск остался «столицей» КНГ ВВД, и руководитель местного ополчения А. Сокол стал первым казачьим комендантом города и начальником службы безопасности КНГ. 18 июля, во время первого наступления ВСУ, он получил смертельное ранение и был награжден Н. Козицыным звездой «Герой казачьего народа». На посту коменданта его сменил Г. Ширко, депутат Верховного Совета ЛНР 1-го созыва, погибший в январе 2015 г. в боях за Чернухино.

22 мая на территории ЛНР начались серьезные боевые действия. Механизированные колонны Национальной гвардии и Вооруженных сил Украины двинулись к мостам через Северский Донец в районе промышленного узла Лисичанск – Северодонецк – Рубежное, где их встретило ожесточенное сопротивление ополченцев Армии Юго-Востока и казаков [7]. В этих боях был тяжело ранен атаман Стахановского юрта ЛОДК А. Петлеванный, и руководство перешло к участнику казачьей самообороны П. Дремову. После отставки командира Северодонецкого казачьего гарнизона С. Пака П. Дремов взял на себя командование и этим отрядом. А 7 июня было объявлено о соединении дремовцев с Народным ополчением Луганщины А. Мозгового. Объединенная группировка перешла в оперативное подчинение к главкому Народного ополчения Донбасса И. Стрелкову.

Этот союз оказался недолговечным. После отступления 5 июля отрядов Стрелкова из Славянска начался стремительный отход ополчения. Козицынцы без сопротивления оставили Дебальцево и Красный Лиман, район «треугольника» был также оставлен ополченцами, по некоторым данным, по приказу самого Стрелкова, во избежание окружения. Во второй половине июля начались атаки ВСУ на район Перевальск – Алчевск, отряды Мозгового и Дремова без особого сопротивления оставили Рубежное, Северодонецк, Лисичанск. Хотя некоторые отряды ополчения («Восток-13», отряд «Лешего», «Стахановское сопротивление», группа «Сибирь», комендатура, «Юная самооборона Лисичанска») отказались подчиниться приказу Мозгового об отступлении и около трех дней продолжали бои в городе [8]. После этого Дремов разорвал отношения с Мозговым и отступил в Стаханов, где вошел в подчинение к Козицыну и назвал свой отряд Первым казачьим полком имени М. Платова,

а батальон «Призрак» прибыл в Алчевск, где его состав пополнили местные ополченцы из батальона имени Александра Невского и казаки.

Прилегающий к Стаханову Первомайск был занят казаками еще в июне. Но его первые коменданты оказались довольно недолговечными: Милютин погиб, Субботин бежал. Лишь в сентябре по согласованию с Козицыным, военным комендантом и временным народным мэром (позже – исполняющим обязанности мэра) Первомайска (вместо Б. Бабия, уехавшим в Россию за гуманитарной помощью) был назначен Е. Ищенко из отряда Дремова. К сожалению, Ищенко незаслуженно негативно отнесся к деятельности бывшего мэра Бабия, хотя тот активно содействовал и митингам, и проведению референдума 11 мая. Осенью 2014 г. Первомайск подвергался жестоким бомбежкам со стороны карателей и был сильно разрушен.

После подписания Первого Минского соглашения в сентябре 2014 г. обстрелы территории ЛНР временно стихли. К тому времени вся южная часть ЛНР оказалась под контролем казачьих атаманов разного подчинения, признающих (во многом формально) своим главой Н. Козицына, всерьез выдвигавшего претензии на создание собственной квазидержавы Казакии. 7 сентября он провел в Перевальске военный парад всех своих отрядов, наглядно продемонстрировав многочисленные трофеи, почерпнутые из «Южного котла». Однако простые жители Стаханова [9], Красного Луча [10], Ровеньков [11] Антрацита [12] и др. не были в восторге от результатов казачьего правления, на практике зачастую выливавшегося в откровенные грабежи и контрабанду угля.

В сентябре 2014 г. казачьим комендантом Антрацита стал В. Пинижанин. В Ровеньках также прошла перетряска руководства: П. Резников был временно арестован, на посту коменданта его заменил А. Мкртчян, а 17 сентября – И. Кулькин. В это же время, согласно документам МГБ ЛНР, Козицын начал предпринимать шаги для взятия под контроль Антрацитовского района ради беспрепятственной добычи угля и контрабандной торговли им и дал указания арестовать руководство Красного Луча [13].

Этот город сыграл весомую роль в событиях «Русской весны». Отсюда вышли ряд депутатов Верховного Совета и министров ЛНР первого состава, мэр М. Филиппова была вполне лояльна ЛНР, за что украинские СМИ клеймили ее «сепаратисткой», а город летом сильно бомбили. Атаман Краснолучской станицы В. Савин при попытке эвакуировать раненых из разбомбленного госпиталя был убит национальными гвардейцами 4 июня у села Дьяково. Пытаясь найти временное решение, в сентябре 2014 г. Филиппова организовала «территориальную общину Красного Луча». В ее руководство вошли: М. Филиппова, депутат Верховного Совета ЛНР А. Андриянов, комендант И. Иванов, казачьи генералы С. Косогоров (Косогор) от Войска Донского, В. Петров от кубанского казачества и атаман Миус-Донского округа В. Каленцов.

22–23 октября козицынцы устроили в городе переворот. Комендант Петров был обвинен в расхищении гуманитарной помощи и арестован.

Затем донцы объявили, что он был преступно связан с М. Филипповой, и вся власть перешла в руки «окружного атамана Всевеликого Войска Донского Антрацитовского района» С. Косогора при формальном мэре Ю. Кондратенко, назначенном 27 октября приказом Н. Козицына [14].

Взяв район агломерации Красный Луч – Вахрушево – Петровское под контроль, Козицын развернул контрабанду донбасского угля на Украину. Многочисленные документы об этом обнародованы [15]. Центральные власти ЛНР были вынуждены некоторое время с этим мириться, ибо 20 октября было официально объявлено, что Глава ЛНР И. Плотницкий, комбриг «Призрака» А. Мозговой и атаман ВВД Н. Козицын достигли соглашения о единстве действий и поддержке назначенных на 2 ноября выборов. При этом руководство ЛНР начало поддерживать альтернативную «козицынцам» казачью организацию – ЛОДК ВВД Л. Рубана. Луганский округ донских казаков стал первой казачьей организацией, зарегистрированной в ЛНР.

КНГ ВВД также вела свою игру. 5 октября в Перевальске Н. Козицын предложил принять участие в выборах главы администрации Луганской области и выдвинуть кандидатом от имени казаков 7 городов и 37 станиц О. Бугрова. Однако, судя по формулировкам, это мероприятие носило декларативный характер [16].

Напряжение во взаимоотношениях властей ЛНР и казаков прорвалось после проведения избирательной кампании. 21 ноября на заседании Совета министров И. Плотницкий заявил о необходимости централизации власти [17], а 22 ноября по инициативе Л. Корсаковой в Перевальске под эгидой Козицына был проведен так называемый 2-й антифашистский съезд, фактически превращенный в очередную кампанию нападок на новоизбранного главу ЛНР.

28 ноября началась «зачистка» Антрацита. В ходе боестолкновений погибли казачий комендант В. Пинижанин и его заместитель М. Коваль. Атаман Козицын из России выступил с обращением к казакам, призвав их не поднимать оружие против своих соотечественников [18]. Заменившие Пинижанина коменданты КНГ ВВД С. Бондаренко (декабрь 2014 г.) и Р. Шакирзянов (январь 2015 г.) продолжали жестко критиковать Плотницкого. Однако начало было положено. Укрепляя свою власть в южных городах, подконтрольных казакам, И. Плотницкий 2 декабря переназначил мэров в 12 городах. Началась и реорганизация вооруженных сил: вместо Армии Юго-Востока создавалась Народная милиция [19].

После показательно жесткой ликвидации 1 января 2015 г. силовиками ЛНР популярного полевого командира А. Беднова («Бэтмена») зачистка казачьих и других нелояльных отрядов активизировалась. Официальным предлогом стало требование к тыловым гарнизонам выдвигаться на фронт к Дебальцево, сдать тяжелую бронетехнику и подчиниться центральным властям ЛНР.

18–21 января (после осады базы «Рима» в Свердловске) командующий юго-восточного направления КНГ ВВД А. Гайдей согласился выполнить

эти требования и остался руководить приграничным районом ЛНР до лета. Его заместитель Н. Нурулин после участия в штурме Чернухино стал начальником комендатуры сил территориальной обороны ЛНР. 21 января последовала «зачистка» города Ровеньки. Комендант И. Кулькин отправился на фронт под Дебальцево, сохранив номинально должность (затем был назначен командиром 3-го (13-го) батальона территориальной обороны «Егор»), отряд его заместителя П. Резникова был разоружен казаками А. Конкина, сам «Ильич» бежал обратно в Россию. С этого же времени П. Дремов резко снизил свою публичную активность и заявил, что не возражает против вхождения своего полка в состав Народной милиции.

Непокорные же подвергались силовому принуждению. После отказа краснолучского атамана Косогора выступать на фронт его группировка была разоружена 28 февраля, а сам он с ближайшим окружением (И. Иванов, В. Петрухин, В. Курочкин, А. Тараненко) оказался арестован. В этот же день в Антраците произошла попытка разоружения отряда «Русь». 15–18 марта последовала повторная «зачистка» Антрацита, командир «Руси» С. Бондаренко («Бендекс») скрылся (был задержан МВД ЛНР в Ровеньках 14 декабря 2015 г.).

7 марта главой ЛНР было подписано Положение «О территориальной обороне ЛНР», согласно которым, помимо Народной милиции, создавались батальоны территориальной обороны (далее – БТО). В состав этих формирований вошли реорганизованная бригада «Призрак», а также казачьи отряды и гарнизоны. А 30 марта вышел Указ №106/01/03/15 «О разоружении незаконных вооруженных формирований, не вошедших в состав Народной милиции ЛНР, подразделений территориальной обороны и правоохранительных органов Республики». В этот же день был разоружен 2-й казачий батальон атамана «Магадана» в городе Петровское. С Антрацита началась казачья эпоха – в нем же и закончилась. 1 апреля во исполнение указа главы ЛНР началась массовая сдача оружия местными казаками, а 9 апреля прошла окончательная зачистка.

Таким образом, полугодовая кампания (ноябрь 2014 г. – апрель 2015 г.) свела весь казачий юг бывшей Луганской области до одного казачьего полка в Стаханове под руководством П. Дремова, который успешно встроился в структуру ЛНР с сохранением прежней командной должности. Сохранили казачий характер также некоторые БТО, например № 11 «Атаман», № 16 «Ярга» (начальник штаба Р. Шакирзянов), но их постепенно разоружают (например, № 19 под командой Конкина – 4 июня 2015 г.). Атаман Л. Рубан в марте 2015 г. согласился вести работу по доставке и распределению гуманитарной помощи совместно с Центром управления восстановлением ЛНР. В деле реставрации общественного казачьего движения проявил активность атаман Общества донских казаков Луганска с 2008 г. В. Черепахин, возобновивший в октябре 2015 г. издание газеты «Казачий рубеж».

В Донецке, где влияние казаков было не таким сильным, их зачистили разово в начале мая 2015 г. Именно тогда атаман Ю. Сафоненко

потерял свой пост советника главы ДНР и бежал в Россию. Было арестовано около 200 членов КСОВД, а некоторые, например А. Якубенко, пошли под суд.

Не будем отрицать значительного участия казаков в боевых действиях в Новороссии: в боях за Северодонецк и Лисичанск (казаки Стахановского юрта), станицу Луганскую, Хрящеватое, луганский аэропорт (отряды В. Багринцева и И. Смирнова), боях под Новосветловкой (М. Кищик), при защите Трехизбенки (батальон П. Сбитнева) [20]. Но нельзя игнорировать и свидетельства очевидцев о низких боевых качествах казачьих подразделений, проявленных, например, при атаке на Дебальцево [21]. Ряд казачьих атаманов оказался по другую сторону фронта: А. Безручко, В. Ткаченко, Т. Патунь и др.

Подводя итоги, можно сказать, что большинство довоенных атаманов никак не проявили себя в боевых действиях в Донбассе. Им на смену выдвинулись новые лидеры – из простых людей или рядовых казаков. На первом этапе войны казаки сыграли свою роль, отбив, наряду с другими парамилитарными формированиями республик, атаки карателей и очистив от украинских структур значительные территории. Однако с началом выстраивания в двух республиках «Малой Новороссии» нового государственного аппарата их претензии на собственную квазидержавность или автономию, управленческая слабость и случаи «атаманщины» стали негативным фактором, казаки были жестко поставлены в рамки исключительно военной службы. Казачество сохраняет традиционное влияние в южных районах ЛНР, обусловленное, в частности, близостью мест традиционного расселения казачества в Российской Федерации, создающей потенциальную возможность для ротаций, гуманитарной и материальной помощи. Но в целом казачий вопрос в Новороссии можно считать закрытым.

Примечания

1. И еще раз о казаках. Современных. URL: http://yadocent.livejournal.com/124088.html (дата обращения: 09.03.2016).

2. Рубан Л. Народ – это звучит гордо! // XXI век. 2014. 14 октября. № 114.

3. Приказ МСОО ВВД № 36. URL: http://www.vvd2003.narod.ru/pr36_04_2014.htm (дата обращения: 09.03.2016).

4. Из личной беседы автора с А.А. Ткаленко. 12 мая 2015 г.

5. Федоровский Ю.Р. Луганская Народная Республика. Хронология событий // Создание ЛНР и военные действия на Луганщине глазами участников и очевидцев: сборник исторических источников. Луганск, 2015. С. 15.

6. Мусин Д. Меряются легитимностью. Одна алчевская военная комендатура объявила другую алчевскую военную комендатуру незаконной // Неделя плюс. 2014. 18 июня. № 25.

7. Луганский формат. 2014. 23 мая. № 9.

8. Федоровский Ю.Р. Указ. соч. С. 19.

9. Из Стаханова сообщают. URL: http://lugansk-lg-ua.livejournal.com/364609.html (дата обращения: 09.03.2016).

10. Город под властью К. URL: http://lug-info.com/news/one/krasnyi-luch-gorod-pod-vlastyu-k-2323 (дата обращения: 09.03.2016).

11. Казаки-преступники или убийство, о котором запрещено говорить. URL: https://fevrus.com/ubijstvo-aleksandra-polivanova-kotoroe-pytayutsya-skryt.html (дата обращения: 12.12.2015).

12. Отчаявшиеся жители городов Донбасса. URL: http://antratsit.net/blogs/1906-otchayavshiesya-zhiteli-gorodov-donbassa.html (дата обращения: 09.03.2016); Казаки в Антраците. URL: http://lugansk-lg-ua.livejournal.com/619469.html (дата обращения: 09.03.2016).

13. О деяниях казачьих. URL: http://yadocent.livejournal.com/694972.html (дата обращения: 09.03.2016).

14. Федоровский Ю.Р. Указ. соч. С. 27.

15. Березовская А. Украина тайно покупает уголь у т.н. «террористов-боевиков» из ЛНР (Документы). URL: http://ukraina.ru/ab/20141126/1011294076.html (дата обращения: 09.03.2016).

16. Глава ЛНР И. Плотницкий провел реорганизацию силовых министерств // XXI век. 2014. 10 октября. № 111.

17. «Не сила и оружие, но закон и порядок» // XXI век.. 2014. 22 ноября. № 148

18. Федоровский Ю.Р. Указ. соч. С. 34–35.

19. Глава ЛНР И. Плотницкий провел реорганизацию силовых министерств.

20. Рубан Л. Указ. соч.

21. Как казаки под Дебальцево воевали. URL: http://lugansk-lg-ua.livejournal.com/618613.html (дата обращения: 09.03.2016).

РАЗДЕЛ 3. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НА ФРОНТЕ, В ТЫЛУ И ОККУПАЦИИ. РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

А.Т. Урушадзе

«Покорение неприязненного края»: Кавказская война как война с Кавказом[1]

«Покорением неприязненного края» была названа Кавказская война в произведении Д.А. Милютина «Мысли о различных образах действий на Кавказе» [1]. Бросив взгляд на заглавия знаковых дореволюционных работ, посвященных присоединению Кавказа, мы не найдем указаний на «покорение» или «присоединение» народов: «История войны и владычества русских на Кавказе» Н.Ф. Дубровина, «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и биографиях» В.А. Потто, «Историческая записка об управлении Кавказом» С.С. Эсадзе, монументальное, но незавершенное «Утверждение русского владычества на Кавказе».

«Летописцы» Кавказской войны, многие из которых были ее участниками, писали о победах и поражениях русской армии как о противоборстве с территорией, землей, а не с людьми. Особость войны на Кавказе воспринималась, а затем и конструировалась современниками во многом через перспективу особенностей природно-климатических условий края. Горцы были чрезвычайно «престижными» соперниками для русских солдат и офицеров, но преимущественно в ландшафтных «декорациях» Кавказа.

Русский человек – это человек равнины, открытого простора. Резкая смена пространственной горизонтали (равнины) на пространственную вертикаль (горы) вызывала смешанные чувства восторга и страха. Именно горы стали символом Кавказа для русского человека в XIX в. и во многом остаются подобным символом и ныне. «Радикальная смена рельефа, – как отмечает Я.А. Гордин, – была не главной, но достаточно важной составляющей взаимоотношений русского человека и Кавказа» [2]. Прямое противопоставление равнины и гор нередко встречается в литературных произведениях современников кавказских событий. В стихотворении А.С. Грибоедова «Хищники на Чегеме»

[1] Работа выполнена в рамках реализации проекта № 0256-2015-0084 «Азово-Черноморско-Каспийский регион в условиях войн и вооруженных конфликтов конца XVII–начала XXI вв.: геостратегические и историко-антропологические аспекты» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья» (государственное задание на 2016 г. № 007-01114-16 ПР).

привлекает внимание следующее четверостишие: «Двиньтесь узкою тропою! / Не в краю вы сел и нив. / Здесь стремнина, там обрыв, / Тут утес – берите с бою» [3]. Не менее выразительно произведение Я.П. Полонского «На пути из-за Кавказа», в котором подчеркивается оппозиционность двух типов пространств – русского и кавказского: «Выси гор, в облака погруженные, / Расступитесь! Приволье станиц… / Расстилаются степи зеленые… / Я простору не вижу границ / И душа на простор вырывается / Из-под власти кавказских громад… / Колокольчик звенит – заливается, / Кони юношу к северу мчат» [4].

Для русских солдат и офицеров, крестьян-переселенцев незнакомые и невиданные ранее природно-климатические условия стали основой развития представлений о Кавказе как об «иной» земле. При этом «инаковость» кавказского пространства со временем приобрела и символический характер. В одном из кавказских рассказов Л.Н. Толстого русский офицер – ротный командир Болхов, определяя мотивы выбора места службы, указывает на «престранное предание про Кавказ, будто это какая-то обетованная земля для всякого рода несчастных людей» [5].

Природно-климатические условия кавказского региона были предметом вдохновения русских поэтов [6], а для солдат Кавказской армии являлись противником, едва ли не более опасным и непримиримым, чем отряды горцев-«герильерос».

В сочинении В.И. Мочульского «Война на Кавказе и Дагестан» автор, служивший в 1834–1838 гг. на Кавказе и занимавшийся разведывательной деятельностью на территории имамата, среди причин затягивания Кавказской войны первой отмечал «препятствия природы» [7]. Непривычные к продолжительным маршам в горной местности солдаты Отдельного Кавказского корпуса (с 1857 г. – Кавказской армии) быстро истощали свои силы, не имея возможности настигнуть отряды горцев. В.И. Мочульский так описывает состояние солдат после многих часов горных переходов: «Люди от изнеможения падают и с неописуемой жадностью ищут по безводным горам воды для утоления жажды, а холодный ключ или ручей есть гибель для отряда. Солдаты бросаются к оному толпами и многие умирают от неумеренно утоленной жажды. Тут ни приказания, ни сила не в состоянии удержать несчастных – это борьба за жизнь» [8].

Условия ведения войны, особенности местного климата и ландшафта становились для русских войск на Кавказе непременной и неотделимой частью противной стороны. В ходе масштабных экспедиций в горы действующие отряды русской армии сталкивались с огромными трудностями, связанными с транспортировкой артиллерии и движением обозов. Узкие горные тропы даже после их расширения саперами позволяли провозить только легкие орудия и лишь на одном колесе, катившемся по земле, в то время как другое удерживалось силой солдатских рук при помощи канатов. Армейские части разбивали лагерь прямо под открытым небом, в отсутствие застрявшего на очередном перевале обоза, не имея средств укрытия от проливного дождя и порывистого, холодного ветра [9].

Военный историк Н.А. Волконский, собиравший воспоминания участников кавказских походов, писал о «жестокой борьбе русского воина с природою Кавказа, которая тяжелее всякой битвы и которую никоим образом нельзя отделить от идеи о покорении Кавказа» [10]. В подтверждение своих слов историк приводит красноречивые слова одного из участников Лезгинской экспедиции 1857 г.: «Если бы люди могли гнить и уничтожаться от дождей так, как их платье, то Отдельный Кавказский корпус никогда бы не существовал» [11].

Русской армии на Кавказе необходимо было приспосабливаться как к противнику, так и к природно-климатическим условиям театра войны. Уже к концу первой четверти XIX в. внешний вид солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса мало соответствовал уставным стандартам. Эмиссар Николая I полковник Ф.Ф. Бартоломей, инспектировавший кавказские войска императора в 1826 г., в своем рапорте отметил: «Люди не выправлены, не обучены, и только мундиры, изредка надеваемые (ходят здесь большей частью в разорванных шинелях, бурках, архалуках, в черкесских шапках и проч.), заставляют иногда догадываться, что это должны быть солдаты» [12]. Вероятно, именно о Ф.Ф. Бартоломее идет речь в статье В. Андреева, который записал воспоминания одного из ветеранов Кавказской войны: «В это время, в начале 1826 года, приехал в Грузию из Петербурга офицерик для выбора из полков солдат в гвардию. Вскормленный на шагистике и тонкой выправке вахтпарадов, офицерик этот приходил в ужас и негодование от тифлисских разводов. И вследствие того сочинил карикатуру на кавказского солдата; она имела такой ход, что была получена Ермоловым из Петербурга в конверте от неизвестного лица. Карикатура изображала солдата в изодранном мундире нараспашку, в синих холщевых широких шароварах, заправленных в сапоги, в черкесской папахе на голове, сбоку висел маленький котелок, и вместо манерки – болталась травянка (в жары хорошо сохраняющая воду, из пород тыквы)» [13]. Кавказ проделывал с русскими солдатами тот же фокус, что и американский Дикий Запад с колонистами-фронтирсменами, которые расстались с «цивилизованными одеждами» и облачились в «охотничью куртку и мокасины» [14].

Кавказ изменял не только внешний облик русской армии, но и модифицировал ее тактические приемы. Уже в первые годы XIX в. военные действия русской армии на Кавказе именовались «кавказским способом войны». А дальновидные офицеры, незнакомые с азами этого искусства, предпочитали, подобно графу де Рошешуару, участнику кубанской экспедиции генерала С.Г. Гангеблова 1809 г., «ни в чем не уклоняться от мудрых наставлений» опытных командиров [15].

Покорение Кавказа растянулось на несколько десятилетий, в течение которых в «местных» имперских войсках и администрации сложился особый дух самостоятельности, повышенной личной ответственности и причастности к общему делу. Эта корпоративная идентичность

ветеранов Кавказской войны – «настоящих кавказцев» – формировалась во многом на основе оппозиции «Россия – Кавказ», а образом «другого» или «чужого» служил офицер, временно прикомандированный к частям Кавказского корпуса. Таких армейских и гвардейских офицеров на Кавказе именовали «фазанами» и относились к ним с трудно скрываемой неприязнью. Новички, часто занимавшие высокие должности, своими неумелыми распоряжениями ставили под удар «коренных кавказцев», а кроме того, препятствовали карьерному продвижению ветеранов.

В романе Е.П. Лачиновой «Проделки на Кавказе» [16] устами пехотного капитана, «старого кавказца», дана такая характеристика командированного офицера-новичка: «По милости этих новичков мы и терпим уроны: смотрите, пожалуйста, только с неделю приехал он сюда, сроду не слыхал свиста пуль, ему двадцать восемь лет – а кричит уже, что никто здесь ничего не смыслит, учит, как взяться, чтобы покорить черкесов, как вести войну, и не слушает меня, сорокалетнего старика, меня, который преждевременно поседел в походах и двадцать два года слушаю свист горских пуль! Он считает меня еще трусом! Придется опять лезть, не щадя себя. Жаль моих старых солдат: их и то уже осталось мало; а что с рекрутами? Еще осрамишься с ними и – к черту долголетняя, испытанная служба! <…> Давно ли по милости другого новичка потерял я сорок человек моей роты, да каких молодцов, моих сослуживцев! Правда, он сам не рад был, что завел нас бог весть куда. Где ему водить людей на горную брань! Он весь век книжки читал, воевал по ландкартам, а о горах и горцах и не слыхивал: ох, уж эти мне книжки, стратегии!..» [17].

Именно «присланные из России» были в глазах «кавказцев» главной преградой для столь желанного и заслуженного повышения: «Дура! Зачем не попала ты мне в лоб? Одним разом всему бы конец! Что мне в жизни? Буду штаб-офицером, деться некуда! Без службы жить не могу; в полковые командиры и думать нечего; в батальонные также не попаду, туда переводят из России, присылают все людей образованных, ученых: что нашему брату? Вакансии штаб-офицерской почти не бывает!» [18].

Новички в среде «кавказцев» были не только объектом неприязни, но и предметом иронии и даже насмешек. Приехав в Ставрополь, офицеры становились лакомой добычей для местных коммерсантов, которые «с особенным искусством продают самых тощих лошадей за настоящих карабахских, часто персидской породы, и на этом основании, получают последние деньги с героев нашего времени» [19].

Еще не добравшись до места службы, молодые офицеры уже лишались необходимых денежных средств и вынуждены были оставаться на месте в ожидании передачи денег от родных. Настроения и ожидания, царившие среди новичков, саркастично описаны одним из современников: «Предаваясь пылкости своего воображения, каждый из юных героев не сомневается даже в том, что горские завалы падут ниц перед его храбростью, в вознаграждение которой они уже видят вдали светлое облако, рассыпающееся над ними градом крестов» [20].

В общении с новичками «настоящие кавказцы» символически демаркировали пространство Кавказа и России: «Да, – продолжал он с улыбкою покровительства, с какою иногда говорят старые Кавказцы новичкам, – вы все господа, *приехавшие из России* (здесь и далее курсив мой. – *А.У.*), воображаете, что по *нашим дорогам* можно прогуливаться как по Невскому. Нет, докладую Вам, *там* будочники берегут вашу особу, а *здесь* надобно надеяться на собственные руки, на умение владеть оружием и никогда на проводников, негодяи при первом выстреле вас оставляют» [21].

В «настоящего кавказца» – солдата или офицера Кавказского корпуса – превращало не чтение произведений А.А. Бестужева-Марлинского или внешнее подражание облику горцев, а овладение специфическими навыками, основанными на практическом знании, военном опыте. Первыми советами «кавказца» новичку были следующие наставления: «Никогда в дорогу не ездите без оружия и учитесь им владеть, как владеют горцы: важная вещь, скоро выхватить из чехла винтовку и обнажить вовремя шашку; одевайтесь по азиятски (так в тексте. – *А.У.*), и изучайте местные обычаи – пригодится; если есть возможность проехать на коне, никогда не меняйте его на тележку. Верхом вы царь местности – в случае нападения можете отделаться одною джигитовкою; а на повозке вы точно пленник, тут скорее надобно надеяться быть убитым, чем убить. Да не забудьте, что в местах не безопасных, где нужно проехать тихо, не кричите и не болтайте всякой вздор» [22].

Условия войны на Кавказе трансформировали русскую армию почти до неузнаваемости. Отдельный Кавказский корпус стал самобытной субкультурой «настоящих кавказцев» – фронтирсменов южной окраины расширяющейся империи. Ветеран Кавказской войны князь Д.И. Святополк-Мирский в письме к кавказскому наместнику Н.Н. Муравьеву, датированном 13 марта 1855 г., писал: «Кавказская война не есть война обыкновенная; Кавказское войско не есть войско, делающее кампанию: это скорее воинственный народ, создаваемый Россиею и противопоставленный воинственным народам Кавказа для защиты России. Такое положение дел не заведено никем, оно создалось силою обстоятельств, после многих неудачных попыток *усмирения здешнего края*» [23].

Возвращаясь к фигуре Д.А. Милютина, слова которого стали названием и лейтмотивом статьи, отметим, что русская армия долго подбирала оптимальную стратегию покорения края. С екатерининских времен империя рассчитывала овладеть Кавказом, «стянув» его цепью укреплений, известных под названием Кавказская линия. На изъяны этой тактики одним из первых и обратил внимание Д.А. Милютин: «Укрепленными линиями пробовали прикрывать от враждебных горцев и держать в повиновении те части края, которые по наружности признавали себя покорными. Опыты подобного рода были весьма многочисленны до самого последнего времени: линии по Сунже, вдоль подошвы Кавказского хребта, по Сулаку и Койсу, наконец вокруг всей Аварии показали,

что этими средствами нисколько нельзя было удерживать край в повиновении или обеспечить его от покушений неприятеля, напротив того, после углубления этих линий бежали все надтеречные чеченцы, сожжены малые кумыкские деревни, изменили тарковцы и отпала от нас вся Авария» [24]. Вместо такого поступательного, но «ползучего» покорения Д.А. Милютин предложил тактику наступательную и решительную. Знаменитое концентрическое наступление кавказского наместника А.И. Барятинского, подведшее черту под историей имамата Шамиля, стало результатом размышлений Д.А. Милютина над проблемой того как приложить «все предметы к *обстоятельствам края* и к *образу ведения войны*» [25].

История Кавказской войны – это далеко не только история походов, сражений, побед и поражений. Одной из многочисленных граней этого конфликта стал процесс преодоления солдатами и офицерами Отдельного Кавказского корпуса местных природно-климатических условий, которые задавали параметры военного противостояния. Преодолевая сопротивление Кавказа, русская армия трансформировалась, приобретая новое качество. Отдельный Кавказский корпус стал органичной частью «кавказского ландшафта». Лучше всего об этом сказал участник Кавказской войны, российский военный историк Р.А. Фадеев: «Сражаясь на краю земли, солдат Кавказского корпуса чувствует себя как дома» [26].

Примечания

1. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 169 («Милютины»). Карт. 19. Ед. хр. 5. Л. 7.

2. Гордин Я.А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб., 2008. С. 28.

3. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т. II. СПб., 1999. С. 232.

4. Кавказ в русской поэзии. Ростов н/Д, 1986. С. 43.

5. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. Т. II. М., 1979. С. 65.

6. А.С. Пушкин в Посвящении к «Кавказскому пленнику», обращенному к Н.Н. Раевскому-младшему, называет гору Бештау своим «новым Парнасом». Подробнее см.: Маркелов Н.В. Поговорим о бурных днях Кавказа. М., 2006. С. 150–151.

7. Мочульский В.И. Война на Кавказе и Дагестан / под ред. С.М. Касумова, Ш.М. Хапизова. Махачкала, 2012. С. 21.

8. Там же. С. 22.

9. Кавказская экспедиция в 1845 году. Рассказ очевидца В.Н. Норова // Даргинская трагедия. 1845 год / сост. Г.Г. Лисицына, Б.П. Миловидов. СПб., 2001. С. 103–104.

10. Волконский Н.А. Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис, 1876. С. 372.

11. Там же.

12. Цит. по: Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 226.

13. Андреев В. Воспоминания из Кавказской старины // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис, 1876. С. 8–9.

14. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. С. 15.

15. Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I (Революция, Реставрация, Империя) // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002. С. 340–341.

16. Роман Е.П. Лачиновой «Проделки на Кавказе», изданный ею под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов в Санкт-Петербурге в начале 1844 г., мгновенно стал предметом всеобщего внимания и официального запрета. За невинным сюжетом, повествующим о жизни и службе командира казачьей сотни на Кавказской линии, скрывалась сокрушительная критика имперского опыта методов присоединения, присвоения и управления Кавказом. В отличие от других антиимперских литературных произведений (яркий пример «Мертвые души» Н.В. Гоголя), произведение Е.П. Лачиновой абсолютно чуждо выдуманных фабул или художественных гипербол, а представляет собой пересказ впечатлений от увиденного и услышанного. «Документальность» романа высоко оценил военный министр А.И. Чернышёв, который, указав на книгу начальнику третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Л.В. Дубельту, заметил: «Книга эта тем вреднее, что в ней – что строчка, то – правда». Подробнее см.: Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис, 1901. С. 306–308.

17. Хамар-Дабанов Е. Проделки на Кавказе. Ставрополь, 1986. С. 161.

18. Там же. С. 162.

19. Дзержек Г. Четыре месяца на Лабинской линии // Кавказ. 1848. № 26. С. 101.

20. Там же. С. 102.

21. Сливицкий И. Очерки Кавказа и Закавказья. Джаро-Белоканские леса и Алазанская долина // Кавказ. 1848. № 41. С. 166.

22. Там же.

23. ОР РГБ. Ф. 169 («Милютины»). Карт. 19. Ед. хр. 7. Л. 1–2.

24. ОР РГБ. Ф. 169 («Милютины»). Карт. 19. Ед. хр. 5. Л. 7.

25. ОР РГБ. Ф. 169 («Милютины»). Карт. 17. Ед. хр. 45. Л. 1.

26. Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ / сост. С.В. Лебедев, Т.В. Линицкая. М., 2010. С. 57.

А.В. Шадрина

Становление церковной жизни в Северо-Восточном Приазовье в период русско-турецких войн XVIII в.[1]

На протяжении XVIII в. одной из важнейших целей внешней политики Российского государства оставалась борьба за выход в Чёрное море, начатая еще в XVII в. В связи с этим особую важность для правительства приобретает Северо-Восточное Приазовье, где сразу после его завоевания по указу Петра I начинают основываться православные церкви, монастырь и учреждается самостоятельная Азовская епархия. Несмотря на то что в 1711 г. все начинания Петра I, включая церковное строительство,

[1] Статья подготовлена в рамках базовой темы бюджетного финансирования ЮНЦ РАН № 00-15-12 «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до Нового времени».

в данном регионе сворачиваются, ввиду передачи Азова и Троицкой крепости на Таганьем-Рогу Турции, этот этап можно считать основополагающим в становлении церковной жизни в Северо-Восточном Приазовье, т.к. после заключения Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г. уничтоженные турками храмы были восстановлены и церковная жизнь быстро развивающегося региона была приведена к общероссийским нормам. Поскольку церковная жизнь в Северо-Восточном Приазовье ранее не была объектом изучения, поставленная проблема представляется актуальной.

В дореволюционной историографии вопросы церковной жизни данного региона затрагивались в различных изданиях. Так, учреждение Азовской епархии и вопросы дальнейшего епархиального устройства рассматривались в капитальной монографии И.М. Покровского, посвященной епархиям Русской церкви XVI–XIX вв. [1]. Вопросу учреждения Иоанно-Предтеченского монастыря посвящены две публикации в «Воронежской старине» [2]. Основание и история приазовских церквей были подробно описаны у епископа Феодосия (Макаревского) [3]. Современная историография проблемы находится в стадии становления и касается в большей степени вопроса учреждения Азовской епархии [4]. Храмовым сооружениям Азова посвящена статья Н.М. Фомичева [5].

В настоящей статье рассматриваются этапы становления церковной жизни в Северо-Восточном Приазовье с 1696 г. (года взятия Азова русскими войсками под предводительством А. Шеина) и заключения в 1700 г. Константинопольского мирного договора, по которому России отходил Азов, до 1775 г. – года учреждения Славянской и Херсонской епархии, в составе которой церковная жизнь данного региона была построена по образцу ранее учрежденных епархий Русской церкви.

До 1700 г. в Северо-Восточном Приазовье, входившем в состав Турции, не было ни одной православной церкви, за исключением греческой во имя Св. Иоанна Предтечи в Тане (Азове), подчиненной митрополии Алании [6]. В июле 1475 г. турецкие войска под командованием Ахмед Гедик-паши захватили Тану и построили здесь крепость Азак, которая стала самой северной точкой Османской империи [7]. Христианские церкви, в том числе католические, построенные генуэзскими и венецианскими купцами, прекратили свое существование. В 1637 г. донские казаки, основавшие на границе с Османской империей, неподалеку от крепости Азак (Азова), свою столицу – город Черкасск, – решили напасть на Азов. Как писал выдающийся донской краевед протоиерей Григорий Левитский, «казаки решились во что бы то ни стало взять Азов, “неверных всех побить, а веру православную в нем по-прежнему утвердить”» [8]. Конечно, основными причинами нападения были отнюдь не религиозные: во-первых, казакам был необходим свободный выход в море, а во-вторых, азовские турки периодически совершали набеги на «жилища донских казаков», что вызвало желание последних уничтожить постоянную угрозу.

Крепость Азак (Азов) была взята казаками 18 июня 1637 г. Победители объявили Азов вольным торговым городом и переселили в него из Черкасска несколько семей. Именно казакам принадлежит честь возрождения древней азовской греческой церкви во имя Св. Иоанна Предтечи и основание в Азове храма во имя Св. Николая Чудотворца [9]. Однако эту попытку казаков утвердить в Азове «веру православную» нельзя рассматривать как этап формирования церковной жизни, поскольку в 1643 г. казаки по указу царя Алексея Михайловича вернули Азов туркам, предварительно перевезя все церковные ценности в Черкасск.

Первым этапом становления церковной жизни в Северо-Восточном Приазовье стало время царствования Петра I. Храмы, относящиеся к юрисдикции Русской церкви, были основаны здесь по воле царя после взятия Азова в 1696 г. русскими войсками и подписания 3 июля 1700 г. договора в Константинополе, согласно которому Азов с прилегающими к нему землями перешел во владение России [10]. Эта дата стала отправной точкой становления церковной жизни в Приазовье, центром которого был Азов.

Первый православный греческий храм во имя Св. Иоанна Предтечи был окончательно разрушен в 1696 г. во время взятия Азова русскими войсками [11]. В том же году 19 июля указом Петра I на месте древней церкви, заново построенной в 1700 г. [12], был основан Азовский во имя Иоанна Предтечи мужской монастырь – первый монастырь в Приазовье, не считая поселения монахов Межигорского монастыря в Монастырском городке около Черкасска, которое не являлось штатным монастырем.

Азовский Иоанно-Предтеченский монастырь с момента своего основания находился под особым покровительством Петра I: обитель, рассчитанная на 30 монахов, получала от государства ежегодно 30 рублей, 25 четвертей муки и 25 четвертей овса [13]. В апреле 1701 г. именным указом Петра I монастырю была пожалована земля полковника В. Батурина для дворовых построек [14]; тогда же царь пожаловал Предтеченскому монастырю «на Москве на каменном мосту, у всесвяцких новых ворот, в каменной стене построить часовню и перед часовнею земли отвесть длиннику две сажени, поперечнику, что меж тех проездов будет. Да к той же часовне, где того монастыря старцам с служебники жить, для сбору в той часовне денежной казны очистить в той башне палату» [15]. В ноябре 1701 г. также именным царским указом монастырю были переданы вотчины в Донковском и Переславском уездах, ранее бывшие владением дьяка С. Ступина [16]. В апреле 1712 г., после подавления Булавинского восстания, Петр I пожаловал монастырю «пустовой Донецкий юрт после воров и бунтовщиков Донецкой станицы казаков, которые с ворами Булавиным и Голым воровали и бунтовали. И за то их воровство… чем владели того юрта казаки вниз по Дону землю с сенными покосы и рыбные ловли со всеми угодии отдан тебе с братиею на пропитание» [17]. Это был единственный в истории Донского войска прецедент, когда монастырю был отдан во владение целый казачий юрт.

Одновременно с учреждением Предтеченского монастыря, в 1696 г., в мечети турецкой крепости Азак была устроена соборная церковь во имя Похвалы Пресвятой Богородицы [18].

После заключения Константинопольского мира Петр I, желая закрепить завоеванные земли, в том числе тем, чтобы, по выражению И.М. Покровского, «придвинуть туда же церковную территорию» [19], принял решение о создании в Азове епархиального центра. В 1701 г. по совету иерусалимского патриарха Досифея II (Нотары) Петр I лично, без соборного решения русских иерархов, открыл первую в Приазовье самостоятельную епархию, названную Азовской [20]. 21 июня 1701 г. на азовскую кафедру был назначен Парфений (Небоза), бывший митрополит Лаодикийский, проживавший в Москве с 1696 г. По мнению П.А. Авакова, утверждение Д.А. Миндича [21] о том, что первым азовским митрополитом был назначен проживавший в России с 1696 г. бывший митрополит Сочавский и Молдавлахийский Досифей (Хореско), следует признать ошибочным, т.к. этот архиерей скончался еще в декабре 1693 г. в Польше [22]. Царь определил новому митрополиту Азовскому и Донскому годовое жалованье в сумме 500 рублей из доходов ратуши, 300 четвертей хлеба и разрешил «рыбу в Дону реке про его архиерейский обиход ловить свободно» [23]. Однако Парфений, не побывав в Азове, 3 декабря 1703 г. был переведен в Холмогоры. После него на Азовскую кафедру, просуществовавшую около четырех лет, уже никто не назначался [24].

Еще одним центром церковной жизни начала XVIII в. стала Троицкая крепость на Таган-Роге (Таганроге), основанная Петром I в 1696 г. В 1699 г. здесь по распоряжению Петра Великого, с разрешения и благословения Преосвященного Авраамия, митрополита Белоградского и Обоянского, была устроена и освящена церковь во имя Пресвятой Троицы [25], которая представляла собой походный храм. После заключения Прутского договора Троицкая церковь в 1711 г. была перевезена в Бахмут [26].

Замыслы Петра I, связанные с основанием в Северо-Восточном Приазовье церковной жизни, не были в полной мере реализованы на этом этапе. Продолжение русско-турецких войн и заключение в 1711 г. Прутского мира, по которому Азов и Таганрог отошли Турции, стали причиной прекращения активной церковной жизни в этом регионе: азовский и таганрогский храмы, а также Предтеченский мужской монастырь были закрыты, монахи были переведены в Донецкую Успенскую пустынь [27].

Завершающий этап становления церковной жизни в Северо-Восточном Приазовье начался только после заключения Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г., хотя еще в 1739 г. Азов отошел России и по настоянию воронежского епископа Иоакима был включен в состав Воронежской епархии [28]. К 1775 г. здесь были две церкви [29].

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира, по которому Азов, Керчь, Еникале, Кинбурн и Таганрог навсегда остались в составе Российской империи, была учреждена Азовская губерния. В 1775 г. к ней

отошла часть обширнейшей Новороссийской губернии, занимавшей пространство Екатеринославской, Херсонской и Полтавской губерний [30]. Как только закончилось губернское устройство южной русской окраины, был поставлен вопрос об открытии особой епархии. 9 сентября 1775 г. в Священный синод поступил Высочайший указ об учреждении Славянской и Херсонской епархии в пределах Новороссийской и Азовской губерний. Как отмечал И.М. Покровский, «самым названием епархии "Славянская и Херсонская" Екатерина Великая хотела, во-первых, обозначить территориальные приобретения в счастливой войне, во-вторых, возобновить в памяти знаменитейшие названия, которые от глубокой древности хранила Российская империя, и напомнить о том, что русский народ единоплеменный и "сущая отрасль древних славян" и что Херсон был источником христианства для России, откуда возсиял свет благодатной веры и истиннаго богослужения» [31]. Кафедральным городом епархии стала Полтава [32]. В состав Славянской и Херсонской епархии вошли населенные пункты Новороссийской и Азовской губерний, за исключением Войска Донского, оставленного в Воронежской епархии. Храмы Азова, крепости св. Димитрия Ростовского и Таганрога были причислены к Бахмутскому духовному правлению [33]. 28 марта 1777 г. по докладу губернатора В.А. Черткова было учреждено Новоростовское духовное правление, в ведение которого перешли церкви Дмитриевского, Азовского и Таганрогского уездов [34]. В 1786 г. Славянская и Херсонская епархия была переименована в Ектеринославскую и Херсонеса Таврического, в 1797 г. – в Новороссийскую и Днепропетровскую, в 1803 г. – в Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую. С 1837 г. до 1911 г. она именовалась Екатеринославской и Таганрогской [35]. Северо-Восточное Приазовье на протяжении более 100 лет входило в состав Екатеринославской епархии.

Как видно, становление церковной жизни в Северо-Восточном Приазовье было инициировано Петром I. Процесс проходил в два этапа, обусловленных продолжением военных действий: первый – с 1696 по 1711 г., второй – после 1774 г. На первом этапе по указу Петра I в Азове и Таганроге были построены и освящены церкви, основан Азовский Иоанно-Предтеченский монастырь, учреждена самостоятельная Азовская епархия. Однако после заключения Прутского мира в 1711 г. все церковные учреждения Петра были ликвидированы. Результатом второго этапа становления церковной жизни было учреждение Екатеринославской и Таганрогской епархии, в составе которой Северо-Восточное Приазовье находилось до 1919 г. (в 1919 г. была учреждена самостоятельная Ростовская и Таганрогская епархия).

Примечания

1. Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования: в 2 т. Т. 1 (XVI–XVII вв.). Казань, 1897. Т. 2 (XVIII в.). Казань, 1913.

2. Акты Донецкого Предтечева монастыря / сост. свящ. И.Г. Яблоновский // Воронежская старина. Вып. 4. Воронеж, 1904; Материалы по истории монашества на Дону / сост. П.В. Никольский // Воронежская старина. Вып. 4. Воронеж, 1904.

3. Феодосий (Макаревский), еп. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Екатеринослав, 1880.

4. Аваков П.А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII в.: завоевание, колонизация, управление: дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2011; Амелькин А.О. Азовский во имя Иоанна Предтечи мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2000. С. 338; Миндич Д.А. Азовская митрополия // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 337.

5. Фомичев Н.М. Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака – Таны в XIV–XV вв. // Очерки истории Азова. Вып. 2. Азов, 1994.

6. Там же. С. 13.

7. Венков А.В. Азовское сидение. Героическая оборона Азова в 1637–1642 гг. М., 2009. С. 3.

8. Левитский Г., прот. Монастырское урочище: исторический очерк // Донские войсковые ведомости. 1861. Ч. неофиц. № 46. С. 216–217.

9. Левитский Г., прот. Монастырское урочище: исторический очерк // Донские войсковые ведомости. 1861. Ч. неофиц. № 47. С. 220–221.

10. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961. С. 24.

11. Амелькин А.О. Указ. соч. С. 338.

12. Там же.

13. Материалы по истории монашества на Дону. С. 204.

14. Там же. С. 204–205.

15. Там же. С. 245.

16. Там же. С. 205–206.

17. Там же. С. 206–207.

18. Шадрина А.В. Храмы Азовского района Ростовской области: справочник. Ростов н/Д, 2014. С. 13.

19. Покровский И.М. Указ. соч. С. 47.

20. Там же. С. 48.

21. Миндич Д.А. Указ. соч. С. 337.

22. Аваков П.А. Указ. соч. С. 189.

23. Там же.

24. Покровский И.М. Указ. соч. С. 51.

25. Филевский П.П. История города Таганрога. М., 1898.

26. Феодосий (Макаревский), еп. Указ. соч. С. 847.

27. Покровский И.М. Указ. соч. С. 53–54.

28. Там же. С. 171, 172.

29. Там же. С. 505, 507.

30. Там же. С. 491–495.

31. Там же. С. 503.

32. Там же.

33. Там же. С. 505, 507.

34. Там же. С. 511.

35. История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006. С. 155.

Т.А. Корниенко

Слухи как форма неформальной политической коммуникации (на материалах Юга России периода Первой мировой войны)

Политическая культура зависит от характера коммуникаций между акторами и объектами власти. Под формальной политической коммуникацией большинство исследователей понимают те ее разновидности, которые переданы по официальным каналам СМИ либо происходят в неформальной обстановке на уровне группового и межличностного общения, а также включающие слухи, скандалы, сплетни, политические эпиграммы и прочее.

Слухи имеют большое значение для формирования политических предпочтений, их влияние на политическую ситуацию в нестабильный период всегда было весьма ощутимо. Слухи всегда оказывали вполне конкретное влияние на общество: распространяясь с поразительной быстротой, они формировали общественное мнение, настроение и поведение социальных слоев, возрастных и региональных групп [1].

Слухи – коммуникативный и социокультурный феномен общества. Чаще всего термин «слух» рассматривают как «непроверенную информацию о чем-то/ком-то важном для группы». Е.А. Оболонский предлагает следующее определение: «Слух есть некая разновидность информации, которая распространяется исключительно по неформальным каналам и направлена на удовлетворение некой реальной информационной потребности, не удовлетворяемой иными способами, коллективная попытка найти ответ на некий актуальный вопрос в условиях дефицита информации» [2]. Н. Ильина предлагает рассматривать слух как сообщение «о важном для аудитории событии, достоверность которого на момент распространения не установлена, которое устно передается от одного человека другому» [3].

По мнению А.С. Ахиезера, слухи представляют собой «постоянно действующую систему интерпретаций событий массовым сознанием в соответствии с исторически сложившимся менталитетом. Слухи – неофициальная форма связи в большом обществе, постоянный процесс освоения событий в дуальной оппозиции: комфортное – дискомфортное состояние, тайный шепот широких масс, формирующий общую духовную атмосферу в обществе, против которой бессильны как система массовой информации, так и самые крайние методы массового террора» [4].

Определяя слух как особого рода коммуникативную единицу, Г.Г. Почепцов выделяет следующие его особенности: однократную воспроизводимость перед каждым конкретным адресатом (второй раз одному и тому же человеку слух не пересказывается); самотранслируемость (слушающий становится говорящим и передает этот слух дальше);

принципиально устный характер (попадая в письменную среду, например в газеты, слухи теряют многие свои качества, становятся несколько иным видом коммуникации) [5], неофициальность, пространственно-темпоральные свойства (привязка ко времни и среде своего возникновения). Слухи, по сути дела, «есть дополнение формальной коммуникации неформальными каналами, которые формируются чаще всего на базе личных контактов между людьми, в связи с чем информация, передаваемая таким образом, пользуется особым доверием, а степень критичности восприятия этих сообщений сильно занижена» [6].

Циркуляция слухов является одной из составляющих политического процесса [7]. Политический смысл слухи приобретают только в контексте исторической ситуации и являются неотъемлемым элементом политической жизни. Возникновение ложных слухов при отсутствии достоверной и достаточной информации служит типичной формой реакции людей на определенные (чаще всего политические) события. Значение разного рода фантазий и слухов возрастает в переломные, нестабильные эпохи, атмосфера которых служит благоприятной почвой для возникновения разного рода страхов, опасений и вместе с тем надежд. Не составляло исключения и восприятие событий Первой мировой войны населением Юга России.

В отличие от столиц и промышленных центров, слухи в провинции и в начале XX в. оставались реальным фактором политической жизни. Помимо «витания», слухи оказывали конкретное воздействие на общество: распространяясь с поразительной быстротой, они формировали общественное мнение, настроение и поведение социальных слоев, возрастных и региональных групп.

Слухи как особый источник социально значимой информации появляются в любом обществе, становятся существенным фактором общественной жизни. «Наши дни характеризуются обилием и разнообразием слухов. Это совершенно естественно, так как война заполняет теперь души и умы всего русского народа, каждый хочет о ней знать как можно больше, а поэтому всякая интересная весточка проникает из уст в уста с чрезвычайной быстротой и становится достоянием целого города на протяжении нескольких часов», - отмечали в первые месяцы войны «Кубанские ведомости» [8].

Понимая негативные последствия восприятия населением искаженной информации, для борьбы с волнениями крестьян в военное время Министерство внутренних дел разработало целую программу мер, изложенных в циркулярном письме губернаторам от 31 июля 1914 г., в котором предлагало местным властям «стать ныне в особо близкое, непрестанное соприкосновение с местным сельским населением, чутко прислушиваясь к его интересам, осведомляя его в пределах возможности о происходящих событиях и парализуя немедленно вздорные и вредные слухи, проникающие в его среду». Одновременно предписывалось принять самые суровые меры против лиц, «сеящих ложные слухи среди

сельского населения», а в случае беспорядков – действовать решительно и быстро. В особо беспокойных волостях предусматривалось ставить постоянную охрану из достаточной численности команд стражи [9].

Слухи имеют тенденцию к распространению в том обществе, где недостаточно информации о происходящих событиях. На этот факт указывали современники еще в первые дни войны. «Война началась чуть ли не неделю назад, а между тем о событиях этих страна ничего не знает, – писал в августе 1914 г. “Северокавказский край”. – На почве молчания, на почве подозрений, когда хотят что-то скрыть, рождается паника. При полном отсутствии данных слухи, самые невероятные, возникают и проносятся от края до края с молниеносной быстротой» [10]. Информационный вакуум болезненно воспринимался большей частью населения провинции, особенно в отдаленных от города местностях. Интерес ко всему, что происходило в столице, был огромен.

Иногда слух усиленно соперничает со средствами массовой информации, поэтому в нестабильное время именно газеты и журналы должны формировать у читателей адекватное восприятие политических реалий. Именно через газеты и журналы в годы Первой мировой войны местные власти предупреждали об опасности искаженной информации. Сила печатного слова ценилась как царской, так и советской властью.

Слухи как вид коммуникации распространялись в годы войны стихийно, предпочитая «свою» публику, которая приспосабливала достоверность слухов к своему опыту и ожиданиям. Например, в первые месяцы войны наиболее распространенными на Юге России были разговоры, что после победы России все захваченные у противника земли царь раздаст крестьянам и иногородним, а наделы казаков существенно возрастут [11].

Массовое распространение антиправительственных слухов способствовало десакрализации власти. Один из цензоров 6-й армии Северного фронта, проанализировав осенью 1916 г. поступавшие из тыла на фронт письма, сделал полное обобщение: «Октябрь текущего года может быть назван месяцем слухов. Никогда еще за два годы войны слухи не были распространены в печати и обществе в таких огромных размерах и разнообразных вариациях, как за последнее время. Девяносто процентов общественных разговоров начинается фразами “Вы слышали!”, “Вы знаете?”» [12].

Слухи, достигая определенной степени интенсивности, порождают страх, фобии, дискомфортное состояние. Более того, они могут способствовать массовым беспорядкам, различного рода акциям неповиновения властям и т.д. [13]. В нестабильное время, какими были годы Первой мировой войны, искаженная информация негативно воспринималась любыми слоями населения и зачастую приводила к социальным потрясениям. Например, как отмечалось в донесении помощнику начальника Терского областного жандармского управления, первые погромы на почве дороговизны в 1916 г. возникли из-за того, что «бабы-солдатки,

распустившие слухи, что Кавказским наместником разрешено громить в течение 3 дней лавки и магазины, собрались большой толпой, среди которой было несколько хулиганов, ездили по селам, разграбив лавки, увозили награбленное» [14].

Городской и сельский обыватель продолжал во время войны жить слухами: об изменах, о наборе женщин от 18 до 22 лет в армию, о массовых арестах, о столкновениях рабочих с полицией, после чего и с той, и другой стороны, как на поле битвы, осталось много убитых и десятки раненых. «И все эти слухи, как в фокусе, концентрируются в Петрограде, оттуда идут по всей России, мешая частицу правды с огромным количеством небылиц» [15].

Материалы I департамента III уголовного отделения Министерства юстиции за период с лета 1915 г. по декабрь 1916 г. свидетельствуют о стремительном распространении слухов, дискредитировавших монархию. Негативно преломлялись в общественном сознании кампании по расследованию шпиономании, которые широко печатались в газетах. Это производило впечатление, что предательство и измена были присущи властным верхам, что вызывало самые невероятные и страшные слухи, подрывавшие доверие к правящей монархии. В жандармском донесении на имя начальника Кубанской области говорилось: «В некоторых станицах распространяется крайне вредная информация о Распутине и ее императорском величестве, якобы связанных с Германией» [16].

Придание слухам «достоверности», обоснованности, обрастание их новыми догадками могло происходить и под влиянием совместного и по традиции коллективного чтения газет крестьянами. Материал публикаций вызывал такое преломление в сознании крестьян, такое толкование, на которое порой не рассчитывали авторы [17]. Как пример можно привести дело о казаках станицы Ессентукской Н. Трифонове и И. Лыкове, задержанных в ноябре 1916 г. Как отмечается в материалах следственного дела, эти казаки после прочтения газетной статьи, где говорилось о росте оппозиционных настроений, о критике лидерами политическими партиями деятельности правительства, заметили: «И что же у нас за царь. Взял бы и вымел сор из своего дома, а он терпит такое. Это по его вине наши дети мрут на войне, и мы не можем их похоронить, а мы скоро будем пухнуть с голоду. А царь, небось, с золотого блюда жрет» [18].

О.А. Сухова отмечает, что наивная вера в чудесное предсказание как возможность найти рациональное объяснение происходящему, обращение к мифу как к средству выхода из кризиса, как в некотором роде к компенсационному механизму, снижающему социально-психологическую напряженность, – образы, возникавшие в массовом сознании, подчеркнуто выпукло высвечивали основные проблемы провинциального общества. Поэтому именно на таком фоне слухи об измене в тылу и на фронте выглядели наиболее тревожно [19]. Разговоры и суждения о продажности власти, об измене в окружении царя, правительстве и высшем генералитете среди жителей Северного Кавказа наносили удар

по авторитету монархии и разрушали веру в святость и справедливость верховной самодержавной власти, на которой держалась авторитетная, патерналистская государственная система России.

Приняв войну более-менее спокойно и вынося ее тяготы, жители региона на втором году войны стали проявлять признаки психологической усталости. Это выявилось в более частых, чем в первый год, «толках о мире» среди населения. Они возникали, как правило, во время проведения полевых работ, а также в периоды очередных мобилизаций и повторных призывов. Жандармские рапорты и донесения фиксируют приверженность крестьян идее «почетного» мира как наилучшего для России исхода войны. Так, в материалах одного из уголовных дел отмечалось, что крестьянин села Томузловского Ставропольской губернии Г.Д. Черных «открыто вел среди своих односельчан пропаганду о бесцельности войны с Германией, говоря при этом о выгодности для русского народа находиться под властью немцев, у которых правительство и порядки лучше, и что лучше было бы сдаться в плен, чем продолжать никому не нужную войну» [20]. В 1916 г. «Кубанские ведомости» писали об абсурдности распространившихся в городе Екатеринодаре (в настоящее время – Краснодар) слухов: «В последнее время в городе “ходят” бессмысленные слухи о том, что на днях будет либо объявлен мир с Турцией, либо будет обнародована какая-то небывалая мобилизация, либо произойдут на почве дороговизны беспорядки» [21]. «Каждый день рождаются слухи, что зазвонит ночью колокол, и это будет значить заключение мира» [22].

Местные власти через периодическую печать предупреждали население об опасности подобной информации: «В наш край вползают слухи одурманивающие, вползают, и распространяются, и повсюду порождают беспокойные ожидания… Пришло время, когда мы должны быть настороже, оберегать себя и своих близких от слухов и сплетен» [23].

Возникновение ложных слухов при отсутствии достоверной и достаточной информации служило типичной формой реакции людей на происходящие события. На это обстоятельство обращали внимание и современники: «Обыватель настолько издергал свои нервы то на дороговизне, то на реквизициях, что готов верить самым нелепым слухам, какую бы глупость ни распустил какой-нибудь изворотливый человек – обыватель слушает разиня рот, и никак ему в голову не придет вдумчиво относиться к этому слуху» [24].

Конец февраля – начало марта 1917 г. характеризовались отсутствием достоверной информации о происходящих событиях. Так, например, в городах Армавире и Ставрополе информация о низложении царского правительства, отречении Николая II была опубликована в газетах только 5 марта. Местные власти, получая отрывочные сведения, были в растерянности и не знали, что предпринять. Губернатор засыпал Министерство иностранных дел, наместника на Кавказе телеграфными запросами о том, как вести себя в сложившейся ситуации, какие предпринять меры, тем более что в городе, да и в уездах, население ни о чем не знало [25].

В создавшихся условиях, понимая, что дальше нельзя держать население в неведении о происходящих событиях и в целях его успокоения, наместник на Кавказе 2 марта приказал опубликовать в газетах официальное сообщение: «Ввиду циркулирующих разнообразных слухов сообщается, что в Петрограде произошли события, вызвавшие перемену высших правительственных лиц, причем в настоящее время в столице наступило успокоение. Войска Кавказской армии победоносно продвигаются вперед на соединение с нашими доблестными союзниками англичанами. Соблюдение полного спокойствия населению Кавказа крайне необходимо» [26].

И после Февральской революции слухи также играли определяющую роль в политическом сознании жителей региона. «Северокавказское слово» сетовало по этому поводу: «Несмотря на то что у нас существует полная и широкая свобода слова… у нас все же, к сожалению, культивируется “свобода самым нелепым слухам и рассказам о всяких мифических небылицах”. Пресса освещает очень много, что происходит в сфере политики и общественности, происходящие митинги и совещания дают возможность с самых широких сторон и антагонистических точек зрения расценивать те или иные факты. Однако находятся досужие, а может быть, и просто из мира угодников люди, у которых сильный зуд к сплетням… Сейчас и вся Россия в целом, и наша Пятигорская отчизна переживает смутные дни, в которых обыватель особенно чуток ко всем слухам и непроверенным, неправильным сведениям и даже к шороху в рядах той или иной группировки» [27].

Среди населения широко циркулировали слухи о войне между горцами и казаками Моздокского района, о бегстве Николая II и восстановлении монархии. Армавирская газета «Отклики Кавказа» предупреждала об абсурдности слухов, о том, что Временное правительство и местные власти будут реквизировать подушки для солдат фронтов [28]. Местные власти старались бороться с негативным влиянием слухов, считая, что зоной их появления являются базары: «Ой, как страшно! / Ой, как жутко: не лишиться бы рассудка! / Слухов – тьма, как пыли в поле, / Под матрац забраться, что ли? / Кто их сеет – страх или тупость? / По базару ходит глупость…» [29].

Лавинообразное нарастание слухов современники связывали с низким уровнем политической культуры, которую нужно было повысить путем агитационно-пропагандистской работы. «Местами деревня находится во власти самой дикой пропаганды. Это вызывает погромы, производятся аресты частных лиц. Сводятся личные счеты с местными деятелями, работниками. Обсуждаются вопросы, как разделить землю, не дожидаясь решения законодательного органа. Распускаются возбуждающие слухи, в роде подобных: “Духовенству Временное правительство приказало посшибать все кресты на церквах”. В другом месте идут упорные слухи, что Временное правительство будто бы объявило о выдаче на каждый двор по одной лошади, корове и по 1000 руб.

Дикая пропаганда отражается сильно на поступлении причитающихся с крестьян налогов», - так описывал ситуацию лектор Санников в губернской газете «Северокавказский край» [30].

Таким образом, слух можно рассматривать как способ и коммуникативный канал транслирования информации. Как социальное явление, слухи приобрели в течение времени специфические функции и формы устного социально-политического коммуникативного акта. Их активная циркуляция объясняется как сбоями в функционировании средств массовой коммуникации (неудовлетворенные информационные потребности, «закрытые темы» или, напротив, «перенасыщение» информацией аудитории, вследствие чего возникает отторжение сообщений, недоверие к ним), так и социально-психологическими особенностями населения.

В период Первой мировой войны слухи выступали одним из важных факторов формирования политических предпочтений, моделей политического поведения. Отсутсвие значимой, достоверной информации в условиях военного времени порождало дискомфортные психологические состояния, характеризующиеся повышенной тревожностью и негативной эмоциональной окрашенностью. На фоне слухов в провинциальных регионах, например на Юге России, происходила компрометация органов управления, что способствовало дестабилизации общества.

Примечания

1. Лившин А., Орлов И. Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 годов // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 21–24; PR сегодня: новые подходы, исследования, международная практика / под ред. И.В. Потресова. М., 2002. С. 236.

2. Оболонский А.В. Человек и государственное управление. М., 1987. С. 114.

3. Ильина Н. Слухи и их применение // Консультант. 2006. 10 декабря.

4. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1993. С. 339.

5. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М., 1999. С. 280.

6. Шомова С.А. Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы. М., 2004. С. 178.

7. Орлов И.Б. Политическая культура России XX века: учебное пособие. М., 2008. С. 34.

8. Кубанские ведомости. 1916. 5 августа. С. 3.

9. Государственный архив Ставропольского края (далее - ГАСК). Ф. 101. Оп. 1. Д. 264. Л. 45.

10. Северокавказский край. 1914. 27 августа. С. 3.

11. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 21 721. Л. 6.

12. Цит по: Земцов Б.Н. Революция 1917 г.: социальные предпосылки. М., 1999. С. 214.

13. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны. Екатеринбург, 2000. С. 121.

14. ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 273. Л. 1–4.

15. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 275. Л. 24.

16. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1278. Л. 1.
17. Поршнева О.С. Указ. соч. С. 121.
18. ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3612. Л. 39.
19. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008. С. 411.
20. ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 369. Л. 59.
21. Кубанские ведомости. 1916. 16 декабря. С. 3.
22. ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 336. Л. 43; Ставропольский государственный исторический музей. Ф. 48-Р. Д. 2. Л. 3.
23. Кубанские ведомости. 1916. 4 октября. С. 3.
24. Отклики Кавказа. 1917. 2 марта. С. 3.
25. ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3698. Л. 26.
26. Край наш Ставрополье: очерки истории / под ред. Д.В. Кочуры, В.И. Невской. Ставрополь, 1999. С. 314.
27. Голос. 1917. 10 декабря. С. 2.
28. Северокавказский край. 1917. 6 июня. С. 3.
29. Северокавказское слово. 1917. 4 июня. С. 2.
30. Северокавказский край. 1917. 26 июля. С. 2.

П.Г. Култышев

Мобилизация и массовые беспорядки в России в 1914 г.

Начало Первой мировой войны было встречено в российском обществе редким единением и высоким подъемом патриотических настроений. В воспоминаниях и дневниках очевидцев тех событий часто фигурирует описание торжественных митингов, массовых процессий и иных актов изъявления верноподданнических чувств и любви к Родине. Однако начало войны и последовавшая за тем мобилизация русской армии высветили не самую лучшую сторону общественных настроений в тот период. Первым серьезным знаком, говорящим о том, что людское неистовство по поводу начала войны может выйти за грани разумного, стал разгром немецкого посольства в Петербурге. Очевидец этих событий А.И. Спиридович позже записал в своих мемуарах: «Кипы бумаг полетели из окон верхнего этажа и, как снег, посыпались листами на толпу. Летели столы, стулья, комоды кресла… Все с грохотом падало на тротуары и разбивалось вдребезги. Публика улюлюкала и кричала ура. А на крыше здания какая-то группа, стуча и звеня молотками, старалась сбить две колоссальные конные статуи. Голые тевтоны, что держали лошадей, уже были сбиты. Их сбросили с крыши и, под восторженное ура, стащили волоком к Мойке и сбросили в воду» [1].

Однако власти не восприняли погром посольства как тревожный сигнал и продолжили играть на струнах национального самосознания. Петербург был переименован в Петроград, постепенно начиналась кампания по выселению поволжских немцев, а все немецкое получало ярлык вредного и губительного для России. При этом в самом российском

обществе обретенное чувство единения, по-видимому, не знало классовых или иных ограничений. В различных документах фигурируют упоминания того, что к шумным патриотическим демонстрациям присоединялись рабочие, крестьяне и служащие самого различного уровня. Подобная картина, столь четко контрастировавшая с событиями 1905–1907 гг., стала благоприятным полем для проведения ускоренной мобилизации.

Мобилизация мужского населения на службу в армию являлась наглядным показателем лояльности общества государственным интересам. Офицеры, имевшие непосредственное отношение к проведению мобилизации, писали о благополучном выполнении мобилизационного плана. Так, В.И. Гурко отмечает, что «мобилизация проходила весьма успешно и с такой быстротой, что невозможно перехвалить армейские штабы и гражданскую администрацию» [2]. Подобного же мнения был и А.А. Брусилов: «мобилизация проходила быстро и в возможном порядке» [3]. Более спокойно по данному вопросу, в силу выпавшей на долю автора работы по формированию всех учреждений Юго-Западного фронта, высказался А.И. Деникин: «мобилизация прошла по всей огромной России вполне удовлетворительно» [4]. Однако вопреки вышеприведенным похвальным словам мобилизация и сопутствующий ей призыв населения в армию были восприняты русским крестьянством весьма неоднозначно и привели к неожиданным результатам.

Для части новобранцев, в основном молодежи, война была лишь поводом «на мир посмотреть и себя показать»: «А я так очень даже охотно шел. Домашние меня просто слезами исслезили, а я хоть бы что, стою истуканом да со стыда хмыкаю. А в думке одно: кабы поскорее. Я шумное житье люблю, разное. Мне война как раз впору» [5]. Они шли на войну, не осознавая всех будущих трудностей и лишений. Война воспринималась ими как новое приключение или развлечение, где ставкой была их жизнь. Все это, в свою очередь, еще больше обостряло азарт и нетерпение молодых солдат. Такое веселое отношение к войне, кураж и бахвальство рождало пренебрежительное отношение к собственной жизни: «Мы ничего не признаем. Пуля летит германская, мы говорим – пчела, снаряд рвется, мы говорим – гром гремит» [6].

Эта отчаянная веселость с привкусом обреченности перед предстоящими и не всегда осознаваемыми ужасами войны усугублялась еще и тем, что в народной среде существовал обычай проводов призывника в армию. Новобранец подолгу и демонстративно гулял на глазах у родных и соседей. Эта традиция крестьян-призывников носила обрядово-ритуальный характер (как и свадьбы, и другие значительные события в крестьянской жизни), символизируя собой смену человеком одного социально-правового положения на другое. Новобранцу предоставлялся случай вволю погулять и покуражиться перед отправкой в армию, что рассматривалось им как своеобразная компенсация за утрату свободы, а возможно, и жизни.

«Чтобы заглушить в себе чувство тоски по родным, по “вольной жизни”, – признавался позже офицер советской армии И.В. Тюленев, – мы всю дорогу распевали песни, куражились, хотели казаться друг другу веселыми, отчаянными парнями» [7]. Призывник в течение проводов желал наверстать и получить все то, чего будет лишен в армии. Со знанием своих прав новобранцы с вызовом рассуждали и требовали: «Может быть, последний раз тут живем!» [8]; «А то на войне-то не знай когда придется… » [9]. К этому примешивалось и стремление снять стресс и нейтрализовать психологический груз страха и отчаяния: «Загулял я тогда на целую неделю. Сильно с тоски да со страху баловал тогда. Очнулся чуть не на самой позиции… » [10].

Как видно, пьянство и разгул продолжались и по пути в часть. Вот еще одно из подобных свидетельств: «Из вагонов неслись звуки гармошки и пьяные песни. Как только поезд останавливался, на платформу высыпали прибывшие запасные; многие начали тут же отплясывать трепака» [11]. Иногда подобные «пьяные поезда» солдат были настоящим бедствием для мирных жителей – их марш по улицам города превращался в подлинный погром: «Сигнал к нападению был дан, и не прошло и пяти минут, как добрая половина всех магазинов Жигалинской улицы оказались с выбитыми окнами; многие врывались в магазины и тащили оттуда товар» [12]. А другой новобранец так вспоминал подобные события: «Эх, вначале, как погнали нас семнадцатеро из деревни, ничего не понятно, а больше плохо… Ух и заскучали мы… На каждой станции шум делали, матерно барышень ругали, пели, а весело не было» [13].

Волнения новобранцев не были единичными случаями – они носили массовый характер. Выступления призывников, среди которых 75 % составляли крестьяне, прокатились по всей Российской империи и охватили, по данным А.Б. Беркевича, 49 губерний [14]. Погромные акции вчерашних крестьян, выросшие из деревенских проводов в армию, проходили в форме стихийных погромов винных складов, лавок и магазинов. В течение трех дней в Александровском уезде Ставропольской губернии новобранцы громили винные лавки и склады. 22 июля 1914 г. партия мобилизованных солдат в количестве около 1 тыс. человек сначала разгромила две винные лавки (в первой украли водки на сумму 1387 рублей [15], во второй – в объеме 200 ведер [16]), а потом в сопровождении крестьян направилась в сторону местного склада. В обвинительном акте по данному делу фигурируют следующие строки: «…выносили водку из помещений склада бутылками, четвертями, целыми ящиками; накладывали водку на подводы и увозили; в расхищении водки принимали участие женщины и дети» [17]. В итоге около полудня в помещении слада вспыхнул пожар, полностью его уничтожив. В том же обвинительном акте о событии сказано следующее: «Всего погромом и пожаром склада было причинено убытков – на сумму 130 000 рублей» [18]. На следующий день, 23 июля, нападению подверглось здание волостного правления Александровского уезда, из стен которого было украдено 8 ведер

ранее конфискованной водки [19]. Но этим дело не ограничилось. Уже 24 июля на территории того же уезда группа новобранцев вместе с местными жителями разгромила в селе Чернолесском две винные лавки и украла водки в общей сложности на 3272 рубля [20].

Но особенно массовые волнения прошли по сибирским и зауральским губерниям. Так, в Барнауле Томской губернии они переросли в настоящее разграбление города [21]. Типичную картину начала выступления новобранцев дал в своих воспоминаниях крестьянин Я.Д. Драгуновский: «В это время там (у волостного правления. – *П.К.*) слышались крики между солдатами: “Давайте казенку разобьем! Почему водку не дают?... Надо же с родными выпить на прощанье!”» [22]. Не менее поразительные строки можно найти в записках В. Макарова-Зареченца: «Когда к часовне пришел поп, то все: и рекруты, и провожающие – были вдребезги пьяны» [23].

Последний вариант был вероятен лишь в том случае, когда с ведома местных властей водка все же попадала к призывникам. Но если они не получали желаемого, то тогда в ход шли сначала требования, потом угрозы и в заключение безудержное буйство толпы новобранцев. Именно таким образом они пытались получить один из «необходимых» элементов обряда, запрещенный введением «сухого закона». Иногда отправной точкой для нарождавшегося погрома являлось обычное житейское недовольство неожиданной войной, нагрянувшей в период летних полевых работ, плохое обмундирование призывников или волокита с отправкой на фронт.

Именно медлительность местных властей с распределением новобранцев по вагонам стала благоприятным фоном для беспорядков, произошедших в поселке Макеевка Таганрогского округа Донской области. С 12 до 16 ч 20 июля 1914 г. на станции данного поселка скопилось более 10 тыс. человек, выражавших явное недовольство нераспорядительностью участкового начальника и задержкой товарного поезда, в вагонах которого должны были ехать запасные [24]. Воспользовавшись этой задержкой, к станции успела подойти толпа, недовольная поимкой крестьян, замешанных в недавних беспорядках [25]. Чтобы остановить процесс отправки запасных, они выпустили пары из паровоза и повредили тормозную систему [26]. Для усмирения взбунтовавшихся крестьян, забросавших полицию и казаков камнями, пришлось открыть огонь на поражение.

Местные органы власти оказались не подготовлены к столь неожиданному объявлению войны и последовавшей за ней мобилизацией. Как признавался в своем донесении уфимский губернатор П.П. Башилов: «Сборные пункты не были подготовлены – ни в смысле оборудования, ни в смысле количества съестных припасов» [27]. Кроме того, будущие солдаты переживали за свои семьи, остававшиеся в городах и деревнях без кормильцев и защитников.

В ряде телеграмм отмечалось, что при волнениях призывников в их среде раздавались требования о выдаче разнообразных денежных сумм [28]. Призывы крестьян о немедленной выдаче пособия или иных

компенсационных выплат воспринимались ими как вполне законное требование, соответствующее их представлениям об обязательствах государства перед своими гражданами, даже если оно противоречило официальному законодательству. Призыв крестьян в станице Уманской Ейского отдела Кубанской области привел к задержке мобилизации на три дня. Новобранцы на сборном пункте стали проявлять недовольство еще 20 июля 1914 г., требуя от местного участкового начальника земли для их семей или денежных выплат [29]. Не получив от него удовлетворительного ответа, они отправили на имя царя телеграмму с той же просьбой, всячески уверяя самодержца в своей верности и желании защитить родину [30]. И лишь 22 июля после поимки наиболее активных буянов беспорядки совершенно прекратились [31]. Но если у местной администрации не хватало силы воли или не находилось необходимых денежных средств, то погром был практически неизбежен, что и произошло 19 июля 1914 г. у стен волостного правления Ставропольского уезда. Крестьяне, не получившие причитавшихся (по их мнению) им денег, выместили все свое недовольство на здании земской школы [32]. В результате строящаяся школа была полностью разрушена (ущерб составил 10 тыс. рублей), а бывший помощник писаря едва не поплатился жизнью за то, что попал в поле зрения особо активных возмутителей общественного спокойствия [33].

Таким образом, катализатором бунтарских настроений в среде новобранцев могло стать любое раздражающее их явление. Для одних это был сам факт неожиданного вступления России в войну в период полевых работ, для других – нерасторопность местных властей, для третьих – всевозможные слухи о наделении семей новобранцев землёй и деньгами, ранее накопившиеся обиды и общая атмосфера разгоряченной толпы, усугубленная народными особенностями проводов в армию. А сопутствующий беспорядкам погром винных складов, лавок и других зданий был лишь внешним проявлением недовольства в среде новобранцев. Подобное поведение призывников накануне отправки на войну являлось ярким показателем идеологического состояния низов русского общества, которыми Первая мировая война воспринималась исключительно как оборонительная, но не вызывала вдумчивого и серьезного к ней отношения.

Примечания

1. Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. Минск, 2004. С. 4.
2. Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 18.
3. Брусилов А.А. Мои воспоминания. Минск, 2003. С. 64.
4. Деникин А.И. Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 287.
5. Федорченко С.З. Народ на войне. М., 1990. С. 24.
6. Цит. по: Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 75.

7. Тюленев И.В. Через три войны. М., 1972. С. 72.
8. Из бумаг Якова Дементьевича Драгуновского // Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е гг. М., 1989. С. 331.
9. Макаров-Зареченец В. «Егорьевские кавалеры». Записки пулеметчика мировой войны. 1914–1918. М., 1939. С. 22.
10. Федорченко С.З. Указ. соч. С. 25.
11. Оськин Д. Записки солдата. М., 1929. С. 68.
12. Там же. С. 70.
13. Федорченко С.З. Указ. соч. С. 25.
14. Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 13.
15. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 876. Л. 3об.
16. ГАРО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 876. Л. 4.
17. ГАРО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 876. Л. 4об.
18. ГАРО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 876. Л. 5об.
19. ГАРО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 573. Л. 22.
20. ГАРО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 573. Л. 17, 17об.
21. Беркевич А.Б. Указ. соч. С. 38.
22. Из бумаг Якова Дементьевича Драгуновского… С. 331.
23. Макаров-Зареченец В. Указ. соч. С. 14.
24. ГАРО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 695. Л. 2, 2об.
25. ГАРО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 695. Л. 2об., 3.
26. Там же.
27. Революционное движение в русской армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 гг. М., 1966. С. 25.
28. Там же. С. 16–17.
29. ГАРО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 688. Л. 2.
30. ГАРО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 688. Л. 3.
31. ГАРО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 688. Л. 2об.
32. ГАРО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 875. Л. 2.
33. ГАРО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 688. Л. 2об., 3. Но в тот же день более сознательными новобранцами был задержан некто Погорелов, призывавший запасных не грузиться в поезда, а ждать от начальства компенсации (в виде земли или денег) или разгромить все питейные заведения в станице Уманской, см.: ГАРО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 684. Л. 2.

Ч.В. Тигиев

Женский взгляд на военную повседневность: Первая мировая война в письмах жительницы города Владикавказа

Изучение феномена общественных и личных настроений в фронтирные периоды, к которым относится и Первая мировая война, позволяет реконструировать причинно-следственные связи исторических явлений, их своеобразие [1]. Интерес представляет и анализ настроений и поведенческих практик женщин провинциальных городов в условиях военного времени. Одним из источников изучения меняющихся

настроений стали письма жен комбатантов, которые дают возможность прочувствовать войну через ощущения женщин, увидеть переживания простого человека, приоткрыть внутренний мир с его переживаниями, мыслями, эмоциями. Личные письма – ценнейший источник, который может существенно дополнить и расширить наши представления о структуре и доминантах сознания, психологии, мотивации поступков в определенное историческое время. Исследователи эпистолярного материала справедливо отмечают особое значение переписки, «когда письмо служило не только средством личного общения, но и средством ознакомления с современной общественной жизнью, заменяющим регулярную прессу» [2].

Конечно, в семейной переписке трудно найти детали военных операций или подробности боев, тем не менее письма содержат интересную информацию, которую можно детализировать или уточнить с помощью других источников. Письма представляются нам особенно ценными, потому что именно в них находит свое отражение отношение участников к происходящим событиям. Гораздо чаще в письмах встречается информация о родных и знакомых, участниках боев, которая передавалась как из действующей армии, так и, наоборот, из тыла – участникам сражений. В нашем распоряжении оказалось свыше 200 писем четы Денисовых. Петр Семенович Денисов служил во Владикавказском кадетском корпусе, 13 августа 1914 г. добровольцем ушел на войну. Он был женат на дочери коллежского советника Екатерине Ильиничне Герлих [3].

Письма Е.И. Денисовой, несмотря на субъективность, заключают в себе много ценной и неопосредованной информации по различным сторонам повседневной жизни тылового Владикавказа, отражая индивидуальные и социальные поведенческие практики, свойственные женам комбатантов. Они стали отражением мировоззренческих стереотипов и общественных настроений, проявлением тяжелых условий жизни, неустойчивости составляющих мировоззрения, сосуществования в нем позитивных и деструктивных идей.

Анализ писем четы Денисовых позволяет утверждать, что для жен комбатантов призыв мужа в армию оборачивался личной трагедией: «Милый мой, вот уже несколько дней гложет меня тоска. Здоров ли ты? Какая погода стоит там? У нас погода соответствует моему настроению – сырость, туман» [4]. Женщины стали интересоваться событиями на фронте, читая газеты: «В газетах пишут, что курды в Урмии (город в Персии. – *Ч.Т.*) напали на наш разъезд и был убит Имнадзе (сослуживец по корпусу. – *Ч.Т.*). Жаль его очень!» Тяжелое, унылое, пессимистическое настроение жителей провинциальной России усиливалось неприятными сообщениями с фронта. Такие упаднические настроения приводили нередко к росту суеверия и обращениям к прорицательницам и гадалкам: «Была вчера у гадалки-персианки. Наговорила мне много, ничего плохого, говорит, что гадание вышло мне очень хорошее. Сказала, что у меня голова с пуд (т.е. много ума), что через месяц, т.е. в сентябре, закончатся

неприятности. Говорит, что тебе три дороги, и мне предстоит длинная дорога, что ты получишь много денег и назначение» [5]. Церковь не поощряла такого пристрастия к прорицателям и своими методами поднимала настроение своей паствы: «Сегодня были в городе: на площади против Нового собора были собраны кадеты (1-го разряда), гимназисты, реалисты, городские школы, солдаты, казаки. Мусульмане, между прочим, занимали первое место. Вышел архиерей с массой священников, отслужили благодарственный молебен за дарованные победы русскому воинству, потом вышел мулла, отслужил также молебен по-своему, прокричали “ура!”, прошли парадом и с музыкой по домам».

В годы войны стало возникать множество бытовых проблем. Прежде всего нехватка денег на содержание семьи. Так, в первые месяцы военной кампании офицеры действующей армии получали жалование в размере 145 рублей. Капитан (командир роты) получал 30 рублей «столовых денег» в месяц. Для сравнения – обед в среднем ресторане в 1914 г. стоил около 2 рублей с человека, 1 кг свежего мяса – около 50 копеек, 1 кг сахара – 30 копеек, 1 литр молока – 15 копеек [6]. Война привела к росту инфляции и падению уровня жизни населения. Зарплата не успевала за стремительно растущими ценами. Например, фунт хлеба накануне войны стоил 3 копейки, а в 1915 г. – уже 3 рубля. В этих условиях семьям мобилизованных приходилось тяжело.

На плечи женщин падали заботы о семье, ее обеспечении, что со временем удавалось хуже. Жены комбатантов ощутили не всегда бережное отношение окружающих к себе и своим семьям. Так, в письме мужу от 20 августа 1914 г. Екатерина Ильинична с горечью пишет о том, что их и еще несколько семей попросили освободить служебные квартиры, предоставляемые корпусом, и искать себе пристанище в другом месте: «Завтра будет “великое переселение народов”. Фуасси (жена сослуживца. – *Ч.Т.*) переезжает к нам, будет жить в гостиной пока, В.Н. – в столовой, я – в спальне. Вообще нельзя сказать, чтобы это общежитие было удобно, но что же сделать: нужно терпеть это неудобство, иначе придется платить за квартиру плюс антрацит рублей 40–50 в месяц, не так ли?» Далее автор сетует на высокие цены на топливо: «Холод ужасный, но печи не топим, так как боюсь, что вычтут за уголь, который мы прожигаем. А относительно нас не беспокойся, Илюша присылает Варваре деньги, и мы будем жить на это, а как получу от тебя, тогда долги платить буду». Несмотря на некоторую браваду Екатерины Ильиничны, сквозь строки сквозят горькие приметы тяжелой повседневной жизни комбатантских семей. В городах ухудшение положения семей солдат и офицеров действующей армии происходило в том числе по причине безудержного роста цен на жилье и нежелания домовладельцев принимать во внимание задержку пересылки аттестатов семьям. Понятно, что потребность в пособии, выплачиваемом семье, в городе была выше, нежели в сельской местности, но именно оно определяло экономический статус семей.

Жены комбатантов принимали посильное участие в общественной жизни города. Екатерина Ильинична повествует о том, как женщины ее круга изготавливали одежду для раненых, организовав своеобразную артель и взяв в аренду швейные машинки. Некоторые участвовали в благотворительных концертах в пользу раненых: «22 сентября будет благотворительный вечер в пользу раненых. Домбровская и Винцер приходили ко мне, просили принять участие. В корпусе будет 10 раненых офицеров и 10 нижних чинов. Я дала согласие» [6].

Но были и приятные впечатления. Одно из них Денисова описывала в письме мужу – прибытие Николая II в город. 4 декабря 1914 г. император проездом в Закавказье посетил Владикавказ, где ему была устроена торжественная встреча: «Все офицеры корпуса пошли к корпусу встречать Государя. На вокзале были выстроены все учебные заведения и стояли они там без конца. Мы стояли у второго флигеля, потому что он посещал раненых, с нами раненые помещаются в квартире Каландаришвили. Кадеты почти бежали с вокзала, чтобы успеть Его встретить в корпусе и когда он уезжал, выстроились шпалерами. Некоторые дамы одели бальные платья, и встречали Его в вестибюле, но таких было мало – человек шесть. Какое чудное впечатление оставил Он! Бесконечно добрые глаза и исстрадавшееся лицо. Какое-то благоговение чувствуешь к НЕМУ, когда видишь. Город весь во флагах был, и еще сегодня не сняли и вечером иллюминация» [7].

Таким образом, анализ писем Е.И. Денисовой позволяет утверждать, что война оказала двойственное влияние на женскую повседневность: во-первых, вынуждала женщин решать все бытовые вопросы, изыскивая пути преодоления возникающих проблем; во-вторых, провинциалки стали активно участвовать в общественных акциях – благотворительных вечерах, сборе вещей для солдат. Являясь трагедией, в том числе и для жен комбатантов, война в то же время сдвинула некие социальные преграды в положении женщины. Первая мировая война навсегда изменила общественный статус женщин.

Примечания

1. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 329

2. Акимова Т.П. Отражение конвенций эпистолярного общения в русском частном письме: опыт коммуникативно-прагматического описания // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия «Филология, история, востоковедение». 2011. Вып. 2. С. 15–31.

3. Хубулова С.А. Голубчик мой дорогой: письма «забытой» войны. Владикавказ, 2014. С. 16.

4. Хубулова С.А., Магамадов С.С. Первая мировая глазами современников // Вестник АН Чеченской Республики. 2014. Т. 3. № 3. С. 109.

5. Хубулова С.А., Сосранова З.В. Эго-документы как исторический источник по Первой мировой войне // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 31.

6. Хубулова С.А. Семейная переписка как исторический источник по Первой мировой войне // Актуальные проблемы исторической науки: взгляд молодых ученых: материалы 2-й Всероссийской (с международным участием) молодежной научной школы-конференции / под ред. С.А. Хубуловой. Владикавказ, 2014. С. 22.

7. Хубулова С.А. Голубчик мой дорогой: письма «забытой» войны. Владикавказ, 2014. С. 21.

Д.В. Хубулова

Социальная помощь священства Владикавказской епархии в годы Первой мировой войны

Первая мировая война всколыхнула все слои российского общества. Не осталось в стороне и духовенство, которое выступило духовной объединительной силой народных масс, стало во главе благотворительных акций населения. Целью данной статьи является анализ благотворительной деятельности православной церкви в годы Первой мировой войны на территории Владикавказской епархии.

Все священство, прихожане России активно участвовали в благотворительных акциях, связанных с оказанием помощи воинам. Только в первый военный год в Святейший синод поступило пожертвований на сумму в 137 300 руб. [1]. В данной связи Святейший синод отмечал: «С самого начала и во все продолжение войны с Германией и Австрией, а затем и с Турциею Отечественная Церковь оказывала не только нравственное содействие государству, укрепляя в народе веру в правоту защищаемого русским оружием святого дела, усиливая в нем молитвенное настроение и возгревая пламень любви и милосердия, но и посильную материальную помощь» [2].

Следует отметить, что благотворительность православной церкви в годы войны прошла несколько этапов, отличавшихся методами проведения. Начальный этап мало отличался от предыдущих, лишь небольшими новшествами: тыл должен всячески поддерживать воинство на фронте; духовенство должно служить примером патриотизма. Приоритетными в своей деятельности Русская православная церковь определила следующие направления: патриотическое, воспитательно-просветительское, миссионерское, благотворительное [3].

30 июля 1914 г. со всех амвонов было объявлено населению страны о начале войны и всеобщей мобилизации. Храмы обязаны были каждый день возносить молитвы за здравие воинов и скорейшую победу русской армии, а также осуществлять кружечный сбор на нужды войны [4]. Каждая епархия вносила свой посильный вклад в дело победы. Даже небогатая Владикавказская епархия не осталась в стороне от всенародного дела помощи государству, что было отмечено в благодарственном письме военного генерал-губернатора: «Прошу вас принять, – обратился

он к съезду депутатов от духовенства епархии, – искреннюю благодарность от лица доблестных защитников Отечества, раненных на войне, и не отказать переждать благодарность духовенству епархии и корпорациям епархиальных учреждений, оборудовавших и содержащих на собственные средства лазарет на 10 кроватей в Духовном училище» [5].

Четко была налажена работа по приему раненых. В организации тыловых госпиталей были задействованы приходские священники, которым надлежало отвести под лазареты все свободные помещения, заготавливать «предметы лазаретского инвентаря». Уже осенью 1914 г. в городе Владикавказе была развернута лазаретная сеть: общими усилиями приготовлены к приему раненых 10 лазаретов. Вот данные только по лазарету при духовном училище: в декабре 1914 г. было затрачено на продовольствие для раненых 113 рубля 22 копейки, на мыло – 5 рублей, чулки и носки – 19 рублей 95 копеек [6].

В начале 1915 г. Святейший синод сообщал: «Многие из раненых и больных воинов по выходу из госпиталей нуждаются в спокойном отдыхе для восстановления здоровья и сил. Получившим увечья необходимо призрение до времени, когда будут изысканы для них новые способы дальнейшего обеспечения в жизни. Дети павших в бою требуют приюта» [7]. В связи с этим Синод напомнил верующим об их долге помогать нуждающимся, откликнуться своим содействием к удовлетворению указанных новых потребностей, вызванных настоящим временем войны.

Преосвященному Владикавказской епархии Антонину предстояло сформировать во всех приходах попечительские советы на широкой социальной основе, на которые возлагалась обязанность «вести списки семей, члены коих призваны в ряды армии, выяснять их имущественное положение и оказывать им пособие до тех пор, пока в этом будет надобность» [8]. 20 ноября такой совет был создан [9]. Перед ним были поставлены задачи поддержания морального духа раненых, проведения духовных собеседований, а также чтения церковной литературы. Например, Владикавказское Михайло-Архангельское братство ассигновало на выписку брошюр и листовок религиозно-нравственного содержания 50 рублей для рассылки этих изданий в лазареты.

Солдаты в своих письмах отмечали, что «наша армия хорошо обмундирована, у всех теплая одежда, пища хорошая, помещения теплые, словом, нужды ни в чем нет» [10]. Так, в своем письме на имя станичного священника казак Дорофеев писал: «К Рождеству я получил подарки со склада императрицы Александры Федоровны, и мы очень довольны тем, что нас не забывают и заботятся о нас. Я получил 2 мешочка, в которых 2 рубашки, 2-е кальсон, 4 пары носков, 2 наволочки, 1 полотенце, 2 пары портянок, конфекты, мыло, сахар, соль, 2 рубля» [11].

Таким образом, уже в первые дни войны были определены основные направления социальной работы, проводимой церковью.

Однако церковь поддерживала русское войско не только в тылу, но и на передовой. Во «Владикавказских епархиальных ведомостях» была

опубликована заметка о таком бесстрашном пастыре, который являл собой образец истинного священника: «Пехота поднялась и побежала в штыковую атаку на немца. А сам о. Павел уже впереди, высоко подняв крест в правой руке, бежит, словно боится, что его опередят прийти первым к неприятельским окопам. Здесь он и санитар, и пастырь и командир…» [12]. Поддержание в русских воинах веры в победу, смелость и героизм стали главными задачами военных священников на фронте, владикавказских священников – в тылу.

Итак, анализ благотворительной деятельности православной церкви во Владикавказской епархии в 1914–1917 гг. показал, что она проявляла понимание необходимости поддержки государства и брала на себя большие расходы по содержанию раненых, помощи семьям военнослужащих, поддержанию морального духа населения. Священство епархии активно включалось в организацию госпиталей, сбор пожертвований, беседы на нравственно-патриотические темы.

Примечания

1. Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания. Пг., 1914. С. 68.
2. Афиногентова А.П. Социальная активность Русской православной церкви: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1993. С. 18.
3. Горожанина М.Ю. Деятельность православной церкви в годы Первой мировой войны // Доклады Академии военных наук. 2006. № 5 (23). С. 255.
4. Церковные ведомости. 1914. № 30. С. 382.
5. Владикавказские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). 1915. 15 февраля. С. 129.
6. ВЕВ. 1915. 15 марта. С. 92.
7. ВЕВ. 1916. 15 апреля. С. 26.
8. Церковные ведомости. 1916. № 10. С. 126.
9. Горобец А. Социальное служение Владикавказско-Моздокской епархии в годы Первой мировой войны. URL: http://www.ive1875.narod.ru/texts/Gorobets/texts/soz_sluz.htm (дата обращения: 31.05.2016).
10. ВЕВ. 1915. 15 марта. С. 16.
11. ВЕВ. 1916. 15 апреля. С. 555.
12. ВЕВ. 1915. 15 января. С. 212.

Ю.А. Бирюкова

Русская православная церковь на Юге России в условиях Гражданской войны: проблемы адаптации к новым политическим условиям

С началом Гражданской войны совпал период активных преобразований в Русской православной церкви. В конце XIX – начале XX вв. общественностью обсуждалась назревшая реформа синодальной системы.

Церковная жизнь протекала под знаменем явления, получившего название «церковной революции» – реформаторской активизации церковной общественности и низового «правотворчества» духовенства и мирян, – в общем, ломкой снизу синодальной системы управления, что, как правило, проходило не без крайностей и довольно болезненно для сложившегося церковного управления [1]. Захват власти большевиками и сопротивление этому процессу Добровольческого движения на Юге России зажали Церковь в тиски военного конфликта. Положение ее осложнялось оторванностью от центральной церковной власти, и она была вынуждена самостоятельно организовывать управление и решать текущие задачи на свой страх и риск, параллельно выстраивая свои отношения со светской властью.

Первая проблема, которая возникла перед Церковью в данный период, – это, конечно же, проблема ее положения в государстве. Но она не была новой. Вопрос этот, напрямую связанный с реформой синодального строя, интенсивно обсуждался в начале XX в. Сама Церковь была кровно заинтересована в его решении, в отличие от монархии, которая придерживалась в этом вопросе консервативной позиции. Процесс обсуждения был завершен в 1917 г. на Всероссийском поместном соборе.

Определение Священного собора православной российской церкви о правовом положении Православной российской церкви от 2 декабря 1917 г. было принято с целью обеспечения свободы и независимости Церкви в условиях изменившегося политического строя (прихода к власти Временного правительства, т.к. именно тогда был разработан проект), учитывало зарубежный опыт и российскую специфику государственно-церковных отношений [2]. Автором проекта был профессор Донского университета Павел Владимирович Верховский. После Февральской революции он развернул широкую общественную деятельность: изложил свое видение обновленных государственно-церковных отношений в серии статей, а затем в ходе Всероссийского съезда духовенства и мирян, прошедшего в Москве 1–12 июня. Его взгляды вполне типичны для представителя церковной общественности того времени. Предложенную им модель государственно-церковных отношений можно обозначить как кооперационную. Между государством и Церковью должна существовать связь, что не противоречит принципу свободы совести, однако Церковь в свободном государстве должна быть свободна и автономна в своей внутренней жизни, должна выполнять свои специфические функции – влиять на духовную и культурную жизнь общества, но не служить орудием государства в достижении его политических целей. Необходима сепарация государственной и церковной властей. Тем не менее отделение Церкви от государства в этой концепции не предусматривалось.

Позиция П.В. Верховского в период Гражданской войны не была аполитичной и неопределенной. Он всей душой был на стороне Добровольческих сил и не сомневался в их победе, действия же большевиков считал несовместимыми с нравственностью и свободой [3].

Сложно складывались отношения Церкви с Временным правительством. С одной стороны, именно оно позволило Церкви созвать Поместный собор, с другой – приняло ряд законов, не одобренных церковной общественностью. Духовенство Юга России, как и других ее губерний, приветствовало Февральскую революцию, надеясь, что она освободит Церковь от слишком тесных государственных объятий, «от обязательства играть какую-либо политическую роль» [4]. 25 апреля 1917 г. состоялся чрезвычайный Донской епархиальный съезд духовенства и мирян, в котором участвовало более 300 человек. Центральными были вопросы о положении Церкви в государстве и свободы всех вероисповеданий. Резолюция съезда гласила: «Так как вера составляет высшую ценность человеческого духа, распоряжение которой принадлежит только исповедникам этой веры, съезд признает справедливым и необходимым предоставить свободу вероисповедания всем без различия гражданам государства. 2) Православная Церковь не претендует на юридическое господство над другими исповеданиями, а признает в себе достаточную силу для развития и укрепления, свойственных ей жизненных начал. 3) Православная Церковь в отношении к государству, положившему в основу жизни принципы справедливости, свободы, равенства и братства, желает установить отношения не разделения, а содружества и сотрудничества в проведении этих принципов в жизни, причем считает для себя возможным пользоваться материальными средствами государства для удовлетворения своих нужд, не претендуя на исключительность в этом отношении перед другими религиями» [5].

Вместе с тем постановлением Временного правительства от 20 июня 1917 г. объединялись все учебные заведения, принадлежавшие разным ведомствам, и переводились в подчинение Министерству народного просвещения. В их числе подлежали передаче все школы, содержащиеся на государственные средства, включая 37 тыс. церковно-приходских и церковно-учительских школ, состоящих в ведении Священного синода. Постановление вызвало протест и критику в церковных кругах, однако было неизбежно, т.к. эти школы создавались государством с политической целью и содержались за государственный счет [6].

После начала вооруженного противостояния на Юге России отношения Церкви и власти складывались с учетом представления Добровольческих сил о самих себе и своих задачах. Командование Добровольческой армией претендовало на значение всероссийского объединяющего центра, вокруг которого должна была формироваться временная государственная власть, исповедовало принцип единоличной военной диктатуры и максимальной концентрации власти, создавало предпосылки для образования умеренно авторитарного государства. Вместе с тем Белое движение представляло собою военно-политический альянс русского национально-патриотического элемента с казачеством. Казачество вносило центробежную тенденцию в Добровольческое движение, стремясь к автономии. Казачьи государственные образования – правительства

Дона, Кубани и Терека – хотя и были союзническими, но отношения их с главнокомандующим складывались достаточно сложно. Атаманы и войсковые правительства стремились не допустить распространения власти Особого совещания при главкоме ВСЮР на территории казачьих областей в делах гражданского управления, защищая свой «суверенитет» [7]. Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, окончательно оформленный на учредительном съезде 16–21 октября 1917 г. во Владикавказе, претендовал на «полную самостоятельность» в составе России. Предусматривалось создание «объединенного правительства», «сплочение боевой мощи казачества», защита территории Союза от «надвигающейся волны анархии». С переводом ставки главнокомандующего в Таганрог и Ростов-на-Дону резко обострились его отношения с Кубанской радой [8].

В условиях, когда сами добровольческие силы не представляли единства, сложно было призывать к воссозданию единой России. В такой ситуации Церковь должна была выступить примирительной и объединяющей силой. Поэтому объединение епархий под началом общего церковного управления виделось как шаг к государственному единению территорий, как полагал Деникин, под властью Главнокомандующего. Все перечисленные выше факторы оказывали влияние и на церковную жизнь.

Итак, в создавшихся условиях Церкви на Юге России необходимо было решить проблему изоляции от Высшего церковного управления, оказавшегося на территории, окончательно занятой большевиками. 27 апреля 1919 г. по проблеме учреждения высшей церковной власти состоялось собрание, которое, по сути, представляло собой заседание религиозно-просветительского отдела Совета государственного объединения. Протопресвитер Г. Шавельский поставил на собрании проблему активизации церковной жизни и необходимости для этого учреждения Временного высшего церковного управления (далее – ВВЦУ) Юга России [9]. Было решено созвать для этого Собор. На первом заседании Предсоборной комиссии потребность в ВВЦУ мотивировалась необходимостью решения вопросов, «превышающих компетенцию духовной епархиальной и высшей военно-гражданской власти» [10]. Священник В. Кожин о мотивах создания ВВЦУ в газете «Донские ведомости» писал: «Полагали, что с помощью центрального органа легче будет устроять опустошенные большевиками епархии» [11].

Лидеры Белого движения возлагали на учреждаемую высшую церковную власть на Юге России определенные надежды, лежащие в практической плоскости, в области идеологии. Член Союза русских национальных общин В.М. Скворцов сформулировал свое видение мотивов, которыми оправдывалась необходимость учреждения высшего органа церковного управления: «Добрармия вследствие большевистского пленения и угнетения духовного вождя нашей Церкви Святейшего Патриарха Тихона не имеет от него благословляющей ее крестные подвиги

патриаршей грамоты, которая бы указала сбитому с толку темному народу молитвенноспоспешествующее отношение Церкви к Доброармии как собирательнице рассыпавшейся Русской земли и охранительнице святынь народной веры и Церкви, правопорядка и истинной свободы» [12]. Очевидно, подразумевается давление, оказываемое на патриарха пришедшими к власти большевиками. В результате в ряде посланий 1918–1919 гг. патриарх отверг участие Церкви в борьбе против советской власти и в политической борьбе в целом, заявив о позиции нейтралитета в Гражданской войне и аполитичности Церкви. Находясь в совершенно ином положении, чем территории страны, захваченной большевиками, церковное управление на Юге России могло действовать иначе, нежели центральная церковная власть. От Церкви ждали, что она, по словам Скворцова, «осветит духовным ореолом новосозданную русскую армию как христолюбивое воинство», т.е. официального благословения Белого движения.

С 19 по 24 мая 1919 г. прошли заседания Юго-Восточного русского церковного собора, ознаменовавшего продолжение соборной деятельности Церкви, прерванной и невозможной на территориях, занятых большевиками. Помимо решения проблемы организации церковного управления, Собор уделил внимание таким ключевым вопросам, как возрождение приходской жизни, административно-территориальные преобразования, поддержка духовно-учебных заведений и церковно-приходских школ, положение русского православного населения и духовенства Русской церкви в Закавказье, церковная дисциплина.

Главной проблемой духовных учебных заведений на Юге России являлось их слабое материальное обеспечение. Материальное положение мужских и женских учебных заведений было неодинаковым, к тому же оно разнилось по районам Юга России. Наиболее благоприятное положение было в Донской области, где учебные заведения содержались за счет казны и средств Войска Донского. По указу Временного правительства на Дону и Кубани все церковно-приходские школы были переданы в Министерство народного просвещения. Нестабильность политической ситуации привела к тому, что в Ставропольской губернии лишь часть школ была передана министерству, а 150 школ остались в ведении училищного совета. Они бедствовали в связи с прекращением государственного финансирования. Здания повсеместно реквизировались Добровольческой армией. Собор счел, что все церковно-приходские школы должны быть возвращены Церкви и обеспечены полностью из средств казны.

Несмотря на обстоятельства Гражданской войны, Собор говорил о возрождении приходской жизни. Были рассмотрены различные проекты организации прихода [13]. Идея развития прихода как единицы, способной стать основой не только духовного, но и социально-экономического возрождения государства, была трендом того времени. Политические организации, нечувствительные к начавшемуся возрождению приходской жизни, не замечающие роста народного внимания к Церкви и потому не участвующие в этом процессе, оставались аутсайдерами

политической борьбы внутри белого движения. Например, белогвардейская печать характеризовала партию «Национальный центр», ориентированную на буржуазию и близкую к руководящим кругам Особого совещания, и даже более демократический «Союз Возрождения», как не имеющие политических перспектив именно по этой причине [14]. И напротив, общественно-политические организации, уделявшие внимание этому вопросу, обладали наиболее сильным потенциалом.

Самый яркий пример – «Союз русских национальных общин». Устав союза провозглашал воссоздание «Великой, Единой и Неделимой России», и христианская Церковь (православная и старообрядческая) «должна морально и духовно объединять русский народ, нравственно влияя на все стороны государственной жизни». Для проведения национальной идеи в широкие народные слои Совет союза признал необходимым наладить тесное сотрудничество с церковными приходами [15]. Тем не менее проекты развития прихода как церковно-общественного центра, прозвучавшие в ходе заседаний Юго-Восточного собора, составляли альтернативу идеям «Союза русских национальных общин». Если Церковь стремилась к духовно-нравственному возрождению народа, следствием которого стало бы возрождение государства, то политические партии использовали идею общины для расширения сферы своего влияния и решения задач политического и государственного характера.

Острое обсуждение, возникшее на Соборе вокруг вопроса о местопребывании ВВЦУ, также стало следствием борьбы политических сил. Об этой дискуссии позднее вспоминал протопресвитер Г. Шавельский [16], сообщала газета «Приазовский край» [17]. Предсоборная комиссия предлагала учредить его местопребывание при высших гражданских учреждениях Добровольческой армии, донские представители возражали. По мнению протопресвитера, целью создания ВВЦУ являлось укрепление власти главнокомандующего, поэтому и находиться оно должно при нем. «Самостийники понимали это, – пишет Шавельский, – и уже собирались перетянуть ВВЦУ во Всевеликое войско Донское» [18].

Но не следует думать, что церковная власть в лице Собора во всем шла на поводу у главнокомандующего. Так, Собор придал статус самостоятельной епархии Кубанскому викариатству [19]. В условиях конфликта Деникина с Кубанской радой это деяние было способно навлечь подозрения в поддержке кубанской «самостийности».

С ростом территорий, контролируемых Добровольческой армией в 1919 г., рос и объем гражданских дел. 2 (15) февраля 1919 г. Деникиным было утверждено новое «Положение об Особом совещании», в которое вошло управление исповеданий [20]. Летом начальником управления исповеданий стал князь Г.Н. Трубецкой, в декабре 1919 г. исполняющим обязанности – граф В.В. Мусин-Пушкин [21]. Но ВВЦУ подвергало критике деятельность деникинского управления исповеданий [22].

В сентябре 1919 г. Деникин выпустил «Декларацию о взаимоотношениях Церкви и государства», в которой говорилось: «В согласии с новыми

началами, на которых создается государственная жизнь России, и в соответствии с постановлениями Всероссийского Поместного Собора, Православная Церковь свободна и независима в делах своего внутреннего распорядка и самоуправления. Впредь до выработки особых по сему предмету законоположений, учрежденному ныне Временному управлению исповеданий, подлежит иметь наблюдение за соответствием постановлений власти Православной Церкви в делах, соприкасающихся с областью государственных и гражданских правоотношений, с существующими общими государственными узаконениями. Через его посредство осуществляется поддержка, оказываемая государственной властью Церкви в ее материальных и иных нуждах» [23].

Профессор Верховский высоко оценил декларацию генерала Деникина, в частности отметив: «… в письме ген. Деникина и речи нет об отделении Церкви от государства. Более того, он не проектирует и каких-либо своих форм их взаимоотношения. Он принимает и санкционирует главнейшие основные черты Соборного Определения 2 декабря 1917 г. по этому вопросу…». Положительно комментирует Верховский и задачи Временного управления исповеданий как наблюдателя за соответствием постановлений церковной власти гражданским законам, делая, однако, оговорку, что «форма и способы этого наблюдения никак не определяются», но судя по всему, Деникин не пойдет по пути «бюрократического надзора, осуществлявшегося весьма неудовлетворительно бывшими синодальными обер-прокурорами» [24].

Таким образом, можно заметить, что Церковь на Юге России стремилась к независимой позиции, не политической, а религиозно-нравственной, поддерживая Добровольческую армию как законную государственную власть, союзницу Церкви в борьбе с безбожием и гонением на веру. Церковь поддержала основной политический лозунг Белого движения о «непредрешении» формы правления, что ей самой позволяло оставаться выше политической борьбы. Ее роль в благополучии России виделась определяющей, но в ином смысле, нежели использование ее авторитета теми или иными общественно-политическими силами или даже официальной властью.

Примечания

1. Рогозный П.В. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. С. 15–16.

2. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Вып. 2. С. 6–8.

3. [Проекты текстов приветственных телеграмм, составленные Верховским] // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 56; Бирюкова Ю.А. Апология православного духовенства в тюремных записках П.В. Верховского 1922 г. // Przegląd Wschodnioeuropejski. Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie Wydział Humanistyczny Instytut Historii i Stosunków Międzynarodowych, Olsztyn. 2015. № VI/2. С. 52–65.

4. [Записка о государственно-церковных отношениях в Донской области. 8 февраля 1922 г.] // Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Ростовской области. Д. П-59205. Т. 8. Л. 171–172 об., 174–177.

5. Вольный Дон. 1917. 29 апреля. № 20.

6. Об объединении в целях введения всеобщего обучения учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения, 20 июня 1917 г. // Церковные ведомости. 1917. № 28. С. 191.

7. Бутаков Я.А. Особое совещание при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России (1918–1919 гг.). URL: http://www.antibr.ru/dictionary/ae_ossov_gk.html (дата обращения: 14.02.2016).

8. Карпенко С. Добровольческая армия и казачий «Юго-Восточный союз»: разные пути возрождения России // Обозреватель – Observer. 2012. № 10. С. 119; Пученков А. С. Деникин и Кубань в 1919 году: два эпизода отношений // Русский сборник: исследования по истории России. М., 2012. С. 385–406.

9. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 17–25.

10. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

11. Донские ведомости. 1919. 31 мая (13 июня). № 124.

12. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 19об.

13. Подробнее об этом см.: Бирюкова Ю А. Позиция Юго-Восточного русского церковного Собора 1919 г. в политическом противостоянии периода гражданской войны // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 60 (5). С. 9–17.

14. Свободная речь. 1919. 27 августа. № 174.

15. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 22, 32–33об., 37об.

16. Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота: в 2 т. Т. 2. Нью-Йорк, 1954. С. 344.

17. Приазовский край. 1919. 30 мая. № 121.

18. Шавельский Г. Указ. соч. С. 351.

19. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

20. Бутаков Я.А. Указ. соч.

21. Кандидов Б.П. Церковь и гражданская война на Юге (материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). М., 1931. С. 36.

22. Молчанов Л.А. Мы не дали верующим всего того, что должны были дать (Временное высшее церковное управление на Юге России) // Белая гвардия: Русская православная церковь и белое движение. М., 2008. С. 34.

23. Кандидов Б.П. Указ. соч. С. 37; Церковные ведомости. 1919. № 2–3.

24. Кандидов Б.П. Указ. соч. С. 38; Верховский П.В. Исторический акт // Церковные ведомости. 1919. № 4.

К.Б. Чигиринская

Священнослужители Русской православной церкви – свидетели и участники Гражданской войны на Юге России

В научных и общественных кругах до сих пор, спустя почти 100 лет, не утихают дискуссии о причинах Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны. Конечно же, недостаточно назвать в числе причин

социальные, политические и национально-этнические противоречия, сохранившиеся в России и после Февральской революции. Немаловажным фактором была и духовная составляющая этих процессов.

В современной светской научной литературе практически не встречается анализ отношений Церкви и государства в синодальный период, повлиявших колоссальным образом на духовное состояние русского общества. Поэтому для характеристики этого духовного кризиса, имевшего трагические последствия в начале XX в., исследовался ряд богословско-философских трудов русских священнослужителей и богословов XIX – начала XX вв.: Игнатия Брянчанинова, Георгия Флоровского, Николая Японского и других, что отражено в представленной статье. Также использованы материалы из истории Волгоградской епархии Русской православной церкви и свидетельства и фрагменты воспоминаний представителей духовенства – очевидцев событий, происходивших на части территории нынешней Волгоградской области и Юге России в 1917–1920 гг.

В допетровские времена Церковь имела колоссальный авторитет в народной среде. Как писал в 1937 г. в Париже отец Георгий Флоровский в своем религиозно-философском произведении «Пути русского богословия», петровская церковная реформа «означала сдвиг и даже надрыв в душевных глубинах… В своем попечительном вдохновении “полицейское государство” неизбежно оборачивается против Церкви. Государство не только ее опекает. Государство берет от Церкви, отбирает на себя, берет на себя ее собственные задачи» [1].

Епископ Игнатий (Брянчанинов) (1807–1867) задолго до трагических событий начала XX в. видел предвестие неминуемой национальной катастрофы в разложении православного сознания. Он отмечал, что верхние слои общества склонялись к равнодушию в вере, а нижние все чаще уходили в раскол [2].

Святитель Николай Японский (1836–1912) писал 18/31 июля 1904 г.: «Дворянство наше веками развращалось крепостным правом и сделалось развратным до мозга костей. Простой народ веками угнетался тем же крепостным состоянием и сделался невежественен и груб до последней степени; служилый класс и чиновничество жили взяточничеством и казнокрадством, и ныне во всех степенях служения – поголовное самое беспросветное казнокрадство везде, где только можно украсть… духовенство, гнетомое бедностью, еле содержит катехизис – до развития ли ему христианских идеалов и освящения ими себя и других?» [3].

Русский военачальник генерал-лейтенант А.И. Деникин также отмечал, что религиозность настолько пошатнулась, что начался «процесс духовного перерождения русского народа». Духовенство теряло уважение в народной среде. Настроение населения переносилось и в военную среду. Традиционное представление о «христолюбивом воинстве» было к началу XX в. сильно поколеблено, что сказалось на уровне духовности в Русской императорской армии. «Духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск», – отмечал А.И. Деникин [4].

Русская эмигрантка первой волны Мать Мария (Скобцова) в своей статье «Типы религиозной жизни» раскрывает духовную сущность процессов, происходивших накануне 1917 г., и объясняет, почему в рядах революционеров было много семинаристов и детей священников. «Вся система предопределяла то, что самые религиозно одаренные и горячие люди не находили в ней себе места. Они или уходили в монастыри, стремясь к полному отрыву от всякой внешней церковной деятельности, или же вообще подымали мятеж, бунтуя зачастую не только против данной церковной системы, но и против Церкви. Так растился у нас антирелигиозный фанатизм наших революционеров, столь похожий в своей первоначальной стадии на огненное горение подлинной религиозной жизни. Он втягивал в себя всех, кто жаждал внутреннего аскетического подвига, жертвы, бескорыстной любви, бескорыстного служения – всего того, что официальная государственная Церковь не могла людям дать» [5].

В 1918 г. в Царицыне действовали: бывший семинарист Иосиф Джугашвили (Сталин) – народный комиссар по делам национальностей, общий руководитель продовольственного дела на Юге России и член Военного совета Северо-Кавказского военного округа, сыновья священников: Сергей Минин – председатель Царицынского комитета РСДРП(б) и председатель Штаба обороны и Николай Руднев – начальник отдела формирования 10-й армии.

Революции 1917 г. повлияли на изменения внутри самой Церкви, уставшей от косности и диктата власти. В отличие от высших иерархов в провинциальных епархиях и приходах приветствовали свержение царизма и установление новой демократической власти. Неслучайно архиерей Саратовской епархии, в состав которой входил город Царицын, владыка Палладий обратился к пастырям епархии с призывом беспрекословно подчиниться Временному правительству до созыва Учредительного собрания [6].

Повсеместно после Февральской революции проходили собрания духовенства, проводились молебны по случаю обновления государственной власти. После благодарственных молебнов по улицам под музыку духового оркестра с плакатами проходили демонстрации. В Пасху 1917 г. народ праздновал Воскресенье правды и свободы [7].

14 июля 1917 г. был издан закон о свободе совести. 5 ноября 1917 г. было восстановлено патриаршество в лице патриарха Тихона (Белавина). После разгона Учредительного собрания (январь 1918 г.) над православной церковью стали сгущаться тучи. В развернувшейся Гражданской войне Русская церковь официально оставалась на позициях нейтралитета. Патриарх Тихон, обличая большевиков, запрещал духовенству становиться и на сторону белых, не поддерживать их публично.

В ноябрьские и декабрьские дни 1917 г. новая советская власть утверждалась в губернских и уездных центрах. На многих территориях, включая казачьи округа Донской области, обострились классовые противоречия. Настроение жителей в связи с неясными событиями

в Петрограде было тревожным. Основная часть донского казачества в этих условиях оставалась политически нейтральной. Уже с осени 1917 г. Нижняя Волга и Дон стали ареной ожесточенных боев.

В январе 1918 г. по казачьим округам Войска Донского было разослано «Воззвание Донских архипастырей и пастырей к православным русским людям по случаю междоусобной брани на Дону», в котором говорилось: «Ко всем несчастиям, вызванным продолжительною войной, ныне присоединилось тягчайшее из всех зол – братоубийственная война. Начавшись… в столицах, эта междоусобная брань кровавым пожаром охватила и испепелила русские города и села, а ныне грозный вал разбушевавшейся волны докатился до мирных берегов Тихого Дона и русскою кровью обильно поливает наши придонские поля… Ныне и мы, жители Тихого Дона, испытали на себе блага большевистской власти. В наши мирные города и станицы посылаются карательные отряды для борьбы с населением Дона, не пожелавшим подчиниться захватчикам власти. Очевидно, большевикам не нравится, что есть еще на Руси области, свободные от их влияния, нетронутые пожаром анархии, и, замыслив уничтожить казачество как последний оплот гражданского порядка и демократии, кровавые насильники обрушились своим бессильным гневом на Дон, где рядом с казаками живут и крестьяне, а следовательно, междоусобная брань не пощадит и их…

…Пора положить конец кровавой бойне, способной привести нас к самоистреблению… Войско Донское даст мощный отпор насильникам. Всемерно и всемощно поддержим его в борьбе с самозваной властью» [8]. В начале 1918 г. в Хоперском округе повсеместно устанавливалась советская власть. В апреле 1918 г. партизанский отряд прапорщика Дудакова из 60 человек захватил станицу Урюпинскую и удерживал ее в течение трех дней. Ни одна из хоперских станиц не поддержала Дудакова, а на выручку красным из Алексиково пришел бронепоезд.

На территориях, занятых красными, как правило, запрещался колокольный звон, священники подвергались оскорблениям, обыскам, угрозе расстрелов. С приходом отряда Р.Ф. Сиверса 22 июня в станице Урюпинской возникла опасность для священника о. Петра Протопопова (вероятно, автора летописи Христорождественской церкви, которая ведется от третьего лица), с которого стали требовать контрибуцию в размере 10 тыс. рублей, грозили расстрелом. Видя единодушие и слезы простых женщин, вставших на защиту батюшки, красноармейцы освободили священника.

Летом 1918 г. начались бои на царицынском направлении. По мере того как фронт осенью 1918 г. то приближался, то удалялся, на Верхнем Дону повторялись паника и бегство жителей из станиц. Духовенство также покидало свои приходы и уходило в безопасные районы, где действовали части Донской армии генерала П.Н. Краснова. Отец Петр Протопопов один оставался на территории, занятой красными, чем вызвал у остальных священников округа недоверие и подозрительность.

В рядах священнослужителей не было единодушия по отношению к новой советской власти. Те, кто приняли ее, входили, как правило, в обновленческие союзы клириков и мирян. Многие продолжали, как отец Петр Протопопов, оставаться нейтральными по отношению к политическим событиям разного рода, не вмешиваясь в их течение. Но были и откровенные противники новой власти, активно поддерживавшие Белое движение. В мае 1918 г. обязанности архипастыря Донской армии принял на себя епископ Аксайский Гермоген (Максимов), викарий Донской епархии. Для поднятия настроения архиерей служил молебны в расположении казачьих частей. 16 августа он выступил на Большом войсковом круге с речью, обличающей большевиков: «Много перенесли мы, духовенство, от этих зверей в образе человека. Над нами издевались, и я много раз был в опасности. В лучшем случае нам грозили расстрелом» [9].

Отец Петр Протопопов, оставаясь в станице, весной 1919 г. стал свидетелем событий, описанных им в летописи. В Хоперском крае революционный трибунал расправлялся со всеми контрреволюционными элементами, активными противниками советской власти. Обвиняемые приводились из станиц и хуторов, в ожидании участи размещались в подвалах трибунала. «Процессии осужденных под конвоем за станицу повторялись всю весну. По утрам и вечерам часто слышны были выстрелы пачками. Это расстреливались осужденные на краю могил – ям, вырытых руками арестованных буржуев. Настроение всего населения крайне подавленное. Все жители в страхе за свою жизнь» [10].

Урожай 1919 г. станичников и хуторян весь погиб. Проходившие войска собирали в полях хлеб, особенно просо, на корм лошадям. Несколько раз власть в округе переходила от белых к красным. Последний раз белоказачьи части покинули станицу Урюпинскую 4 ноября 1919 г. В апреле 1921 г. Хоперский округ вошел в состав Царицынской губернии.

Процесс образования Царицынской епархии (отделения от Саратовской) в условиях Гражданской войны затянулся на несколько лет, хотя решение было принято еще в 1917 г.

Царицынская епархия была вначале викарианством Саратовским. Первым епископом Царицынским в 1918 г. стал Дамиан (Говоров) [11]. Осенью 1918 г. многие священнослужители города оказались в числе арестованных и заключенных. Среди них был и владыка Дамиан. С приходом в город частей Кавказской армии 30 июня 1919 г. он был освобожден из тюрьмы и провел благодарственный молебен в Александро-Невском соборе. 11 июля благодарственные молебны по случаю взятия города белыми проводились во всех царицынских храмах. Через полгода, 3 января 1920 г., части 10-й и 11-й армий выбили из города остатки Кавказской армии, вместе с которыми ушел и владыка Дамиан. Из Ростова-на-Дону он отправился в Крым, в Севастополь. В своем дневнике архиепископ писал: «Беженцы были успокоены упорными заверениями, что Крым – место неприступное для Красной армии…» [12]. В дальнейшем владыка Дамиан оказался в эмиграции в Болгарии.

Долгие годы бывшие лидеры Белого движения и представители высших классов пытались разобраться в причинах поражения. В отличие от военспецов РККА белые вожди были наделены еще и политической властью, которой они не смогли воспользоваться, чтобы привлечь на свою сторону большинство простого народа. Представители Белого движения не поняли, что ставку они должны были делать на крестьянство. Случаи презрительного отношения к низшему сословию, жестокости как казаков, так и добровольцев, преследования крестьян и покровительства помещикам были нередки, что настраивало простой люд против белых. Большинство представителей интеллигенции, собравшихся на территориях, занятых белыми, смотрело на Октябрьскую революцию как на мужицкий, хамский бунт, лишивший их благополучия, мирной и безмятежной жизни.

Судя по воспоминаниям священнослужителей Добровольческой армии, отношение к Церкви и ее представителям у добровольцев резко отличалось от глубокой религиозности казаков. 27 ноября / 10 декабря 1918 г. А.И. Деникин назначил протопресвитером военного и морского духовенства Добровольческой армии Г. Шавельского. Уже в эмиграции отец Георгий Шавельский порвал отношения с Русской православной церковью заграницей и перешел в юрисдикцию Болгарского экзархата. Тем не менее представляют интерес его «Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота» с характеристикой Белого движения на Юге России и места Церкви в Белом движении, написанные в 1943 г. В своих воспоминаниях о. Георгий называет причины неудач Белого движения. «Если хотя бы не все – этого никогда не бывает, – а большинство в Добровольческой армии прониклось мыслью, что в ту пору нужно было жертвовать не только своею жизнью на поле брани, но и своими правами, преимуществами, достоянием своим и мечтать не о реставрации старого, а о стройке нового, отвечающего интересам не отдельных классов, а целого народа, – тогда, думается, добровольческий подвиг привел бы нас к лучшим результатам» [13]. Далее он писал: «Сколь многие из внешне образованных людей оставались по натуре крепостниками, пользовавшимися трудами простого народа и слишком мало радевшими о благе его. Не они ли были виновны в том, что до самого последнего времени наш простой народ оставался невежественным? На них, а не на простой народ, падает поэтому и главная вина за уже сотворенные революцией и еще творимые ею неисчислимые ужасы, мучения и преступления» [14]. Отец Георгий также отмечал, что авторитет духовенства не был высок в армии. Открытое неуважение проявлялось чаще всего во время проповедей священнослужителей, когда офицеры отворачивались и закуривали, смеялись и рассказывали анекдоты, стоя в стороне, во время крестных ходов.

Сменив на посту главнокомандующего Вооруженных сил Юга России генерала А.И. Деникина, генерал П.Н. Врангель в апреле 1920 г. обратился к епископу Севастопольскому Вениамину (Федченкову) с просьбой принять должность управляющего военного и морского духовенства

с титулом епископа армии и флота. Отец Вениамин пишет в своих воспоминаниях «На рубеже двух эпох» следующее: «Авторитет Церкви вообще был слабый… Голос наш дальше храмовых проповедей не слышался. Да и все движение добровольцев было… патриотическим, а не религиозным. Церковь, архиереи, попы, службы, молебны – все это для белых было лишь частью прошлой истории России, прошлого старого быта, неизжитой традиции и знаком антибольшевизма, протестом против безбожного интернационализма…» [15].

Отец Вениамин, как и его предшественник, рассуждает о том, что Белому движению по сути нечего было противопоставить большевикам. «Старые привычки? Реставрацию изжитого петербургского периода русской истории и восстановление “священной собственности”, “Учредительное собрание” или “Земский Собор”, который каким-то чудом все-все разъяснит и устроит? Нет, мы были глубоко бедны идейно. И как же при такой серости мы могли надеяться на какой-то подвиг масс, который мог бы увлечь их за нами? Чем? Я думаю, что здесь лежала одна из главнейших причин провала всего Белого движения – в его безыдейности» [16].

Сам о. Вениамин написал доклад А.В. Кривошеину, возглавлявшему правительство Юга России при П.Н. Врангеле в Крыму. В нем он дал характеристику положения, в котором оказались белые армии и часть населения России с точки зрения религиозной, моральной и народной. Он подытоживает: «Народ не считает нас своими. Далее я спрашивал: можем ли мы измениться? Опыт трех лет борьбы показывает – нет! А если так, то мы должны сознаться, что спасителями Родины быть не можем» [17]. Через полтора месяца части Русской армии покинули Россию.

Смыслом и сущностью Белого движения стали попытки воссоздать на части территории бывшей Российской империи дофевральскую государственность и использовать Гражданскую войну как единственное и законное средство борьбы за возвращение утраченной власти и восстановление прежних социально-экономических прав. С точки зрения священнослужителей белых армий Юга, отца Георгия (Шавельского) и отца Вениамина (Федченкова), Белое движение было обречено.

Примечания

1. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. М., 2009. С. 114–115.

2. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Собрание писем / сост. игумен Марк (Лозинский), общ. ред. А. Трубачева. М.– СПб., 1995. С. 739.

3. Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Дневники 1870–1911 гг. СПб., 2007. С. 616–617.

4. Деникин А.И. Очерки Русской смуты. Т. 1. М., 1991. С. 78–80.

5. Мать Мария (Скобцова). Типы религиозной жизни // Вестник русского христианского движения. 1997. № 176. С. 8–9.

6. Сев. 1917. № 8. 11 марта. С. 5.

7. Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви станицы Урюпинской Хоперского округа Области Войска Донского. 1913–1920 гг. //

Церковно-приходское летописание на волгоградской земле. Документы. Ч. I. Волгоград, 2015. С. 217.
8. Там же. С. 253–255.
9. Донской край. 1918. № 97. С. 2.
10. Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви станицы Урюпинской Хоперского округа Области Войска Донского. 1913–1920 гг. … С. 281.
11. Очерки по истории Волгоградской епархии Русской православной церкви. Волгоград, 2003. С. 152.
12. Дневник архиепископа Царицынского Дамиана 1919–1922 гг. // Мир православия. Вып. 4. Волгоград, 2002. С. 281.
13. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 373.
14. Там же. С. 398.
15. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 266.
16. Там же. С. 269–270.
17. Там же. С. 271.

Н.В. Кияшко

Епархиальная власть на Кубани и Черноморье в условиях Гражданской войны (1918–1920 гг.)

Гражданская война внезапно нахлынула на южные регионы страны. Последствия масштабного социального кризиса, вызвавшие изменение политического устройства России и народные столкновения, не могли не сказаться на жизни духовенства Русской православной церкви. Сложившаяся дихотомия общественно-политических взглядов явилась катализатором социальных проблем, накопленных в течение столетий. Духовенство в этот период было призвано оставаться индифферентным к социально-политическому противостоянию и силой авторитета не оказывать содействия тем или иным сторонам через выражение своих политических симпатий. Особенно болезненно происходила борьба на Кубани – в регионе, где жизнь значительной части населения характеризовалась консервативным укладом.

К сожалению, в силу идеологических причин долгое время положение православного духовенства Кубани в период Гражданской войны оставалось всецело не изученным и рассматривалось исключительно с ярлыком «контрреволюционности». Такой подход представлен в работах Б.П. Кандидова [1].

Проблемам положения духовенства Кубани и епархиальной власти в период Гражданской войны посвящены публикации современных историков. К ним можно отнести работы таких авторов, как священник А.А. Небавский [2], А.Ю. Рожков [3], М.Ю. Горожанина [4], Н.В. Кияшко [5]. В целом можно утверждать, что настоящая тема во многих аспектах все еще остается открытой для исследователей.

В январе – феврале 1918 г. на территории Кубани начались бои красноармейских отрядов с частями Добровольческой армии. 1 апреля (по старому стилю) после неудачного I Кубанского похода белых и штурма города Екатеринодара (в настоящее время – Краснодара) Юго-Восточная революционная армия полностью захватила город. Вскоре туда прибыл из Армавира Кубанский областной центральный исполнительный комитет – новый орган власти. В результате неудачных для белогвардейцев столкновений большевики захватили территорию области. 1–14 апреля в Екатеринодаре работал II съезд Советов Кубани, объявивший об образовании Кубанской советской республики [6].

Кубанское викариатство Кавказской и Ставропольской епархии в это время продолжало существовать под руководством епископа Кубанского и Екатеринодарского Иоанна (Левицкого). С началом вооруженных столкновений транспортное и почтовое сообщение с главой епархии архиепископом Кавказским и Ставропольским Агафодором (Преображенским) было прервано. Это видно из того, что в выходивших Ставропольских епархиальных ведомостях с 13 февраля 1918 г. перестали публиковаться сообщения о «переменах по службе» духовенства Кубани и служениях Преосвященного Иоанна. К сожалению, ограниченный круг источников не позволяет в полной мере реконструировать положение епархиального управления, но фрагментарные свидетельства оставляют возможность частично проследить деятельность епархиальной власти в годы Гражданской войны.

Во время боев и последовавшего затем захвата города Екатеринодара большевиками епископ Иоанн находился там вместе с местным духовенством. В этот период функционирование всех епархиальных учреждений было приостановлено, и лишь при епископе продолжала действовать канцелярия. Однако в марте никаких назначений духовенства на священнические, диаконские и псаломщические вакансии не происходило.

Новая власть была явно враждебно настроена к Русской православной церкви. Вполне вероятно, что красноармейцы после захвата города приходили с обыском в архиерейский дом. Достоверно известно, что после установления власти советов епископ Иоанн вместе со своими ближайшими помощниками (келейником Борисом Черченко, секретарем диаконом Антонием Седач) в первых числах апреля уехал в Екатерино-Николаевскую Лебяжью пустынь и находился в ней некоторое время, а затем, после возвращения, два раза подвергался нападению красноармейцев [7].

По прибытии епископа в кафедральный город с 26 апреля по 3 мая был произведен ряд назначений и перемещений духовенства, о которых только 23 мая были опубликованы извещения в епархиальных ведомостях [8]. На отсутствие епископа в апреле в Екатеринодаре указывают сведения о длительном ожидании его решения священником В.Е. Тимофеевским, прибывшим за получением нового места службы [9].

Среди документов Государственного архива Российской Федерации встречается упоминание о проходившем в июне 1918 г. в Екатеринодаре епархиальном собрании, на котором поднимался вопрос о необходимости поддержки преподавания Закона Божия [10]. В июле в Ставрополе на епархиальном собрании одной из главных тем обсуждения стало выделение Кубанской епископии из Ставропольской епархии, но, не достигнув единства мнений, делегаты ходатайствовали перед Святейшим Патриархом образовать «два епархиальных совета – Ставропольский и Кубанский ввиду всей очевидности и необходимости дать Кубанскому краю возможность решать дела церковные у себя на месте» [11]. В Москву отправился священник И. Гревцов, который затем получил соответствующий указ Патриарха на образование только Кубанского епархиального совета и в октябре привез его в Ставрополь.

Отсутствие доверия к советской власти со стороны казаков со временем привело к тому, что под давлением наступавшей Добровольческой армии большевики были вынуждены отступить за пределы области. Уже практически к августу 1918 г. в регионе была восстановлена прежняя система управления, а церковная жизнь нормализована.

Не имея возможности длительное время ожидать указа Патриарха, делегаты от кубанского духовенства добились от архиепископа Агафодора разрешения на организацию Епархиального совета 17 августа 1918 г. [12]. Совет, получив ряд административных функций, формально стал осуществлять «консисторскую» деятельность: в его ведение были переданы бракоразводные дела, общая переписка с органами власти. Председателем совета стал священник Г. Ломако, а членами – священник И. Николайченко, протоиерей М. Виноградов и мирянин И.Н. Терещенко. Для ведения делопроизводства совету было необходимо обращаться к документам Ставропольской духовной консистории, что вызывало значительные затруднения в работе. Поэтому с восстановлением железнодорожного сообщения в консисторию отправилась особая комиссия для перевозки всех документов последних лет, касающихся Кубанской области. Из-за нехватки вагонов не было возможности перевезти все документы, поэтому комиссия вывезла лишь метрические книги храмов за последние 30 лет, неоконченные ставленнические и бракоразводные дела. Всего из консистории было передано до 5000 дел. С этого момента де-факто начал свою деятельность Кубанский епархиальный архив [13].

Существенной проблемой в обеспечении деятельности Епархиального совета явилась нехватка помещений. Необходимость размещения военных учреждений Добровольческой армии вынуждала краевое правительство идти на изъятие у епископии зданий. Долгое время Епархиальный совет размещался в одном из небольших флигелей епархиального женского училища, а архив находился в неразобранном состоянии. Вследствие нерешительности в ряде административных вопросов епископ Иоанн со временем потерял контроль над деятельностью

Епархиального совета. Фактическим управляющим всеми делами в епархии стал председатель священник Григорий Петрович Ломако.

Стоит отметить, что основанием для падения авторитета власти епископа послужили события 1917 – начала 1918 гг., когда существовал Совет Союза духовенства Кубанской области. По мнению архиепископа Волынского и Житомирского Евлогия (Георгиевского), «этот совет широко развил свою работу… он имел большую заслугу в церковной жизни Кубани в эту трудную годину, особенно в деле защиты духовенства перед разными исполнительными комитетами и другими революционными организациями, а равно и в деле ограждения его от произвола взбудораженной темной толпы» [14]. Примером решительного давления на епископа со стороны совета может послужить процесс с назначением священника Даниловского на должность столоначальника Кубанской епархиальной канцелярии. Поступившее прошение Даниловского епископ Иоанн передал в совет на последующее утверждение, но члены совета нашли недопустимым совмещение должностей приходского священника и епархиального чиновника. Однако епископ решил, снисходя к материальным трудностям большого семейства священника, допустить его к работе в канцелярии. В ответ на это к Преосвященному Иоанну прибыли все члены совета и потребовали объяснения. «Мы не можем, – говорил от лица собравшихся председатель совета Г. Ломако, – работать при наличии недоверия епископа к совету – кто либо должен сойти со сцены: или мы, или Вы».

Столь дерзкое поведение непременно должно было бы вызвать соответствующие дисциплинарные меры со стороны архиерея, но епископ сразу же выразил сожаление по поводу своих решений, согласившись с позицией совета [15]. Этот инцидент иллюстрирует захват епископской власти советом Союза и бессилие епископа Иоанна в делах управления. При этом, касаясь личностного портрета епископа, необходимо упомянуть, что он был искренним и глубоко верующим, добрым. «Это большой труженик, у которого нет ни частных знакомых, ни развлечений с друзьями – который все свое время отдает служебным обязанностям. Утром – ежедневный прием [посетителей] до 2 часов, вечер и добрая часть ночи – занятие епархиальными делами в кабинете; в его резолюциях видна внимательная, кропотливая работа», – так описывал жизнь епископа Иоанна современник [16]. Именно отсутствие твердости епископа привело впоследствии епархиальную власть и духовенство к глубокому кризису.

С началом 1919 г. на Кубани вступило в свою активную фазу создание новой политической системы во главе с Кубанским краевым правительством. Отстраненность епископа от участия в общественно-политических процессах постепенно привела к полному отсутствию внимания со стороны структур власти к проблемам епархии. Епископ Иоанн не присутствовал на открытии Законодательной рады, даже не поздравил с избранием войсковым атаманом А.П. Филимонова,

не совершал никаких личных визитов, ограничиваясь официальной перепиской. «Вообще он мало интересовался общественно-политическими течениями, недостаточно ясно в них разбирался, чтобы использовать их для целей епархиальной жизни. Из личной беседы с Преосвященным Иоанном я убедился, как смутно он представляет себе, что творилось и творится в Краевом правительстве и Краевой и Законодательной радах, к кому полезно было бы обращаться для удовлетворения тех или иных нужд епархиальной жизни», – писал архиепископ Евлогий [17].

Решением Юго-Восточного русского церковного собора и указом Временного высшего церковного управления (далее – ВВЦУ) 18 июня 1919 г. Кубанская епископия Кавказской и Ставропольской епархии была выделена в самостоятельную епархию. На самостоятельности особенно активно настаивало Кубанское правительство в лице своего представителя на соборе А.П. Гаденко. Одновременно с образованием Кубанской епархии самостоятельный статус получили приходы Черноморского побережья, выделенные в Черноморскую и Новороссийскую епархию. Управление епархией возглавил бывший Сухумский епископ Сергий (Петров). При нем вскоре был образован Черноморский епархиальный совет, состав которого получил утверждение указом ВВЦУ от 23 октября 1919 г. [18]. Через некоторое время по настоянию епископа Николаевскому храму Новороссийска был присвоен статус Черноморского кафедрального собора [19].

По предложению члена Краевого правительства К.А. Безкровного была образована комиссия для разрешения административных вопросов, связанных с организацией Кубанской епархии. Несмотря на то что деятельность комиссии принесла значительные результаты, исполнение правительством ее решений затягивалось [20]. Появившийся диссонанс между членами правительства усугублялся значительным противоречием в его решениях. Нужно заметить, что согласно «Временному положению об управлении Кубанским краем» (§ 4) никто в пределах края не мог пользоваться привилегиями по вероисповедному признаку. Но вместе с этим Епархиальный совет был признан правительственным учреждением, а его содержание принято на казенный счет. Таким образом, краевой орган власти оказывал открытое покровительство Церкви. В дальнейшем, основываясь на этом пункте, некоторые члены правительства препятствовали выделению казенных средств для епархии.

Наступивший к середине 1919 г. кризис кубанской епархиальной власти был очевиден для всех. Члены ВВЦУ, осознавая, что в случае развала церковной жизни на Кубани управление потеряет не только поддержку, но и контроль над духовенством, отстранили епископа Иоанна от управления епархией. В письме от 2 августа 1919 г. за подписью почетного члена ВВЦУ митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого) епископу Иоанну было предложено отказаться от управления епархий и просить назначения в какое-либо викариатство или же «подвергнуться ревизии» [21]. Очевидно, что Преосвященный Иоанн выбрал ревизию.

Указом ВВЦУ от 12 октября 1919 г. № 194 в епархию был направлен архиепископ Евлогий, которому было поручено провести ревизию всех дел управления. Уже к 31 октября им были изучены документы архива, получены мнения и отчеты от епископа Иоанна, Епархиального совета, руководителей епархиальных учреждений, на основании которых он сделал вывод, что «церковная жизнь в Кубанской епархии развивается туго и неправильно» [22]. 13 ноября Кубанский епископ был вызван на заседание ВВЦУ, где после отчета о ревизии ему предложили высказать свое мнение. В результате длительных колебаний архиерей решил уйти на покой с настоятельством в Кавказском Николаевском монастыре, а управление епархией было возложено на епископа Уманского Димитрия (Вербицкого) с возведением его в сан архиепископа [23].

В силу проблем с транспортным сообщением епископ Димитрий в установленный срок не прибыл в Екатеринодар, а потому «впредь до его прибытия» временным управляющим епархией стал митрополит Антоний, о чем 10 декабря 1919 г. было объявлено в указе ВВЦУ [24]. Можно утверждать, что недолгий период его управления епархией не был бездеятельным. Многочисленные прошения и резолюции на них митрополита Антония как управляющего кубанским духовенством, выявляемые в архиве Екатеринодарской епархии, указывают на его активное участие в церковной жизни. Однако пассивность местного духовенства, нравственный уровень которого в ряде случаев был крайне низок, была препятствием в развитии приходской деятельности. В таком же состоянии находилось население станиц и хуторов, настроенное против Добровольческой армии.

Протопресвитер Г.И. Шавельский в целях успокоения населения в январе 1920 г. отправился проездом через станицы Екатеринодарского отдела с проповедью мира. Предварительно он доложил об этом митрополиту Антонию, который одобрил поездку и сказал: «Если надо, и я готов поехать по станицам» [25].

Наступивший рост напряжения в отношениях кубанского правительства и руководства Добровольческой армии передавался казачьему населению, среди которого стали частыми восстания против белых. Неудачи армии и приближение большевиков к области вынудили митрополита Антония уехать в Новороссийск, а затем в марте он был эвакуирован вместе с председателем Епархиального совета священником Г. Ломако на Афон [26].

После перехода территории Кубани и Черноморья под власть большевиков, с апреля по ноябрь 1920 г., епархия находилась под управлением епископа Сергия (Лаврова). Свидетельства об этом можно найти в списке М.Е. Губонина и в документах архива Екатеринодарской епархии [27]. По выражению епископа Краснодарского Флавиана (Иванова), епископ Сергий управлял «без всяких благословений и назначений Святейшего Патриарха Тихона» [28].

Отсутствие какой-либо связи между епископом Сергием и находящимся в Крыму ВВЦУ объясняет последовавший 16 апреля 1920 г. указ

№ 503 о назначении епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова) управляющим частью Черноморской епархии. Нагруженный различными должностными обязанностями, Преосвященный не мог своевременно заниматься делами Черноморья, поэтому 18 августа 1920 г. «временное управление освобождающимися от большевиков частями Кубанской и Черноморской епархий впредь до освобождения кафедральных городов сих епархий» было возложено на епископа Чигиринского Никодима (Кроткова), которому предписывалось отправиться на Кубань [29]. Эти сведения являются совершенно уникальными и впервые вводятся в научный оборот.

Неудачи, постигшие врангелевскую армию, а затем и эвакуация ВВЦУ из Крыма прекратили полномочия епископа Никодима.

Подводя итог всему вышесказанному, важно отметить, что в годы Гражданской войны положение Русской православной церкви на Кубани стало зависимым от политической конъюнктуры. Проблемы революционного времени требовали от епархиальной власти, а именно от епископа Иоанна, решительных и конкретных действий, участия в общественно-политической коммуникации. Однако даже после образования самостоятельной Кубанской и Екатеринодарской епархии явственно обозначился кризис епархиальной власти, который стал главным препятствием к стабильности в церковной жизни. Внешнее спокойствие епархии на самом деле скрывало ее большие внутренние проблемы. Попытки их решить предпринимались митрополитом Антонием, протопресвитером Г.И. Шавельским, но участь белогвардейского командования, а вместе с ним и большинства архиереев и ВВЦУ, была предрешена.

Примечания

1. Кандидов Б. Церковь и контрразведка. Контрреволюционная и террористическая деятельность церковников на юге в годы Гражданской войны. М., 1930; Его же. Церковь и гражданская война на Юге: материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны. М., 1931.

2. Небавский А.А. Репрессии против духовенства в годы Гражданской войны // «Гром победы, раздавайся!»: материалы XI Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2015. С. 213–224.

3. Рожков А.Ю. Обновленцы и мученики // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани / науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009. С. 127–139.

4. Горожанина М.Ю. Православное духовенство Кубани в годы политических репрессий // Материалы X Международной научной конференции «Государство, общество, Церковь в истории России XX века». Иваново, 2011. С. 132–139.

5. Кияшко Н.В. Особенности епархиального управления и церковной жизни на Кубани в 1919 году // Вопросы южнороссийской истории: научный сборник. Вып. 19. Армавир, 2015. С. 179–191; Его же. Кубанское духовенство после Февральской революции 1917 г.: трансформация института епархиальной власти в свете региональной истории // «Гром победы, раздавайся!»... С. 202–212.

6. Сивков С.М. Государственно-территориальное строительство на Кубани в 1917–1937 гг. (к 85-летию образования Краснодарского края) // Научный вестник Южного института менеджмента. 2015. № 3. С. 78.

7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 141об.
8. Ставропольские епархиальные ведомости. 1918. № 15–16. С. 347–349.
9. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10. Л. 2–2об.
10. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 63.
11. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 183.
12. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 149, 183об.
13. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 183об., 184–184об.
14. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 147об.–148.
15. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 148об.–149.
16. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 145об.
17. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 142.
18. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 5. Л. 114.
19. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 4. Л. 60об.; Оп. 2. Д. 10. Л. 26об.
20. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 144, 185.
21. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 10. Л. 11.
22. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 20. Л. 140, 168–169об.
23. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 10. Л. 35; Оп. 1. Д. 2. Л. 36.
24. Кубанский церковный вестник. 1919. № 22–23. С. 352.
25. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 391.
26. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 2. Л. 119–120.
27. История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года. М., 2006. С. 166; Архив Екатеринодарской епархии. Д. О 66/10.
28. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 177. Л. 35.
29. ГАРФ. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.

С.Д. Багдасарян

Продовольственный вопрос в повседневности аграриев Юга России в начале 1920-х гг.

Юг России за период 1917–1921 гг., как и другие регионы страны, пострадал от времени войн и смен режимов. Гражданская война оказалась одним из самых тяжелых по последствиям периодов, принесшим населению социальные и экономические потрясения.

На повседневную культуру аграриев России после Гражданской войны проецировалась острая проблема нехватки продовольственного обеспечения и потребления, вызванная масштабной разрухой, резким сокращением посевных площадей, существенным уменьшением численности скота, снижением урожайности. Неизбежным следствием революционно-военных потрясений стало падение уровня агротехники. Безрадостное положение сельских жителей складывалось в начале 1920-х гг. и на Юге России. Так, на Дону представители властных структур на протяжении всей весны 1920 г., с марта по май, с полным основанием

констатировали, что «продовольственный вопрос в области обострен» [1]. Советская власть на Дону, Кубани и Ставрополье пыталась распределять излишки продовольствия, направляя таковые из более обеспеченных продуктами питания сел и станиц в те сельские населенные пункты, где ощущался дефицит пищи. Действуя в рамках этой стратегии, участники проходившей 28 февраля – 1 марта 1921 г. III Донской областной партконференции в резолюции «По продовольственному вопросу» указывали, что неимущее население тех волостей, станиц и хуторов, «где хлеба уже совершенно нет», должно снабжаться всеми другими продуктами питания «путем местного перераспределения за счет станиц, имеющих излишки» [2]. Под излишками понималось то количество продуктов, которое осталось у хлеборобов после выполнения «госразверсток» [3].

Сотрудники партийных и советских органов Юга России предпринимали для успешного проведения весеннего сева 1921 г. все усилия, поскольку это позволило бы остановить падение аграрного производства в регионе и обеспечить государство и население столь необходимыми сельскохозяйственными продуктами. Представители власти пользовались полной поддержкой крестьянства, мотивация которого к труду и расширению посевов резко усилилась после перехода большевиков к нэпу и ознаменовавшей этот переход отмены продразверстки. Усилия властей и энтузиазм крестьянства не пропали даром, т.к. весной 1921 г. в южнороссийских регионах удалось несколько расширить площади посева основных сельхозкультур. Однако надежды на лучшее разрушила природная стихия: в 1921 г. огромные территории Советской России были поражены сильнейшей засухой, погубившей посевы. Так, современники удрученно констатировали, что только в Кубано-Черноморской области засуха охватила обширную площадь – 1 300 тыс. десятин [4]. Несмотря на расширение посевов, засуха не позволила земледельцам собрать хороший урожай. В этих условиях положительную роль сыграли посевные комитеты (посевкомы), которые создавались в 1921–1922 гг. для помощи земледельцам в проведении сева. Они действовали как чрезвычайные органы и наряду с реальной помощью оказывали нажим «на хлеборобов, не желавших расширять запашку» [5].

Помимо засухи на продовольственной ситуации страны сказалась и налоговая политика большевиков. Мы солидарны с исследователями, утверждающими, что голод 1921 г. «был вызван не только и не столько неурожаем, сколько последствиями продразверстки» [6], в рамках которой, как известно, государство отбирало у земледельцев излишки сельхозпродукции, зачастую оставляя их ни с чем, во всяком случае, лишая стимулов к расширению производства. Конечно, не всегда продразверстка разоряла крестьян [7], но в масштабах и всей страны, и отдельно взятых регионов она оказывала крайне негативное, разрушительное воздействие на сельское хозяйство. Да и заменивший продразверстку продовольственный налог на первых порах нередко собирался в таких размерах и с такими нарушениями закона со стороны продагентов, что

многие земледельцы не усматривали перемен к лучшему и разорялись. Представители руководящих структур Донской области признавали этот факт, самокритично отмечая в марте 1922 г., что «продналог вместе с недородом подорвали крестьянское хозяйство» [8] и вызвали голод.

Масштабы голода 1921–1922 гг. как по России, так и на Дону, Кубани, Ставрополье были огромны; не случайно он вошел в историю нашей страны как одно из наиболее тяжелых испытаний. По имеющимся данным, на Юго-Востоке России голоду были подвержены 1,5 млн человек, а на Дону – 638 тыс. человек, или почти 50 % населения [9]. Например, в марте 1922 г. Ростовский окружком РКП(б) констатировал, что на подведомственной ему территории голодало около 1500 «взрослого сельского населения» и 10 913 детей [10]. А Донецкий окружком компартии в конце того же года отмечал, что в округе «сейчас голодает не менее 25 % населения», причем «через месяц число голодающих, безусловно, возрастет до 50 %» [11]. Самая же тяжелая ситуация сложилась на Ставрополье. Здесь посевы почти полностью погибли от засухи, а от голода пострадало 600 тыс. человек, т.е. 74,6 % местного населения [12].

О том, как советское государство и общество пытались бороться с голодом 1921–1922 гг., написано множество статей, диссертаций и книг, и нам нет нужды подробно об этом говорить. Общеизвестно, что партийно-советское руководство не могло справиться с голодом в силу крайней скудости государственных ресурсов, и потому представители власти призывали граждан из сравнительно обеспеченных продовольствием регионов оказать помощь нуждающимся в ней соотечественникам. Рабочие и служащие отчисляли часть своей зарплаты в фонд помощи голодающим, в стране проходили многочисленные митинги с призывами к населению жертвовать средства в пользу пострадавших от голода (в частности, 8 июля 1921 г. такой митинг прошел в селении Абазинка под Сочи [13]).

Продолжался голод и на протяжении последующих месяцев 1922 г., пока не был собран новый урожай. Так было в Донецком округе Донской области, где представители местного партийного руководства на проведенной 10 октября 1922 г. партконференции указывали на «продолжавшийся вплоть до реализации урожая голод» [14]. Причем, несмотря на тяжелейшую ситуацию, в 1922 г. южнороссийским хлеборобам при активной поддержке партийно-советских органов нередко удавалось не только выполнить, но и в некоторой мере перевыполнить планы весеннего сева. Так, на Кубани было запланировано засеять не менее 908 тыс. десятин, но план перевыполнили: местным земледельцам удалось засеять 940 тыс. десятин или 103,5 % к плану (и на 26,1 % больше, чем в 1921 г.) [15]. Относительно успешное проведение посевной в тех или иных районах Юга России способствовало улучшению продовольственного обеспечения населения.

Голод был частым гостем в российской деревне, поэтому у крестьянства имелся богатый опыт выживания в этой критической ситуации. Разумеется, в первую очередь в пищу все-таки употреблялись продукты,

выращенные в своем хозяйстве. Насколько можно, растягивали тот небольшой запас хлеба, который был собран по итогам неурожайного года, при этом всячески стараясь сохранить хотя бы минимум зерна на посев будущей весной. Так, по воспоминаниям жителя кубанской станицы Новощербиновской Николая Каламбета, после неурожая 1921 г. членам его семьи хватило хлеба ненадолго – еще до наступления зимы они съели все запасы, в том числе и то, что сначала откладывали на посев. Тем не менее перед весенним севом 1922 г. им удалось каким-то образом раздобыть небольшое количество ячменя, и, когда посевы заколосились, изголодавшиеся люди не стали дожидаться их полного созревания, вручную скосили, смололи на ветряной мельнице и напекли пышек. «Это были, – вспоминает Н. Каламбет, – первые пышки после того, как осенью доели последнюю пшеницу… Сколько было радости от этих совсем не похожих на хлеб синих расплывчатых пышек» [16]. Кроме того, им удалось в 1922 г. посеять кукурузу и, собрав хороший урожай, избежать голода [17].

Если из-за засухи не удавалось обеспечить скотину потребным количеством фуража, владельцы вынужденно пускали часть поголовья на мясо. Это был тот редкий случай, когда крестьяне могли поесть мяса вволю, хотя по понятным причинам особой радости они от этого не испытывали. В 1922 г. представители власти на Дону стремились пресечь эту традиционную стратегию хлеборобов (впрочем, без особого успеха), поскольку массовый забой скота крестьянами и казаками грозил срывом весенней посевной кампании [18].

Если же в хозяйстве удавалось создать хотя бы минимальный запас сена и соломы (о более сытных кормах – овсе, ячмене и пр. – в условиях недорода речь не шла), то крестьяне и казаки старались сохранить корову до последней возможности. Так, по воспоминаниям Н. Каламбета, его отец еще осенью 1921 г. обменял всех имевшихся в хозяйстве лошадей на коров, что позволило обеспечить семью молоком, хотя и обещало более чем серьезные проблемы во время будущей пахоты [19].

Основную же, преобладающую (а в самом худшем случае – и единственную) часть продовольственного обеспечения населения голодающих регионов составляли, конечно, не результаты занятий производящим хозяйством (земледелием и животноводством), а все то, что давала природа. Счастливы были те казаки и крестьяне Юга России, которые жили у рек либо озер и могли ловить рыбу; в случае хороших уловов местное население практически не ощущало голода и могло даже с выгодой приторговывать продуктами своего промысла. А.И. Микоян вспоминал, как весной 1922 г., т.е. в самый разгар голода, М.И. Калинин посетил расположенную неподалеку от Ростова-на-Дону станицу Елизаветинскую. Местные казаки, встречая «всероссийского старосту», поднесли ему не хлеб-соль, а рыбью икру и пояснили удивленному гостю: «Чем промышляем, тем позвольте и приветствовать!» [20].

Помимо рыбы, водоемы снабжали оголодавших людей и другой живностью, обитавшей в них, – улитками, ракушками и т.д. Как отмечалось

в информационном отчете Донецкого окружного комитета компартии за май 1922 г., «съедено все, исключительно», вплоть до «раковин, черепах, лягушек» [21]. Голодающие жители южнороссийских сел и станиц, расположенных у водоемов, даже зимой долбили полыньи и ныряли за улитками и ракушками-перловицами.

Кроме того, сельские жители знали огромное количество дикорастущих съедобных растений и кореньев, использование которых в пищу всегда считалось обыденным делом, на чем не заостряли внимание, но оно резко увеличивалось с голодом. Как отмечают исследователи, на Юге России «в голодные годы в пищу употреблялись: лебеда, молочай, козельцы, калачики, белена, катран, сурепка, латук, резак, шалфей, пастушья сумка, подземные части крокуса, тюльпанов, рогозы, арония, корни лопуха. В качестве заменителя муки использовали буковые орешки, которые перемалывали пополам с кукурузой, использовали и желуди» [22]. По воспоминаниям Н. Каламбета, после неурожая 1921 г. его семья собрала много сурепы и, быстро съев небольшой урожай хлеба, зимой питалась сурепной макухой: «ее сначала вымачивали в воде, чтобы удалить горечь, а потом бросали в молоко и ели ложками». Ели сурепку и весной: «Мы ее молодые стебли уплетали с большим аппетитом. Вкусной она бывает до цветения. Бывало, после рабочего дня, поужинав, все высыпали на попас на сурепку». Ели молочай, «предварительно очистив его», для чего стебель «долго качали в ладошках» [23].

В безвыходной ситуации – зимой либо ранней весной, когда хлеб уже давно съели, а дикорастущих трав еще не было, – голодные люди питались даже древесной корой, которую предварительно размалывали до консистенции, несколько напоминающей муку; затем из этой муки пытались печь лепешки (если имелась в наличии настоящая мука, то ее смешивали с древесной; в наши дни такой состав считается даже лечебным, но все дело в пропорциях). Так, в начале марта 1922 г. партработники Шахтинского уезда Донской области констатировали: «голод ужасный, кора съедена вокруг многих хуторов…» [24]. Примерно в то же время им вторили сотрудники Донецкого окружкома РКП(б): «кора в садах содрана…» [25]. О том же вспоминали очевидцы, которым посчастливилось пережить ужасный голод. Например, старожилы донской станицы Мелиховской вспоминали, как во время голода 1921–1922 гг. многие станичники, «стремясь выжить… размалывали кору деревьев», а также толкли в ступах полову, сухую траву, главным образом *перекати-ху* (перекати-поле), ели промытые и просушенные корневища камыша и *чакана* (рогоза), пекли суррогатные лепешки [26].

Вышеперечисленные растения и, уж тем более, древесная кора позволяли, конечно, набить желудок и на некоторое время достичь ощущения сытости, но калорийность их была низкой, и чувство голода вскоре появлялось вновь. В надежде его утолить голодные люди уже без разбора ели всё, что можно съесть. Как констатировали современники в 1922 г., «наблюдается поголовное уничтожение собак и кошек» [27], соседи

«воруют друг у друга собак и кошек и едят» [28], ловят крыс [29], «кошки, собаки и падаль считаются лучшим лакомством» [30]. В последнем случае нет оговорки: действительно, не только кошки, собаки, крысы, но и падаль шла в пищу. Упоминания об этом не единичны, их превеликое множество. Очевидцы с ужасом утверждали, что оголодавшие люди «едят лошадиный помет, мертвечину и всякую падаль» [31]. В отчете Донецкого окружкома РКП(б) за весну 1922 г. содержится такая шокирующая зарисовка с натуры: «павшая лошадь и другие животные привлекают к себе внимание [голодающих] за несколько верст. Происходит дележка мяса павших животных между собравшимися голодными» [32]. Воистину, голод жестоко шутит с несчастными людьми, низводя их до животного состояния: падаль, которую в благополучные годы никому бы в голову не пришло поедать, и даже взглянуть на нее было противно, теперь становилась предметом питания.

После завершения Гражданской войны и вынужденного отказа большевистского руководства от политики военного коммунизма (которая в силу ее радикализма являлась существенным фактором разрухи в народном хозяйстве Советской России) ситуация в социально-экономической сфере являлась следствием разрухи после двух войн и революций.

Голод 1921–1922 гг. был самым страшным, но далеко не единственным на протяжении рассматриваемого десятилетия. Более или менее серьезные продовольственные затруднения, в лучшем случае разорявшие крестьянские хозяйства, а в худшем – уносившие жизни людей, не единожды возникали перед советским (в том числе южнороссийским) крестьянством в эпоху нэпа, что в значительной мере обуславливалось особенностями социально-экономического развития России на данном этапе исторического пути.

Примечания

1. Из обзоров о состоянии народного хозяйства [Донской области] и первых мероприятиях по его восстановлению. Март – май 1920 г. // Наш край. Из истории Советского Дона. Ростов н/Д, 1968. С. 105.

2. Резолюции III Донской областной конференции РКП(б) 28 февраля – 1 марта 1921 г. // Восстановительный период на Дону (1921–1925 гг.): сборник документов. Ростов н/Д, 1962. С. 60.

3. Там же.

4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

5. Панкова-Козочкина Т.В. Чрезвычайные органы власти в южнороссийской деревне в начале 1920-х гг. // Власть. 2014. № 4. С. 175.

6. Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 39.

7. История советского крестьянства: в 5 т. М., 1986. Т. 1. С. 207.

8. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.

9. Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 54.

10. Отчет Ростовского окружного комитета РКП(б) за март месяц 1922 г. о настроении крестьянских масс в связи с голодом // Изъятие церковных ценностей

в Донской области. 1922 год: сб. документов / сост. А.В. Шадрина, Л.В. Табунщинкова. Ростов н/Д, 2013. С. 145.

11. ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 33, 40об.

12. Очерки истории Ставропольского края: в 2 т. Ставрополь, 1984. Т. 2. С. 83; Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С. 54.

13. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

14. ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.

15. Кубань за 50 советских лет / под ред. Ф.П. Цыгикало. Краснодар, 1967. С. 182.

16. Каламбет Н. Об отце и его семье // О прошлом и настоящем. Альманах. 2007. Вып. 1. Новощербиновская, 2007. С. 80.

17. Там же. С. 81.

18. ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 40об; Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-2716. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

19. Каламбет Н. Указ. соч. С. 80.

20. Микоян А.И. В начале двадцатых… М., 1975. С. 317.

21. ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 21.

22. Семенцов М.В. Историко-экологические аспекты хозяйственного освоения Кубани казачеством в XIX – начале XX вв. // Дикаревские чтения (13). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 год: материалы Северо-Кавказской научной конференции / науч. ред., сост. М.В. Семенцов. Краснодар, 2007. С. 147.

23. Каламбет Н. Указ. соч. С. 80.

24. ЦДНИРО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 9. Л. 12об.

25. ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 7а, 8.

26. Шевченко В. Станица сердцу дорогая. Историко-краеведческое повествование: в 2 ч. Ч. 2. Ростов н/Д, 2005. С. 31.

27. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 146. Л. 64–65.

28. ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.

29. Там же. Л. 21.

30. Информационная отчетность Верхне-Донского окружного комитета РКП(б) за апрель 1922 г. Донскому комитету РКП(б) об изъятии церковных ценностей. [Апрель 1922 г.] // Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год… С. 185.

31. Из статьи И. Егорова и С. Митрохина «Голодающие, православные, духовенство и свящ. Трифильев» в газете «Советский Юг». 28 января 1922 г. // Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год… С. 115.

32. ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 29. Л. 7а, 8.

Н.В. Кратова

Православная жизнь Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны

В довоенный период советской властью на территории Карачаевской и Черкесской автономных областей (далее – КАО и ЧАО), как и во всей стране, проводилась активная политика вытеснения религии из общественной жизни. Провозгласив и закрепив в Конституции принцип

свободы совести, советское правительство тем не менее осуществляло жесткую репрессивную политику против религиозных объединений, которая оправдывалась «настойчивыми требованиями» и «интересами» народных масс. Десятки церквей, мечетей, молельных домов в КАО и ЧАО были закрыты, превращены в клубы или зернохранилища, а духовенство подвергалось репрессиям.

Однако, несмотря на перенесенные страдания, верующие приняли самое активное участие в освободительной борьбе народов СССР против фашизма. Чувство патриотизма оказалось сильнее обид. О поддержке справедливой освободительной войны против фашизма заявили руководители практически всех религиозных организаций. Обращаясь к верующим с патриотическими посланиями, они призывали их достойно выполнить свой религиозный и гражданский долг, оказать всю возможную помощь нуждам фронта и тыла.

Уже в первый день войны 22 июня 1941 г. митрополит Сергий написал свое первое обращение-воззвание к пастве. «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину… Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом ицелостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы – православные, родные им и по плоти, и по вере». Особые задачи митрополит Сергий поставил перед пастырями Церкви: ободрять малодушных и колеблющихся, утешать огорченных. «Положим же души свои вместе с нашей паствой» – этот призыв патриаршего местоблюстителя нашел действенное воплощение в делах многих сотен священнослужителей. В заключение владыка Сергий заверил, что православная церковь, всегда разделявшая судьбу народа, не оставит его и теперь: «Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. Господь нам дарует победу» [1].

Как отмечает М.И. Одинцов, «воззвание рассылалось по епархиям, церквам и приходам, вызывая ответные патриотические чувства у миллионов верующих. В своих письмах в Патриархию они сообщали о повсеместно начавшихся добровольных сборах пожертвований на нужды фронта и обороны страны. Верующие охотно сдавали не только деньги, облигации государственных займов, но и вещи, обувь, драгоценные предметы. И в последующем послания митрополита Сергия, а их было более двадцати, с призывом к верующим жертвовать на нужды Отечества встречали самую горячую поддержку» [2]. Необходимость использовать все средства для консолидации общества перед лицом фашистской угрозы, сложные задачи на международной арене заставили советское

руководство обратить внимание на церковь. 3 июля 1941 г. в известном выступлении по радио И.В. Сталин использовал проникновенное церковное обращение: «Братья и сестры!» В условиях смертельной опасности атеистическая борьба отошла на второй план.

К авторитету православной церкви пытались обратиться и немецкие оккупационные власти. В оперативном приказе № 10 «Об отношении к церковному вопросу в занятых областях Советского Союза» от 16 августа 1941 г., подписанном начальником Главного управления имперской безопасности Р. Гейдрихом, давалась установка: «Там, где население занятых областей советской России желает религиозной опеки, и там, где без содействия местных германских властей имеется в распоряжении священник, можно допускать возобновление церковной деятельности» [3]. Совершенно очевидна попытка оккупантов сыграть на чувствах верующих, испытавших на себе гнет воинствующего атеизма. Однако фашистские политики прекрасно понимали, что такой консервативный и традиционно патриотично настроенный институт, как церковь, не сможет стать надежным союзником. В том же приказе прямо говорилось, что о поддержке православной церкви, воссоздании прежней патриаршей Русской церкви не может быть и речи [4].

Несмотря на перенесенные жесточайшие гонения, Русская православная церковь откликнулась на призыв и встала на защиту Родины: в церквях повсеместно проходили сборы пожертвований для фронта и госпиталей. К концу 1944 г. сумма взносов от православной церкви и верующих составила 150 млн рублей [5]. На Северном Кавказе православные общины также активно проводили сборы средств. Только в одном Краснодарском крае православная церковь к июлю 1944 г. собрала свыше 9 млн рублей [6]. В дело победы над фашистской Германией внесли свою лепту и православные верующие ЧАО. Помимо сбора денежных средств, прихожане собирали теплые вещи и продукты. Покровская церковь города Черкесска взяла шефство над кисловодским госпиталем, куда в течение 1944–1945 гг. направлялись посылки с продуктами для раненых [7]. Кроме этого, Покровская церковь провела сбор значительных денежных средств для авиаэскадрильи «Красная Черкесия» [8]. Молитвенные дома станиц Сторожевой и Исправной за март – апрель 1943 г. внесли на постройку танковой колонны «Ставропольский колхозник» свыше 16 тыс. рублей [9]. Одна только Петропавловская церковь станицы Зеленчукской в июне 1943 г. на строительство танковой колонны «Ставропольский колхозник» собрала около 20 тыс. рублей [10]. Активно собирали средства церковные советы станицы Кардоникской, села Маруха [11]. На танковую колонну «Дмитрий Донской» сбор средств проводили верующие станиц Усть-Джегутинской и Красногорской. Только за март им удалось собрать свыше 5 тыс. рублей [12]. По Краснодарскому краю на 1 июля 1944 г. православными церквями было собрано 9 396 533 рубля [13]. Следует подчеркнуть, что, собирая деньги, вещи и продукты в церкви, прихожане одновременно участвовали в аналогичных

акциях, проводившихся колхозами и предприятиями, на которых работали верующие.

Вклад православных ЧАО в оборону получил самую высокую оценку. 28 февраля 1945 г. газета «Красная Черкесия» опубликовала письмо, в котором И.В. Сталин просил благочинного православных церквей ЧАО, настоятеля Покровской церкви города Черкесска протоиерея Георгия Захаровича Кубанского и церковного старосту Прокофия Павловича Бондаренко передать духовенству и верующим города Черкесска и Черкесского благочиния, собравшим 171 354 рублей в фонд обороны СССР, свой привет и благодарность Красной армии [14].

Важно отметить тесное сотрудничество православных и мусульманских общин во время проведения акций по сбору помощи армии. В сентябре 1943 г. 600 православных верующих станицы Усть-Джегута вместе с настоятелем церкви протоиереем Львом Тарановым обратились к верующим Карачая со словами: «Мы, верующие, прихожане церкви станицы Усть-Джегутинской, собравшись сегодня на молитву в храм, единодушно просим Вас, братья и сестры, немедля ни одного дня собрать для наших дорогих воинов побольше теплых вещей» [15].

Ровно через месяц газета «Красный Карачай» писала, что, «отвечая на обращение верующих ст. Усть-Джегутинской, верующие а. Терезе Малокарачаевского района принимают самое энергичное участие в восстановлении хозяйства аула, разрушенного немцами, и в оказании помощи Красной Армии путем сбора средств, продуктов и теплых вещей. Мы уже собрали и внесли в фонд Красной Армии 27 овчин, 53 кг шерсти, 700 шт. яиц, 5 тыс. рублей деньгами, и кроме этого 1500 рублей в фонд оказания помощи семьям военнослужащих» [16]. В апреле 1943 г. верующие аула Псыж обратились ко всем верующим мусульманам ЧАО с призывом «объединить все свои усилия для полного разгрома ненавистного врага» и поддержать «благородное и святое дело помощи Красной Армии». Верующие старики аула Псыж: Исмаил Хатков, Даут Чикатуев, Ибрагим Куджев, Мухаммед Пшенатлев, Адам Хачуков, Сахат-Гирей Шавтиков, Шугаиб Кармов внесли на строительство танковой колонны «Ставропольский колхозник» по 1 тыс. рублей [17].

Как справедливо отмечает М.И. Одинцов, «к началу 1943 г. общая политическая обстановка в стране и положение на фронтах, широкая патриотическая деятельность религиозных организаций, а также причины внешние: стремление сузить возможности немецкой пропаганды по использованию религиозных проблем, желание снять в общественных кругах стран-союзниц предубеждение в отношении церковного курса советского правительства и, наконец, намерение сплотить все антифашистские силы, включая и религиозные организации, – предопределили шаги Верховного Главнокомандующего и председателя Совнаркома СССР И.В. Сталина по дальнейшей нормализации государственно-церковных отношений» [18]. Религия, в недавнем прошлом институт-изгой, подлежавший уничтожению, вновь вернулась в общественную жизнь.

В 1943–1945 гг. было выпущено около 20 официальных документов, которые относились к сфере регулирования деятельности религиозных объединений [19].

Постановлением СНК СССР от 22 августа 1945 г. был существенно укреплен правовой статус религиозных объединений, позволяя малопомалу восстанавливать нарушенную религиозную жизнь и общественное служение. В частности, им предоставлялись права аренды, строительства и приобретения в собственность для религиозных нужд домов, строений, транспорта и утвари. Строительство, покупка и наем религиозными объединениями строений для своих нужд регламентировались Постановлением СНК СССР от 28 января 1946 г. № 232 «О молитвенных зданиях религиозных обществ» [20].

В сложившейся ситуации шло быстрое возрождение религиозных институтов, возобновление религиозной жизни. 8 сентября 1943 г на Соборе епископов был избран Патриарх Московский и всея Руси – Сергий (Страгородский). Советское правительство дало согласие на создание трех духовных управлений мусульман: Средней Азии и Казахстана в Ташкенте, Северного Кавказа в Буйнакске, Закавказья в Баку.

Помимо религиозных институтов создавалась система союзных государственных органов, отвечавших за реализацию конфессиональной политики и их региональных структур. В соответствии с постановлением СНК от 14 сентября 1943 г., было принято решение о создании Совета по делам Русской православной церкви. Начали действовать уполномоченные аппарата Совета по делам Русской православной церкви в республиках, краях и областях. В Ставропольском крае уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви был назначен Н. Чудин.

В мае 1944 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление о создании Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. На совет возлагались обязанности по осуществлению связи правительства с религиозными объединениями, принадлежащими к неправославным конфессиям. Его структура, права и обязанности формировались по аналогии с Советом по делам Русской православной церкви. На Ставрополье уполномоченным Совета по делам религиозных культов был назначен В. Булатов.

Уполномоченные обязаны были наблюдать за правильным и своевременным проведением в жизнь законов и постановлений Правительства СССР, относящихся к исполнению религиозных культов, вести учет молитвенных зданий и своевременно информировать органы власти о положении дел в этой области на местах.

После освобождения территории открытые в период оккупации приходы закрывались, но уже с 1944 г. прошла массовая регистрация религиозных общин. В целом десятилетний период с 1943 по 1953 г. характеризуется конструктивными отношениями между государством и религиозными организациями. В это время была создана система государственных органов, отвечающих за реализацию конфессиональной

политики, регистрировались религиозные общества, открывались культовые здания. За период с 1944 по 1947 г. в Черкесской автономной области были зарегистрированы 8 православных общин. С 1944 г. православные церкви начали функционировать в городе Черкесске, станицах Зеленчукской, Кардоникской, Красногорской, Сторожевой, Исправной, Усть-Джегутинской и селе Маруха [21].

Показательна история Петропавловской церкви в станице Зеленчукской, которую рассказал ее нынешний почетный настоятель протоиерей Петр Козырь. Построенная еще в 1863 г., церковь пережила революции и Гражданскую войну. В 1933 г. ее настоятель – священник Иоанн Семенов – был репрессирован, на 10 лет отправлен в Карагандинские лагеря в Казахстан. В заключении отец Иоанн дал обет Богу, что, если останется жив, обязательно построит новый храм. В начале войны с церкви сняли колокола, причем ее главный колокол полторы недели не могли разбить на куски. Позже снесли и саму церковь. Из имущества уцелела лишь икона Святой Троицы. Прихожане продолжали молиться в доме Павла Овсова. В 1944 г. общину зарегистрировали, а вернувшийся из лагерей отец Иоанн с энтузиазмом принялся за восстановление разрушенного храма. В 1945 г. общине удалось получить участок под строительство. Строили всем миром [22]. Неудивительно, что уже через три года в станице стояла новая деревянная церковь. Храм, построенный отцом Иоанном, прослужил людям больше полувека.

Во время войны и в первые годы после ее окончания наблюдалось увеличение религиозности населения. О массовости при совершении православных обрядов в послевоенный период свидетельствуют многие документы государственных и религиозных структур. Очевидно, что этому способствовали и экстремальные условия войны, и значительная либерализация церковной политики в военное время.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. наблюдался некоторый спад атеистической пропаганды, антирелигиозная пропагандистская работа проводилась спорадически и бессистемно. Показательно выступление председателя колхоза имени Кирова станицы Зеленчукской Вобленко, который на заседании райсовета в ноябре 1948 г. сетовал на тщетность просветительской антирелигиозной работы в этот период. «Культпросвет работа в нашем районе никак не может встать на свое место. Кто у нас теперь сильнее: поп или культпросвет?.. Получается так – был человек хороший, а теперь, как ударят в колокол, так и в церковь. Это говорит о плохой работе культпросветотдела… Почему теперь поп стал так силен, переманивает всех и даже при встречах шапочку снимает и кланяется?» [23]

С другой стороны, в послевоенные годы многие священники с рвением возрождали религиозную жизнь. Так, настоятель храма в Усть-Джегуте отец Косма Хорольский, по сообщению уполномоченного, занимался «пропагандой» православия: он посещал дома местных жителей, проводил с ними индивидуальные беседы на религиозные темы. Такие беседы, констатирует И. Федоров, были популярны среди населения [24].

Интересна история упомянутого отца Петра Козыря. Еще во время службы на Балтийском флоте он увидел сон-откровение: три храма – в Ставрополе, Саратове и Загорске. После демобилизации в 1950 г. он пытался устроиться на гражданскую службу, ездил на Черноземье, однако все больше убеждался, что его призвание в церкви. В 1958 г. по приглашению митрополита Антония поступил учиться в Ставропольскую духовную семинарию и посвятил свою жизнь духовному служению. Стараниями отца Петра были возведены Никольская церковь в станице Сторожевой и новый – уже каменный – Петропавловский храм в станице Зеленчукской [25].

Таким образом, развитие деятельности православных общин на территории Карачаево-Черкесской автономной области в период Великой Отечественной войны проходило достаточно сложно. Во второй половине 1940-х гг. произошло восстановление значительной части закрытых до войны приходов, были возвращены или построены заново храмы, сформировался костяк духовенства. Из-за десятилетий репрессий в отношении священнослужителей и закрытия церквей в советские годы не все местное духовенство отвечало духовным потребностям русского и казачьего населения, между тем были удивительные люди, которые в таких сложных условиях самоотверженно несли православие в массы. Верующие это ценили и стремились держаться за таких священников. Непросто складывались отношения как внутри церковной организации, так и между духовенством и светскими властями. Тем не менее очевидно, что в этот сложный и неоднозначный период истории Российского государства религия продолжала оставаться неотъемлемой частью идентичности русского народа, с чем власти были вынуждены считаться и учитывать это при формировании и осуществлении внутриполитического курса. Несмотря на агрессивные условия атеистического государства, православие сохранило свои позиции на Северном Кавказе и в настоящее время играет значительную роль в жизни русских и казачьих населенных пунктов Карачаево-Черкесии.

Примечания

1. Православная церковь на Кубани в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 / ред.-сост. Е.Н. Фаттахова. Краснодар, 2005. С. 84–85.
2. Одинцов М.И. Государство и религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. URL: http://rusoir.ru/03print/03print-01/03print-01-48/ (дата обращения: 13.04.2016).
3. Православная церковь на Кубани в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 86.
4. Там же.
5. Куроедов В.А. Религия и церковь в советском государстве. М., 1982. С. 99.
6. Православная церковь на Кубани в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 34–35.
7. Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики (далее – ЦДОДП КЧР). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 319. Л. 44, 49, 115, 117, 169, 318.

8. ЦДОДП КЧР Ф. П-2. Оп. 1. Д. 312. Л. 2, 4.
9. ЦДОДП КЧР Ф. П-598. Оп. 1. Д. 32. Л. 41, 74, 80.
10. ЦДОДП КЧР Ф. П-367. Оп. 1. Д. 34. Л. 77об.
11. Там же. Л. 8, 78об.; Д. 37. Л. 26, 36.
12. ЦДОДП КЧР Ф. П-368. Оп. 1. Д. 12. Л. 25, 27.
13. Православная церковь на Кубани в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 34–35.
14. Красная Черкесия. 1945. 28 февраля.
15. Красный Карачай. 1943. 16 сентября.
16. Красный Карачай. 1943. 13 октября.
17. Красная Черкесия. 1943. 2 апреля.
18. Одинцов М.И. Указ. соч.
19. Там же.
20. Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов. М., 1971.
21. Архив Уполномоченного Главы Карачаево-Черкесской Республики по связям с религиозными организациями. Регистрационные дела.
22. Личный архив Н.В. Кратовой. Респондент о. Петр Козырь, 1926 г.р., записан в станице Зеленчукской Карачаево-Черкесской Республики в 2000 г.
23. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 26. Л. 84.
24. Там же.
25. Респондент о. Петр Козырь.

А.Н. Такова

Трансформация государственной религиозной политики в Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война является историческим рубежом, положившим начало значительным изменениям в рамках государственной религиозной политики. Генеральной тенденцией данных изменений стала легализация религиозной жизни, широкое использование потенциала религии для мобилизации духовных сил социума. Законодательно изменения в государственной религиозной политике были закреплены в Постановлении Совета народных комиссаров СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (от 19 ноября 1944 г.). Однако их истоки уходят в начальный период войны, когда происходившие в религиозной сфере процессы подготовили почву для юридического закрепления произошедших изменений.

В годы Великой Отечественной войны религиозный фактор активно использовался для достижения своих целей как немецкой, так и советской сторонами. Как известно, политика немецкого военного командования была дифференцирована в зависимости от того, какого региона СССР она касалась. В частности на Северном Кавказе, в том числе

в Кабардино-Балкарии, декларировалось проведение гибкой политики в отношении национальных и религиозных обычаев, с целью обеспечения лояльности населения, а также – подспудно – культивирования противоречий между местными народами и советским государством. По справедливому замечанию исследователя Е.И. Журавлева, «религия активно использовалась в противостоянии с советской коммунистической идеологией… Немцы довольно умело использовали в своих интересах ошибки и перегибы советской власти в решении религиозного вопроса» [1]. С первых дней оккупации территории Кабардино-Балкарии (октябрь 1942 г. – январь 1943 г.) немецкие власти провозгласили полную свободу совести и возможность для беспрепятственного отправления религиозных обрядов. В агитационно-пропагандистских материалах, адресованных местному населению, обязательно подчеркивалось, что немецкая власть вернула им попранную большевиками религиозную свободу. Посредством разнообразных методов (наглядной агитации, газетной пропаганды, радиовещания и т.д.), с использованием тщательно продуманной аргументации ошибки, допущенные советским руководством в довоенные годы, целенаправленно утрировались. Так, например, в одном из типичных воззваний к населению Кабардино-Балкарии, опубликованном в ноябре 1942 г., говорилось: «Правоверные мусульмане! Жидо-большевики свыше двадцати лет душили религию наших дедов, оскверняли веру во Всемогущего Аллаха, завещанную нам его пророком Магометом, запрещали чтение и слушание Корана, закрывали мечети, притесняли и ссылали наших мулл» [2]. После данного эмоционального вступления подробно рассказывалось о том, какие «блага» принесет народам республики немецкая власть.

Для демонстрации своей веротерпимости оккупационные власти открыли несколько мечетей в ряде крупных населенных пунктов Кабардино-Балкарии (селениях Верхний Куркужин, Нижний Куркужин, Баксаненок, Кызбурун II, Алтуд, Заюково, Шалушка, а также двух в селе Каменномостском) [3]. Не слишком впечатляющее количество, однако, являлось значительным по эффекту шагом, т.к. к началу войны, исходя из архивных документов, в Кабардино-Балкарии не осталось ни одной официально действующей мечети [4]. Также были случаи, когда представители фашистской Германии объявляли о своей принадлежности к исламской религии и даже активно посещали мечети. Это делалось как для поддержания имиджа радетелей национальных интересов кабардинцев и балкарцев, так и, вероятно, для осуществления эффективного контроля над деятельностью религиозных общин. Неудивительно поэтому, что открытие мечетей, а также торжества по случаю мусульманского праздника Курбан-Байрам, выпавшего в 1942 г. на 18–20 декабря, т.е. на период оккупации, использовались немецкими властями для ведения антисоветской пропаганды. Архивные документы свидетельствуют, например, что торжествам по случаю Курбан-Байрама оккупационными властями был предан небывалый размах. Активное участие в нем принимали

представители немецкого военного командования, которые устроили по данному случаю красочное шествие в центре Нальчика, закончившееся митингом, посвященным «освобождению Кабардино-Балкарии от большевиков» [5].

После освобождения территории республики от фашистов была создана чрезвычайная комиссия, занявшаяся ликвидацией всех нововведений, произведенных немецкими оккупационными властями. Однако недавно открытые мечети в упоминавшихся выше населенных пунктах закрыты не были. Более того, после принятия постановления «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (1944 г.) данные мечети были зарегистрированы в официальном порядке.

Произошедшая таким образом легализация религиозной жизни де-юре стала следствием произошедшего де-факто всплеска религиозности, являвшегося естественной и ожидаемой реакцией общества на сильнейшие социальные потрясения военных лет. Возможно предположить, что легализация религиозной жизни стала своего рода вынужденной мерой, направленной на предотвращение массового стихийного возрождения религиозных обществ снизу. Следует согласиться со справедливым замечанием исследователя А.Х. Мукожева, отметившего, что «деятельность зарегистрированных обществ легче поддавалась контролю» [6]. Для осуществления данного контроля в 1944 г. были созданы два новых административных органа – Совет по делам Русской православной церкви (далее – СРПЦ) и Совет по делам религиозных культов (далее – СДРК). На местах работу в религиозной сфере осуществляли аппараты уполномоченных указанных органов. В Кабардинской АССР [7] работали уполномоченные как от СРПЦ, так и от СДРК. Возглавляли аппараты уполномоченных работники органов госбезопасности. В обязанности уполномоченных входило предварительное рассмотрение и проверка заявлений верующих о регистрации религиозных обществ, их учет, проведение в жизнь законов и постановлений Правительства СССР, относящихся к религиозной сфере, информирование республиканского и союзного руководств о деятельности религиозных организаций на подведомственной территории, регистрация молитвенных зданий и служителей культа и т.д.

Иллюстрацией работы аппарата уполномоченного может служить вопрос о процедуре регистрации религиозного общества. Решение данного вопроса представляло собой довольно сложную, многоступенчатую, длительную по времени административную процедуру. Помимо коллективного письменного заявления верующих, подписанного не менее чем 20 совершеннолетними гражданами из числа местных жителей, не лишенными по суду избирательных прав [8], требовалось здание под культовые цели, соответствующее санитарным, пожарным и прочим многочисленным нормам, найти которое в Кабарде в условиях послеоккупационной разрухи было делом весьма сложным, а также лицо, готовое выполнять требы, к которому также предъявлялся целый перечень требований. Работники аппарата уполномоченного скрупулезно проверяли

полученные сведения. Следующей ступенью решения данного вопроса становилось его рассмотрение в правительстве республики. Если оно, в свою очередь, считало возможным удовлетворить просьбу верующих, материалы направлялись в центральные органы – СДРК и СРПЦ соответственно, и лишь потом окончательное решение выносилось на одобрение Правительства СССР. Таким образом, существовавшая процедура регистрации религиозных обществ способствовала созданию бюрократической волокиты. Можно предположить, что подобная заорганизованная система не столько способствовала, сколько препятствовала регистрации религиозных обществ и была в целом направлена на создание всевозможных препон для ограничения их числа. В итоге в республике действовал процесс массового открытия религиозных обществ, которые действовали фактически в каждом населенном пункте, однако без официальной регистрации.

Скоропалительно проведенная регистрация религиозных обществ, открытых в республике в период немецкой оккупации, достигнув своих политических целей, была вскоре свернута. Все поданные уполномоченному в 1945 г. заявления об открытии мусульманских обществ не были удовлетворены. В итоге к концу войны в Кабардинской АССР официально действовали 9 мусульманских общин и мечетей (все открыты в период немецкой оккупации), общество иудейского вероисповедания в городе Нальчике, молитвенный дом евангельских христиан-баптистов [9], а также 11 православных церквей и молитвенных домов [10]. В итоге по состоянию на начало 1946 г. на территории Кабардинской АССР было зарегистрировано всего 26 религиозных обществ.

Частичная легализация религиозной жизни не была распространена на систему религиозного образования – одного из системообразующих элементов религиозной культуры. Более того, попытки восстановления системы религиозного образования снизу в виде пунктов надомного обучения детей основам религии (единичные случаи) пресекались на корню. Игнорирование со стороны государства необходимости восстановления системы религиозного образования на местах самым негативным образом сказалось на качестве религиозной жизни и деятельности служителей культа. Отсутствие специального религиозного образования у большинства из них приводило к искажениям, вольному толкованию ими религиозных предписаний. Это, в свою очередь, способствовало трансляции данных искажений в среду верующих, что служило основой формирования так называемой народной формы религии – своеобразного синтеза установок ислама с национальными традициями, обрядами и ритуалами, не имевшими религиозной подоплеки. Ввиду этого создавались условия, при которых каждый из служителей культа в меру своей креативности привносил в религиозную практику что-то свое. Поэтому формы отправления обрядов в республике лишались единообразия и нередко заметно отличались в разных районах, а то и соседних селах. Данная тенденция с годами все более и более усиливалась.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны произошла трансформация государственной религиозной политики, в результате которой, несмотря на сохранившуюся приверженность советского государства основам атеистической политики, религиозные практики стали существовать и развиваться на легальной основе. В Кабардино-Балкарии в годы войны религия активно использовалась в политических целях как советской, так и немецкой сторонами. Также в данный период начала выстраиваться новая система регулирования религиозной жизни, осуществляемая посредством функционирования Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов и аппаратов уполномоченных данных органов на местах. В период войны в рамках религиозной сферы республики начал формироваться ряд генеральных тенденций, определивших ее развитие на последующие десятилетия.

Примечания

1. Журавлев Е.И. Немецкий оккупационный режим и религиозный вопрос на юге России в годы Великой Отечественной войны // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 4. С. 25–32.

2. Лики войны: сборник документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1996. С. 105.

3. Центральный государственный архив КБР (далее – ЦГАКБР). Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 54а. Л. 73–74.

4. ЦГАКБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 110. Л. 148.

5. Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1381. Л. 169.

6. Мукожев А.Х. Ислам в Кабардино-Балкарии в годы советской власти // Архивы и общество. 2007. № 1. С. 168–176.

7. Кабардинская автономная советская социалистическая республика существовала в 1944–1957 гг. в период депортации балкарского народа.

8. Мухамеджанов И. Реалии религиозного «возрождения» в СССР. URL: http://islam-today.ru/istoria/realii-religioznogo-vozrozdenia-v-sssr-v-1943-53-godah/ (дата обращения: 12.04.2016).

9. ЦГАКБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

10. ЦГАКБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

В.А. Агеева

Формы и содержание социального маневрирования немецко-фашистских оккупационных властей на примере борьбы с детской безнадзорностью в городе Таганроге в 1941–1943 гг.

Проблема детской безнадзорности и беспризорности, обострившаяся в условиях начала Великой Отечественной войны, усугубилась в регионах, оккупированных немецко-фашистскими войсками, среди них

выделяется Юг России и, в частности, город Таганрог, где «новый порядок» действовал с 17 октября 1941 г. по 30 августа 1943 г.

Житель Таганрога Игорь Михайлович Додонов 1929 г.р. вспоминает: «С размещением немецко-фашистских войск в городе наступили тяжелые времена… я с сестрой оставался один, а матушка ходила по деревням, меняла вещи, чтобы прожить, чтобы было, что кушать… я помогал матери, как мог…. приходилось даже чистить вражеские сапоги, чтобы заработать на еду» [1].

Рынки являлись фактически безальтернативным источником жизнеобеспечения местного населения. Подростки также занимались продажей или обменом продуктов и промышленных товаров, причем зачастую по поручению старших. 22 ноября 1942 г. заместитель городского коменданта Таганрога писал в полевую комендатуру о положении населения: «Голод и холод существенно влияют на настроение местного населения… это опасные причины для возникновения враждебных настроений… в еще до сих пор спокойном и доверчивом населении большого г. Таганрога… лишь после устранения ограничения в продуктах питания может появиться возможность успешно победить паразитические формы проявления нынешнего бедственного положения: ростовщичество и спекуляцию на черном рынке. В настоящее время, к сожалению, еще нужно терпеть черный рынок» [2]. Таким образом, в условиях оккупации спекуляция явилась одной из основных практик выживания детей и членов их семей.

Оккупационные власти негласно признавали спекуляцию как возможный способ жизнеобеспечения городского населения, порой единственный, тем не менее на официальном уровне она каралась по законам военного времени, вплоть до расстрела. Детям же до 14 лет торговля на рынке запрещалась и рассматривалась как одна из форм безнадзорного времяпровождения.

В распоряжении № 53 бургомистра города Таганрога от 20 апреля 1942 г. указывалось: «Для борьбы с безнадзорностью детей (в возрасте от 7 до 13 лет), уже посещавших школу, родители и воспитатели детей должны немедленно отправить… детей в школу… детям моложе 14 лет воспрещается как торговать на базаре, так и иметь какой-либо другой заработок (чистка сапог)… запрещается детям играть на улице и тротуарах… за неисполнение или противодействие этому приказу виновные будут наказаны… будут привлечены к ответственности родители, воспитатели детей… наблюдение за выполнением этого распоряжения возлагается, кроме учителей, и на милицию…» [3]. Вместе с тем регламентировать «стопроцентно» жизнь ребенка, запретив ему одним постановлением искать не всегда законные источники пропитания в условиях голода и озорничать, было сложно.

В апреле 1942 г. в городе открылись семь начальных школ, но это не решило проблему организации детского обучения и досуга [4]. Занятия в школах проходили нерегулярно, периодически какие-то учебные

заведения закрывались, учащиеся переводились в оставшиеся. В одном из распоряжений местной комендатуры бургомистру города Таганрога от 20 мая 1942 г. говорилось: «…поручаем Вам немедленно закрыть школу № 5. Здание это из тактических соображений будет занято германскими войсками» [5]. Кроме того, в осенне-зимний период школьная администрация сталкивалась с проблемами недостатка топлива, зачастую температура в классах была такой низкой, что замерзали чернила в чернильницах. Учащиеся, как правило, приносили дрова или уголь для отопления классных комнат, поскольку оккупационные власти фактически не обеспечивали школы топливом. Обычным явлением было прекращение занятий в холодную погоду [6]. Подобные обстоятельства приводили к отсеву и сокращению школьного контингента.

В то же время родители и ученики сами порою не выказывали ожидаемого немецкими властями энтузиазма по поводу образовательной политики. К осени 1942 г. 46 % детей не посещало школу [7]. Отсутствие желания у местных жителей поддерживать начинания оккупантов в сфере образования можно объяснить следующими мотивами. Для одних семей плата за обучение, установленная в первое время в учебных заведениях, отсутствие возможностей приобрести обувь, одежду и канцелярские принадлежности не позволяли отправлять детей учиться. Другие, саботируя распоряжения оккупационных органов управления о посещении школьных занятий, тем самым проявляли пассивное сопротивление немецко-фашистским захватчикам.

Городские власти усилили административные меры по отношению к родителям и лицам, их заменявшим, за невыполнение своих обязанностей в отношении детей. Бургомистр выпустил распоряжение № 94 от 20 ноября 1942 г. «О борьбе с детской безнадзорностью», гласившее: «Распоряжением Ортскомендатуры обучение детей в начальных классах в возрасте от 7–8 до 13 лет – является обязательным и бесплатным. У родителей нет оснований не посылать своих детей в школы… большинство… занимается чисткой обуви, спекуляцией на базарах или просто болтается без дела. При Отделе школ бургомистерства учреждаются должности особых инспекторов, которым поручено совместно с милицией повести самую решительную борьбу с безнадзорностью детей. Родители предупреждаются, что при обнаружении детей, не записанных в школы, торгующих на базарах или хулиганствующих на улицах, родители их будут привлекаться к строгой ответственности и подвергаться штрафу» [8].

Всего было назначено три инспектора по борьбе с детской безнадзорностью. В Таганрогском филиале Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО) сохранились дневники, характеризующие их деятельность. Содержание дневников не имеет эмоциональной окраски и соответствует ежедневному отчету о проделанной работе строго в рамках должностной инструкции, составленной в отделе школ.

Функции инспектора были разноплановыми: это решение вопроса вовлечения детей в учебную деятельность, ликвидация детской спекуляции,

контроль свободного времяпровождения подростков, обследование бытовых условий проживания детей в семьях, решение социальных проблем детства. Среди приоритетных должностных обязанностей инспектора следует выделить дежурство на городских базарах: «…проводил работу на Касперовском базаре, удалил ребят школьного возраста… торговавших спичками, табаком и ходивших без дела» [9]. Порицались городскими властями и элементарные детские зимние забавы: «6 января… запретил детям школьного возраста кататься на салазках на ул. Петровской…» [10].

Инспекторы по борьбе с детской безнадзорностью тесно взаимодействовали с директорами и учителями действующих школ в вопросах вовлечения детей в учебную деятельность. «11 декабря. Посетил 6-ю школу. Имел разговор с педагогическим коллективом о выявлении учеников, злостно уклоняющихся от посещения школы» [11].

Систематически проводилась разъяснительно-профилактическая работа среди родителей или лиц, их заменяющих: «Был на квартире у родителей ученика 6-ой школы В.К. и предупредил мать о той ответственности, которой она подвергнется, если ее мальчик дальше не будет посещать школу…» [12]. «2 февраля… произведено обследование материального положения Т.М., торгующей на новом базаре систематически… семья из 8 человек. Дети в возрасте 2–5–9–13–18 лет. Отец работает на заводе… Т.М. окончила 4 кл. начальной школы… матери был зачитан приказ № 94» [13].

В результате обследования семей, проводившегося инспекторами по борьбе с детской безнадзорностью, выпускались рекомендации о наложении штрафных санкций, принимались меры по временному улучшению материально-социального положения детей. «7 января… произвел обследование бытовых условий дочери гражданки С., арестованной около месяца тому назад. После ареста матери девочка 11 лет осталась на положении безнадзорной… 8 и 9 января… составил акт о необходимости помещения ребенка в приют и сдачи имущества ее матери на хранение…» [14]; «посетил на дому учеников, не посещающих школу, и взял от их родителей заявление о ходатайстве перед Отделом школ о приобретении для их детей обуви» [15].

В то же время анализ архивных документов свидетельствует о том, что в большинстве случаев факт материальных трудностей семьи только фиксировался. Помощь местному населению оказывалась избирательно, нерегулярно, в первую очередь тем, чьи родственники были осуждены советскими властями по 58-й статье [16]. Такая «благотворительность» не могла удовлетворить всех нуждавшихся.

Рабочий день у инспекторов, судя по записям в дневниках, был ненормированным: «16/II детей, занимающихся торговлей, стало на Касперовском базаре заметно меньше. Вечером появляются ученики, катающиеся на коньках и санках, так что приходится и вечером дежурить и удалять с базара детей» [17].

Должность инспектора по борьбе с детской безнадзорностью была упразднена 1 марта 1943 г., и уже в конце месяца в отчете бургомистру начальник отдела школ констатировал, что резко увеличилось количество детей-чистильщиков обуви, выпрашивавших подаяние и хулиганствовавших [18].

Поражения немецко-фашистских войск на фронтах явились предпосылками ужесточения оккупационного режима, свертывания мероприятий социального маневрирования и расширения политики массового уничтожения и вывоза мирного населения, в том числе и детей, на работу в Германию и другие тыловые районы. С этими тенденциями, скорее всего, и было связано сокращение штатных единиц по борьбе с детской безнадзорностью.

В один из дней оккупации в 1943 г. И.М. Додонов находился на рынке, где его схватили немецкие солдаты и отвезли в родную школу, в которой располагалось гестапо. Игорь Михайлович рассказывает: «Нас, человек 6, туда завели… думаем, вывезут на Балку Смерти, расстреляют; пацанами ж были… но нас погрузили на машину “Черный ворон” и повезли… привезли на завод имени Димитрова, где мы увидели еще “уйму” молодых ребят, которые грузили слесарные верстаки для отправки на Запад. Через два дня выдали на руки бумагу: “Приказ о трудовой повинности”. По ней мы назначались на работу в тылу в прифронтовой полосе оккупированных восточных областей. В случае неповиновения наказание несла вся семья – расстрел. Выхода не было – поехал. Отправили нас в Винницкую область, на работы в мастерские… жили за колючей проволокой, обращались с нами очень жестоко» [19].

В заключение отметим, что действия немецко-фашистских властей по решению проблемы детской безнадзорности в городе Таганроге были обусловлены продолжительностью оккупационного периода и являлись вынужденной мерой взаимодействия с населением захваченных территорий в условиях затянувшейся войны. Только к весне 1942 г. на уровне управленческих структур явление безнадзорности стало обсуждаться и рассматриваться как социальное бедствие.

Для решения проблемы детской безнадзорности городская администрация создала нормативно-правовую базу, в основе которой лежала система запретов и штрафных санкций. При этом она затрагивала в принципе не первопричины, а только следствие и предполагала удаление детей с улицы и ограничение доступа к единственному источнику жизнеобеспечения населения – рынку, что приводило к временному сокращению численности безнадзорных детей, но не искоренению этого явления.

Эффективным инструментом контроля над исполнением административных постановлений и проведения разъяснительно- профилактической работы стало введение должности инспектора по борьбе с детской безнадзорностью. Следует отметить, что, выполняя свои функции, инспекторы пытались доступными им способами улучшить бедственное

положение детей, однако материальная помощь нуждающимся оказывалась нерегулярно и выборочно. В первую очередь поддерживались лица, признававшиеся сторонниками «нового порядка».

В целом действия, предпринимавшиеся оккупационными властями в отношении решения проблем детства, нельзя назвать адекватными в сложившейся острой ситуации разрушения экономического и воспитательного потенциала семьи, лишения детей и подростков источников нормального и своевременного удовлетворения жизненных потребностей и их отчуждении от институтов системы образования и досуга.

Примечания

1. Архив центра устной истории кафедры истории Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)». Респондент И.М. Додонов, 1929 г.р., записан в городе Таганроге Ростовской области в 2014 г., интервьюер К.В. Михайлец.
2. ТФ ГАРО. Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 216. Л. 364.
3. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 14. Л. 52.
4. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.
5. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 56. Л. 12.
6. ТФ ГАРО. Ф. Р-604. Оп. 1. Д. 24. Л. 11.
7. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 14. Л. 124.
8. Там же.
9. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.
10. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.
11. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.
12. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 52. Л. 3об.
13. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 54. Л. 5.
14. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 52. Л. 6, 6об.
15. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 53. Л. 5об.
16. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 7. Л. 169, 179.
17. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 53. Л. 9.
18. ТФ ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 70. Л. 48.
19. Респондент И.М. Додонов.

Д.Н. Титаренко

«Театр для вермахта»: деятельность театральных коллективов Восточной Украины в условиях нацистской оккупации

Нацистская агрессия против Советского Союза сопровождалась разработкой целого комплекса не только военных, экономических, административных, но и культурно-пропагандистских мероприятий на захваченной территории, направленных как на реализацию целей оккупационной политики по отношению к местному населению, так и на обеспечение надлежащего морального состояния военнослужащих

вермахта. Определенное место в арсенале используемых средств занимало и театральное искусство.

Условия военного времени, особенности режима в разных зонах оккупации, этническая специфика обусловили некоторые особенности культурной и, в частности, театральной политики на оккупированной территории. В определенной степени они проявились и в восточных областях Украины, которые на протяжении всего периода оккупации находились под управлением вермахта. Важной задачей театрального искусства в этом регионе стало обеспечение немецких военнослужащих.

Согласно планам министра пропаганды Третьего рейха Йозефа Геббельса вопросами обеспечения частей вермахта на фронте и в тылу должны были заниматься немецкие театральные коллективы, действовавшие от организации «Сила через радость» ("Kraft durch Freude" (далее – КдФ)). На реализацию театральной политики на оккупированной территории, в том числе и находившейся под военным управлением, влияло также рейхсминистерство оккупированных восточных областей во главе с Альфредом Розенбергом через созданный в отделе прессы и пропаганды министерства в 1942 г. особый штаб «Театр» [1].

Однако ключевым фактором, который определял параметры и возможности использования средств театрального искусства в регионе в течение всего периода оккупации, был вермахт и его пропагандистские структуры. Как отмечалось в проекте «Указаний о деятельности отделов и команд пропаганды в оккупированных районах Советского Союза», «театральная и музыкальная жизнь, так же как и другие области искусства (балет, варьете и т.д.), должны постоянно находиться под наблюдением, на них нужно влиять и управлять ими в наших интересах» [2]. Это предполагало и использование театральных коллективов оккупированной территории с целью культурного обеспечения местного населения и вермахта.

Работа театров была бы невозможной без запроса на эту форму культурной жизни со стороны местного населения и инициативы с мест. Организация профессиональных театральных коллективов была результатом деятельности инициативных групп или местных органов самоуправления (городских, районных управ), которые, однако, в решении таких вопросов находились в прямом контакте с военными властями и требовали одобрения с их стороны.

Театральные учреждения на территории Восточной Украины начали свою работу вскоре после начала оккупации. Этот процесс значительно быстрее шел в тех местах, где еще до войны существовали профессиональные театральные коллективы. Первым осенью 1941 г. возобновил свою работу Юзовский (до и после оккупации – Сталино, с 1961 г. – Донецк) украинский музыкально-драматический театр (с середины 1942 г. он был переименован в Городской театр оперы и балета, а с июля 1943 г. получил новый статус и название – «Фронтовая опера Сталино») [3]. Примерно в это же время начали работу театры в Харькове и Мариуполе.

Театральные коллективы (профессиональные либо любительские) во время оккупации действовали и в других городах и поселках, в частности, в Ворошиловграде (Луганске), Нежине, Чернигове, Сумах, Бахмуте (Артемовске), Дружковке, Макеевке, Горловке, Красноармейске, Краматорске, Рыково (Енакиево), Славянске, Ясиноватой, Попасной, Красном Луче, Лозовой и некоторых иных населенных пунктах.

Система управления театрами должна была отвечать целям обеспечения культурного отдыха военнослужащих вермахта и гарантировать невозможность использования сцены в политических целях. В «Отчете отдела пропаганды "У" ("Украина") на 1.09.1942 г.» прямо указывалось на необходимость осуществления надзора за деятельностью театров «с целью недопущения использования их в реакционно-царистских, великорусских, украинско-националистических и большевистских целях» [4].

Практически все ключевые вопросы деятельности театров решались только по согласованию с оккупационной администрацией. Обеспечение надлежащего контроля над работой театральных учреждений возлагалось на шефов театров, которые назначались из числа офицеров комендатур, пропагандистских структур вермахта. В отдельных случаях немецкие военнослужащие, имевшие определенные профессиональные знания, параллельно выполняли функции режиссеров или художественных руководителей. К примеру, в Юзовском музыкально-драматическом театре художественным руководителем был назначен бывший актер и режиссер Мюнхенской оперы Тони Грашбергер [5].

Театры, действовавшие в зоне военной администрации, как правило, подчинялись городским управам. Над ними, в свою очередь, осуществляли надзор местные комендатуры либо же органы пропаганды. По крайней мере, один из театров – Юзовский музыкально-драматический – впоследствии был полностью непосредственно подчинен гарнизонной комендатуре Юзовки, при которой было даже создано отделение городского театра. Это было обусловлено тем обстоятельством, что театр в Юзовке приобрел ключевое значение в выступлениях перед военнослужащими вермахта на всем южном крыле советско-германского фронта.

Работа именно с военным зрителем стала важной целью театральных учреждений. Это подтверждается не только программными установками нацистов в вопросах культурной политики на оккупированной территории, но и сведениями о текущей работе театров: количестве посетителей – солдат оккупационных войск, выездах театральных трупп на фронт. В немалой степени потребность в создании местных театральных коллективов была обусловлена тем обстоятельством, что, по признанию военнослужащих вермахта, труппы КдФ очень редко выступали на фронте, и то на значительном расстоянии от передовой линии, что затрудняло или вообще делало невозможным посещение спектаклей частью немецких военнослужащих на передовой линии [6].

Значительную роль в организации постановок для военнослужащих вермахта на востоке Украины сыграл созданный в конце 1941 г.

по инициативе штаба 17-й армии (в ее тыловую зону в то время входили часть Сталинской, Харьковской, Днепропетровской областей) театр преимущественно из жителей Горловки, Дзержинска и Славянска. Учитывая то, что одной труппы для выступления перед распыленными на широком фронте войсками армии не хватало, было предложено организовать три театральных коллектива – в Лозовой, Краматорске и Константиновке. Правда, в связи с ходом боевых действий, труппа, созданная в Лозовой, в январе 1942 г. была распущена, успев за месяц своей деятельности дать 26 выступлений для 13 400 зрителей в самой Лозовой, Краматорске, лазаретах, пунктах сбора раненых [7]. Остальные коллективы продолжили деятельность, сконцентрировав в своем составе немецких военнослужащих, имевших музыкальный или театральный опыт, и местных жителей.

Достаточно широко практиковались выезды на фронт театрально-концертных бригад, специально сформированных из состава трупп стационарных театральных учреждений для выступлений перед немецкими и итальянскими военными частями. Так, в апреле 1942 г. уже четвертая бригада актеров Юзовского музыкально-драматического театра и Театра эстрады и миниатюр в составе 30 человек посетила немецкие фронтовые части с концертами [8]. По состоянию на октябрь 1942 г. концертная бригада Мариупольского театра имени Т.Г. Шевченко под руководством И. Ягупова дала 122 концерта непосредственно на фронте [9]. Работа театральных коллективов на выезде обычно довольно высоко оценивалась немецким командованием. Помимо бригад, формировавшихся из состава трупп стационарных театров, подразделения вермахта обслуживали также и небольшие самодеятельные коллективы, которые, как правило, в отчетах назывались группами по имени их руководителей. Весной 1943 г. активную работу в полосе 1-й танковой армии вермахта проводили группы Королева и Ткаченко [10]. Помимо них две созданные в Чистяково (ныне Торез) и Красном Луче театральные группы варьете выступали в частях 17-го армейского корпуса, а также проводили работу с населением.

Наглядное представление о степени обеспечения конкретных немецких частей представлениями и концертами могут дать следующие цифры: в течение 25 марта – 7 апреля 1943 г. группой Королева в тыловой зоне 40-го танкового корпуса было осуществлено 16 выступлений с общим количеством зрителей в 2270 человек. В период с 1 по 16 июня 1943 г. в зоне 17-го армейского корпуса, который дислоцировался в Донбассе, концертная группа Шевелева дала 19 выступлений с 4785 зрителями [11].

Кроме выступлений непосредственно в воинских частях актеры театров, члены самодеятельных театральных трупп выступали в госпиталях, домах отдыха, казино. Безусловно, выполнение сложных постановок в полевых условиях было невозможно, поэтому в программу, как правило, входили небольшие драматические инсценировки, музыкальные

номера, выступления жонглеров, фокусников, танцоров. Весь репертуар, который предлагали военному зрителю, заранее просматривали ответственные лица комендатур, представители пропагандистских структур. В то же время были и случаи, когда выступления местных коллективов рассматривались как нежелательные. Показательной в этом плане является ситуация, сложившаяся летом 1943 г. в тыловой зоне 6-й армии вермахта. Так, предложение командира роты пропаганды № 695 выступать перед войсками на фронте при условии тщательной проверки программы и разделения по принципу: «пригодно только для немцев», «пригодно только для русских», «пригодно для обоих» командование 294-й пехотной дивизии отклонило под предлогом того, что это приведет «только к русификации, против чего мы должны бороться всеми возможными средствами» [12].

Выезды в театры стали своеобразной формой поощрения немецких солдат, которых возили на спектакли и концерты прямо с линии фронта организованными группами. Именно так было налажено посещение театров в Юзовке и Таганроге военнослужащими частей, занимавших оборону на Миус-фронте. Особенно интенсивно поездки осуществлялись весной – летом 1943 г., для чего был даже разработан постоянный маршрут.

Репертуар, который ставился на сценах театров, зависел от уровня квалификации и численности труппы, наличия соответствующего помещения и реквизита, тех задач, которые ставила перед театральными учреждениями оккупационная власть, и даже политических взглядов руководства театров. Следует отметить, что несмотря на ряд цензурных ограничений, продиктованных расистскими стереотипами и идеологическими установками, немецкий зритель получил возможность увидеть ряд произведений не только западноевропейских, но также украинских и русских драматургов и композиторов.

С учетом разнообразия театрального репертуара уместно поставить вопрос и о его влиянии на оккупантов. Представления и концерты не только создавали условия для отдыха немецких военнослужащих, они в определенной степени способствовали ознакомлению солдат вермахта, запрограммированных нацистской пропагандой на пренебрежительное отношение к славянской культуре, с культурным наследием украинского, русского народов. Как представляется, деятельность театральных коллективов в данных условиях не могла не влиять положительно на повседневную практику отношений между оккупантами и местными жителями (хотя этот аспект требует дополнительной разработки), не способствовать трансформации хотя бы у определенной части зрителей – военнослужащих гитлеровской армии – стереотипов относительно «неполноценности» славян.

Доступные на сегодня источники, характеризующие степень влияния украинской культуры и, в частности, театрального искусства на военнослужащих вермахта, достаточно противоречивы. Это обусловлено,

очевидно, не только различиями в эстетическом восприятии, но и степенью политической ангажированности источников и их создателей. Показательной в этом плане является характеристика театральных постановок в Харькове – одном из важнейших культурных центров не только Украины, но и всего Советского Союза. По мнению некоторых немецких военнослужащих, посещавших театры Харькова, «как ни странно, харьковские театральные постановки были совсем не плохие… В Советском Союзе культуре уделялся смысл и значение» [13], «Сегодня… местный балет танцует в оперном театре, переполненном солдатами… Когда люди этой страны начинают петь и танцевать, то это словно пробуждение от глубокого оцепенения… Им полностью удается осуществить перевоплощение во что-то танцевальное, чего часто не могут сделать западные танцоры» [14]. Достаточно позитивная оценка выступлений харьковских актеров содержалась и в одном из отчетов отдела пропаганды «У» за март 1942 г. [15]. В то же время оценки другого военнослужащего, также посетившего театр в Харькове, весьма критические и свидетельствуют о невозможности воспринять культурную традицию местного населения [16].

Следует отметить, что деятельность театральных учреждений легитимизировалась на достаточно высоком уровне. Интерес представляет программа досуговых мероприятий по случаю посещения командующим оккупационными войсками Венгрии на Восточном фронте генералом Витезом Бакаем командующего тыловым районом группы армий «Б» генерала Эриха Фридеричи в Харькове в октябре 1942 г. Так, Бакай должен был побывать в Свято-Николаевском кафедральном соборе, а также на опере «Аида». Во время инспекционной поездки командующего тыловым районом группы армий «Б» в течение 6–15 сентября 1942 г. было предусмотрено посещение театров в Сталино и Мариуполе [17]. В июле 1943 г. начальник штаба 6-й армии вермахта, характеризуя работу местного театра в Юзовке, заявлял, что «путем совместного взаимодействия немецких и украинских сил Фронтовая опера, несмотря на военное время, находится на замечательном, многообещающем подъеме» [18].

Условия военного времени, безусловно, негативным образом отразились на уровне театрального искусства, особенно в театральных коллективах, действовавших на периферии. Однако, даже отмечая низкий уровень представлений, оккупационные власти в то же время констатировали, что с учетом особенностей момента и восприятия они полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к сценическим произведениям [19]. В ряде случаев деятельность театральных коллективов, созданных из представителей местного населения, по сравнению с немецкими труппами, получала достаточно высокую оценку. Так, в своем отчете о командировке на Восточный фронт один из немецких офицеров отмечал: «По сравнению с русскими актерами иногда уровень трупп КдФ отличается настолько сильно, что руководители пропаганды всеми

возможными средствами пытаются стоять на пути посещению такого рода немецких спектаклей, чтобы они не получали неверного представления о немецком искусстве» [20].

За свою работу актеры, музыканты, вспомогательный персонал получали заработную плату. Однако главным источником обеспечения их средствами к существованию был паек, который получали сотрудники театров и члены их семей (иждивенцы). При этом в дни, когда театры давали спектакли и концерты для военнослужащих вермахта, актерам должен был выдаваться военный паек.

Во время отступления немецких войск зданиям театров, так же как и другим сооружениям жилого, общественного, промышленного назначения, в рамках реализации политики «выжженной земли» был нанесен значительный ущерб. Тем более примечательна ситуация в Юзовке. Здание одного из лучших театров Украины – Фронтовой оперы (ныне – Донецкого академического театра оперы и балета им. А.Б. Соловьяненко) – не было уничтожено. Комендант города Ленц не дал разрешения на это [21], что, вероятно, было обусловлено надеждой на контрнаступление и возвращение немецких войск после временных неудач. Не исключено, что комендант руководствовался и иными, гуманистическими соображениями.

Немецкие войска понимали значение местных профессиональных театральных коллективов в организации выступлений для вермахта и предлагали актерам эвакуироваться вместе с ними. Наиболее организованно были эвакуированы сотрудники «Фронтовой оперы Сталино». Им и членам их семей был выделен отдельный эшелон, который был разбомблен советской авиацией на станции Пологи. Несколько человек из этого транспорта погибли [22]. Решающим фактором, который влиял на решение актеров отступить вместе с немцами, был страх подвергнуться репрессиям со стороны органов НКВД по обвинению в коллаборации. Следует отметить, что ряд руководителей театров, лиц, которые влияли на кадровую и репертуарную политику в театрах, был осужден. Многие из тех, кто работал в театрах при немцах, в послевоенные годы подвергались стигматизации. Характерным является пример известной донецкой балерины А.П. Горчаковой, факт работы которой во время нацистской оккупации в театре стал, очевидно, главным препятствием для получения звания народной артистки Украины [23].

Драма многих людей с подобной судьбой была обусловлена тем, что они, очевидно, переступая через себя, через свое неприятие, а иногда и ненависть к оккупантам, работая на них, должны были обеспечивать не только себя, но и своих близких. Только один пример: согласно списку работников Харьковского оперного театра, насчитывавшему 136 человек, на их иждивении находилось 207 членов их семей – в основном пожилых родителей и детей [24]. Однако эти аргументы не очень помогли после освобождения. Власть, оставив людей на произвол судьбы, сурово осудила их за те усилия, к которым они вынуждены были прибегать

в стремлении выжить, обеспечить своих родных и близких в условиях оккупации.

Театральное искусство на территории Восточной Украины, хотя и понесло тяжелые потери, вызванные войной, даже в условиях нацистской оккупации не исчезло и не было уничтожено. Оно было вынуждено приспособиться к реалиям того времени, проявлением чего стала деятельность в направлении удовлетворения запросов военнослужащих вермахта. Для театральных коллективов это стало необходимым условием обретения хотя бы какой-то легитимности во время оккупации. В целом театральные учреждения на территории региона, создавая оккупантам условия для проведения досуга, в то же время знакомили их с духовным миром местного населения, с культурным достоянием украинского и русского народов и, очевидно, в некоторой степени способствовали разрушению сложившихся у солдат вермахта под влиянием нацистской пропаганды представлений о «неполноценности» славян.

Примечания

1. Drewniak B. Das Theater im NS-Staat: Szenarium dt. Zeitgeschichte; 1933–1945. Düsseldorf, 1983. S. 33.
2. Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg (далее – BA-MA). RW 4/253. Bl. 45.
3. Государственный архив Донецкой области. Ф. Р-1580. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–3.
4. BA-MA. RH 22/33. Bl. 35.
5. Bundesarchiv, Berlin (далее – BA). R 55/1359. Bl. 143.
6. Murmann G. Komödianten für den Krieg. Deutsches und alliiertes Fronttheater. Düsseldorf, 1992. S. 302.
7. BA-MA. RH 20-17/354. Bl. 5.
8. Донецкий вестник. 1942. 12 апреля.
9. Маріюпільська газета. 1942. 8 жовтня.
10. BA-MA. RH 24-40/120. Betr.: Russische Spielgruppe Karaljoff; Betr.: Russ. Spielgruppe.
11. BA-MA. RH 20-6/300. Betr.: Propaganda – Kompanie 695, Tätigkeitsbericht für die Zeit vom 1.6. bis 15.6.1943.
12. Ibid.
13. Вюстер В. В аду Сталинграда. Кровавый кошмар вермахта. М., 2010. С. 15.
14. Подевильс К. Бои на Дону и Волге. Офицер вермахта на Восточном фронте. М., 2010. С. 15.
15. BA-MA. RW 4/236. Bl. 194 (r.s.).
16. Нидермайер Г. Эсэсовская «гвардия» в бою: фронтовые мемуары ветеранов 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». М., 2011. С. 181.
17. BA-MA. RH 22/98. Bl. 190, 258.
18. BA-MA. RH 23/355. Betr .: Anlage zum 10.7.1943.
19. BA-MA. RH 22/202. Bl. 188.
20. Vossler F. Propaganda in die eigene Truppe. Paderborn, 2005. S. 305.
21. Архив Управления Службы безопасности Украины в Донецкой области. Д. 60 090: в 6 т. Т. 1. Л. 37.
22. BA-MA. RH 20-6/683. Bl. 5.
23. Горчакова Е.П. Размышления в затянувшемся антракте. Донецк, 1998. С. 32.
24. Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-3078. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

Л.В. Табунщикова

Епископ Иосиф (Чернов): Служение в оккупированном Таганроге в годы Великой Отечественной войны

Епископ Иосиф (Чернов) является одной из тех личностей в истории Русской православной церкви XX в., в судьбе которых отразилась эпоха. В 1920–1930-е гг. дважды арестовывался органами советской власти. С начала Великой Отечественной войны епископ оказался на оккупированной немцами территории, чудом избежал расстрела по приговору гестапо. В 1944 г. был арестован НКГБ, осужден на 10 лет. После отбытия срока наказания в 1960-е гг. стал архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским. По некоторым данным, был одним из предполагаемых кандидатов на пост патриарха, однако отказался выставлять свою кандидатуру, сославшись на «преклонный возраст и отсутствие богословского образования [1]». Закончил свою жизнь в Алма-Ате в сане митрополита. В связи с этим значительный интерес представляет аспект биографии епископа Иосифа, связанный с его пребыванием на оккупированной территории города Таганрога в период Великой Отечественной войны и его взаимоотношениями с немцами. Историография данной темы крайне скудна и представлена только двумя публицистическими работами В.В. Королевой [2]. История церковной жизни города Таганрога в данный период также на сегодняшний день недостаточно разработана [3]. Таким образом, история взаимоотношений епископа Иосифа (Чернова) с немцами еще требует своего дальнейшего изучения.

Основными источниками при написании данной работы послужили два следственных дела архива ФСБ, заведенных в 1925 и 1944–1945 гг. на Иосифа (Чернова), а также материалы коллаборационистской газеты города Таганрога «Новое слово».

Иван Чернов, будущий епископ Таганрогский Иосиф, родился в Могилеве в 1893 г. Семнадцатилетним юношей поступил в белорусский Белынический монастырь. Став келейником архимандрита (будущего епископа) Арсения (Смоленца), надолго связал свою судьбу с Таганрогом, куда владыка был направлен в 1917 г. [4]. В 1918 г. пострижен в монашество, служил в Никольском храме Таганрога. После высылки в 1922 г. епископа Арсения (Смоленца) монашеская община, возглавляемая архимандритом (на тот момент) Иосифом (Черновым) стала центром сопротивления таганрогскому обновленчеству [5]. В 1925 г. Иосиф (Чернов) был выслан, по версии следствия, за «измышление и распространение контрреволюционных ложных слухов» [6], а по мнению самого Чернова, за «хранение контрреволюционной литературы, а именно архивов архиерейской Канцелярии» [7]. В 1927 г. вернулся из ссылки. До 1935 г. включительно архимандрит Иосиф (Чернов) служил в Никольском храме Таганрога, несмотря на конфликты внутри общины [8]. В 1932 г. был хиротонисан во епископа Таганрогского. В 1935 г. епископ арестован

по обвинению в руководстве «контрреволюционным церковно-монархическим подпольем» и за оказание материальной и денежной помощи ссыльному епископу Арсению (Смоленцу) [9]. Был осужден на 5 лет заключения [10], наказание отбывал по декабрь 1940 г. После освобождения вернулся в Таганрог, по дороге заехав в Москву, где встречался с митрополитом Сергием (Страгородским) [11]. В Таганроге ему проживание запретили, поэтому епископ поселился в соседнем городе Азове, работая в детских яслях сторожем [12]. Здесь владыка сблизился с тайной общиной почитателей праведного Иоанна Кронштадтского, называемой «Белый дом». Архипастырь стал совершать тайные богослужения, иерейские хиротонии, монашеские постриги [13].

В Таганрог он попал только с началом немецкой оккупации Ростовской области. До войны в Таганроге были закрыты все церкви и молитвенные дома. Данная ситуация была характерна для всей Ростовской области, поскольку к 1941 г. из 911 церквей (на 1920 г.) [14] оставалась, по официальным данным, действующей одна Преображенская церковь в хуторе Обуховка Азовского района [15]. С приходом немцев происходило самопроизвольное открытие храмов везде, где были духовенство и церковные здания [16].

В июле 1942 г. немцы заняли город Азов. Иосиф (Чернов) получил от немцев пропуск и 8 августа пешком ушел в Таганрог, где, по его словам, уже были открыты 4 церкви. Через несколько дней после прибытия епископ был вызван в бургомистерство, где ему было предложено как священнослужителю получить регистрацию. Получив ее, 27 августа 1942 г. приступил к службе в Крестовоздвиженской домовой архиерейской церкви. 28 августа владыка Иосиф освятил Никольский собор. «Ныне, с помощью группы верующих и бургомистерства, он вновь становится местом вознесения молитв», – говорилось по этому поводу в местной коллаборационистской прессе [17]. При освящении присутствовал ряд почетных гостей во главе с бургомистром Дитером и его заместителем Акимцевым. Перед освящением собора епископ Иосиф был вызван в отдел пропаганды, где ему предложили прочитать перед согражданами речь [18]. Но при освящении собора Чернов отказался читать написанную офицером речь, как и собственную проповедь. «В этом документе излагалась клевета на Православную Церковь и на митрополита Сергия», – позже на допросе в 1945 г. скажет Чернов [19]. В протоколе допроса, содержащемся в следственном деле, дано следующее объяснение мотивов отказа:

«Вопрос: – Вы дали свое согласие начальнику пропаганды выступить с профашистской и клеветнической речью?

Ответ: – Я дал свое согласие начальнику пропаганды выступить перед гражданами Таганрога с профашистской и клеветнической речью <…>.

Вопрос: – Что помешало вам выполнить это задание начальника отдела фашистской пропаганды?

Ответ: – Ничего мне не помешало, я просто не выполнил задания начальника пропаганды…

Вопрос: – А за невыполнение данного вам вражеского задания Вы не опасались быть подвергнутым репрессии со стороны гестапо?

Ответ: – Опасался, но, оказавшись перед народом, я не решился выступить с гнусной ложью на Советскую власть, советскую действительность и на Русскую Православную Церковь» [20].

Больше Чернову политических речей читать не предлагали.

Сразу после освящения храма с Черновым встретился ростовский комендант и предложил при одобрении немецкий властей выехать в город Ростов-на-Дону якобы для проведения в церквах богослужений. По приезду епископ был вызван в комендатуру, где комендант совместно с ростовским благочинным Вячеславом Сериковым предложил Чернову принять участие в духовной поддержке военнопленных. Речь шла, как понял владыка, о тех военнопленных, которые сдались добровольно и из которых формировались коллаборационистские части: «…я дал отрицательный ответ. Тогда комендант заявил мне, что он располагает данными, изобличающими меня в работе на Советский Союз, но свои слова ничем не подкреплял. Я доводы коменданта опровергал. В ходе дальнейшей беседы комендант спросил у меня, чем я могу помочь немецкой армии. На что я дал уклончивый ответ. Выслушав меня, комендант потребовал, чтобы я занялся фашистской пропагандой. Пропаганда, по его мнению, дороже золота и сильнее оружия. В проповеди фашистской пропаганды я отказался. После этого, комендант объявил мне, что по распоряжению генерала Клейста мне запрещено бывать в Ростове и Новочеркасске и управлять церк [текст скрыт под сшивом] и под конвоем из Ростова отправил меня обратно в г. Таганрог» [21]. По словам вышеупомянутого В. Серикова, также арестованного в 1944 г., епископу Иосифу немцы предлагали «возвести Гитлера в ранг святого», на что был дан отказ [22].

По настоянию заместителя бургомистра г. Акимцова, принимавшего активное участие в церковной жизни города Таганрога, Чернов написал три статьи антисоветского характера в местную коллаборационистскую газету «Новое слово» [23]. 17 октября 1942 г. была опубликована статья под названием «Крест снова венчает храмы», написанная к годовщине оккупации Таганрога. 16 декабря 1942 г. опубликовано «Рождественское поздравление» за подписью епископа, лишенное какой-либо политической окраски [24]. Еще одна статья была подготовлена к празднованию Нового года [25].

Оккупация города Таганрога началась значительно раньше, чем других районов области, – 17 октября 1941 г. и продолжалась почти 2 года – до 30 августа 1943 г. В период немецкой оккупации Ростовской области на местах массово открывались храмы. Первое по времени открытие храма в области зафиксировано именно в Таганроге. В декабре 1941 г. здесь была открыта кладбищенская церковь Всех Святых. По утверждению местного краеведа М.С. Киричек, староста храма первой обратилась к новым властям с просьбой об открытии данной церкви [26]. Архивные источники подтверждают дату возобновления функционирования церкви в 1941 г. [27]. По другим данным, первой в Таганроге возобновила

богослужения Крестовоздвиженская домовая архиерейская церковь [28], в которой и начал служить епископ Иосиф. Помимо Всехсвятского храма, в годы оккупации возобновили деятельность еще 4 храма (Георгиевский молитвенный дом, Кресто-Воздвиженский молитвенный дом, Никольская церковь и храм Рождества Пресвятой Богородицы), которые были открыты в 1942 г. [29]. Как викарный епископ Таганрогский Иосиф (Чернов) назначал, переводил из церкви в церковь священнослужителей Таганрогского округа, рукополагал и занимался пострижением в монашество. «Мною было назначено на службу в церковь около пяти священников, рукоположено во священники около десяти человек и пострижено в монашество пять человек», – позже писал епископ Иосиф [30]. Активное возобновление религиозной жизни в Таганроге с приходом немцев очевидцами отмечалось еще до прибытия Чернова в город, в связи с чем бургомистр Таганрога Ходаевский 21 июля 1942 г. был вынужден своим специальным распоряжением привести к упорядочению регистрацию актов крещения, венчания и отпевания. Поэтому теперь данные таинства могли проходить в церкви только после соответствующей регистрации в городском ЗАГСе [31].

Поскольку Иосиф (Чернов) оказался до приезда в Ростов-на-Дону архиепископа Николая (Амассийского) единственным епископом, он утвердил В.А. Серикова, в прошлом настоятеля Ростовского кафедрального собора, в качестве благочинного г. Ростова-на-Дону [32]. Сериковым по приказу немцев впоследствии было организовано в Ростове-на-Дону епархиальное управление для руководства церквями оккупированных немецко-фашистскими войсками областей Кавказа, Кубани и Дона.

В конце сентября 1942 г. Чернов был вынужден дать письменное объяснение в отношении прибывшего архиепископа Николая (Амассийского): «Гестапо требовало от меня объяснений о том, что Амассийский, якобы, проводил агитацию, направленную против немецко-фашистских войск. Я написал об этом так, что от Амассийского я подобной агитации я не слышал» [33].

Примерно в это же время на страницах «Нового слова» активно критиковалось религиозное возрождение в Советской России со ссылкой на берлинскую газету «Новое слово»: «…религиозная свобода в СССР, которая если и проводится там в настоящее время, то исключительно по политическим соображениям» [34]. В статье «НКВД в епископском одеянии» заявлялось: «Предполагаемое открытие церквей в Советском Союзе не нашло, по-видимому, особенного отклика за границей. Теперь советская агитация, с помощью НКВД, прибегла к новому трюку, который должен рассеять последние сомнения еще не окончательно уверовавших иностранцев. В советской прессе за последнее время нередко попадаются обращенные к Сталину послания лиц различных вероисповеданий» [35]. Поэтому особый интерес у немцев касался наличия имени Сергия (Страгородского), «большевистского», с точки зрения немцев, митрополита, на антиминсе епископа. На допросе по этому поводу епископ

давал объяснение [36]. К сожалению, из обилия изученных источников автор не смог найти подтверждения распространенного в историографии мнения о вознесении имени митрополита Сергия (Страгородского) епископом Иосифом на оккупированной территории.

В г. Таганроге Иосиф (Чернов) пробыл с августа 1942 г. по февраль 1943 г., когда он неожиданно получил распоряжение выехать из Таганрога на Украину, в город Мелитополь. Опасаясь настойчивых «просьб» о сотрудничестве от гестапо, Чернов без разрешения уехал в Каховку, где и находился с марта по июнь 1943 г.

В Таганрог он вернулся в июне и пребывал здесь до своего отъезда 27 августа 1943 г. По возвращении епископ освятил Георгиевский храм, выступив, как обычно, с сугубо религиозной проповедью, а также служил панихиду Петру I во время открытия памятника у городского сада. 19 июля 1943 г. немецкими властями был перенесен памятник Петру I работы скульптора Антокольского с берега моря на его историческое место – в центр города на Ленинскую улицу, откуда был убран памятник Ленину. На площади у памятника Иосиф (Чернов) после панихиды выступил с речью, в которой благодарил немцев за перенос памятника на старое место и провозгласил многолетие немецкой армии. «На открытии памятника присутствовали работники бургомистерства, полиции и представители немецкого командования, все проходило в торжественной обстановке, выступал, кроме меня, Акимцов, и какой-то немец, ожидался приезд какого-то генерала… После всей церемонии в театре был устроен торжественный ужин» [37]. Очевидцы следующим образом описывали происходящее: «…к 12 часам дня собрался народ. На трибуну, украшенную цветами и фашистской свастикой, поднялся заместитель командующего. Он произнес поздравительную речь в адрес города и его жителей по случаю восстановления исторической справедливости, возвращения памятника основателю Таганрога на историческое место. Далее выступали другие докладчики, включая бургомистра города. Но вот слово взял епископ Таганрогский Иосиф. При абсолютной тишине он начал говорить о Царе Петре I и той великой роли, которую сыграл он в деле становления Великой Российской империи. Затем оркестр грянул молитву русского народа “Боже, Царя Храни”. Закончилась русская тема песней Ивана Молчанова в исполнении хора “Было дело под Полтавой”» [38].

В августе 1943 г. войска Южного фронта под командованием генерала Ф.И. Толбухина готовились взять Таганрог. По требованию немецких властей епископ Иосиф выехал из Таганрога в Мариуполь. 30 августа Таганрог был освобожден.

Советские органы арестовали епископа Иосифа в июне 1944 г., после отступления немцев с территории Украины. Его обвинили в принадлежности к немецкой разведке и предложили объяснить, каким образом он остался жить, тогда как числился расстрелянным в списке, оставленном гестаповцами (в городе Умани осенью 1943 г. епископ был арестован гестапо и приговорен к расстрелу как английский и советский шпион).

Судили епископа в 1945 г. как агента гестапо и тайного «иоаннита» (последователя секты почитателей Иоанна Кронштадского), организатора тайного монастыря в городе Азове. По делу вместе с ним проходило 43 человека, преимущественно «иоаннитов». Чернов признал из многочисленных пунктов обвинения (среди них фигуровало даже «осуждение» им Патриаршьей церкви) только три, а именно: антисоветские публикации в газете «Новое слово», выступление с речью при переносе памятника Петру I с берега моря в центр города и сбор биографий духовенства для передачи немцам по их требованию. Пособничество гестапо епископ Иосиф категорически отверг: «…коммунистов и партизан я немецкой разведке не выдавал, а также лиц, враждебно настроенных против немецкой власти, не выявлял. Это я категорически отрицаю» [39].

Решением военного трибунала Северо-Кавказского военного округа от 11–19 февраля 1946 г. Иосиф (Чернов) приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Как «особо опасный государственный преступник» был направлен в особый лагерь МВД близ Челябинска [40]. 14 мая 1992 г. митрополит Иосиф (Чернов) был реабилитирован прокуратурой Ростовской области.

Таким образом, Иосиф (Чернов) в период оккупации города Таганрога оказался в сложном положении. До приезда в Ростов-на-Дону правящего архиепископа Николая (Амассийского) он оказался единственным епископом на территории Ростовской области. Немцы попытались использовать его в своих целях, стремясь заставить участвовать в пропагандистских акциях. Если от участия в духовном окормлении коллаборационистских частей и чтения проповедей на политические темы епископ смог уклониться, то избежать публикаций на политическую тему в местной газете не удалось. В результате епископ подвергся двойным репрессиям – оккупантов и впоследствии советской власти.

Примечания

1. Макарий (Веретенников), архим. Иосиф (Чернов). URL: http://www.pravenc.ru/text/578561.html (дата обращения: 23.03.2016).

2. Королева В.В. Таганрогский период служения митрополита Иосифа (Чернова) // XXI ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. 2011. № 21; Свет радости в мире печали: Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф / сост. В. Королева. М., 2004.

3. Табунщикова Л.В. Церковная жизнь на территории г. Таганрога в годы Великой Отечественной войны в период немецкой оккупации // Научные труды Донской духовной семинарии. Вып. 4. Ростов н/Д, 2016. С. 135–144.

4. Иосиф (Чернов). URL: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_192 (дата обращения: 15.03.2016).

5. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы: сборник документов. Ростов н/Д, 2015. С. 43.

6. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 7. Л. 61–61об., 66–66об.

7. Архив Управления Федеральной службы РФ по Ростовской области (далее – Архив УФСБ по РО). Д. П-49273. Т. 1. Л. 16.

8. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Указ. соч. С. 449.
9. Архив УФСБ по РО. Д. П-38243. Л. 221.
10. Архив УФСБ по РО. Д. П-38243. Л. 239.
11. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 17.
12. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 60об.
13. Королева В.В. Указ. соч. С. 422.
14. Шадрина А.В. Храмы Донской и Новочеркасской епархии: конец XVII века – 1920 г. Справочник. Ростов н/Д, 2014. С. 16.
15. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-4173. Оп. 5. Д. 39. Л. 1.
16. Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов: сборник документов / сост. М.В. Шкаровский. М., 2003. С. 265.
17. Освящение храмов в Таганроге // Новое слово. 1942. 1 сентября. № 73 (76).
18. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 65.
19. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 21об.
20. Там же.
21. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 22–22об.
22. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 249об.
23. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 18.
24. Свентицкий Д.В. Динамика и анализ публикаций на церковную тему в оккупационной прессе Дона и Кубани в период Великой Отечественной войны // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2014. № 3. С. 52, 53.
25. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 76об.
26. Киричек М.С. Святые купола Таганрога. История храмов, утраченных и существующих. Таганрог, 2008. С. 122.
27. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 116. Л. 25об.; Оп. 6. Д. 69. Л. 10, 13; Д. 304. Л. 17, 35; Д. 77. Л. 10об.
28. Свет радости в мире печали: Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф. С. 145.
29. Табунщикова Л.В. Количественный анализ открытия православных храмов и молитвенных домов на оккупированной территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). Ч. I. С. 173.
30. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 34.
31. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.): дис. … д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003. С. 457.
32. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 50об., 250.
33. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 72.
34. Церковь в СССР и Ватикан (из берлинской газеты «Новое слово») // Новое слово. 1942. 2 мая. № 35 (38).
35. НКВД в епископском одеянии // Новое слово. 1943. 13 мая. № 56 (181).
36. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 72об.
37. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 83.
38. Королева В.В. Указ. соч. С. 423.
39. Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 20об.
40. Иосиф (Чернов). URL: http://www.pravenc.ru/text/578561.html (дата обращения: 23.03.2016).

А.В. Броварь, Ю.А. Ревизская

Продовольственное обеспечение горняков Донбасса в годы Великой Отечественной войны в период восстановления отрасли (1943–1945 гг.)

В современных условиях Донбасса возникла насущная потребность в обеспечении надлежащего уровня материально-бытовых потребностей населения. Особенно актуально это в индустриально развитых городах республики, где бытовые неурядицы традиционно были источником социальных конфликтов, вносили диссонанс в трудовую деятельность. В этих условиях обращение к историческому опыту решения проблемы удовлетворения материально-бытовых нужд работников, а именно обеспечения эффективной системой питания, является весьма важным. Особое внимание привлекает проблема питания работников угольной промышленности Донбасса в течение периода послевоенного восстановления народного хозяйства. Несмотря на важность этой проблемы, она до сих пор не была объектом целостного научного исследования, хотя отдельные ее аспекты отражены в советских и современных монографических изданиях, профессиональных публикациях. Исходя из этого, целью исследования является освещение обеспечения работников предприятий угольной промышленности Донбасса продуктами питания в течение Великой Отечественной войны в послеокупационный период восстановления – в 1943–1945 гг.

Бытовая жизнь работников угольной промышленности Донбасса характеризуется в исследуемый период прежде всего значительным несоответствием между довольно высокой заработной платой и невысокими возможностями удовлетворения бытовых нужд. Это явление было характерно для всей советской эпохи указанного периода, но у шахтеров Донбасса оно имело свои особенности. Это отражалось и на состоянии питания работников угольной промышленности Донбасса.

Состояние пищевой отрасли после освобождения этого региона от оккупации было очень тяжелым. В течение войны в несколько раз сократилось производство пищевых продуктов (некоторых даже в 10–12 раз) [1]. Осенью 1943 г. из 108 хлебопекарен Донбасса, действовавших здесь до войны, осталось только 20, были разрушены мясокомбинаты, другие предприятия пищевой промышленности [2]. Мероприятия по упорядочению системы питания жителей шахтерских городов и поселков Донбасса начали проводиться партийной властью почти сразу после освобождения этого региона от немецкой оккупации. В марте 1945 г. XIII пленум Всесоюзного центрального совета профсоюзов (далее – ВЦСПС) разработал программу улучшения бытового обслуживания трудящихся. Секретариат ВЦСПС систематически контролировал деятельность центральных комитетов, обкомов и местных организаций отраслевых профсоюзов в деле реализации этого постановления.

Декларировалась необходимость коренного улучшения состояния питания рабочих, которое должно было способствовать повышению производительности труда, стимулированию творческой активности трудящихся. К сожалению, это так и осталось декларацией [3].

19 сентября 1943 г. Президиум ВЦСПС принял постановление «Об улучшении работы общественного контроля профорганизаций над работой столовых, магазинов и подсобных хозяйств» [4]. Согласно постановлению профсоюзными организациями горняков Донбасса было создано 500 комиссий рабочего снабжения, которые следили за соблюдением соответствующих инструкций 87 продуктовыми и товарными базами, 645 столовыми. Эти комиссии насчитывали в своих рядах 7075 активистов. При комиссиях рабочего снабжения создавались бригады рабочих контролеров, которые следили за работой торговых заведений и учреждений общественного питания, соблюдением норм выдачи работникам продуктов питания. Особенно тщательно эти бригады проверяли выдачу талонов на дополнительное питание тем работникам, которые перевыполняли нормы выработки [5]. Общественные контролеры, которые выделялись среди профсоюзного актива, следили за тем, как работники торговой сферы обслуживают горняков и членов их семей [6].

Указанные выше меры опирались на методическую систему, сложившуюся еще в межвоенный период, которая предусматривала приоритетность удовлетворения пищевых потребностей тех рабочих, которые работали на предприятиях тяжелой промышленности, на вредном производстве. К числу таких относились и угольные шахты Донбасса: условия труда на этих предприятиях были тяжелыми и опасными [7].

При отделе рабочего снабжения комбината «Сталинуголь» по состоянию на 1 января 1945 г. функционировали 233 магазина, 209 столовых, 33 базы и складов, 80 овощехранилищ, 185 предприятий бытового обслуживания, 69 предприятий промышленных товаров, 28 совхозов и 3 рыболовецких хозяйства [8].

Продовольственная ситуация в Донбассе после освобождения от оккупации была крайне тяжелой. В годы войны снабжение населения продовольствием стало нормированным. В конце 1944 г. норма хлеба для рабочих составляла 400–800 г, для служащих – 300–450 г, а для неработающих взрослых и детей – всего 200–300 г [9]. Впрочем, те горняки, которые работали на подземных работах и на восстановлении шахт, получали 1 кг хлеба в сутки [10]. На предприятиях угольной промышленности Ворошиловградской области распространенным явлением были перебои в снабжении хлеба горнякам [11].

Сложная продовольственная ситуация в первые годы после освобождения Донбасса от гитлеровской оккупации была обусловлена разрушением инфраструктуры пищевой индустрии во время войны [12]. По состоянию на 1944 г. рацион горняка Донбасса в среднем был наполовину меньше, чем до войны. Люди вынуждены были отказывать себе в самом необходимом [13]. В 1944–1945 гг. рабочий по продовольственной карте

мог получить ежемесячно не более 2 кг мяса и рыбы, 1,2 кг крупы и макарон, 400 г жиров. Существовали сбои в поставках горнякам даже этого ограниченного числа продовольствия. Ситуация постепенно улучшается только со второй половины 1940-х гг.

В 1943–1945 гг. в очень трудном положении оказались семьи горняков, находившихся на фронте. Для минимального улучшения их материального положения соответствующими государственными органами была организована система поставки продовольствия и промышленных изделий. Для помощи горнякам Донбасса в конце 1943 г. начали поступать эшелоны с продовольствием из регионов СССР, которые не пострадали от оккупации [14].

В первые годы после освобождения Донбасса от гитлеровцев достаточно часто питание рабочих угольных предприятий не было организовано на должном уровне. Так, на шахтах № 9 им. Кагановича треста «Макеевуголь», № 13 треста «Куйбышевуголь», № 30 и № 31 треста «Рутченковуголь» в столовых для горняков еда была некачественной, сами столовые находились в плохом состоянии, давно не ремонтировались. Хуже питались представители «спецконтингента», мобилизованные для работы на угольных шахтах Донбасса.

Ситуация с продуктами была лучше на тех угольных предприятиях, где были собственные продовольственные базы. Это, в частности, касается комбината «Сталинуголь». В конце 1944 г. горняки Донбасса пользовались услугами 964 столовых, 922 магазинов и 98 продовольственных баз.

Калорийность продуктового набора рабочих угольных шахт Донбасса составляла в первые послевоенные годы в среднем от 1387 до 1592 ккал. Дневной рацион служащих составлял 1074–1076 ккал, а иждивенцев – 780 ккал [15]. Шахтеры Донбасса в течение 1943–1945 гг. испытывали острую нехватку мяса, масла, овощей, соли, сахара и других продуктов. Значительные перебои были в поставке мучных изделий. Горняки в это время вместо полагавшихся им 900 г хлеба в сутки получали только 600 г [16].

Достаточно бедным был рацион учащихся профессионально-технических училищ. Часто еда в столовых этих учреждений была однообразной, невкусной, ее было недостаточно. Распространенной была практика, когда учеников не кормили горячей пищей [17]. В 1945 г. услугами общепита пользовались около 18 тыс. работников угольной промышленности Сталинской области, из них трехразовое питание в этих учреждениях имели 73 %, двухразовое – 10 %, одноразовое – 17 %. В это время горняки обычно получали в столовой на завтрак борщ, консервы, жиры и кашу.

Существенному увеличению потребительских возможностей горняков, особенно в самые трудные времена – в 1943–1945 гг., способствовало содержание предприятиями подсобных хозяйств. Так, в конце войны шахты Донбасса имели 225 подсобных хозяйств, под которые было отведено 109 тыс. гектаров земли. Развитию индивидуального огородничества горняков Донбасса способствовали как государственные, так

и профсоюзные органы. При ВЦСПС в 1943 г. был создан даже специальный орган – Комитет содействия индивидуальному и коллективному огородничеству [18]. Индивидуальное огородничество способствовало разрешению продовольственного кризиса. Весной 1945 г. коллективные и индивидуальные огороды имели уже 2,5 млн рабочих и служащих Украинской ССР, а их общая площадь составила 385,5 тыс. гектаров.

В течение 1943–1945 гг. огороды имели более 240 тыс. работников угольной промышленности Донбасса. Общая площадь этих огородов составляла 34 257 га. Только в 1944 г. с этих огородов было собрано 12,8 тыс. т овощей и злаковых культур. Как видим, огороды угольщиков Донбасса составляли почти 1/10 всех городов рабочих и служащих Советской Украины. Среди этих огородников опять же было почти 10 % горняков Донбасса. Такое развитие огородничества и выделение земель работникам угольной промышленности Донбасса можно объяснить, прежде всего, приоритетностью этой отрасли промышленности, которая привлекала внимание партийной власти к проблемам питания горняков. В течение упомянутого периода существовала тенденция постепенного увеличения как количества горняков, которые имели огороды, так и площади этих огородов [19].

Партийная власть как в центре, так и на местах поощряла рабочих иметь свои индивидуальные огороды. Профсоюзные и хозяйственные органы должны были разработать ряд мер по развитию индивидуального и коллективного огородничества среди рабочих Донбасса, в том числе и среди горняков. Развитие огородничества должно было происходить в плановом порядке, под пристальным контролем вышеупомянутых органов. Хозяйственные органы поставляли рабочим-огородникам семена овощей, необходимый инвентарь.

Бывшие фронтовики, а особенно инвалиды войны, в первую очередь наделялись индивидуальными огородами. Об этом должны были заботиться, прежде всего, профсоюзные организации, в том числе и Союз работников угольной промышленности.

В 1947 г. шахтеры угольной шахты «Лидиевка» были почти полностью обеспечены индивидуальными огородами. На помощь рабочим-огородникам профсоюзной организацией этой шахты было отпущено 8 т посевного картофеля и несколько тонн разнообразных семян [20]. Впрочем, стоит отметить, что при обработке индивидуальных огородов шахтеры Донбасса сталкивались с нехваткой сельскохозяйственной техники и инвентаря, тяглового скота и семян. Огородничество занимало важное место в поддержании материального положения и в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. [21].

При угольных шахтах Донбасса с 1943 г. организовывались подсобные хозяйства, где выращивали домашних животных для получения молочной и мясной продукции. Было организовано даже разведение рыбы в прудах. В 1944–1945 гг. на подсобных хозяйствах угольных шахт Донбасса было собрано 159 тыс. т овощей. Этот вид деятельности

в значительной мере удовлетворял потребности горняков и их семей в овощах, молочных продуктах, яйцах, мясе [22].

Среди горняков Донбасса лучшее снабжение продуктами питания было у забойщиков и навалоотбойщиков, что привело к особой популярности этих профессий в первые послеоккупационные годы [23].

Подводя итоги, отметим, что пищевой рацион горняков Донбасса был типичным для всей Украинской ССР. Это борщ, каши, картофель, сало, овощи. Существенным пополнением рациона горняков и их семей были продукты питания, источником которых служило домашнее хозяйство: овощи и фрукты, выращенные на приусадебных участках, мясо свиней и птицы, молоко и т.д. Приусадебные участки после освобождения были почти у половины шахтеров, из которых около трети держали домашний скот.

Можно утверждать, что бытовое положение шахтеров Донбасса в первые годы после освобождения было крайне тяжелым: постоянно не хватало продуктов питания, не была развернута сеть рабочих столовых и продуктовых магазинов. Начиная с середины 1944 г. ситуация постепенно выправляется: растет покупательная способность горняков и членов их семей, происходит расширение их рациона питания, повышается качество пищевых продуктов, расширяются сети предприятий общественного питания и улучшается уровень обслуживания в них. Это положительным образом отразилось на уровне производительности труда работников предприятий угольной промышленности Донбасса.

Примечания

1. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 128–134.

2. Есип И.М. Участие женщин в восстановлении легкой и пищевой промышленности (1943–1945 гг.) // Новые страницы в истории Донбасса: статьи. Кн. 5. Донецк, 1997. С. 141–150.

3. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 30. Д. 316. Л. 343.

4. Головко М.Л., Лисенко О.Є. Профспілки України у період Великої Вітчизняної війни 1941–1945 рр.: навчальний посібник. Київ, 2002. С. 44–46.

5. Чернега П.М. Профсоюзы Украинской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Киев, 1987. С. 78–81.

6. Чернега П.М. Деятельность профсоюзов на освобожденной территории Украинской ССР (1943–1945 гг.): автореф. дис. … к.и.н. Киев, 1982. С. 233–235.

7. Костюк Є.С. Діяльність профспілок радянської України у сфері охорони праці упродовж 20-х – 30-х рр. XX ст. // Гілея: науковий вісник. Вип. 20. Київ, 2009. С. 80–88.

8. Государственный архив Донецкой области (далее – ГАДО). Ф. Р-2895. Оп. 1. Д. 289. Л. 65.

9. Ковпак Л.В. Соціально-побутові умови життя населення України в другій половині XX ст. (1945–2000 рр.). Київ, 2003. С. 52–54.

10. Добров П.В., Есип И.М. Трудовая деятельность женщин Донбасса в годы Великой отечественной войны (1941–1945 гг.). Донецк, 2000. С. 127–129.

11. Государственный архив Луганской области. Ф. П-179. Оп. 3. Д. 252. Л. 125.

12. Чернега П.М. Вклад робітників України у зміцнення воєнно-економічної могутності СРСР в роки Другої світової війни (1939–1945). Київ, 2004. С. 101–103.
13. Саржан А.О. Зміни в соціально-економічній сфері Донбасу. Друга половина 40-х – кінець 80-х рр. XX ст. Донецьк, 2004. С. 93–95.
14. Коваль М.В. Все – для перемоги. Київ, 1975. С. 26–28.
15. Страною возвеличенный Донбасс. Очерки. Донецк, 1987. С. 43–49.
16. Чернега П.М. Виробнича діяльність і матеріально-побутове становище робітників України у роки Другої світової війни. Київ, 2006. С. 55–61.
17. ГАДО. Ф. Р-4249. Оп. 1 (доп.). Д. 248. Л. 3.
18. Социальная политика Советского государства. М., 1985. С. 224–237.
19. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 5451. Оп. 25. Д. 624. Л. 17.
20. Бриль М. Передовая шахта «Лидиевка». М., 1948. С. 39–46.
21. Социалистический Донбасс. 1952. 8 февраля.
22. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 18. Д. 159. Л. 58.
23. Кравченко Э.Л. Обеспечение рабочей силой угольных предприятий Донецкой области (1943–1945 гг.) // Новые страницы истории Донбасса. Статьи. Кн. 4. Донецк, 1995. С. 118–128.

С.А. Хубулова

Победители: послевоенная жизнь фронтовиков Северной Осетии в условиях «позднего сталинизма»

9 мая 1945 г. завершилась кровопролитная Великая Отечественная война, из которой страна вышла победительницей, но победа далась большим напряжением сил. Страна нуждалась в рабочих руках, притоке квалифицированной силы на предприятия, в колхозы. Поэтому и была осуществлена скорая демобилизация, которая прошла в несколько этапов. От успешного решения этой задачи во многом зависело послевоенное развитие страны.

Первые демобилизованные стали возвращаться домой в июле – сентябре 1945 г. Только в первый месяц после демобилизации в город Дзауджикау (в настоящее время – Владикавказ) прибыло 1137 человек [1]. Среди них преобладали мужчины, которые до войны работали слесарями (24 %), токарями (21 %), шоферами (19 %), чернорабочими (36 %) [2].

На местах комбатантам организовывали торжественную встречу: на вокзалах сооружали из цветов триумфальные арки, военные оркестры играли бравурные марши, на митингах выступали первые лица республики и благодарили фронтовиков. Встречу на железнодорожном вокзале города Дзауджикау в красочных и приподнятых фразах передает статья в газете «Социалистическая Осетия»: «Прибывших с фронта обнимают родные, друзья и даже незнакомые люди, им преподносят букеты цветов и различные подарки. Митинг открывает секретарь горкома ВКП(б) по кадрам Чшиев. С приветственным словом выступают заместитель председателя горисполкома тов. Голенев, майор Коротков и воспитанник ремесленного училища Воропай» [3].

Фронтовикам, возвращавшимся домой, казалось, что все выпавшие на их долю испытания остались на войне, но надеждам не суждено было сбыться. Пришедшие домой воины заставали часто далеко не радостную картину в своих домах. Так, семья демобилизованного И. Дулаева, констатировала комиссия по обустройству фронтовиков, «испытывает крайне критическое положение, как, например, жена его Тамара страдает воспалением легких – лежит больная в постели, дети его – 4 души – без присмотра и приюта страдают от холода и голода». Семья демобилизованного В.П. Щиткина, состоявшая из четырех малолетних детей, «в материальном отношении переживает тяжелые материальные условия» [4]. Таких фактов зафиксировано множество. Это вызывало у демобилизованных горечь, нередко обиду и даже агрессию. Государство должно было это учитывать и ослаблять напряженность в данной социальной страте.

Государственная помощь этой категории советского общества осуществлялась по разным направлениям, прежде всего это трудоустройство и решение материально-бытовых проблем. Была разработана централизованная система государственного социального обеспечения. 1 июля 1945 г. исполком Северо-Осетинского совета депутатов трудящихся принял решение о мероприятиях по обеспечению приема, трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию демобилизуемых из Красной армии. Как отмечалось в передовице газеты «Социалистическая Осетия», «всем исполкомам районных и городских советов предложено подготовиться к встрече защитников Родины, окружить их заботой и вниманием» [5].

Из первой партии демобилизованных из города Дзауджикау было сразу трудоустроено 204 человека [6]. В информации Ирафского районного комитета ВКП(б) обкому партии отмечалось следующее: «Райком ВКП(б) сообщает, что за период демобилизации воинов Красной Армии первой очереди в наш район прибыло 173 человека, из них 100 мужчин, женщин 73 человек. На 15 сентября 1945 г. из всех прибывших трудоустроено 97 человек. Еще не приступили к работе 76 человек, из них по болезни не работает 6 и 15 человек выбыли из пределов района по семейным обстоятельствам». Из прибывших 127 человек устроились работать в колхозы, два из них – председателями колхозов [7].

Всего к 12 декабря 1945 г. Дарг-Кохским райвоенкоматом, к примеру, было принято на учет 997 демобилизованных. В октябре 1946 г. их уже насчитывалось 1408 человек, из них 1031 человек получил работу. Большая их часть устроилась в сельскохозяйственном производстве, около 100 человек нашли работу в государственных учреждениях, некоторые – в промышленности [8].

Для контроля над своевременным трудоустройством демобилизованных при районных военкоматах организовывались пункты регистрации, дежурство работников карточного бюро, предприятий и организаций.

Большой проблемой для власти стало трудоустройство демобилизованных в сельской местности. Во многом это связывалось с активной миграцией сельских жителей в города на заводы и фабрики, где давалось больше льгот, зарплата была выше. Труд в сельском хозяйстве был тяжел и непопулярен.

Многие из демобилизованных возвращались на прежние места работы, оставаясь в тех же или аналогичных должностях. Так, Герой Советского Союза Л.И. Алехин работал до войны разнорабочим, вернувшись на родное предприятие, долгие годы продолжал трудиться шофером; А.Г. Атаев, призванный на фронт сразу после окончания средней школы, вернулся в колхоз села Сурх-Дигора и до пенсии трудился в сельском хозяйстве рядовым колхозником. Часть комбатантов по возвращении на свои предприятия имела возможность воспользоваться социальным лифтом. Так, учитель С.Ш. Чехоев вернулся после войны в школу, а спустя время стал ее директором; фронтовик А.Г. Быков, работавший до войны мастером горэлектросети, стал инженером службы [9]. Таких фактов было много.

Серьезную проблему для властей представляло трудоустройство молодых комбатантов. Они имели за спиной большой военный опыт, но, вернувшись к мирному труду, они вступали в новую жизнь, где их умения не нужны были никому. Часть фронтовиков за плечами имела только учебу в средней школе. По возвращении к мирному труду у молодых людей появлялось желание учиться. Неквалифицированным предлагалось пройти производственное обучение на курсах. Так, Герой Советского Союза Л.Ш. Давыдов, призванный на фронт в 18 лет, по возвращении домой закончил курсы и работал мастером на обувной фабрике; его ровесник И.Д. Бидеев после войны окончил рабфак, затем курсы бухгалтеров и возглавил промысловую артель инвалидов. Герой Советского Союза С.Я. Батышев в мирное время прошел путь от преподавателя рабфака до заведующего Главным управлением трудовых резервов республики [10].

Для фронтовиков, которые хотели получить образование и специальность, предусматривались льготы при поступлении в вузы. По данным Е. Зубковой, в 1946 г. был осуществлен самый массовый прием на первые курсы вузов, среди абитуриентов была 41 тыс. фронтовиков [11]. Конкурса не было, все имевшие аттестат о среднем образовании получили возможность стать студентами вузов и средних профессиональных учебных заведений. Еще одной особенностью этой вступительной кампании стала гендерная динамика: если в 1945 г. мужчин среди студентов первых курсов было не более 25 %, то уже на следующий год – 40 %, в строительных вузах – свыше 70 %. Фронтовики поступали в вузы без вступительных экзаменов, вне конкурса. Например, лейтенант М.И. Гиоев, вернувшийся домой после тяжелой контузии, без вступительных экзаменов был зачислен на исторический факультет Северо-Осетинского педагогического института [12]. С.А. Кокаев, инвалид войны, лишившийся обеих рук, также поступил на исторический факультет того же вуза.

А.Н. Бесолов по льготе поступил в Московский энергетический институт, по окончании которого работал заведующим отделом института [13].

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) бюро Северо-Осетинского обкома партии 1 сентября 1945 г. приняло постановление «О работе местных партийных и советских органов по устройству демобилизованных из действующей армии», в котором критике подверглись действия некоторых райкомов ВКП(б), не проявивших должной заботы о демобилизованных. Возвращение у мирной жизни для многих стало личной трагедией, т.к. молодые фронтовики оказывались отторгнутыми партийно-советскими чиновниками. Вот характерное письмо демобилизованного Л. Бычкова: «Хлеб кушаю через день. Я почти половину своей жизни отдал служению Отчизне в рядах Советской Армии. Еще 19-летним добровольцем-комсомольцем ушел на защиту Родины, окончив 10 классов средней школы, не получил специальности, которая нужна сейчас как воздух, как вода. Все советские и партийные органы обещали помочь в устройстве на работу, но безрезультатно. Каждый смотрит с ехидством, с презрением. На демобилизованных офицеров смотрят как на людей отсталых, безграмотных. Я что, виноват, если служил Отчизне и не получил специальности?! А жить надо или нет?!» [14].

Часть демобилизованных не сразу включалась в трудовую деятельность, предпочитая немного отдохнуть, оглядеться и только потом принять важное для себя решение. Это обстоятельство было отмечено на заседании Президиума Верховного совета Северо-Осетинской АССР 10 января 1946 г.: «Многие возвратившиеся из Красной Армии длительное время, от 3-х до 4-х месяцев, не поступают на работу, мотивируя необходимостью устройства своих квартирных и домашних дел, часть демобилизованных не хотят возвращаться на производство для работы по своей специальности и требуют предоставления административно-хозяйственной работы» [15].

Предоставление этих возможностей для комбатантов Великой Отечественной войны было непростой проблемой для государства, которому предстояло решать вопросы восстановления народного хозяйства страны. Складывалась парадоксальная ситуация, когда государство, чьи интересы защищал гражданин, не могло предоставить ему по целому ряду причин полноценные социальные гарантии, помочь безболезненной адаптации к реалиям мирной жизни.

Не всегда местные власти четко организовывали социальную помощь демобилизованным. К примеру, в течение первых послевоенных лет Северо-Осетинский обком ВКП(б) систематически отмечал факты неудовлетворительной работы исполкомов городских и районных советов по трудоустройству демобилизованных воинов Красной армии. Так, на начало 1946 г. по окончании первой очереди демобилизации по республике нетрудоустроенными остались 798 человек. Особенно плохо была организована работа по трудоустройству демобилизованных в Промышленном, Малгобекском, Коста-Хетагуровском, Алагирском

районах. Директора предприятий не старались подобрать для комбатантов приемлемый вариант трудоустройства [16].

Не менее важной и судьбоносной проблемой для многих фронтовиков являлась жилищно-бытовая. С этой целью предписывалось проверить сохранность жилья военнослужащих, в случае необходимости произвести ремонт, если же жилье было разрушено в период оккупации, по минимальной цене выделять стройматериалы и земельные участки под строительство. Из фондов исполкомов следовало обеспечить жильем тех демобилизованных, которые его не имели. Нуждавшимся демобилизованным была оказана большая помощь в их бытовом устройстве, в том числе выделено 658 квартир, выданы ссуды на индивидуальное строительство в размере 4855 тыс. рублей. Материальная помощь оказана 15 541 фронтовику [17].

В оказании материально-бытовой помощи принимали участие городские и районные отделы торговли и государственного обеспечения, предприятия. Так, готорготдел и отдел гособеспечения выдали 2700 талонов на различные промышленные товары, в том числе: 1001 талон – на швейные изделия, 241 – на постельные принадлежности, 47 – на резиновую обувь, 24 – на головные уборы. Городским отделом топлива выдано топлива 101 семье по 2 кубометра дров [18].

Выполняя постановление ЦК ВКП(б) по устройству демобилизованных, региональные партийно-советские органы провели ряд мероприятий: для демобилизованных было отремонтировано 128 квартир, предоставлено 810 квартир. Для желающих строить собственное жилье выдавались земельные участки, стройматериалы. На жилищное строительство облисполкомом было отпущено свыше 400 тыс. рублей долгосрочного кредита [19].

Случалось и так, что остро нуждавшиеся инвалиды Отечественной войны, семьи военнослужащих и демобилизованные месяцами и годами обивали пороги райисполкомов и районных жилищных управлений, месяцами не могли получить необходимую им жилплощадь. Так, майор Онищенко, семья которого состояла из 5 человек, «проживает на кухне в 6 кв.м. Демобилизованный Драйчук временно проживает с семьей в 4 чел. на складе аптекоуправления, предназначенном для ядовитых веществ; инвалид Отечественной войны II группы Соловьев, туберкулезный с беременной женой, проживает в комнате (бывший сарай), не пригодной к жилью; майор Судаков, инвалид II группы, проживает с женой и ребенком в комнате, не имеющей окон и печи и др.» [20].

Принятый сессией Верховного Совета СССР закон о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии обязывал Всесоюзный банк финансирования коммунального и жилищного строительства (Цекомбанк) выдавать ссуды нуждающимся демобилизованным на строительство и восстановление жилых домов в районах, пострадавших от немецкой оккупации: «Размер ссуд определен законом в сумме от 5 до 10 тыс. рублей со сроком погашения от 5 до 10 лет. Банк будет

взимать небольшой процент за выдаваемые ссуды – 2 % в год. Выдача ссуд производится по решениям исполнительных комитетов уездных, городских, районных Советов депутатов трудящихся. Демобилизованные могут получать ссуды непосредственно через предприятия, где они работают. При получении ссуды демобилизованный выдает соответствующее обязательство и представляет справку и разрешение на восстановление дома. На подготовку площадки и заготовку материалов он может получить аванс в размере 15 % ссуды» [21].

Обеспечение продуктами питания в сельской местности происходило значительно хуже. Трагично сложилась ситуация в семье колхозника села Ногир Дуби Гагиева. Его большая семья не получила на трудодни зерно и испытывала острую нужду в муке, которую можно было получить в колхозе. Однако председатель колхоза отказался помочь, сопроводив отказ словами: «Нет у нас фонда для демобилизованных». Тогда Гагиев обратился в районные организации, которые также отказали: «Что это за отношение к демобилизованным?! – вопрошал Гагиев. – У них есть всякие возможности, чтобы помочь мне. В колхозе имеется две тонны пшеницы. Есть в колхозе хорошая вальцевая мельница (пропускает 15 т ежедневно). Я просил председателя отпустить мне муки с мельницы, он отказал: “Мука государственная, а не колхозная”» [22].

Невнимание к нуждам демобилизованных со стороны партийно-советских органов вызывало большое количество жалоб в разные инстанции. Только за первое полугодие 1947 г. на имя председателя Президиума Верховного совета республики поступило 390 жалоб и заявлений, в том числе от Героев Советского Союза и членов их семей – 11, военнослужащих и членов их семей – 125, инвалидов Отечественной войны – 95, демобилизованных из Советской армии – 85. Характер как устных, так и письменных жалоб и заявлений – об оказании материальной помощи (денежная, верхняя одежда, продукты питания) – 250, о предоставлении жилплощади – 45, производство ремонта квартир – 25, выдаче земли под индивидуальные огороды – 13, трудоустройстве – 11 и 46 – по различным вопросам, из всех жалоб и заявлений самым «тяжелым вопросом является квартирный. В течение первого полугодия 1947 г. было проверено с обследованием на местах 55 жалоб и заявлений на незаконные действия отдельных руководителей местной власти: о нарушении Постановления правительства о помощи семьям военнослужащих, инвалидам Отечественной войны и демобилизованным из Советской армии» [23].

Демобилизованные жаловались на самоуправство местных властей. Зафиксированы случаи, когда фронтовики доходили до рукоприкладства в отношении председателей колхозов, которые поступали несправедливо, не выполняли своих обязанностей. М.А. Безнин и Т.М. Димони привели массу фактов нападений на представителей колхозного руководства [24]. Благодаря тексту писем и жалоб, можно определить представления демобилизованных о местной власти, о нарушениях на местах, оценочных суждениях по тому или иному вопросу. В своих

жалобах фронтовики сообщают, что местное начальство ведет себя вызывающе, не занимается проблемами населения. Так, в результате многочисленных жалоб на действия первого секретаря Алагирского райкома ВКП(б) В.М. Кодоева, который «в своей практической деятельности допускал серьезные ошибки, примиренчески относился к нарушителям Устава сельхозартели, не выполнял требований партии и правительства о демобилизованных», он был уволен [25]. Много заявлений отступало от демобилизованных по поводу улучшения жилищных условий, ремонта квартир, выделения земельных участков под строительство жилых домов.

Бытовая неустроенность, бездушное отношение к воину-победителю нередко приводили к агрессии со стороны демобилизованных, основанной на неуспешности адаптации комбатантов. Агрессивность стала характерной особенностью социального поведения части комбатантов, страдавших посттравматическим расстройством.

Неприспособленность, сопровождающаяся агрессивностью, нарушала процесс социальной приспособления к новым обстоятельствам, взаимоотношения с окружающими, способствовала самоизоляции. Молодые демобилизованные воины пополняли наводнившие послевоенные города и села преступные шайки, занимавшиеся грабежом, разбоями. По данным прокуратуры Северо-Осетинской АССР, во второй половине 1945 г. было возбуждено 10 дел о незаконном хранении оружия, в 1947 г. – уже 45 дел [26]. Как видно, налицо явное увеличение количества оружия у населения. Были изъяты пистолеты, пулеметы, автоматы, холодное оружие. Наличие у населения большого количества оружия привело к тому, что в 1946 г. по сравнению с 1945 г. преступность по республике возросла по всем видам, особенно по убийствам (на 25 %), грабежам (на 28 %) и разбою (15 %), т.е. по тем видам преступлений, в которых оружие активно применялось [27].

Таким образом, анализ условий адаптации комбатантов Великой Отечественной войны позволяет сделать вывод о том, что государством было сделано много для вхождения бывших военнослужащих в мирную жизнь. Однако целый ряд вопросов жизнеустройства фронтовиков оставался нерешенным в связи не только с объективными причинами отсутствия возможностей у государства, но и чиновничьим безразличием, волокитой. Это создавало в обществе определенную напряженность, приводило к росту социальных девиаций в среде фронтовиков.

Примечания

1. Государственный архив новейшей истории РСО – Алания (далее – ГАНИ РСО-А). Ф. 53. Оп. 1. Д. 273. Л. 14.
2. Центральный государственный архив РСО – Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. Р-629. Оп. 5. Д. 429. Л. 1–4.
3. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 373. Л. 15.
4. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 5. Д. 582. Л. 18.
5. Хаяров Д.Г. Проблемы адаптации инвалидов Отечественной войны в Западносибирском регионе в 1941–1945 гг. // Вестник СГГА. 2004. № 9. С. 236–239.

6. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 4. Д. 304. Л. 27.
7. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 5. Д. 580. Л. 73.
8. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 5. Д. 493. Л. 93.
9. Осетии отважные сыны. Владикавказ, 2008. Вып. 8. С. 194.
10. Осетии отважные сыны. Владикавказ, 2010. Вып. 11. С. 219.
11. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М., 1999. С. 126.
12. Гиоев М.И. Раздумья. Владикавказ, 1999. С. 128.
13. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 2. Д. 215. Л. 84
14. ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 273. Л. 93.
15. ЦГА РСО-А. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 269. Л. 74.
16. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 5. Д. 584. Л. 126
17. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. М., 1993. С. 141.
18. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 5. Д. 372. Л. 128.
19. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1129. Л. 62.
20. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 5. Д. 286. Л. 2.
21. ЦГА РСО-А. Ф. Р-629. Оп. 5. Д. 586. Л. 2.
22. ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 279. Л. 31.
23. ЦГА РСО-А. Ф. Р. 629. Оп. 5. Д. 945. Л. 18.
24. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81–99.
25. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 5. Д. 319. Л. 14.
26. ЦГА РСО-А. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 132. Л. 7.
27. Там же.

РАЗДЕЛ 4. ОТРАЖЕНИЕ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ В ИСТОРИОГРАФИИ, ИСКУССТВЕ, ФОЛЬКЛОРЕ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

О.В. Матвеев

Кавказский театр Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в исторической памяти кубанского казачества

Кавказский театр считался второстепенным в истории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Но русские войска одержали здесь ряд крупных побед, показали высокие морально-боевые качества, нанесли противнику большой урон. Турецкое командование лишилось возможности укрепить войска на Балканах за счет Анатолийской армии Мухтар-паши. На Кавказе были задействованы основные силы конных полков, пеших пластунских батальонов и конно-артиллерийских батарей Кубанского казачьего войска. Видимо, поэтому события и персонажи Кавказского фронта войны оставили глубокий след в исторических представлениях кубанцев. В работе предпринята попытка характеристики основных сюжетов и символов войны, зафиксированных в исторической памяти кубанских казаков.

Основным механизмом закрепления в памяти поколений образа войны были устный рассказ и исторические песни, хотя не следует исключать и влияние лубочной пропаганды, средств массовой информации (газет), церковных проповедей. Но чтобы стать феноменом массового исторического сознания, эти уровни рано или поздно смыкались: «пущенный» сверху символ нередко становился популярным в народе, а «рожденный в массах» – получал подкрепление со стороны официальной пропаганды [1]. Показательна в этом плане заметка, опубликованная в «Кубанском казачьем листке», о состоявшемся 26 ноября 1912 г. в станице Конеловской (в настоящее время – Канеловской) торжестве. «Старики-казаки участники русско-турецкой войны, – писал автор заметки, – в день праздника Святого Георгия Победоносца, собрались в церковь для вознесения молитвы Господу Богу, отслушав литургию и панихиду по убиенным воинам, их товарищам, герои эти отправились в дом одного из своих товарищей Е. Корняго, где на собранные между собою средства приготовлен был стол. Когда уселись за столы, один из стариков вахмистр М.И. Куриняк, грудь которого украшена всеми четырьмя знаками отличия ордена Св. Георгия и другими медалями, предложил тост за здоровье Царя Батюшки. Громкое долго не смолкавшее ура, подхваченное 60 стариками огласило дом. <…> Разговор шел то о взятии Карса, то о переходе через Дунай, был и такой старик, который с важным донесением пробрался чрез турецкие войска

и доставил таковое главнокомандующему Великому князю, за что получил от него крест» [2].

Важнейшей проблемой образа войны является официальная мотивация военных действий и ее восприятие массовым сознанием. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. явилась одной из тех кампаний, смысл которых был глубоко ясен народным массам. Национально-государственная мотивировка войны самодержавием находила большой отклик в сознании народа, войну считали справедливой и верили в успех правого дела. «Кубанские областные ведомости» так сообщали в январе 1877 г. о прохождении артиллерийской батареи через станицу Ладожскую: «С раннего утра жители станицы и стар, и млад суетятся, хлопочут, готовятся, чтобы встретить и задушевно, искренно и по-русски с хлебосольством – проводить своих братьев, идущих по слову Царскому отстаивать дело правое, православное. <…> Все желают по родному – приветствовать и напутствовать проходящих воинов, у всех одно чувство, одна мысль, одно желание» [3]. В той же газете накануне войны сообщалось, что «за выходом в ноябре месяце прошлого года из Ейского военного отдела некоторых военных частей в Закавказский край… оставшиеся в станицах отдела казаки, горя нетерпением, спрашивали всякого читающего газеты – нет ли войны, находясь в томительном ожидании очередного выхода на службу» [4].

Композиционно война в народной картине мира строится в виде конкретных микроситуаций, каждая из которых характеризуется своими пространственными и временными параметрами. Переход между микроситуациями осуществляется путем перемещения героев из одного участка пространства в другой. Начальной фазой этой модели дороги в рассказах и песнях о войне 1877–1878 гг. предстает переход турецкой границы. На Кавказском фронте – это форсирование реки Арпачай. Арпачай явился тем рубежом, той частью народного исторического пространства, где выдающиеся способности казаков раскрываются во всей своей полноте. Успешное форсирование Арпачая характеризует способность героев действовать не только на границе, но и в центре «иного мира».

В материалах Государственного архива Краснодарского края (далее – ГАКК) сохранилась зафиксированная в 1904 г. местным учителем запись рассказа участника войны казака хутора Азовского Федота Бурого. Последний вспоминал: «Нам было приказано немедленно занять все турецкие посты на границе на Чакдырском лимане, это было в апреле месяце. В полдень мы снялись и быстро направились по берегу лимана; к заходу солнца прибыли к турецким постам. Турки было бросились бежать, но мы залпом выстрелили и успели оцепить их кругом. После небольшой перестрелки, в которой у нас было ранено 18 человек и убито 3 лошади, мы заняли турецкие посты, захватили турок и представили в лагерь» [5].

В песне о переходе через реку Арпачай, которая исполнялась как в бывших черноморских, так и в бывших линейных станицах [6],

говорилось: «Он собрал перед рассветом, / Не прошла ночная тьма, / Встретил ласковым приветом / Наш полковник Малама. / Он поздравил нас с войною / И пошел на Арпачай, / И подвинул за собою / Весь наш полк в турецкий край. / И в залог грядущей славы / Без стрельбы и суеты / Тотчас после переправы / Смел турецкие посты. / Турки все беспечно спали, / Им не снилось про войну, / А проснувшися, узнали: / Очутились все в плену» [7]. Воспетый в песне полковник Яков Дмитриевич Малама, будущий атаман Кубанского казачьего войска, состоял начальником авангарда Кавказской армии, был награжден за участие в войне золотым оружием и несколькими орденами [8].

Несколько ироничное описание пленения турок в песне было продиктовано не только сложившимися этническими стереотипами, но и историческими реалиями переправы через Арпачай. Участник событий А.А. Брусилов, в будущем видный русский полководец, писал в своих воспоминаниях: «Выступили мы в 12.30 часов ночи и быстро подошли к турецкой казарме, стоявшей на правом берегу Арпачая. Ночь была темная. Река оказалась в полном разливе. Мы переправились частью вброд и частью вплавь. Турки крепко спали, и нам стоило больших усилий разбудить их и потребовать, чтобы они сдались в плен. После нескольких переговоров турки, видя себя окруженными, исполнили наше требование и сдались без единого выстрела вместе со своим бригадным командиром» [9].

В рассказах о войне преобладали воспоминания об отдельных сражениях [10]. О взятии Ардагана сохранился в записи рассказ казака хутора Азовского Федота Бурого: «Когда подошла пехота, то мы бросились со всех сторон на бастионы и оттеснили турок, забрав у них три осадных орудия, у одного из которых был прикован наводчик. Турки отступили к городу, который отделяла река Кура. Через Куру было два моста: чугунный и деревянный; последний был турками подрезан. Наша пехота, тесня турок колоннами, не допустила к чугунному мосту, а потому они напёрли на деревянный мост, который не выдержал, и турки во множестве пошли в реку; некоторая часть всё-таки попала в город. Тотчас же турки прекратили огонь и выбросили мировой флаг, но наши не приняли и продолжали наступать. На другой день турки хотели выйти из города и пробиться сквозь наши ряды, но наша пехота и кавалерия при криках “ура” стали резать их в рукопашную» [11]. Известно, что Ардаган пал преимущественно от массированного огня русской артиллерии [12]. В народной версии событий главная роль отводится рукопашной схватке. Но гиперболизация рукопашного боя не исключает и реальных фактов, например, о прикованном турецком артиллеристе. Так, после штурма Гюлявердинских высот «выяснилось, что турецкие артиллеристы упорно сопротивлялись по той причине, что были прикованы к своим орудиям» [13].

Кавказский фронт выдвинул военачальников, имена которых стали героическими символами народной истории казачества. Заметный

след в исторических песнях и устных рассказах кубанских казаков оставил генерал-лейтенант Василий Александрович Гейман (1823–1878). Его именем они назвали хутор (ныне – станица Геймановская в Тбилисском районе Краснодарского края) [14]. Храбрость и отвага Геймана отмечались в песне станицы Темижбекской, зафиксированной в 80-х гг. XIX в. местным учителем Е. Передельским: «По горам, горам / По турецким по скалам / Орудийный звук несется: / Весь турецкий край дрожит, / А в нас слухи пронеслися: / Храбрый воин у нас Гейман / Закавказский наш орел, <…> / Мы все славимся по нем. / <…> / Вынимает меч булатный, / Бежит прямо на завал; / Загремели ружья, шашки, / Бьем мы турок наповал» [15].

М.И. Венюков, давая характеристику личности генерала, отмечал: «Две простреленные руки, которые он по очереди носил на повязке, и это истинно боевое мужество привязывали к нему во время боя солдат» [16]. В своих корреспонденциях в «Новом времени» с Кавказского театра Русско-турецкой войны А.Н. Маслов писал: «Почти ни одно дело не обходится без того, чтобы Гейман показался в самом опасном месте в первой линии. <…> Солдаты его любят и верят в него, и он, в свою очередь, верит в их стойкость и мужество» [17]. Когда Гейман осуществлял свое поведение «генерала-солдата», создавалась легенда. Народная традиция строила ее по-своему, наделяя больные руки генерала булатным мечом – богатырским символом.

М.А. Ильченко рассказывал: «Гейман возглавил на Кавказе здесь. Фронт. И его фронт двигался в направлении Анкары, шоб нанести по столице Турции удар. Поэтому Гейман вносил в победу над турэцькими войсками в Болгарии очень большую лепту. Вот. Там командовали Гурко, Скобелев и другие генералы. Вот. А тут-то Гейман» [18]. Информатор представляет В.А. Геймана чуть ли не командующим Кавказской армии, хотя им был великий князь Михаил Николаевич, «забывает», что столицей Османской империи была тогда не Анкара, самим стремлением нанести удар по столице выдвигает генерала на первые роли в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

В решении сбора хутора Геймановского о зачислении А.А. Геймана в число хуторян отмечалось, что он «является родным племянником столь славного в истории и памяти героя генерал-лейтенанта Василия Александровича Геймана, увековечение памяти которого название хутора Геймановского» [19].

В кубанских текстах сохранялась память о И.Е. Амилахвари и А.А. Тергукасове. В песне, записанной А.Д. Бигдаем в Екатеринодаре от Вишневецкого, рассказывалось: «Малахвари, храбрый воин, / Казаками управлял. / Где увидит толпу турок, / Он пощады не давал. / Полно, турки, вам збираться / На высокий на курган. / Время, время врозь бросаться / И кричать: – Урус яман!» [20]. Князь Иван Гивич (Егорович) Амилахвари (Амилахори) (1829–1905) «справедливо считался патриархом Кавказской армии и ее великим учителем, обращавшим особенное внимание

на воспитание нравственного духа войск» [21]. Генерал-лейтенант Арзас Артемьевич Тергукасов (1819–1881) в войну 1877–1878 гг. был начальником Эриванского отряда, прославился в сражениях под Даяром, у Зевина, при Деве-Бойну. О командовании «генерала Тер-Гукасова» вспоминали казаки Федот Бурый [22] и Андрей Гордышев [23]. Имя А.А. Тергукасова стало символом освобождения блокированного турками героического гарнизона Баязета. В одной из песен, записанной в 1893 г. у кавказских казаков, были такие слова: «Вспомним, братцы, дружно грянем! / Тер-Гукасов с нами был; / Он с отрядом к Баязету / Смело, храбро подходил» [24].

Е.С. Кузьмичёва из станицы Кардоникской вспоминала рассказ своего деда о том, как «освобождали Арзамас (Эрзерум. – *О.М.*), Карс, он в этих районах действовал» [25]. О боях под Карсом память сохранилась в песне, записанной И.Ф. Вараввой в 1964 г. на хуторе Камышеваха Ново-Кубанского района: «За городом Карсом / Не пыль, не туман: / Молния сверкает, / Сильный гром гремит, / Шашечки блистают, головы летят» [26]. Песня, видимо, отразила заключительный акт взятия Карса, когда турецкий гарнизон в ночь на 6 ноября 1877 г. попытался прорваться к Эрзеруму, но наткнулся на казачью конницу. Участник этого события есаул М.С. Нарижняк вспоминал: «Надо было видеть, с каким остервенением наши казаки, озлобленные почти двухнедельной тяжелой и сопряженной со всякими лишениями аванпостной службой, набрасывались на искавшего в бегстве спасения противника и беспощадно рубили все подвернувшееся под руку. Материала для работы шашкой было слишком много, и о винтовках никто не думал» [27].

Одним из символов войны на Кавказском театре стала героическая оборона Баязета. Эту славную страницу войны 1877–1878 гг. современники сравнивали с Шипкинской эпопеей. Не случайно впоследствии участники баязетской обороны, как и защитники Шипки, были награждены особой серебряной медалью, тогда как для всех остальных участников войны была установлена медаль бронзовая. Е.С. Кузьмичёва вспоминала о своем деде: «Вот он рассказывал, что было очень трудно русским… Один из эпизодов описывал, как случилось, их окружили турки, и как им было (тяжело. – *О.М.*), что только кто-то извне их освободил» [28].

Краевед Л.Ф. Евсеева в истории станицы Фастовецкой отмечает: «Старожил станицы Феоктист Алексеевич Брадулин вспоминал, что его отец – участник боев в Эрзеруме и Баязете. Он был вахмистр (командовал сотней), воевал против турок в чине фельдфебеля. Там родилась и пелась им песня о славных сынах Отечества: Каждый воин рад стараться / Постоять против врага, / В руки турку не даваться, / Ни сдаваться никогда» [29]. Речь идет о знаменитой песне «Гарнизон наш в Баязете», которую еще в 50-х гг. XX столетия записывал И.Ф. Варавва: «Гарнизон наш в Баязете / Атакован турком был. / Голод, жажду выносил он, / Но одно себе твердил: / “Каждый воин рад стараться / Постоять против врага, / В руки турку не даваться, / Не сдаваться никогда”. / Двадцать третий день уж

минул, – / Гарнизон у нас в руках. / Турок цепь свою раскинул / В крутых каменных горах. / А мы, братцы, не сробеем, – / На врагов опять пойдём. / Двинем шашкою своею, / Гарнизон наш отобьем» [30].

В 23-дневной героической обороне Баязета против деятикратно превосходившего по силам противника защитники крепости проявили выдержку и волю, боролись до последней возможности. В цитадели не было воды, и многие смельчаки поплатились жизнью при доставке воды из источника. Тем не менее в рассказе казака станицы Новопокровской Никиты Стефановича Лупандина выжили как раз те, кто ходил на вылазки: «Наших Новопокровских казаков было в Баязиди 21 человек, из коих три остались там, да два убили уже при выходе 28 июня, а остались теперь еще живые семь нас человек и те самые, которые ежедневно, т.е. еженочно выходили за добычей, т.е. спущались, и каждый раз пили воду удовль, а те, которые не ходили в охотники на вылазку, некоторые чрез месяц померли, некоторые чрез год или не более два, все поумерли, значит вода поддерживала человека, за двадцать три дни они пяти раз не напились уволю» [31]. Казак пытается рационально объяснить смерть товарищей, но подспудно в тексте напрашивается вывод: наиболее активных, бесстрашных, доблестных хранил сам Господь.

Участник обороны штабс-капитан Ф.Э. Штоквич писал потом в своих записках: «2–3 суточных сухарика и одна столовая ложка… воды при 40–45° палящей жары в течении многих дней осады сделали свое дело: они не убили гарнизон, но обратили его в толпу скелетов и живых мертвецов, на которых без душевного содрогания и ужаса нельзя было взглянуть» [32]. Оставалось уповать лишь на Божью помощь, и она по законам народной истории пришла. А.Д. Ламанов привел такую запись воспоминаний урядника станицы Кавказской Сергея Севастьянова: «На 17-й день нашей мрачной жизни… капитан Штоквич подошел к нашей группе и сказал: “На Руси православные люди просят Бога о ниспослании дождя на землю, давайте, братцы, и мы помолимся и попросим Бога, чтобы послал нам дождя”. Все стали молиться: кто стоя, кто на коленях, а иные и сидя по слабости, молитва наша была теплая. Господь услыхал ее: сверкнула молния, вдали послышался удар грома, удары слышнее и слышнее, будто приближались к нам, – наконец и около нас последовал удар грома, сильный, как залп из ста пушек, начал капать дождь и пустился сильный, вода потекла по крепости, смешалась с засохшей кровью, останавливалась в низких местах, в выбоинах. Вдоволь напились мы воды, наполнили запасную посуду на несколько дней» [33]. Любая война активизирует религиозное сознание непосредственных участников боевых действий. Естественная для экстремальных условий психологическая потребность в вере реализовалась не только в специальных ритуалах, но и влияла на содержание и сюжетную мотивацию поступков в народных исторических представлениях.

Образцы принятого в прошлом поведения обуславливали повторяемость коммуникативных ситуаций. Участник героической обороны

крепости Баязет урядник Сергей Севастьянов рассказывал А.Д. Ламанову, что на «14-й день нашего мучения», когда казаки стали забивать лошадей, «мне припомнилась песня наших отцов из войны с кавказскими горцами: Всю рогатую скотину / Дочиста перевели, / Стали есть мы лошадину, / И варили ее и пекли. / Вместо соли мы солили / Из патрона порошок» [34].

Тексты о Русско-турецкой войне выполняли таким образом интегративную функцию и функцию социальной памяти. Специфика этих функций заключалась в создании у казаков общей исторической памяти, родственного исторического пространства. «В песнях и рассказах, – писал хорунжий В.Г. Толстов в 1885 г., – живет слава кавказского казачества и поддерживает в казаках дух и боевую обстановку» [35].

Таким образом, события и герои Кавказского театра Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. богаты на яркие героические символы. Деятельность военачальников измерялась мерками общенациональной значимости в результате смыкания народного и официального уровней сознания. Этим было обусловлено и народное восприятие важнейших событий войны: форсирования реки Арпачай, героической обороны Баязета, взятия Эрезерума и Карса. Эмоционально-приподнятые повествования о героях и сражениях войны выполняли интегративную функцию, служили живыми примерами для подрастающего поколения кубанских казаков.

Примечания

1. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 215.
2. Сасык К. Ст. Конеловская // Кубанский казачий листок. 1912. 9 декабря. № 307.
3. 12 января 1877 года в станице Ладожской // Кубанские областные ведомости (далее – КОВ). 1877. № 10.
4. Компанеец Ев. Из станицы Уманской // КОВ. 1877. № 21.
5. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 34.
6. Варавва И.Ф. Песни казаков Кубани. Краснодар, 1966. С. 81.
7. Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков. Т. II. Песни линейных казаков. В редакции В.Г. Захарченко. Краснодар, 1995. С. 25.
8. Яков Дмитриевич Малама [Некролог] // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. VI. Екатеринодар, 1913. С. 323.
9. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963. С. 28.
10. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 498.
11. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 34.
12. Золотарев В.А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 94.
13. Русско-турецкая война 1877–1878. М., 1977. С. 206.
14. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10228. Л. 10.
15. Передельский Е. Времяпровождение и песни, поющиеся в станице Темижбекской // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее – СМОМПК). Вып. 3. Тифлис, 1883. С. 77.
16. Венюков М.И. Кавказские воспоминания (1861–1863) // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 420.

17. Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. VII. С. 214.
18. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее – ПМ КФЭЭ). Респондент М.А. Ильченко, 1924 г.р., записан в станице Геймановской Тбилисского района Краснодарского края в 1999 г. Аудиокассета № 1769.
19. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10228. Л. 10.
20. Бигдай А.Д. Указ. соч. С. 55–56.
21. Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. II. С. 390.
22. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 39.
23. Там же. Л. 61об.
24. Пятирублев В. Песни, поющиеся в станице Наурской, Грозненского округа // СМОМПК. Вып. 15. Тифлис, 1893. С. 221.
25. ПМ КФЭЭ. Респондент Е.С. Кузьмичёва, 1922 г.р., записана в станице Кардоникской Зеленчукского района Карачаево-Черкесской Республики в 1998 г. Аудиокассета № 1667.
26. Варавва И.Ф. Указ. соч. С. 109–110.
27. Цит. по: Гулыга И.Е. 1-й Полтавский кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. 1788–1912. Тифлис, 1913. С. 174.
28. ПМ КФЭЭ. Респондент Е.С. Кузьмичёва, 1922 г.р., записана в станице Кардоникской Зеленчукского района Карачаево-Черкесской Республики в 1998 г. Аудиокассета № 1667.
29. Евсеева Л.Ф. Станица моя, Фастовецкая. Краснодар, 1999. С. 31.
30. Варавва И.Ф. Указ. соч. С. 77–78.
31. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 60об.
32. Цит. по: Русско-турецкая война 1877–1878. С. 214.
33. Ламонов А.Д. К материалам для истории 1-го Кавказского полка (Баязетское сидение) // Кубанский сборник. Т. XV. Екатеринодар, 1910. С. 376.
34. Там же. С. 375.
35. ГАКК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 2. Л. 56об.

Е.М. Белецкая

Особенности восприятия военного быта в песенном фольклоре терских казаков

Дореволюционный историк А.А. Ржевуский назвал терских казаков пионерами русского владычества на Кавказе, которые справедливо гордятся своей трехвековой оседлой жизнью, передавая из рода в род боевые исторические воспоминания о подвигах предков в назидание молодому поколению. Период второй половины XIX – начала XX вв. также «переполнен целым рядом воспоминаний, при которых еще и теперь трепещет ретивое – либо от радости боевых успехов, либо от пережитого ужаса кровавых событий» [1].

Станичная жизнь гребенских казаков была не менее насыщенной событиями. В песенном фольклоре военизированный станичный быт отразился в так называемых военно-бытовых песнях. Военно-исторические песни представляли собой описание походов, сражений,

смерти на поле боя, похорон военачальников и других событий военной истории. Со временем некоторые из них теряли приуроченность к тому или иному историческому событию и переходили в разряд военно-бытовых песен.

Вместе с тем основой для тех и других произведений являлись реальные ситуации, которые изображались в песнях и варьировались не только по содержанию, но и по форме: по характеру мелодии, ритму, поэтике и т.д. Сопоставление военно-бытовых и военно-исторических песен позволит выявить их сходство и различия и проанализировать особенности восприятия казаками военного быта, составлявшего основу их жизни.

В чем же проявляются особенности мужского воинского быта? Что именно выделяет в нем военно-бытовая песня? Каким видится этот мир мужчинам-казакам и женщинам-казачкам? Чем отличается изображение военного быта в исторических песнях? Чтобы ответить на эти вопросы, связанные с особенностями восприятия военного быта, необходимо учитывать наличие сюжетных ситуаций, которые реализуются в определенном наборе мотивов (элементарных структурных единиц на уровне текста), а также художественную условность и вариативность песенных сюжетов.

В песнях о войне и службе можно выделить тематические подгруппы, последовательно отражающие жизнь казака: проводы, походный быт, военные действия, сражения, смерть на поле боя, возвращение в станицу. Однако между историческими и военно-бытовыми песнями существует идейно-тематическая связь, которая проявляется в общности сюжетных ситуаций, хотя средства их воплощения различаются.

При сопоставлении двух песен, отражающих сюжетную ситуацию «Смерть урядничка» (варианты: полковничка, генеральского сына и т.д.), исторической («Не под славным было городочком») и военно-бытовой («Вой, да ты кручина, да ты кручинушка моя»), записанных от одной и той же исполнительницы [2], были выявлены следующие различия.

В начале исторической песни сообщается конкретное место действия; повествователем является коллективный рассказчик – «мы»; это местоимение в тексте не встречается, но есть обращение «братцы» («Не под славным было городочком, / Было, братцы, под Виндером»), «у нашей армеюшки», убили «славного у нас урядничка». Во второй песне место действия – «чисто полюшко», которое видит, сидя у окошечка, девушка.

Далее используется принцип ступенчатого сужения образа: в чистом поле – «раздолье широка» (гребенцы нередко употребляли существительные среднего рода с прилагательным женского рода), затем – береза высока, под березой – могила глубока; «Ой, да у могилы офицерский сын лежит, / Ой, да офицерский да генеральский на нем чин». И первую, и вторую песню заканчивает сообщение о том, что убил его «хивинец молодой».

Разница между произведениями выражается в характере описания. В исторической песне идет динамическое описание последовательно совершающихся событий. В лирической женской песне преобладают статические картины; центральным является образ девушки, сидящей у окна. Эмоциональное напряжение усиливает прием ступенчатого сужения образов, в результате чего происходит укрупнение масштаба воображаемого пространства, в центре которого – образ убитого [3].

Особенности быта гребенских казаков заключались в том, что и в станице, и в летнем лагере, и в походе, и в отражении набегов казаки имели возможность возвращаться домой, в станицу. Военизированный быт (постоянная готовность к боевым действиям, необходимость защищать свой дом, свою семью, станицу) составлял основу их жизни, определял ее специфику, что отразилось в песенном фольклоре.

В станице Гребенской бытовала песня «Не сестра-то братца встречала», основной мотив которой – сопоставление зимней и весенней службы. Сравнение песни с записью начала XVII в., сделанной на крайнем севере Московского царства в 1619–1620 гг. от ратных молодцов, которые несли службу по берегам рек, показало, что в ранней версии молодцы обращаются к Богу с просьбой сотворить им «весновую службу»: «зимова служба – молодцам кручинно да сердцу надсадно», а «веснова служба – молодцам веселье, а сердцу утеха» [4]. В гребенском варианте сообщается другая мотивировка: «– Зимова нам служба чижела: / Что коню корма мало, / А молодцу кручина; / Веснова служба весела: / Что коню корму много, / Молодцу веселье» [5]. Конь для казака был не только средством передвижения, но и боевым товарищем: от него зависела и служба, и жизнь казака во время сражений.

Военизированный станичный быт определял специфику мужских и женских песен. Мужские «провожальные» песни нередко содержали социальные мотивы: «За горами нас было не видно, / Таковую службицу несем. / Ей, за кого мы, братцы, / Службицу несем». Песня фиксирует действия писаря («Писарь ходит, списки / Да он проверяет, Нас на службу, братцы, / Да он назначает»), инспектора, который «…ходит, пушки / Да он проверяет, / Нас с походом, братцы, / Да он проздравляет», а также отношение к походу самих казаков: «Мы похода твово, братцы, не боимся, / Мы готовы, братцы, / Сейчас хоть куда. / На конь сели, песенки запели, / Прослезили, братцы, / Да мы весь народ. / Никого мы, братцы, так не прослезили, / Как отцов мы, братцы, родных матерей» [6].

Однако в лирических мужских песнях отражалось противоречие между долгом (службой) и чувствами к любимой: «Грусть, тоска, печаль, досада, – / Не могу ее снести. / Куда служба меня отзывает, / Туда должен я пойти. / Должен, должен да я непременно / Сказать: “Милая, прощай! / Ты прощай, прощай, моя милая, / Прощай, жизнь-радость моя!”».

Казак мечтает о том, чтобы у него были крылья. Тогда он полетел бы к раздушечке в зелен сад и расспросил бы про ее горькую житье [7]. В женской провожальной «Тут ишли-прошли ребята молодые» тоже

присутствует образ девушки-птицы: «Кабы я была младенька лебеденька, / Кабы были у младешеньки сизы крылья, / Взвилась бы я, младешенька, полетела, / Все казачие походы рассмотрела» [8].

Во многих песнях раскрывается тема взаимоотношений матери и сына: «Нету в поле такой травки, / Чтобы без цвета она цвела. / Нету, нету такой маменьки, / Чтоб мать по сыну не плакала. / Мать сыну приказывала: / – Не гонись, сынок, за большие чины, / Большие чины впереди идут. / Большие чины впереди идут, / Перву чару пьют. / Первая чара – пуля быстрая, / А вторая чара – сабля острая, / А третья чара – гробовая доска» [9]. Это и обращение к сыну с наказом, и плач по сыну, которого рано состарили «частые походушки, редкие переменушки» [10] и т.д.

Безымянные песни могли дополняться именами военачальников. Сюжет «Салтыков встречается с матерью» заканчивается диалогом, в котором используется традиционное сравнение битвы с пиром: «– Да зачем же ты, родимое чадушко, / Напился ты пойла пьяного? – / Напоили меня, родимая матушка, / Что двумя-то меня пойлами: / На первое пойлице – пуля быстрая, / На второе – сабля острая» [11].

Песни о возвращении казаков нередко связаны с сообщением о смерти, которое может передаваться в прямой форме («Помер, помер казаченька своей скорой смертью») или в косвенной: женщина выходит на крыльцо и видит, как товарищи везут тело убитого казака. Образ окровавленной рубашки, которую милый наказывал вымыть «не на речке не на Тереке», а своими слезами горючими, высушить «не на ветре, не на солнушке», а «на своих грудях на сиротских», усиливает трагизм ситуации (подробнее о смерти на поле боя см.: [12]).

В военно-исторических песнях раскрываются мотивы и сюжетные ситуации, в которых отражается походный быт и участие казаков в военных действиях. Постоянная опасность, внезапное появление врага, нередко превосходящего численностью, тяжелые потери и лишения, смерть военачальника – все это входит в особенности образа жизни казаков в условиях войны. Вместе с тем казаки проявляют чудеса храбрости, сохраняют боевой дух и побеждают врагов. Одна из заповедей казачьего воинства – спасать своих товарищей, не оставляя на поле боя даже убитых.

На войне возрастает роль командиров, от которых зависит успех сражений и боевой дух казаков, поэтому они являются главными героями военно-исторических песен. Имена Суворова и Румянцева, майора Зачетова и полковника Волженского, полковника Власова и урядника Дикова, командира полка Суслова и храброго Бакланова, наместника Воронцова, генералов Миллера, Свистунова, Слепцова и Крюковского (Круковского), полковника Камкова, сотника Донскова, взводного Льва Сотвалова и других военачальников навечно вписаны в казачий песенный фольклор терцев. Вошли в него и герои Русско-турецкой войны «генерал наш славный Плиев» и полковник Малама («Вечер темный, непогожий» [13]).

Отражают песни и роль командиров в поддержании боевого воинского духа: «…Весть в народе пролетела: / Мы в поход идем весной. /

По линеюшке Кавказа / Не сизой орел летит, / Приказ строгий атаманский / Ту же весточку вторит. / Выступать чтоб нам сотнями, / Как они в составе есть. / Ружья с новыми кремнями, / Шашки острые иметь. / Под начальством Воронцова / Лестно даже умереть, / Как он скажет нам два слова – / Шашки вон, летим на смерть!» («То не соколы крылаты» [14]).

В варианте сюжета, записанного почти сто лет спустя, та же тема изложена более мягко: «Ой, да по линеюшке, братцы, Кавказа, / Вот Кавказа, / Но и мы, мы в поход скоро пойдем. / Ой, да наш сотенный, / Наш да командир, командир, / Но и храбрый, ой, храбрый воин / Был впереди. / Ой, да он тихонько / К нам он подъезжал, подъезжал, / Но и три, три словечка / Он нам сказал. / Ой, да вы седлайте / Добрых коней, добрых коней, / Да й мы понесемся / Все да туда, все туда» [15].

Признание достоинств командира, который назначался, а не выбирался, как раньше, из казачьей среды, дорогого стоит, о чем свидетельствует следующая песня, посвященная Бакланову: «Честь прадедов, атаман, / Богатырь, боец лихой, / Здравствуй, храбрый наш Бакланов, / Разудалый ты герой! / Ты умел себя покрыть / Славой, честью завидной, / Про тебя и нам не стыдно / Песню звонкую сложить. / Ты геройскими делами / Славу дедов и отцов / Воскресил опять меж нами / Ты, казак из казаков. <…> Ты, как сокол из-за туч, / В бой летишь напропалую, / Честь геройскую любя, / За царя и Русь святую / Не жалеешь сам себя. <…> / Сыт железною просвирой, / Спишь на голом арчаке, / И за то прослыл грозою / Ты на Сунже на реке. / И за то тебе мы, воин, / Песню звонкую споем. / Ты герой наш, ты достоин / Называться казаком» [16].

Не менее выразительна и другая песня казаков о военном образе жизни: «Скоро в дело нам, ребята, / Скоро очередь придет. / Пусть тоскоются девчата, / Нас тоска ведь не возьмет, / Шашки острые милее / Черноглазеньких девчонок, / Штык < для нас> – товарищ верный, / Конь ретивый просто брат. / Только жизнь в бою другая, / Радость сердце обоймет, / Как сестрица боевая / С плеч головку не сорвет. / Нам в походе, как и дома, / Дождь, ненастье, под огнем, / Потешаем офицеров, / Балагурим и поем. / Тут, как смотрим из-за пушек, / К нам и ядрышки летят, / Черномазые старушки / Не забудут про ребят. / Ни ученья, ни парады – / Ничего нас не страшит. / Постараться всюду рады, / Хоть и в спину посулят. / Вот картечи повалили, / Тут и взводы нипочем. / Жизнь – копейка, ведь милее / Умереть – так молодцом! / Нам в атаке жарко стало; / Командир наш и отец / Прохладил он доброй чарой, / Он на это молодец. / Роскошь просто для казаков, / Вот где бы нам пировать! / Скоро в дело нам, ребята, / Скоро очередь опять» (После каждого четверостишья повторяется припев: Трай, рай, ритатай!» [17]).

Походы против Шамиля также не страшат казаков: «…Для нас вызов – не беда, был бы Слепцов с нами, / С ним готовы хоть куда на конях орлами. / Пусть сбирает свой отряд, что нам торопиться? / В поле лучше помереть, дома не годится: / Если дома помереть – лучше б не родиться. / Пусть объявит свой приказ, коней поседлаем – / И готовы в дальний

путь, песни заиграем. / И за дальней горой эхо повторится, / И в горах, и в лесах горцам не укрыться. / Наш наместник Воронцов всем пример покажет, / И навешает крестов, и спасибо скажет» [18].

Готовность сражаться, следуя воинским традициям, подкреплялась стихами и песнями, сочиненными офицерами, которые становились популярными среди казаков. Так, в песне «С Богом, Терцы! Не робея» на слова П.Т. Кулебякина, полковника Терского казачьего войска, подчеркивалось значение освободительных войн, в которых участвовали казаки: «Там далеко за Балканом / Русский много раз шагал, / И, карая вражьи страны, / Гордых турок побеждал. / Мы идем путем прадедов / Лавры славы добывать. / Смерть за веру, за Россию / Можно с радостью принять» [19].

Подобные песни сочиняли и сами казаки: «Веселитесь, храбрые кизлярцы, / Честью, славой, славою своей! / Укажите всем друзьям примеры, / Что мы идем, бьем своих врагов. / Мы, глядя-я, что их числом больше, / Только слушаем один приказ. / Бьет кавалерия, на шашки она сражает, / Батарея, она с пушек бьет, / Сдайся, сдайся, вражий басурманец, / Пропадешь ты, как в поле трава» [20].

Однако и в военно-исторических песнях отмечались трудности и лишения, которые выпадали на долю казаков, что отразилось в сюжетах «Зырянское сидение», «Сражение под Ловчей», «Сражение за Баязет» [21] и стало общим местом, переходящим из песни в песню: «…Вот проклятый басурманин / Вздумал шутку пошутить: / Он посты держать заставил, / Хотел с голоду сморить. / Мы рогатую скотину / Разом всю перевели, / Стали есть мы лошадину, / И варили, и пекли. / Вместо соли мы солили / Из патронов порошок…» («Ну-ка, вспомним мы, ребята» [22]).

Гибель военачальника – «отца, друга, командира» – воспринималась как личная трагедия каждого казака и полка в целом: «Ой, да как у нас, ой, да во полку / Случилося все несчастие, / Ой, да все несчастьице… / Ой, да генерал, ой, да Слепцов / Да ой, да он крепко раненый…» [23]. В песнях казаки создавали образ любимого командира, дополняя подробностями картину его гибели, передавали свое эмоциональное состояние. В последующие годы казаки отмечали День Слепцова, вспоминая, «как с ним жили и служили, веселились каждый час, неприятеля как били и как жаловал он нас» («Вспомним, братцы, мы былое» [24]).

Песни о смерти Слепцова являются своеобразной эпитафией выдающемуся полководцу: «…Он орлом пред нами мчался, / Сам повсюду успевал, / С шашкою в толпы кидался / И дружину поощрял. / Из завала поразила / Пуля меткая его. / Наше счастье схоронила, / Жизнь отняла у него. / Хоть врагам мы отплатили / И прогнали далеко, / Но потеря командира / В грудь запала глубоко. / Мы его несли на бурке. / Он едва уже дышал / И, собрав остаток силы, / Свою волю завещал. / Потом с горестью простился / С полком сунженским своим, / Душой к богу оборотился, / И расстались мы с ним». Служба под командованием Слепцова («Храбро, весело, отважно / Было с ним всегда служить») навсегда оставила след

в памяти казаков: «Как же, братцы, нам не плакать, / Как нам горько не рыдать? / Отца, друга, командира / Кто нам может заменить? / Так помолимся же, братцы, / Чтобы царь и Воронцов / В память храброго Слепцова / Не забыли удальцов. / И завет мы свой исполним, / С Предимировым вперед! / Слова батюшки мы вспомним, / И пред нами все падет» («Что ты, сунженец, не весел» [25]).

Описание похорон – отдельная тема военных песен, причем казаки использовали и тексты литературного происхождения, наполняя их деталями казачьего быта: «Из лесов дремучих / Ой, казаченьки они идут, / И на руках могучих / Ой, носилочки несут. / Носилки несут не простые, / Ой, из ружьев они сложены, / А поперек стальные / Шашечки положены. / На них лежал сраженный / Ой, кизлярский казак молодой, / Из раны кровь сочилась, / Ой, на сердце ему тяжело» и т.д. [26]. Была популярной и песня «Не бил барабан перед смутным полком» [27].

Подводя итоги анализа военно-бытовых и военно-исторических песен терского казачества, можно сделать следующие выводы. И военно-исторические, и военно-бытовые песни терских казаков отражают особенности военизированного быта. Мужские песни отличаются наличием социальных мотивов, повествовательностью в изображении военных действий. Основные мотивы женских песен связаны с проводами казаков, их возвращением, с известиями о смерти. Часть исторических песен, со временем теряя приуроченность к конкретным событиям, переходит в разряд военно-бытовых. Мужские и женские песни создают общую картину военизированного быта, дополняя ее восприятие с разных сторон.

Примечания

1. Терское казачье войско. М., 2014. С. 3.
2. Полевые материалы фольклорных экспедиций Чечено-Ингушского государственного педагогического института (далее – ПМФЭ ЧИГПИ). Респондент А.И. Лиманова, 1901 г.р., записана в станице Гребенской Шелковского района Чечено-Ингушской АССР в июле 1968 г., интервьюер Е.М. Глотова (Белецкая).
3. Белецкая Е.М. Мир казака в военно-бытовых песнях // Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе. М., 2004. С. 237–238.
4. Там же. С. 240–241.
5. ПМФЭ ЧИГПИ. Респондент А.И. Лиманова, 1901 г.р., записана в станице Гребенской в мае 1966 г., интервьюер Е.М. Глотова (Белецкая).
6. Полевые материалы фольклорных экспедиций Чечено-Ингушского государственного университета (далее – ПМФЭ ЧИГУ). Респондент Е.Г. Широкова, 1892 г.р., записана в станице Старый Щедрин Шелковского района в июле 1972 г., интервьюер Е.М. Белецкая.
7. ПМФЭ ЧИГУ. Респондент М.Г. Кальченко, 1901 г.р., записана в станице Гребенской в июле 1975 г., интервьюер Е.М. Белецкая.
8. ПМФЭ ЧИГПИ. Респондент Е.М. Иванова, 1863 г.р., записана в станице Гребенской в сентябре 1965 г., интервьюер Е.М. Глотова (Белецкая).
9. ПМФЭ ЧИГУ. Респондент М.Г. Кальченко, 1901 г.р.
10. Терек вспышный: песни гребенских казаков. Грозный – Екатеринбург, 1991–2007. С. 110.

11. Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948. С. 76.
12. Белецкая Е.М. Мир казака в военно-бытовых песнях… С. 242–245; Белецкая Е.М. Казак перед лицом смерти: типология сюжетных ситуаций по фольклорным и литературным источникам // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации. М., 2007. С. 167–178.
13. ПМФЭ ЧИГУ. Респондент А.П. Думанаева, 1910 г.р., записана в станице Червленной Шелковского района в июле 1980 г., интервьюер Д. Худайнатов.
14. Рукописный сборник песен конца XIX в. казаков-конвойцев 4-й Терской сотни (Ф. Рогожина, С. Пимычева, Я. Феньева) из станицы Червленной, служивших под Санкт-Петербургом (копия, 1983 г.). Сборник хранился у внучки певца Рогожина, деда по материнской линии, А.Е. Хаврониной, 1922 г.р., в станице Червленной. Текст № 10.
15. ПМФЭ ЧИГУ. Респондент А.П. Резникова, 1910 г.р., записана в станице Терской Моздокского района Северо-Осетинской АССР в июле 1979 г., интервьюер В.В. Сдобнов.
16. Рукописный сборник… № 106.
17. Там же. № 74.
18. Там же. № 83.
19. Там же. № 86.
20. ПМФЭ ЧИГУ. Респондент Е.Г. Широкова.
21. Исторические песни на Тереке. С. 89–90, 97–98, 98–99.
22. Рукописный сборник… № 40.
23. ПМФЭ ЧИГУ. Респондент А.З. Калинин, 1905 г.р., записан в станице Троицкой Сунженского района Чечено-Ингушской АССР в июле 1976 г., интервьюер Е.М. Белецкая.
24. Рукописный сборник… № 122.
25. Там же. № 113.
26. ПМФЭ ЧИГУ. Респондент Н.Е. Набычеева, 1926 г.р., записана в станице Старогладковской Шелковского района в июле 1988 г., интервьюер Е.М. Белецкая.
27. ПМФЭ ЧИГПИ. Респондент Л.А. Тамазин, 1902 г.р., записан в станице Гребенской в сентябре 1965 г., интервьюер Е.М. Глотова (Белецкая).

А.А. Журтова

Основные подходы к изучению Кавказской войны в современной отечественной историографии

В отечественной историографии проблеме российско-кавказского исторического взаимодействия отведено значительное место. В процессе изучения данной проблемы ученые дают различные оценки взаимоотношениям России и народов Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. Концептуальные различия «завязаны» вокруг следующих понятий: «подданство», «завоевание», «добровольное присоединение», «интеграция», «российскость» и др., при этом у разных авторов одна и та же категория наполнена различным содержанием. Все это создает сложную палитру мнений и оценок, которые требуют глубокого научного исследования.

Переход от монистической интерпретации истории к плюралистической создал особую методологическую ситуацию, в рамках которой, с одной стороны, идет поиск новых методологических ориентиров, с другой – наблюдается мобилизация всего предшествующего исследовательского опыта, познавательного потенциала предшествующих эпох и иных культур [1]. В результате историческая наука, по определению А.В. Лубского, превращается в «мультипарадигмальную» дисциплину, становясь когнитивным полем многообразных мнений и интертекстуальных «языковых игр», в ходе которых историческая реальность растворяется во множестве научных дискурсов, тропов и смысловых миров [2]. С точки зрения Э.А. Шеуджен, «плюрализм» в области теории и методологии истории придает динамику процессу познания, но в то же время неизбежно обусловливает неустойчивость основания предметной области исторического знания [3].

Объективная картина текущей историографической ситуации, по словам К.Ф. Дзамихова, позволяет в определенных случаях ставить вопрос о противостоянии позиций региональных национальных историков и историков российского центра [4]. «Федеральные» ученые выступают против идеи о перманентном военном противостоянии России и народов Северного Кавказа в прошлом и обосновывают мирный, добровольный характер присоединения местных народов к Российскому государству, оказавшему позитивное влияние на последующее социально-экономическое развитие региона. Большинство национальных исследователей отстаивают точку зрения о насильственном завоевании региона Российской империей в период Кавказской войны.

В современном научном дискурсе воспроизводятся практически все концептуальные традиции, сложившиеся в имперский и советский периоды, с добавлением некоторых новых подходов, таких как социокультурный (цивилизационный) анализ, теория границы (контактных зон, фронтира), теория модернизации и др. Методологический плюрализм, как отмечают А.Х. Боров и Е.Г. Муратова, переплетается с идейно-политическим плюрализмом, поляризованным между крайностями этнонационалистических и неоимперских интерпретаций [5].

Одной из первых работ, посвященных проблеме российско-кавказских взаимоотношений в прошлом, в которой демонстрируется отказ от марксистской интерпретации истории стала совместная статья Л.С. Гатаговой, Д.И. Исмаил-Заде, В.И. Котова и др. [6]. В работе подчеркивается неправомерность определения российско-кавказского исторического взаимодействия как многовекового военного противостояния. Историки признают, что Российская империя присоединяла новые территории не всегда мирным путем, но взаимоотношения России и народов Северного Кавказа в XVI–XIX вв. не сводятся к одной лишь войне [7]. Кавказская война, с точки зрения коллектива авторов, представляет собой растянувшуюся на десятилетия серию военных конфликтов, в которых приняли участие только дагестанцы, чеченцы

и адыги, а осетины, кабардинцы и часть дагестанцев воевали в составе российских войск [8].

По версии исследователя Н.А. Нарочницкой, Кавказская война XIX в. началась не в связи с попыткой России присоединить регион, а в связи с конфликтом российских властей с северокавказскими владетелями, связанными с Персией, Турцией и Британией [9]. Кавказ вошел в состав России, заявляет автор, «много раньше и в основном с добровольного согласия» [10]. Так, в середине XVI в. осуществлялись «добровольные присягания на верность» адыгами; в 1770 г. 24 ингушских старейшины вступили в российское подданство [11] и т.д.

Проблеме российско-кавказских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. посвятил большое количество исследований В.В. Дегоев [12]. Кавказская война в интерпретации автора возникла как следствие физического соприкосновения разных культур, одна из которых (имперская) оказывала нарастающее и подчас чрезмерно агрессивное давление на другую (патриархально-родовую) [13].

Цивлизационный подход к изучению российско-горского противостояния развивает Я.А. Гордин. По его словам, в XIX в. кавказская территория становится помехой для России в налаживании связей с присоединенной Грузией [14]. Империи был необходим «союзный, лояльный, мирный Кавказ, не обязательно жестко включенный в имперскую структуру», но таковым, как полагает историк, он не мог быть «в силу психологической природы своего населения» [15].

Научный интерес представляют исследования В.В. Лапина [16], который обосновывает неправомерность ограничения Кавказской войны традиционными хронологическими рамками (1817–1864), поскольку в результате история Кабарды и Осетии отделяется от истории других районов Северного Кавказа [17]. Он предлагает считать Персидский поход Петра Великого в 1722–1723 гг. началом завоевания Кавказа, а подавление восстания в Чечне и Дагестане в 1877 г. – его окончанием [18]. В.В. Лапин определяет Кавказскую войну как цивилизационную, ставшую неизбежной в результате соприкосновения двух военных структур, имеющих различные знаковые системы: русская армия, как европеизированная машина устрашения и разрушения, и военная организация горцев, соответствующая эпохе военной демократии или становления феодализма [19].

Социокультурный подход к изучению российско-кавказского исторического взаимодействия реализуется в исследованиях А.Х. Борова [20]. С точки зрения ученого, в середине XVI – начале XVIII вв. связи России и народов Северного Кавказа носили характер военно-политического союзничества между «сложными социальными субъектами» [21]. В XVIII в. накапливаются предпосылки военно-силового противостояния, поскольку углубляется стадиальный разрыв уровней их социокультурного развития. Кавказская война, по определению А.Х. Борова, – это проблема диалога культур [22], и различные научные подходы к ее осмыслению не столько опровергают, сколько дополняют друг друга [23].

Исследователь Ю.Ю. Клычников полагает [24], что в XIX в. на Кавказе произошло столкновение двух противоположных сил: имперского центра, стремившегося «вростить» новую окраину в общегосударственный механизм, и экспансионизма ряда горских обществ, решавших свои внутренние проблемы, связанные с переходной экономикой и коренной ломкой организации общественной жизни. Все это осложнялось вмешательством ряда иностранных государств, преследовавших на Кавказе свои геополитические интересы [25].

«Генетическое» стремление кавказских народов в состав России демонстрирует в своих исследованиях В.А. Матвеев [26]. В его трактовке Северный Кавказ в середине XIX в. покорился «не столько силе русского оружия, сколько силе авторитета России» [27]. Кавказская война рассматривается историком как следствие российского противостояния набеговой экспансии горцев, без искоренения которой стало невозможным достижение стабильности в регионе [28].

Исследователь Л.С. Гатагова сравнивает модель «экспансии» России в южном направлении со структурой американского фронтира. В ее представлении, «граница между Российским государством и кавказскими раннеполитическими образованиями представляла собой не только линию вооруженного соприкосновения, но и своего рода контактно-цивилизационную зону, где развивались интенсивные хозяйственные, политические, личные связи» [29].

Теория контактных зон получила развитие в работах В. Гутакова [30]. Кавказская война, по его мнению, стала результатом столкновения двух суперэтносов: евразийского и кавказского, в ландшафтных системах Степи и Гор. Со второй половины XVIII в. российско-кавказская контактная зона превращается в зону постоянных конфликтов и боевых действий [31].

С точки зрения Ш.А. Гапурова, А.М. Бугаева и В.В. Черноуса, к концу XVIII – началу XIX вв. большая часть Северного Кавказа уже находилась в российском подданстве [32], поэтому все военные события, происходившие в регионе в последующие десятилетия, носят характер внутригосударственных. Обострение ситуации на Северном Кавказе в первой половине XIX в. рассматривается авторами как «институциональный конфликт, т.е. конфликт социальных и политико-правовых институтов Российской империи и горских обществ в контексте острой геополитической борьбы в регионе» [33].

В качестве «предмета обсуждения» Ш.А. Гапуров, А.М. Бугаев и В.В. Черноус предлагают научному сообществу следующие положения.

Во-первых, историки считают необходимым «развести» войны России с Турцией и Ираном в XVIII–XIX вв. и военные действия между российскими войсками и горцами в 1818 (1817)–1864 гг., поскольку «это явления разного характера и они не могут быть включены в одно название «Кавказская война». Термин «война» подразумевает военные действия между разными государствами, поэтому понятием «Кавказская война»

правомерно обозначать военные действия между Россией, Турцией и Ираном в XVIII–XIX вв. [34]

Во-вторых, военные действия между российскими войсками и горцами авторы предложили назвать «народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа в 1818–1864 гг.» и рассматривать эти события «как восстание горцев против установления российской власти в слишком жестких формах и силовыми методами» [35]. А со стороны имперского правительства – «как подавление крестьянского восстания, иногда возглавленного отдельными феодалами» [36].

Таким образом, в современной российской историографии благодаря применению новых подходов, методологического инструментария исследований мирового уровня достигнуты положительные результаты в изучении проблем российско-северокавказского исторического взаимодействия. Кавказская война рассматривается большинством ученых с позиций цивилизационного подхода, как неизбежный результат соприкосновения двух разных социокультурных систем: имперской и раннегосударственной. На наш взгляд, всеобъемлющее изучение Кавказской войны предполагает всесторонний анализ российско-кавказских взаимоотношений в XVIII–XIX вв., который включает в себя не только подробное описание военных действий в регионе, но и исследование социально-экономических и культурных связей между Россией и местными народами и демонстрирует многофакторность и непрерывное развитие этих процессов.

Примечания

1. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2005. URL: http://cheloveknauka.com/alternativnye-modeli-istoricheskogo-issledovaniya-kontseptualnaya-interpretatsiya (дата обращения: 01.06.2016).

2. Лубский А.В. Постмодернизм и историческая наука. URL: http://teoretik.info/index.php?option=com_content&view=article&id=109:2012-03-10-17-55-14&catid=68:2012-03-10-13-48-38 (дата обращения: 01.09.2015, в настоящее время не доступен).

3. Шеуджен Э.А. Историческое знание и историческая память: западноевропейская традиция взаимообусловленности. М.; Майкоп, 2012. С. 242.

4. Дзамихов К.Ф. «Свое» и «чужое» прошлое, или Актуальные вопросы историографии Кавказской войны // Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов н/Д, 2013. С. 29.

5. Боров А.Х., Муратова Е.Г. Общество и власть на Северном Кавказе в XIX – начале XX в.: предметное поле и концептуальные основы исследований в отечественном кавказоведении // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. URL: http://www.science-education.ru/110-9989 (дата обращения: 01.06.2016).

6. Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // Дипломатический вестник. 1998. № 10. URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/98a7!OpenDocument (дата обращения: 13.04.2015, в настоящее время не доступен).

7. Там же.

8. Там же.

9. Нарочницкая Н.А. Кавказские войны – средство геополитики. URL: http://www.pravoslavie.ru/analit/print5114.htm (дата обращения: 01.06.2016).

10. Там же.

11. Там же.

12. Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. Владикавказ, 1992; Его же. Кавказ в структуре российской государственности: наследие истории и вызовы современности // Вестник института цивилизации. Владикавказ, 1999. Вып. 2. С. 128–161; Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М, 2001; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001; Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. М., 2004. Т. 1. С. 28–47; Дегоев В.В. Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX в.) // Кавказский сборник. М., 2005. Т. 2. С. 90–108; Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М., 2009; Дегоев В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год): ечебное пособие. М., 2009; Дегоев В.В. Распад имамата Шамиля власть и властитель в условиях кризиса. URL: http://checheninfo.ru/55619-vv-degoev-raspad-imamata-shamilya-vlast-i-vlastitel-v-usloviyah-krizisa.html (дата обращения: 01.06.2016); Дегоев В.В. Осетинский вопрос в политике Екатерины II. 60–70-е годы XVIII века // Кавказский сборник. М., 2011. Т. 7. С. 75–117. и др.

13. Дегоев В.В. Кавказ и имперская идея // Звезда. 2004. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/6/deg7.html (дата обращения: 01.06.2016).

14. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. С. 43, 44.

15. Там же. С. 44.

16. Лапин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003; Его же. Армия России на Кавказе: Приватизация войны. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/la12.html (дата обращения: 01.06.2016); Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008 и др.

17. Лапин В.В. История Кавказской войны… С. 13.

18. Там же. С. 14.

19. Там же. С. 39.

20. Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). Нальчик, 2007; Боров А.Х., Кочесоков Р.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Проблемы интеграции и синтеза. URL: http://intercircass.org/?p=794 (дата обращения: 01.06.2016); Боров А.Х. «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. Нальчик, 2012 и др.

21. Боров А.Х., Кочесоков Р.Х. Указ. соч.

22. Там же.

23. Там же.

24. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827): дис. … канд. истор. наук. Армавир, 1998; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.): дис. … д-ра истор. наук. Пятигорск, 2004; Клычников Ю.Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа. Пятигорск, 2008; Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность народы теснят…»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе. Пятигорск, 2011; Великая Н.Н.,

Клычников Ю.Ю. Интересы России на Северном Кавказе в отражении горских присяг (XVI – начало XIX вв.) // Кавказский сборник. М., 2011. Т. 7. С. 26–37; Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: в поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. М., 2015 и др.

25. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 121.

26. Матвеев В.А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний: от державности к «тюрьме народов», национализму, евразийству и российскости. Армавир; Ростов-на-Дону, 1998; Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов н/Д, 2006; Матвеев В.А. Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д, 2008; Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д, 2012; Матвеев В.А. Черкесский вопрос в преломлении прошлого // Метаморфоз vs Трансформация… С. 257–266; Матвеев В.А. К вопросу о цивилизационных особенностях окраин Российской империи (на примере Северного Кавказа) // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2013. Вып. 9. С. 33–44 и др.

27. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ… С. 52.

28. Там же.

29. Гатагова Л.С. Присоединение Кавказа // Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. URL: http://statehistory.ru/books/kollektiv-avtorov_Rossiyskaya-Imperiya-ot-istokov-do-nachala-XIX-veka---Ocherki-sotsialno-politicheskoy-i-ekonomicheskoy-istorii/11 (дата обращения: 01.06.2016).

30. Гутаков В. Русский путь к Югу (мифы и реальность) // Вестник Европы. 2007. № 21. URL: http://magazines.russ.ru/vestnik/2007/19/gu18.html (дата обращения: 01.06.2016).

31. Там же.

32. Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Черноус В.В. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 94.

33. Там же. С. 95.

34. Там же. С. 97.

35. Там же. С. 98.

36. Там же.

А.И. Жилина

Отечественная историография Кавказской войны: этапы развития

Присоединение Кавказа являлось важной задачей внешней политики России в XIX в. Обращение к историографии Кавказской войны позволяет переосмыслить истоки, сущность и характер данного военного конфликта. Ответы на указанные вопросы способствуют прояснению причин напряженности на Северном Кавказе и в наши дни. Целью

данной работы является анализ основных этапов в развитии отечественной историографии Кавказской войны. Особое внимание уделено роли османского фактора.

Изучение проблемы началось непосредственно в годы Кавказской войны. Именно тогда стали собирать первые документы и воспоминания очевидцев. Сегодня отечественная историография Кавказской войны насчитывает огромное количество книг и статей. В ее развитии можно выделить три этапа, для каждого из которых были характерны разные подходы к изучению и пониманию сути конфликта – от непосредственного одобрения политики России в регионе – до ее полного осуждения.

Так называемому «имперскому» (дореволюционному) этапу было присуще признание горских племен «дикими», воинственными людьми, отрицание наличия у горцев какой-либо самобытной культуры. В этой связи Российская империя представлялась своеобразной покровительницей кавказских народов, несущей им «цивилизацию» и развитие. Тем не менее историографические источники свидетельствуют о глубоком понимании многих аспектов проблемы дореволюционными историками. О.В. Матвеев пишет: «К сожалению, наследие дореволюционной историографии у нас нередко оценивается лишь как стремление оправдать политику царской России на Северном Кавказе. Но вопрос об “оправдании” того, что считалось вполне закономерным и естественным, тогда не стоял. Несмотря на определенную идеологическую заданность, имперская историография охватывала и синтезировала самые разные подходы к явлению Кавказской войны» [1].

И все же дореволюционным историкам не удалось преодолеть идею о высшей миссии Российской империи на Северном Кавказе. Турецкий фактор в Кавказской войне не рассматривался как самостоятельный вопрос, а лишь включался в другие сюжеты, связанные с политикой Российской империи в этом регионе. Порой он сводился к исторически сложившемуся противостоянию мира христиан миру мусульман. В этой связи можно вспомнить теорию С.М. Соловьева, который говорит о том, что проблемы восточного вопроса Российской империи кроются в противоречии между «европейским и азиатским духом». До революции вышли труды А.Л. Зиссермана [2], В.А. Потто [3], Н.Ф. Дубровина [4] (указавшего на вмешательство османов во внутренние дела Кавказа) и другие исследования.

Советский этап привел к серьезным изменениям в изучении Кавказской войны. Она рассматривалась в рамках марксистской исторической науки, вплеталась в концепцию мировой революции и национально-освободительной борьбы народов в контексте классового противостояния. Русский народ, по мнению советских историков, не был завоевателем, он сам подчинялся императорской власти, как и горцы Северного Кавказа подчинялись своей феодальной верхушке. На развитии советской историографии Кавказской войны сказывалось влияние идей А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и других революционных

демократов, для которых вопрос о вхождении Кавказа в состав России представлял не столько научную, сколько политико-идеологическую ценность [5]. Но и в советской историографии подходы менялись со временем, поэтому данный этап следует разделить на несколько периодов.

В 1920–1930-е гг. только происходит становление советской исторической науки. На первый план выходит вопрос о пересмотре оценок предыдущего имперского периода в связи с утверждением марксизма.

В конце 1930-х – начале 1950-х гг. окончательно сложился взгляд советских историков на проблематику Кавказской войны. Она рассматривалась с учетом мнения К. Маркса о том, что на Северном Кавказе происходил национально-освободительный подъем народов региона, представляя собой «путь к свободе», достойный уважения. Для этого требовалось признать наличие у горцев сложившегося феодализма, что вело к «завышению» уровня общественного развития народов Кавказа. Стоит особо выделить работу Н.И. Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля», которая была издана уже в 2000 г. Ее автор сумел отойти от ряда стереотипов, присущих советской историографии. Анализируя сложный и болезненный процесс вхождения Северного Кавказа в состав империи, Н.И. Покровский отказался от понятия «дикого» горца, признавая культурную самобытность кавказских народов [6]. Детальная проработка истории имамата, его структуры и экономической политики опиралась в рассматриваемой работе на широкую источниковую базу.

Османское влияние в этот период связывается с мюридизмом и махаджирством. В этой связи можно выделить труд Е.В. Тарле «Крымская война» [7], повествующий о хитросплетениях дипломатической политики Европы. Провал в Крымской войне усиливает для Российской империи противоречия, сложившиеся в Кавказской войне и, по существу, вызванные продуманной дипломатической игрой Запада. По вопросам международного влияния на возникновение и ход войны представляет интерес работа М.В. Покровского «Иностранные агенты на Западном Кавказе в первой половине XIX в.» [8]. Автор раскрывает влияние англичан и турок на Западном Кавказе, которые вели здесь подрывную антироссийскую деятельность. В то же время на данной работе отразились идеологические стереотипы времени ее появления.

Уже в 1950-х гг. сформировалась концепция «добровольного» вхождения народов Кавказа в Российское государство. Но она могла применяться только к Южному Кавказу, т.к. в Дагестане и Чечне происходила вооруженная борьба, существовал имамат Шамиля. Сопротивление народов Северного Кавказа оправдывалось концепцией революционного подъема, сформулированной еще в 1930-е гг. Среди важнейших трудов надо отметить монографии Б.М. Джимова [9], Н.А. Смирнова [10] и другие работы. С 1970-х гг. все активнее появляются работы, в которых раскрывается международная составляющая войны, обсуждается роль Кавказа в геополитической борьбе и его место в системе международных отношений.

Конец 1980-х – первое десятилетие XXI в. – довольно сложный период в развитии историографии проблемы, что было связано с коренными изменениями в самом обществе. На задний план отходят традиционные для методологии марксизма представления об антифеодальном характере борьбе горцев. В то же время изучение темы вновь приобрело политизированный характер. Еще в 1983 г. М.М. Блиев в журнале «История СССР» опубликовал статью «Кавказская война: социальные истоки, сущность», содержавшую первую попытку выйти за границы привычной методологии и отказаться от антифеодальной и антиколониальной концепций [11]. Автор заостряет внимание на пути развития Кавказского региона, говоря о том, что суть проблемы лежит в переходе общественных отношений на иную ступень своего развития, от патриархально-родовых к раннефеодальным. Горские народы проходили путь оформления у них военной элиты и зарождения раннефеодальных отношений, сопровождавшийся набеговой системой. Сначала набегам подверглись сами горские народы, но постепенно они стали совершаться за рамками этой системы, выражаясь в атаке границ России (поселений и казачьих станиц). По мнению автора, именно так зародилась Кавказская война, в которую постепенно включились и геополитические устремления других стран, что помогло оформиться идеологии мюридизма. Впоследствии эти выводы нашли более полное отражение в совместной монографии с В.В. Дегоевым [12]. Но идеи М.М. Блиева были раскритикованы многими северокавказскими историками. В частности, К.Ф. Дзамихов утверждал, «что неправомерно отрицать роль… набегов в развертывании Кавказской войны, но нельзя также отводить им ведущую роль, ни в экономическом аспекте, ни в комплексе причин Кавказской войны. Отмечалось, что многие военные события периода Кавказской войны не поддаются объяснению в рамках причинно-следственной связи: отсталая экономика – набеги – ответные действия России» [13].

В последние десятилетия на всем постсоветском пространстве историография Кавказской войны вырвалась из методологического плена марксизма. Необходимо упомянуть и о сложившейся обстановке максимальной напряженности на Северном Кавказе в конце XX – начале XXI вв., вылившейся в две чеченские войны, чьи отголоски звучали в исследованиях историков еще долгие годы. Все это обостряло противоречия в изучении проблематики вхождения народов Кавказа в состав Российского государства, вызвав «Кавказскую войну историографий» (Д.И. Олейников). Критические нападки на М.М. Блиева стали закономерными с ростом национального самосознания народов Северного Кавказа. В данной связи В.В. Дегоев полагает, что выводы нужно строить с профессиональной точки зрения, а не опираясь на «оголтелую» и ненаучную критику [14].

Споры ведутся и по хронологическим рамкам Кавказской войны. В советской исторической науке при характеристике присоединения Кавказа использовались хронологические границы, начиная со второй

половины XVI в. и до середины XIX вв. Впоследствии особое место стало уделяться самой Кавказской войне 1817–1864 гг. К.Ф. Дзамихов отмечает, что в рескрипте императора Александра II, обнародованном 27 июля 1864 г., говорится о завершении дела, начатого «полтора века тому назад». Он полагает, что «нет Кавказской войны как таковой, а есть «Кавказские войны» – русско-дагестанская в первой четверти XVIII в., русско-кабардинская 1763–1825 гг., русско-чечено-дагестанская 1829–1859 гг. и др.». По словам К.Ф. Дзамихова, «ограничение Кавказской войны традиционными хронологическими границами (1817–1864 гг.)… – продукт развития отечественной историографии, посвященной присоединению Кавказа и Закавказья к России, находившейся в рамках формационного подхода» [15]. Научная полемика также продолжается вокруг военных вопросов противостояния сторон, по проблематике последствий, принесенных войной.

Постепенно, начиная с 2000-х гг., эмоциональная окраска работ, посвященных Кавказской войне, уступает место стремлению к объективности. Разрабатываются новые комплексы источников, проводятся конференции по данной проблеме, появляются специальные исследовательские структуры и коллективы. Так, в 2004 г. был учрежден Центр проблем Кавказа и региональной безопасности в составе Института международных исследований Московского государственного института международных отношений. Возглавляет его известный кавказовед В.В. Дегоев.

В 2000 г. в свет выходит труд Я.А. Гордина «Кавказ: земля и кровь» [16]. Его автор говорит об имперской политике на Северном Кавказе, опираясь на многочисленные архивные материалы. Он повествует о тех, кто заложил основу штурма «огромной крепости», о генерал-губернаторах Кавказа. Гордин считает, что у России не было выбора в вопросе начинать или не начинать войну. Автору удалось показать не только геополитические, но и психологические причины: само общество, победившее Наполеона, было убеждено в том, что Россия несет горцам цивилизацию. Многие в тот момент верили, что горцы откажутся от своих «варварских» набегов, но эти многие также забыли, что набеги горцев были не только средством обогащения, но и делом чести, и, как напишет автор, увы, противник у России тоже был героем. Нельзя не упомянуть и труды петербургского ученого В.В. Лапина. Они способствовали расширению границ представлений общества о Кавказской войне. Его взгляд на армию России через призму психологии показывает ее способность адаптироваться к условиям жизни в регионе [17].

Фактору присутствия Турции и других иностранных держав в Кавказском регионе стало уделяться больше внимания. Но исследователи замечают: «Отсутствует комплексный анализ политики… Османской империи по отношению к Северо-Западному Кавказу… и что при сохраняющемся устойчивом интересе к исследуемым вопросам необходимо признать, что эта проблема разработана далеко не исчерпывающе» [18].

Международное влияние на ход Кавказской войны и на жизнь региона в целом стало одной из актуальных проблем исследования. Активно разрабатывает проблематику дипломатии европейских стран на Кавказе В.В. Дегоев [19]. Данным вопросам посвящены диссертации А.К. Чеучевой, А.Д. Панеша, А.П. Машукова [20] и другие работы.

Таким образом, анализ содержания основных этапов в развитии отечественной историографии Кавказской войны показал, что данная тематика находилась под пристальным вниманием нескольких поколений историков. Исследователи отмечают, что присоединение региона к империи было очень сложным и масштабным проектом для Российского государства. Рассмотрение этого проекта на разных этапах развития историографии происходило по-разному, что обусловлено имевшимися у исследователей возможностями, а также поворотными моментами в истории страны. Предметами дискуссии в историографии Кавказской войны по-прежнему выступают многие вопросы, включая ее хронологические рамки, уровень развития региона, внешнеполитическое влияние. Достичь согласия в спорах и выработать новые знания о войне возможно только путем диалога представителей разных подходов и направлений в отечественной историографии.

Примечания

1. Матвеев О.В. От воюющих крайностей к концепциям взаимопонимания: Некоторые итоги и уроки изучения Кавказской войны // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сборник научных статей. Краснодар, 2015. С. 22.

2. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867): Ч. 1. М., 2011.

3. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. Т. 1: С древнейших времен до Ермолова. Ставрополь, 1994.

4. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. СПб., 1871.

5. Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала, 1972.

6. Покровский Н.И. Кавказская война и имамат Шамиля. М., 2000. С. 170.

7. Тарле Е. Крымская война: в 2 т. Т. 2. М., 1950.

8. Покровский М.В. Иностранные агенты на Западном Кавказе в первой половине XIX в. // Кубань. Альманах. 1952. № 11. С. 145–175.

9. Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986.

10. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958.

11. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 54–75.

12. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

13. Дзамихов К.Ф. Кавказская война: Некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания): сборник научных статей. Нальчик, 2014. С. 6.

14. Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества. Россия и Северный Кавказ. Т. 2 (150). М., 2000. С. 226.

15. Дзамихов К.Ф. Указ. соч. С. 8.
16. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000.
17. Лапин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003; Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.
18. Чеучева А.К. Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв.: дис. … д-ра ист. наук. М., 2008. С. 20.
19. Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. Владикавказ, 1992.
20. Панеш А.Д. Западная Черкессия в системе взаимодействия России и Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX веке (до 1864 г.). Майкоп, 2007; Машукова А.П. Западный Кавказ в годы Крымской войны: дис. … канд. ист. наук. Нальчик, 2012.

Н.А. Трапш, О.И. Шафранова

Абхазия в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: «виновное население» и массовое махаджирство в историографической традиции XX столетия

Сложный комплекс разнообразных событий, связанных с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. и последующим изгнанием значительной части автохтонного населения Абхазии, является важнейшим элементом локального исторического процесса, определившим основные тенденции социально-экономического, политического и культурного развития рассматриваемого региона. Массовое махаджирство стало своеобразным прологом к так называемой «этнической революции», в рамках которой опустевшие земли горских сообществ стали реальным объектом организованной и стихийной колонизации, продолженной сталинским режимом в XX в. и превратившей этнических абхазов в национальное меньшинство на исторической Родине.

С рассматриваемым периодом неразрывно связан и другой уникальный исторический феномен, беспрецедентный для управленческих практик имперского периода. После официального завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и полного подавления синхронного регионального восстания большая часть этнических абхазов была объявлена «виновным населением» с последующим изменением правового статуса, предусматривавшим полный запрет на публичное ношение личного оружия, постоянное проживание в приморской зоне и самостоятельное владение земельными участками, а также системную корректировку территориального проживания в соответствии с новыми границами сельских поселений. Следует заметить, что в отдельном порядке указанные меры применялись в различных регионах Российской империи, но в интегрированном варианте и с особой обвинительной формулировкой

соответствующие репрессивные действия были реализованы только в Абхазии.

Избранная проблема традиционно привлекает исследовательский интерес, что определяет объективную необходимость комплексного анализа отдельных концепций, сложившихся в отечественной и зарубежной историографии в XX в.

Первые обобщающие оценки Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в абхазском контексте связаны с масштабными трудами известных краеведов А.Н. Дьячкова-Тарасова и К.Д. Мачавариани, реконструировавшими соответствующие события не только на основе ограниченного круга опубликованных документальных и нарративных источников, но и по устным рассказам информированных очевидцев [1]. А.Н. Дьячков-Тарасов полагал, что главной причиной мощного восстания в Абхазии, начавшегося после ожидавшейся высадки турецкого десанта, стало реальное недовольство местных дворян крестьянской реформой 1870 г., существенно сократившей наследственные наделы [2]. Одновременно кубанский историк отмечал и то существенное обстоятельство, что основная часть местного населения примкнула к восставшим родственникам вследствие быстрого отступления русских войск, оказавшего деморализующее влияние на рядовых обывателей [3]. Аналогичные оценки высказывал и К.Д. Мачавариани, предложивший глубокую и всестороннюю характеристику рассматриваемых событий. Абхазский краевед полагал, что «Бог ведает, для чего было отряду бросить Сухум, отступить к Ольгинскому селению, имея столько войск, провианта и боевых припасов, но, видно, наши разведочные силы не соответствовали своему назначению, наводя страх и ужас о многочисленности турецкого десанта… турки имели преимущества на море, но русские войска могли нанести им поражение на суше. Говорили, что с турецкими десантами высадились в Абхазии и многочисленные партии прежних выселившихся в Турцию абхазцев, но опять-таки цифра эта была слишком преувеличена. Не отступи отряд, никогда абхазцы не решились бы пристать к турецким десантам и приехавшим своим сородичам… факт тот, что многие абхазцы силой были уведены в Турцию, а многие были найдены убитыми за то, что они обнаружили сопротивление против турок» [4]. Следует заметить, что, предлагая адекватную характеристику абхазского фрагмента Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., избранные исследователи сознательно обходили болезненный вопрос о массовом махаджирстве и «виновном населении», избегая жестких оценок по отношению к имперской политике.

Указанные проблемы были актуализированы в ранний советский период, в рамках которого осуществлялся критический пересмотр принципиальных оценок региональной истории. В известных трудах И.Г. Антелава, А.А. Олонецкого и А.В. Фадеева абхазское восстание в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., последующее массовое махаджирство и репрессивные действия по отношению к местному населению

рассматривались как естественный результат колонизаторской политики царской администрации, стержневым элементом которой выступала грабительская крестьянская реформа 1870 г., лишившая земельных наделов и экономической независимости широкие крестьянские массы [5].

В 30-е гг. XX в. в региональной историографии начало формироваться адекватное представление о неразрывной связи махаджирской трагедии и последующей колонизационной политики, радикально изменившей этнический облик рассматриваемого региона [6]. Однако подобные идеи противоречили активно внедряемому тезису о вековом грузино-абхазском братстве, выступавшему в качестве идеологического обоснования для административной инкорпорации Абхазии в Грузинскую ССР и синхронной ассимиляции автохтонного населения новой волной «родственных» переселенцев. Критическое отношение к колонизационным процессам постепенно превратилось в опасную интеллектуальную конструкцию, способную непосредственно повлиять на личную судьбу конкретных исследователей. В результате известные ученые и общественные деятели С.М. Ашхацава, С.П. Басария, С.Я. Чанба, разделявшие указанные идеи, были арестованы и расстреляны по сфабрикованным обвинениям, а А.В. Фадеев вынужден был покинуть Абхазию, хотя не утратил интереса к региональной истории [7]. В рассматриваемую эпоху началась и творческая деятельность выдающегося абхазского историка Г.А. Дзидзария, который в 1947 г. также не избежал политических преследований, попытавшись вместе с Б.В. Шинкуба и Е.С. Шакрылом указать политическому руководству СССР на существенные искажения «ленинской национальной политики в Абхазии» [8].

Во второй половине 1950-х гг. появляются фундаментальные труды Н.И. Белова, С.К. Бушуева и Ш.В. Мегрелидзе, посвященные как общей картине Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., так и региональным особенностям названного геополитического конфликта [9]. Однако указанные исследователи не ставили принципиальной задачи, связанной с последовательным выявлением специфических особенностей военных действий и последующих демографических и социальных изменений в Абхазии. В контексте этого обстоятельства избранный регион рассматривался как локальный участок масштабного конфликта, а массовое махаджирство утрачивало реальную значимость на фоне глобальных изменений в европейской политике, оформленных Сан-Стефанским мирным договором и Берлинским трактатом. Аналогичная ремарка может быть отнесена и к фундаментальному исследованию Н.С. Киняпиной, опубликованному в середине 1970-х гг. [10]. В данный период появляется и наиболее масштабный обобщающий труд по махаджирской проблеме, в профильном разделе которого подробно освещается абхазский контекст Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [11].

Фундаментальная работа Г.А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» является важнейшим комплексным исследованием соответствующей эпохи, созданным в рамках советской

историографической традиции. Выдающийся абхазский историк не только качественно проанализировал и адекватно интерпретировал дифференцированный источниковый материал, но и предложил разносторонние оценки значимых событий и явлений, не утратившие научного значения до настоящего времени.

Применительно к избранной теме Г.А. Дзидзария показал, что мощное восстание в Абхазии, хронологически совмещенное с военными действиями русской и турецкой армий в 1877 г., не являлось стихийной реакцией на османский десант и было детерминировано сложным комплексом социально-экономических и политических причин. По справедливому замечанию выдающегося историка, «в Абхазии еще накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 годов назревало всеобщее восстание, военные события лишь ускорили его и весьма осложнили политическую обстановку в крае» [12]. Главными причинами вооруженного выступления против российской власти Г.А. Дзидзария считал неограниченный произвол местных чиновников и дискриминационный характер крестьянской реформы 1870 г., нарушившей традиционный порядок дворянского и крестьянского землевладения [13]. Он также полагал, что быстрое отступление российских войск, не оказавших ожидаемого сопротивления высадившемуся турецкому корпусу, подтолкнуло сомневающихся местных жителей к решительной поддержке начавшегося восстания [14].

Очередную волну массового махаджирства Г.А. Дзидзария связывал с целенаправленной деятельностью турецкого командования, определенное содействие которому оказывали местные дворяне и радикально настроенные представители мусульманского духовенства [15]. В данном контексте он подчеркивал то существенное обстоятельство, что «многие из абхазских махаджиров жаловались русским властям, что их увезли в Турцию насильственным путем и просили возвратить на родину» [16]. Последующие репрессивные меры имперской администрации Г.А. Дзидзария рассматривал как неадекватный ответ на народное восстание, вызванное не осознанными симпатиями к Османской империи, а глубокими внутренними причинами социально-экономического и политического характера [17]. В целом историк полагал, что Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и последующее массовое махаджирство стали жестким испытанием для абхазского этноса, понесшего колоссальные демографические потери и оказавшегося на грани реального выживания. Одновременно он умело обходил колонизационный вопрос, что определялось доминирующей идеологической парадигмой, связанной с активно навязываемым представлением об исключительно благотворной роли масштабного переселения грузинского крестьянства на опустевшие земли Абхазии. Указанный подход являлся имманентным фрагментом общей концепции, рассматривавшей абхазскую территорию как неотъемлемую часть Грузии и неизменно поддерживаемой влиятельной частью региональной этнократической элиты, включавшей в разные исторические периоды как Л.П. Берия, так и Э.А. Шеварднадзе.

В перестроечную эпоху региональная историческая наука получила значительную свободу для интеллектуального творчества, что привело к определенному пересмотру предшествующих представлений об избранной проблематике. В частности, абхазские историки стали уделять значительное внимание не только народному восстанию 1877 г. и массовому махаджирству после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но и репрессивным мерам царской администрации по отношению к «виновному населению», и неоднозначному влиянию колонизационных процессов на социально-экономическое и политическое развитие рассматриваемого региона. В частности, известный историк С.З. Лакоба указывал на прямую связь имперских репрессий, следовавших за местными протестными выступлениями, с системным изменением административно-территориального деления и значительным усилением полицейского режима. Он отмечал, что «выступление абхазского населения на стороне Турции повлекло за собой более сильные, чем в 1866 году, политические репрессии. За участие в этом восстании почти все абхазское население Гудаутского и Кодорского участков было объявлено "виновным". Абхазам, за исключением некоторых представителей высших сословий, запрещалось селиться вблизи побережья, проживать в Сухуме и опустевших "местечках" Гудаута, Очемчира. Полковник Аракин предлагал даже "сгруппировать" население, нарушив хуторской характер расселения абхазов» [18].

Указанный подход получил дальнейшее развитие в 1990-е гг., когда после грузино-абхазского конфликта 1992–1993 гг. основным трендом в комплексном освещении различных событий XIX в. стало жесткое осуждение российской колониальной экспансии, сопровождавшейся насильственным выселением местного населения и последующей массовой колонизацией, поставившей коренных жителей в незавидное положение национального меньшинства [19]. В начале XXI в. радикальные оценки сохранили значительную роль в региональной историографической традиции, но одновременно появились и более сбалансированные исследования, основанные на фактическом материале, извлеченном из ранее не опубликованных архивных материалов, и содержащие адекватный анализ объективных достижений предшествующей исследовательской практики. В данном контексте следует выделить фундаментальные труды О.Х. Бгажба, С.З. Лакоба, Л.И. Цвижба и С.Ш. Салакая, подводящие определенный итог комплексному исследованию избранной проблематики [20].

Примечания

1. Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии // Записки Кавказского отделения Русского географического общества (далее – ЗКОРГО). 1910. Т. XX. Вып. I. С. 149–210; Его же. Гагры и их окрестности // ЗКОРГО. 1903. Кн. XXIV. Вып. 1. С. 1–94; Мачавариани К.Д. Город Сухум и Абхазия в настоящем и прошлом // Естествознание и география. 1914. № 1. С. 37–89; Мачавариани К.Д. Народные смуты в Абхазии // Голос. 1878. № 198. 19 июля; Мачавариани К.Д.

Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913; Мачавариани К.Д. Очерки Абхазии // Черноморский вестник. 1899. № 224, 229, 233, 254, 279; 1900. № 31, 34; Его же. Сухум и Абхазия // Тифлисский вестник. 1879. № 250. С. 3–4.

2. Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии… С. 206.

3. Там же. С. 207.

4. Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. С. 124.

5. Антелава И.Г. Из истории аграрного движения в пореформенной Абхазии // Сообщения АН Грузинской ССР. Т. X. № 4. Тбилиси, 1949. С. 46–55; Антелава И.Г., Дзидзария Г.А., Олонецкий А.А. Из истории крестьянской реформы в Абхазии // Исторический архив. 1951. Т. 5. С. 392–453; Олонецкий А.А. К вопросу о крестьянской реформе в Абхазии // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Т. XXV. Сухуми, 1954. С. 123–174; Олонецкий А.А. Колонизация Абхазии во второй половине XIX столетия // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 2. Сухум, 1931. С. 28–39; Фадеев А.В. Крестьянская «реформа» в Абхазии // Известия АН СССР. 1935. № 7. С. 44–52; Его же. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухуми, 1932.

6. Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухуми, 1932.

7. Салакая С.Ш. Вопросы истории Абхазии XIX – начала XX века в абхазской советской историографии. Сухум, 2009. С. 26.

8. Куправа А.Э. Георгий Алексеевич Дзидзария. К 90-летию со дня рождения. Сухум, 2006; Салакая С.Ш. Указ. соч.

9. Белов Н.И. Русско-турецкая война. 1877–1878 гг. М., 1956; Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России: 20–70-е гг. XIX века. М., 1955; Мегрелидзе Ш.В. Грузия в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Батуми, 1955; Мегрелидзе Ш.В. Грузия в русско-турецкой войне 1877–1878 годов: дис. … канд. ист. наук. М., 1953; Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси, 1972; Мегрелидзе Ш.В. Турецкие войска в Абхазии в 1877 г. // Мегрелидзе Ш.В. Вопросы Закавказья в истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Тбилиси, 1969. С. 35–47.

10. Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974.

11. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975.

12. Там же. С. 312.

13. Там же. С. 314–315.

14. Там же. С. 320.

15. Там же. С. 366.

16. Там же. С. 368.

17. Там же. С. 373.

18. Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 35.

19. Ачугба Т.А. О национальном составе Абхазии второй половины XIX–XX вв. Сухум, 1999; Его же. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010.

20. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007; Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2001; Салакая С.Ш. Указ. соч.

Г.Е. Малышева

Изучение и научно-техническое восстановление киносъемок операторов Скобелевского комитета, снятых во время Первой мировой войны

Российский государственный архив кинофотодокументов (далее – РГАКФД) хранит большую коллекцию отечественных и зарубежных киносъемок Первой мировой войны. На данный момент она насчитывает свыше 500 единиц учета. Первые 50 лет после своего открытия архив не располагал техническими и кадровыми возможностями для изучения этих киносъемок, но когда наступило это время (был накоплен опыт научно-технической реконструкции советских киноматериалов), то оказалось, что лишь незначительное количество фильмов и журналов сохранилось в первоначальном монтаже. В большинстве единиц учета элементы комплекта не соответствовали друг другу, в них были объединены не имевшие друг к другу никакого отношения фрагменты, у многих сюжетов не было заголовков или внутренних титров, а дубли разной полноты были рассредоточены по всему фонду и не опознаны [1]. Старые описи конца 1930-х гг. не проясняли ситуацию – они были обобщенными, съемки не всегда датированы, люди и события не расшифрованы. Материалам без заголовков при приеме в архив присвоили условное название типа «Хроника империалистической войны». Так как было неизвестно, какие фильмы и журналы выходили на экран, где и кто снимал события, архивистам предстояло разобраться с материалом, воссоединить в первоначальном (или приближенном к первоначальному) монтаже разрозненные фрагменты, расшифровать места и объекты съемок.

В ходе работы в библиотеках были выявлены опубликованные в прессе рекламные материалы о фильмах и киножурналах с указанием сведений об их содержании и операторах. Немало сведений содержал исторический журнал «Летопись войны», иллюстрировавший фотографиями статьи с мест событий. Особое внимание уделялось поиску материалов об истории Скобелевского комитета, т.к. титры с его маркой наиболее часто встречаются в хронике. В Российском государственном военно-историческом архиве (далее – РГВИА) были выявлены материалы Штаба Верховного главнокомандующего, а в Госфильмофонде – машинописный вариант справочника В.Е. Вишневского «Документальные фильмы дореволюционной России. 1907–1916 гг.» и «Инвентарь картин прокатного кинематографического отдела Скобелевского просветительного комитета в Петербурге (на 1-ое апреля 1918 г.)» [2]. Изучались также работы историков и киноведов.

Из литературных и архивных источников выяснилось, что именно на Скобелевский комитет [3] Штаб Верховного главнокомандующего с самого начала войны и до конца 1916 г. возложил монопольное право съемок на театре военных действий [4] (операторы других фирм могли

производить снимать только в тылу). Допуск к съемкам производился на основании заявления в штаб фронта с приложением документов о лице, производящем съемки. Условия и программа съемок, контроль над работой операторов, цензура и учет хранящихся у них материалов устанавливались и контролировались штабом фронта.

«Вестник кинематографии» № 100 за 1914 г. и «Сине-фоно» № 9 за февраль 1915 г. сообщали о том, что в распоряжение комитета на съемки военных действий были прикомандированы Н.М. Топорков, И. Доред (работавший долгое время для американских фирм), операторы балканской войны П. Новицкий (бывший оператор акционерного общества «Гомон») и П.В. Ермолов, Г. Эрколь (от представительства братьев Пате в Лондоне), К.К. Труше, а также несколько второстепенных операторов, режиссеры В.А. Старевич, А.И. Иванов-Гай и Гарри [5].

Кинохроникеры Скобелевского комитета работали на фронте в исключительно трудных условиях, пользовались громоздкими, неудобными для репортажных съемок аппаратами со слабой оптикой и пленкой недостаточной чувствительности (с начала войны она вообще перестала поступать в Россию). Но «все-таки, несмотря на величайший запрет, некоторым корреспондентам удалось проникать в самый пыл сражения с кинематографическим аппаратом и проводить съемки нелегально» [6] (правда, эти съемки не шли в кинотеатрах и какими они были, конкретных сведений нет).

После изучения прессы и литературных источников архивисты приступили к детальному исследованию внешних признаков сохранившихся фрагментов: составу сюжетов, графическому оформлению заголовков и внутренних титров, авторских надписей, нумерации негативных сюжетов. Так, с помощью цифровых последовательных разметок в негативных сюжетах удалось восстановить нарушенный авторский монтаж фильма в двух частях «Полеты над завоеванной землей в Анатолии» [7]. А сравнение сюжетов-дублей, выявленных в семи учетных номерах, позволило понять, что это фрагменты фильма Скобелевского комитета «Штурм и взятие Эрзерума», смонтировать его в авторском варианте с заголовком в трех частях и расшифровать съемки по журналу «Летопись войны» № 82 за 1916 г. Более сложной была работа с фильмами, у которых не сохранились заголовки. Так журнал «Сине-фоно» № 11–12 за 1915 г. сообщил о том, что фильм комитета «Падение Перемышля» произвел сенсацию и демонстрировался одновременно в 18 кинотеатрах Петрограда и 14 – Москвы. Но у выявленного в архиве ролика отсутствовал заголовок, было непонятно, к какому фильму относятся сюжеты. Прояснению ситуации способствовал рассказ о нем в «Кине-журнале» № 5–6 за 1915 г. одного из зрителей. Этот рассказ позволил отыскать в двух учетных номерах недостающие сюжеты (прибытие Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича и офицеров штаба на молебен по случаю взятия Перемышля к походной церкви 22 марта в Ставке) и воссоединить их в единое целое.

Также после анализа шрифта титров и состава сюжетов с помощью информации «Кине-журнала» № 9–10 и «Летописи войны» № 85–86 за 1916 г. удалось установить название фильма Скобелевского комитета – «Гибель госпитального судна “Португаль”». Это русско-французское госпитальное судно, шедшее под флагом Красного Креста с больными и ранеными воинами, находясь вблизи города Офы (в восточной части Анатолии), было атаковано и взорвано немецкой подлодкой. Зрителю в фильме показан плывущий за ранеными «Португаль», команда корабля и сестра милосердия до катастрофы, погрузка раненых в лодку, спасшиеся после взрыва русские и французы, раненые русские санитары и др.

Но большинство фильмов Скобелевского комитета были собраны буквально по отдельным фрагментам из «россыпи» киносюжетов. К ним относится фильм, посвященный истории Брусиловского прорыва 1916 г., «Великие битвы великой войны». Комитет смонтировал его на съемках последствия операции, т.к. она была тайной и операторов туда не допустили. Из трех серий фильма удалось собрать только две. Сохранившиеся сюжеты показывают командующего 7-й армией генерала Д.Г. Щербачева со своим штабом, наблюдение в бинокль офицерами с дерева за позициями, занятые в ходе операции русскими войсками города Бучач и Язловец, перевозку раненых русских солдат на дрезине по улице Бучача, австрийские боевые позиции и трофеи, братские могилы русских солдат и австрийское военное кладбище.

С 1914 по 1915 г. Скобелевский комитет выпускал на экран и серийный киножурнал «Русская военная хроника». Для одних серий в процессе работы были найдены заголовки и внутренние титры, а номера и названия других определялись по рекламе в прессе. Так, тексты титров, опубликованные в кинематографических журналах, помогли архивистам установить, что комитет сделал не менее 21 выпуска, которые выходили 2 раза в неделю длиной от 120 до 200 м. В процессе изучения съемок из рассредоточенных по всему фонду фрагментов и дублей в первоначальном (или приближенном к первоначальному) монтаже удалось восстановить 16 выпусков, которые ранее не числились на хранении. Так, в одном из учетных номеров были склеены вместе выпуск Г.И. Либкена «Наши союзники», фильм Скобелевского комитета «На полях сражений», 8-я и 13-я серии «Русской военной хроники». Их разъединили и переучли за разными номерами.

В процессе датировки съемок было обращено внимание на то, что в ряд заголовков «Русской военной хроники» добавляются тексты «Эксплуатация на всю Россию и заграницу бр. Пате», внутренние титры нумеруются, снабжаются фирменной надписью, а фабричная марка братьев Пате завершает серии. Оказалось, что, не имея возможности осуществлять прокат своей хроники по стране, комитет передал в 1915 г. это право фирме братьев Пате, которая стала помечать журналы своими марками.

Надо отметить, что до недавнего времени 4-я серия не числилась в архиве на хранении. Но кинорежиссер-исследователь Д.В. Федорин [8]

(хотя титрованного позитива так и не найдено) смог определить, что один из негативов (пленка, которая была в камере оператора Г. Эрколя в момент съемки) – первоисточник этой серии.

Непосредственных боевых действий в «Русской военной хронике» крайне мало. Одни смонтированы на основе съемок в Ставке Верховного главнокомандующего и поездок императора по российским городам, другие произведены на Юго-Западном фронте и включают в себя следующие моменты: движение русских войск по позициям, подготовка пехоты и артиллерии к бою, установка полевого прожектора и телефона в районе боевых действий, наводка саперами мостов (понтонного и на козлах), боевые действия в районе Перемышля и Белявы, виды Львова, Тарнова и Равы-Русской после взятия их русскими войсками, оказание медпомощи раненым, бытовые съемки солдат и религиозные обряды в зоне боевых действий, смотры войск на позиции, пленные и трофеи. На Кавказском фронте «Русская военная хроника» показала движение беженцев, выгрузку раненых русских солдат из вагона, перевозку их на автомобиле и в пролетке, черкесов на привале, на рекогносцировке и во время смотра. С помощью фотографий и журналов «Летопись войны» в «Русской военной хронике» были опознаны великий князь Николай Николаевич, генерал В.А. Сухомлинов, другие великие князья и генералы.

Установление авторства съемок стало важной частью архивного исследования. Фамилии операторов в титрах не указывались, и информацию об этом можно было почерпнуть, прежде всего, в текущей прессе и материалах РГВИА. Помощь в исследовании оказал и справочник В.Е. Вишневского (основанный в значительной степени на «Ведомости Петроградского градоначальства», других газетах, журналах) [9].

Съемки 1914–1916 гг. в Ставке Верховного главнокомандования проводил придворный фотограф и кинооператор А.К. Ягельский. Он был участником съемок 1-й серии «Русской военной хроники» и фильмов, сделанных во время поездок императора по различным городам. Некоторые из них сохранились в архиве. Это «Высочайший смотр юнкеров в Москве и отъезд государя императора с августейшей семьей из Москвы 8 августа с.г.» (1914 г.), «Государь император с семьей в царской Ставке» и «Его императорское величество государь император с наследником цесаревичем в Царской Ставке. Посещение государыней императрицей Александрой Фёдоровной с августейшими детьми лазаретов» (1915 г.), «Высочайший смотр войскам на Марсовом поле 19 апреля» и «Праздник Собственного Его Величества конвоя». Часть съемок 1914–1916 гг. (пребывание в Ставке французской миссии, отбытие из Ставки наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича) могла быть сделана А.К. Ягельским, но они до конца еще не изучены.

Н.П. Топорков, прикомандированный к комитету 7 января 1915 г., также снимал Ставку, прибытие Николая II в действующую армию, посещение царем крепости Перемышля и т.п. В 1916 г. он снял фильмы «На путях ко Львову» и (предположительно) «Боевую работу нашей

тяжелой авиации». П.К. Новицкий, находившийся в 1915–1916 гг. в распоряжения 3-й армии, вместе с Г. Эрколем в 1915 г. сделал снимки для «Падения и сдачи Перемышля 9 марта», в 1916 г. – «Немецкие кощунства над православными святынями», «Английские войска в Москве» (манифестация москвичей по пути следования английского отряда, вручение командиру отряда цветов, солдаты во дворе английской церкви и др.), «В освобожденных нашими доблестными войсками городах Дубно и Почаеве», «Великие битвы Великой войны» и ряд других фильмов.

В результате поисков и сопоставления информации появилась возможность говорить о том, что наибольшее количество важных фронтовых съемок в России было сделано Г. Эрколем и И. Доредом. Георг Эрколь в начале войны от британского отделения фирмы братьев Пате снимал на Бельгийском фронте [10]. Его съемки на Русском фронте 1914 г. вошли в 1, 3–5-ю серии «Русской военной хроники».

1 декабря 1914 г. Г. Эрколь в Ставке получил от великого князя Николая Николаевича направление на съемки и 25 дней снимал под Перемышлем. В 1915 г. материал был использован при монтаже 10-й и 11-й серий «Русской военной хроники» («Бомбардировка Перемышля русской артиллерией» и «На позициях под Перемышлем»), а также в фильме «Падение и сдача Перемышля 9 марта 1915 года». В этом фильме кроме съемок прибытия 22 марта Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и офицеров штаба к походной церкви в Ставке на молебен по случаю взятия Перемышля, имеется еще и обстрел русскими солдатами неприятельских позиций из пулеметов, движение пехоты через населенный пункт, вид австрийских позиций, трофеи и пленные, съемки Перемышля и раздача солдатам подарков от Скобелевского комитета. В 10-м номере журнала «Сине-фоно» за 1915 г. Г. Эрколь рассказал о своей работе: «…я намерен работать только на передовых позициях, а никак не в тылу. Знаете, там, вместе с солдатами, забываешь совершенно про опасность. А тут, проявляя негатив, я неизменно думаю о том, какое впечатление на моих соотечественников – англичан произведут мои снимки, которые покажут им как доблесть русской армии, так и дезорганизованность и деморализацию их неприятеля, которая запечатлена на снимках австрийских пленных». В 1915 г. со съемками Г. Эрколя на экран вышли 12–14-я серии «Русской военной хроники» (12-й серии «Рождество на нашем фронте» в архиве на хранении нет, 13-я серия – «Новый год (На позициях у Тарнова)» и 14-я серия – «Пехотный бой на австрийском фронте») [11].

Среди фильмов оператора И.Д. Дореда за 1914 г. – «Выступление кавказских войск на Кавказскую границу» и «Джигитовка черкесов и казаков». В 1915 г. они с П.В. Ермоловым были посланы на Кавказский фронт, а с 1916 г. – еще и Г. Эрколь, Н.П. Топорков и П.К. Новицкий. Съемки операторы проводили как самостоятельно, так и совместно. Например, И. Доред в 1915 г. снял «Кавказскую туземную бригаду. Молитву перед боем» и (вероятно) «Е.И.В. Великий князь Николай Николаевич, Наместник

Его Величества на Кавказе, объезжает русско-турецкий фронт». Вместе с П.В. Ермоловым в 1915 г. И. Доред произвел съемки для 16-й серии «Русской военной хроники» – «Наши черкесы на войне», а в 1916 г. – с Г. Эрколем сделал «Путь борьбы кавказских героев», «Наши кавказские армии и флот на пути к Трапезунду», «По пути к Эрзеруму, Ольтинское направление», «По пути к Эрзеруму. Тортумское направление», «Штурм и взятие Эрзерума» (в этом фильме операторы зафиксировали моменты наблюдения русскими офицерами из окопа за позицией, наступление русских на форт Чабан-Деде, контратаку турок и преследование их русскими солдатами, взятые русскими форты и Эрзерум, пленных турок, трофеи, местных жителей и русских солдат на улицах и площади города).

И. Доред, Г. Эрколь и П. Ермолов сняли фильм «Падение Трапезунда» [12], в котором зрители видели стреляющих из орудия по турецким позициям у Кара-Дере русских матросов, командира Приморского отряда генерала В.П. Ляхова и офицеров, работу полевого телефона, солдат, веревками тянущих в гору тяжелые орудия и стреляющих, трупы турецких солдат и трофеи, палаточный лагерь русских войск у подножия горы, оказание медицинской помощи раненым, вступление русских войск в город Трапезунд, встреча местными жителями командующего Кавказской армией генерала Н.Н. Юденича и генерала В.П. Ляхова, возвращение турецких беженцев.

В 1916 г. П.В. Ермолов снял «В лагере турецких военнопленных на острове Нарген (Каспийское море)» [13]. П.К. Новицкий и Н. Топорков – «Полеты над завоеванной землей в Анатолии», в котором русские летчики позируют у самолетов, летят аэропланы «Моран-Парасоль» и «Вуазен», Анатолия с аэроплана [14]. Однако в ходе исследования не удалось установить, кто снял фильм «Бой под Барановичами» (о нем нет рекламы в прессе). Он интересен тем, что его съемки сделаны в обстановке боевых действий: взрывы на местности, подготовка русских солдат к бою в окопах, их атака с ручными гранатами, стрельба из пулеметов, минометов и винтовок, преодоление проволочных заграждений, водосвятие перед боем.

Также остаются неизвестными пока и операторские работы некоторых персоналий. Например, снимал ли что-нибудь заведующий канцелярией Скобелевского комитета Я.П. Левошко, посланный в действующую армию 14 февраля 1915 г. для киносъемок. Может быть, он просто координировал съемочный процесс? Не совсем ясной остается и роль начальника военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, директора исторического музея в Тифлисе «Храма Славы» С.С. Эсадзе [15]. В некоторых заголовках фильмов с Кавказского фронта (редкий случай) он указан как оператор, но в журнале «Сине-фоно» № 13–14 за 1916 г. сказано, что съемки одного из таких фильмов сделаны не им, а под его руководством. А т.к. после вступления Турции в 1915 г. на Кавказский фронт были посланы И. Доред и П. Ермолов, а с 1916 г. – Г. Эрколь и Н. Топорков, вероятнее всего, что Эсадзе был только

организатором съемок (одному оператору сделать такие разные съемки было бы технически невозможно).

Мы не знаем также, что снимали в годы войны Безперстов, Г. Гибер, К. Труше, П. Детинов, С. Зебель, Завелев, С. Могилевский, К. Коняев, А.А. Левицкий, Д. Сахненко, кинорежиссеры А. Иванов-Гай и Гарри, В. Старевич (известно только то, что он снимал трюки и проводил съемки игрового фильма в Крыму) и некоторые другие. Все это – тема дальнейшего архивного и киноведческого исследования.

В процессе работы архивистами были введены в научный оборот более 300 фильмов и журналов (две трети киноматериалов) периода Первой мировой войны. Неизученными остаются съемки, о точной принадлежности которых еще не найдено данных [16].

Примечания

1. Более 10 лет национализированные в 1918–1919 гг. документы лежали на складах неучтенными, для них не поддерживался режим хранения, что привело к гибели части коллекции. Состоянию документов нанесли серьезный вред вырезания фрагментов, которые осуществляли вплоть до 1940-х гг. работники киностудий при монтаже новых фильмов.

2. В работе использованы материалы периодических изданий «Вестник кинематографии», «Пегас», «Кине-журнал», «Сине-фоно», «Кинема» (Синема), «Проектор», «Кинематограф», «Летопись войны», «Время», «Русские ведомости», других журналов и газет 1914–1917 гг., а также: Кинословарь. Т. 2. Великий кинемо: Каталог сохранившихся игровых фильмов России 1908–1919 / сост. В. Иванова, В. Мыльникова, С. Сковородникова, Ю. Цивьян, Р. Янгиров. М., 2002; Вишневский В.Е. Документальные фильмы дореволюционной России. 1907–1916. М., 1996; Гинзбург С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963; Лихачев Б. Материалы к истории кино в России (1914–1916) // Из истории кино. 1960. № 3. С. 37–103; Ростунов И.И. Русский фронт первой Мировой войны. М., 1976; Магидов В.М. К истории киноорганизаций в России (Скобелевский комитет) // Труды ВНИИДАД. 1978. т. VII. ч. 1; Магидов В.М. Зримая память истории. М., 1984; Материалы Ставки Верховного Главнокомандующего // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1; Инвентарь // Госфильмофонд. Архив В.Е. Вишневского. Ед. хр. 18.

3. Скобелевский комитет «Для выдачи пособий Потерявшим на войне способность к труду Воинам» при Николаевской военной академии Генерального штаба был основан в ноябре 1904 г. По поручению военного министра с 1913 г. производил документальные фильмы из жизни войсковых частей. С декабря 1917 г. переименован в Скобелевский просветительный комитет. 15 апреля 1918 г. упразднен.

4. Вестник кинематографии. 1914. № 100.

5. Возможно, Гарри – хорунжий Фельдгод-де-Грав Эс-Лорен-Гарри (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 15).

6. Вестник кинематографии. 1914. № 100. С. 13; № 101. С. 8. Но какими были эти съемки и кто их сделал, пока неизвестно.

7. В ранний период негативы не монтировались, а позитив печатался в соответствии с нумерацией сюжетов и заранее подготовленными титрами.

8. Д.В. Федорин – автор фильма «До войны я был маленький».

9. Вишневский В.Е. Указ. соч.

10. Некоторые фрагменты бельгийских съемок есть в РГАКФД. Архивистам предстоит их изучить.

11. «Сине-фоно» № 8–10 за 1915 г. сообщал, что 4-я серия журнала «Русская военная хроника», а также фильмы «Отступление австрийцев в Галиции» и «Взятие города Немирова» сняты оператором, командированным из Лондона.

12. Его фрагменты были собраны в разных коробках, нарушенный монтаж сюжетов восстановлен по журналам «Сине-фоно» № 13–14 и «Кине-журнал» № 9–10 за 1916 г.

13. В справочнике В. Вишневского фильм фигурирует по тексту внутреннего титра – «В лагере турецких военнопленных на острове Нарген».

14. Две части этого фильма восстановлены в архиве.

15. С.С. Эсадзе руководил съемками в воинских частях еще до Первой мировой войны и был практически первым грузинским сценаристом и режиссером.

16. Баталин В.Н. Кинохроника в России 1896–1916 гг. Опись киносъемок, хранящихся в РГАКФД. М., 2002.

С.П. Шендрикова

Гражданская война в воспоминаниях Фаины Раневской

Крупнейшая драма первой четверти XX в. – Гражданская война в России – остается актуальной с научно-исторической точки зрения в качестве «учебного пособия» для современников. Сегодня нет однозначных ответов на сложнейшие вопросы о том, что же это за исторический феномен – Гражданская война в России. Когда она началась и когда закончилась? Гражданскую войну в разное время изучали с двух противоположных сторон – со стороны победителей и со стороны побежденных. Хотя признанное мнение говорит о том, что у Гражданской войны, в какой стране бы она ни проходила, нет побежденных и нет победителей [1].

Целью данной научной статьи является освещение одного из ярчайших периодов творческой жизни великой русской актрисы Фаины Раневской, оказавшейся волей судеб в горниле этой страшной войны на Крымском полуострове.

В период революционных перемен и Гражданской войны интеллигенция особенно остро испытывала все тяготы лихолетья – голод, холод, отсутствие элементарных условий для работы: «…в Мариинском театре… дневного спектакля не было ввиду отсутствия топлива. <…> Вечером шла опера “Князь Игорь”. Перед третьим актом… оркестр исполнил Марсельезу…» [2]. Трагические события военного времени отразились на театральном искусстве самым печальным образом: «…падение сборов началось еще с пятнадцатых чисел октября, под влиянием слухов о выступлении большевиков. С понедельника 23 падение сборов приняло угрожающий характер, а со среды 25 – катастрофический. В этот день иные театры играли, иные – нет…» [3].

В газетных театральных афишах того времени стало традиционным давать информацию следующего характера: «…вход в театр допускается в верхнем платье» [4], и наоборот: «…театр отапливается» [5], хотя последнее встречалось невероятно редко и уже ближе к исходу Гражданской войны.

В тяжелейших условиях военного времени интеллигенция России не только продолжала вести творческую работу: ставить спектакли, организовывать выставки, писать научные труды, но занималась активнейшим образом общественной деятельностью, стараясь найти общий язык с любой политической властью во благо спасения России, не теряя при этом своего лица и не позволяя манипулировать своими убеждениями. Так, в своем воззвании ко всем неравнодушным к интересам искусства обращался Александр Кудряшов: «…прекрасные слова Платона о том, что мир не будет совершенным до тех пор, пока цари не станут философствовать или философы не станут царствовать, остаются девизом многих. Всегда разделяя эту точку зрения, я хотел бы предложить всем, для кого дороги интересы искусства, будет ли то поэзия или живопись и музыка, соединить свои силы в Союз Любителей Искусства» [6].

Гражданская война прошла и через Крымский полуостров: Советская Социалистическая Республика Тавриды (январь – апрель 1918 г.); период немецкой оккупации (май – ноябрь 1918 г.); военная интервенция Антанты в Крыму (ноябрь 1918 – апрель 1919 гг.); Крымская Советская Социалистическая Республика (апрель – июнь 1919 г.); период Деникина (июнь 1919 – март 1920 гг.); Врангель и его разгром в битве за Перекоп (апрель – ноябрь 1920г.) [7]. Свидетельством выдающегося героизма тех лет является местная крымская пресса, в которой то и дело печатались афиши о бесплатных благотворительных спектаклях, концертах, праздниках в фонд раненых, голодающих, детей-сирот и прочие фонды. Так, на страницах газеты «Таврический голос» за 9 января 1920 г. говорится о том, что в Театре актера в Симферополе во время спектакля «Темное пятно», прошедшего с большим успехом, бенефициант А.П. Волжин обратился к публике с просьбой сделать пожертвования на борьбу с эпидемией тифа, в результате чего артистами театра был произведен сбор пожертвований среди публики, который дал 6734 рублей 45 копеек. Сумма была передана секретарю бригады государственной стражи И.К. Кравченко для представления губернатору [8].

Годы братоубийственной Гражданской войны принесли в Россию и, в частности, в Крым смерть и разруху. Но вместе с тем в этот период на полуострове наблюдался большой духовный, культурный и интеллектуальный подъем. Одной из причин тому было сосредоточение в Таврической губернии всей мощи российской научной и творческой интеллигенции. Справедливости ради надо отметить и тот факт, что именно в 1918 г. на полуострове был открыт первый в Крыму университет. И в этом же году силами труппы Драматического театра (бывшего Дворянского) одно из представлений, а именно спектакль «Власть тьмы»

по пьесе Л. Толстого, было дано «…в пользу Симферопольского Народного университета» [9]. Владимир Вернадский, Максимилиан Волошин, Анна Ахматова, Константин Тренев, Николай Самокиш – вот имена, вошедшие в золотую копилку нашей истории, судьбы которых тесно связаны с Крымом в период революций и Гражданской войны.

Страшными страницами остался наш полуостров 1918–1921 гг. и в судьбе великой русской актрисы Фаины Георгиевны Раневской. В Крыму будущая известная актриса бывала задолго до начала Гражданской войны, в детском возрасте со своей семьей. И, конечно, это были летние месяцы отдыха, когда к жемчужному побережью устремлялись все более или менее обеспеченные семьи. Исключение не составила и семья Гирши Фельдмана из Таганрога (отца Фаины Георгиевны). Так, летом 1910 г., отдыхая в Евпатории, 15-летняя Фанни просто влюбилась в молодую актрису Художественного театра Москвы Алису Коонен, отдыхавшую тогда в доме своих родственников Андреевых [10].

Еще в глубоком детстве Фаина Георгиевна проявляла способности к сценическому искусству, то и дело кого-то пародируя, подражая кому-то, при этом даже не догадываясь, что именно актерское ремесло станет ее судьбой до конца дней.

После неудачных проб, попыток поступить в Москве на актерские курсы, она волей случая оказалась в Малаховском дачном театре в Подмосковье на летний сезон, где выходила на сцену в массовках. Но это счастливое время закончилось так же быстро, как само лето, и Фаина Георгиевна после долгих мытарств подписала договор на 35 руб. в месяц «со своим гардеробом» на роли «героини-кокет» с пением и танцами в антрепризу Ладовского в Керчь. Здесь Ф. Раневская успела отыграть всего один сезон, т.к. сборов практически не было: театр в то время был всегда пуст. На закрытии театра шла пьеса «Под солнцем юга». Фаина Георгиевна в этой постановке играла гимназиста. Спектакль приехал посмотреть с целью отбора понравившихся актеров в свою труппу антрепренер из Феодосии Новожилов, в результате чего, «распродав весь свой гардероб», Ф. Раневская перебралась из Керчи в Феодосию. Но и здесь ее ждала неудача. В конце театрального сезона Новожилов сбежал из Феодосии, не заплатив актерам ни копейки. В связи со сложившимися обстоятельствами Фаина Георгиевна вынуждена была покинуть солнечный, но на сей раз негостеприимный полуостров и перебраться в Кисловодск [11]. Так закончилась первая, но не последняя актерская страничка в Крыму для Ф. Раневской.

Октябрьская революция и великие перемены застали Раневскую в Ростове. На тот момент она успела познакомиться и подружиться с женщиной, которая стала для нее одной из ближайших немногочисленных подруг, а если точнее – самым близким человеком, – актрисой Павлой Вульф. Многие, часто ссылаясь на эту человеческую близость, приписывали Раневской лесбийскую слабость к актрисе, а Ф. Раневской нужно было быть рядом с Павлой Леонтьевной, чтобы впитывать

ее культуру, лексику, ее профессионализм, стиль. Павла Вульф учила ее быть актрисой, чувствовала ее талант, влюбленность в сцену и преданность театру [12].

«Красный Крым» – самое страшное воспоминание Ф. Раневской. Именно в этой связи она не оставила нам книгу своей жизни, безжалостно в одночасье порвав ее на мелкие кусочки: «Забыть такое нельзя, сказать об этом в книге моей жизни тоже нельзя – вот почему я не хочу писать книгу “О времени и о себе”» [13]. И тем не менее очень много судьбоносных моментов связывают Фаину Георгиевну с Крымом. Полагаем, немногим известен тот факт, что именно в Крыму она взяла сценический псевдоним Раневская. В 1920 г. Фаина Георгиевна играла на сцене Первого советского театра (ныне Крымский академический русский драматический театр им. М. Горького). Режиссеру П.А. Рудину в знак благодарности за сотрудничество и творческий тандем начинающая актриса подарила книгу, подписав впервые как: «Фаина Раневская». Рассуждая над тем, почему же актриса взяла своим сценическим псевдонимом фамилию чеховской героини из «Вишневого сада», в котором она так часто играла на крымских подмостках и в Симферополе, и в Евпатории, и в Керчи, понимаешь, что это неслучайно: и Фаину Георгиевну, и Любовь Андреевну объединяли такие черты, как восторженность, эмоциональность, мечтательность, беззащитность [14].

Мы уже упоминали ранее, что Фаина Георгиевна в свой крымский период была начинающей, безызвестной на тот момент актрисой, о чем свидетельствует отсутствие в афишах крымской периодической печати того времени хоть каких-то упоминаний о ней как о действующей актрисе, состоявшей в штате труппы театра. Однако в газете «Ялтинский вечер» за 15 сентября 1920 г. в афише об открытии зимнего сезона говорится о первых гастролях труппы актрисы П. Вульф, вместе с которой выступала и Ф. Раневская. В этой связи мы можем небезосновательно предполагать участие в этих гастролях Фаины Георгиевны [15]. Первые сценические шаги Раневской не всегда были удачными. Так, после одной из самых крупных неудач на крымских подмостках она поклялась себе, что больше не выйдет на сцену: «Первый сезон в Крыму, я играю в пьесе Сумбатова Прелестницу, соблазняющую юного красавца. Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: “Шаги мои легче пуха, я умею скользить, как змея…” После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнера. В публике смех, партнер, стеная, угрожает оторвать мне голову. Придя домой, я дала себе слово уйти со сцены» [16].

И первый свой выговор за инцидент во время спектакля Фаина Раневская получила именно в Крыму: «Почему-то вспоминается теперь, по происшествии более шестидесяти лет, спектакль-утренник для детей. Название пьесы забыла. Помню только, что героем пьесы был сам Колумб, которого изображал председатель месткома актер Васяткин. Я же изображала девицу, которую похищали пираты. В то время как они тащили

меня на руках, я зацепилась за гвоздь на декорации, изображавшей морские волны. На этом гвозде повис мой парик с длинными косами. Косы поплыли по волнам. Я начала неистово хохотать, а мои похитители, увидев повисший на гвозде парик, уронили меня на пол. Несмотря на боль от ушиба, я продолжала хохотать. А потом услышала гневный голос Колумба – председателя месткома: “Штраф захотели, мерзавцы?” Похитители, испугавшись штрафа, свирепо уволокли меня за кулисы, где я горько плакала, испытав чувство стыда перед зрителями. Помню, что на доске приказов и объявлений висел выговор мне, с предупреждением» [17].

Возвращаясь к Гражданской войне в судьбе Ф. Раневской, снова листаем ее воспоминания: «18, 19, 20, 21 год – Крым – голод, тиф, холера, власти меняются, террор: играли в Симферополе, Евпатории, Севастополе, зимой театр не отапливался, по дороге в театр на улице опухшие, умирающие, умершие, посреди улицы лошадь убитая, зловоние…» [18]. Или вот еще читаем строки: «Шла в театр, стараясь не наступить на умерших от голода. Жили в монастырской келье, сам монастырь опустел, вымер – от тифа, от голода, от холеры. Сейчас нет в живых никого, с кем тогда в Крыму мучились голодом, холодом, при коптилке» [19].

И все же надо сказать, что Ф. Раневская вспоминает Крым двадцатых годов как один из счастливейших периодов своей жизни, «страшное и неповторимо красивое время». Ф. Раневская подчеркивала положительные эмоции военной публики, радушный прием после каждого спектакля. Сохранился в ее памяти и случай, когда после очередного легкого водевиля к артистам за кулисы пришел «грозный усатый комиссар» и попросил сыграть «что-нибудь из классики». Через несколько дней симферопольская труппа поставила «Чайку» А. Чехова. «Нетрудно представить, – вспоминала Ф. Раневская, – что это был за спектакль по качеству исполнения, но я такого тихого зала до того не знала, а после окончания зал кричал “ура”. В те минуты мне казалось, что я прикоснулась к истории самим своим сердцем». После спектакля за кулисами артистов снова благодарил комиссар: «Товарищи артисты, наш комдив в знак благодарности вам и с призывом продолжать ваше святое дело приказал выдать красноармейский паек». Впоследствии великая актриса этот незабываемый случай назовет «окончательным посвящением в советский театр», а работу на сцене – святым делом на всю свою творческую жизнь [20].

Крым помимо жесточайших условий жизни подарил Ф. Раневской встречи и знакомства с необыкновенными людьми, известными уже на тот момент, людьми талантливыми, но главное – участливыми, высоконравственными, интеллигентными. На страницах своего дневника актриса с теплотой и нежностью вспоминает Максимилиана Волошина, который не дал ей и Павле Вульф умереть в Крыму с голоду в период военного коммунизма: «Все эти дни вспоминала Макса Волошина с его чудесной детской и какой-то извиняющейся улыбкой. <…> С утра он появлялся с рюкзаком за спиной. В рюкзаке находились завернутые

в газету маленькие рыбешки, называемые камсой, был там и хлеб, если это месиво можно было назвать хлебом. Была и бутылочка с касторовым маслом, с трудом раздобытая им в аптеке. Рыбешек жарили в касторке. Это издавало такой страшный запах, что я, теряя сознание от голода, все же бежала от этих касторовых рыбок в соседний двор. Помню, как он огорчался этим. И искал новые возможности меня покормить» [21].

Именно в опаленном войной Крыму Ф. Раневская познакомилась с композитором А.А. Спендиаровым. Было это в Феодосии, куда композитор приехал в надежде дать концерты и заработать хоть какие-то деньги. Фаина Георгиевна помогла Спендиарову организовать один концерт, на котором в зрительном зале сидело всего три человека: Ф. Раневская, ее ученица и П. Вульф. Ф. Раневская вспоминает, что после концерта маэстро сказал: «Я счастлив! Какая была первая скрипка, как он играл хорошо!» Фаина Георгиевна «по молодости лет своих» очень удивилась такой оценке, ведь в результате концерт не принес ожидаемых сборов. И чтобы хоть как-то помочь Спендиарову в данной ситуации, актриса обратилась к комиссару, который распорядился выдать ему по пуду муки и крупы [22].

С теплотой и нежностью вспоминает Ф. Раневская знакомство и дружбу с К.А. Треневым, который однажды принес свою первую пьесу П.Л. Вульф, на тот момент игравшей в местном театре города Симферополя. Фаина Георгиевна обратила внимание, что драматург очень неловко себя чувствовал, часто извинялся и называл свою пьесу «грешницей». «В моей долгой жизни не помню, чтобы я относилась к кому-либо из драматургов-современников так нежно и благодарно, как к Треневу», – говорит в своем дневнике Ф. Раневская [23].

Все эти страшные годы голода и нужды в Крыму Ф. Раневская жила в семье Павлы Вульф, которая, будучи на тот момент уже состоявшейся актрисой, делила с начинающей коллегой, подругой и просто близким человеком «свой кров, свой стол», несмотря на то что у самой Павлы Леонтьевны на руках была малолетняя дочь Ирина. Крымский период для Ф. Раневской и П. Вульф закончился в 1923 г. Они отправились в Казань на зимний сезон 1923–1924 гг. Голод к тому времени кончился, начался нэп, но по-прежнему была нужда в деньгах. И актрисы, как «странствующие пилигримы», отправились в дорогу в поисках «лучшей доли» [24].

Подводя итоги, в заключении хотелось бы отметить, что несмотря на страшные годы мытарств и страданий Крым Фаина Раневская вспоминает как один из ярчайших и знаковых периодов своей жизни. Именно на Крымском полуострове она познала горечь неудач и счастье успеха как начинающая актриса. Здесь, в Крыму, она встречалась, знакомилась и дружила потом долго с такими знаковыми в отечественном искусстве людьми, как Анна Ахматова, Максимилиан Волошин, Константин Тренев и многие другие. Однако и в историю театральной жизни Крыма Фаина Раневская внесла неоценимый вклад.

Примечания

1. Шендрикова С.П. Крымские истории Фаины Раневской (90-летию окончания Гражданской войны посвящается) // Історичні записки: сборник. Луганск, 2010. Вып. 28. С. 129.
2. События и театры // Театр и искусство. 1917. № 49. С. 814.
3. События и театры // Театр и искусство. 1917. № 44–46. С. 763.
4. Театр // Южные ведомости. 1917. № 38. С. 1.
5. Культура // Крымская мысль. 1920. № 26. С. 1.
6. Кудряшов А. А. Театр и искусство // Волна. 1918. № 11. С. 4.
7. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 2: Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.). Симферополь, 1957. С. 23.
8. Театр и музыка // Таврический голос. 1920. № 13. С. 4.
9. Культура // Южные ведомости. 1918. № 2 (14). С. 1.
10. Щеглов А.В. Фаина Раневская: вся жизнь. М., 2008. С. 15.
11. Там же. С. 27.
12. Там же. С. 31.
13. Там же. С. 37.
14. Казеева И.И. Антон Чехов и Фаина Раневская: перекрестие судеб // Наш Чехов: сборник. Вып. 1. Ялта, 2004. С. 74.
15. О театре // Ялтинский вечер. 1920. № 334. С. 1.
16. Щеглов Д.А. Фаина Раневская: «Судьба-шлюха». М., 2010. С. 33.
17. Там же. С. 36–37.
18. Там же. С. 43.
19. Там же. С. 36.
20. Шендрикова С.П. Мастера сцены в истории театрального искусства Крыма XIX–XX веков. Симферополь, 2011. С. 255.
21. Щеглов Д.А. Указ. соч. С. 49.
22. Там же. С. 40–41.
23. Там же. С. 48–49.
24. Там же. С. 44.

Н.К. Петрова

Великая Отечественная война: мифы и реальность

Стремление каждого поколения взглянуть на историю Отечества с высоты новых знаний – естественное желание, поскольку переосмысление прошлого приводит к более глубокому его постижению и приближению к истине. Вольное толкование прошлого не только не проясняет исторической истины, но и искажает ее.

Особенно сильно пострадала от этого произвола история Великой Отечественной войны. Предвзятая редакция героической летописи нанесла и наносит ущерб не только науке. Беспринципность разрушает сознание общества, деформирует воспитательный процесс, вносит искажения в нашу историческую память. Еще задолго до этого один из российских поэтов прошлого века, участник Отечественной войны

Юрий Воронов, высказывая опасение, что общество забудет то, что было в 1941–1945 гг., писал:

Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть.
Она, как сила, нам нужна [1].

Начало XXI в. свидетельствует о повышенном интересе научной общественности к проблемам Великой Отечественной войны со стороны историков и политологов. Да, мы должны помнить войну, объективно и всесторонне освещать все события, связанные с ней. К сожалению, мифы, которые сопровождали войну, все еще существуют. Большую путаницу вносила и вносит погоня за сенсацией.

Многие забывают, что в годы войны, когда Советский Союз вел титаническую борьбу с огромной военной машиной гитлеровской Германии и ее союзников, руководители Англии и США охотно признавали его главную роль. Им это во многих отношениях было выгодно. Похвалами в адрес СССР эти руководители прикрывали от общественного мнения невыполнение ими своего союзнического долга и стремились поощрить Советский Союз к максимальному напряжению сил. Достаточно посмотреть тома «Переписки Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Однако после окончания Второй мировой войны эти оценки были отброшены. Появились суждения другого рода. Инициатива в их изменении принадлежала руководителям Англии и США. Неудивительно, что тон о решающей роли США в завоевании Победы над блоком агрессоров нашел отражение в работах, изданных и издающихся в тех странах, которые были нашими союзниками в грозные годы войны.

В кампании ревизии итогов Второй мировой войны и Великой Отечественной войны выступают и некоторые российские историки и журналисты. Их выступления – составная часть более широкой кампании по дискредитации, очернению отечественной истории советского периода.

Все это вызывает необходимость объективной оценки причин, хода и итогов Второй мировой войны, Великой Отечественной войны в первую очередь. В своих мемуарах У. Черчилль писал, что «сила советского правительства, стойкость русского народа, неистощимые людские резервы, огромные размеры страны, суровая русская зима были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии» [2]. И ставит точку, и ни слова о том, что Советский Союз смог осуществить великую освободительную миссию в Европе и Азии как социалистическое государство, располагавшее могучими факторами завоевания победы: политическими, экономическими и духовными. СССР сыграл большую роль в создании антигитлеровской коалиции народов и правительств. Без этого победа над блоком фашистских государств была бы невозможной.

Но, говоря о Победе, мы не должны забывать о помощи союзников по ленд-лизу и об открытии второго фронта летом 1944 г. Поставки начали осуществляться с ноября 1941 г., имели в это время большое психологическое значение: мы не одни воюем с агрессором, нас поддерживают союзники. Но из-за больших потерь северных конвоев летом и осенью 1942 г., в наиболее тяжелое время для СССР, были приостановлены поставки морским путем. Также их не было с апреля по ноябрь 1943 г. В годы войны по ленд-лизу поставки получали 42 страны. Поставки Британской империи составили свыше 3/5 всей помощи: это свыше 30 млн долл., СССР – 9,8 млн долл. и т.д. [3]. Нельзя ни преуменьшать, ни преувеличивать помощь союзников. Будем объективны.

Отечественную войну смог выиграть только советский народ, народ-патриот, доказавший всему миру свою волю и способность к борьбе с врагом. Подвиг народов нашей Родины в годы Великой Отечественной войны – это своеобразный исторический памятник силе человеческого духа. Ни одна страна, ни один народ антигитлеровской коалиции не продемонстрировал такого мощного морально-политического единства, как советский народ. Именно чувство единства стало источником массового героизма советских людей в борьбе с врагом, явилось важнейшим вкладом советского народа в общее дело победы.

Сейчас от начала войны нас отделяет 75 лет. Но история по-прежнему предъявляет к нам требование как можно объективнее относиться к ней, не допуская разрыва прошлого и настоящего.

Особенностью конца XX в. явился утвердившийся в постсоветские годы плюрализм. Но плюрализм бывает двоякий: один служит инструментом познания истины, а другой – средством подмены ее намеренными измышлениями и фальсификациями. В Российской Федерации победа в Великой Отечественной войне стала одной из главных опорных точек национального самосознания общества. Тем не менее предпринимаются попытки пересмотреть итоги и оценки событий войны, в том числе и вопрос о духовном сплочении советского народа, с целью дезавуировать их.

Каждое поколение стремится по-своему познать прошлое. Задача исторической науки – помочь смотреть правильно на события, анализировать их. Историческая наука знает немало фактов низвержения одних и возвеличивания других, которые были ранее забыты. К сожалению, проблема патриотизма советского народа, проблема духовного сплочения, основанная на дружбе и сотрудничестве народов СССР в ходе войны, которая была войной не только России, а всего Советского Союза, в последние десятилетия оставалась практически вне поля зрения исследователей. О ней российские руководители не вспомнили даже в день пятидесятилетия Победы в 1995 г. О ней напомнил в апреле 2016 г. президент В.В. Путин, сказав, что «когда наши народы были вместе, мы добивались громких побед…».

Однако необходимо подчеркнуть, что отход, уход – назовите как хотите это действо – историков от проблемы изучения духовного сплочения

народов СССР в годы Великой Отечественной войны не способствует всестороннему изучению причин нашей Победы. В прошлые, доперестроечные времена мы говорили обо всем: о духовном сплочении и о дружбе народов – только положительно. Но ведь каждое явление несет в себе положительные и отрицательные черты. Одни и те же мысли, факты, даже фразы – о незыблемости дружбы народов, роли партии, мощи экономики и т.д. – переходили из одной публикации в другую, утрачивая доказательность и вызывая привыкание к фактам и формулировкам. При этом настойчиво уходили от анализа негативных явлений. В 1990-е гг. получил распространение противоположный подход. Шел односторонний подбор фактов: это военные неудачи, подсчет людских потерь с элементом коррекции в сторону увеличения, дегероизация тех, кого мы недавно прославляли, замалчивание вопроса об источниках Победы. Получалось как в кривом зеркале: то, что в 1950–1980-е гг. считалось позитивным, было обращено в негатив. Практически обрекли на молчание роль морального, духовного сплочения народа в победе над врагом.

Нельзя допускать упрощенного толкования отношения Сталина к роли морального фактора в войне. Сталин был достаточно компетентен, чтобы понять простую истину: отечественные войны никогда не выигрывались путем массового принуждения к войне и солдат, и гражданского населения. Сталин сознавал, что Отечественную войну может выиграть только народ-патриот, готовый идти на любые жертвы ради спасения Родины. Недаром 3 июля 1941 г. свое первое после начала войны выступление Сталин начал словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» [4]. Начиная войну против СССР, Гитлер был уверен в быстром и полном разгроме Советского Союза. В годы войны перед лицом вероломного врага, стремившегося к мировому господству, когда встал вопрос о самом существовании государства, о жизни и смерти миллионов советских людей, народ действительно сплотился на основе патриотизма, любви к своей Родине. На эти чувства смогло опереться государственное и партийное руководство, что позволило мобилизовать все силы страны на отпор врагу.

В примитивную, антиисторическую схему современных критиков истории Великой Отечественной войны не укладывается история самой Великой Отечественной войны. Действительно, если все было так плохо в Советском Союзе, то почему советский народ героически сражался с захватчиками за свою Родину? Многие российские историки гипертрофируют сегодня фактор насилия в истории СССР периода Великой Отечественной войны. Да, в стране действовал мощный и эффективный репрессивный аппарат. Он функционировал и на фронте, и в тылу. Но ведь нельзя было поставить за спину каждого рабочего и солдата работника НКВД, чтобы принудить их эффективно выполнять свой долг. Война – это война, было все: предательство и героизм, трусость и самопожертвование ради общего дела, растерянность и желание бить врага

до последнего дыхания. Сколько людей, столько и характеров. И первые дни, первые месяцы войны 1941 г., несмотря на большие людские потери, показали, что воевать против советского народа фашистской Германии будет трудно, потому что этот народ знал, за что он борется и что он защищает. Уже с первых дней войны она воспринималась народами России, как «Священная Отечественная война» [5].

Как бы мы ее ни называли, эта война создала кризисную ситуацию, потребовала кардинальных решений, поставила вопрос – быть или не быть целым народам. Война – это испытание на прочность человеческих чувств и убеждений, это жесточайшая проверка основ государства, которое подверглось нападению. Показательно, что уже 22 июня 1941 г., узнав о нападении фашистской Германии на Советский Союз, с патриотическими призывами выступили православная церковь и духовенство других конфессий. Был открыт специальный церковный сбор в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной армии. Собранные церковью средства шли на содержание раненых, в помощь детям-сиротам, потерявшим на войне родителей и т.п.

Что защищал советский народ? 1990-е гг. характеризуются критическим переосмыслением нашего прошлого, в том числе и проблемы патриотизма советского народа, его духовной сплоченности в годы войны. Ставится вопрос, а было ли это, ведь ГУЛАГ «поглотил» лучших творческих людей. Что было первично для народа в 1941 г.: желание быть полезным Родине, защищать ее или страх оказаться узником сталинских лагерей? Сколько людей – столько и мнений. Были и те, и другие подходы к вопросу: как быть, что делать? Но архивные документы, воспоминания (изданные и рукописные), беседы с участниками боев свидетельствуют, что преобладающее большинство советских людей осознанно, подчеркиваем, осознанно стало на защиту своей социалистической Родины, с учетом своего возраста и сил делало все возможное и невозможное в этот кризисный период для своей Отчизны. Духовное сплочение советских людей явилось важнейшим фактором победы.

Общеизвестной истиной является то, что патриотизм не мыслим без высокого духовного настроя общества. Кто этот духовный настрой создавал? Думается, не будет преувеличением сказать, что в этом была колоссальная заслуга и интеллигенции, рассредоточенной во всех сферах и областях жизнедеятельности сражающегося государства, каким был в это время Советский Союз.

Отечественная война подчинила интересам защиты страны всю внутреннюю жизнь народа. Было очевидно, что побеждает тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше поддержки в народной толще. Огромную работу все годы войны вела в первую очередь Коммунистическая партия, которая бросила клич, ставший общенародным: «Все на защиту Отечества! Наше дело правое, враг будет разбит! Победа будет за нами!» Воспитывая у миллионов советских людей такие качества, как стойкость, самопожертвование и героизм, партия использовала

при этом лучшие национальные традиции народов СССР и на протяжении всех лет войны исходила из необходимости полной мобилизации духовных и материальных сил народа на достижение победы над агрессором. Эти задачи ЦК ВКП(б) решал через все звенья партии, советов, комсомола, профсоюзов, других общественных организаций.

С учетом роли партии в жизни страны в рассматриваемый период мы не должны обходить молчанием ее решающий вклад в формирование духовного единения советского народа в годы войны. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, призывая молодежь бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной, говорил, что без партии, социалистического общественного и государственного строя «мы не могли бы победить врага» [6]. Прислушаемся к этой оценке прошлого.

Уже 22 июня 1941 г., узнав о том, что началась война, добровольцы разных национальностей пришли в военкоматы с просьбой немедленно послать их на фронт. Напомним, что 700 тыс. жителей Грузии принимали участие в боях с фашизмом, около 350 тыс. из них погибло, 135 человек были удостоены звания Героя Советского Союза. В победу над фашизмом внес вклад Узбекистан, направив на фронты сражений около 1,5 млн своих сыновей. Каждый третий из них пал смертью храбрых. Звания Героя Советского Союза удостоены 140 воинов. Не будем забывать, что треть своих сыновей и дочерей потеряла Республика Белоруссия в годы войны. Таковы некоторые факты.

В то же время с 1990-х гг. все еще бытует утверждение, что наше общество после начала войны испытало психологический шок, было на время парализовано и не способно к должному отпору. С этим трудно согласиться. Если иметь в виду Красную армию, то все наличные силы были использованы для отражения нападения. С самого первого дня вторжения гитлеровских войск советские воины сражались героически, до последнего патрона. На границе уже в первые часы боев родился тот героизм, который позволил Красной армии выдержать тяжелые удары и превратности войны и закончить свой поход в поверженном Берлине.

Долгое время оставался неизвестным подвиг, совершенный в первые часы и дни начала войны в Бресте. Только в 1960-х гг. страна заговорила в полный голос о том, что почти месяц, до 20 июля, на территории крепости не утихало сопротивление воинов. Одним из первых, кто вернул славу защитникам крепости, был писатель А.А. Смирнов. Но не нашлось второго писателя Смирнова, чтобы отдать должное тем, кто сражался южнее Бреста, кто оборонял Перемышль, отражая танковые атаки врага.

22 июня 1941 г. сводный пограничный батальон в составе 230 человек противостоял 101-й дивизии врага и молниеносным контрударом при поддержке артиллерии выбил захватчиков из Перемышля. Это был первый контрудар Великой Отечественной войны. В день начала войны советские силы представляли собой группу из пограничников городской заставы Поторыкина, резервной заставы взвода комендатуры

и командного пункта. Бой начался в четыре часа утра 22 июня. И только в ночь на 28 июня пришел приказ об отходе. Пять дней пограничники стояли против танков! Советские пограничники отступили согласно приказу, как боевая единица, унося с собой раненых и оружие. Думаю, что мало кто знает о том, что 174-й артиллерийско-минометный полк 5-й кавалерийской дивизии 2-го кавалерийского корпуса держал оборону 25 дней в Бессарабии. Но под натиском противника пришлось отступать. Шел июль 1941 г. Эти факты реальны [7], это не мифы. Но почему-то им мало верят и тем более мало о них и других героических боях лета 1941 г. вспоминают.

История сама дала ответ на вопрос о том, готово ли было правительство, партия к отпору врагу. Если «да», то как это проявилось? Прежде чем ответить на эти вопросы, заметим, что начало любой войны, как бы предполагаемо оно не было, всегда неожиданность для тех, кто подвергся нападению. Реакция правительства и всех слоев общества была немедленной. Из прифронтовой полосы и угрожаемых районов было эвакуировано и обустроено на новом месте более 18 млн человек [8]. Это потом, через полвека, этот духовный порыв попытались поставить под сомнения, пришли к рассуждениям о старшем и младшем брате. Стало модным критиковать издержки хода эвакуации, раздаются суждения о целесообразности проведения эвакуации населения.

В дни юбилеев, посвященных Великой Отечественной войне, часто звучат слова: «Никто не забыт, ничто не забыто». Эта фраза, принадлежащая Ольге Федоровне Берггольц, высечена на мемориале Пискаревского кладбища в Ленинграде. Она вполне справедлива: в тех семьях, кого опалила Великая Отечественная война, никто не забыт. Вот вторая половина фразы: «ничто (подчеркиваем, ничто. – *Н.П.*) не забыто» – вызывает сомнение.

«Для славы мертвых нет», – писала Анна Ахматова. Надо, чтобы как можно больше людей знало и помнило, что в Брестской крепости стояли насмерть воины 30 национальностей. Вспомним, 22 июня в бою на юго-западной границе русский летчик П.С. Чиркин направил свой горящий истребитель на танковую колонну врага. А 24 июня такой же подвиг совершили экипажи скоростных бомбардировщиков, которые вели армянин старший политрук С.М. Айрапетов и украинец старший лейтенант Г.А. Храпай, 25 июня – экипаж русского капитана А.Н. Авдеева. 26 июня пошел на огненный таран славный сын белорусского народа Н.Ф. Гастелло. Подобные подвиги совершили также экипажи 503 самолетов, где были представители разных национальностей.

Подвиги русских воинов Александра Панкратова, сержанта Вячеслава Васильковского и рядового Александра Матросова, закрывших своим телом амбразуры вражеских дзотов, повторили бойцы других национальностей: всего свыше 470 воинов.

Содружество народов нашло свое выражение и в партизанском движении. В партизанских формированиях Белоруссии были представители

более 70 национальностей, среди партизан Украины – свыше 60, на Северном Кавказе – 30. Забыв об этом или не зная реальности, белорусская писательница (ныне – нобелевский лауреат) С. Алексеевич на страницах газеты «Известия» в середине 1990-х гг. написала о партизанском движении, что «это – страшная вещь», что «партизанский отряд – это в принципе хорошая банда». Фактически эти фразы являются очернением героической борьбы партизан России, Украины и Белоруссии.

Массовый героизм в годы Великой Отечественной войны (на фронте и в тылу) был отмечен государственными наградами. Было награждено свыше 7 млн защитников Родины – представителей более 100 наций и народностей СССР. Из них 11 тыс. (часть посмертно) удостоились звания Героя Советского Союза.

К сожалению, в настоящее время мы мало говорим и вспоминаем беззаветный, самоотверженный подвиг народов СССР в годы Отечественной войны, когда было героическое и трагическое, когда были победы и ошибки. Но где и в какие времена их не бывает? А забывая о войне, о цене Победы, не мы ли подаем горький пример забвению подвиг воинов-освободителей не только нашей страны, но и СНГ, народов Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии? Бесспорно, был прав К. Симонов, когда писал, что «зря у нас вышло из моды об этой цене вспоминать». Является святотатством уничтожение в Грузии, Узбекистане, на Украине и в бывших социалистических странах Европы памятников и надгробий над могилами тех, кто принес им свободу, независимость, сегодняшнее благополучие.

Еще 30–40 лет назад казалось, что время бессильно ослабить память человечества о стойкости и мужестве советских людей, о славе тех, кто на смерть стоял у истоков ратного и трудового подвига в 1941–1945 гг. К сожалению, в настоящее время молодое поколение России все меньше знает о том, что в годы войны не было ни одного дня, который можно было бы вычеркнуть из памяти, что каждый день был подвигом миллионов.

Сегодня жизнь ставит перед нами проблему соотношения прошлого и настоящего, проблему сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Примечания

1. Венок славы. М., 1983. Т. 3. С. 439.
2. Черчилль У. Вторая мировая война: в 3 кн. М., 1991. URL: http://militera.lib.ru/memo/english/churchill/3_21.html (дата обращения: 29.04.2016).
3. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 400.
4. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 9.
5. Всероссийская Книга памяти. 1941–1945 гг. Обзорный том. М., 1995. С. 13.
6. Жуков Г.Н. Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1990. Т. 3. С. 364.
7. Самый памятный день. Письма-исповеди. М., 2010. С. 41–48.
8. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. С. 479, 205, 283.

Л.В. Левендорская

Отражение событий Великой Отечественной войны в документах фондов личного происхождения Центра документации новейшей истории Ростовской области

Чем дальше уходят в историю события Великой Отечественной войны и чем меньше остается среди нас ее непосредственных участников и очевидцев, тем больше появляется фальсификаторов и интерпретаторов тех исторических событий. Сегодня все больше россиян приходит к осознанию того, что память о прошедшей войне является важнейшим нашим достоянием. Она, как духовный стержень, формирует общенародное историческое сознание, личные убеждения и ценностные ориентиры современных российских граждан. Каждая крупица новых знаний о Великой Отечественной войне бесценна.

У современных исследователей есть уникальная возможность – без идеологического «глянца», посредством изучения воспоминаний очевидцев происходивших событий извлечь правду войны, сопоставив субъективные воспоминания с официальными документами.

В современной России не ослабевает, а растет интерес не только к крупномасштабной эпопее войны, но и к отдельным ее страницам, датам, событиям, судьбам людей, и это объясняется огромным желанием народа уйти от состояния полуправды. Без участников военных событий картина Великой Отечественной войны не будет полной, т.к. сухие строки хроники и официальных документов не способны передать нам мысли, чувства, тревоги и переживания людей, прошедших суровые испытания. Долг архивистов – помочь сохранить «уходящую натуру», собрать и сберечь бесценные свидетельства участников и очевидцев событий войны.

Комплектование архивного фонда документами личного происхождения остается одним из приоритетных направлений деятельности ГКУ РО «Центр документации новейшей истории Ростовской области» (далее – ЦДНИРО, Центр документации) [1]. По состоянию на 1 января 2016 г. в Центре документации 3706 фондов, 1 142 784 единицы хранения. Общие хронологические рамки документов, отражающих социально-политическую историю Юга России, охватывают период с конца XIX в. по 2012 г.

Документы личного происхождения, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны, составляют один из регулярно пополняемых разделов ЦДНИРО. Сформированы архивные фонды личного происхождения известных донских ученых (Ивана Григорьевича Калиненко, Александра Ивановича Козлова, Федора Ивановича Тюрьморезова), краеведов (Ильи Моисеевича Весельницкого, Сергея Владимировича Шелобода), командира сводного поискового отряда «Донской» Вячеслава

Александровича Градобоева. Документы «рядовых» граждан (отражающие историю советской эпохи), тематически объединены в фонды-коллекции. Сформированы и продолжают пополняться документальным наследием фонды-коллекции «Ветераны спорта Дона», «Ветераны Великой Отечественной войны», «Ветераны комсомола Дона». В настоящее формируется фонд-коллекция «Дети войны».

Документы личных архивов граждан являются ценнейшим историческим источником, позволяющим через личную жизнь гражданина увидеть развитие многих событий и фактов. Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в памяти жителей нашей области.

Особый интерес представляют воспоминания о Великой Отечественной войне, поступившие на хранение в Центр документации в составе фондов личного происхождения. Так, в фонде-коллекции «Ветераны Великой Отечественной войны» хранятся воспоминания Олега Ивановича Архангельского, Веры Петровны Алексеевой, Серафимы Григорьевны Масленниковой, Михаила Ивановича Теряева, Аршака Меркяновича Поповяна, Сергея Егоровича Кукуюка, написанные на рубеже XX и XXI вв.

Воспоминания эти интересны тем, что несмотря на присущую им субъективность в них воссоздана атмосфера тех лет, общественные настроения, личные чувства. Они являются прекрасным дополнением к официальным партийным, комсомольским и советским документам. Вот небольшой пример из воспоминаний М.И. Теряева о первых днях Великой Отечественной войны: «Война потрясла всю страну. В Кугульте первые 3 дня стоял сплошной плач. Первых мобилизованных отправляли уже вечером 22 июня. Женщины голосили, мужчины были растеряны, покидая свои семьи. Они не знали, вернутся ли еще домой и увидят ли своих любимых… И только мы, пацаны, были уверены, что фашистам скоро придет конец. Мы были уверены, что Советский Союз разобьет немцев за 2–3 месяца» [2].

Интерес представляют отложившиеся в фондах-коллекциях автобиографические повести, воспоминания, в которых отражены различные события Великой Отечественной и Второй мировой войн:

– С.Г. Масленникова «Жизнь, отданная Родине» [3];

– М.И. Теряев «Право на жизнь» [4];

– О.И. Архангельский «Финал». Автобиографические воспоминания о последних боях Второй мировой войны на Дальнем Востоке [5];

– А.М. Поповян «Наши боевые будни» [6];

– С.Е. Кукуюк «Ростовские партизаны. Славные дела советских патриотов» [7];

– С.В. Шелобод «Жизнь и память» [8];

– Ш.Е. Чагаев «Посеявшие смерть не вернутся» [9];

– Г.А. Хачикян «Правда об освобождении г. Евпатории от немецко-фашистских захватчиков 13.04.1944 года» [10].

Документы об участии фондообразователей в событиях 1941–1945 гг. хранятся не только в фонде «Ветераны Великой Отечественной войны».

Память о Великой Отечественной войне – это прежде всего память о великом подвиге советского народа, защитившего свое Отечество и внесшего огромный вклад в разгром фашистских агрессоров. Это память о героизме и тяжелых испытаниях, выпавших на плечи старшего поколения: на фронтах, в тылу, в оккупации, в фашистских гетто и концлагерях.

Так, в фонде «Ветераны спорта Дона» хранятся документы Георгия Асватуровича Хачикяна, судьи всесоюзной категории по футболу, участника Великой Отечественной войны, о его участии в боях за оборону Донбасса и Северного Кавказа, освобождении Украины и Прибалтики; переписка с однополчанами; статьи и заметки в средствах массовой информации об участии в боевых действиях, о проведении торжественных мероприятий в годовщины освобождения городов и населенных пунктов, через которые проходил боевой путь 14-го истребительного противотанкового артиллерийского полка [11].

Настоящей жемчужиной фонда «Ветераны спорта Дона» является коллекция документов личного происхождения Ивана Викторовича Шамарова (1911–1945) – борца, военного разведчика, переданная на хранение в Центр документации его сыном Владимиром Ивановичем Шамаровым, подробно охарактеризованная в одной из статей автора [12]. Среди переданных материалов – личные документы, письма И.В. Шамарова [13], письма и воспоминания о нем друзей-однополчан [14], рукопись повести «А он хотел жить», написанной его сыном Владимиром в память о невернувшемся отце, фотографии.

В документах личных фондов известных донских краеведов Ильи Моисеевича Весельницкого (1933–2006) и Сергея Владимировича Шелобода хранится немало документов по истории Великой Отечественной войны.

Среди материалов, собранных по интересующим темам И.М. Весельницким, членом правления Ростовской областной ассоциации жертв политических репрессий «Мемориал», автором трилогии «“Красное колесо” переехало и через Ростсельмаш» (Ростов н/Д, 1999), «“Красное колесо” переехало и через военных» (Ростов н/Д, 2002), «“Красное колесо” переехало и через Азово-Черноморский край и Ростовскую область» (Ростов н/Д, 2005), хранится машинописный очерк известного ростовского историка Натальи Васильевны Бакулиной (1916–2010) с ее автографами «Письма из прошлого». Очерк посвящен памяти Елены Ширман, талантливой поэтессы, журналиста, погибшей в годы оккупации Ростовской области от рук немецко-фашистских захватчиков [15]. В очерке талантливо описаны жизнь и быт ростовчан с 29 ноября 1941 г. до середины июля 1942 г., трагическая гибель Елены Ширман в 1942 г., трудности первой после освобождения области зимы 1943–1944 гг.

Вот лишь один небольшой авторский штрих к портрету поколения победителей: «Послевоенным поколениям не понять – что значит жить зимой в нетопленной комнате и почти без пищи. Сейчас я горжусь тем, что мы жили именно так. Тогда стыдно было быть благополучным и сытым» [16].

В личном фонде краеведа С.В. Шелобода хранятся статьи, очерки «Светлая ложь», «Спасибо, Мангуш», «Трофейная шапка», «Ложь во спасение» о жизни автора и его родственников в период оккупации города Мариуполя (Украина), переписка по вопросам установления мемориальных досок на зданиях ростовских школ, где учились участники партизанского движения, о поисках мест захоронений погибших партизан [17].

В личном фонде командира поискового отряда «Донской» краеведа Вячеслава Александровича Градобоева отложились документы, касающиеся эпизодов из истории Великой Отечественной войны на территории Константиновского района Ростовской области: статьи, рассказы, воспоминания очевидцев событий 1942–1943 гг. в хуторе Гапкин, переписка о поиске мест захоронений красноармейцев, документы о проведении поисковых работ [18].

В настоящее время работа по сбору документов и формированию фондов-коллекций личного происхождения в Центре документации продолжается. Сотрудники Центра приходят на собрания ветеранских организаций, разъясняют всю важность сбора и сохранения документального наследия участников и очевидцев Великой Отечественной войны. К сожалению, время работает против нас. Только бы успеть побольше запечатлеть, записать, систематизировать и передать на постоянное хранение эти ценные документальные свидетельства нашей истории.

Примечания

1. Работе с источниками личного происхождения, хранящимися в фондах ЦДНИРО, была посвящена работа автора: Левендорская Л.В. История Великой Отечественной войны через историю одной семьи (по документам личного происхождения И.В. Шамарова в Центре документации новейшей истории Ростовской области) // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2015. С. 490–494.
2. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 116. Л. 19, 20.
3. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 1.
4. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 116.
5. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 196.
6. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 226.
7. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 268.
8. ЦДНИРО. Ф. Р-3714. Оп. 1. Д. 4.
9. ЦДНИРО. Ф. Р-3704. Оп. 2. Д. 11.
10. ЦДНИРО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 199.
11. ЦДНИРО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 163–167, 183–186.
12. Левендорская Л.В. Указ. соч.
13. ЦДНИРО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–167.
14. ЦДНИРО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–7.
15. ЦДНИРО. Ф. Р-3710. Оп. 1. Д. 108. Л. 1–28.
16. ЦДНИРО. Ф. Р-3710. Оп. 1. Д. 108. Л. 28.
17. ЦДНИРО. Ф. Р-3714. Оп. 1. Д. 3, 4, 5, 18.
18. ЦДНИРО. Ф. Р-3719. Оп. 1. Д. 1, 3, 4, 5, 29, 30, 46, 47, 48.

А.Ю. Кудряков

Новые источники о битве за Ростов: воспоминания командира курсантской роты Ростовского военно-политического училища В.А. Завезенова

История боев за Ростов-на-Дону в ноябре 1941 г. еще до конца не изучена, а существующих немногочисленных исследований для этого пока явно недостаточно. Это связано уже с тем, что источников, повествующих о военных событиях в донской столице осенью 1941 г., не так много. И работа по их поиску, выявлению и введению в научный оборот должна продолжаться. Так, группа исследователей ЮНЦ РАН и ИСЭГИ ЮНЦ РАН уже в течение нескольких лет проводит опросы и документирование воспоминаний очевидцев боевых действий на территории Ростовской области и Юга России. В рамках этой работы появляются все новые и новые факты, из которых складывается подлинная история противостояния СССР и Германии на Юге России в 1941–1943 гг. [1].

Как руководителю штаба «Бессмертного полка» по Ростовской области мне часто приходится общаться с потомками солдат Советской армии, принимавших участие в боях за Ростов-на-Дону. У многих из них сохранились личные вещи, фотографии, а главное – воспоминания, дневниковые записи фронтовиков, сражавшихся на улицах донской столицы в 1941–1943 гг. Это ценнейший исторический источник, который способен создать яркую, эмоциональную картину боев за Ростов. Личностный взгляд на историю, которым ветераны делились лишь с самыми близкими людьми, подчас делает этот источниковедческий пласт невероятно интересным.

Одним из таких источников, рассказывающих о боях за Ростов в ноябре 1941 г., являются воспоминания лейтенанта В.А. Завезенова – командира сводной роты курсантов Ростовского военно-политического училища (далее – ВПУ) Северо-Кавказского военного округа (далее – СКВО). Эти воспоминания, хранящиеся с 1982 г. в домашнем архиве, принесла в штаб «Бессмертного полка» Ростовской области дочь Василия Александровича Н.В. Постникова (Завезенова) вместе с фотографиями отца и его боевых товарищей.

С первых строчек знакомства с воспоминаниями становится ясно, что они являются по-настоящему уникальным источником. ВПУ готовили политических и идеологических руководителей частей и подразделений всех родов войск Красной армии, от которых во многом зависела устойчивость бойцов в любых сложных ситуациях, их мотивация и воля к победе. И этот факт придает особую ценность воспоминаниям Завезенова, который как раз и являлся именно таким политическим руководителем.

В своих воспоминаниях лейтенант Завезенов описывает структуру и состав ВПУ, существенно изменившиеся с началом войны. В июле

1941 г. состав училища увеличился в два раза, и число курсантов, или, как именует их автор, слушателей, достигло 400 человек. В то же время был укорочен срок обучения. Если ранее в нем учились кадровые офицеры Красной армии, то с началом войны училище было укомплектовано партийными, комсомольскими, профсоюзными, хозяйственными работниками – членами ВКП(б). То есть в боевые подразделения попадали из стен ВПУ не армейские командиры, прошедшие идеологическую переподготовку, а вчерашние чиновники и партийные функционеры. Этот факт, конечно же, должен учитываться современными исследователями.

Воспоминания Завезенова свидетельствуют, что курсанты ВПУ одними из первых встретили врага на дальних подступах к Ростову. Автор пишет, что уже во второй половине сентября 1941 г. все 4 роты училища приступили к оборонительным работам на реке Миус, в районе Николаевки – Лакедемоновки, где в то время создавался 93-й укрепленный район полковника Щадрина. На этих же позициях 13 октября 1941 г. курсанты получили свое боевое крещение. Но уже на следующий день они были отведены в Ростов-на-Дону.

По прибытии в донскую столицу ВПУ СКВО стало полноценной воинской частью. Путем реорганизации из командиров и слушателей училища была сформирована тактическая единица четырехротного состава. Автор воспоминаний получил назначение командовать одной из курсантских рот. Уже в середине октября 1941 г. не исключалась возможность оставления Ростова частями Красной армии. Задачу обеспечения в случае необходимости переправы через реку Дон живой силы и техники возложили на боевую группу ВПУ. Роты курсантов получили сектора обороны в центральной части донской столицы. Так, подразделение В. Завезенова имело зону ответственности от Дома Советов (нынешняя мэрия) до переправы через реку Темерник, в районе нынешнего пригородного вокзала. При этом командный пункт роты располагался в подвале нынешнего Дома книги. Автор подробнейшим образом описывает как боевое настроение подразделения, так и техническое оснащение своей роты. И если вооружения явно не хватало, то мотивация и воля к победе у курсантов ВПУ были высоки.

Бои в Ростове, начавшиеся для боевой группы ВПУ СКВО 20 ноября, выделены в воспоминаниях в отдельные главы. Этим событиям, явно потрясшим автора своей напряженностью, посвящена центральная часть записей. С хронологической точностью, разбивая свой рассказ по часам, по времени суток и эпизодам, Завезенов воспроизводит военные события в Ростове ноября 1941 г. с удивительной достоверностью. Так, автор вспоминает, что бой на фланге его роты у вокзала начался 20 ноября в 16:00. И уже через 20 минут, по его словам, «мотострелковый батальон СС сделал попытку прорыва» через железнодорожный мост [2]. Его атака была отбита совместными усилиями курсантов ВПУ и роты охраны моста войск НКВД.

Подробные описания атак противника и контратак своего подразделения изобилуют фактами, до настоящего времени неизвестными ни специалистам-историкам, ни ростовчанам. Так, мы узнаем о подвиге курсантов ВПУ, которые организовали ночью 20 ноября мощную внезапную контратаку на Главный железнодорожный вокзал, освободили захваченный фашистами состав с железнодорожниками и жителями города, не успевший покинуть Ростов. В ближнем бою, переходящем в рукопашные схватки, эшелон был отбит у немцев. Мирные жители, среди которых находились и городские руководители, были спасены от расправы. И таких эпизодов в воспоминаниях множество. Бои с танками у моста через реку Темерник, рукопашные схватки курсантов, которые с штык-ножами и камнями в руках, не имея патронов, бросались на врага, – все эти подвиги фиксирует автор в своем повествовании. Эти эпизоды, складываясь один к одному, дают картину невероятно жестоких по своему накалу боев за центр Ростова и переправ через Дон. При этом с одной стороны в этих схватках участвовали курсанты ВПУ и бойцы НКВД, а с другой – элита германской армии – солдаты СС и диверсанты, переодетые в форму РККА. Лейтенант Завезенов в тексте называет фамилии особо отличившихся бойцов своей роты, что говорит о предельном внимании и замечательной памяти автора.

Подразделения курсантов ВПУ последними из войск прикрытия покинули свои боевые позиции к полудню 21 ноября, обеспечив отход основных войск 56-й армии на левый берег Дона. Последним уходил по мосту у Буденовского проспекта автор воспоминаний. После этого переправа была взорвана саперами.

Далее повествование говорит об участии роты Завезенова в освобождении донской столицы. Курсанты ВПУ наступали на Ростов вместе с частями 353-й стрелковой и 64-й кавалерийской дивизий со стороны Новочеркасска. Взяв с тяжелыми боями Раковку (ныне – поселок Рассвет Аксайского района), рота Завезенова захватила хорошо подготовленную полосу немецкой обороны у Молочного совхоза имени Ворошилова и ворвалась «на плечах» у гитлеровцев в поселок Орджоникидзе. Таким образом, рота курсантов ВПУ завершила 29 ноября 1941 г. операцию по полному освобождению от немцев Ростова-на-Дону. Дальнейший текст воспоминаний повествует о тяжелых боях за Красный Крым и Султан-Салы и завершается последним боем курсантов в операции по освобождению Ростова у села Самбек в Примиусье.

По нашим данным, за бои в Ростове в ноябре 1941 г. В.А. Завезенов был представлен к званию Героя Советского Союза, но награжден орденом Красного Знамени. Автор воспоминаний, безусловно, один из самых ярких участников тех событий, находившийся в центре боев за Ростов. Появление его записок и их введение в научный оборот обогатят наши знания о деталях битвы за донскую столицу ноября 1941 г. Воспоминания лейтенанта Завезенова как ценный исторический источник, без сомнения, нуждаются в отдельной публикации и в дальнейшем изучении.

Примечания

1. Афанасенко В.И. За три дня до приказа № 227: оборона Ростова и Новочеркасска в июле 1942 г. // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2010. С. 220–224; Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011; Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф. Миус-фронт: специфика боевых операций на южном крыле советско-германского противостояния в 1941–1943 гг. и их итоги // Вестник Южного научного центра. 2011. Т. 7. № 1. С. 80–90; Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012; Krinko E.F., Khlynina T.P. History and Memory: Interviews with Eyewitnesses on Private Life in 1941–1945 // Русский архив. 2014. Т. 5. № 3. С. 152–162 и др.

2. Завезенов В.А. Воспоминания о боевых действиях Ростовского ВПУ СКВО в ноябре – декабре 1941 г. по обороне и освобождению города Ростова-на-Дону // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Д.А. Никадимов

Отражение немецкой оккупации в сочинениях учащихся и учителей города Таганрога

Внимание к истории повседневности Великой Отечественной войны создает основу для осмысления того, как отдельные группы общества адаптировались к жизненным трудностям и как эти трудности преодолевали. Как отмечает В.А. Агеева, «обращение к данной теме во многом обусловлено переносом исследовательского внимания с военно-политических и дипломатических проблем на историю “обычных людей”» [1].

Жизненный мир подростков в годы войны представляет собой «совокупность устойчивых поведенческих моделей, установок и эмоционально-психологических реакций на события внешней среды» [2]. Раскрыть его специфику можно через ряд ключевых образов: домашнее пространство, школьные реалии, уличную жизнь.

Большую помощь в этом могут оказать школьные сочинения, написанные учащимися вскоре после освобождения от оккупации. Школьные сочинения периода Великой Отечественной войны – специфический вид источников о военном времени и военном детстве. По количеству затрагиваемых тем, детально описанных событий, передаче настроений и ситуаций сочинения являются ценным источником. А.Ю. Рожков указывает: «Несомненно, сочинения носят субъективный характер и не могут быть абсолютно достоверным источником для воссоздания школьных практик затрагиваемого периода. Многого из описанного дети сами не видели, черпая информацию из рассказов взрослых, из сообщений в средствах массовой информации. Личный опыт переживаний

репрезентировался школьниками не непосредственно, а через призму детской памяти со всеми ее особенностями» [3]. Тем не менее эти материалы – уникальные источники об эпохе, отражающие субъективные опыты детских переживаний, имеющие при этом свидетельскую ценность.

Нами были проанализированы черновики сочинений для рукописного журнала «Таганрог в оккупации», обнаруженные в Таганрогском филиале Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Журнал был подготовлен учителями и учащимися школ Ленинского района города Таганрога (№ 2, 3, 15) и передан в горисполком в конце 1943 – начале 1944 г. Всего было проанализировано 29 сочинений – 27 сочинений школьников и 2 сочинения, написанные для журнала учителями. В основном это сочинения учащихся 5-го (6 сочинений), 6-го (5 сочинений) и 7-го (8 сочинений) классов. 3 сочинения написаны десятиклассниками и 1 сочинение – учеником 3-го класса. Авторство 4 сочинений установить не удалось.

Школьники описывали свои переживания уже после того, как режим оккупации завершился. А.Ю. Рожков предполагает, что после освобождения «многие их оценки пережитого и тактики репрезентации эмоциональных реакций были морально сконструированы, исходя из осведомленности подростков о результатах оккупационного периода, оставившего глубокие шрамы в их памяти» [4]. А.Ю. Рожков также указывает на необходимость учитывать высокую степень воздействия официальной советской пропаганды, влияние значимых взрослых на конструирование детских сочинений, а также повышенную эмоциональность и активную работу воображения [5]. Однако эти обстоятельства не умаляют ценности детских описаний пережитого, поскольку они позволяют увидеть восприятие детьми окружающей действительности.

Первое, на что стоит обратить внимание, – названия сочинений. Они передают общее настроение каждого сочинения: ненависть к врагу, жажду мести, радость освобождения, скорбь по погибшим. Среди проанализированных сочинений наиболее часто встречаются следующие названия: «Не забыть никогда», «Таганрог в оккупации», «При немцах», «Ужасы оккупации». Другие же названия, хоть и встречаются единично, более оригинальны по своей смысловой нагрузке: «На фашистскую каторгу», «Комсомольцы умеют умирать за Родину», «Бессмертный подвиг», «Как погибла наша школа», «Как погиб наш папа» и др. Можно предположить, что темы сочинения были заданы учителем. При этом у детей оставалась возможность выбора собственной темы, описания не оккупации Таганрога в целом, а отдельного случая из собственной жизни (или жизни своих родственников и знакомых) в оккупированном Таганроге. Вероятно, дети были проинструктированы учителем относительно основных направлений содержания сочинений. Тем не менее многие ученики по-своему описывали произошедшие события и связанные с ними индивидуальные переживания, оставаясь при этом в границах, установленных учителем или обществом.

Большая часть работ содержит несколько типовых смысловых блоков: 1) сражение за город и захват Таганрога немецкой армией, начало оккупации; 2) описание преступлений нацистов; 3) жизнь в оккупации, надежда на освобождение; 4) бегство врага и приход частей Красной армии. Часть сочинений посвящена отдельным аспектам жизни в оккупированном Таганроге: 1) преступления фашистов; 2) угон на работы в Германию; 3) подвиги подпольщиков и простых жителей; 4) жизнь и учеба в сельскохозяйственном училище.

Война, ранее казавшаяся далекой и непонятной, приблизилась вплотную к Таганрогу в конце сентября 1941 г. Дети видели причины советских поражений в первые месяцы войны во внезапности нападения, качественном и количественном перевесе войск противника: «Внезапное нападение» [6]; «Неожиданность нападения кадровой армии немцев заставило нашу Красную Армию временно оставить некоторую часть нашей территории. И это дало повод немецким главарям кричать о “молниеносной” войне, и о “непобедимости” немецкой армии» [7]. «Они имели в тот момент качественный и количественный перевес в живой силе и технике, так как оккупировали почти все страны Западной Европы. Психологическими атаками, при поддержке СС, гитлеровцы продвигались вперед, оккупируя советские города и селения» [8].

17 октября фашисты вошли в город. Для жителей начались страшные и бесконечные 22 месяца «нового порядка», унесшего жизни десятков тысяч мирных таганрожцев: «С ужасом и содроганием вспоминаешь это время»; «22 месяца тяжелого сна, сплошного кошмара»; «Таганрогская оккупационная газета “Новое слово” надрывалась, призывая население к работе на укрепление германской армии, писала о “великой заботе фюрера” о русских людях, о “невиданных победах” германских войск». Следом в сочинении для создания противоречия приводится цитата из обращения немецкого командования к солдатам: «Убивай всякого русского» [9].

Подавляющему большинству сочинений свойственно эмоциональное освещение оккупации, описание несгибаемости воли местных жителей, ненависть к врагу. Захватив город, «освободители» сразу же стали устанавливать новый режим. Общее впечатление от фашистов и их деятельности было крайне тяжелым: «Немцы разрушили Дом специалистов и ряд школ-новостроек, а в парке устроили свое кладбище»; «Немцы сожгли Дворец пионеров, в учебных зданиях устраивали комендатуры и штабы»; «Оккупанты разорили родной город, вырубили наш красивый парк, разрушили школы и множество жилых домов» [10].

Вскоре после начала оккупации нацисты начали грабить местное население: «Как только немцы вошли в город, в городе начался грабеж. Немцы, как голодные волки, рыскали по домам и забирали все, что попадется под руку. Свои грабежи прикрывали ложью, что это грабили русские, переодевшиеся в немецкую форму»; «Мы со злобой и ненавистью смотрели на немецких грабителей, которые грабили квартиры, гонялись

за свиньями, курами, гусями, как голодные волки. Мы не могли эвакуироваться и терпели нужду в неволе» [11].

Таганрожцам пришлось пережить массовый угон трудоспособного населения в Германию. Биржу труда называли «воротами в Ад» [12]. Словом «Биржа» пугали учащихся немногочисленных школ. Чтобы избежать угона на работы, молодые люди переправлялись морем на свободную территорию СССР, где становились партизанами, вступали в Красную армию.

В сочинении Виктора М. дается описание поездки на работу в Германию. Во время перевозки с угнанными обращались терпимо только до границы с Польшей. После выезда из Варшавы кормить стали хуже: раз в три дня давали одну булочку на пять человек [13]. Привезли в город Вупперталь – центр химической промышленности. Там всех поселили в бараках на 40 человек каждый, кормили супом («водой») и хлебом (200 г), били по поводу и без повода. Люди работали с 4 до 22 ч. Угнанным на работы разрешалась писать письма домой. Люди писали, что с ними хорошо обращаются. Делали это либо подневольно (из-за страха наказания), либо по заранее достигнутой договоренности с домашними: если пишет, что все хорошо, значит, все плохо. Врачебную комиссию, проверявшую прибывших перед распределением на работы, Виктору М. удалось обмануть. Он перетянул ноги веревками так, что они распухли. 4 дня его продержали в бараке на карантине, а потом отправили обратно домой. На обратном пути была та же ситуация: терпимо стали обращаться только после пересечения границы Польши. Виктор М. – один из немногих, кому удалось выжить после поездки на работу в Германию. И хоть он пробыл в Германии немного, из текста следует отношение немцев к угнанным на каторгу.

В некоторых сочинениях описаны подвиги местных жителей и подпольщиков. Так, Тамара Р. из 5 «А» класса описывает случай, который произошел 17 октября 1941 г. Когда немцы вошли в город, один из местных жителей бросил две гранаты в немцев. Три солдата были ранены, один офицер был убит. Сразу же этот неизвестный, чье имя в сочинении не указано, пустил себе пулю в лоб [14].

В другом сочинении описано, как во время подготовки отправки на работы в Германию подпольщики незаметно подсунули каждому листовки с призывом к народу препятствовать угону в Германию. Началась суматоха. Полицейские, в карманах которых тоже оказались эти листовки, начали обыск, но никого так и не смогли поймать [15].

Лидия А. из 7 класса школы № 15 пишет про подпольщиков, которые учились в сельскохозяйственном училище: «Училище было образцом немецкой “культуры”, “порядка” и “воспитания”. В нем учились 120 студентов, среди которых 75–80 % составляли комсомольцы, которые сколотили ядро подпольной организации». 17 учащихся были подпольщиками, их вычислили и расстреляли [16]. В одном из сочинений приводится письмо подпольщика Н. Кузнецова своей матери. Накануне

казни его товарищ в тюрьме заучил это письмо наизусть, а затем передал близким Николая. В письме говорилось: «Скоро на берегу Азовского моря зажгутся огни, и Красная Армия будет в Таганроге. На той стороне знают про нас и помнят о нас» [17].

Про жизнь и учебу в открытом немцами сельскохозяйственном училище рассказывает в своем сочинении Людмила Ч. из 10-го класса 2-й школы. Она указывает, что «многие юноши и девушки нашего города, чтобы избежать отправки в Германию, поступили в сельскохозяйственное училище», в котором готовили агрономов. В училище велось преподавание предметов, исключительно касающихся этой специальности. Людмила Ч. пишет: «Это преподавание совершенно не походило на преподавание в наших советских школах и учебных заведениях. Здесь нас пытались превратить в послушных и беспрекословных выполнителей воли немецких “хозяев”» [18].

По окончании первого курса все учащиеся были отправлены в село Золотая Коса – учебное хозяйство, ранее принадлежавшее сельскохозяйственному институту. Немцами учхоз был превращен в государственное имение, управляющим которого стал немецкий офицер. Была введена воинская дисциплина. Учащиеся жили на казарменном положении, получив обмундирование немецких солдат. Каждый день назначался дежурный по учхозу, следивший за порядком, а ночью учащиеся патрулировали конюшни. По утрам, несмотря на дождь, ветер, мороз или снег, учащиеся пробегали несколько километров, «занимались “спортом”» [19]. Отставших в беге или не явившихся на пробежку били. Заведующий учхозом («Шеф») часто посещал уроки и опрашивал учащихся. Не знавших материал или отвечавших не так, как надо, наказывали за любые провинности. Заставляли выполнять черную работу: мыть полы, чистить конюшни и лошадей. Свое сочинение Людмила Ч. завершает признательностью Красной армии за освобождение города, за то, что дети «вернулись на школьную скамью… Нашей благодарностью Красной Армии будет наша отличная учеба, примерное поведение и помощь фронту» [20].

Самые светлые и радостные воспоминания детей относятся именно к событиям, связанным с освобождением города. 14 февраля 1943 г. советские войска освободили областной центр Ростов-на-Дону, но еще полгода шли бои на Миус-фронте, чтобы принести свободу таганрожцам. Леонид Т. написал сочинение «Освобождение»: «В городе чувствовалась напряженная обстановка, и с каждым днем напряжение возрастало. Немцы покидали город: над ними нависли свинцовые грозовые тучи народной мести. Над городом блеснул луч скорого освобождения… 29 августа, в воскресенье, началось повальное бегство немцев из города. Бежали и полицейские, “цивилизованные” дикари, убегая, жгли фабрики, школы и лучшие здания города» [21].

Во многих сочинениях встречаются слова благодарности Красной армии за освобождение города: «Все ждали прихода Красной Армии, все 2 года оккупации»; «Радость заполняла сердца» [22]. Один из школьников

цитирует слова Сталина: «Красная Армия стала злее и беспощаднее. Они поняли, что нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души». Дети называют Красную армию «сплоченным кулаком народов СССР» [23]. Школьники призывали советских солдат отомстить за них немцам. Дети заявляли, что и сами тоже будут мстить, но по-своему: «Я мщу тем, что отлично учусь в школе» [24]. Вместе с этим школьники скорбели по погибшим: «родственникам, друзьям, тем, кто не смог встретить советскую армию» [25].

Имя Сталина в сочинениях встречается гораздо реже, чем упоминания о Красной армии. При этом дети называют его не иначе как «Учитель, Вождь и Освободитель товарищ Сталин». Образы «любимой», «доблестной» Красной армии и красноармейцев в условиях только что ликвидированной угрозы порабощения были для подростков середины 1940-х гг. намного актуальнее, чем культовые образы вождей.

Что касается сочинений учителей, то они стилистически более грамотны, чем сочинения школьников. Литературный уровень текстов гораздо выше. Это видно, например, по тому, как завершила свое сочинение одна из учительниц школы № 3: «Они пришли и принесли с собой горе, плен, рабство, смерть и нищету… Они уходят и оставляют за собой разорение, уничтожение культуры и всего того, что дорого советскому человеку» [26]. Сочинение другой учительницы построено в виде дневниковых записей, каждая из которых относится к какой-то ключевой дате. Наибольший интерес представляет описание «нового порядка» фашистов в Таганроге. Запись от 17 октября 1941 г. (начало оккупации Таганрога): «”Новый порядок” воцарился и у нас». Запись, сделанная в феврале 1943 г. (победа под Сталинградом): «”Новый порядок” задерживается у нас». И, наконец, запись от 30 августа 1943 г. (освобождение Таганрога): «”Новый порядок” рухнул, выброшен из родного города» [27].

В некоторых сочинениях школьников есть зачеркивания красным карандашом. В основном это правки слов, но иногда зачеркнуты целые предложения. Так, например, зачеркнуты два описания случаев предательства. Первое из них – это предательство одним из подпольщиков своих товарищей. Он на допросе все рассказал немцам и просил других подпольщиков последовать его примеру [28]. Второй случай – выдача соседом отца одной из учениц, члена партии [29]. Также, например, зачеркнут фрагмент, упоминавшийся ранее, о перевесе противника в первые дни войны. Очевидно, что учителя вычеркивали из сочинений те моменты, которые, как они считали, не следовало упоминать. Присутствуют и другие правки. Так, во многих сочинениях слово «русский» заменялось на «советский», в некоторых местах «партизаны» – на «подпольщики» и наоборот, в зависимости от контекста описываемых событий. Свою роль играла и личная самоцензура школьников. Ни один из учащихся не отозвался положительно о немцах или отрицательно о Красной армии. Все писали, как они ждали освобождения, все чувствовали радость тогда, когда это наконец случилось, называли оккупацию «временной»,

благодарили Сталина и славили Красную армию. Многие сочинения пропитаны злобой и ненавистью по отношению к захватчикам, включают фразы «мы отомстим» и т.п.

Многие жители нашли подтверждение созданному пропагандой отрицательному образу врага в личных столкновениях с оккупантами. В результате ненависть и жажда мести становились основными чувствами в отношении к немцам. Е.Ф. Кринко указывает: «Представления советских граждан о немцах серьезно изменились во время войны. Ненависть к врагу, пережитые тяжести военного времени, гибель родных и близких – все это не могло не сказываться и после освобождения советской территории. Немец сохранял свою враждебность даже тогда, когда не представлял прямой угрозы» [30]. В результате войны и оккупации в сознании сформировался крайне негативный образ немца. Немец стал символом зла: «гитлеровские разбойники», «гитлеровские банды», «Изверги, душегубы, палачи людей!», «С первого же дня немцы, как голодные волки, стали грабить», «Ни часу работы для блага немцев» [31].

Таким образом, несмотря на свою идеологическую составляющую, школьные сочинения передают дух советского времени. Они дают возможность эмоционально пережить то время, увидеть войну глазами детей, понять, что они чувствовали в первые месяцы после освобождения. Практически постоянное пребывание в состоянии опасности, массовые разрушения, гибель товарищей и родных несли в себе негативное воздействие на психику, война и после окончания, как отмечает В.А. Агеева, «продолжала влиять на школьную повседневность» [32]. Однако жизнь перестала быть наполненной только лишениями и испытаниями, восприниматься подростками только в серых и черных тонах. Человек стремится вытеснить из памяти негативные переживания и опыт, ему свойственна концентрация на позитивных моментах жизни, приносящих небольшие житейские радости.

По мнению Т.В. Зеленской, обращение к народной памяти призвано не только сохранить всю эклектику ушедших дней, но и приблизить прошлое к современному человеку, в руках которого будущее нашей страны [33]. Архивные документы позволяют наполнить историю войны ее человеческим восприятием, понять всю пестроту и неоднозначность военных реалий в сознании обычного человека военного времени – ребенка, солдата, свидетеля оккупации, узника концлагеря.

Примечания

1. Агеева В.А. Страницы школьной повседневности города N… в 1943–1945 гг. (на материалах личного дневника военного времени М.Е. Галах-Муравьевой) // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 301.
2. Там же. С. 302.
3. Рожков А.Ю. Школьные сочинения о переживаниях во время оккупации Краснодара (февраль 1945 г.) // Былые годы. 2010. № 2. С. 88.

4. Рожков А.Ю. «Меня никто не трогал, но чувства свободы не было»: Школьные сочинения 1945 г. о переживаниях во время оккупации // Былые годы. 2010. № 1. С. 69.
5. Рожков А.Ю. Школьные сочинения о переживаниях во время оккупации Краснодара (февраль 1945 г.)... С. 88.
6. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 8.
7. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 3.
8. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 9.
9. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 11, 17, 54.
10. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 18, 47, 45.
11. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 9, 11.
12. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 13.
13. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 48.
14. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 22.
15. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 24.
16. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 33, 47, 34.
17. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 10.
18. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 33.
19. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 35.
20. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 34.
21. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 25, 26.
22. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 28, 29.
23. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 4.
24. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 39.
25. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 32.
26. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 69.
27. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 71.
28. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 36.
29. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 42.
30. Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943). Майкоп, 2000. С. 80.
31. ТФ ГАРО. Ф. Р-84. Оп. 3. Д. 7а. Л. 62, 18, 20, 9, 47.
32. Агеева В.А. Указ. соч. С. 304.
33. Зеленская Т.В., Шилова Т.В. Фрагменты повседневности Великой Отечественной войны в источниках личного происхождения // Народы юга России в отечественных войнах: материалы Международной научной конференции (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2012. С. 339.

И.Ю. Васильев

Гитлеровская оккупация кубанских станиц: основные моменты исторической памяти

Сегодня всё большее значение приобретает изучение поведенческих стратегий и моделей восприятия реальности советскими людьми, пережившими немецко-фашистскую оккупацию. Особую роль играют эмоционально окрашенные оценки действительности [1]. Воспоминания переживших немецко-фашистскую оккупацию во время Великой

Отечественной войны очень глубокие, яркие и зачастую болезненные. Они были порождены сильным страхом, подавленностью, гневом и не стираются у очевидцев даже спустя многие десятилетия [2]. Свидетелям оккупации, время которой пришлось на их детство и юность, запоминалось не все подряд в равной степени. На основании анализа устно-исторических материалов из экспедиций в Кореновский и Горячеключевской районы Краснодарского края представляется возможным выделить наиболее значимые моменты.

После войны нередко говорили, что кровавые события предвещались сверхъестественными знамениями, что свидетельствует о живости в народном сознании и во второй половине XX в. традиционных представлений, известных с доиндустриального периода: «Ни, просто вот тут (на небе. – *И.В.*) месяц, и тут солдат, и тут солдат (с двух сторон. – *И.В.*). Просто настоящи, выдно, ружё так, мужикы. А с мэнэ смиюца, ка: “Шо ты выдумала?” Прышла старуха одна: “Да, правда, шо-то такэ буде”. А молодижь наша: “О-о всяки тыньки-миньки придумывают”. Она: “Ну ничё, бисовы неверы, побачитэ”» [3]; «Перед 1941 годом небо красное было сильно, молнии махали» [4].

Еще до оккупации военные тяготы давали знать о себе. Женщинам пришлось много работать. Они и подростки заменили ушедших на войну колхозников: «Я цэ хорошо помню, шо утром встал, и объявляют. Тогда были ти, радио. И вото объявляют: война. Я в правление пришёл, в колхоз. Меня на коня поставили. Сил и ездил по бригадам объявлял всэм, шо началась война. Сзывают домой всех людэй с работы. Сошлись сюда. Был председатель колхоза. Сказал, шо началась мобилизация. И начали мужикив брать на фронт. В общем, осталысь одни женщины. И мы, пацаны-подросткы» [5].

К новым обязанностям добавился и резкий рост налогов, трудности со снабжением: «Ну когда война началась, мы ещё как-то ходили. А когда стали накладывать большие налоги по мясу, молоку… Нам всё это пришлось как бы в налоговую отнести. Пришли, описали. Открыли старый сундук, а там еще кое-что лежит… Ну, естественно роптать поздно. Надо было, значит надо. Была война. Значит надо. Прости, Господи» [6]. Все это сопровождалось маскулинизацией девушек, ускоренным взрослением подростков [7].

Вступление оккупантов в станицу производило жуткое впечатление. Его ждали с ужасом. В формировании заранее негативного образа немца сыграли свою роль и официальная пропаганда, и рассказы отступавших советских солдат, и письма с фронта. Особое психологическое воздействие оказывало обилие военной техники, которая издавала громкие и резкие звуки, пугала станичников. Особенно запомнились передовые мотоциклетные разъезды. Всё это расчеловечивало немцев, придавало им черты опасных машин, а не людей [8].

«Ехали на танках, мотоциклах. Гнали они румынов и над ними издевались. Грязь была страшная, а они им приказывали: “Лечь, встать,

лечь, встать", в эту грязь» [9]. «Пришли немцы – мне было двенадцать лет. Я хорошо запомнил. Пришли в июле месяце, уборка была как раз, пыляка. Они прыехали на мотоциклах сюда. А пацаны ж. На встречу смотрели на их. Як на чертей. Они грубые были. В оккупации прожил з июля месяца по февраль месяц, сорок трэтий год. В сорок втором году зашли немцы» [10].

Под воздействием длительных непосредственных контактов с оккупантами их восприятие переставало быть клишированным. Становились видны их человеческие качества, индивидуальные особенности [11]: «(А в доме у вас не жили немцы?) Жил. Жил немец. (Не трогал?) Нет. Это немец был высокий чин. У него автомобиль. Охранники стояли на каждом углу. Офицер был. Он чисто немец. Аккуратный был. Я бы даже сказал, что действительно немцы не все плохие» [12].

Но память о немецком терроре все же более распространена: «<Немцы> летом пришли. В августе. В Платнировке больших нэ было зверств. Тока понапывалыся. Возле базара я тада жила. А его мать жила здесь же. Немец пьяный приходыл. Направлялы до их это. Старуху убыл. Корову убыл» [13]. «(А что тогда было в Имеретинке? Во время оккупации?) У нас, например, двух наших партизан, председателей колхозов, Матвиенко и Конотопченко. А так больше никого не убыли. Я не знаю. Тада ж выгоняли всих на показное повешение. Это устрашающая акция. Немцы сделали такие гадости, что надо было не мирыться. Сколько положили людей. Каких людей уничтожили! Рабочую силу» [14].

Особое место в памяти станичников нашлось и для союзников немцев – румын, словаков. Их считали более развязными, вороватыми, склонными к мародерству. Но в то же время менее страшными. В большей степени это относилось именно к румынам [15]. «(Румыны были, венгры?) Были. Они боялись. Они такие квёлые были. Пораспускают, понавешают соплей и ходят. Холодно было, январь. А когда пришли немцы, там много украинцев было. Наших с ими. Где им понравится, там они выбирають квартиры и спять. У нас ночь переночували. Ушли от нас. Мы бедненько жили. Мама одна, нас трое. Пошикарнее где дома. Тогда дома были старинни» [16]. «С хаты выгнали, румыны поселились. И немцы, и румыны были. Румыны. Курям головы поодризалы, кабанчику одризалы голову. Тэ всэ пойилы. А нас выгналы с хаты… Улий був у нас. Воны пчёл вытрусылы, мэд забралы, поилы. По соседству стояли немцы». Румыны «ны ругалыся, ны былыся, мамку воны ны трогалы». Когда румыны стояли, «конив у зал завылы». «У зал, спальню, а сами в других комнатах» [17].

«(А к девушкам не приставали?) Почему? Постарше приставалы. Девчата ж пряталысь где кто, сидэли. Приставалы. Всё было. Девчата стоят. Прибигалы. Не знаю как… Досталося» [18] .

«Немцы были. <…> Чехословакия стояла. Чехи ж были. Сразу немцы, потом румыны, а потом чехи. И стали. В амбаре завели пекарню. Хлеб пекли и на фронт отправляли. Работали кое-кто тут в амбарах у них. А так

работ не было никаких. В амбарах пекарня была. Там при немцах подворье было. Чехословакии на квартире стояли. Хлеб просили. Принесут мешок. Свиней понатягали. В сарай. Шесть штук. Принесуть мешок хлеба и высыплють. “Мамка, водичка нальёшь”. И нам хлеб давали. И свиней кормить. Резали этих свиней, забивали. Приезжала машина. Режуть и забирають на фронт. <…> Чехословаки – они хорошие люди. Хорошие. А первые немцы! Те топтали заборы. Пришли, пополомали. Хатёнки какие поразрушили. Потом пришли после немцев румыны. А потом чехи пришли. Уже порядок стал. Тишина, хорошо было. (А румыны что делали?) Румыны ничего не делали. Готовили они продукцию. Хлеб пекли, мясо» [19].

«Были. А у нас не немцы, говорили, шо словаки. И венгерские люди. И словакы. Были, были. В станице были. (А словаки население не обижали?) Обижали. Забирали. Тёлочку выкормил – придут заберут. Телка забирают. Чё там не обижали? Обижали! Идёт словак. Кричит: “Мамко! Давай яйца, курки, молоко!”» [20]. Как видно, в глазах очевидцев сложился образ словаков как своеобразных солдат Швейков, не агрессивных и даже дружелюбных, но не упускающих возможности «урвать» мирских благ.

Так называемых полицаев, полицейских из местных жителей, при немецкой оккупационной администрации старожилы кубанских станиц вспоминают в целом со страхом и омерзением. Они постоянно повторяют, что от полицаев было больше вреда мирным жителям, чем от самих немцев. Именно с ними происходили основные конфликты периода оккупации. В народном сознании полицаи стали воплощением всего того зла, что принесла оккупация: «(А вообще они местных обижали сильно?) Обижалы. А как же. (Ну как? Расстреливали?) Представь, шо немец сам, немец, он не трогал. Он настраивал против нас полицаёв. У него полицаи… (А расстрелы были в станице?) У нас не было. Может, увозили куда, но у нас в станице я не помню, шоб стрэляли. Бить били. Тут по нашей улице был совет на углу. Вото положуть – он порет плётками. И женщин, и мужчин. <…> Ну за неподчинение. А неподчинение шо – не хотят на работу» [21]. «Полицаи были в войну. Обязательно. Я ж дежурил у этих у полицаёв. Ну и постреляли. Красные пришли – постреляли» [22].

Не всегда очевидцы подчеркивали грозность и жестокость полицаев, опасность, исходившую от них. Иногда рассказчики делают акцент как раз на социальную ущербность, возрастную незрелость и пр. Полицаи маркируются как «несчастные люди». Тем более что молодежь и подростки были одними из главных объектов всевозможных гитлеровских «мобилизаций» и агитационной обработки [23]: «(А как себя вели полицаи?) Чтоб очень сурово, я бы не сказала. Один даже прощения просил, скрывался у нас. Инвалид у нас. А брат так и ушёл за немцами. Молодой» [24].

Очевидцы отмечают, что перед отступлением немцы и их союзники были уже совсем другими. Они поняли, что на Кубани им не удалось закрепиться, поэтому стали гораздо более жестокими и развязными. Оккупанты целенаправленно уничтожали ценное имущество и постройки,

чтобы они не достались наступающей Красной армии. Если освобождение станицы сопровождалось боями, то они очень часто приводили к пожарам и разрушениям: «Как пришли, булы немци добры. А как уходить – ой-ой» [25]; «Яйца, молоко просили. Как пришли, просили. А как уходили, они сами тянули и свиней у людей, и коров. У нас крову зарубали, телёнка зарезали. В тех хатках, что на краю поостaвалися, они жили. Они ушли подальше от мин» [26].

Несмотря на тяжелые условия, встречи мирных жителей с наступающими красноармейцами часто были очень трогательными. Военные и гражданские были искренне рады друг другу, помогали, чем могли. Информаторы всячески подчеркивали, что пришедшие бойцы были свои: «Разведчики наши были грязны. До того два дня не ели. Мама им кашу вынесла скорее. Кускамы. И по кружке молока. Они были рады: “Спасибо, мамаша, – говорят. – А кладбище где ваше?” И на кладбище. Наверное, там кто-то тоже был» [27].

Великая Отечественная война и оккупация маркируются в сознании старожилов кубанских станиц как тяжелое испытание, опасность для существования общества в целом. Поэтому начало войны предвосхищается страшными, сверхъестественными событиями. Начало войны – это уход мужчин на фронт, плохое снабжение, тяжелая работа девушек и подростков. Немецкие оккупанты сначала страшны, их воспринимают как нелюдей, потом с ними налаживаются какие-то отношения. Их уход опять описывается в черных тонах (издевательства над жителями, уничтожение ценного имущества, боевые действия). Их союзники (румыны, словаки) воспринимались как нестрашные «мелкие безобразники», особенно на фоне немцев. Рассказы о партизанах смазаны и в основном посвящены их снабжению продовольствием, а не боевым действиям. Красная армия описывается всецело положительно – это свои, долгожданные освободители.

Примечания

1. Матвеев О.В. Станичный атаман на оккупированной Кубани (по материалам Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) // Проблемы национальной безопасности в России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности. Краснодар, 2010. С. 306.

2. Рожков А.Ю. «Вместо сияющего будущего – участь рабыни»: репрезентация переживаний в период оккупации в нарративах краснодарских школьников // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей / под ред. А.Ю. Рожкова. Краснодар, 2010. С. 299–300.

3. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее – ПМ КФЭЭ). Респонденты Т.Н. Дубинина, 1919 г.р., И.И. Заколюжный, 1941 г.р., записаны в станице Дядьковской Кореновского района Краснодарского края 4 июля 2007 г. интервью, расшифровка И.А. Кузнецовой. Аудиокассета № 3715.

4. ПМ КФЭЭ. Респондент Е.П. Минцова, 1918 г.р., записана в станице Дядьковской Кореновского района Краснодарского края 6 июля 2007 г., интервью Н.Ф. Диановой, расшифровка С.Н. Рыбко. Аудиокассета № 3724.

5. ПМ КФЭЭ. Респондент В.Л. Гасан, 1928 г.р., записана в станице Дядьковской Кореновского района Краснодарского края в 2007 г., интервью, расшифровка Н.И. Бондаря. Аудиокассета № 3693.

6. Там же.

7. Стрекалова Е.Н. Лакуны исторической памяти: детство военного времени 1941–1945 годов по устным воспоминаниям // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»... С. 354.

8. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. М., 2006. С. 105.

9. Респондент Е.П. Минцова.

10. ПМ КФЭЭ. Респонденты А.П. Фоменко, 1930 г.р., Л.И. Приймак, 1938 г.р., записаны в станице Дядьковской Кореновского района Краснодарского края в 2010 г., интервью, расшифровка А.И. Зудина. Аудиокассета № 4177.

11. Стрекалова Е.Н. Указ. соч. С. 354.

12. ПМ КФЭЭ. Респонденты Н.Г. Проценко, 1936 г.р., Н.В. Проценко, 1939 г.р., записаны в станице Дядьковской Кореновского района Краснодарского края в 2010 г., интервью, расшифровка И.Ю. Васильева. Аудиокассета № 4182.

13. ПМ КФЭЭ. Респондент М.Ф. Боуман, 1915 г.р., записана в станцие Платнировской Кореновского района Краснодарского края в 1992 г., интервью А.Е. Горбань, Е.В. Зуб, расшифровка И.Ю. Васильева. Аудиокассета № 244.

14. ПМ КФЭЭ. Респондент П.С. Ёкотова, 1927 г.р., записана в станице Имеретинской Горячеключевского района Краснодарского края в 2010 г., интервью, расшифровка В.В. Воронина. Аудиокассета № 4249.

15. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х годов: Жизнь в условиях социалистической трансформации. Ростов н/Д, 2011. С. 125.

16. Респондент Н.Я. Левченко.

17. ПМ КФЭЭ. Респондент Н.Г. Ткаченко, 1936 г.р., записана в станице Дядьковской Кореновского района Краснодарского края 8 июля 2010 г., интервью Н.И. Бондаря, расшифровка С.Н. Рыбко. Аудиокассета № 4165.

18. ПМ КФЭЭ. Респондент А.Ф. Твердохлебова, 1935 г.р., записана в станице Имеретинской Горячеключевского района Краснодарского края 19 июля 2010 г., интервью, расшифровка И.Ю. Васильева. Аудиокассета № 4264.

19. ПМ КФЭЭ. Респондент И.А. Василенко, 1930 г.р., записан в станице Бакинской Горячеключевского района Краснодарского края в 2008 г., интервью, расшифровка И.Ю. Васильева. Аудиокассета № 3923.

20. ПМ КФЭЭ. Респондент И.А. Горбачёв, 1927 г.р., записан в станице Мартанской Горячеключевского района Краснодарского края 15 июля 2010 г., интервью, расшифровка И.Ю. Васильева. Аудиокассета № 4238.

21. ПМ КФЭЭ. Респондент И.А. Василенко.

22. Респондент И.А. Горбачёв.

23. Ковалёв Б. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. С. 103, 121.

24. Респондент М.Ф. Боуман.

25. Респондент Н.Я. Левченко.

26. Там же.

27. ПМ КФЭЭ. Респонденты М.Г. Логвин, 1929 г.р., М.Е. Логвина, 1928 г.р., записаны в станице Дядьковской Кореновского района Краснодарского края 4 июля 2007 г., интервью А.И. Зудина, расшифровка И.Ю. Васильева. Аудиокассета № 3708.

И.М. Есип

Женские образы-судьбы в советском кинематографе периода Великой Отечественной войны

В современном мире все большую роль в формировании мировоззрения людей играет визуальная культура. Развитие информационных технологий и визуализация информации не только дают возможность перейти на новый уровень коммуникации, но и оказывают сильное влияние на характер и содержание культуры общества в целом.

Кинематограф, с одной стороны, является средством трансляции культуры: отображает реалии современного мира, жизненные позиции и установки в обществе, а с другой – эффективным способом воздействия на сознание людей. Именно поэтому изучение специфики образов и их значимости в кинематографе является неотъемлемой частью изучения общества. В данной статье основное внимание будет уделено образу женщин в советском кинематографе в годы Великой Отечественной войны.

Стержневым фактором, определившим советскую государственную политику в области женского вопроса, стали идеологическая концепция о паритетной роли женщины в обществе и экономические интересы государства в условиях роста промышленного производства и становления социалистического строя. Женщине было предложено наравне с мужчиной стать активным строителем новой жизни, осваивая многочисленные профессии, в том числе и те, которые ранее считались исконно мужскими. Именно участие в производстве явилось решающим условием, определившим социальный статус и равенство женщины, а деятельность партийных и государственных органов была направлена на решение производственных задач, где женщина рассматривалась лишь как объект мобилизационной политики. Все это окончательно привело к формированию особой советской модели гендерного равенства, предусматривающей в первую очередь равенство физических возможностей полов.

Начавшийся процесс трансформации роли советских женщин в обществе чрезвычайно важен для изучения с точки зрения социально-культурной антропологии, поскольку женщины являлись одной их главных движущих сил этой тенденции. А также в связи с формированием в сознании и умах советских людей совершенно нового образа – «новой советской женщины», продиктованного идеологическими установками партии и внедряющегося в сознание людей всеми доступными визуальными и вербальными средствами.

В данной работе рассматривается один из видов кинематографа, а именно художественное кино, в качестве аудиовизуального источника для изучения общества в русле антропологии. Ряд исследователей, таких, как П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова [1], В.Л. Круткин [2], причисляют художественные фильмы к источниковой базе визуальной

антропологии, однако справедливости ради следует отметить, что единого мнения по этому вопросу в научном сообществе нет.

История отечественного кино 1941–1945 гг. относится к недостаточно изученным сюжетам в современной историографии. Среди работ общего характера следует отметить монографии, очерки, искусствоведческие учебные пособия и статьи, в которых были систематизированы и обобщены наиболее значимые события истории кино периода Великой Отечественной войны [3]. Наибольший вклад в аналитическое осмысление киноискусства военных лет на сегодняшний день внесли М.П. Власов, С.В. Дробашенко, Н.М. Зоркая, В.И. Фомин и некоторые другие авторы [4].

В 1990–2000-х гг. рассматриваемая проблематика нашла отражение и в региональных исследованиях. В них сообщались новые сведения о работе кинодокументалистов в период войны и эвакуации киностудий, были выявлены особенности кинопроизводства и функционирования киносети в тыловых районах, рассмотрена работа местных студий [5]. Однако история участия женщин в Великой Отечественной войне пока остается ненаписанной, несмотря на рост интереса исследователей к этой теме в последние годы.

В годы Великой Отечественной войны вся страна жила вокруг сводок с фронта ради одной цели – скорейшей победы. Однако люди были не только на фронте, но и в тылу, а где люди, там и жизнь. И хотя жизнь была несравнимо страшнее, нежели в мирное время, партийная верхушка стремилась организовать культурный досуг граждан СССР таким образом, чтобы аккумулировать внутренние духовные силы народа для достижения поставленных задач.

«Великая сила искусства», «великая сила кино» – вот, без сомнения, те лозунги, которые использовала советская идеологическая пропаганда, раскрывая насущные задачи страны советским кинематографистам. Только кино как наиболее массовый и любимый населением вид искусства был в состоянии не только поднять общий дух только что освобожденного региона, но и способствовать мобилизации моральных сил всех советских людей на борьбу с грозным врагом, укреплению национального единства, воспитанию и утверждению мужества, оптимизма, активизации восстановительных работ. Вот как об этой задаче говорил Григорий Александров: «Нуждами фронта и тыла с первых дней войны жила и наша художественная кинематография. Был пересмотрен план производства художественных и документальных фильмов. Из него изъяли все произведения, которые не имели прямого отношения к теме защиты Родины» [6]. Поэтому в годы Великой Отечественной войны иным, чем в мирных условиях, стало значение разных видов кино. Иным, чем до войны, но по-прежнему могучим средством идейного воспитания масс стала и художественная кинематография. «Что значит хорошая картина в эпоху Отечественной войны?» – спрашивал Сергей Герасимов и отвечал: «Это прежде всего поэтическая картина, во-вторых, картина, имеющая в своей природе некоторую историческую и поэтическую доподлинность» [7].

И хотя в кинопрокате на первое место в это время выдвинулась кинохроника как самый оперативный вид кино, художественные киноленты пользовались огромной зрительской симпатией. Иван Пырьев в 1945 г., оценивая художественные фильмы, снятые в годы войны, отмечал: «Картины современные, сделаны о людях и днях той великой эпохи, в которой мы живем, что еще более усугубляет достижения 1944 года. Неслучайно, например, что в театре нашем нет художественных произведений на те темы, о тех людях, о которых рассказывает большинство наших картин 1944 года: “Большая земля”, “Зоя”, “Жила-была девочка”, “В шесть часов вечера после войны”, “Родные поля”, “Иван Никулин – русский матрос”, “Дни и ночи”, “Малахов курган”. Ни в театре, ни в литературе таких произведений нет. “Нашествие” у нас в кинематографии получилось более удачным и полноценным» [8].

У зрителей большой любовью пользовалась названная выше в цитате кинокартина «В шесть часов вечера после войны», снятая в 1944 г. кинорежиссером И. Пырьевым, где присутствие любимых актеров накладывалось на пьянящее настроение близкой Победы [9]. Народ обожал фильмы этого режиссера и блиставшую в них актрису Марину Ладынину. Разумеется, эти киноленты имели мало общего с реальной жизнью, но советский зритель хотел верить в сказку о счастливой жизни в Стране Советов. И Пырьеву удалось найти такой жанр фильма, который нравился и народу, и партийной верхушке.

В кинопрокате появились и первые трофейные ленты. Такие, как, например, немецкая музыкальная кинолента «Девушка моей мечты» (“Die Frau meiner Träume”) со звездой австро-немецкой оперетты и музыкальной комедии Марикой Рекк в главной роли. Любопытный факт: в советском кинопрокате конца 1940-х – начала 1950-х гг. этот фильм шел с оригинальной немецкой звуковой дорожкой, с русскими субтитрами, с заставкой «Этот фильм взят в качестве трофея» и с ограничением «Дети до 16 лет не допускаются» [10].

Появление двух названных кинофильмов было весьма символичным. Сняты обе киноленты были в 1944 г.: одна в Германии, другая – в СССР. И хотя кинорежиссеры, конечно же, не договаривались о соперничестве между собой, появление этих кинолент стало своего рода идеологическим противостоянием. Главные героини фильмов – это женщины, казалось бы, со своими одинаковыми проблемами и переживаниями: о любви, о женском счастье. Но какие они разные!

Главная героиня фильма «Девушка моей мечты» Юлия Кестер (актриса Марика Рекк) – звезда музыкального ревю, устала от театра и поклонников. У нее только одно желание – уехать отдохнуть в Тироль от ежедневных репетиций и спектаклей. Юлия убегает от директора театра, отказываясь от нового контракта, тайком, в одной комбинации и наброшенной на нее шубе. Цепь комических обстоятельств и случайностей складывается таким образом, что Юлия оказывается без багажа, денег и в одной шубе посреди темной ночи на безлюдном горном

полустанке… Ее жизнь легка и порой даже комична, но именно здесь, в горах, Юлия обретет свою любовь, пройдя через обиды и примирения [11].

Совершенно по иному показана женская судьба зенитчицы Вари Панковой (актриса Марина Ладынина) и артиллериста Васи Кудряшова (актер Евгений Самойлов) в фильме «В шесть часов вечера после войны». Расставаясь, они обещают друг другу встретиться в шесть часов вечера после войны на Каменном мосту в Москве. Пять долгих лет артиллерист Вася Кудряшов и зенитчица Варя Панкова ждали этой встречи, верили в нее. И эта вера помогла им выжить. Судьба вознаградила молодых людей за силу, мужество и терпение. Их жизнь и любовь – это цепь долгих и тяжких испытаний, борьбы за жизнь, за свое счастье [12].

Эти две женские судьбы как два антипода, как две стороны одного и того же взгляда на жизнь и на понимание того, какое место должна занимать женщина в нем. Образы главных героинь – Марики Рекк и Марины Ладыниной – тоже как бы противопоставлены. С одной стороны, достаточно легковесная, даже, может быть, немного вульгарная Юлия Кестер – актриса из ревю (ну разве это профессия для женщины – ремарка советской идеологической пропаганды). А с другой – образ женщины-зенитчицы Вари Панковой, смелой, мужественной, серьезной женщины, которая идет на фронт, способна на любую (мужскую!) работу и готова умереть ради победы. Эти два образа, по замыслу советской пропаганды, должны были вызывать у советских зрителей слезы.

В случае с Юлией Кестер – слезы сострадания за униженное положение женщины в буржуазном обществе, где она не имеет права выбора своей судьбы и жизни, не может обрести настоящую любовь. А вот Варя Панкова должна была вызывать слезы гордости: за свое мужество, за то, что в своей советской стране она свободна и вольна сама решать, как ей жить, бороться наравне с мужчинами на фронте и добиваться своего женского счастья.

Обидно лишь одно, что в советском понимании женское счастье может прийти лишь через лишения и страдания, через силу, мужество и терпение, и этот путь тернист и тяжел. Увы, но именно в этом и заключалась истинное понимание советской модели гендерного равенства, где женщины наравне с мужчинами обладают способностью выдерживать все физические нагрузки. Именно такая, «сильная» (в первую очередь физически!) женщина и нужна была новому советскому обществу.

Однако советская идеологическая пропаганда в данном случае дала сбой. Зритель полюбил невероятно красочное немецкое трофейное кино о «сладкой» жизни. Это было именно то, чего так не хватало в военное время. Хотя можно предположить, что именно поэтому данная кинолента и появилась в советском кинопрокате. В тяжелых условиях войны и восстановления эта картина должна была стать некой отдушиной, своеобразным иллюзорным иным миром, позволяющим хотя бы на час забыть о тяготах военного времени. Женщины копировали фасоны одежды и прически главной героини. Ну а для мужской аудитории сцена,

когда М. Рекк распахивала свою шубку и обнажала ножку под коротенькой комбинацией, была настоящей сенсацией, на которую шли специально, других «эротических» сцен в советском кино тогда еще не было.

Совершенно иная женская история лежит в основе другого шедевра кинопродукции тех лет – фильма «Она защищает Родину». Это лента о простой колхознице, мстящей фашистам за свою сломанную жизнь и жизнь народа, снятая в 1943 г. режиссером Фридрихом Эрмлером по сценарию Алексея Каплера на Центральной объединенной киностудии (далее – ЦОКС, город Алма-Ата), премьера которой состоялась 20 мая 1943 г. [13].

История главной героини довольно типична для тех лет. Простая колхозница живет до войны полной и счастливой жизнью. У нее есть муж, ребенок, уважение товарищей по труду, завоеванное тяжким трудом (!), но все рушится в одночасье, когда начинается война. Муж гибнет в бою, ребенок попал под гусеницу танка, вчерашние друзья сегодня стали чужими и ушли в лес, в партизаны, а сама Прасковья Лукьянова остается один на один со своим горем. Жизнь счастливой женщины раздавлена и лишена всякого смысла. От пережитого она состарилась. В фильме показана эта сцена: Прасковья бредет по лесу, полностью погруженная в свое горе, и наклоняется над бадейкой с водой, чтобы напиться. Она видит свое отражение – на нее смотрит уставшая, изнеможенная старуха. Героиня замечает неподалеку от себя лежащий топор, внимательно глядит на него. В этот момент зритель понимает, что Прасковья нашла новый смысл жизни, новую цель – она будет мстить за все страдания, что ей причинили захватчики. Примечательно, что сцена эта сыграна исключительно на мимике и жестах актрисы Веры Марецкой, без поддержки партнеров, без слов и пафосных, штамповых реплик. Вскоре к Прасковье присоединяются и бывшие друзья по колхозу, и они вместе идут на первую боевую операцию: нападение на отставший немецкий обоз. Трагизм и боль принизывают картину, а сострадание за женскую судьбу звучат как призыв ко всем советским женщинам того времени: мстить врагу за детей, за мужа и брата, за поруганную землю, за слезы и боль потерь, утраченную любовь и надежду…

Кинематограф военных лет не так часто выбирал в качестве главных героинь женщин. Но уж если выбирал, то выполнение поставленных идеологических задач было полным. В годы войны на экраны страны вышли киноработы Виктора Эйсмонта «Фронтовые подруги» (Ленфильм, 1941 г.) и «Жила-была девочка» (Союздетфильм, 1944 г.), Юлия Райзмана «Машенька» (Мосфильм, киностудия в Алма-Ате, 1942 г.), Лео Арнштама «Зоя» (Союздетфильм, 1944 г.), Леонида Трауберга «Актриса» (ЦОКС, Алма-Ата, 1943 г.). И что характерно, в большинстве своем образы женщин, которые были созданы на экранах этих кинолент, полностью отвечали всем идеологическим установкам Советского государства.

Так методами официальной пропаганды стал формироваться образ женщины-героини, прототипом которой чаще всего была партизанка или санитарка [14]. Этот образ имел весьма опосредованное отношение

к женской военной повседневности, женскому восприятию войны и женскому героизму. К тому же он не стал доминирующей гендерной репрезентацией военного времени. Иконография Великой Отечественной войны при изображении женщины в плакате, кино, литературе, популярной песне и прессе была сфокусирована на образе Родины-матери – женщины старшего возраста, своим героическим трудом приближающей победу. Знаменитое стихотворение Константина Симонова «Жди меня», чрезвычайно популярное в годы войны, акцентировало образ жены, ожидавшей бойца в глубоком тылу. Разрыв с довоенной традицией был окончательно закреплен в кинематографе военных лет.

Со своей задачей советский кинематограф военной поры справился. Создатели практически всех кинофильмов (за исключением ленты «Актриса» – возможно, здесь сыграло роль то, что главная героиня фильма – певица оперетты) были удостоены Сталинских премий.

Однако искусство и, в частности, кино – это обман, игра. И зритель хочет, чтобы его обманули, но обманули по правилам, им самим принимаемым, и обманули так, чтобы зритель забылся. Если создателям фильма это удается, зритель говорит: «Хорошее кино». Но всматриваясь в черно-белые кадры фильмов о войне, можно наблюдать за тем, как люди и сегодня, по прошествии стольких лет после войны, продолжают переживать за нелегкие женские судьбы военного лихолетья. И слезы по-прежнему наворачиваются на глаза у зрителей, а сердце сжимается в груди, когда на экранах предстают образы простых женщин военной поры, их нелегкие женские судьбы. Женские образы из фильмов периода войны, хотя и подверженные идеологическим штампам и установкам той эпохи – это уже не игра, это настоящие исторические свидетельства сурового военного времени.

Именно поэтому художественное кино о Великой Отечественной войне ценно вдвойне, даже если истории героинь вымышлены. В каждом фильме достоверно и доступно показаны реалии эпохи, настроения, надежды и чаяния людей, оказавшихся в сложнейших условиях, показана наша история. И нельзя переоценить художественную ценность данных киноработ, т.к. война задела практически каждую семью, каждого человека в нашей стране, потому эта тема, вызывая внимательное, почтительное отношение со стороны зрителей, требовала ответственности со стороны создателей: авторов идей, режиссеров и актеров.

Конечно, советская эпоха и военное время обладали своими характерными идеологическими штампами и установками. Но бесспорно одно: борьба за жизнь – глубочайшая и важнейшая тема творчества, для нашего народа – особенно. Поэтому эти и многие другие фильмы о Великой Отечественной войне можно с полной ответственностью причислить к сокровищам отечественного кинематографа. А женские образы в кинематографе военной эпохи – это дань памяти и уважению тому подвигу, который совершили женщины в годы войны.

Примечания

1. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Взгляды и образы: методология, анализ, практика // Визуальная антропология: настройка оптики / под общ. ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М., 2009. С. 7–15.

2. Круткин В.Л. Антропология в книге и на экране («Аудиовизуальная антропология: теория и практика». Стенограмма круглого стола Международного научного симпозиума «Время культурологии», ВГИК, Москва, 25 мая 2007 г.) // Антропологический форум. 2007. № 7. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/007/07_02_materialy_k.pdf (дата обращения: 22.04.2016).

3. История отечественного кино / отв. ред. Л.М. Будяк. М., 2005. С. 309–339; Михайлов В. Сталинская модель управления кинематографом // Кино: политика и люди (30-е годы). К 100-летию мирового кино. М., 1995. С. 9–25; Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31–46; Назаров А.Н. Отражение «реальности» в советских кинохроникальных фотодокументах 1930–1940-х годов // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2004. Вып. 12. С. 136–143; Война на экране / сост. М. Зак, Ю. Михеева. М., 2006 и др.

4. Власов М.П., Дробашенко С.В. Советское кино в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): учебное пособие. М., 1999; Зоркая Н.М. Вещие сны Алма-Аты: Русское кино в эвакуации // Искусство кино. 1999. № 7. С. 125–139; Зоркая Н.М. История советского кино. СПб., 2005; Фомин В.И. Кино на войне. Документы и свидетельства. М., 2005 и др.

5. Сиротин О.В. Кино в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Пензенский край // Война. Народ. Победа: материалы межвузовской научной конференции, посвященной 60-летию Великой Отечественной войны. Пенза, 2001. С. 139–143; Ватолин В.А. Победы и потери сибирского кино (1930–1940-е гг.) // Киноведческие записки. 2006. № 78. С. 238–261; Рубайло А.И. Вклад советских кинематографистов в Великую победу // Героическое и трагическое лихолетье: материалы Международной научной конференции, посвященной 55-летию Победы советского народа над фашистской Германией и милитаристской Японией. Москва. 21–22 сентября 2000 г. Смоленск, 2000. С. 247–251; Сомова И.Ю., Линец С.И. Киносеть Ставропольского края в период Великой Отечественной войны: динамика и характер изменений // Научный вестник (Пятигорск). 2002. № 2(13). С. 6–11 и др.

6. Особенности советского кинематографа в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война. URL: http://www.otvoyna.ru/kino.htm (дата обращения: 17.03.2016).

7. Там же.

8. Война на экране … С. 102–103.

9. «В шесть часов вечера после войны». Советская мелодрама, 1944 г. // Кино-Театр.ru. Сайт о театре и кино. URL: http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/791/annot/ (дата обращения: 10.03.2016).

10. «Девушка моей мечты». Немецкий музыкальный кинофильм, 1944 г. // Кино-Театр.ru. Сайт о театре и кино. URL: http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/euro/34155/annot (дата обращения: 10.03.2016).

11. Там же.

12. «В шесть часов вечера после войны». Советская мелодрама, 1944 г.

13. Юренев Р.Н. Краткая история киноискусства. М., 1997. С. 274–275.

14. Физелер Б. Женщины на войне. Ненаписанная история. 1941–1945 гг. Берлин, 2002. С. 13.

В.Н. Якунин

Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в диссертационных исследованиях

В диссертационных исследованиях по проблеме можно выделить два основных этапа: 1) 1961–1989 гг. и 2) с 1990 г. до настоящего времени.

На первом этапе изучения проблемы исследователей интересовали такие вопросы, как объяснение патриотической деятельности Русской православной церкви (далее – РПЦ) в годы Великой Отечественной войны, последствия, которые повлекла за собой эта деятельность, изменение государственно-церковных отношений, коллаборационистская деятельность православного духовенства и верующих, объяснение повышения религиозной активности населения в годы Великой Отечественной войны, преодоление обновленческого раскола и попытки анализа зарубежной историографии проблемы под видом критики «буржуазной фальсификации» положения религии в СССР.

А.А. Шишкин связывал повышение авторитета Церкви в военные годы с задачей преодоления обновленческого раскола [1]. П.К. Курочкин утверждал, что возглавляемое митрополитом Сергием церковное руководство использовало опыт обновленческого движения в сфере не только для политической переориентации православия, но и в сфере идеологической перестройки [2].

Патриотическую деятельность РПЦ в 1941–1945 гг. А.А. Шишкин объяснял стремлением повысить свой авторитет [3]. Эта позиция была общей для советских исследователей в те годы, все они предпочитали писать не о патриотической деятельности Церкви в годы войны, а о коллаборационизме ее представителей на оккупированных территориях.

В диссертации Э.И. Лисавцева в одной из глав анализировалась деятельность РПЦ в военные годы. В этом исследовании была сделана попытка отойти от традиционного освещения темы, преодолеть некоторые устаревшие положения и стереотипы. Э.И. Лисавцев впервые в советской историографии подчеркнул, что на оккупированной территории РПЦ для части населения выступала хранительницей национальных традиций [4].

Кандидатская диссертация О.В. Андреевой посвящена критике англо-американской историографии положения православной церкви в СССР. Автор повторяет тезис о неизменности принципов отношения советского правительства к Церкви в 1941–1945 гг. и приходит к выводу, что во время Великой Отечественной войны со всей очевидностью проявилась правильность и продуманность советской политики по религиозному вопросу [5].

К концу 1980-х гг. происходит переосмысление в отечественной светской историографии оценок деятельности РПЦ в период Великой

Отечественной войны. Серьезные пробелы в изучении темы были вызваны предвзятым отношением исследователей к рассматриваемой проблеме. Религия, Церковь рассматривались как пережиток прошлого, с которыми необходимо было сосуществовать, но в то же время и вести идеологическую борьбу.

Проблема положения и деятельности РПЦ в годы Великой Отечественной войны интересовала церковных историков – священнослужителей РПЦ, что нашло отражение в их кандидатских диссертациях. В системе интересующих церковных историков вопросов были: патриотическая деятельность Церкви в 1941–1945 гг. [6], церковная жизнь Ленинграда во время блокады 1941–1944 гг. [7], положение и деятельность Церкви на оккупированных фашистами территориях Украины [8], оказание СССР моральной поддержки со стороны христианских церквей мира и наших православных соотечественников за границей, международная деятельность Церкви [9]. При этом надо понимать, что требования к качеству рукописей диссертаций в системе духовных академий РПЦ в то время были совершенно отличны от требований к диссертациям в светских учебных заведениях.

Переход к следующему этапу был предопределен качественно новым отношением в условиях перестройки к малоизученным проблемам, неизвестным сюжетам истории Великой Отечественной войны, месту и роли православной церкви в различные, в том числе переломные периоды нашей истории.

С 1990 г. появляются докторские и кандидатские диссертации, посвященные в основном взаимоотношениям Советского государства, общества и РПЦ. Первой диссертацией, защищенной в 1990 г., стала работа О.Ю. Васильевой [10]. Из всех диссертаций 10 [11] охватывают период 1941–1945 гг., остальные исследуют проблему на более длительном промежутке времени. Основное внимание авторами уделяется созданию новой системы государственно-церковных отношений в 1941–1945 гг. и анализу работы Совета по делам РПЦ и его уполномоченных. Исследовалось правовое регулирование взаимоотношений государства и РПЦ в военные годы, а также правовой статус РПЦ в Советском государстве (см. например [12]). Церковное подполье 1920–1940-х гг. в СССР изучалось также в контексте государственно-церковных отношений.

Анализируя государственно-церковные отношения, исследователи не могли обойти своим вниманием патриотическую деятельность РПЦ. По мнению большинства исследователей, запрещать, умалять или не замечать патриотическую деятельность Церкви со стороны государства было делом бессмысленным и даже компрометирующим власть. Поэтому государство было вынуждено пойти на сотрудничество с этим еще сохранившимся общественным институтом, поставив его под свой контроль.

Внешние связи Московской патриархии в период войны исследовались в следующих аспектах: взаимосвязь изменения государственно-церковных отношений с внешней политикой Советского государства,

проблема церковных разделений и воссоединение православных приходов с Московской патриархией, положением приходов РПЦ и Русской православной церкви заграницей (далее – РПЦЗ) (в США, Германии), взаимодействие РПЦ с экуменическим движением [13].

Современный этап исследования темы характеризуется появлением новой трактовкой деятельности РПЦЗ. Если на первом этапе развития отечественной историографии ее позиция трактовалась однозначно негативно, то на втором предпринимаются попытки оправдать коллаборационизм представителей зарубежной церкви в годы Второй мировой войны, утверждается, что они выполняли вечную миссию спасения душ, считаясь с войной как с фактом [14].

Получила новое звучание тема положения и деятельности РПЦ на оккупированных фашистами территориях СССР. Был развенчан миф о «профашистской» ориентации экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского) и Псковской православной миссии. Большинство авторов признает вклад верующих на оккупированных территориях в партизанское движение и тот факт, что возрождение там религиозной жизни оказало определенное влияние на изменение религиозной политики советского руководства в военный период [15].

Исследовалось обновленческое движение в Русской православной церкви, «закат» которого пришелся на годы Великой Отечественной войны, преодоление других церковных расколов, церковное подполье [16]. Внимание уделялось отдельным направлениям деятельности Церкви, например, книгоизданию [17].

Свой вклад в освещение положения и деятельности Церкви в период Великой Отечественной войны вносят на исследования, проведенные на региональном уровне [18]. Во всех региональных работах по проблеме изучается патриотическая деятельность Церкви и государственно-церковные отношения.

Проблема положения и деятельности РПЦ в 1941–1945 гг. активно изучается нашими коллегами из ближнего зарубежья: Украины, Республики Беларусь, Кыргызстана. И если исследователи из Беларуси и Кыргызстана исследуют положение и деятельность РПЦ в своих республиках в 1941–1945 гг. объективно и беспристрастно, акцентируя внимание на государственно-церковных отношениях, патриотической деятельности РПЦ, ее внутренней жизни и структуре управления [19], то на Украине ситуация несколько иная. Диссертации историков западных и восточных регионов страны по проблеме отличаются концептуально. Политические настроения оказали большое влияние на исследователей Западной Украины [20].

Проблема положения и деятельности РПЦ в годы Великой Отечественной войны была затронута в 77 диссертациях: 15 докторских и 62 кандидатских, в том числе церковными исследователями было защищено 4 диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия. 10 светских диссертаций охватывают период 1941–1945 гг.,

остальные исследуют проблему на более длительном промежутке времени. Только 3 диссертации светских исследователей и все 4 диссертации исследователей церковных были защищены в период 1961–1987 гг., остальные после 1990 г. 3 диссертации были защищены по философии [21], 3 по юридическим наукам [22], 1 по политическим наукам [23], 4 по богословию, 66 по историческим наукам.

Примечания

1. Шишкин А.А. «Обновленческий» раскол Русской православной церкви: дис. … д-ра филос. наук. Казань, 1972.

2. Курочкин П.К. Эволюция современного русского православия: дис. … д-ра филос. наук. М., 1970.

3. Шишкин А.А. Указ. соч.

4. Лисавцев Э.И. Эволюция политической ориентации русской православной церкви (критика буржуазно-клерикальной фальсификации): дис. … д-ра филос. наук. М., 1977.

5. Андреева О.В. Критика англо-американской буржуазной историографии современного положения православной религии и церкви в СССР: дис. … канд. ист. наук. М., 1987.

6. Арсений (Веретельников), иеродиак. Патриотическая деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны: дис. … канд. богословия. Загорск, 1976.

7. Иннокентий (Павлов), иером. Церковная жизнь Ленинграда во время блокады: дис. … канд. богословия. Л., 1983.

8. Феодосий (Процюк), архиеп. Обособленческие движения в православной церкви на Украине с 1917 по 1943 г. (по материалам Киевской, Харьковской и Полтавской епархий): дис. … канд. богословия. Смоленск, 1978–1979.

9. Ювеналий (Поярков), иером. Внешние сношения Русской православной церкви с 1917 по 1944 год: дис. … канд. богословия. Загорск, 1961.

10. Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны: дис. … канд. ист. наук. М., 1990.

11. Амельченков В.Л. Воздействие Русской православной церкви на социальную сферу общества в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: на материалах Смоленской области: дис. … канд. ист. наук. Смоленск, 2010; Гущина А.В. Эволюция отношений государства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1996; Ковалёв Б.Н. Антифашистская борьба: анализ пропагандистского противостояния (1941–1944 гг.). На материалах временно оккупированной территории Северо-Запада РСФСР: дис. … канд. ист. наук. СПб., 1993; Его же. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России, 1941–1944 гг.: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2002; Обозный К.П. Псковская православная миссия как фактор церковного возрождения на временно оккупированных территориях Северо-Запада России в 1941–1944 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2006; Рашитова О.А. Деятельность Русской православной церкви в годы войны и блокады Ленинграда 1941–1945 гг.: на материалах Ленинграда: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2006; Сахарова Л.Г. Государственная политика по отношению к Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Горьковской и Кировской областей): дис. … канд. ист. наук. Киров, 2000; Силова С.В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной

войны (1941–1945 гг.): дис. … канд. ист. наук. Минск, 2000; Шимон И.Я. Отношения Советского государства и Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. … д-ра ист. наук. М., 1995; Якунин В.Н. Патриотическая деятельность Русской православной церкви и изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. … канд. ист. наук. Самара, 1998; Якунин В.Н. Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. … д-ра ист. наук. Самара, 2003.

12. Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг.: дис. … д-ра ист. наук. М., 1998; Камордин В.В. Православная концепция политического и социально-экономического развития России конца XIX – 40-х гг. XX в.: дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2002; Маслова И.И. Эволюция вероисповедальной политики советского государства и деятельности Русской православной церкви: дис. … д-ра ист. наук. М., 2005; Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века): дис. … д-ра ист. наук. М., 1996; Полат Салих. Русская православная церковь и религиозная политика советского государства в условиях второй мировой войны и послевоенный период: дис. … канд. ист. наук. М., 2001; Риффель И.В. Государственная религиозная политика в Вооруженных силах России в XX веке: дис. … канд. ист. наук. Мурманск, 1999; Тюрина Л.В. Государство и Русская православная церковь: эволюция отношений. 1917–2000 гг.: дис. … канд. ист. наук. Курск, 2000; Чумаченко Т.А. Совет по делам русской православной церкви при СНК (СМ) СССР. 1943–1965 гг.: дис. … д-ра ист. наук. М., 2011; Чумаченко Т.А. Советское государство и Русская православная церковь: история взаимоотношений (40-е – первая половина 50-х гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1994; Шин Донг Хек. Деятельность Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР в первое десятилетие его существования. 1943–1953 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2002; Шкаровский М.В. Русская православная церковь и религиозная политика советского государства в 1939–1964 годах: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 1996; Шкуратов С.А. Взаимоотношения Советского государства и Русской православной церкви в 40–60-е годы XX века: дис. … канд. ист. наук. М., 2005.

13. Болотов С.В. Роль Русской православной церкви в международной политике СССР в конце 1930-х – начале 1950-х гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2011; Катаев А.М. Московская патриархия и церковные разделения за рубежом и в СССР в 1922–1946 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2006; Лепилин А.В. Взаимодействие Русской православной церкви с экуменическим движением в период его зарождения и развития: 1917–1961 гг.: дис. … канд. ист. наук. Орел, 2004; Никитин А.К. Политика нацистского режима в отношении русской православной общины в Германии (1933–1945 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1998; Новгородский О.Н. Русская православная церковь за границей в США. 1922–1994 годы – путь церковных разделений: дис. … канд. ист. наук. Донецк, 2003; Шкуратова И.В. Советское государство и внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви: 1945–1961 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2005.

14. Никитин А.К. Указ. соч.

15. Обозный К.П. Указ. соч.

16. Беглов А.Л. Церковное подполье 1920–1940-х годов в СССР в контексте государственно-церковных отношений: дис. … канд. ист. наук. М., 2004; Пантюхин А.М. Обновленческое движение Русской православной церкви в 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополья и Терека): дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2013.

17. Медведева Л.П. Книгоиздание Русской православной церкви: 1945–2009 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2012.

18. Абдулов Н.Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений: 1917–1991 гг.: дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2006; Амельченков В.Л. Указ. соч.; Бакшеева Е.Б. Политика Советского государства по отношению к Русской православной церкви на Дальнем Востоке России: октябрь 1922 – июнь 1941 гг.: дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2004; Белкин А.И. Государственно-церковные отношения в Мордовии в 20-х – начале 60-х годов XX века: на материалах русского православия: дис. … канд. ист. наук. Саранск, 1995; Вяткин В.В. История Пермской епархии в XIX – начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения: дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2005; Гераськин Ю.В. Взаимоотношения Русской православной церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России): дис. … д-ра ист. наук. М., 2009; Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг.: дис. … д-ра ист. наук. Кемерово, 2009; Горбатов А.В. Церковно-государственные взаимоотношения в Кемеровской области, 1943–1969 гг.: дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 1996; Грашевская О.В. Политика Советского государства в отношении Русской православной церкви в 1940–1980-х гг.: центр и местные власти (на материалах Мурманской области): дис. … канд. ист. наук. Мурманск, 2005; Зин Н.В. Взаимоотношения государства и церкви в 1943–1953 гг. (на материалах Владимирского края): дис. … канд. ист. наук. М., 2010; Ибрагимов Р.Р. Государственно-конфессиональные отношения в Татарстане в 1940–1980-е гг.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2004; Камардина Н.В. Изменение идеологии советского общества в 1941–1953 гг.: на материалах Дальнего Востока СССР: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2007; Ковалёв Б.Н. Указ.соч.; Козлов Ф.Н. Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в 1917 – начале 1940-х гг.: по материалам Чувашии: дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2009; Луковенко И.Г. Советское государство и Русская православная церковь: исторический опыт отношений на материалах Донецкой области (1943–1964 гг.): дис. … канд. ист. наук. Киев, 2007; Макаров И.В. Взаимоотношения местных органов власти и поволжских епархий Русской православной церкви накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2002; Макарова Е.А. Взаимоотношения государственных органов власти и Русской православной церкви в 1940-е – 1960-е гг.: на материалах Ставропольского края: дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2008; Михайловский А.Ю. Взаимоотношения власти и Русской православной церкви в 1943–1965 гг.: на материалах Рязанской области: дис. … канд. ист. наук. Владимир, 2011; Молодов О.Б. Советское государство и русская православная церковь на Европейском Севере в 1960–1980-е годы: дис. … канд. ист. наук. Архангельск, 2006; Обозный К.П. Указ. соч.; Пантюхин А.М. Указ. соч.; Потапова А.Н. Религиозная политика советского государства и ее осуществление на Южном Урале в 1941–1958 гг.: дис …. канд. ист. наук. Оренбург, 2004; Потапова Н.В. Религиозная жизнь Сахалина (во второй половине XIX – начале XXI вв.): дис. … канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2004; Прядкина О.А. Взаимоотношения Советского государства и Русской православной церкви в 1941–1954 гг. (на материалах областей Верхнего Поволжья): дис. … канд. ист. наук. Кострома, 2004; Рашитова О.А. Указ. соч.; Редько М.В. Русская православная церковь в условиях советского общественно-политического строя 1940-х – 1980-х гг.: на материале Красноярской епархии: дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2010; Сахарова Л.Г. Указ. соч.; Сердюк М.Б. Религиозные организации в советском обществе 1941–1954 гг.: дис. … д-ра ист. наук. Владивосток, 2012; Смирнова О.С. Деятельность института уполномоченных совета по делам Русской православной церкви в 1944–1965 гг.: на материалах Верхнего Поволжья: дис. … канд. ист. наук. Иваново,

2010; Смолина И.В. Иркутская епархия в системе государственно-церковных отношений в 1940–1980-е гг.: дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2010; Сосковец Л.И. Религиозные организации Западной Сибири в 1940–1960-е годы: дис. … д-ра ист. наук. Томск, 2004; Чеботарев С.А. Отношения государства и церкви в середине 1940-х – середине 1960-х гг.: на материалах Тамбовской области: дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2004; Чурилина Т.И. Отношения Советского государства и Русской православной церкви на Дальнем Востоке в период 1941–1964 гг.: дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2006; Шабалин Н.В. Политические технологии Советского государства в отношении Русской Православной церкви в 1943–1964 годах: проблемы региональной специфики и реализации в Кировской области: дис. … канд. ист. наук. Чебоксары, 2006; Шуньгина Е.В. Политика Советского государства в отношении Русской православной церкви в 1940–1950-х гг.: возвращение культовых зданий церкви: на материалах Ленинграда: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2009.

19. Носова Е.В. История взаимоотношений государства и Русской православной церкви в Кыргызстане: конец XIX – середина XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Бишкек, 2006; Силова С.В. Указ. соч.

20. Борщевич В.Т. Украинская православная церковь на Волыни в 20–40-х гг. XX в.: дис. … канд. ист. наук. Львов, 2000; Гридина И.Н. Православная церковь в Украине во время Второй мировой войны 1939–1945 гг.: человеческое измерение: дис. … канд. ист. наук. Донецк 2001; Шайкан В.А. Коллаборационизм на территории рейхскомиссариата «Украина» и военной зоны в период Второй мировой войны: дис. … д-ра ист. наук. Донецк, 2006; Яремчук С.С. Православная церковь на Буковине в 1944–1991 гг. (государственно-церковные взаимоотношения): дис. … канд. ист. наук. Черкассы, 2006.

21. Маслобоев Н.К. Эволюция взаимоотношений Русской православной церкви и государства в СССР и в постсоветской России: религиоведческий анализ: дис. … канд. филос. наук. СПб., 2003.

22. Иванченко С.В. Правовое регулирование взаимоотношений государства и Русской православной церкви в СССР: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011; Петюкова О.Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 годах: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011; Шершнева-Цитульская И.А. Правовой статус Русской православной церкви в Советском государстве: 1917–1943 гг.: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.

23. Потапова Г.А. Историко-политологическое исследование взаимосвязи государства и Русской православной церкви (1917–1993 гг.): дис. … канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2000.

Н.С. Кирповская

Досуг мирного населения во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): историографический обзор

22 июня 1941 г. немецко-фашистские войска вторглись на территорию СССР. Жизнь граждан нашей страны кардинально изменилась. Миллионы солдат отправились на фронт защищать Родину, и многие из них навсегда остались на полях сражений. На оккупированных территориях против захватчиков вели борьбу партизаны и подпольщики.

Мужественно несли свое бремя труженики тыла (в том числе женщины и подростки). 3 года, 10 месяцев и 18 дней длилась главная трагедия нашей Родины в XX в.

В советской и российской историографии война характеризуется крайне негативными и патетическими эпитетами: «тяжелая», «кровопролитная», «ужасное бедствие», «всенародная», «справедливая», «священная», «Великая». Разумеется, сомневаться в адекватности подобных представлений – это все равно, что недооценивать масштаб произошедшей катастрофы, чудовищной по своим последствиям. Тем не менее жизнь продолжалась, и в условиях безжалостной войны люди, как на фронте, так и в тылу, нуждались в отдыхе, в удовольствии от редкого досуга.

Советская историческая наука, рассматривая тему Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), долгое время была ориентирована на изучение хода военно-политических и экономических событий, роли выдающихся полководцев и генеральных секретарей (И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева) и пр. Но с 1990-х гг. в нашей стране началось активное освоение истории повседневности. За последние двадцать лет это направление достигло определенных успехов, в том числе на материалах Великой Отечественной войны. Ученые сфокусировались на таких аспектах, как условия труда и жизни, жилищный вопрос, феномен фронтовой дружбы, праздничная культура, религиозность в период войны. В данной статье предпринята попытка проанализировать постсоветские исторические труды о свободном времяпрепровождении гражданского населения СССР в 1941–1945 гг. и определить их вклад в разработку заявленной темы.

Стоит отметить, что одним из ключевых направлений проблематики повседневности является проведение досуга. Сам по себе культурный отдых может быть весьма разнообразным – от банального променада и игры в домино до просмотра кинофильмов и участия в массовых торжествах. Виды свободного времяпрепровождения имеют свои исторические и сезонные особенности, но несомненно другое: даже в период крупных потрясений, каким, конечно, была война, население, испытав дестабилизацию привычного уклада жизни, привыкает к новым чрезвычайным условиям. Иначе говоря, в импровизированной схеме «работа – дом – досуг» третий компонент не теряет своей актуальности. Нашей задачей является выявить, какие формы и особенности досуга эпохи Великой Отечественной войны раскрывают в своих сочинениях историки и можно ли считать проблему комплексно исследованной.

В 1990-е гг. при обращении к истории повседневности основное внимание уделялось общим теоретическим основам изучения проблемы. Ученые старались максимально глубоко разработать сущность, особенности и признаки обсуждаемого феномена. Данные аспекты рассматривались и в рамках других дисциплин. Так, философ А.В. Худенко в своей статье трактует повседневность как «привычное, упорядоченное, близкое», в оппозиции к которой стоит «непривычное, специфичное, далекое». Человек

адаптируется к условиям внешней среды и создает свой материальный мир (сюда относится питание, одежда, продолжение рода и пр.) [1]. Однако состояние знакомой обыденности не может быть перманентным, оно периодически сменяется на непривычное, то, что уничтожает сформированный будничный жизненный уклад. Без сомнения, ярким доказательством данного суждения является Великая Отечественная война, разрушившая сложившийся порядок. Важно обратить внимание на призыв автора «не просто возродить ценность повседневного, достигаемую возвращением в прошлое, но и одновременно переосмыслить его» [2].

Другим фундаментальным теоретическим трудом о мире повседневности является монография Л.П. Репиной «“Новая историческая наука” и социальная история». Автор анализирует исследования иностранных историков, посвященные проблемам частной жизни. Она выделила три варианта концепций частной сферы: история семьи и домохозяйства, история женщин, новая культурно-интеллектуальная история. Наконец, Л.П. Репина показывает противопоставление частной и публичной сфер жизни [3]. В годы войны вторая доминировала над первой, хотя иногда разница в этом соотношении не наблюдается.

Итак, в 1990-е гг. в российской исторической науке появились первые труды на тему повседневности. Активный интерес исследователей стал толчком к формированию теоретической базы, тезауруса, методов изучения проблемы. Однако, несмотря на дальнейшую разработку темы на протяжении более двух десятков лет, до сих пор не существует единства подходов в определении содержания используемых дефиниций, что обусловливает разнообразие исследовательских методик.

Первой специальной работой по данной теме стала диссертация А.В. Сперанского, где досуг рассматривается в качестве источника духовных сил российского народа в годы войны. При этом исследователь – сторонник регионального подхода, ограничивает свое изучение территорией Урала. Автор указывает, что эвакуированные деятели художественной культуры создавали произведения с яркой оборонной стилистикой. Свидетельства тому – сочинения писателей (А. Барто, В. Каверина, Л. Кассиля, Ю. Тынянова), в краткие сроки доходившие до читательской аудитории. Другой пример – творчество композиторов (Т. Хренникова, А. Хачатуряна, В. Волошинова, а также Д. Шостаковича, М. Гозенпуда). Популярность музыкальных вечеров была так высока, что «только на Среднем Урале за годы войны было проведено 20 тыс. музыкальных концертов». Обновленный репертуар театров оценили почти 30 млн человек. Признанием пользовались патриотические кинофестивали, интерес вызывали вернисажи («За Родину», «Ленинград в дни блокады»). Наконец, А.В. Сперанский обращает внимание на заметно возросшую религиозность граждан, допускаемую снижением идеологического пресса (и как результат – за 1943–1945 гг. священники и верующие собрали для фронта 14 млн рублей) [4]. Таким образом, писатели и музыканты, артисты и художники, а также церковные институты

делали все возможное со своей стороны для проведения эффективной патриотической работы с населением Урала, что в дальнейшем способствовало духовному подъему и Победе над врагом. Концентрация на фронтовых событиях и тяготах существования в тылу чередовалась с доступными народу развлечениями – жизнь продолжалась.

Особый интерес представляет книга Н.Н. Козловой, написанная еще в 1990-е гг., но вышедшая в 2005 г. Она примечательна тем, что автор анализирует автобиографические тексты. На примере обыкновенных людей исследуется стремление советских граждан выживать в условиях войны, чему, в том числе, содействует культурный отдых. Так, из мемуаров Л.М. де Морей Н.Н. Козлова приводит любопытные сведения о досуге раненых солдат. «Поскольку в эвакогоспитале тяжелые случаи были редки, обычно дежурный врач разрешал сбор у рояля, и под мою музыку в коридоре при керосиновой лампочке были танцы, модные тогда фокстрот или вальс. Раньше я их не играла, а теперь подобрала с голоса, так что заменяла патефон» [5]. Историк считает, что культурный капитал сыграл не последнюю роль в выживании ее героини: «Она жадно читает, музицирует», хотя обстоятельства отнюдь не располагают к веселью (арест мужа, голод, холод) [6]. Основное достоинство труда Н.Н. Козловой, на наш взгляд, заключается в предложенном ракурсе на проблему повседневности, основанном на детальном анализе дневниковых записей и мемуаров.

Завершить период 1990-х гг. в историографии повседневности можно работой Е.Ф. Кринко «Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.)», где, помимо прочих сюжетов, изучается и социальная политика захватчиков. Автор характеризует трудовую деятельность мирного населения, снабжение, налогообложение, медицинское обслуживание, функционирование образовательных учреждений. При этом указывается, что, несмотря на весь ужас своего положения, люди не переставали испытывать естественные потребности, в том числе и духовные. «С 5 по 15 января в школах вводились рождественские каникулы. В праздничные дни 7–9 января для учащихся предусматривалось проведение рождественских елок на средства, выделявшиеся управами и родителями» [7]. Следовательно, можно говорить о досуговых практиках на оккупированной территории Кубани.

Таким образом, в российской историографии 1990-х гг. ввиду неразработанности проблемы повседневности первостепенное значение уделялось концептуальным обоснованиям данного феномена. Затем появляются специализированные работы, ориентированные на изучение эпизодов «обыденного» в конкретных исторических реалиях. Более широкое распространение работы на эту тему получили уже в XXI в. Но прежде необходимо обратить внимание на статью Ю.А. Полякова «Человек в повседневности (исторические аспекты)». Она продолжает теоретические поиски 1990-х гг., а также содержит призыв рассматривать человека во всей неоднозначности его натуры, изучать ее влияние на его повседневную жизнь. Автор подчеркивает, что наши предки испытывали

те же страсти и чувства, что и мы, и приходит к выводу: история – это «повседневная жизнь человека в ее историческом развитии, проявление стабильных, постоянных, неизменных свойств и качеств в соответствии с географическими и временными условиями, рождением и закреплением новых форм жилья, питания, перемещения, работы, досуга… история – это прежде всего повседневная жизнь, опрокинутая в прошлое» [8]. Важной заслугой Ю.А. Полякова является выделение направлений истории повседневности: историко-демографическое (вопросы рождаемости и смертности, медицинское обслуживание, жилищный вопрос); историческая демография (семейно-брачные и сексуальные отношения, любовь, развод); «жизненные условия» (транспорт, дефицит, сфера услуг); досуг (спорт, театр, кино) [9].

К XXI в. была подготовлена благоприятная почва для написания специализированных работ по истории повседневности военного времени. Следствием стал ряд трудов по данной проблеме. Так, в коллективной монографии Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидиновой и Т.П. Хлыниной «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)» показывается многообразие досуговых предпочтений мирного населения: просмотр кинофильмов, посещение театра, а также «утренний выход на базар, поход в баню, променад», чтение, домино, карты. В книге уделяется место описанию семейно-дружеских посиделок и женских сплетен. Обращается внимание и на негативные досуговые практики, в частности, пьянство, которому были подвержены вернувшиеся с войны инвалиды. Примечательно празднование религиозных дат и соблюдение соответствующих традиций [10]. В монографии содержится подробное описание способов проведения свободного времени в советском тылу.

Несколько раньше вышла книга тех же авторов «Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций», включающая сведения о сезонном досуге мирного населения. «Летом 1942 г. купальный сезон наступил в свой срок; жители Сочи с удовольствием совершали индивидуальные и коллективные (несколькими семьями) “вылазки” к Ривьере». Хотя тут же отмечается последующая невозможность купания в силу эвакуации и слухов о плавающих в море трупах солдат. Кроме того, указывается народная реакция в связи с капитуляцией Германии: всесоюзные митинги на заводах и предприятиях, неорганизованные гуляния, праздничный салют в Москве [11].

В монографии Б.Н. Ковалева рассмотрены особенности повседневной жизни на оккупированной территории. В главе «Культура в коричневых тонах» автор акцентирует внимание на пропагандистских усилиях немцев по «спасению» русской культуры. Печатались русские классики, в угоду захватчикам переписывались тексты советских военных песен. Радиовещание превратилось в инструмент убеждения населения в непобедимости германского оружия. Гитлер был представлен как «освободитель русского народа», который отблагодарит немцев «усердным трудом

на своем рабочем месте». Интенсивно создавались новые герои – жертвы «партизанских бандитов», сталинских репрессий [12]. Автор подчеркивает, что привлеченная для нацистской пропаганды русская интеллигенция не была автономна в своих действиях. Таким образом, изучаемая проблема показана с другого ракурса – исследователь позволяет оценить влияние оккупантов на советскую культуру, а значит, и на досуг.

Разнообразные аспекты досуга населения в период войны находят отражение и в отдельных статьях. К примеру, П.Ю. Барскова задается вопросом о роли чтения в Ленинграде, находившемся в изоляции от внешнего мира почти 900 дней. Целью блокадного чтения Барскова называет «эскапизм»: большим успехом пользовались произведения, позволяющие оставить войну где-то на периферии сознания. В то же время в осажденном Ленинграде читали и с целью контроля над реальностью «посредством знания, почерпнутого из старых книг». «Война и мир» стала своеобразной «матрицей для видения войны вообще и блокады в частности». Читательский интерес вызывали произведения Э.А. По, признанные своеобразным пособием для меняющейся реальности; русских классиков (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.В. Маяковского); Ч. Диккенса, чьи романы «держали читателя в приятном предвкушении невероятного, но благополучного исхода» (тогда это было особенно ценно). Резюмирует свою статью П.Ю. Барскова неожиданным выводом: блокада стала неприятной абстракцией от спасительного чтения [13]. В чрезвычайных условиях книга выполняла мощную защитную функцию, и литература помогала выдержать страшное испытание войной.

Эту мысль в своей статье, посвященной праздникам в 1941–1942 гг. и написанной по материалам Краснодарского края и Ростовской области, подхватывает С.Н. Шаповалов. Историк считает проведение праздников одним из компонентов победы над врагом. Всесоюзные воскресники, военный парад 7 ноября 1941 г., годовщина Октябрьской революции (в Москве и в неоккупированных городах), День Конституции, Новый год – все эти даты дарили советским гражданам долгожданную радость, при «постоянной направленности на оказание дополнительной помощи фронту». С.Н. Шаповалов справедливо указывает на очевидный факт: в 1942 г. «демонстрации, шествия, военные парады были свернуты», поскольку «большие скопления людей могли стать мишенью для врага» [14]. В результате праздники приобрели интимно-личностный характер и превратились в напоминание того, ради чего стоит сражаться, были гарантом будущей Победы.

Наконец, заслуживает внимания статья О.Г. Жуковой, по мнению которой, «исход противостояния решили не только геройские подвиги на фронтах Отчизны и в тылу, но и творческое сплочение всех культур ради высокой цели. Историк отмечает особенности и различия советской и фашистской пропаганды и, что особенно любопытно, упоминает о существовании так называемого «“конфликта” русского и советского», в то время как «русское – “осовечивалось”, советское – “обрусевало”».

К примеру, поэты и композиторы создавали песни, близкие к исконным русским традициям [15]. Они моментально становились знаменитыми и всеми любимыми как на фронте, так и в тылу, и более того – сумели выдержать испытание временем, став для нас – потомков – классикой. Это «Катюша», «Эх, дороги» и многие другие песни военного лихолетья.

Неизменный лейтмотив рассмотренных статей – признание силы духа людей в победе над врагом. Многофункциональность книги в осажденном городе, праздники как катализатор боевого настроения населения, сращивание русской и советской культур – тому подтверждения. В общем, историки приходят к выводу о том, что без досуговой практики – способа разрядки и абстракции от реальности – выжить было бы невозможно.

Ярким доказательством возросшего интереса к теме в современной науке служат и посвященные ей диссертации. Примером выступает работа А.И. Назарова «Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Автор справедливо отмечает, что военная действительность существенно сузила возможности проведения досуга. Но в силу возраста и жизненного оптимизма юноши и девушки не упускали шанса ненадолго забыть ужасы войны. В диссертации показано различие между отдыхом сельской и городской молодежи. Если юные обитатели деревни предпочитали традиционные посиделки с песнями и хороводами, игру в снежки и катание на санках зимой, коллективные застолья по крупным праздникам, то жители городов посещали кино, театры, участвовали в спортивных состязаниях, ходили на танцы [16]. Это обстоятельство делает очевидным влияние модернизации на последующее развитие досуговой деятельности.

Завершить историографический обзор проблемы целесообразно недавно изданной монографией М.Н. Потемкиной «“Выковыренные”: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны». Мирное население, по мнению автора, смогло преодолеть чрезвычайное напряжение благодаря трем факторам: объединение людей перед общим горем, колоссальные умственные и физические нагрузки и менталитет советских граждан («общинность и коллективизм») [17]. Примечательно, что досуг не расценивается здесь как достойный внимания механизм снятия стрессового состояния.

Таким образом, ученые XXI в. активно обращаются к «белым пятнам» истории XX в. Наличие трудов современных исследователей, касающихся темы повседневности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945), свидетельствует об актуальности данного направления. Среди прочих подробно изучаются аспекты досуговой практики фронтового и мирного населения. Чтение и променад, кино и театр, радио и танцы, праздники и сезонные гуляния – все это и многое другое становится объектом пристального внимания специалистов. Впрочем, несмотря на явный исследовательский интерес к обсуждаемой проблеме, ее нельзя назвать полностью изученной, и активная работа в данном направлении должна быть продолжена.

Примечания

1. Худенко А.В. Повседневность в лабиринте рациональности // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 69.
2. Там же. С. 71.
3. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 277.
4. Сперанский А.В. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1997. С. 15–18.
5. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 352–353.
6. Там же. С. 354.
7. Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000. С. 68.
8. Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 1.
9. Там же. С. 6–8
10. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д, 2013. С. 308–320.
11. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011. С. 217, 227.
12. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. С. 426–433.
13. Барскова П.Ю. Вес книги: стратегии чтения в блокадном Ленинграде // Неприкосновенный запас. 2009. № 6. С. 69–82.
14. Шаповалов С.Н. Праздник и война – опыт проведения праздников в 1941–1942 гг. (по материалам Краснодарского края и Ростовской области) // Общество: философия, история, культура. 2014. № 1. С. 4, 6.
15. Жукова О.Г. Победа на культурном фронте Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Предпосылки и следствия // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2012. № 5. С. 16.
16. Назаров А.И. Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Тамбовской области): автореф. дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2010. С. 12–19.
17. Потемкина М.Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Магнитогорск, 2016. С. 81.

Н.Г. Судоргин

Памятники оборонительного зодчества Нижнего Дона и Приазовья – свидетели военно-политических событий XVII–XXI вв.

История войн и вооруженных конфликтов на Юге России и в сопредельных странах может рассматриваться с разных точек зрения. Одним из продуктивных подходов представляется сочетание данных археологических исследований, комплекса сведений об оборонительных

сооружениях и непосредственное изучение особенностей объектов, задействованных в исторических событиях.

На территории Нижнего Дона и Приазовья (современных Ростовской области, Краснодарского края и Крыма) сохранился целый ряд таких объектов, многие из которых связаны и с судьбами выдающихся исторических личностей. Целью данного исследования является оценка состояния этих памятников, при этом главное внимание уделяется объектам, располагающимся в Ростовской области и связанным с событиями кульминационных периодов российского продвижения на юг и защиты нашей страны от нападений извне. Обзор объектов основывается на наблюдениях, сделанных автором при их посещении в рамках экспедиций в 2009–2014 гг. Объективная сложность исследований связана со значительным изменениями в географии и геологии ландшафтов, утратой ориентиров на местности вследствие естественных и антропогенных факторов при отсутствии полноценного реестра самих объектов. Основой для идентификации объектов служили охранные документы, предоставленные Министерством культуры Ростовской области.

Целесообразно выделить группу объектов и их комплексов, относящихся к рассматриваемому периоду и сохранившихся до настоящего времени в виде, доступном для непосредственного наблюдения: Азов, Лютик, Черкасский городок, крепости Миусского полуострова (Троицкая, Павловская, Семеновская), Аннинская крепость, Донецкий городок (крепость), крепость Дмитрия Ростовского, город Таганрог, укрепления времен Крымской войны (хутор Недвиговка), Ростовский оборонительный район, укрепления Миусско-Самбекских рубежей. Подробный обзор особенностей памятников был представлен в рамках проекта «Крепости Нижнего Дона и Приазовья» [1], а в данной работе сведения о фортификации приводятся в объеме, необходимом для рассмотрения их геополитического и исторического контекста.

Первым из комплексов рассмотрим Азовский и его малоизученное дополнение – крепость Лютик («Щит ислама»). Изучение изменения конфигураций азовских оборонительных сооружений достаточно сложно из-за многократных разрушений, воссозданий, перестроек, производившихся на протяжении нескольких столетий и этапов развития военного дела, нахождения остатков сооружений внутри городской застройки и гибели архивных материалов во время боевых действий [2]. Не удается обнаружить и турецких хроник азовских событий XVI–XVII вв. Тем не менее наличие сохранившихся сооружений, доступных для посещения и осмотра, делает Азов важнейшим местом, иллюстрирующим ход исторических процессов. Здесь сохранились фрагменты земляных валов с кирпичными воротами (Алексеевские) и рвами, небольшой фрагмент каменных ворот (Верхне-Таганрогские или Генуэзские), а также пороховой погреб. Валы имеют общую длину фрагментов около 1100 м, высоту от 4 до 15 м при основании 10–25 м и ширине верхних поверхностей 4–12 м. Сохранился участок рвов длиной до 100 м и глубиной до 12 м

с крутизной 45–60° и перепадом высот от верха вала до дна рва до 32 м. Сохранившиеся сооружения не дают полноценного представления о тактике боевых действий во время основных сражений, т.к. относятся к другим историческим периодам, однако их размеры, особенности расположения, прекрасный обзор на десятки километров, дислокация огневых позиций непосредственно вблизи русла Дона позволяют оценить место Азова в стратегии и геополитике XVII–XVIII вв.

Крепость Азов, к которой позже добавилась крепость Лютик, обеспечивала контроль над выходом из Дона через его рукава в Азовское и Чёрное моря и защиту важнейшего торгового и военно-политического центра на севере Османской империи. Анализ событий того периода представлен, в частности, в работе В.Н. Королева [3]. Претензия Русского государства (а далее – Российской империи) на превращение в мировую державу, ее активизация на европейском направлении и особенности географии определили весь характер событий, развернувшихся в XVII–XVIII вв. после завершения Смутного времени.

На сложности коалиций и векторов военной активности того времени сказывалась и специфика международных отношений в феодальный период, когда без учета родственных связей и личных договоренностей властителей невозможно было осуществлять какие-либо крупные операции. Заметное влияние на процессы оказывало и существование различных буферных вассальных квазигосударственных и территориально-политических образований. На Нижнем Дону и Приазовье к ним можно отнести Крымское ханство, Ногайскую орду и донское казачество, активно взаимодействовавшее с казачеством запорожским.

В этом ключе следует отметить и наличие существенных различий в интересах между российским правительством и донским казачеством. В результате, например, Азовское казачье сидение не дало адекватного геополитического результата для России, а самому казачеству принесло значительные человеческие потери (крепость была оставлена, большая часть боеспособных мужчин погибла), во многом определившие уменьшение его политической роли в дальнейшем.

Материальным воплощением эпохи является Черкасский городок, сохранившийся до настоящего времени в виде станицы Старочеркасской, где можно увидеть артефакты, непосредственно связанные с Азовским казачьим сидением, и сооружения, отражающие эволюцию казачьих городков в XVII–XVIII вв., среди которых остатки расположенных по овальному контуру оборонительных сооружений, делавших это поселение аналогом классических крепостей того периода.

Современная военно-историческая реконструкция Азовского казачьего сидения, к сожалению, не дает точного представления о событиях 1637–1641 гг., т.к. демонстрируются штурмы наклонных земляных валов, появившихся в более позднее время на месте разрушенных оборонительных сооружений XV–XVI вв. В реальности в этот период оборонительные сооружения Азова представляли собой средневековую

каменную крепость с вертикальными стенами, похожую на сохранившиеся стены еще более древнего Танаиса, что, несомненно, влияло на тактику ведения боя. Обследование существующих в настоящее время в Азове фортификационных сооружений показывает, что непосредственных наземных свидетельств, относящихся к событиям середины XVII в., видимо, не сохранилось.

В связи с этим важным является изучение Лютика – небольшой турецкой крепости на берегу Мёртвого Донца, построенной во второй половине XVII в. после восстановления контроля над Азовом. В отличие от Азовской крепости, она практически не подвергалась реконструкциям и поздней застройке. Сохранившиеся частично стеноподобные сооружения толщиной до 50 см расположены на небольшом возвышении в нескольких десятках метров от прилегающих водоемов в виде фигуры, близкой к квадрату, со сторонами около 40 м, выполнены из белого камня и имеют высоту до 70 см от уровня окружающей земли. Со стороны Мёртвого Донца имеется пристройка в виде бастиона, не отраженная на известных исторических планах. К сожалению, объект изучался научной экспедицией один раз в начале 1970-х гг., организация длительных исследований не очень удобна из-за его нахождения в низменной заболоченной местности, сооружение не имеет к себе надежных сухопутных путей. Дальнейшее изучение крепости и ее музеефикация могли бы дать дополнительный исторический материал и представить ее как объект познавательного туризма, т.к. знакомство с ней позволяет максимально ощутить особенности эпохи, ослабленные антропогенным воздействием для большинства других объектов. Этот эффект характерен и для другой группы объектов, созданных на рубеже XVII–XVIII вв.

Следующий этап в истории Азова связан со сменой российского руководства и приходом к власти Петра I, поставившего амбициозные внешнеполитические цели и мобилизовавшего ресурсы для их достижения. В кратчайшие сроки было проведено смещение южных стратегических оборонительных рубежей России на берега Нижнего Дона и Приазовья, где были созданы новые фортификационные комплексы и военный флот. В результате появилась крупная военно-морская база в составе четырех крепостей, защищенного порта, города Троицка (Таганрога) и оборонительного вала на Миусском полуострове, развернуты многочисленные судоверфи на берегах рек.

Остатки сооружений того времени разной степени сохранности можно и сейчас наблюдать при посещении полуострова. Лучше всего сохранилась Павловская крепость, расположенная вблизи Таганрога у северного берега основания полуострова. Крепость земляная и имеет форму, близкую к прямоугольной, с четырьмя вытянутыми бастионами с размерами по габаритам 210 на 170 м, высотой валов 7–10 м, шириной их оснований 10–15 м. В настоящее время между валами есть два проезда.

Следующая по сохранности Семеновская крепость находится на западной оконечности Миусского полуострова и страдает от обрушения

берега Азовского моря. Уже утрачено более половины территории комплекса. Кроме того, крепость подвергалась реконструкции в период Крымской войны, поэтому получить полное представление о ее исходной архитектуре на основании трех сохранившихся участков валов сейчас не удастся. Протяженность комплекса до 530 м, крепость земляная, выполненная в виде трапеции с фронтальным выступом в сторону суши и бастионами. Высота валов 3–5 м, ширина у основания 5–8 м.

Павловская и Семеновская крепости расположены в очень живописных местах с хорошим обзором, и их посещение позволяет представить масштаб событий и объема мобилизованных ресурсов. Еще более крупная (до 1500 м по габаритам) Троицкая крепость сохранилась лишь небольшими фрагментами среди городской застройки Таганрога, например, на участке в районе Комсомольского спуска, как и общее расположение акватории морской гавани, а небольшая крепость Черепаха и Апраксин вал не сохранились.

Концентрация усилий Российского государства позволила в кратчайшие сроки овладеть Азовом и подойти к решению проблемы выхода к южным морям, длительное время – с момента падения Византийской империи – являвшейся стратегической. Однако последующая военная неудача в Прутском походе 1711 г. привела к возвращению Турции Азова и Лютика, ликвидации оборонительных объектов на Миусском полуострове, на десятилетия приостановив продвижение России в Приазовье. Следствием этого стало создание на Нижнем Дону сначала крепости Святой Анны (1730), а потом и крепости Дмитрия Ростовского (1761), ставшей последней крепостью нового времени такого масштаба в регионе.

Существование этих больших земляных крепостей обеспечивало также лояльность донских казаков, что было немаловажным фактором в XVIII в. Это показало восстание К. Булавина (1707–1708), существенно влиявшее на военную ситуацию на юге Восточной Европы в условиях активных действий шведских войск и перехода к ним части украинских казаков. Негативные последствия сложных взаимоотношений российских властей с казачеством сказывались еще в течение длительного времени, выразившись, в том числе, в уходе из-под российской юрисдикции некрасовцев.

Крепость Святой Анны, сооружения которой находятся в 5 км от центра станицы Старочеркасской, сыграла свою роль в успехе операций Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., среди итогов которой была и ликвидация турецкой крепости в Азове. Это одна из наиболее хорошо сохранившихся больших земляных крепостей Юга России, дающая достаточно полное представление об этом периоде развития фортификации и выборе мест размещения крепостей. Крепость имеет форму вытянутого шестиугольника с бастионами, въездами, выдвинутыми отдельными дополнительными оборонительными сооружениями с габаритными размерами 720 на 530 м, высотой основных сооружений до 17 м и шириной основания до 30 м.

К этому же периоду относится и Донецкий городок – небольшая (стороны в несколько десятков метров) крепость на правом берегу Дона перед началом дельты, скрытая теперь малоэтажной застройкой Ростова-на-Дону.

Позднее утратившую стратегическое значение и отличавшуюся нездоровым для гарнизона климатом крепость Святой Анны перевели в новую, расположенную ниже по течению Дона крепость Дмитрия Ростовского, ставшую ядром современного Ростова-на-Дону. Крепость, вобравшая новые идеи фортификации после успешной для России Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., стала опорной базой для создания южного стратегического рубежа, включавшего, в частности, Кубанскую оборонительную линию, строительством которой в 1778 г. руководил полководец А.В. Суворов. Крепость, располагавшаяся на правом высоком берегу Дона, выполнена из земли с использованием бревен, имела форму многолучевой звезды с отдельными выдвинутыми оборонительными сооружениями, габаритными размерами до 1300 м. В настоящее время комплекс сохранился фрагментарно и большей частью поглощен городской застройкой, а его контуры частично обозначены памятными знаками. Наиболее заметные фрагменты сохранились в зоне между улицами Суворова, Чехова, 8 февраля и проспектом Театральным. Для посещения лучше всего подходит участок на переулке Нахичеванском в парке Первого мая.

Результатами Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. стали также окончательное овладение Азовом и воссоздание на Миусском полуострове морского порта и города Таганрога (1769–1771). Он вновь оказался местом боевых действий в период Крымской (Восточной – в европейской историографии) войны 1854–1856 гг. Россия, ориентируясь на решения Венского конгресса 1815 г., не смогла в полной мере оценить сложность стратегической ситуации и подготовиться к войне, а ее флот, вооружение сухопутных сил и обеспеченность оборонительными сооружениями ключевых портов уже заметно отставали от возможностей ведущих участников коалиции противников. Коалиционные войска атаковали Российскую империю практически по всему периметру ее границ, от Чёрного до Белого морей, от Балтики на западе до Камчатки на востоке, включая и такой внутренний водоем, как Азовское море.

Весной и летом 1855 г. Таганрог три раза подвергался нападениям групп военных кораблей. Следы обстрелов и попыток высадить французский морской десант в районе Таганрогского морского порта в виде торчащего в стене пушечного ядра до сих сохраняются в Никольском храме Таганрога, расположенном вблизи побережья. После возникновения угрозы вторжения десантов противника на ряде ключевых участков береговой линии Нижнего Дона и Приазовья были созданы новые оборонительные сооружения, обеспечивавшие размещение артиллерийских батарей. Остатки такого земляного сооружения с габаритами в несколько десятков метров можно до сих пор наблюдать к юго-западу

от исследованной территории древнего Танаиса. Несмотря на успешное отражение натиска противника почти на всех направлениях, ключевой Севастопольский рубеж стал критической точкой, определившей общий неблагоприятный для России итог Крымской войны и ограничение на два десятилетия ее геополитической активности на причерноморском стратегическом направлении. А Нижний Дон и прилегающее Приазовье перестали быть местом создания значительных фортификационных сооружений почти на 90 последующих лет.

Важное стратегическое значение Нижний Дон приобрел в начальный период Великой Отечественной войны. Поэтому зимой 1941–1942 гг. и весной – летом 1942 г. с учетом боев за Ростов-на-Дону был создан комплекс оборонительных сооружений, именуемый Ростовский оборонительный район. Он включал систему противотанковых оборонительных рвов, минных полей, траншей и окопов, дотов, оборудованных защищенных позиций для танков и артиллерии, укрепленных зданий, баррикад. Отдельные сооружения сохранились до настоящего времени. Так, вблизи Ростовского ботанического сада находится один из дотов, контролировавших железную дорогу. В поселке Каратаево и на улице Цезаря Куникова можно увидеть железобетонные противотанковые пирамиды, а на территории Щепкинского леса сохранился длинный участок одного из противотанковых рвов.

Последними по времени стратегическими рубежами военного противостояния, сохранившими остатки оборонительных сооружений, являются долины рек Миус и Самбек. Здесь в 1941–1943 гг. происходили масштабные сражения, длительное время определявшие стратегическую ситуацию на южном участке советско-германского фронта, а сами рубежи именовались немецким руководством «восточной границей Третьего рейха». Благодаря усилиям поисковых объединений и ученых ЮНЦ РАН, осуществляющих как полевые, так и архивные изыскания, каждый год увеличивается объем информации о событиях на этих рубежах [4]. Особенности этой территории и расположения сохранившихся объектов и установленных ратных памятников позволяют музеефицировать ее как огромный стокилометровый символ прочности наших стратегических рубежей. Этому способствует и сохранение ландшафта, а иногда и архитектурных объектов в местах расположения основных ключевых точек военного противостояния, таких, например, как водяная мельница в центре села Куйбышево, а также регулярные военно-исторические реконструкции прорыва Миус-фронта.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что значительная часть военно-исторических событий XVII–XX вв. отразилась в таких крупных материальных объектах, как сохранившиеся оборонительные комплексы. Всестороннее исследование этих объектов может дать новую информацию о важных вехах отечественной истории. Изучение материальных артефактов как невербальных носителей исторического знания особенно существенно в связи с утратой в результате ликвидации

крепости Дмитрия Ростовского после 1835 г. основной части ее архива, в котором был собран огромный массив информации о комплексе деятельности по укреплению южных стратегических рубежей России.

Примечания

1. Судоргин Н.Г., Чеснок В.Ф. Отчет о выполнении социально-значимой программы «Крепости Нижнего Дона и Приазовья – историко-образовательные путешествия по памятникам оборонительного зодчества» / Региональная общественная организация по сохранению историко-культурного наследия Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Ростов н/Д, 2014; Перспективы музеефикации территорий крепостей Нижнего Дона и Приазовья: материалы научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 17 сентября 2014 г.) / отв. ред. Н.Г. Судоргин. Ростов н/Д, 2014.

2. Лазарев А.Г. Архитектура и градостроительство Юга России VI–XX вв. 2-е доп. и перераб. изд. Ростов н/Д, 2004. С. 134.

3. Королев В.Н. Азовское сидение: действия турецкого и донского казачьего флотов // Международные отношения в бассейне Чёрного и Азовского моря в древности и средние века: межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д, 1986. С. 148.

4. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011; Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в истории Великой Отечественной войны // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 5. С. 387–395; Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф. Миус-фронт: специфика боевых операций на южном крыле советско-германского противостояния в 1941–1943 гг. и их итоги // Вестник Южного научного центра. 2011. Т. 7. № 1. С. 80–90 и др.

И.В. Кедрова

К вопросу об использовании братских захоронений Ростова-на-Дону периода Великой Отечественной войны в экскурсионной работе

Программы празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне на территории России (2015 г.) включали большое количество массовых патриотических мероприятий для разновозрастных категорий граждан. Многие из них в форме военно-исторических экскурсий проводились на местах, где проходили разномасштабные события Великой Отечественной войны. Не стал исключением и город воинской славы Ростов-на-Дону. Туристские предприятия города и Ростовской области, занимающиеся предоставлением экскурсионных услуг [1], десятилетиями предлагают тематическую экскурсию «Эхо минувшей войны». Разновидности данной темы – «По местам боевой славы» (турфирма «Ростовский центр туризма), «Ростов – ворота Кавказа» (турфирма «Золотые купола»), «Ростов – город воинской славы» – не подразумевают дифференцированности для заказчика. Краткие аннотации к экскурсиям

на сайтах турфирм указывают памятники и мемориалы, ставшие классическими для данной темы. Это Гвардейская, Комсомольская, Театральная площади, мемориальный комплекс «Памяти жертв фашизма» в Змиевской балке, мемориальный комплекс «Павшим воинам 1941–1943 гг. в сквере имени Фрунзе». И недостаточно, по мнению автора, предлагают посещение братских могил и отдельных солдатских захоронений времен оккупации Ростова-на-Дону. В связи с этим возникла необходимость рассмотреть данный вопрос и определить возможность и необходимость дополнить экскурсии объектами показа. Настоящая статья представляет собой опыт систематизации разрозненных сведений об объектах, связанных с историей Великой Отечественной войны, на территории Ростова-на-Дону.

Рассматриваемый вопрос является продолжением статьи об использовании памятников федерального значения в экскурсиях на военно-историческую тему, рассмотренный на конференции в 2013 г. [2]. Для выполнения поставленной в статье задачи необходимо представить краткую историческую справку о последствиях оккупации Ростова-на-Дону. Таковую можно найти в статье В.И. Афанасенко «Ростов-на-Дону в годы Великой Отечественной войны» [3]. Исследователь отмечает, что вторая оккупация, длившаяся 205 дней, характеризовалась бóльшим числом жертв, нежели первая: было расстреляно около 40 тыс. мирных жителей и военнопленных. В первую оккупацию (21.11–29.11.1941), как пишет автор, «были расстреляны и замучены сотни мирных граждан – стариков, женщин, детей, особенно в Пролетарском районе города Ростова-на-Дону: на 1-й Советской улице, у дома номер 2, лежала груда из 90 трупов жителей этого дома; на 36-й линии, около детского дома, был убит 61 человек; на углу 40-й линии и улицы Мурлычева фашисты открыли огонь по очереди за хлебом, убив 43 человек – стариков, женщин и детей; на Армянском кладбище гитлеровцы расстреляли из пулеметов до двухсот местных жителей; на месте нынешнего парка имени Фрунзе зверски убит Витя Черевичкин и его голуби» [4].

Таким образом, сквер имени Фрунзе стал первой братской могилой, которая появилась здесь после первого освобождения Ростова, в декабре 1941 г. Здесь были захоронены воины, сражавшиеся в районе Нахичевани, а также мирные жители, расстрелянные фашистами после захвата города. Еще одним местом захоронения становятся две братские могилы Армянского кладбища.

В.И. Афанасенко упоминает еще ряд мест в Ростове, связанных с массовыми расстрелами. Среди них дом № 40 на Ульяновской улице, жители которого – мальчики Витя Проценко, Коля Зятин, Игорь Нейгоф и двое их друзей – были расстреляны за укрывательство тяжелораненых советских воинов 25 июля 1942 г.; территория, на которой в настоящее время расположен Ростовский санаторий (район Каменка). По некоторым данным, «именно здесь в 1942 году в зоне особого режима находился крупнейший фашистский перевалочный концентрационный лагерь. В ямах

на улице Волоколамской лежали тысячи трупов погибших военнопленных». Сквер у Дома книги на углу проспекта Буденновского и улицы Большой Садовой: «17 июля один из бомбардировщиков накрыл перекресток, загорелось помещение, люди, которые находились в подвалах, оказались засыпаны». Камеры и двор городской тюрьмы на Кировском проспекте, где «было обнаружено 1500 трупов мирных жителей, зверски казненных фашистами накануне своего бегства из города» [5].

Братская могила находится также в парке Авиаторов. На одной из мемориальных плит выбит текст: «Здесь похоронены 1800 советских граждан, замученных и расстрелянных в 1941–1943 гг. немецко-фашистскими захватчиками».

Следовательно, на территории современного города расположены братские захоронения или установлены мемориальные доски в память о расстрелах. Эта же статистика в дальнейшем отразилась и в постановлениях администрации Ростова-на-Дону, но, несмотря на законность и публичность, не до конца применима в туристско-экскурсионной работе.

Рассмотрим события февраля 1943 г. Бойцы и командиры, погибшие при штурме на территории станицы Нижне-Гниловской, были похоронены в двух братских могилах в районе площади Рыбака, рядом с братской могилой воинов, погибших в 1941 г. Когда в 1980-е гг. началось строительство железнодорожного и автомобильного моста через реку Дон и нового магистрального шоссе через станицу Гниловскую, возникла необходимость переноса братской могилы. И по инициативе рабочих электровозоремонтного завода им. В.И. Ленина было принято решение о перезахоронении останков с площади Рыбака на Кумженскую косу и возведении мемориала на месте нового захоронения. В 2009 и 2010 гг. были проведены очередные работы по перезахоронению останков павших солдат в боях. И в ходе выполнения работ на третьем слева пилоне была установлена мемориальная гранитная доска с текстом: «Рядовой Пинсон Израиль Соломонович, рядовой Изанбаев Запдил Галькович. 78 неизвестных героев, погибших в боях за Ростов-на-Дону. 1943–1945 гг.» [6].

Но отдельные одиночные захоронения погибших солдат и офицеров, производившиеся еще в период оккупации, сохранялись во дворах жителей станицы Гниловской. По свидетельствам очевидцев, в первой братской могиле в 1941 г., после первого освобождения города, было погребено от 450 до 700 тел; после второй – захоронения производились с 1943 по 1946 г. в том числе и мирных жителей, расстрелянных на территории станицы. Всего в братских могилах покоились останки приблизительно 1500–2000 человек [7].

Следующий факт зверств увидели освободители на территории артиллерийского училища, которое немцы превратили в «Гросс-лазарет № 192». Подробная информация о нем содержит статья Полины Ефимовой, опубликованная на интернет-портале «Военное обозрение». По информации, приводимой автором, в нем постоянно находилось более 3500 узников, ежедневно производились расстрелы, всего было убито

несколько тысяч человек. Памятник жертвам этих трагических событий имеет свою историю: он был установлен на территории училища в 1945 г. и снабжен надписью «Здесь похоронены солдаты и офицеры Советской Армии, замученные и расстрелянные немецко-фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны. Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины». «Но в декабре 1975 г. новое командование училища приняло решение перезахоронить останки, памятник убрать, а землю ввести в хозяйственный оборот для оптимизации учебного процесса». После закрытия филиала Военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого в 2011 г. памятник не был восстановлен. По некоторым оценкам, на описываемой территории все еще покоятся останки около 10 тыс. человек [8].

Еще одним местом массового захоронения является братская могила в районе Каменки у исправительного учреждения № 398/2 (тюремная больница). Одной своей стороной оно выходит на улицу Волоколамскую. Между тюремным забором и гаражным кооперативом расположен узкий проход: когда-то здесь была заасфальтированная дорожка, ведущая к мемориалу. Здесь находится братское захоронение советских военнопленных и мирных жителей, которые во время войны содержались в «лагере смерти», который помещался на улице Ленина – на том самом месте, где располагался филиал Военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого [9].

Следующий шаг по сохранению останков убиенных граждан и солдат в городе был предпринят спустя 25 лет после освобождения. Приведем здесь цитату из материалов интервью с председателем Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры А. Кожиным: «Братские захоронения времен Великой Отечественной войны, находившиеся в центре города, были перенесены на окраинные кладбища во время кампании, развернутой городскими властями в 70–80-х годах XX века. И на местах многих бывших захоронений в Ростове-на-Дону сейчас находятся высотные здания, увеселительные комплексы и кафе. Но одной из самых серьезных проблем защитников памятников военной истории в Ростовской области является отсутствие подписей на братских могилах. Имена похороненных известны, но на нескольких сотнях памятных знаков они не указаны. <…> На территории Ростовской области, помимо могил советских солдат, расположены 26 санитарных захоронений военнопленных времен Великой Отечественной» [10].

Для рассмотрения вопроса о выявлении братских захоронений как объектов военно-исторической экскурсии необходимо обратиться к следующим документам:

1) постановление от 15 июля 2009 г. № 530 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) города Ростова-на-Дону» дает возможность выявить благоустроенные для посещения, осмотра и проведения ритуалов следующие братские могилы на территории города:

– Железнодорожный район: мемориальный комплекс «Памяти жертв фашизма» в Змиевской балке (Змиевский проезд, 1) – доступен для круглогодичного осмотра, кроме мемориального зала, работающего по ограниченному графику; мемориальный комплекс «Кумженская роща», посвященный подвигу бойцов и командиров частей и подразделений Советской армии, освобождавших город Ростов-на-Дону от фашистских захватчиков в 1941–1943 гг. (Кумженская коса при впадении реки Мёртвый Донец в реку Дон) – доступен для круглогодичного осмотра;

– Кировский район: памятник «Братская могила» в сквере 1-й Конной Армии» (улица Пушкинская / проспект Кировский) – доступен для круглогодичного осмотра;

– Октябрьский район: братское захоронение советских воинов (улица Волоколамская), братская могила советских воинов (возле санатория «Ростовский») – не доступны для экскурсий.

– Первомайский район: мемориальный комплекс «Защитникам Ростовского неба» (проспект Шолохова, парк Авиаторов) – доступен для круглогодичного осмотра;

– Пролетарский район: мемориальный комплекс «Павшим воинам 1941–1943 гг. в сквере им. Фрунзе» (площадь К. Маркса, 5а); братское захоронение (улица Солидарности) – доступны для круглогодичного осмотра.

2) в приложении к постановлению от 15 июля 2009 г. № 530 «Перечень памятников, братских могил и захоронений Великой Отечественной войны, расположенных на кладбищах города Ростова-на-Дону» можно выявить следующее:

– Братское кладбище (памятник «Братские могилы», памятник «Чекистам, погибшим в Великую Отечественную войну», могила и надгробие пионера-героя Саши Чебанова (праха под ней нет, а только земля, которую привезли с перевала, на котором Чебанов погиб), памятник пионерам-героям) – доступны для осмотра;

– Александровское кладбище – могила и памятник участнику штурма Рейхстага А.П. Бересту – доступны для осмотра;

– Армянское кладбище: братские могилы (на северной, южной стороне и в центральной части); могила генерал-лейтенанта танковых войск В.А. Мишулина; могила генерал-лейтенанта танковых войск В.А. Степаненко – доступны для осмотра;

– Верхне-Гниловское кладбище – памятник «Воинские могилы» – не доступен для посещения;

– Нижне-Гниловское кладбище – братская могила – не доступен для посещения [11].

В данных пресс-службы администрации, подготовленных к юбилейной дате (2015 г.), сказано, что «на 6 кладбищах Ростова расположены 30 воинских захоронений, мемориальных комплексов и памятников. Половина из них до недавнего времени нуждалась в ремонте». К 70-летию празднования Победы был выполнен капитальный ремонт лишь трех памятников:

1) Главный мемориальный комплекс на Братском кладбище, где:

– установлены мраморные мемориальные плиты с выгравированными фамилиями 949 бойцов Красной армии и плита с надписью: «Мемориальный комплекс № 1 Братская могила воинам Великой Отечественной войны, павшим за освобождение Ростова и Ростовской области»;

– там же выполнены работы по ремонту 5 памятников на территории мемориального комплекса «Аллея славы», который включает: «Памятник бойцам и офицерам полка народного ополчения», «Живые вечно благодарны», «Клятва», «Памятник народным ополченцам» и «Саше Чебанову»;

– также были отремонтированы памятники «Скорбящая мать» и «Чекистам при защите Ростова-на-Дону от немецких захватчиков».

2) Капитально отремонтированный мемориал, расположенный на территории Ливенцовского городского кладбища. Это памятник казакам 4-го Кубанского гвардейского казачьего кавалерийского корпуса, погибшим 8 февраля 1943 г. в боях за освобождение Ростова. Здесь было установлено новое ограждение с элементами ковки, выполнен монтаж памятника и благоустройство прилегающей территории. Но в настоящее время из-за отсутствия аттрактивности не представляется возможным его посещение.

3) На Пролетарском кладбище выполнен косметический ремонт мемориалов «Братская могила воинов Великой Отечественной войны», а также памятников гвардии генерал-лейтенанту Павлу Степаненко и Герою Советского Союза гвардии генерал-лейтенанту танковых войск Василию Мишулину [12].

Территорией, где стало традицией периодически перезахоранивать останки погибших во время Великой Отечественной войны, становится мемориальный комплекс в Кумженской роще. Администрация Железнодорожного района утверждает, что перезахоронение останков солдат проходило уже четыре раза, и всего в роще покоятся порядка 300 бойцов Красной армии. Поисковики общественной организации «Миус-фронт», утверждают, что там похоронены танкисты, кавалеристы, участники народного ополчения, которые пали в бою на оборонительном рубеже в 1942 г.

Таким образом, для массовых военно-исторических экскурсий возможно включение в маршрут и программу знакомства воинского участка Братского кладбища, где расположены одиночные и братские воинские захоронения времен Гражданской и Великой Отечественной войн, братских могил на Армянском кладбище, мемориального комплекса в Кумженской роще.

Также автор считает правомерным именовать Братское кладбище «Мемориальным комплексом воинской славы Ростова-на-Дону», а точнее – храмово-мемориальным комплексом (на территории действует Вознесенский храм, построенный в 1910–1913 гг.). Так как не представляется возможным посещение во время экскурсий захоронений на территории военного училища на улице Ленина, на улице Волоколамской,

в сквере на пересечении улицы Большой Садовой и проспекта Буденновского, на Верхне-Гниловском, Нижне-Гниловском и Ливенцовском кладбищах – ритуалы в память о погибших возможно проводить на территории храмово-мемориального комплекса Братского кладбища. Он представляет собой ансамбль из комплекса сооружений, части которого оформились в единое целое в ходе градостроительного развития, и может иметь такое же значение, как, например, памятник советскому воину-освободителю в Берлине, в Трептов-парке, созданный 1946–1947 гг. Е.В. Вучетичем и Я.Б. Белопольским; известный мемориал Пискаревского кладбища в Санкт-Петербурге, где установлена скульптура «Родина-мать» архитекторов А.В. Васильевой и Е.А. Левинсона; «Зеленый пояс славы» на рубежах обороны Ленинграда в 1962–1967 гг., включающий около 60 памятников и мемориальных ансамблей [13]. Храмово-мемориальный комплекс Братского кладбища Ростова-на-Дону необходимо включать в маршрут экскурсий на военно-историческую тему, т.к. на сегодняшний день он вполне реализует туристско-экскурсионную функцию.

Данный вывод получил подтверждение в ходе экскурсии, проводимой в форме автопробега, организованного молодежным клубом «Татьянинцы» церкви Св. Татианы Центрального благочиния Ростовской епархии.

Примечания

1. Туристский портал Ростова-на-Дону. URL: http://tourism.rostov-gorod.ru/expo/ (дата обращения: 04.04.2016).

2. Кедрова И.В. Великая Отечественная война в федеральных и региональных памятниках и мемориалах Ростовской области и возможности их экскурсионного использования // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2013. С. 408–412.

3. Афанасенко В.И. Ростов-на-Дону в годы Великой Отечественной войны // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=90852 (дата обращения: 20.03.2016).

4. Там же.

5. Там же.

6. Паспорт объекта культурного наследия регионального значения «Мемориальный комплекс “Кумженская роща”». Министерство культуры Ростовской области Государственное автономное учреждение культуры Ростовской области «Донское наследие». URL: http://mkkr.ru/news/mkkr-pass-2010.html (дата обращения: 04.04.2016).

7. Монумент на братской могиле (Ростов-на-Дону). URL: http://wikimapia.org/32814250/ru/Монумент-на-братской-могиле (дата обращения: 23.05.2016).

8. Ефимова П. Гросс-лазарет № 192 в Ростове существует до сих пор // Военное обозрение. URL: http://topwar.ru/65054-gross-lazaret-192-suschestvuet-do-sih-por.html (дата обращения: 12.02.2016).

9. Заброшенное захоронение // Сайт о Ростове и ростовчанах. URL: http://ростовгород.рф/ulitsy/13-arkhitektura/1772-zabroshennoe-zakhoronenie.htm (дата обращения: 23.04.2016).

10. В Ростове-на-Дону военные захоронения перенесены 30 лет назад // ИА «Росбалт-Юг». URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/113568/ (дата обращения: 23.04.2016).

11. Постановление от 15 июля 2009 г. № 530 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) города Ростова-на-Дону». Принято Администрацией города Ростова-на-Дону (Ростовская область). URL: http://www.regionz.ru/index.php?ds=306387 (дата обращения: 13.04.2016).

12. Никитин М. В Ростове к 70-летию Победы отремонтировали 15 военных мемориалов. URL: http://rostovnadonu.bezformata.ru/listnews/rostove-k-70-letiyu-pobedi-otremontirovali/32749880/ (дата обращения: 13.04.2016).

13. Данилец А. Пантеоны русской воинской славы. URL: http://www.litprichal.ru/work/12712/ (дата обращения: 13.04.2016).

Е.А. Полякова

Использование документов о деятельности городского подполья в процессе воспитательной работы среди детей и подростков в социальных учреждениях

Патриотическое воспитание подрастающего поколения традиционно является одним из ведущих направлений в деятельности Библиотечно-информационного центра – филиала № 10 Муниципального бюджетного учреждения культуры Централизованной библиотечной системы города Таганрога и наших партнеров – ГБУСОН РО «Социальный приют для детей и подростков г. Таганрога». Сохранять историческую память необходимо: «Это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками» [1]. Утрата же исторической памяти обществом приводит к трагическим последствиям, что и происходит сейчас на Украине, где бывшие враги становятся героями, а герои Великой Отечественной войны – врагами. Эти мысли привели нас к созданию совместного проекта «Мой Таганрог», который должен был познакомить детей среднего и старшего школьного возраста детского приюта с основными вехами в истории Таганрога, его героическим прошлым. Проект успешно работает уже четвертый год.

В 2013 г., к 70-летию со дня освобождения нашего города от немецко-фашистских захватчиков, я решила рассказать воспитанникам детского приюта о юных подпольщиках Таганрога. Мне показалось, что ребятам будет интересно узнать, как вели себя их сверстники в годину страшных испытаний, когда жестокий и сильный враг напал на нашу Родину.

Начала собирать материал, которого было немало: это книги Г. Гофмана «Герои Таганрога» [2], В. Волошина, В. Ратник «Вчера была война» [3], многочисленные газетные и журнальные публикации. На сайте Алены Дружининой «Огонь войны» меня заинтересовало интервью режиссера документально-публицистического фильма «Страницы памяти» Г.С. Чумаченко с педагогом городского Центра внешкольного

воспитания, руководителем юношеского клуба «Патриот» города Таганрога Л.А. Бырдиной [4]. Людмила Анатольевна рассказала о малоизвестной комсомольской подпольной группе ребят из школы № 15, группе Анатолия Толстова, действовавшей независимо от групп С. Морозова и В. Афонова. Настоящей находкой для меня был материал, представленный в документальном фильме «Страницы памяти» [5]: кадры кинохроники оккупации и освобождения Таганрога, рассказы непосредственных участников подполья, историков, старожилов, близко знакомых с семьями подпольщиков.

Вместе с музыкальным руководителем «Социального приюта для детей и подростков г. Таганрога» О.И. Воронковой мы решили подготовить литературно-музыкальную композицию «Клятва юности», в которой активное участие должны были принимать и воспитанники детского приюта. Работа с этими детьми обладает своей спецификой. Они все, как правило, из неблагополучных семей, недополучившие любовь и внимание своих родителей, которые самоустранились от их воспитания. Работать с этими детьми непросто. Они многого не знают и не умеют не потому, что это глупые и отстающие в своем развитии дети (хотя и такие иногда бывают). Очень часто это умные и талантливые ребята, только эти таланты надо обнаружить и помочь им развить свои способности, что и делают опытные педагоги и психологи социального приюта.

По нашему замыслу, в этой композиции рассказ ведущей об оккупации Таганрога, бесчинствах гитлеровцев, деятельности подпольной организации сопровождали фрагменты из фильма «Страницы памяти». Дети должны были читать клятву подпольщиков группы Морозова – Костикова, которую те принимали, когда вступали в ряды подпольной организации; письма арестованных подпольщиков Николая Кузнецова и Нины Козубко из застенков гестапо. Разучивались также стихи и песни о Великой Отечественной войне.

Привожу отрывок из литературно-музыкальной композиции «Клятва юности»:

1. Ведущая: Мы ценой огромных потерь сорвали гитлеровский план быстрой победы. Мы отступали. В наши дома, города входила беда.

2. Ведущая (на фоне кадров фильма «Страницы памяти» о захвате Таганрога): 17 октября 1941 г. немцы прорвали нашу оборону на Мариупольском направлении. Матвеев-Курган, Неклиновка, Николаевка. Остановить немцев не удалось. Развивая наступление, они вышли к морю в районе Вареновки и отрезали город от основных сил Красной армии, отступавших к Ростову. Здесь, у блокпоста 690, где сейчас новый вокзал, приняли последний бой 3 бронепоезда 8-го дивизиона. Дорога на город была открыта. По нашим улицам загрохотали немецкие танки. Выйдя на обрыв к маяку, они взяли на прицел пароходы и катера, переполненные людьми, не успевшие уйти в гирла Дона. Спастись удалось немногим.

3. Начались суровые дни фашисткой оккупации. 683 дня – дни горечи, слез, голода, расстрелов и суровых испытаний.

4. Кадры из фильма «Страницы памяти» о бесчинствах гитлеровцев.

5. Ведущая: В ноябре 1941 г. в Таганроге была создана городская подпольная организация. Во главе подпольщиков стоял центральный штаб, руководивший всей диверсионной и агитационно-пропагандистской работой. Комиссар – секретарь Таганрогского горкома комсомола Семен Морозов. Руководителем (с февраля 1942 г.) его стал секретарь Матвеево-Курганского райисполкома Василий Афонов. Начавшись с 11 человек, к маю 1943 г. подпольная организация насчитывала уже 500 таганрожцев. Многим подпольщикам в ту пору было 12–17 лет.

6. Ведущая (на фоне дома Турубаровых): Здесь, в этом доме, на углу Исполкомовского и Шевченко, прошло под видом семейного застолья первое, еще стихийное собрание и сформировалась первая ячейка молодежной подпольной организации.

7. Ведущая (на фоне трех фотографий подпольщиков): Все они могли положиться друг на друга.

От человека к человеку, от дома к дому, от улицы к улице, на заводах, в депо, в госпиталях.

У них пока нет оружия, нет связи с большой землей, нет опыта конспирации.

Но есть главное – готовность к действию.

8. Ведущая: Вступая в подпольную организацию, каждый принимал клятву: «Я, вступая в ряды борцов советской власти против немецких захватчиков, клянусь, что буду смел и бесстрашен в выполнении доверенных мне заданий; буду бдителен и не болтлив; беспрекословно буду выполнять даваемые мне поручения и приказы. Если я нарушу эту клятву, пусть наказанием мне будут всеобщее презрение и смерть».

Сценка «Клятва» в исполнении детей (на фоне кадров из фильма).

9. Ведущая: Каждое утро в городе появлялись листовки со сводками.

Кадры из фильма «Страницы памяти» (рассказы подпольщиц о листовках).

10. Ведущая (на фоне фото подпольщиков): 19 ноября 1941 г. было взорвано трехэтажное здание немецкой комендатуры, под развалинами которого нашли свою могилу 147 гитлеровцев.

В мае 1942 г. был подорван склад боеприпасов, в июне организовано крушение немецкого воинского эшелона, в декабре – нападение на фашистский гарнизон в Маяковке. Горели склады, взрывались немецкие учреждения, выводились из строя паровозы. Операции народных мстителей следовали одна за другой, наводя панику на захватчиков. Но молодые патриоты не только совершали диверсии и распространяли листовки. Многое им удалось сделать для того, чтобы помешать гитлеровцам отправлять молодежь в Германию: подпольщики с помощью знакомых врачей доставали фиктивные медицинские справки, выдавали их юношам и девушкам.

11. Ведущая: На Большой земле знали о героической борьбе подпольщиков Таганрога.

Кадры из фильма «Страницы памяти» о готовности к восстанию.

12. Ведущая: В начале 1943 г. комиссар таганрогской антифашистской подпольной организации Семен Морозов и члены его группы были арестованы. После пыток и допросов 23 февраля их расстреляли в Петрушиной балке. В мае 1943 г. в городе прокатилась новая волна массовых арестов подпольщиков. Полиция и гестапо обнаружили явки партизан и установили усиленную слежку за каждой квартирой. Около 200 подпольщиков было арестовано, в том числе и Василий Афонов.

6 июля 1943 г. они были расстреляны.

13. Ведущая (на фоне фото Н. Кузнецова): Один из активных подпольщиков, Николай Кузнецов, накануне казни сумел передать устное письмо (его товарищ в тюрьме заучил это письмо наизусть, а затем передал близким Николая), в котором говорилось (письмо читает воспитанник приюта): «Дорогая мамочка, родные, близкие и друзья! Пишу к вам из-за тюремной решетки. Арестовали меня с Юрием Пазоном 28 мая, в 4 часа утра, в море, у Вареновского мыса. Третий товарищ погиб, убит из пулемета. Полиция узнала, что мы с Юрием Пазоном сожгли дотла немецкий вездеход с пшеницей и автомашину. В общем, сделано немало. Били и мучили. Но ничего, им же хуже будет. Скоро на берегу Азовского моря зажгутся огни, и Красная армия будет в Таганроге. На той стороне знают нас и помнят о нас. Крепись, мама!»

14. Ведущая (на фоне фото Н. Козубко): Нина Ивановна Козубко при немцах работала врачом в поликлинике, что позволяло ей использовать немецкие штампы и печати для выдачи справок. По заданию штаба она сотнями изготавливала фиктивные справки о всевозможных болезнях и выдавала их юношам и девушкам, которых немцы готовились отправить в Германию.

Нина Козубко горячо любила своего маленького сына Володю. Незадолго до казни она писала родным (читает воспитанница приюта): «Милые мои, дорогие! Не тратьтесь на меня. Татьяна Григорьевна, будьте матерью Вовочке, любите его, учите и жалейте. Продавайте мои вещи на харчи. Сыночек, целую тебя крепко. Нина».

На репетициях мы с Ольгой Ивановной Воронковой много рассказывали ребятам о войне, о подпольщиках. Нам очень хотелось, чтобы подростки поняли, во имя чего отдали свою жизнь тогда эти молодые юноши и девушки, которые «шли не за наградами, они знали, что силы не равны, что завтра их может просто не быть, что и случилось, но они все равно шли. Во имя чего? Во имя защиты своей Родины» [6]. «Поступать иначе они просто не могли, потому что не представляли себе жизни под фашистским сапогом» [7].

И ребята поняли. На празднике [8] они читали и пели так искренне и проникновенно, что многие присутствующие в зале плакали.

В процессе интериоризации общечеловеческих ценностей произошло усвоение воспитанниками приюта предъявленных им нравственных целей и идеалов, которые должны у них сформироваться и которые

сами ребята должны постепенно превратить из внешне воспринимаемых во внутренне принятые и реально действующие.

Материалы о таганрогском подполье я использовала и в других мероприятиях о Великой Отечественной войне, которые проводила как в детском приюте, так и для учащихся МБОУ СОШ № 5 [9], воскресной школы храма преподобного Сергия Радонежского [10].

Завершить текст хочу девизом Международной акции «Читаем детям о войне», приуроченной ко Дню Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., организатором которой является ГБУК «Самарская областная детская библиотека»: «Помнить можно только то, о чем знаешь. Если рассказать детям о войне, им будет, что помнить».

Примечания

1. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М., 1989. С. 203.

2. Гофман Г. Герои Таганрога. Ростов н/Д, 1988. С. 288.

3. Волошин В.А., Ратник В.И. Вчера была война: Таганрог в годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 – август 1943 гг.). Таганрог, 2008.

4. Россия. Ростовская обл. – г. Таганрог. Интервью // archive.is. Сохранить страницы. URL: http://archive.is/Yzdcc (дата обращения: 21.04.2016).

5. Документальный видеофильм «Страницы памяти» // «Огонь войны». URL: http://thefireofthewar.ru/1418/index.php/kinozal/dokumentalnye-filmy/qstranitsy-pamyatiq (дата обращения: 21.04.2016).

6. Чумаченко Г., Лабутина, Ж. Будет ли Родина помнить о них? // archive.is. Сохранить страницы. URL: http://archive.is/Yzdcc (дата обращения: 21.04.2016).

7. Чумаченко Г. Александр Зиновьев: «Пока могу двигаться – пробиваюсь и буду пробиваться…» // Новая таганрогская газета. 2006. № 6. С. 3.

8. Клятва юности // Быстрый поиск в Электронном каталоге МБУК ЦБС г. Таганрога. URL: http://cbs-tag.ru/index.php/biblioteki-obsluzhivayushchie-detskoe-naselenie/75-klyatva-yunosti (дата обращения: 21.04.2016).

9. Герои Таганрога // Быстрый поиск в Электронном каталоге МБУК ЦБС г. Таганрога. URL: http://cbs-tag.ru/index.php/biblioteki-obsluzhivayushchie-detskoe-naselenie/648-geroi-taganroga (дата обращения: 21.04.2016); Страницы большой войны // Там же. URL: http://cbs-tag.ru/index.php/biblioteki-obsluzhivayushchie-detskoe-naselenie/1152-stranitsy-bolshoj-vojny (дата обращения: 21.04.2016).

10. В Сергиевском храме закончилась неделя памяти // Приход храма Преподобного Сергия Радонежского. URL: http://stsergius-taganrog.ru/?p=3540 (дата обращения: 21.04.2016).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулсаламов Магомед-Паша Балашович – к.и.н., доцент (Дагестанский государственный институт народного хозяйства, Махачкала)

Аваков Петр Ашотович – к.и.н. (Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону)

Авраменко Анатолий Михайлович – к.и.н., доцент (Российско-украинский научно-исследовательский центр Краснодарской краевой общественной организации «Содружество Кубань – Украина», издательство «ЕММА», Краснодар)

Агеева Валентина Анатольевна – к.и.н., доцент (Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) «Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)», Таганрог)

Акаев Вахид Хумидович – д.филос.н. (Академия наук Чеченской Республики, Грозный)

Аллаев Набиюлла Меджидович – к.и.н. (Министерство культуры Республики Дагестан, Управление по государственной охране, сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия, Махачкала)

Апанасенко Николай Николаевич (Аксайский военно-исторический музей, Аксай)

Афанасенко Владимир Иванович (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Ачугба Теймураз Алиевич – д.и.н., профессор, академик АН Абхазии (Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум)

Багдасарян Сусанна Джамиловна – к.и.н., доцент (Сочинский государственный университет, Сочи)

Баранов Андрей Владимирович – д.и.н., д.п.н., профессор (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Безугольный Алексей Юрьевич – к.и.н. (Научно-исследовательский институт военной истории ВАГШ ВС РФ, Москва)

Белецкая Екатерина Михайловна – к.филол.н., доцент (независимый исследователь, Черногубово)

Белоусов Сергей Степанович – к.и.н. (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Элиста)

Бирюкова Юлия Александровна – к.и.н., доцент (Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; Общецерковная аспирантура и докторантура им. Свв. Кирилла и Мефодия, Фонд возрождения сельских храмов памяти свмч. Захарии (Лобова), Шахты)

Броварь Александр Витальевич – д.и.н. (Донбасская юридическая академия, Донецк)

Бубличенко Владимир Николаевич – к.и.н. (Ухтинский государственный технический университет, Сосногорск)

Васильев Игорь Юрьевич – к.и.н. (Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУ КК«Кубанский казачий хор», Краснодар)

Великанов Владимир Сергеевич – к.э.н. (Фонд «Русские витязи», Редакция военно-исторического журнала «Старый цейхгауз», Москва)

Венков Андрей Вадимович – д.и.н. (ЮНЦ РАН)

Владимирова Екатерина Денисовна (Центр документации новейшей истории Волгоградской области, Волгоград)

Волошин Виктор Анатольевич (независимый исследователь, краевед, Таганрог)

Воскобойников Сергей Георгиевич – к.и.н. (Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону)

Гаевская Жанна Юрьевна (Центр документации новейшей истории Волгоградской области, Волгоград)

Гапуров Шахрудин Айдиевич – д.и.н. (Академия наук Чеченской Республики, Грозный)

Гаража Наталия Алексеевна – к.и.н., доцент (Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Новороссийск)

Гармышев Денис Александрович (Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону)

Гациева Таита Исраиловна – к.и.н. (Чеченский государственный педагогический институт, Грозный)

Головина Евгения Леонидовна (Центр документации новейшей истории Волгоградской области, Волгоград)

Горюшина Евгения Михайловна (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Гуров Максим Иванович – к.и.н., доцент (Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) «Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)», Таганрог)

Деордиева Анжела Николаевна – к.и.н. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Емельянов Олег Борисович – к.и.н. (Ставропольский государственный педагогический институт (филиал в г. Ессентуки), Ессентуки)

Емельянов Никита Олегович (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург)

Есип Игорь Михайлович – к.и.н., доцент (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) в г. Ялте, Ялта)

Жигулин Алексей Михайлович (Совет адвокатов Донецкой Народной Республики, Донецк)

Жилина Антонина Игоревна (Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) «Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)», Таганрог)

Журтова Анжела Ариковна (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик)

Заблотский Александр Николаевич (Таганрогский авиационный научно-технический комплекс им. Г.М. Бериева, Таганрог)

Захаревич Алексей Владимирович – к.и.н., доцент (Ростовское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Ростов-на-Дону)

Иванова Светлана Юрьевна – д.филос.н., профессор (ЮНЦ РАН, Ставрополь)

Кедрова Ирина Владимировна – к.пед.н., доцент (Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону)

Кирповская Ника Сергеевна (Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) «Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)», Таганрог)

Киселёв Илья Викторович – к.и.н. (Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова, Краснодар)

Кияшко Никита Витальевич (Комиссия по канонизации святых Екатеринодарской епархии, Москва)

Клычников Юрий Юрьевич – д.и.н., профессор (Кавминводский государственный университет (ПГЛУ), Пятигорск)

Корниенко Татьяна Анатольевна – к.и.н., доцент (Кубанский государственный университет, филиал в г. Армавире, Армавир)

Кошман Юлия Александровна (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Кратова Наталья Васильевна – к.и.н., доцент (Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, Черкесск)

Кринко Евгений Федорович – д.и.н. (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Кудряков Андрей Юрьевич (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Поисковое объединение «Миус-Фронт», Ростов-на-Дону)

Кузьминов Петр Абрамович – д.и.н., доцент (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик)

Култышев Павел Геннадьевич – к.и.н. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Ларинцев Роман Иванович (Производственное объединение «Северное машино-строительное предприятие», Северодвинск)

Левендорская Людмила Валентиновна (Центр документации новейшей истории Ростовской области, Ростов-на-Дону)

Лепкова Елена Александровна (Волгоградский государственный медицинский университет; Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», Волгоград)

Лохова Татьяна Владимировна – к.и.н. (Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Новороссийск)

Магомаев Ваха Хасаханович – д.и.н. (Академия наук Чеченской Республики, Грозный)

Максимов Константин Николаевич – д.и.н., профессор (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Элиста)

Малышева Галина Евгеньевна (Российский государственный архив кинофотодокументов, Красногорск)

Матвеев Олег Владимирович – д.и.н., профессор (Кубанский государственный университет, Краснодар)

Матишов Геннадий Григорьевич – академик РАН (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Медведев Максим Валерьевич (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Мерзляков Михаил Петрович (Раздорский этнографический музей-заповедник, Раздорская)

Моисеев Александр Михайлович – д.ю.н., профессор (Донбасская юридическая академия, Донецк)

Муртазаев Арсен Омарович – к.и.н. (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала)

Мухаметшина Ксения Рустамовна (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Никадимов Дмитрий Алексеевич – (Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) «Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)», Таганрог)

Никулина Екатерина Леонидовна (Кубанский государственный медицинский университет Минздрава РФ, Краснодар)

Новожилова Инна Олеговна (Таганрогский филиал ГКУ РО «Государственный архив Ростовской области», Таганрог)

Оленский Борис Иванович – к.филол.н. (Кубанский социально-экономический институт, Краснодар)

Очиров Уташ Борисович – д.и.н. (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Элиста)

Панарина Елена Владимировна – д.и.н. (Армавирский государственный педагогический университет, Армавир)

Перетятько Артем Юрьевич – к.и.н. (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация, Лаборатория военных исследований, Ростов-на-Дону)

Петрова Нина Константиновна – д.и.н. (Институт российской истории РАН, Москва)

Платицына Татьяна Вячеславовна – к.и.н., доцент (Анапский филиал Московского педагогического государственного университета, Анапа)

Полякова Елена Алексеевна (БИЦ – филиал № 10 Централизованной библиотечной системы г. Таганрога, Таганрог)

Ракочий Сергей Викторович (независимый исследователь, краевед, Таганрог)

Ревизская Юлия Александровна (Донбасская юридическая академия, Донецк)

Санин Дмитрий Николаевич (Егорлыкский историко-краеведческий музей, Егорлыкская)

Седых Наталья Сергеевна – к.филос.н. (Южный федеральный университет, ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Сивков Сергей Михайлович – к.и.н., доцент (Южный институт менеджмента, Краснодар)

Сидоров Сергей Григорьевич – д.и.н., профессор (Волгоградский государственный университет, Волгоград)

Скорик Александр Павлович – д.и.н., д.филос.н., профессор (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск)

Степаньян Олег Владимирович – к.б.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Судавцов Николай Дмитриевич – д.и.н., профессор (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Судоргин Николай Геннадьевич – к.хим.н. (Региональный общественный фонд содействия социально-экономическому развитию «Танаис», Ростов-на-Дону)

Табунщикова Людмила Викторовна – к.и.н. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Такова Александра Николаевна – к.и.н. (Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, Нальчик)

Татаринов Игорь Евгеньевич – к.и.н. (Луганский государственный университет им. В.Даля, Луганск)

Тигиев Чермен Васильевич – (Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ)

Тикиджьян Руслан Геннадьевич – к.и.н., доцент (Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону)

Титаренко Дмитрий Николаевич – д.и.н., доцент (Донецкий юридический институт, Кривой Рог)

Трапш Николай Алексеевич – к.и.н., доцент (Государственный архив Ростовской области, Ростов-на-Дону)

Трут Владимир Петрович – д.и.н., профессор (Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону)

Урушадзе Амиран Тариелович – к.и.н. (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Ушаков Виктор Борисович (Ростовский областной музей краеведения, Ростов-на-Дону)

Федоровский Юлий Рудольфович – к.и.н. (Луганский государственный университет им. В.Даля, Луганск)

Хубулова Светлана Алексеевна – д.и.н., профессор (Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ)

Хубулова Дзерасса Валерьевна – (Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований ВНЦ РАН и Правительства Республики Северная Осетия – Алания, Владикавказ)

Чигиринская Кира Борисовна (Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», Волгоград)

Чуцков Виктор Иванович (Ростовский духовно-патриотический центр Святого Георгия Победоносца, Ростов-на-Дону)

Шадрина Алла Валерьевна – к.и.н. (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

Шафранова Ольга Ивановна – к.и.н., доцент (Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь)

Шахалиева Фатима Борисовна (Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик)

Шендрикова Снежана Павловна – д.и.н., профессор (Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь)

Шпагин Сергей Алексеевич (Российский научно-просветительный центр «Холокост», гимназия «Ор Авнер», Ростов-на-Дону)

Якунин Вадим Николаевич – д.и.н. (Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти)

Научное издание

ЮГ РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ В ВОЙНАХ И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием
Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г.

Редакторы: *Е.Ф. Кринко, Н.А. Власкина, О.А. Гром*
Технические редакторы: *А.А. Яковлева, А.С. Бабаева*
Перевод *О.А. Гром*
Оригинал-макет *Н.А. Власкина*
Дизайн обложки *М.А. Болдырев*

Подписано в печать 07.06.2016
Формат 70×100/16. Гарнитура Pt Serif.
Бумага офсетная. Печать цифровая
Печ.л. 39. Тираж 150 экз.

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, без письменного разрешения редакции.

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел.: (863)250-98-21

Отпечатано в типографии «Печатная лавка»
344068, Россия, г. Ростов-на-Дону,
ул. Евдокимова, 37 г
Тел.: (863)256-45-15, (863)221-35-10
E-mail: printlavka@yandex.ru